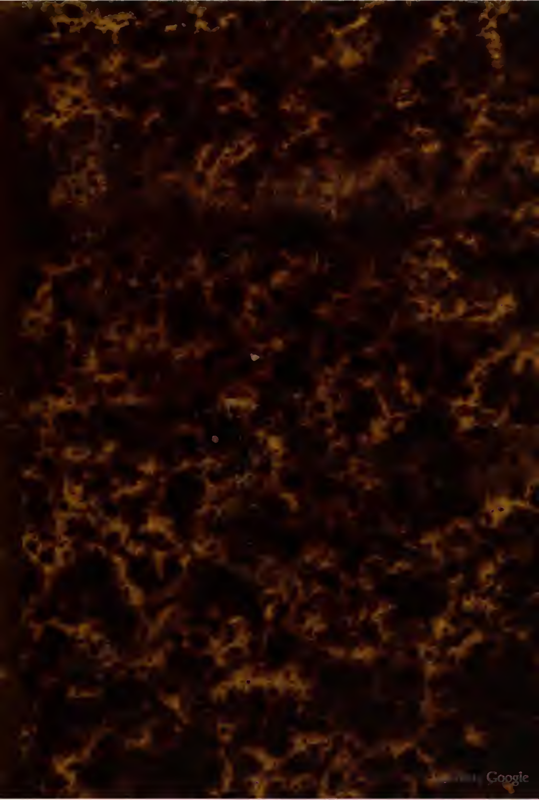

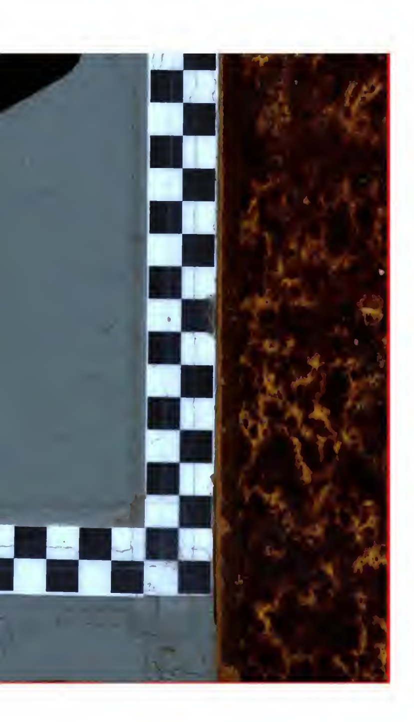

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ

А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ 30 марта 1862 года.

Ценсоръ Бекеляго.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. НАРОДЫ ГРЕКО-РИМСКАГО ПЕРІОДА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. Народы греко-римскаго періода. (Продолженіе).

XI. Исторія послѣднихъ временъ греческаго міра.

Исторія Римлянъ.

I. Вступленіе.

II. Исторія Италіи до основанія Рима.

VII. Исторія Кареагена и Сициліи до первой пунической войны

VIII. Время пуническихъ войнъ.

IX. Отъ появленія на политическомъ поприщѣ обоихъ Гракховъ до смерти Суллы

XI. ИСТОРІЯ

ПОСЛѢДНИХЪ ВРЕМЕНЪ ГРЕЧЕСКАГО МІРА.

---

1. Сирія или царство Селевкидовъ.

Изъ полководцевъ Александра Великаго, боровшихся за обладаніе оставшеюся послѣ него монархіею, двое не только удержали за собою власть, но и передали ее своимъ наслѣдникамъ: Птолемей — въ Египтѣ и Селевкъ — въ Сиріи и странахъ лежащихъ къ востоку отъ нея. Основаніемъ грековосточныхъ царствъ они пріобрѣли такое же значеніе для востока, какъ и для Греціи; столицы ихъ владѣній сдѣлались центрами, вокругъ которыхъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вращалась внутренняя и внѣшняя жизнь греческаго міра. Къ тому же около времени битвы при Ипсѣ существованіе обоихъ царствъ было уже упрочено, тогда какъ судьба Греціи и Македоніи еще долго оставалась нерѣшенною.

Селевкъ I, прозванный Никаторомъ, т. е. Побѣдоносным, подобно Птолемею, одинъ изъ всѣхъ греческихъ полководцевъ обладалъ качествами, необходимыми для царя. Получивъ, при раздѣлѣ Трипарадиса (т. II стр. 426), намѣстничество Вавилонію, онъ былъ изгнанъ оттуда Антигономъ въ 316 г. до р. Х., но снова возвратился туда въ 312 г. и, сохранивъ съ того вре-

мени обладаніе Вавилоніей, положилъ основаніе Сирійскому царству Селевкидовъ. 312 годъ до р. Х. сдѣлался началомъ новаго лѣтосчисленія, бывшаго долгое время въ употребленіи въ странахъ Тигра и Эвфрата, и названнаго эрою Селевкидовъ. Въ продолженіе девяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за миромъ, заключеннымъ въ 311 г. до р. Х. между Антигономъ и его противниками, Селевкъ не принималъ никакого участія въ борьбѣ прочихъ полководцевъ за обладаніе переднею Азіею и Европою, и воспользовался этимъ временемъ для расширенія и упроченія своего владычества. Сѣверные предѣлы его владѣній простирались до рѣки Яксарта, а съ востока онъ проникъ въ Индію далѣе самого Александра. По смерти царя Пора властителемъ Индіи сдѣлался Сандракоттъ (какъ называютъ его греки), распространившій свое царство отъ рѣки Инда до Бенгаліи. Селевкъ напалъ на него и проникъ до его столицы Палиботры, находившейся, по изслѣдованіямъ однихъ ученыхъ недалеко отъ Кануджа, а, по мнѣнію другихъ, гораздо восточнѣе, на мѣстѣ нынѣшней Патны, и имѣвшей около двухъ нѣмецкихъ миль въ длину. Умный Селевкъ слѣдовалъ въ Индіи политикѣ Александра : онъ оставилъ за Сандракоттомъ его владѣнія, приказалъ грекамъ, поселеннымъ въ Индіи Александромъ и имъ самимъ, сопровождать новаго царя въ его походахъ, и удовольствовался одними изъявленіями дружбы со стороны послѣдняго. Сандракоттъ сдѣлалъ Селевку богатые подарки, и между прочимъ подарилъ отъ четырехъ до пятисотъ слоновъ, оказавшихъ ему впослѣдствіи важныя услуги въ сраженіи при Ипсѣ. Сандракоттъ и его преемники оставались въ продолженіе шестидесяти лѣтъ вассалами Селевкидовъ; возникшія вслѣдствіе того болѣе частыя сношенія грековъ съ Индіею были причиною появленія нѣсколькихъ греческихъ сочиненій, распространившихъ много сказочныхъ разсказовъ объ Индіи. Мегастенъ и Даимахъ, — сопутствовавшіе Александру въ его походахъ и впослѣдствіи посѣтившіе Палиботру въ качествѣ посланниковъ Селевка, — вмѣстѣ съ Онесикритомъ и Неархомъ были главными

виновниками распространенія этихъ басень: они старались польстить праздному любопытству и возбужденному воображенію своихъ соотечественниковъ самыми невѣроятными небылицами, и не стыдились разсказывать о томъ, что въ Индіи живутъ одноглазые люди, не имѣющіе ни рта ни носа, карлики вышиною только въ три пяди, и великаны въ девять футовъ ростомъ.

Подобнымъ образомъ Селевкъ упрочилъ за собою и всѣ остальныя завоеванія Александра на востокѣ, и былъ уже властелиномъ всѣхъ восточно-азіатскихъ провинцій монархіи Александра, когда снова принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ запада въ послѣднюю войну противъ Антигона. Когда въ 306 г. онъ потребовалъ отъ грековъ и македонянъ, чтобы они признали за нимъ царскій титулъ, жители востока давно уже считали его своимъ царемъ. Онъ сблизился съ ними, женившись, еще при жизни Александра, на одной персидской принцессѣ, Апамѣ, отъ которой родился его любимый сынъ и преемникъ Антіохъ I. Задушевною мыслью Селевка было перенести въ Азію греческую жизнь и греческій бытъ. Но сознавая какъ трудно доставить греческому элементу перевѣсъ на дальнемъ востокѣ, онъ раздѣлилъ свое обширное царство на двѣ части — восточную и западную, и отдалъ первую нѣжно любимому имъ Антіоху. Отношенія Селевка къ сыну представляютъ самый рѣзкій контрастъ съ запятнанною раздорами и убійствами семейною жизнью другихъ полководцевъ Александра. Онъ даже уступилъ ему свою вторую жену Стратонику, дочь Димитрія, когда Антіохъ, опасно заболѣвъ отъ любви къ ней, по увѣренію врача, могъ быть спасенъ только женитьбою на своей мачихѣ. Сынъ всегда выказывалъ безусловную преданность отцу, и присоединилъ къ нему свои войска, когда Селевкъ двинулся противъ Лисимаха.

Селевкъ всегда предпочиталъ греческіе обычаи всей роскоши востока, и старался вводить ихъ на всемъ пространствѣ своего обширнаго царства. Это стремленіе Селевка имѣло самое благодѣтельное вліяніе на среднюю и западную Азію, гдѣ его начинанія

пустили глубокіе корни. Благодаря ему, народы, съ незапамятныхъ временъ подавленные игомъ деспотизма, пришли въ самое тѣсное прикосновеніе съ націею, которая всегда признавала и уважала права человѣка, и требовала участія въ управленіи и законодательствѣ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ издревле господствовали произволъ и безусловное повиновеніе. Энергія элленовъ оживила древнее азіатское безсиліе; греческое искусство, греческая наука и греческое трудолюбіе распространились до самой Индіи. Однообразіе восточной жизни исчезло, уступивъ мѣсто оживленной общественной дѣятельности и болѣе возвышеннымъ стремленіямъ. Въ деспотическомъ государствѣ возникло множество цвѣтущихъ городовъ, сдѣлавшихся средоточіями торговли, искусства и гражданской свободы. Основаніе такихъ городовъ, число которыхъ невозможно опредѣлить въ точности, было одною изъ самыхъ плодотворныхъ отраслей политической дѣятельности Селевка; нѣкоторыя изъ этихъ поселеній играли въ позднѣйшіе вѣка роль всемірныхъ столицъ.

Большая часть этихъ городовъ не были вновь основаны имъ, а только распространены, украшены и заселены по его приказанію, но впервые получили они значеніе по перенесеніи въ нихъ греческой жизни. Шестнадцать городовъ онъ назвалъ по имени своего отца Антіоха — Антіохіями, пять, по имени своей матери, Лаодикеями; девять — Селевкіями, и наконецъ четыре по именамъ своихъ женъ: три Апамеями и одинъ — Стратоникеею; другіе были названы именами греческихъ или македонскихъ городовъ или получили свои наименованія отъ подвиговъ Александра Великаго и самого Селевка. Важнѣйшіе изъ этихъ городовъ: Селевкія и Антіохія на Оронтѣ въ Сиріи, Селевкія на Тигрѣ, Апамея и Лаодикея въ Малой Азіи и Сиріи.

Антіохія на Оронтѣ, нынѣшняя Антакія, была основана Селевкомъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ овладѣлъ Сиріей. Когда Селевкъ раздѣлилъ свое царство съ сыномъ, городъ этотъ сдѣлался столицею западной половины государства, а царство Се-

левкидовъ стало называться Сирійскимъ. Антіохія, скоро достигшая громадныхъ размѣровъ и имѣвшая наконецъ $2^1/_2$ нѣмецкихъ мили въ окружности, пріобрѣла огромное значеніе еще при Селевкидахъ, а впослѣдствіи, при распространеніи христіанства, сдѣлалась одною изъ столицъ древняго міра. Первоначальное населеніе Антіохіи было чисто греческое и состояло большею частью изъ аѳинянъ, переселенныхъ Антипатромъ (т. II, стр. 436) во Ѳракію, а оттуда переведенныхъ Антигономъ въ Сирію. Къ нимъ присоединились позднѣе нѣкоторые туземцы и другіе греки. Жители Антіохіи всегда отличались легкомысліемъ, расточительностью, остроуміемъ, изящнымъ аттическимъ греческимъ нарѣчіемъ и любовью къ литературѣ и искусству. Недалеко отъ Антіохіи лежало загородное увеселительное мѣсто Дафне, знаменитое мѣстоположеніемъ, роскошными празднествами и храмомъ, въ которомъ совершалось мистическое богослуженіе; съ распространеніемъ христіанства оно сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе посѣщавшихся христіанами мѣстъ богомолья. — Селевкія при устьи Оронта, называемая, въ отличіе отъ другихъ городовъ того же имени, Селевкіею въ Піэріи, была морскою гаванью Антіохіи и соперничала съ послѣднею величиною и пышностью. Къ югу отъ этихъ городовъ находились сирійская Лаодикея и сирійская Апамея: первая прославилась винодѣліемъ и цвѣтущею торговлею, перешедшею туда изъ Финикіи, вторая имѣла значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Внутри линіи своихъ укрѣпленій Апамея заключала столько воздѣланной земли, что многочисленный гарнизонъ ея могъ выдержать продолжительную осаду; окруженный плодоносною мѣстностью городъ этотъ былъ главнымъ мѣстомъ расположенія сирійскаго войска и царскихъ конскихъ заводовъ.

Селевкія на Тигрѣ, сдѣлавшаяся по раздѣлѣ царства столицею Антиоха I, безспорно, была важнѣйшимъ изъ городовъ, основанныхъ Селевкомъ. Она лежала на разстояніи четырехъ миль отъ древняго Вавилона, исчезнувшаго изъ исторіи по переселеніи

его жителей въ Антіохію. Эти вавилоняне, составлявшіе вмѣстѣ съ другими туземцами первоначальное населеніе Селевкіи, слились съ греками, переселенными туда Селевкомъ. Основатель города тотчасъ же даровалъ его жителямъ право полнаго самоуправленія, и собственно этимъ свободнымъ учрежденіямъ Селевкія, подобно другимъ полугреческимъ городамъ въ Азіи, обязана была своимъ процвѣтаніемъ. Вся масса поселенныхъ тамъ варваровъ усвоила себѣ греческій образъ жизни и греческія понятія о свободѣ, насколько это было возможно при тогдашнихъ нравахъ и порядкѣ вещей. Постоянно возраставшее благосостояніе и многочисленность жителей сдѣлали Селевкію столицею всей страны отъ Эвфрата до Индіи, впродолженіе нѣкотораго времени она была даже однимъ изъ первыхъ городовъ въ свѣтѣ, послѣ Рима и Александріи. Во время упадка могущества Селевкидовъ въ нее стали собираться всѣ жители греческихъ поселеній на Эвфратѣ и Тигрѣ, и такимъ образомъ Селевкія продолжала увеличиваться по мѣрѣ того какъ Сирійское царство клонилось къ упадку. Впрочемъ въ позднѣйшія времена Селевкія, вслѣдствіе соперничества сосѣдняго города Ктесифона, начала быстро терять прежній блескъ и вскорѣ совсѣмъ исчезла съ лица земли: одни только развалины указываютъ теперь мѣсто, гдѣ нѣкогда лежалъ многолюдный городъ. — Города Апамея и Лаодикея въ Малой Азіи, основанные въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ Фригіи, вслѣдствіе сильнаго развитія своей торговли, сдѣлались важнѣйшими городами западной Азіи; Апамея считалась, послѣ Эфеса, главнѣйшимъ торговымъ пунктомъ Малой Азіи. Оба эти города часто страдали отъ землетрясеній, но всегда вновь возникали изъ развалинъ. Наконецъ богатые жители Апамеи оградили себя отъ этой опасности, устроивъ, цѣною гигантскихъ усилій и громадныхъ издержекъ, своды подъ цѣлымъ городомъ.

Какъ блистательны были подвиги основателя сирійской династіи, такъ жалка и позорна была исторія его преемниковъ. Почти всѣ они отличались направленіемъ противополож-

нымъ стремленіямъ Селевка Никатора. Уже правленіе его сына Антіоха I,—названнаго за одну изъ своихъ побѣдъ Сотеромъ или Спасителемъ, и снова соединившаго обѣ части царства Селевкидовъ, — было рядомъ униженій и имѣло восточный характеръ. Онъ лишился Каппадокіи, Понта, Виѳиніи и Пергама въ Малой Азіи, велъ весьма неудачную войну съ Египтомъ, а въ своемъ семействѣ былъ свидѣтелемъ событій, постоянно повторяющихся въ исторіи восточныхъ династій и составлявшихъ такой разительный контрастъ съ его собственными отношеніями къ Селевку: старшій сынъ Антіоха былъ казненъ за покушеніе на жизнь своего отца. Со смертью Антіоха I (261 г. до р. Х.) при дворѣ Селевкидовъ получаетъ господство образъ жизни и система управленія, въ которыхъ не узнаешь болѣе слѣдовъ греческаго происхожденія династіи и того историческаго направленія, которое хотѣлъ придать своему царству его основатель. Оставивъ греческую образованность и энергію, владѣтели Сиріи впали въ изнѣженность, расточительность и деспотизмъ востока; главными характеристическими чертами Селевкидовъ были распутство и самая гнусная система управленія.

Сынъ и преемникъ Антіоха I, Антіохъ II, которому граждане Милета дали прозвище Бога, въ благодарность за избавленіе ихъ отъ одного тиранна, царствовалъ пятнадцать лѣтъ, предоставивъ все управленіе государствомъ двумъ своимъ недостойнымъ и наглымъ любимцамъ, братьямъ Темисону и Аристу, уроженцамъ Кипра. Наглость этихъ правителей была такъ велика, что они даже хвастались распутствомъ; греки же, жившіе въ Сиріи, вели себя въ отношеніе царя и его любимцевъ еще отвратительнѣе, чѣмъ аѳиняне въ отношеніе Димитрія Поліоркета. Темисонъ велѣлъ всенародно провозгласить себя Богомъ, и первые вельможи царства офиціально приносили ему, какъ Геркулесу Темисону, жертвы, которыя онъ принималъ лежа на подушкѣ, завернутый въ львиную шкуру, съ палицею въ рукѣ. Самъ царь былъ безстыдный развратникъ, преданный пьянству и гнуснѣйшимъ порокамъ; вся жизнь его проходила во снѣ, пьянствѣ и другихъ

чувственныхъ наслажденіяхъ, а его пиры роскошью превосходили даже расточительность прежняго персидскаго двора. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его царствованіе главную роль играли негодяи, что убійства и отравленія стали дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, и Антіохъ лишился почти половины своихъ владѣній, потому что большинство намѣстниковъ походило на своего царя. Въ его царствованіе отложилась Бактрія, и образовала самостоятельное государство; почти въ то же время возстановили свою независимость воинственные пареяне, и расширили свое государство владѣніями Селевкидовъ. Къ концу жизни Антіоха II убійства слѣдуютъ одно за другимъ, и повсемѣстно вспыхиваютъ возстанія. Сначала умираетъ онъ самъ, отравленный отверженною имъ первою женою, Лаодикою, потомъ жертвою ея мстительности дѣлается его вторая жена, Береника, со всѣми своими дѣтьми и приверженцами; вслѣдъ за тѣмъ отпадаютъ всѣ города Малой Азіи, въ то время какъ египтяне занимаютъ южныя провинціи его царства, а сѣверныя области опустошаются набѣгами разбойничьихъ ордъ галловъ, перешедшихъ въ Малую Азію изъ Ѳракіи; наконецъ погибаетъ сама Лаодика, и новый царь, ея сынъ, долженъ скитаться нѣкоторое время, какъ изгнанникъ. Преемникъ Антіоха II, Селевкъ II, прозванный въ насмѣшку Каллиникомъ, вѣнчаннымъ побѣдою, царствовалъ съ 246 по 227 г. до р. Х., среди безпрерывныхъ войнъ и внутреннихъ смутъ, долженъ былъ вести продолжительную войну со своимъ братомъ, желавшимъ свергнуть его съ престола, и наконецъ попалъ въ плѣнъ къ пареянамъ, гдѣ и оставался нѣкоторое время. Его сынъ и преемникъ Селевкъ III, прозванный, неизвѣстно почему, Кèравномъ, (молніею) умеръ въ 223 году до р. Х.

Мы не станемъ подробно разсказывать исторію Селевкидовъ, потому что общій характеръ ихъ управленія и образа жизни оставался неизмѣннымъ со смерти перваго изъ Селевкидовъ. Онъ измѣнился отчасти только при братѣ и преемникѣ Селевка III, Антіохѣ III или Великомъ, въ правленіе котораго Сирійское

царство снова пріобрѣло нѣкоторую силу и значеніе; но судьба Сиріи при Антіохѣ и его преемникахъ можетъ быть разсказана только въ связи съ событіями римской исторіи.

2. Царства: Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ, Виѳинія и Пергамъ.

Династія Селевкидовъ, рано утративъ свой греческій характеръ и впавъ въ сластолюбіе и деспотизмъ восточныхъ владыкъ, скоро лишилась большей части своихъ владѣній; царство ея подъ конецъ ограничивалось одною Сиріею и странами къ востоку отъ нея. Разложеніе монархіи Селевкидовъ повело за собой возвышеніе прежде существовавшихъ въ Малой Азіи государствъ Каппадокіи, Пафлагоніи, Понта и Виѳиніи и возникновеніе новыхъ царствъ Пергама и Галатіи; греческіе города отъ Селевкіи на Тигрѣ до Византіи съ одной стороны и Египта съ другой только выиграли отъ упадка Сирійскаго царства. Всѣ элементы греческой цивилизаціи къ сѣверу и востоку отъ Селевкіи на Тигрѣ, за исключеніемъ Бактрійскаго царства, были уничтожены дикими парѳянами, но за то они достигли тѣмъ высшей степени процвѣтанія въ Селевкіи и городахъ къ западу отъ нея. Составляя, подобно прежнимъ нѣмецкимъ имперскимъ городамъ, особыя государства въ государствѣ, города эти не могли много терпѣть отъ неспособности сирійскихъ царей и ихъ правителей. Слабость центральнаго правительства мало вредило имъ; они чувствовали притѣсненія только тогда, когда правленіе переходило въ руки энергическаго деспота, и находили въ своей цвѣтущей торговлѣ богатое вознагражденіе за грабежи, которымъ нерѣдко подвергались во время войнъ. Многіе изъ греческихъ городовъ сдѣлались вскорѣ совершенно независимыми или подчинились сирійскимъ намѣстникамъ, но, и подъ властію послѣднихъ, большинство изъ нихъ удержали за собою свои муниципальныя права и, среди частыхъ общественныхъ переворо-

товъ, сохранили и свой прежній блескъ, и основанія своего политическаго устройства.

Изъ числа коренныхъ туземныхъ племенъ Малой Азіи, исавры постоянно оставались разбойничьимъ народомъ, подобно арнаутамъ, черкесамъ и другимъ полуобразованнымъ народамъ нашего времени. Жители Киликіи, Памфиліи, Ликіи и Каріи, большею частью состоявшіе подъ верховнымъ владычествомъ Египта, управлялись собственными законами, находясь подъ властію туземныхъ владѣтелей или сохраняя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ республиканское устройство. Почти всѣ внутреннія страны Малой Азіи принадлежали туземнымъ властителямъ. Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ, и Виѳинія, составлявшіе прежде наслѣдственныя персидскія сатрапіи, сдѣлались при Селевкидахъ совершенно независимыми. Но и эти царства варваровъ, испытавъ вслѣдствіе походовъ Александра важные внутренніе перевороты, подчинились преобладанію греческихъ учрежденій. Властители ихъ, покоривъ греческія приморскія колоніи, ввели при посредствѣ ихъ жителей греческіе обычаи между своими подданными, и помощью греческой науки и искусства подняли свои государства на высокую степень благосостоянія. Благосостояніе это было тѣмъ прочнѣе, что власть правителей, опиравшаяся на религію, была непоколебима и не подвергалась никакимъ опасностямъ со стороны могущественныхъ сосѣдей.

При Александрѣ и въ ближайшее время по его смерти Каппадокія и Пафлагонія находились подъ властью одной и той же династіи. Только въ эпоху Селевкида Антіоха III въ Пафлагоніи появляются снова отдѣльные властители, то независимые, то подчиненные повелителямъ Понта или Виѳиніи. Цари Каппадокіи, производившіе свой родъ отъ Кира Старшаго, по большей части назывались Аріаратами. По завоеваніи Персидской монархіи Александромъ они удержали за собою власть, и хотя потомъ Аріаратъ II былъ побѣжденъ и убитъ Эвменомъ (т. II, стр. 423), но сынъ его Аріаратъ III, бѣжавшій тогда въ Арме-

нію, впослѣдствіи возвратилъ себѣ большую часть своихъ владѣній. Когда Селевкъ I подчинилъ себѣ всю азіатскую часть монархіи Александра, Аріаратъ, подобно царямъ Виѳиніи и Понта, призналъ его своимъ верховнымъ главою. По смерти Селевка эта связь рушилась, владѣтели Каппадокіи сдѣлались независимыми, и только иногда вступали въ брачные союзы съ Селевкидами. Хотя по смерти Александра греческіе обычаи и учрежденія укоренились въ Каппадокіи и другихъ царствахъ, но тамъ продолжали существовать наслѣдственныя жреческія владѣнія, возникшія съ незапамятныхъ временъ. Они составляли небольшія храмовыя государства, имѣвшія центромъ какой нибудь особенно священный храмъ; жители ихъ считались крѣпостными жрецовъ. Государства эти получили въ исторіи особое значеніе потому, что между ними существовала особенная связь, дававшая съ давнихъ временъ опредѣленное направленіе азіатской торговлѣ. Такъ какъ главные храмовые праздники были соединены съ ярмарками, то храмы эти служили проводниками весьма важнаго для исторіи культуры движенія, посредствомъ котораго идеи востока перешли въ греческія колоніи Малой Азіи, а оттуда и въ собственную Грецію. Эти жреческія владѣнія продолжали существовать и въ позднѣйшія времена до самаго рождества Христова. По своему внутреннему устройству и существованію этихъ жреческихъ владѣній, Каппадокія походила на средневѣковыя государства Европы; эти храмовыя государства можно сравнить съ богатыми и могущественными аббатствами христіанскихъ государствъ, а кромѣ того въ Каппадокіи было множество воинственныхъ бароновъ или вассаловъ, которымъ была подчинена остальная масса народа. Царь или верховный феодальный глава (сюзеренъ) страны жилъ въ своей древней резиденціи Мазакѣ, какъ въ военномъ лагерѣ; городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ замками, расположенными на вершинахъ горъ, и принадлежавшими самому царю или знатнѣйшимъ его вассаламъ. Впрочемъ греческій элементъ такъ глубоко проникъ въ Каппадокію, что около р. Х. въ столицѣ ея Мазакѣ были введены

законы Харонда (т. I стр. 259) и жители ея, не смотря на верховную власть царя, пользовались самоуправленіемъ. Чтобы удержать въ памяти граждаиъ эти законы, жители Мазаки прибѣгли къ тому же способу, какъ и жители греческихъ городовъ Нижней Италіи и Сициліи: они переложили ихъ въ стихи, которые пѣли на общественныхъ празднествахъ, объясняя молодымъ людямъ всѣ непонятныя и устарѣлыя мѣста.

Понтъ до самой смерти Александра оставался совершенно варварскою страною. Цари его, также производившіе себя отъ Кира, были, подобно каппадокійскимъ владѣтелямъ, вассалами персидскаго царя; но въ Понтѣ обитали еще дикія племена почти столь же независимыя отъ царей Понта, какъ и отъ своего верховнаго феодальнаго главы въ Персіи. Лежавшія на берегу греческія колоніи были также независимы и владѣли каждая значительнымъ пространствомъ земли вокругъ самаго города. Цари Понта, носившіе чаще всего имена Митридатовъ, находились въ такихъ же отношеніяхъ къ Селевкидамъ, какъ и владѣтели Каппадокіи. Подчинивъ себѣ мало по малу греческіе приморскіе города, они перенесли въ свое царство греческіе нравы и образованность. Съ этого времени властители Понта принадлежатъ греческой исторіи болѣе, чѣмъ Селевкиды; первые все болѣе и болѣе переходили отъ варварства къ греческой образованности, послѣдніе, напротивъ того, все глубже и глубже погружались въ восточную роскошь и деспотизмъ. Мало по малу и полудикія горныя племена вошли въ составъ Понта, цари котораго съ свойственною грекамъ хитростью пользовались ихъ грубою энергіею для распространенія и утвержденія своего господства. Эти народы и жители всѣхъ внутреннихъ областей царства сохранили свои прежніе нравы и образъ жизни, при дворѣ же все сдѣлалось греческимъ. Впрочемъ подчиненіе греческихъ приморскихъ городовъ началось уже при Митридатѣ III, присоединившемъ къ своему царству Амастръ, который впослѣдствіи часто бывалъ резиденціею пон-

тійскихъ царей. Почти сто лѣтъ спустя (около 180 — 190 до р. Х.) Фарнакъ I, сынъ Митридата IV, завоевалъ Синопъ, самый цвѣтущій изъ греческихъ городовъ на южномъ берегу Чернаго моря, и съ того времени Понтійское царство начинаетъ приближаться къ высшей точки своего могущества. Богатый и многолюдный Синопъ сдѣлался столицею Понта, а флотъ этого города, съ того времени господствовавшій на Черномъ морѣ, сдѣлался флотомъ понтійскихъ властителей, поднявшихъ Синопъ на еще высшую степень процвѣтанія, и украсившихъ его, подобно другимъ греческимъ городамъ, памятниками искусства. Понтійское царство достигло наибольшаго своего могущества въ началѣ перваго столѣтія до р. Х., при внукѣ Фарнака Митридатѣ VI или Великомъ, казавшагося опаснымъ противникомъ даже для римлянъ, владѣвшихъ тогда почти всѣмъ древнимъ историческимъ міромъ.

Виѳинія, составлявшая во времена персовъ также наслѣдственную сатрапію, при самомъ началѣ похода Александра получила македонскаго намѣстника; но тогдашній владѣтель ея, Біантъ, удержался въ горахъ. Сынъ его Зипетъ по смерти Александра снова овладѣлъ всею страною, и поддерживалъ свою независимость противъ Лисимаха и другихъ македонскихъ властителей. Разрушеніе Лисимахомъ столицы Виѳиніи, Астака, имѣло своимъ послѣдствіемъ только принятіе царями Виѳиніи греческихъ нравовъ и греческаго политическаго устройства. Зипетъ основалъ на развалинахъ Астака новую столицу, имѣвшую съ самаго начала почти чисто греческое населеніе, а сынъ его Никомедъ I, по имени котораго городъ былъ названъ Никомедіею, старался выгодными условіями привлечь туда какъ можно больше греческихъ поселенцовъ. Виѳинскій дворъ сдѣлался совершенно греческимъ, и съ того времени греческій духъ руководитъ всею политикою царей, распространившихъ свои владѣнія до Пафлагоніи. Никомедія сдѣлалась одимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ востока, и сохраняла свой блескъ.

не только въ продолженіе всего періода древности, но и до самаго появленія въ Азію турокъ. Впрочемъ еще при внукѣ Никомеда I, Прусіи I, современникѣ Антіоха Великаго, виѳинскіе цари вошли въ прямыя сношенія съ римлянами, лишились своей самостоятельности, и мало по малу сдѣлались совершенными рабами ихъ.

Черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Александра, на ряду съ древними царствами Каппадокіи, Пафлагоніи, Понта и Виѳиніи возникло въ Малой Азіи новое царство, чисто греческаго происхожденія, имѣвшее для науки и искусства позднѣйшаго времени гораздо болѣе значенія, чѣмъ само царство Селевкидовъ. Это новое государство называлось Пергамскимъ по имени своей столицы, мизійскаго города Пергама. Основателемъ его былъ Филетеръ казнохранитель и намѣстникъ Лисимаха въ Пергамѣ. По умерщвленіи Агатокла (т. II, стр. 481) онъ перешелъ на сторону Селевка I, и когда вскорѣ послѣ того, по смерти послѣдняго, владычество Селевкидовъ пало во всей Малой Азіи, Филетеръ сдѣлался независимымъ владѣтелемъ. Войны, которыя тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ долженъ былъ вести сынъ и преемникъ Селевка I, дали возможность Филетеру завладѣть приморскими городами. Его племянникъ Эвменъ I, которому онъ оставилъ небольшія владѣнія, значительно расширилъ предѣлы своего государства. Третій владѣтель Пергама, Атталъ I, принялъ царскій титулъ, и сдѣлалъ свое царство одною изъ самыхъ могущественныхъ державъ Малой Азіи. Онъ и преемники его Эвменъ II, Атталъ II и Атталъ III пользовались, въ ущербъ своихъ сосѣдей, благосклонностью римлянъ, утвердившихся тогда въ Малой Азіи, но этимъ самымъ были поставлены въ такое положеніе, что сохраняли свои владѣнія только по милости римскаго сената, передъ которымъ они раболѣпствовали гораздо болѣе царей Виѳиніи.

Главное свое значеніе во всемірной исторіи Пергамское царство пріобрѣло только въ началѣ втораго столѣтія до р. Х., сдѣ-

лавшись однимъ изъ центровъ образованности, развившейся изъ соединенія греческаго быта съ восточнымъ. Въ Пергамскомъ царствѣ, въ составъ котораго вслѣдствіе завоеваній Аттала I и Эвмена II вошла почти вся Малая Азія, расцвѣла новая Греція. Оба эти царя, — время правленія которыхъ занимаетъ вторую половину втораго столѣтія до р. Х., — и ихъ ближайшій преемникъ Атталъ II соперничали съ властителями Египта въ покровительствѣ греческой образованности. Они увеличили привилегіи городовъ, поощряли искусства и науки, собирали книги и художественныя произведенія, и поддерживали художниковъ и ученыхъ. Туземныя племена мизійцевъ, фригійцевъ и др., составлявшія сельское населеніе, оставались внѣ этого культурнаго движенія, удержавъ свои прежніе нравы, языкъ, первобытную грубость и лѣность; жители же городовъ и лица, принимавшіе участіе въ управленіи, сдѣлались совершенно греками, и отличались живостью и дѣятельностью. Отпавъ отъ Лисимаха, Филетеръ присвоилъ себѣ ввѣренныя ему сокровища; преемники его не только сохранили ихъ въ цѣлости, но своимъ разумнымъ управленіемъ, заботливостью о торговлѣ и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами для пріобрѣтенія хорошихъ гаваней и торговыхъ городовъ, до того увеличили ихъ, что выраженіе сокровища Аттала вошло у римлянъ въ пословицу.

Сдѣлавшись владѣтелями обширнаго государства, пергамскіе цари стали стремиться къ блеску и славѣ также страстно и безумно, какъ и всѣ азіатскіе властители; но они умѣли соединить это стремленіе съ заботами о процвѣтаніи своей страны. Они поощряли развитіе промышленности и матеріальнаго благосостоянія, приглашали къ своему двору художниковъ и ученыхъ, щедро награждая и поддерживая ихъ, и сдѣлали Пергамъ однимъ изъ средоточій греческаго искусства и науки. Благодаря ихъ заботамъ Пергамское царство соперничало въ промышленномъ отношеніи въ Египтомъ, центромъ тогдашней греческой промышленности, а столица его Пергамъ, во второмъ столѣтіи до р. Х.,

сдѣлалась почти столь же важною для всемірной образованности, какъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ столица Египта. Эвменъ II основалъ знаменитую пергамскую библіотеку, содержавшую, какъ говорятъ, двѣсти тысячъ рукописей. Когда египетскіе Птолемеи, изъ зависти, запретили вывозъ папируса, изъ котораго выдѣлывалась общеупотребительная тогда писчая бумага, въ Пергамѣ начали употреблять вмѣсто него особеннымъ образомъ выдѣланныя кожи, получившія тогда названіе пергамской бумаги или пергамента, и сдѣлавшіяся новою значительною вѣтвію пергамской промышленности. Ученые, приглашенные Атталомъ I и его преемниками, занимались тѣми же родами литературы, какъ и александрійскіе, и сдѣлали Пергамъ столь же важнымъ какъ и Александрія мѣстомъ изученія математики, механики, астрономіи, мореходства и философіи. Оба города отличались множествомъ художественныхъ произведеній, сдѣланныхъ туземными художниками, или привезенными изъ другихъ странъ. Говоря о нѣкоторыхъ знаменитыхъ и дорогихъ картинахъ, писатели позднѣйшаго періода древности всегда называютъ пергамскихъ царей самыми щедрыми покровителями искусства. На ряду съ искусствомъ и наукою и отчасти въ связи съ ними процвѣтали въ Пергамѣ торговля и ремесла. Нѣкоторыя произведенія пергамской промышленности пользовались такою славою, что лучшія ткани, ковры и шитье римляне долгое время называли аттальскими.

3. Вторженіе галловъ во Ѳракію, Македонію и Грецію и Галльское царство въ Малой Азіи.

Въ третьемъ столѣтіи до р. Х. въ Малой Азіи возникаетъ, среди государствъ чисто греческаго происхожденія, новое варварское царство—Галатія, основанное кельтическими или галльскими ордами, проникшими въ Азію черезъ Ѳракію. Кельты или галлы около этого времени въ первый разъ получаютъ значеніе въ исторіи востока, и опустошительнымъ потокомъ вторгаются во

Ѳракію, Македонію, Грецію и Малую Азію, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ въ Среднюю Италію, гдѣ они проникаютъ до самаго Рима; поэтому необходимо сообщить здѣсь нѣкоторыя подробности объ этой группѣ народовъ, извѣстной подъ именемъ кельтической.

Народы эти составляютъ кельтическую или галльскую вѣтвь индоевропейской семьи, и уже въ самой глубокой древности обитали въ странѣ, названной по ихъ имени Галліею или въ нынѣшней Франціи и на Британскихъ островахъ. Они раздѣлялись на двѣ главныя группы: кимровъ и гадгеловъ. Первые жили во Франціи, Бельгіи, а частью въ Англіи и южной Шотландіи, гдѣ они назывались бриттами. Къ гадгеламъ же принадлежали только пикты или каледонцы, предки нынѣшнихъ шотландскихъ горцевъ, и скоты, родоначальники нынѣшнихъ ирландцевъ, покорившіе пиктовъ и давшіе свое имя сѣверной части острова Британніи. Галльская вѣтвь народовъ извѣстна во всемірной исторіи только своими странствованіями во всѣхъ странахъ свѣта. Въ древнѣйшей исторіи средней Европы кельты играютъ ту же роль, какъ и германцы въ послѣднія времена древняго міра. Причина внезапнаго вторженія кельтическихъ племенъ въ другія страны также мало извѣстна, какъ и причина позднѣйшаго переселенія германцевъ. Оба эти племени отличались воинственностью, оба чувствовали такъ часто испытываемое сѣверными натурами стремленіе на югъ, которому содѣйствовали повидимому ихъ отношенія къ сосѣднимъ племенамъ и другія случайныя обстоятельства, — вотъ все, что мы можемъ сказать положительнаго о причинахъ этихъ странствованій. Еще за пятьсотъ лѣтъ до р. Х., мы видимъ поселенія галловъ въ Испаніи. Около того же времени многочисленныя орды галловъ вторгнулись въ Верхнюю Италію и заняли эту страну, вытѣснивъ прежнихъ ея жителей. Галльскія племена Верхней Италіи, извѣстныя въ римской исторіи подъ именами сеноновъ, боіевъ инсубровъ и пр. часто производили набѣги на Среднюю Италію, пока наконецъ не были покорены римлянами. Когда эти толпы поселялись въ Италіи, дру-

гія орды галловъ двинулись на востокъ. Мало по малу они заняли Швейцарію и всю южную Германію до Дуная, откуда впослѣдствіи были вытѣснены германцами, поселились въ Венгріи и двинулись оттуда во Ѳракію, Македонію, Грецію и Малую Азію. Между народами, образовавшимися вслѣдствіе этого движенія галловъ на востокъ, для всемірной исторіи наиболѣе важны: гельветы, ретійцы, винделики, норики, боии и галаты.

Не смотря на такое распространеніе кельтическаго племени, оно совершенно исчезло: почти всѣ кельтическіе народы были истреблены или смѣшались съ другими народами. Только въ западной Англіи, сѣверной Шотландіи, Ирландіи, Бретани и части Альповъ сохранились еще чистые кельты. Обитающіе въ альпійскихъ долинахъ Граубиндена румоны или ладины, потомки древнихъ ретійцевъ, утратили кельтическій языкъ и говорятъ на особенномъ нарѣчіи, происходящимъ отъ латинскаго языка. Въ Англіи чистыхъ потомковъ древнихъ бриттовъ мы видимъ въ жителяхъ Уэльса, гдѣ даже сохранился ихъ языкъ, и корнвалійцахъ. Въ близкомъ племенномъ родствѣ съ ними состоятъ жители Нижней-Бретани, также говорящіе кельтическимъ — нижне-бретонскимъ языкомъ. Другіе потомки древнихъ кельтовъ ирландцы и горные шотландцы; большая часть первыхъ приняла англійскій языкъ, послѣдніе же сохранили кельтическій — такъ называемый эрскій или гельскій языкъ.

Отъ обозрѣнія всей кельтической группы народовъ вообще, возвратимся къ той вѣтви ихъ, которая образовала особое государство въ Малой Азіи. Еще во времена Александра Великаго одно племя кельтовъ проникло до южной Венгріи и Сербіи (т. II, стр. 296), а скоро послѣ того въ страны нижняго Дуная явились съ запада новыя, многочисленнѣйшія орды галловъ. Едва Лисимахъ успѣлъ, послѣ продолжительной борьбы съ другими полководцами Александра и туземными народами, упрочить за собою обладаніе своимъ царствомъ, какъ ему пришлось снова защищать свои владѣнія отъ вторженія галльскихъ ордъ. Онъ отра-

зилъ ихъ, но вскорѣ по его смерти новыя, многочисленнѣйшія толпы бродячихъ галловъ наводнили Ѳракію и Македонію (280 до р. X.). Они были раздѣлены на три главныя орды, подъ предводительствомъ Керетрія, Бренна и Бельгія. Птолемей Керавнъ, не за долго передъ тѣмъ овладѣвшій Ѳракіею и Македоніею (т. II, стр. 482), двинулся противъ толпы вторгнувшейся въ Македонію, но претерпѣлъ рѣшительное пораженіе (280 до р. X.). Онъ былъ убитъ, а войско его перебито или взято въ плѣнъ. Равнины Ѳракіи и Македоніи сдѣлались полною добычею галловъ, которые опустошили всю страну и перерѣзали жителей. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нельзя было и думать о водвореніи порядка въ государствѣ. По смерти Птолемея братъ его Мелеагръ овладѣлъ престоломъ, но, подавленный обстоятельствами, долженъ былъ отказаться отъ власти. Преемникъ его Антипатръ, племянникъ Кассандра, царствовалъ только сорокъ пять дней. Энергическій македонскій полководецъ Состенъ свергнулъ его съ престола и, не принимая царскаго титула, владѣлъ государствомъ два года. Онъ разбилъ галльскую орду, побѣдившую Птолемея Керавна, и выгналъ варваровъ изъ Македоніи.

Но радость македонянъ была непродолжительна. Какъ въ эпоху упадка римской имперіи каждое пораженіе римскаго войска, каждый удачный грабежъ римской провинціи, привлекалъ новыя многочисленнѣйшія толпы германцевъ и другихъ варваровъ, такъ и теперь, услыхавъ о счастливомъ набѣгѣ своихъ соотечественниковъ и о томъ, что путь въ Македонію и Грецію открытъ, массы галловъ переправились черезъ Дунай. Большая часть изъ нихъ, подъ начальствомъ Бренна и Акихорія ринулась въ Грецію, и только немногочисленная орда двинулась къ востоку. Первыхъ было, какъ полагаютъ, болѣе ста семидесяти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ около двадцати тысячъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ двухъ рабовъ, также участвовавшихъ въ сраженіяхъ. Состенъ выступилъ противъ орды грабителей, но войско его было уничтожено и самъ онъ убитъ (278 до р. X.) Галлы

2*

опустошили всю Македонію, за исключеніемъ укрѣпленныхъ городовъ, двинулись отсюда въ Ѳессалію, и обратили ее въ пустыню.

Главною цѣлью похода варваровъ была Греція, гдѣ они надѣялись найти богатую добычу, въ особенности въ храмахъ. Сознаніе общей опасности еще разъ соединило тогда государства Средней Греціи на защиту отечества. Пелопоннесцы, за исключеніемъ незначительнаго ахейскаго города Патръ, не принимали участія въ этой войнѣ, потому что большая часть городовъ и государствъ полуострова были подчинены Антигону Гонату, а прочіе боялись его болѣе, чѣмъ самихъ галловъ. Изъ государствъ Средней Греціи этолійцы выставили всего болѣе войскъ; всѣ ихъ военныя силы, въ числѣ которыхъ было семь тысячъ однихъ гоплитовъ или тяжело вооруженной пѣхоты, выступили въ походъ. Беотійцы выставили десять тысячъ гоплитовъ и пятьсотъ всадниковъ, фокидцы три тысячи человѣкъ пѣхоты и пятьсотъ всадниковъ, локрійцы только семьсотъ человѣкъ пѣхоты, а мегарійцы четыреста всадниковъ и столько же пѣхотинцевъ. Аѳиняне, могущество и торговля которыхъ со времени ламійской войны постоянно падала, послали тысячу гоплитовъ и пятьсотъ всадниковъ, подъ начальствомъ Каллиппа, и вывели въ море всѣ свои военные корабли. Цари Птолемей II египетскій, Антіохъ I сирійскій и Антигонъ Гонатъ также подали помощь: первый послалъ грекамъ флотъ, второй пятьсотъ человѣкъ подъ предводительствомъ Телесарха, Гонатъ тоже пятьсотъ всадниковъ подъ начальствомъ македонскаго полководца Аристодема. Изъ уваженія къ прежней славѣ аѳинянъ имъ предоставлено было главное начальство на войнѣ, несмотря на малочисленность присланныхъ ими войскъ въ сравненіи съ контингентами этолійцевъ, беотійцевъ и фокидцевъ.

Союзная греческая армія ожидала орды галловъ въ Термопильскомъ проходѣ. Послѣдніе, не имѣя ни тактическихъ свѣдѣній, ни порядочнаго вооруженія, тщетно старались пробиться силою. При каждомъ нападеніи галлы,—единственнымъ оборонительнымъ оружіемъ которыхъ служили щиты,—съ огромною потерею были

отражаемы греками, занимавшими сильную позицію и поддерживаемыми флотомъ. Бреннъ рѣшился на отчаянную попытку переправить часть своей орды черезъ сосѣднія горы; но галлы были встрѣчены въ горахъ Телесархомъ, который помѣшалъ имъ исполнить ихъ намѣреніе и погибъ при этомъ смертью героя. Чего не удалось галламъ добыть своимъ мужествомъ, того достигли они впослѣдствіи, благодаря эгоизму грековъ. Обитавшіе на ѳессалійской сторонѣ Термопилъ эніянейцы и гераклейцы, много терпѣвшіе отъ пребыванія въ ихъ странѣ галловъ, рѣшились избавиться отъ докучныхъ гостей, пожертвовавъ остальными греками; они указали Бренну путь, по которому нѣкогда персы, руководимые Эфіальтомъ, зашли въ тылъ отряду Леонида. Союзная армія грековъ, увидя себя обойденною галлами, распалась на составныя части и разошлась по домамъ. Бреннъ, подъ предводительствомъ котораго галлы проникли въ Среднюю Грецію, тотчасъ же двинулся къ Парнассу, не дожидаясь прибытія другой части своихъ войскъ, которая должна была пройти черезъ Термопилы, подъ начальствомъ Акихорія. Онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе напасть на Дельфы, чтобы овладѣть сокровищами тамошняго храма. На помощь угрожаемой святынѣ поспѣшили фокидцы и небольшой отрядъ локрійцевъ и этолійцевъ; они заняли окрестности Дельфъ и нѣкоторыя изъ болѣе отдаленныхъ гористыхъ мѣстностей. Когда Бреннъ приблизился къ Дельфамъ, наступили внезапно страшные холода, истребившіе многихъ галловъ. Кромѣ того большая часть толпы Акихорія была задержана у Термопилъ этолійскимъ войскомъ, которое незадолго передъ тѣмъ поспѣшило на помощь своей родины, угрожаемой другими галлами, и, преслѣдуя ихъ, успѣло еще во время прійти къ дефиле. Акихорій съ огромными потерями былъ отбитъ этолійцами, и такимъ образомъ Бреннъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, опредѣляемымъ греками въ сорокъ тысячъ человѣкъ. Онъ уже потерялъ множество людей отъ морозовъ и самъ былъ разбитъ въ небольшой стычкѣ съ греками, какъ вдругъ поднялась сильная буря, сопровождаемая страшнымъ снѣ-

гомъ и землетрясеніемъ. Множество галловъ были погребены подъ обломками скалъ, падавшихъ въ долины; остальные, пораженные паническимъ ужасомъ, при видѣ этихъ грозныхъ явленій природы, бросились искать спасенія въ бѣгствѣ и соединеніи со своими соплеменниками, предводительствуемыми Акихоріемъ. Бреннъ и большая часть его войска погибли во время этого отступленія; преслѣдуемые греками остатки галльской орды, содинившись за Термопилами съ толпами Акихорія, увлекли ихъ за собой.

Такимъ образомъ Греція неожиданно избавилась отъ разбойничьихъ ордъ галловъ. Такъ какъ при этомъ играли важную роль необыкновенныя явленія природы, то понятно что греки, сдѣлавшіеся въ эпоху своего упадка чрезвычайно суевѣрными, приписали чудесамъ отраженіе галловъ. Они говорили, что самъ дельфійскій богъ невидимымъ образомъ спасъ свою святыню, поразивъ ужасомъ и лишивъ разсудка варваровъ, обратившихъ свое оружіе другъ противъ друга, разсказывали, что древніе герои встали изъ гробницъ и помогали своимъ потомкамъ въ битвѣ.

Бѣгущіе галлы прошли всю Ѳессалію и Македонію, сильно тѣснимые жителями этихъ странъ, и подъ начальствомъ Коммоторія нашли себѣ убѣжище во Ѳракіи, гдѣ, во время ихъ несчастнаго похода въ Грецію, свирѣпствовали другія толпы ихъ соотечественниковъ. Здѣсь они основали государство Тилу, скоро расширили его новыми завоеваніями, и сдѣлали своею данницею даже могущественную Византію. Государство это пало черезъ шестьдесятъ лѣтъ подъ ударами дикихъ ѳракійцевъ. Послѣдній царь Тилы, Кава ръ, подчинился вліянію одного хитраго грека и со своими придворными предался распутству; когда покоренные галлами ѳракійцы возстали, онъ лишился власти, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и его царство. Послѣ паденія Тилы, въ странѣ снова получили преобладаніе дикія туземныя племена, погрузившія Ѳракію въ мракъ невѣжества.

Въ то самое время, какъ галлы основывали свое царство во Ѳракіи, взаимныя распри владѣтелей Македоніи, Виѳиніи и Сиріи

доставили одной ордѣ этихъ варваровъ случай перейти въ Малую-Азію и основать тамъ другое государство. Удержавъ за собою владѣнія своего отца въ Пелопоннесѣ, Антигонъ Гонатъ, по вступленіи на престолъ Птолемея Керавна, сдѣлалъ неудачную попытку отнять у него Македонію. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, храбрый Состенъ погибъ въ битвѣ съ галлами, и Македонія снова сдѣлалась жертвою анархіи, Антигонъ повторилъ свою попытку и наконецъ успѣлъ овладѣть страною. Царь сирійскій Антіохъ I хотѣлъ предъявить свои права на страну, завоеванную его отцомъ, но ему помѣшалъ Никомедъ I виѳинскій, тогдашній союзникъ Антигона Гоната. Онъ рѣшился уступить свои права новому властителю Македоніи, чтобы отвлечь его отъ союза съ Никомедомъ. Между Антіохомъ и Антигономъ былъ заключенъ договоръ, по которому послѣдній женился на его сестрѣ. Царь виѳинскій, предвидя, что онъ легко можетъ сдѣлаться жертвою родственнаго союза своихъ сосѣдей, старался сблизиться съ галлами и съ помощью ихъ остановить Антіоха. Около Геллеспонта бродила въ это время одна галльская орда, давно уже желавшая переправиться на азіатскій берегъ, но, за неимѣніемъ кораблей, неуспѣвшая еще исполнить своего намѣренія. Никомедъ заключилъ съ нею договоръ, по которому перевезъ въ Малую-Азію на виѳинскихъ корабляхъ двадцать тысячъ галловъ подъ начальствомъ семнадцати вождей, а галлы обязались поддерживать виѳинскаго царя противъ его враговъ. Эта орда дикарей опустошила земли Малой Азіи и привела въ трепетъ сирійскаго царя. За нею перешли изъ Европы новыя толпы, и съ того времени галльскія орды разбойничаютъ въ Малой Азіи или служатъ вспомогательными войсками у Никомеда, пергамскаго владѣтеля Филетера и у другихъ властителей и городовъ. Впродолженіе двадцати пяти лѣтъ галлы бродили по Малой Азіи, не имѣя осѣдлости, пока наконецъ не поселились на границахъ Каппадокіи, Пафлагоніи, Виѳиніи и Фригіи, въ странѣ, названной по ихъ имени Галатіею. Отсюда они нѣкоторое время продолжали свои набѣги, и даже сдѣлали своими данниками вла-

дѣтелей Виѳиніи и Пергама. Наконецъ Атталъ I, нанеся имъ рѣшительное пораженіе, уничтожилъ ихъ могущество и заставилъ прекратить набѣги.

Сдѣлавшись осѣдлыми, эти варвары стали мало по малу усвоивать себѣ греческую образованность, хотя масса народа и сохранила свои обычаи и языкъ, удержавшійся между ними до пятаго вѣка по р. Х. Ихъ политическое устройство, принесенное ими съ родины и введенное въ Галатіи, имѣетъ много сходства съ организаціею древне-германскихъ волостей. Они сохранили свое первоначальное дѣленіе на три племени: толистобоіевъ, тектосаговъ и трокмовъ. Первые поселились въ окрестностяхъ города Пессинунта, вторые около Акиры (Ангоры), третьи вокругъ вновь основаннаго ими города Табіи. Каждое изъ этихъ племенъ въ свою очередь раздѣлялось на четыре округа или волости. Во главѣ управленія каждою волостью находились, такъ называемый греками, тетрархъ, т. е. четверовластникъ, судья и три воеводы. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ произносилъ окружной или волостной судъ изъ трехъсотъ человѣкъ, собиравшійся въ дубовой рощѣ подъ предсѣдательствомъ тетрарха; рѣшеніе всѣхъ прочихъ дѣлъ было предоставлено тетрарху и судьѣ. Изъ городовъ занятой ими страны только одна Анкира потеряла при галлахъ свое прежнее значеніи, Пессинунтъ же продолжалъ процвѣтать по прежнему. Въ этомъ послѣднемъ городѣ находился знаменитый и много посѣщавшійся въ древности храмъ богини Кибелы (т. I стр. 237). Храмъ этотъ доставлялъ галламъ такіе огромные доходы, что они для своихъ же выгодъ должны были покровительствовать поселившимся тамъ грекамъ и ихъ промышленности; къ тому же въ началѣ втораго вѣка до р. Х. сами князья и высшія сословія начали усвоивать себѣ греческій языкъ, религію и образованность.

4. Царства Парѳянское и Бактрійское

Кромѣ названныхъ нами малоазійскихъ государствъ, отпавшихъ отъ Сиріи вслѣдствіе неспособности преемниковъ Селевка Никатора или возникшихъ вновь, образовались на востокѣ Азіи еще два новыя царства: Бактрійское и Парѳянское. Оба они имѣютъ важное значеніе для исторіи послѣдующаго времени: первое поддержало и усилило греческое вліяніе въ Индіи и Бухаріи, второе пріобрѣло такое внѣшнее могущество, что вступило даже въ борьбу съ римлянами за обладаніе царствомъ Селевкидовъ. Оба государства возникли въ царствованіе развратника Антіоха II. Въ то время какъ онъ былъ занятъ войною съ Египтомъ, грекъ, неизвѣстнаго происхожденія, Теодотъ или Діодотъ, завладѣлъ Бухаріею, основалъ тамъ независимое Бактрійское царство и вскорѣ распространилъ его предѣлы до самой Индіи. Ему тѣмъ легче было сдѣлать это, что еще основатель царства Селевкидовъ, для защиты тѣхъ странъ, образовалъ изъ поселившихся тамъ грековъ родъ милиціи. Почти черезъ пять лѣтъ послѣ отпаденія Теодота (около 250 до р. Х.) поднялись подъ предводительствомъ Арсака парѳянскія племена, жившія къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря (т. I стр. 121), изгнали изъ своей страны намѣстника Селевкидовъ и сдѣлались независимыми. Насильственная смерть царя Антіоха II и послѣдовавшіе за нею смуты и безпорядки въ Сиріи, окончательно уничтожившіе могущество Селевкидовъ, еще болѣе способствовали упроченію и расширенію обоихъ царствъ Парѳянскаго и Бактрійскаго.

Парѳяне, владѣтельный родъ которыхъ называется Арсакидами, по имени своего основателя Арсака, были и оставались всегда грубымъ кочевымъ народомъ; основанное же ими въ Средней Азіи царство, существовавшее въ продолженіе четырехъ сотъ пятидесяти лѣтъ, можно по справедливости назвать варварскимъ. Впрочемъ до насъ дошли только немногіе памятники жизни этого

народа и, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, мы почти не имѣемъ источниковъ для исторіи Пароянскаго царства. Пароянскія орды не имѣли между собою почти никакой прочной связи, и соединялись только въ минуту опасности. Цари ихъ были, какъ кажется, только главами большаго союза феодальныхъ владѣтелей или предводителей отдѣльныхъ ордъ, изъ которыхъ каждый стремился къ царской власти. Почти вся внутренняя исторія Пароянскаго царства состоитъ изъ однихъ междоусобій. Только сознаніе всеобщей опасности давало нѣкоторымъ пароянскимъ царямъ возможность выступать противъ внѣшнихъ враговъ съ многочисленными войсками. Но страсть къ грабежу и дикая храбрость ихъ ордъ дозволяла имъ простирать свои набѣги до самой Сиріи. Многіе пароянскіе цари, искусно пользуясь знаніемъ національнаго характера своихъ подданныхъ, или благодаря своимъ личнымъ качествамъ, увеличивали свои владѣнія, захватывали въ свои руки неограниченную власть, окружали себя царскимъ блескомъ и присвоивали себѣ самые пышные титулы. Но, на основаніи этихъ отдѣльныхъ фактовъ, Арсакидовъ нельзя сравнивать ни съ древнѣйшими, ни съ позднѣйшими персидскими царями, хотя они властвовали въ тѣхъ же странахъ, а основанное ими государство считается посредствующимъ звеномъ между древне-Персидскимъ государствомъ и новою Персіею. Они никогда не пользовались такимъ могуществомъ, какъ цари древней Персіи или позднѣйшей персидской династіи, вступившей на престолъ послѣ паденія Пароянскаго царства. Вообще владычество пароянъ въ Средней Азіи имѣло только разрушительное вліяніе. Съ постепеннымъ ослабленіемъ царства Селевкидовъ имъ удалось далеко распространить свое владычество, и съ конца первой половины втораго столѣтія до р. Х. они заняли всѣ страны между Эвфратомъ и Индомъ. На этомъ обширномъ пространствѣ парояне уничтожили всѣ слѣды греческой цивилизаціи; только Селевкія на Тигрѣ была пощажена ими, вѣроятно потому, что они не могли обходиться безъ греческой промышленности. Городъ этотъ потерялъ свою свободу, но сохранилъ прежнія права и учреж-

денія, и никогда не былъ занимаемъ пароянами. Но пароянское владычество создало по сосѣдству Селевкіи новый городъ, процвѣтаніе котораго привело ее въ такой упадокъ, что къ концу древняго міра она совершенно исчезаетъ. Ктесифонъ, лишившій Селевкію ея прежняго блеска, былъ незначительнымъ мѣстечкомъ, когда пароянскій царь Митридатъ I (около 150 г. до р. Х.) избралъ его главнымъ мѣстопребываніемъ; съ того времени онъ сдѣлался постоянною зимнею резиденціею пароянскихъ царей, проводившихъ лѣто въ мидійскомъ городѣ Экбатанѣ или какомъ нибудь другомъ мѣстѣ своей первобытной родины. Благодаря этому обстоятельству Ктесифонъ сдѣлался такимъ же многолюднымъ и цвѣтущимъ городомъ, какими были нѣкогда въ той же странѣ Вавилонъ и Селевкія.

Значеніе Бактрійскаго царства во всемірной исторіи было совершенно другое. Намъ неизвѣстны событія его внутренней исторіи, хотя они были бы чрезвычайно любопытны для насъ по своему вліянію на образованность Индіи и Средней Азіи. Несомнѣнно только, что основаніе этого царства сохранило греческую цивилизацію въ Бактріи и въ странахъ къ юговостоку отъ нея до самой Индіи, въ то самое время, когда она была уничтожена пароянами на всемъ пространствѣ отъ Бактріи до Эвфрата. Бактрійскіе цари съ самаго начала стали распространять свое владычество по направленію къ юговостоку, какъ пароянскіе—къ юго западу. Уже при своемъ основателѣ, Теодотѣ I, Бактрійское царство было такъ обширно и населенно, что, по свидѣтельству одного историка втораго столѣтія до р. Х., въ немъ находилось до тысячи городовъ. Впрочемъ многіе изъ греческихъ поселенцевъ на востокѣ оставались втайнѣ вѣрными династіи Селевкидовъ; этимъ воспользовался Эвтидемъ изъ Магнесіи, чтобы свергнуть съ престола сына и преемника Теодота, Теодота II (около 219 до р. Х). Когда сирійскій царь Антіохъ Великій возъимѣлъ намѣреніе завоевать восточныя области прежняго царства Селевкидовъ, Эвтидемъ, подъ предлогомъ подчиненія ему и Бактріи,

набралъ изъ грековъ войско, одержалъ верхъ надъ Теодотомъ, но, завладѣвъ страною, не захотѣлъ признавать надъ собою власти Антіоха. Послѣдній, побѣдивъ парѳянъ и принудивъ ихъ слѣдовать за нимъ противъ Эвтидема, вторгнулся въ Бухарію и цѣлые три года воевалъ съ узурпаторомъ. Наконецъ они заключили миръ. Эвтидему удалось убѣдить сирійскаго царя, что Бактрія будетъ лучшимъ оплотомъ Средней Азіи противъ набѣговъ скиѳскихъ племенъ, и Антіохъ согласился признать его царемъ, заключилъ съ нимъ союзъ, и обручилъ его сына съ одною изъ сирійскихъ принцессъ. Поддерживаемый Эвтидемомъ, Антіохъ двинулся въ Индію и покорилъ значительную часть этой страны. Впослѣдствіи, пользуясь тѣмъ, что Антіохъ въ войнѣ съ римлянами потерялъ всю Малую Азію и половину своего войска, Эвтидемъ завладѣлъ и западною Индіею. По смерти его (195 до р. Х) Бактрійское царство распалось на двѣ части. Сынъ Эвтидема Димитрій удержалъ за собою только индійскія владѣнія своего отца; Бактріею же овладѣлъ Менандръ. Преемникъ послѣдняго, Эвкратидъ I, съ помощью парѳянъ, изгналъ Димитрія изъ послѣдняго его убѣжища. Это вторичное соединеніе Бактрійскаго царства имѣло своимъ прямымъ послѣдствіемъ гибель всей Бактріи. Сынъ царя, Эвкратидъ II, считая совершенно основательно союзъ съ парѳянами важной политической ошибкой, свергнулъ отца съ престола, и перешелъ на сторону сирійцевъ, которые, пользуясь недовольствомъ жителей странъ, покоренныхъ Митридатомъ I, начали войну съ парѳянами. Митридатъ разбилъ сирійскую армію и Эвкратидъ, поддержавшій сирійцевъ своими войсками, долженъ былъ испытать на себѣ всѣ послѣдствія этой неудачи. Парѳянскій царь отнялъ у него всѣ провинціи царства, кромѣ Бухаріи и владѣній Индіи. Обезсиленное потерею этихъ областей, Бактрійское царство не могло противиться воинственнымъ ордамъ сосѣднихъ скиѳовъ, которые вскорѣ (134 до р. Хр.) покорили его; такимъ образомъ имя Бактріи исчезло навсегда изъ исторіи. По недостаточности нашихъ свѣдѣній объ

исторіи Бактріи, невозможно опредѣлить въ подробностяхъ вліяніе этого греческаго царства на образованность дальняго востока, но вліяніе это несомнѣнно. Пока существовало Бактрійское царство, не только въ Бактріи, но и въ соединенныхъ съ нею странахъ востока процвѣтали греческія учрежденія и промышленность. Посѣянныя Александромъ Великимъ и Селевкомъ I (т. II 346) сѣмена цивилизаціи, не только сохранились, но и развились, благодаря слишкомъ столѣтнему существованію Бактрійскаго царства; и только вліяніемъ этого греческаго государства, основаннаго на границахъ Индіи, можетъ быть объяснено сходство новѣйшей индійской и персидской литературы съ греческою.

5. Царство Птолемеевъ въ Египтѣ.

По смерти Александра Великаго, Египетъ сдѣлался самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ государствъ тогдашняго историческаго міра, и оставилъ намъ по себѣ памятники искусства того времени, которые по величинѣ и великолѣпію соперничаютъ съ національными памятниками древней эпохи. Среди всѣхъ политическихъ бурь и переворотовъ, волновавшихъ Востокъ и Грецію, одинъ Египетъ оставался спокоенъ и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, постоянно увеличивалъ свое благосостояніе. Мудрый Птолемей и два ближайшихъ его преемника, одни изъ всѣхъ наслѣдниковъ Александра, избрали единственный вѣрный путь слiянія туземнаго элемента съ греческимъ. Искусно пользуясь обстоятельствами, они сдѣлали Египетъ средоточіемъ всемірной торговли, центромъ искусствъ, наукъ и промышленности, и способствовали полному развитію соотвѣтствовавшей духу времени образованности, называемой по ихъ резиденціи, александрійскою. Всѣ владѣтели новаго Египетскаго царства носили имя его основателя Птолемея, а потому и династія ихъ называется обыкновенно династіею Птолемеевъ или Лагидовъ (по имени отца основателя).

Птолемей I отличается отъ своихъ преемниковъ прозвищами Сотера или Лаги. Первое дали ему родосцы (т. II стр. 467), послѣднее онъ получилъ какъ сынъ македонскаго вельможи Лага, хотя почти всѣ считали его побочнымъ сыномъ царя Филиппа II. Птолемей I соединялъ въ себя таланты государственнаго человѣка съ дарованіями великаго полководца. Онъ не былъ простымъ полководцемъ Александра Великаго, какъ Пердикка, но стоялъ на ряду съ Антипатромъ, какъ братъ, другъ и первый царедворецъ Александра, и даже прославился между современниками, какъ авторъ не дошедшей до насъ исторіи подвиговъ Александра. Превосходя хитростью всѣхъ прочихъ полководцевъ Александра, онъ не только умѣлъ обманывать ихъ, но и заставлялъ ихъ служить своимъ цѣлямъ. Онъ одинъ никогда не терялъ благоразумія, и всегда дѣйствовалъ по рѣдко соблюдаемому міровыми дѣятелями принципу, что въ большинствѣ случаевъ часть лучше цѣлаго. Птолемей ограничивалъ всѣ свои стремленія господствомъ надъ однимъ Египтомъ, и создалъ себѣ прочное и могущественное государство. Сорока-лѣтняя борьба полководцевъ Александра служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ благоразумно поступилъ Птолемей, отказавшись отъ соблазнительной мысли быть верховнымъ правителемъ всей монархіи, какъ искусно избѣгалъ онъ всякой рѣшительной борьбы, какъ хитро умѣлъ употреблять другихъ противъ слишкомъ могущественнаго врага, и какъ ловко отклонялъ всѣ направленные противъ него удары. Конечно въ нравственномъ отношеніи онъ былъ ничѣмъ не лучше какого нибудь Димитрія Поліоркета. Убійство, предательство и угнетеніе свободы, защитникомъ которой онъ выставлялъ себя, служили ему такими же средствами къ достиженію цѣли, какъ и правосудіе, кротость, и любовь къ наукѣ и искусству. Доказательство всему этому можно видѣть въ его безсовѣстныхъ поступкахъ съ племянникомъ Антигона (т. II стр. 457).

При первомъ же раздѣлѣ монархіи Александра Птолемей избралъ своимъ намѣстничествомъ Египетъ, и удержалъ за собой

эту страну, не смотря на нападенія Пердикки, Антигона и Димитрія Поліоркета. Вскорѣ по прибытіи въ Египетъ онъ расположилъ въ свою пользу жителей, приказавъ убить ненавистнаго египтянамъ Клеомена, который, по опредѣленію полководцевъ Александра, долженъ былъ оставаться вторымъ намѣстникомъ страны, подъ начальствомъ Птолемея. Египтяне во все время персидскаго владычества, терпѣвшіе отъ притѣсненій сатраповъ и безпрестанныхъ возстаній, встрѣтили его какъ освободителя, и съ самаго начала считали себя счастливыми подъ властію своего новаго правителя. Убійство Клеомена доставило Птолемею еще ту выгоду, что онъ завладѣлъ всѣми награбленными имъ богатствами. Найдя въ его сокровищницѣ только восемь тысячъ талантовъ (11 милліоновъ р. сер.), онъ въ тоже время завладѣлъ и частнымъ имуществомъ Клеомена, которое по всей вѣроятности было еще гораздо значительнѣе.

Слѣдуя политикѣ, указываемой его опытностью и благоразуміемъ, Птолемей съ этихъ поръ во всѣхъ своихъ дѣлахъ являлся правителемъ дѣйствовавшимъ въ духѣ свой націи, заботился о благѣ египтянъ, какъ о своемъ собственномъ, и такимъ образомъ положилъ основаніе новому процвѣтанію страны. Ни одинъ изъ преемниковъ Александра, даже самъ Селевкъ, не умѣлъ такъ сильно привязать къ себѣ туземцевъ. Онъ не старался, подобно Селевкидамъ, ввести въ Египетъ греческіе обычаи, но, совершенно въ духѣ Александра Великаго, стремился, посредствомъ взаимнаго сближенія, произвести сліяніе религій и нравовъ различныхъ народовъ царства. Слѣдуя примѣру Александра, назначившаго Вавилонъ своею резиденціею и центромъ, въ которомъ должно было совершиться сближеніе народовъ, Птолемей избралъ только что основанную Александрію средоточіемъ своей власти и столицею греко-египетской націи. Націю эту, главное ядро которой составляли египтяне, евреи, финикіяне и ливійцы, съ незначительною примѣсью грековъ всѣхъ племенъ и государствъ, ему предстояло еще образовать. Слѣдуя той же основной мысли, Птолемей, въ своей

правительственной системѣ, далъ мѣсто и древнимъ учрежденіямъ и религіи египтянъ, содѣйствовалъ развитію торговли, создалъ флотъ, и собралъ многочисленное войско, которое легко было навербовать, владѣя богатою казною. Флотъ и войско были необходимы ему, какъ для оживленія и защиты торговли, такъ и для охраненія его владѣній отъ властолюбивыхъ замысловъ прочихъ полководцевъ Александра и поддержанія политическихъ связей съ другими государствами.

Въ самомъ началѣ царствованія Птолемею представился случай подчинить себѣ территорію Кирены и весь берегъ Африки до карѳагенской границы. Между жителями этого цвѣтущаго греческаго города (т. I стр. 241) вспыхнула междоусобная война, и одна изъ враждующихъ партій призвала на помощь владѣтеля сосѣдняго Египта. Онъ не заставилъ долго просить себя, и послалъ туда съ войскомъ и флотомъ своего полководца Офелла. Завоеванная Кирена со всею окрестною страною была обращена въ египетскую провинцію, и хотя въ царствованіе Птолемея I она два раза отпадала отъ Египта, но всякій разъ была вновь покоряема. Сравненіе его судьбы съ участію Антигона, нисколько не уступавшаго ему въ военныхъ дарованіяхъ, доказываетъ лучше всего какъ ловко умѣлъ Птолемей сохранять свои владѣнія. Когда Пердикка поднялъ оружіе противъ Антигона, послѣдній долженъ былъ бѣжать изъ Азіи въ Европу, Птолемей же не только выдержалъ его натискъ, но и погубилъ самого Пердикку. Противоположный исходъ этихъ двухъ предпріятій Пердикки служитъ въ то же время доказательствомъ, какъ умѣлъ Птолемей въ теченіе двухъ лѣтъ утвердить свою власть въ Египтѣ.

Послѣдующія войны Антигона и другихъ намѣстниковъ часто представляли Птолемею случаи увеличивать свои владѣнія; слишкомъ благоразумный, чтобы рисковать всѣмъ для удержанія за собою вновь завоеванныхъ областей и городовъ, онъ все таки пользовался этими временными пріобрѣтеніями для своихъ цѣлей. Примѣромъ тому можетъ служить занятіе Сиріи и Палестины, вскорѣ по смер-

ти Пердикки. Птолемей, выведя свои войска изъ этихъ странъ, перевелъ въ Египетъ множество іудеевъ, поселилъ ихъ вмѣстѣ съ послѣдовавшими за ними переселенцами этой націи въ Александріи, и даровалъ имъ важныя привилегіи. Единственное значительное пораженіе, испытанное Птолемеемъ, было кипрское, гдѣ онъ лишился большей части своего флота и арміи (т. II стр. 463); но и оно не имѣло важныхъ послѣдствій, не смотря на то, что побѣдители вслѣдъ за тѣмъ произвели нападеніе и на самый Египетъ.

Въ послѣдніе годы жизни Птолемею уже не приходилось вести важныхъ войнъ; онъ посвятилъ конецъ своего царствованія исключительно заботамъ объ устройствѣ внутренняго управленія страны, и оставилъ своему преемнику могущественное и цвѣтущее царство, жители котораго были привязаны къ новой династіи. У Птолемея было четыре жены, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны Эвридика, дочь правителя Антигона, и ея родственница Береника. Изъ одинадцати его дѣтей, дѣти Береники получили предпочтеніе предъ дѣтьми Эвридики, хотя и были моложе послѣднихъ. Сынъ Береники Птолемей II былъ назначенъ отцомъ наслѣдникомъ престола въ ущербъ правъ Птолемея Керавна, старшаго изъ его сыновей, рожденнаго отъ Эвридики. Птолемей Керавнъ оставилъ Египетъ и отправился къ царю Лисимаху, сынъ котораго Агатоклъ былъ женатъ на его родной сестрѣ (т. II стр. 480). Для обезпеченія за своимъ наслѣдникомъ обладанія престоломъ, престарѣлый царь еще при жизни возвелъ его въ царское достоинство, и устроилъ по этому поводу праздникъ, превзошедшій своею пышностью и великолѣпіемъ даже роскошные пиры сирійскихъ царей, повелѣвавшихъ тогда всѣмъ востокомъ. Восьмидесятилѣтній Птолемей царствовалъ два года, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, и умеръ въ 283 г. до р. X.

Птолемей II, царствовавшій до 246 г. до р. X., получилъ прозваніе Филадельфа, (братолюбиваго), вѣроятно въ насмѣшку за постоянную вражду со своими братьями. Старшій братъ его Птолемей Керавнъ, оскорбленный предпочтеніемъ оказаннымъ от-

цомъ младшему брату, оставилъ Египетъ и долгое время скитался въ разныхъ странахъ, пока наконецъ не сдѣлался царемъ Македоніи, гдѣ вскорѣ послѣ того былъ убитъ (т. II стр. 482 и т. III стр. 19). Второй братъ Птолемея Филадельфа, отъ другой матери, за попытку произвести возстаніе на островѣ Кипрѣ, поплатился жизнію. Третій братъ Аргей, обвиненный въ покушеніи на жизнь царя, былъ казненъ. Наконецъ сынъ Береники отъ ея перваго брака Магасъ, намѣстникъ Кирены, также поднялъ оружіе противъ своего своднаго брата, и началъ съ нимъ войну, продолжавшуюся нѣсколько лѣтъ. Война эта представляла для египетскаго царя тѣмъ болѣе опасностей, что Магасъ былъ женатъ на дочери Селевкида Антіоха I и вовлекъ его въ союзъ противъ Птолемея. Антіохъ завоевалъ въ Сиріи незадолго передъ тѣмъ занятый египтянами Дамаскъ, оставшійся съ тѣхъ поръ подъ властью Селевкидовъ. Птолемей же поднялъ противъ него галловъ, утвердился въ значительнѣйшихъ малоазійскихъ приморскихъ городахъ и на ѳракійскомъ берегу, и своими флотами господствовалъ на Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ. Антіохъ II, наслѣдовавшій эту войну послѣ отца, окончилъ ее, вступивъ въ бракъ съ дочерью Птолемея II Береникою, печальная участь которой разсказана выше въ исторіи Сиріи (т. III стр. 8). Магасъ также заключилъ миръ, обручивъ единственную свою дочь, Беренику, съ старшимъ сыномъ египетскаго царя. Магасъ не имѣлъ сыновей, и Кирена снова досталась бы Египту, если бы онъ не умеръ еще до свадьбы своей дочери (250 до р. X.). По его смерти его вдова, противившаяся этому браку, предложила руку своей дочери и обладаніе Киреною младшему брату Антигона Гоната, Димитрію Красивому. Пылкій и властолюбивый сынъ Поліоркета согласился на это предложеніе и немедленно отправился въ Кирену. По прибытіи его въ Кирену въ него влюбилась сама теща и сдѣлалась его любовницею, заставляя свою дочь довольствоваться однимъ титуломъ супруги. Послѣдняя, соединившись съ знатнѣйшими жителями Кирены, отмстила за оскорбленіе, убивъ мужа, котораго

она застала въ спальнѣ своей матери. Послѣ того она вступила въ бракъ съ наслѣдникомъ египетскаго царства, и снова соединила Кирену съ Египтомъ.

Война съ Киреною и Сиріею была единственнымъ значительнымъ внѣшнимъ предпріятіемъ Птолемея Филадельфа, если не считать поддержки, оказанной имъ греческимъ государствамъ противъ Антигона Гоната и не имѣвшей никакихъ послѣдствій для Египта. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что онъ первый изъ Птолемеевъ вошелъ въ сношенія съ римлянами и заключилъ съ ними союзъ; впрочемъ значеніе этихъ сношеній обнаружилось только впослѣдствіи. Но за то неусыпными заботами о внутреннемъ устройствѣ своего царства, Птолемей Филадельфъ пріобрѣлъ славу одного изъ знаменитѣйшихъ правителей позднѣйшаго періода греческой древности. Онъ шелъ по слѣдамъ своего отца, почти все время своего царствованія проводилъ въ заботахъ объ усовершенствованіи внутреннихъ учрежденій страны, увеличилъ флотъ, построилъ множество новыхъ зданій, но въ особенности отличался покровительствомъ искусству и наукѣ и заботами о распространеніи и украшеніи своей столицы. Птолемей достроилъ начатый его отцемъ музей, — обширное зданіе, посвященное научнымъ цѣлямъ, — основалъ знаменитую александрійскую библіотеку, и сдѣлалъ свою столицу средоточіемъ греческой науки и ученой дѣятельности всего тогдашняго міра. Онъ самъ занимался науками и много способствовалъ развитію преобладавшаго въ ту эпоху направленія: другими словами, онъ содѣйствовалъ тому, что въ Египтѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, занятіе наукою сдѣлалось господствующею модою и однимъ изъ главныхъ источниковъ наслажденія.

Царствованіе Птолемея Филадельфа и въ другомъ отношеніи чрезвычайно важно для изученія духа времени и нравовъ той эпохи. Въ его царствованіе женщины имѣли большое вліяніе на судьбы государства, какъ это доказываетъ разсказанный выше исходъ сирійской и киринейской войны. Съ этого времени онѣ начинаютъ пріобрѣтать все бо̀льшее и бо̀льшее значеніе, и наконецъ, какъ въ

Сиріи, совершенно овладѣваютъ правленіемъ; явленіе это было въ тѣсной связи съ господствовавшею безнравственностью и точно также имѣло весьма вредное вліяніе на государство. Многоженство вошло въ обычай при египетскомъ дворѣ при Птолемеѣ I, и съ тѣхъ поръ цари окружаютъ себя распутными женщинами. Еще по смерти Александра Птолемей I взялъ съ собой въ Египетъ извѣстную Таису, бывшею виновницею сожженія Персепольскаго дворца (т. II стр. 336), и прижилъ отъ нея троихъ дѣтей. Птолемей II имѣлъ уже настоящій гаремъ, и тратилъ огромныя деньги на своихъ многочисленныхъ любовницъ, въ числѣ которыхъ были и публичныя женщины; однако правила приличія нарушались въ Египтѣ не такъ нагло, какъ въ Сиріи. Замѣчательно также, что египетскіе цари часто женились на своихъ сестрахъ, хотя эти браки не могутъ быть объяснены политическими соображеніями. Первый вступившій въ такой бракъ былъ Птолемей II, женившійся на своей сестрѣ Арсинои, вдовѣ Лисимаха, разведясь со своей первой женою, дочерью Лисимаха, отъ которой онъ имѣлъ сына и наслѣдника престола (т. II стр. 483). Арсиноя, утратившая свою свѣжесть и красоту, внушила своему брату такую страсть, что онъ женился на ней и, получивъ съ того времени отвращеніе къ своей первой женѣ, выгналъ ее изъ Александріи; на послѣднее онъ, говорятъ, рѣшился вслѣдствіе покушенія ея на его жизнь.

Птолемей, не имѣвшій дѣтей отъ своей второй жены, умеръ въ 246 г. до р. Х. и на престолъ вступилъ его старшій сынъ отъ первой жены, Птолемей III. Этотъ царь, правившій до 221 г. до р. Х., вскорѣ по возшествіи на престолъ поспѣшилъ въ Сирію, чтобы отмстить за свою сестру Беренику, вторую жену Антіоха II, умерщвленную Лаодикою (т. III стр. 8). Онъ казнилъ убійцу, попавшуюся въ его руки, и наводнилъ своими войсками почти все Сирійское царство; но вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ внутренныхъ безпокойствъ долженъ былъ возвратиться въ Египетъ и впослѣдствіи заключить съ Селевкомъ II миръ, по которому возвратилъ

ему всѣ свои завоеванія. Птолемей III привезъ изъ похода несмѣтныя сокровища и въ особенности обрадовалъ египтянъ отбивъ большую часть сокровищъ и художественныхъ произведеній, похищенныхъ прежде персами и увезенныхъ въ Азію. За это египтяне дали ему прозваніе Эвергета или благодѣтеля, подъ которымъ онъ обыкновенно и упоминается въ историческихъ сочиненіяхъ. Говорятъ, что число драгоцѣнныхъ сосудовъ и идоловъ, привезенныхъ имъ въ Египетъ, простиралось до двухъ тысячъ, а вся захваченная имъ въ этомъ походѣ въ Азію добыча звонкою монетою составляла до 60 милліоновъ р. сер. Повидимому, Птолемей III сдѣлалъ обширныя завоеванія во внутренней Африки и проникъ до Абиссиніи; но извѣстія объ этомъ африканскомъ походѣ основываются на такихъ сомнительныхъ извѣстіяхъ, что ихъ никакъ нельзя считать вполнѣ достовѣрными. Участіе Птолемея Эвергета въ важныхъ событіяхъ, происходившихъ въ его время въ Греціи, будетъ изложено ниже.

Птолемей III, какъ кажется, былъ нравственнѣе своего отца, но за то находился совершенно во власти своей жены Береники, дочери Магаса киренейскаго. Благодаря лести александрійскихъ ученыхъ, имя этой женщины сохранило свою извѣстность и до нашихъ дней. Она повѣсила свои прекрасные волосы въ одномъ храмѣ; однажды волосы эти исчезли, и астрономъ Кононъ, желая утѣшить испуганныхъ царедворцевъ, объявилъ имъ, что нашелъ волосы Береники на небѣ, перенесенными туда богами. Египетскій придворный поэтъ Каллимахъ переложилъ въ стихи выдумку Конона, а одинъ изъ римскихъ стихотворцевъ перевелъ ихъ на латинскій языкъ; до сихъ поръ еще одно изъ созвѣздій носитъ имя волосъ Береники.

Птолемей III былъ послѣднимъ изъ египетскихъ царей, которые шли по пути, проложенному основателемъ ихъ династіи, и способствовали возвышенію могущества своего царства. Съ его сына Птолемея IV начинается въ Египтѣ длинный рядъ неспособныхъ царей. Онъ принялъ названіе Филопатора (отцелюбиваго),

чтобы отстранить отъ себя подозрѣніе въ отравленіи своего отца, въ чемъ обвиняло его общественное мнѣніе. Царствованіе Птолемея IV принадлежитъ къ исторіи Рима, потому что война его съ Сиріей дала римлянамъ первый поводъ вмѣшаться въ дѣла Египта.—

Птолемеи, въ особенности же первые трое, имѣютъ для искусства, науки, торговли и промышленности древности почти столь же важное значеніе, какъ и аѳиняне. Послѣдніе довели до совершенства всѣ свободныя искусства и принимали участіе во всѣхъ родахъ умственной дѣятельности, которые только могутъ развиваться безъ кабинетной учености, огромныхъ богатствъ и всякаго внѣшняго поощренія. За то развитіе всего полезнаго, изящнаго и блестящаго, которое только можетъ быть достигнуто одними стараніями правительства, внѣшнею поддержкою и поощреніемъ, было дѣломъ Птолемеевъ и ихъ эпохи. Состояніе искусствъ въ эпоху Птолемеевъ можетъ служить мѣриломъ того, чего достигла позднѣйшая эпоха древности, потому что римляне пошли далѣе только въ нѣкоторыхъ отросляхъ искусствъ, оставаясь во всѣхъ прочихъ далеко позади египетскихъ грековъ. Для правильной оцѣнки заслугъ Птолемеевъ нужно замѣтить, что съ того времени какъ Александръ Великій показалъ первый примѣръ, а Димитрій Поліоркетъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу своими изобрѣтеніями, во всѣхъ греческихъ царствахъ считалось обязанностью царей строить роскошныя зданія, дѣлать изобрѣтенія, собирать или заказывать художественныя произведенія и книги.

Птолемей Сотеръ оказалъ наукѣ, искусству и промышленности менѣе услугъ, чѣмъ оба ближайшихъ его преемника. Онъ долженъ былъ заботиться преимущественно объ упроченіи своего новаго государства, окончаніи постройки своей столицы, вооруженіи флота, содержаніи арміи и о тѣсномъ соединеніи греческаго и египетскаго богослуженія, отъ чего зависѣло и сліяніе обѣихъ націй. Только отъ времени до времени могъ онъ обращать вниманіе на развитіе торговли и благосостояніе страны. Важнѣйшая его заслуга состоитъ въ томъ, что имъ положено было основаніе всему тому, что

было осуществлено и докончено его сыномъ и внукомъ. Главною характеристическою чертою его времени было смѣшеніе греческаго и туземнаго элементовъ. Отлично понимая это, Птолемей Сотеръ старался установить тѣсную связь между своими подданными, принадлежавшими къ разнымъ національностямъ, и соединить ихъ науки, искусства, промышленность и религіи. Вслѣдствіе того греческая религія была обезображена отвратительными обрядами восточнаго богослуженія и совершенно исчезли основанія и сущность греческаго быта, но за то было упрочено обладаніе царствомъ, возникли новыя условія и образъ жизни, и данъ былъ сильный толчекъ единственному возможному въ ту эпоху развитію. До какой степени простирали Птолемеи свое уваженіе къ національнымъ вѣрованіямъ египтянъ и къ какимъ уловкамъ прибѣгали они, чтобы обмануть народъ и слить въ одно цѣлое всѣ религіи и религіозные обряды государства, лучше всего доказываетъ слѣдующій анекдотъ, разсказываемый про Птолемея Сотера.

Въ одномъ изъ кварталовъ Александріи, Бpухіонѣ, находились царскій дворецъ, жилища вельможъ и общественныя зданія. Прилегающая къ нему часть города, Ракотисъ, украшенная великолѣпными зданіями, была центромъ торговли Александріи и содержала въ себѣ большую часть храмовъ; въ такомъ торговомъ мѣстѣ необходимо долженъ былъ находиться и храмъ бога торговли. Богомъ торговли былъ избранъ Сераписъ, поклоненіе которому уже приняло у жителей малоазійскаго греческаго города Синопа формы, вполнѣ соотвѣтствовавшія цѣли Птолемея. Но для осуществленія его плана нуженъ былъ пророкъ, мнимое божественное откровеніе и лицо, имѣвшее священный характеръ, которое согласилось бы принять участіе въ плутовствѣ и дать чуду истолкованіе, согласное съ видами царя. Роль пророка взялъ на себя самъ Птолемей, вмѣсто откровенія выдумали сновидѣніе, а о чудѣ позаботился жрецъ Тимоѳей изъ древней аѳинской фамиліи Эвмолпидовъ, издавна бывшихъ наслѣдственными жрецами элевсинскихъ таинствъ (т. I стр. 342). Птолемей началъ строить великолѣпный

храмъ, названный впослѣдствіи Серапеономъ, объявивъ въ то же время, что онъ не знаетъ какому божеству посвятить его. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ утверждать, что видѣлъ во снѣ какого то бога, приказавшаго ему перенести свое изображеніе изъ Азіи. Тогда дошла очередь до Эвмолпида. Тимоѳей объяснилъ, что этого бога должно искать въ Синопѣ, и былъ посланъ за нимъ на египетскомъ кораблѣ. Но жители Синопа не хотѣли разставаться съ своимъ богомъ, переговоры продолжались три года, пока наконецъ само божество, потерявъ терпѣніе, не явилось на корабль и поспѣшило въ Александрію, какъ бы спасаясь бѣгствомъ. Весь народъ ликовалъ и въ торжественной процессіи, вмѣстѣ съ царемъ, пошелъ на встрѣчу новому богу, который однако не повторилъ при этомъ случаѣ чуда, совершеннаго имъ въ Синопѣ.

На ряду съ сліяніемъ греческаго и восточнаго элементовъ, главною характеристическою чертою царствованія первыхъ трехъ Птолемеевъ, — какъ и вообще всей александрійской школы, возникшей при нихъ и пріобрѣвшей господство не только въ Египтѣ, но и во всемъ греческомъ мірѣ, — является стремленіе къ внѣшнимъ матеріальнымъ цѣлямъ и обращеніе всей умственной дѣятельности на служеніе полезному и пріятному. Первые Птолемеи владѣли всѣми необходимыми матеріальными средствами для развитія направленія, соотвѣтствовавшаго духу тогдашняго времени, и сдѣлали Александрію центромъ этого умственнаго движенія. Приводимое древними писателями число подвластныхъ Птолемею городовъ, очевидно, преувеличено; но достовѣрно, что почти всѣ берега, острова и приморскіе города восточной части Средиземнаго моря и Аравійскаго залива были подчинены Египту во время продолжительнаго и мирнаго царствованія втораго Птолемея, или, по крайней мѣрѣ, находились подъ его вліяніемъ, и что Птолемей Эвергетъ своими войнами и завоеваніями довершилъ дѣло, начатое его предшественниками. Первые Птолемеи владѣли государствомъ, которое заключало въ себѣ населеннѣйшія и плодороднѣйшія страны древняго міра, производило торговлю самыми

драгоцѣнными и важными товарами и имѣло, въ сравненіи съ другими тогдашними государствами, самое лучшее управленіе. Такое государство должно было обладать несмѣтными богатствами и доставлять своимъ властителямъ огромныя матеріальныя средства. Хотя показанія одного позднѣйшаго греческаго историка, утверждающаго что Птолемей II имѣлъ въ своей сокровищницѣ слишкомъ 1000 милліоновъ р. сер., и преувеличено, но другія достовѣрныя данныя не оставляютъ въ насъ никакого сомнѣнія, что первые Птолемеи обладали дѣйствительно громадными сокровищами. Изъ однихъ своихъ азіатскихъ походовъ Птолемей III вывезъ въ Египетъ массу благородныхъ металловъ и звонкой монеты. До насъ дошли описанія различныхъ александрійскихъ церемоній, свидѣтельствующія объ изобиліи драгоцѣнныхъ сосудовъ и статуй, и доказывающія, что въ Египтѣ находился въ то время такой запасъ благороднаго металла, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ современныхъ государствъ. Сосредоточеніе такого богатства объясняется тѣмъ, что въ тѣ времена страны востока обладали почти исключительно всею массою благородныхъ металловъ, стекавшихся туда даже изъ Европы. Богатство, распредѣленное теперь между милліонами, было тогда сосредоточено въ рукахъ немногихъ тысячъ, которымъ повиновались милліоны рабовъ. Послѣдніе занимались всѣми ремеслами, которымъ среднее сословіе западной Европы обязано своимъ благосостояніемъ, и такимъ образомъ доставляли незначительному числу счастливцевъ громадныя сокровища, приводящія насъ въ изумленіе. Главными источниками несмѣтнаго богатства Птолемеевъ были плодородіе, превосходная обработка почвы ихъ страны и цвѣтущая торговля. Какое значеніе придаетъ торговля государству лучше всего доказываетъ примѣръ Нидерландовъ семнадцатаго столѣтія и современной Англіи; на востокѣ же, гдѣ торговля всегда страдаетъ отъ корыстолюбія и жадности правительствъ, она, вслѣдствіе естественныхъ богатствъ странъ, начинаетъ процвѣтать и тогда, когда система произвольныхъ поборовъ замѣняется опредѣленными умѣренными пошлинами, какъ это

было въ царствѣ Птолемеевъ. Одинъ взглядъ на карту убѣждаетъ въ томъ, что тогдашняя всемірная торговля должна была идти черезъ Египетъ. Внутренняя Азія и Африка доставляли въ Египетъ свои произведенія сухимъ путемъ, а сообщенія съ Аравіею и Индіею производились чрезъ Красное море. Въ Азіи Птолемеи не только заняли часть Сиріи, но распространили свое владычество и до Пальмиры, а при Птолемеѣ Эвергетѣ еще далѣе. Они окончили начатый Нехао каналъ, соединившій Нилъ съ Краснымъ моремъ, основали въ южной части этого залива двѣ гавани и соединили ихъ удобными путями сообщенія съ Ниломъ. Кромѣ того они не только возстановили прежнія торговыя сношенія съ внутренней Африкой, но и распространили и оживили ихъ своими походами и религіозными торжествами. Наконецъ, они получали золото изъ нѣкоторыхъ подвластныхъ имъ странъ.

Согласно направленію и господствующему характеру жизни той эпохи, большая часть сокровищъ, сосредоточивавшихся въ рукахъ Птолемеевъ, тратилась на затѣи восточной роскоши, соединенной съ греческимъ искусствомъ. Царскія сокровища много содѣйствовали развитію искусствъ и промышленности александрійской эпохи, подобно тому какъ при фараонахъ все богатство Египта употреблялось на сооруженіе громадныхъ памятниковъ древнѣйшей эпохи. Описаніе праздника, устроеннаго Птолемеемъ Сотеромъ по случаю принятія его сыномъ участія въ управленіи, даетъ самое полное понятіе о блескѣ владычества Птолемеевъ и о господствовавшей въ Александріи роскоши, соединенной съ покровительствомъ промышленности и облагороженной искусствомъ и наукою. Подобные праздники служили Птолемеямъ средствомъ показать всему міру свой блескъ и богатство, и въ то же время, подобно юбилеямъ нынѣшняго Рима, были очень выгодны для царской казны и александрійской торговли, привлекая толпы иностранцевъ. Для упомянутаго праздника, — какъ бывало въ древности всегда, когда нужно было показать богатство государства,— не только храмы, но и частныя лица отдавали на прокатъ все

свои золотыя и серебрянныя вещи. Птолемей Филадельфъ, его отецъ и мать получили въ подарокъ отъ разныхъ городовъ такое множество золотыхъ вѣнцовъ, что цѣнность заключавшагося въ немъ золота простиралась до $4\frac{1}{2}$ милліоновъ р. сер. Царское семейство устроило для своихъ подданныхъ общественныя игры, которыя, подобно олимпійскимъ, продолжались пять дней и на которыхъ побѣдителямъ были розданы драгоцѣнные подарки. Все это доказываетъ, что промышленная дѣятельность и достояніе народа служили тогда для удовлетворенія забавамъ царей, какъ прежде прихотямъ жрецовъ. Множество и разнообразіе изваяній и изящной утвари, выставленныхъ на показъ по случаю этого праздника, свидѣтельствуютъ, что въ Египтѣ при Птолемеяхъ процвѣтали искусства и ремесла, благодаря полной свободѣ труда, замѣнившей стѣснительное для промышленности установленіе кастъ. Въ особенности же замѣчательны автоматы, какъ признакъ новаго развитія механическихъ искусствъ. Въ одной изъ торжественныхъ процессій явилась колесница съ сидящею на ней женскою статуею въ двѣнадцать парижскихъ футъ. вышины; статуя эта отъ времени до времени вставала, выливала изъ золотой чаши молоко и потомъ снова садилась. На другой колесницѣ былъ устроенъ обвитый плющемъ гротъ, со скрытымъ внутри механизмомъ; изъ него вылетали живые голуби, и били фонтаны молока и вина. Въ этой процессіи были и одѣтыя въ драгоцѣнныя ткани и украшенныя золотыми вѣнками статуи нимфъ, которыя приводились въ движеніе также посредствомъ особаго механизма. Кромѣ автоматовъ и разнообразныхъ драгоцѣнныхъ утварей и статуй, замѣчательны еще различныя животныя, которыя показывались народу; они служатъ новымъ доказательствомъ того какъ велика была тогда страсть къ рѣдкостямъ и потребность разнообразія въ удовольствіяхъ, и какое сильное вліяніе должно было имѣть это на естественныя науки. Въ процессіи вели цѣлую коллекцію рѣдкихъ чужеземныхъ животныхъ, собранныхъ Птолемеемъ Сотеромъ: двѣ тысячи собакъ различныхъ породъ отъ индійской до молосской, всевозможныхъ

овецъ и быковъ, четырнадцать леопардовъ, двадцать барсовъ, четыре рыси, жирафа, носорога и бѣлаго медвѣдя; за ними полтораста человѣкъ несли деревья, къ которымъ были привязаны рѣдкія птицы и клѣтки съ попугаями, павлинами, цесарками, фазанами и разными эѳіопскими птицами.

Время Птолемеевъ было чисто промышленною эпохою. Соединеніе греческаго элемента съ египетскимъ должно было сильно содѣйствовать развитію промышленности у народа, не одареннаго впечатлительнымъ и прогрессивнымъ духомъ европейца, но сохранившаго свои племенныя качества: послушаніе, трудолюбіе и терпѣніе. Глубоко укоренившійся въ понятіяхъ народа кастовый бытъ сохранялъ еще всю прежнюю свою силу, и каждый египтянинъ строго держался ремесла своихъ отцевъ, хотя къ этому и не принуждала его буква закона. Впрочемъ греческій духъ, проникнувъ въ мертвый механизмъ древне-египетскаго быта, придалъ ему новую жизнь. Но при этомъ египтяне, съ безпримѣрнымъ въ исторіи упорствомъ, держались своихъ древнихъ занятій и обычаевъ, украшали свои зданія гіероглифами, бальзамировали мертвыхъ и т. п. Даже сами Птолемеи строили храмы въ древнемъ стилѣ, украшая ихъ въ египетскомъ вкусѣ. Но въ то время какъ греческій бытъ все болѣе и болѣе проникался древне египетскими элементами, математическія и механическія науки грековъ, благодаря Птолемеямъ, впервые развились въ полномъ блескѣ и получили полное примѣненіе въ жизни. Это лучше всего видно на архитектурныхъ памятникахъ, воздвигнутыхъ Птолемеями въ Александріи, и на состояніи мореходства въ ихъ эпоху.

Заботливость Птолемеевъ объ украшеніи ихъ столицы Александріи доказывается лучше всего гаванями, улицами, каналами, водопроводами и зданіями этого города. Въ одномъ изъ его кварталовъ, Брухіонѣ, кромѣ храмовъ, находились еще слѣдующія, громадныя общественныя зданія: царскій дворецъ, музей, великолѣпная сема, гдѣ покоился прахъ Александра Великаго, театръ, гимназія, школа верховой ѣзды, форумъ, на которомъ

во времена владычества римлянъ происходили засѣданія суда, и амфитеатръ. Къ числу величественнѣйшихъ сооруженій Александріи принадлежалъ такъ называемый гептастадій, — каменный молъ, длиною около версты, соединявшій съ твердою землею лежавшій передъ гаванью островъ Фаросъ, а теперь обратившійся въ широкій перешеекъ. Подробнаго описанія заслуживаютъ маякъ и музей. Первый изъ нихъ былъ важнѣйшимъ сооруженіемъ, воздвигнутымъ для удобствъ торговли, а второй служилъ потребностямъ той отрасли наукъ, которая пользовалась особеннымъ покровительствомъ Птолемея. Маякъ былъ построенъ Птолемеемъ Сотеромъ на островѣ Фаросѣ, и потому не только самъ получилъ имя фароса, но какъ первый, извѣстный въ исторіи, маякъ передалъ свое имя и другимъ подобнымъ сооруженіямъ Построенный архитекторомъ Сострατомъ изъ Книда, онъ прославился въ древности своей величиной и красотой, и былъ причисленъ впослѣдствіи къ семи чудесамъ свѣта. Онъ стоялъ на скалѣ, обшитой толстой каменной одеждой, и имѣлъ до трехъ сотъ локтей вышины; зажигаемый въ верхнемъ этажѣ огонь былъ, какъ говорятъ, видѣнъ на разстояніи $7 \frac{1}{2}$ нѣмецкихъ миль ($52 \frac{1}{2}$ верстъ), что положительно невозможно по законамъ оптики. По всей вѣроятности преувеличена также и высота этого зданія, которое такимъ образомъ было бы выше самой большой изъ пирамидъ. Также преувеличены и издержки на постройку маяка, простиравшіяся, какъ говорятъ, до 2 мил. рублей серебромъ. Еще замѣчательнѣе, что постройка этого сооруженія продолжалась всего двѣнадцать лѣтъ.

Построенный Птолемеемъ Филадельфомъ Музей имѣлъ чисто ученое назначеніе и примыкалъ къ огромному зданію царскаго дворца. Въ музеѣ помѣщалась библіотека, основанная Птолемеемъ Сотеромъ и значительно увеличенная его сыномъ. Кромѣ помѣщенія для библіотеки, въ немъ находились всевозможныя пособія для занятія науками, такъ что музей можно назвать и университетомъ и академіею наукъ. Одна часть строенія была занята

помѣщеніями и столовыми для ученыхъ, другая залами для ученыхъ занятій и лекцій, наконецъ третья была отведена для переписчиковъ книгъ и ремесленниковъ, которыхъ можно сравнить съ нынѣшними переплетчиками; въ древнихъ библіотекахъ держали особыхъ мастеровыхъ для склеиванія бумажныхъ листовъ и составленія изъ нихъ свитковъ, форму которыхъ имѣли тогдашнія книги. Кромѣ множества этихъ помѣщеній при музеѣ находились еще портики и сады, такъ какъ у грековъ лекціи ученыхъ, въ которыхъ принимали участіе слушатели всѣхъ возрастовъ, состояли болѣе изъ разговоровъ, чѣмъ изъ настоящихъ лекцій, и учителя большею частью читали свои лекціи, прогуливаясь взадъ и впередъ со своими учениками. Судя по всему сказанному, музей долженъ былъ занимать огромное пространство и содержать въ себѣ множество народу, постоянно жившаго въ немъ или работавшаго тамъ въ продолженіе дня.

При Птолемеяхъ Египетъ, Родосъ, Финикія и сѣверные берега Малой Азіи имѣли лучшія верфи на всемъ восточномъ прибрежьи Средиземнаго моря. Какъ распространена была тогда морская торговля Египта, можно заключить изъ того, что Птолемею II, — занимавшемуся подобно первымъ флорентинскимъ герцогамъ изъ фамиліи Медичи, торговлею—принадлежало болѣе четырехъ тысячъ купеческихъ кораблей. Въ его правленіе въ первый разъ появились громадные корабли, негодные ни для какого употребленія, но построенные изъ одного глупаго тщеславія возбудить удивленіе всего свѣта и выказать блескъ и богатство двора Птолемеевъ. Птолемей II началъ уже строить корабли съ тридцатью рядами скамей для гребцовъ, тогда какъ дѣйствительно употреблявшіеся въ то время корабли рѣдко имѣли болѣе пяти или семи рядовъ гребцовъ. Царь сиракузскій Гіеронъ II, находившійся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ со вторымъ Птолемеемъ, чтобы показать свое уваженіе царю Египта отправилъ къ нему громадный и роскошно убранный корабль. Корабль этотъ, счастливо совершившій плаваніе изъ Сиракузъ въ Египетъ, долженъ былъ строиться

по частямъ, такъ какъ тогда не было еще извѣстно устройство нашихъ доковъ. Сначала была выстроена и спущена въ море одна часть, а уже потомъ пристроена къ ней и остальная. Затруднительность сдвинуть съ мѣста такую громаду послужила, говорятъ, поводомъ къ изобрѣтенію величайшимъ математикомъ древности, Архимедомъ, такъ называемаго безконечнаго винта, и теперь еще очень часто употребляемаго въ разныхъ случаяхъ. Корабль имѣлъ двадцать рядовъ скамей для гребцовъ, сорокъ семь главныхъ каютъ, нѣсколько конюшенъ, кладовыхъ, кухонь, мельницъ и тому подобныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, рыбный садокъ, водоемъ для прѣсной воды, восемь башенъ съ метательными машинами, абордажные крючья на мачтахъ и другія военныя принадлежности. Одна изъ метательныхъ машинъ, устроенная, какъ говорятъ, Архимедомъ, могла бросать на разстояніе 125 шаговъ бревна въ двадцать футъ длиною и камни вѣсомъ въ 125 фунтовъ. Наконецъ корабль отличался еще своею изумительною роскошью: нѣкоторыя комнаты были выложены и вымощены самыми драгоцѣнными камнями и породами дерева, а палуба и каюты украшены картинами и статуями; кромѣ того на кораблѣ находились не только библіотека, ванна и т. п., но еще устроено было на палубѣ мѣсто для прогулки, бесѣдки изъ плюща и винограда и множество растеній. Желая превзойти сиракузянъ и въ этомъ отношеніи, Птолемей IV приказалъ построить величайшій изъ когда либо существовавшихъ въ свѣтѣ кораблей, съ сорока рядами скамей для гребцовъ. Впрочемъ это было собственно огромное зданіе, имѣвшее только видъ корабля; въ немъ могли помѣститься кромѣ экипажа, состоявшаго изъ трехсотъ матросовъ и четырехъ тысячъ гребцовъ, еще три тысячи вооруженныхъ воиновъ.

Эти громадные корабли также служатъ доказательствомъ, что въ эпоху Птолемеевъ промышленность и ея вспомогательныя науки пользовались невиданнымъ до тѣхъ поръ покровительствомъ, и что даже болѣе серьезныя отрасли искусствъ служили для удовлетво-

ренія страсти къ блеску и тщеславію царей. Въ то время царскіе дворы были настоящимъ средоточіемъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Вліяніе придворныхъ кружковъ и женщинъ сдѣлало эпоху эту временемъ первыхъ успѣховъ роскоши въ древнемъ мірѣ. Въ Египтѣ были изобрѣтены и приготовлялись большая часть предметовъ роскоши, и только Пергамъ и женщины пергамскаго двора могли впослѣдствіи соперничать въ этомъ отношеніи съ Александріею и египетскими принцессами. Въ особенности знамениты александрійскія мази или косметическія средства, изобрѣтенныя и введенныя въ моду женою Птолемея Сотера, Береникою, и ея дочерью Арсиноею, женою Птолемея Филадельфа. Мази эти цѣнились также дорого, какъ и розовое масло изъ Кирены, пріобрѣвшее извѣстность чрезъ одну принцессу, дочь Магаса, или, какъ подобные же предметы роскоши, введенные въ моду женою пергамскаго царя Эвмена II въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Духъ этой эпохи и восточный характеръ, начинавшій пріобрѣтать въ греческомъ бытѣ преобладающее вліяніе, отражаются и въ музыкѣ, вошедшей тогда въ моду въ Александріи. Птолемеи старались соединить греческую музыку съ восточною, но при этомъ получилъ перевѣсъ оглушительный характеръ послѣдней, чему много способствовали лесть, а еще болѣе простой случай. Бурные пеаны или торжественныя пѣсни, сочиненныя въ Аѳинахъ и Родосѣ въ честь Димитрія Поліоркета и Птолемея Сотера и переложенныя на музыку, вошли у грековъ въ такую же моду, какъ у насъ шумныя оперы. Когда сама пѣснь приняла такой характеръ, то не только аккомпаниментъ ея на инструментахъ сдѣлался гораздо сложнѣе. но и произошло въ первый разъ у грековъ раздѣленіе инструментальной музыки отъ вокальной. Кромѣ вновь изобрѣтенныхъ инструментовъ, (напримѣръ водяные органы въ царствованіе Птолемея III,) съ востока были привезены многіе другіе, до того времени совершенно неизвѣстные грекамъ и содѣйствовавшіе впослѣдствіи развитію направленія, принятаго греческою музыкою въ Сиріи и Египтѣ. Послѣдняя, подобно всему тогдаш-

нему быту, представляетъ странную смѣсь сирійскаго, египетскаго и греческаго элементовъ.

Переходя къ самой замѣчательной сторонѣ александрійской жизни, именно къ ученой дѣятельности, мы и здѣсь находимъ въ греческомъ элементѣ примѣсь восточнаго и господство наружнаго блеска, тщеславія, страсти къ развлеченію и стремленій ко всему внѣшнему, полезному и изящному. Занятія науками сдѣлались тогда простою прихотью и забавою, дѣломъ моды и тщеславія, а сама наука, по мѣрѣ того какъ она теряла изъ виду высшія цѣли, обращалась въ безполезную начитанность или въ средство къ достиженію постороннихъ матеріальныхъ цѣлей. Это лучше всего видно изъ самаго устройства музея. Сообразно всему строю александрійской жизни, музей былъ также необходимъ для столицы Египта, какъ и роскошный царскій дворецъ, театръ, школы гимнастики и верховой ѣзды, или какъ фаросъ и другія постройки для мореплаванія; подобно всѣмъ этимъ заведеніямъ, онъ служилъ для удовлетворенія главной потребности эпохи и возвышалъ блескъ царской резиденціи. Еще Птолемей Сотеръ заботился о томъ, чтобы сдѣлать Александрію средоточіемъ науки и учености, и столь важный для исторіи Аѳинъ Димитрій Фалерейскій, (т. II стр. 442), помогая ему въ этомъ, вторично пріобрѣлъ огромное значеніе. По изгнаніи изъ Аѳинъ, этотъ ученый искалъ себѣ убѣжища у Кассандра, а по смерти его, переселившись въ Египетъ, нашелъ радушный пріемъ у Птолемея Сотера, пріобрѣлъ на него сильное вліяніе, принималъ дѣятельное участіе въ заботахъ царя о наукѣ и искусствѣ, и долженъ по справедливости считаться первымъ основателемъ ученой дѣятельности Александріи. Птолемей Сотеръ приказалъ также собирать книги и завѣдываніе покупкою ихъ поручилъ Димитрію, который однако не принималъ участія въ учрежденіи музея и его библіотеки. Музей и библіотека были дѣломъ Птолемея II, тотчасъ же по смерти отца изгнавшаго Димитрія, который еще прежде отстаивалъ права старшаго сына Сотера на отцовскій престолъ. Филадельфъ передалъ въ музей начатую его

отцомъ коллекцію книгъ и значительно увеличилъ ее. Онъ велѣлъ отыскивать книги во всѣхъ мѣстахъ Греціи, и въ музеѣ постоянно находилось множество переписчиковъ, занятыхъ списываніемъ для библіотеки важнѣйшихъ сочиненій всѣхъ эпохъ. Этимъ было положено начало знаменитой александрійской библіотеки. Она была постоянно увеличиваема при слѣдующихъ Птолемеяхъ, но сгорѣла во времена Юлія Цезаря, за исключеніемъ нѣкоторой ея части, которая не могла помѣститься въ музеѣ и хранилась въ другихъ зданіяхъ. Впослѣдствіи и эти остатки были уничтожены пожаромъ. Птолемеи приказывали собирать не одни греческія книги, но и сочиненія другихъ народовъ, потому что по ихъ мысли библіотека должна была заключать въ себѣ произведенія литературъ всѣхъ народовъ. Въ царствованіе Филадельфа были переведены для этой библіотеки и священныя книги евреевъ, но при этомъ имѣлась въ виду еще другая цѣль: сдѣлать священныя книги доступными іудеямъ, разсѣяннымъ въ Египтѣ между греками и большею частью забывшимъ еврейскій языкъ.

Устройство музея описано выше, и остается только сказать нѣсколько словъ объ ученой дѣятельности этого учрежденія. Сколько ученыхъ жило въ немъ, намъ также мало извѣстно, какъ и подробности объ управленіи и устройствѣ музея. Мы знаемъ только, что музей имѣлъ опредѣленные доходы съ принадлежавшихъ ему земель, и находился въ завѣдываніи особаго президента. Характеръ тогдашней научной дѣятельности превосходно обрисовывается тѣмъ обстоятельствомъ, что принятые въ музей ученые прибавляли къ своимъ именамъ „изъ музея,“ въ такомъ же смыслѣ какой теперь имѣютъ членъ „академіи наукъ,“ „института и пр.“ Музей продолжалъ существовать и послѣ владычества Птолемеевъ; нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ, напримѣръ Клавдій и Адріанъ, заботились о его распространеніи и дѣлали на него пожертвованія. Но еще при послѣднихъ Птолемеяхъ музей получилъ совершенно египетскій характеръ. Въ тоже самое время греко-египетская религія постепенно перерождалась въ древне-египетскую,

и сами Птолемеи все болѣе и болѣе входили въ роль древне-египетскихъ царей. Прежде директорами музея были первые ученые своего времени, а не задолго до р. Х., когда всѣ науки въ Египтѣ снова перешли къ жрецамъ, во главѣ этого учрежденія стояли жрецы. Переходъ этотъ совершенно понятенъ: роскошь двора, чисто египетское богослуженіе и древнее жреческое устройство какъ нельзя лучше соотвѣтствовали одно другому. Жрецы пользовались покровительствомъ двора, и всячески возвышаемые имъ въ глазахъ народа, выказывали съ своей стороны царямъ такое же благоговѣніе, какъ и своимъ божествамъ. Музей пріобрѣталъ болѣе и болѣе сходства съ египетскими храмами, въ которыхъ жрецы также составляли родъ ученой общины; очень можетъ быть, что дѣйствительно эти храмы и были взяты за образецъ при самомъ основаніи музея. Впрочемъ, учрежденіе это, уже съ самаго начала своего существованіе сдѣлавшись литературною теплицею, никогда не могло имѣть благодѣтельнаго вліянія на образованіе и культуру; одинъ остроумный и насмѣшливый писатель эпохи Птолемея Филадельфа совершенно справедливо сравниваетъ принятыхъ въ музей ученыхъ съ обитателями какого нибудь птичника или царскаго звѣринца.

6. Исторія Македоніи и Греціи отъ Антигона Гоната до временъ Арата.

Греческій бытъ, перенесенный съ основаніемъ греческихъ государствъ въ Азіи и Африки, въ другія части свѣта, не исчезалъ и въ собственной Греціи; подчинившись общему характеру эпохи, онъ развился тамъ совершенно иначе, чѣмъ въ Сиріи, Египтѣ и Пергамѣ. Совершенно освободившись отъ вліянія азіатскаго элемента, которому они подпали по смерти Александра, европейскіе греки стали другъ къ другу и къ окружающимъ ихъ царствамъ въ такія отношенія, которыя должны были возбудить между ними соревнованіе, поддерживать постоянную борьбу, и представить въ нихъ примѣръ рѣзкаго различія между свободою и деспотизмомъ.

Послѣ паденія Димитрія Поліоркета преобладаніе въ европейской Греціи мало по малу перешло къ хищническимъ этолійцамъ и жителямъ Ахаіи. Въ то время какъ почти всѣ города Греціи находились подъ властью Антигона Гоната, сына и наслѣдника Димитрія Поліоркета, или отдѣльныхъ тиранновъ, этолійцы постоянно сохраняли свою независимость и оставались единственнымъ греческимъ государствомъ, ввѣрявшимъ тогда защиту своей самостоятельности не наемнымъ войскамъ, а оружію своихъ гражданъ. Большая часть ахейскихъ городовъ освободились отъ чужеземнаго ига во время борьбы Антигона за обладаніе македонскимъ трономъ или нѣсколько позже. Вскорѣ послѣ войны съ галлами, Антигонъ сдѣлался царемъ Македоніи (276 г. до р. Х.); но едва онъ вступилъ на престолъ и, заключивъ союзъ съ Никомедомъ I виѳинскимъ, заставилъ сына Селевка, Никатора, отказаться отъ своихъ притязаній на Македонію (т. III, стр. 23), какъ ему пришлось бороться съ новымъ врагомъ. Соперникомъ его былъ царь эпирскій Пирръ, доставившій своему, незначительному до тѣхъ поръ, народу такое могущество, которое дало ему возможность оспаривать нѣкоторое время у Македоніи обладаніе Греціею. Поэтому здѣсь и слѣдуетъ бросить взглядъ на эпиротовъ и предшествовавшія событія ихъ исторіи.

По своему происхожденію эпироты были народомъ полугреческимъ (т. I, стр. 158). Они состояли изъ нѣсколькихъ племенъ, подобно тому, какъ и теперь эта гористая страна населена различными враждебными другъ другу племенами, совершенно сходными однако между собою по образу жизни, точно также какъ и древніе жители Эпира. Важнѣйшими изъ племенъ древняго Эпира были хаонійцы, теспроты и молоссы. Послѣдніе сдѣлались господствующимъ племенемъ, и съ достиженія ими преобладанія начинается собственно исторія Эпира. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ грековъ перечисляется длинный рядъ молосскихъ или, какъ ихъ чаще называютъ, эпирскихъ царей, восходящій до миѳологическихъ временъ; но нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что эта

генеалогія возникла только во времена царя Пирра. По всей вѣроятности нѣкоторые льстецы-писатели, пользуясь случайнымъ сходствомъ именъ Пирра и его ближайшихъ предшественниковъ съ именами миѳическихъ личностей, связали ихъ съ однимъ древнимъ преданіемъ, чтобы вывести родъ царей эпирскихъ отъ греческихъ героевъ и боговъ. Такимъ образомъ родоначальникомъ ихъ былъ признанъ Пирръ или Неоптолемъ, сынъ Ахиллеса, поселившійся, будто бы, въ Эпирѣ, а по женской линіи родъ ихъ черезъ жену Неоптолема, Ланассу, дочь гераклида Клеодея, былъ выведенъ отъ Геркулеса. Вслѣдствіе этой выдуманной генеалогіи царей эпирскихъ называли также Эакидами, по имени дѣда Ахиллеса Эака.

Не смотря на свое божественное происхожденіе, владѣтели Эпира, по свидѣтельству тѣхъ же писателей, оставались варварами до начала четвертаго столѣтія до р. X. Только при Таррите или Таримбѣ, сынѣ Адмета, давшаго убѣжище изгнаннику Ѳемистоклу (т. I стр. 402), начинаютъ проникать въ Эпиръ греческіе нравы и настоящая образованность. Преемникъ Таррита, Алкетъ I, умирая, раздѣлилъ свое царство (около 380 г. до р. X.) между своими сыновьями Неоптолемомъ и Арибантомъ. Первый не долго пережилъ своего отца, и Арибантъ, воспользовавшись несовершеннолѣтіемъ его дѣтей, овладѣлъ всѣмъ Эпиромъ. Черезъ это онъ впутался въ войну съ Филиппомъ II македонскимъ, женатымъ на дочери Неоптолема Олимпіадѣ, и, по смерти его, сынъ его Эакидъ былъ свергнутъ съ престола братомъ Олимпіады, Александромъ I, которому помогалъ Филиппъ (342 г. до р. X.). Призванный на помощь жителями Тарента, Александръ I, женатый на своей племянницѣ Клеопатрѣ, сестрѣ Александра Великаго, вздумалъ завоевать Нижнюю Италію, но лишился жизни въ этой войнѣ. Престолъ перешелъ тогда къ его двоюродному брату Эакиду. Эакидъ женился на дочери ѳессалійскаго полководца Менона (т. II. стр. 433), и имѣлъ отъ нея сына Пирра, пріобрѣвшаго впослѣдствіи такую извѣстность, и дочь Дендамію, одну изъ женъ Димитрія Поліоркета. По смерти правителя Македоніи

Антипатра, онъ принялъ сторону Олимпіады и ея внука противъ Кассандра и Эвридики (т. II стр. 446), потому что Олимпіада обручила своего внука съ его дочерью, бывшею тогда еще ребенкомъ. Возстановленіе власти Олимпіады въ Македоніи стоило ему престола; овладѣвъ Македоніею, Кассандръ тотчасъ же сталъ поддерживать приверженцевъ дѣтей Неоптолема, изгнавшихъ Эакида изъ Эпира.

Друзья изгнаннаго царя съ трудомъ спасли жизнь сына Эакида двухлѣтняго Пирра, отдавъ его иллирійскому владѣтелю Главкію. Послѣдній, изъ боязни Кассандра, сначала не хотѣлъ принимать къ себѣ ребенка, но наконецъ согласился, и впослѣдствіи даже отказался отъ 300 тысячъ р. с., предложенныхъ ему Кассандромъ за маленькаго Пирра. Черезъ нѣсколько времени изгнанникъ Эакидъ снова овладѣлъ эпирскимъ престоломъ, на который, по смерти его, вступилъ его братъ Алкетъ II, заслужившій жестокостью ненависть своихъ подданныхъ. По умерщвленіи его (307 г. до р. Х.), Главкій явился въ Эпиръ и возвелъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Пирра. Опасаясь могущественнаго иллирійскаго царя, эпироты повиновались молодому Пирру, но, когда другія дѣла отвлекли вниманіе Главкія отъ Эпира, они возстали и провозгласили своимъ царемъ сына Александра I, Неоптолема (302 до р. Х.). Пирръ бѣжалъ къ своему зятю Димитрію Поліоркету. У него онъ научился военному искусству, участвовалъ, подъ его начальствомъ, въ сраженіи при Ипсѣ, и потомъ послѣдовалъ за нимъ въ Грецію, гдѣ и управлялъ дѣлами своего друга, въ то время какъ Димитрій производилъ свои разбойническіе набѣги. Въ 300 до р. Х. Пирръ, которому тогда еще не было двадцати лѣтъ, былъ посланъ своимъ другомъ заложникомъ въ Египетъ, гдѣ выказалъ себя ловкимъ придворнымъ. Онъ съумѣлъ внушить Птолемею Сотеру такое расположеніе къ себѣ, что послѣдній называлъ его потомъ во всѣхъ письмахъ своимъ сыномъ, снискалъ также милость всемогущей жены царя, Береники, и получилъ въ супружество ея дочь отъ перваго брака, родную сестру владѣтеля Ки-

рены Магаса. Обвороженный Пирромъ, Птолемей далъ ему войско и деньги для завоеванія его царства. Въ Эпирѣ ему было легко достичь своей цѣли, но, зная очень хорошо Димитрія Поліоркета, съ этой минуты сдѣлавшагося его злѣйшимъ врагомъ, и ожидая что онъ будетъ поддерживать противъ него Неоптолема, онъ не изгналъ послѣдняго тотчасъ же, а заключилъ съ нимъ договоръ, по которому оба они согласились управлять Эпиромъ сообща (296 г. до р. X.). Вскорѣ послѣ того онъ избавился отъ своего соправителя.

Постоянно поддерживаемый Птолемеемъ Сотеромъ, Пирръ распространилъ предѣлы своего царства въ Акарнаніи и другихъ сосѣднихъ государствахъ и, предводительствуя своими воинственными, хищническими горцами, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ жизнь искателя приключеній и предводителя разбойниковъ. Нѣсколько разъ онъ вторгался въ Ѳессалію, однажды, въ виду обоихъ войскъ, вступилъ въ единоборство съ македонскимъ полководцемъ, вызвавшимъ его на поединокъ, и, воспользовавшись внезапною болѣзнію Димитрія Поліоркета, едва не овладѣлъ Македоніею. Ему уже удалось наводнить всю страну своими разбойничьими шайками, но Димитрій Поліоркетъ, оправившись отъ болѣзни, выступилъ противъ него, разбилъ его войско, и выгналъ изъ Македоніи. Гордость, надменность и дурное управленіе Димитрія и золото Птолемея доставили ему вскорѣ послѣ того обладаніе половиною Македоніи. Но и это завоеваніе было сдѣлано имъ по разбойничьи. Одна изъ его женъ, Ланасса, дочь сиракузскаго царя Агатокла, вступила въ тайныя сношенія съ Димитріемъ и перемѣнила на его гаремъ, гаремъ Пирра. При этомъ случаѣ она измѣннически передала Димитрію островъ Керкиру, и Пирръ, опасаясь Димитрія, снаряжавшаго въ то время свое громадное войско къ походу въ Азію, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому онъ уступилъ Димитрію Керкиру и обѣщался сохранять миръ. Но когда соединившіеся противъ Димитрія Птолемей, Лисимахъ и Селевкъ пригласили его примкнуть къ союзу и воспользоваться удобнымъ случа-

емъ къ завоеванію Македоніи, онъ, не колеблясь, нарушилъ условіе и легко овладѣлъ страною, жители которой были недовольны деспотическимъ правленіемъ Димитрія. Сдѣлавшись владѣтелемъ Македоніи, Пирръ принужденъ былъ подѣлиться половиною своей добычи съ Лисимахомъ, который черезъ полгода съ помощью недовольныхъ жителей совершенно изгналъ его изъ Македоніи. Умерщвленіе Селевка снова возбудило въ Пиррѣ надежду овладѣть Македоніею. Онъ началъ войну съ только что завладѣвшимъ властью Птолемеемъ Керавномъ, пользуясь тѣмъ, что Антигонъ Гонатъ въ то же самое время напалъ на новаго македонскаго царя. Но когда тарентинцы призвали его на помощь противъ Рима и Птолемей Керавнъ, чтобы избавиться отъ него, предложилъ поддерживать его въ этомъ предпріятіи девятью тысячнымъ войскомъ и пятидесятью слонами, онъ тотчасъ же прекратилъ войну съ Македоніею. Вѣроятно Пирръ отказался отъ этой войны, вспомнивъ какое отвращеніе питали къ нему македоняне. Въ Италіи онъ пробылъ пять лѣтъ.

По отъѣздѣ его въ Италію, въ Македонію и Грецію вторглись (т. III стр. 19) галлы, Птолемей Керавнъ лишился жизни въ битвѣ съ ними, и, нѣсколько лѣтъ спустя, Македоніею овладѣлъ Антигонъ Гонатъ. Но едва послѣдній успѣлъ упрочить за собою новое завоеваніе, какъ Пирръ, возвратившись въ Эпиръ изъ итальянскаго похода, о которомъ будетъ разсказано въ римской исторіи, снова сдѣлалъ попытку овладѣть Македоніей. Война была тогда для него необходимостью, потому что онъ вернулся изъ Италіи съ восемью тысячами человѣкъ пѣхоты и пятьюстами всадниковъ, которыхъ не могъ содержать на доходы своего маленькаго Эпирскаго царства. Усиливъ свое войско толпою галльскихъ наемниковъ, онъ вторгнулся въ Македонію (274 г. до р. X.), одержалъ верхъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, подкупилъ нѣкоторыхъ непріятельскихъ военачальниковъ, побудилъ къ измѣнѣ всю пѣхоту своего противника, и принудилъ его отступить къ городамъ восточнаго берега Македоніи. Овладѣвъ всею внутренностью Македоніи, Пирръ,

вмѣсто того чтобы напасть на приморскіе города, въ которыхъ заперся Антигонъ Гонатъ, и совершенно изгнать его изъ страны, увлекся мечтою о новомъ дальнемъ предпріятіи. Впрочемъ этотъ образъ дѣйствій Пирра можно объяснить неимѣніемъ флота. Но за то дальнѣйшія его распоряженія въ Македоніи были слѣдствіемъ только свойственнаго ему военнаго высокомѣрія. Въ Эгахъ, древнѣйшемъ городѣ Македоніи и мѣстѣ погребенія царей прежней династіи, онъ оставилъ гарнизонъ изъ двухъ тысячъ галловъ, притѣснявшихъ жителей, грабившихъ гробницы царей и ругавшихся надъ ихъ прахомъ, и, несмотря на громкое негодованіе македонцевъ, не хотѣлъ остановить этихъ безчинствъ.

Цѣлью новаго предпріятія Пирра было завоеваніе Пелопоннеса и покореніе Спарты. Пелопоннесскій походъ Пирра былъ вызванъ обстоятельствами, находившимися въ связи съ нравственнымъ и политическимъ состояніемъ спартанцевъ того времени, и потому необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ въ Спартѣ. Спартанское государственное устройство было тогда совершенно искажено примѣсью олигархіи и демократіи. Оно сдѣлалось олигархическимъ, потому что все богатство перешло въ руки немногихъ родовъ, и демократическимъ, потому что ежегодно избираемые вновь пять эфоровъ поставили обоихъ царей и сенатъ въ совершенную зависимость отъ себя, увѣренные въ поддержкѣ толпы, которую они всегда могли собрать и представителями которой старались казаться. Народъ находился въ угнетеніи и нищетѣ, а богатые предавались роскоши, не смотря на запрещенія Ликурга. Нравы и обычаи, положенные этимъ законодателемъ въ основаніе государственнаго устройства Спарты, давно уже уступили духу времени, и спартанская республика, болѣе чѣмъ всякое другое греческое государство опиравшаяся на старину, съ упадкомъ древняго быта лишилась въ тоже время своей силы и внѣшняго значенія. „Спартанцы“, говоритъ Аристотель въ своемъ сочиненіи о государствѣ, “превосходили всѣхъ прочихъ грековъ до тѣхъ поръ, пока непрестанно занимались упражненіями, развиваю-

щими силу; теперь же, напротивъ, начавъ пренебрегать ими, они стали ниже всѣхъ, потому что причина ихъ прежняго превосходства заключалась не въ особенныхъ, свойственныхъ имъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, а въ томъ, что они постоянно въ нихъ упражнялись и имѣли дѣло съ людьми, которые не занимались этимъ."

Возрастаніе могущества эфоровъ, вмѣстѣ съ немногими богачами захватившихъ власть въ свои руки, и постоянное разслабленіе духа народа, шли рядомъ съ уменьшеніемъ народонаселенія и увеличеніемъ неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ. Пелопоннесская война и войны за поддержаніе преобладанія Спарты, происходившія въ послѣдующія сорокъ лѣтъ, до того уменьшили ея народонаселеніе, что часто приходилось посылать на войну пятидесяти и шестидесятилѣтнихъ стариковъ, для пополненія быстро рѣдѣвшихъ рядовъ молодежи. Уже одно это, не смотря на всѣ постановленія законодательства Ликурга, должно было произвести огромное неравенство состояній. Съ уменьшеніемъ числа родовъ, пользовавшихся полнымъ правомъ гражданства, нѣкоторые изъ нихъ должны были получить въ наслѣдство многія помѣстья, а гибель такого множества юношей увеличила число дочерей и богатыхъ наслѣдницъ. Принявъ въ расчетъ уже издавна развившуюся страсть къ роскоши и корыстолюбіе, легко понять, что Спарта, съ той самой минуты какъ стала стремиться къ завоеваніямъ и преобладанію надъ Греціею, пришла въ противорѣчіе сама съ собою, съ своимъ государственнымъ устройствомъ и главными его основаніями, и потому должна была падать все ниже и ниже. То, что было приготовлено такимъ образомъ обстоятельствами, при Филиппѣ II македонскомъ, сдѣлалось всѣми признаннымъ совершившимся фактомъ. Тогда по предложенію эфора Эпитадея былъ изданъ законъ, дозволявшій каждому гражданину отчуждать и завѣщать по произволу свое недвижимое имѣніе. Этому закону несправедливо приписываютъ обыкновенно весь упадокъ древнихъ спартанскихъ учрежденій, законъ Эпитадея былъ только одною изъ произведенныхъ около того времени перемѣнъ въ

спартанскомъ государственномъ устройствѣ, — перемѣною, которая, подобно всѣмъ прочимъ бѣдствіямъ, была только плодомъ той эпохи и причиною новаго зла.

Неравенство въ распредѣленіи богатствъ, съ теченіемъ времени, сдѣлалось такъ велико, что въ половинѣ третьяго столѣтія до р. Х., всѣ помѣстья Лаконіи сосредоточились въ рукахъ ста фамилій. Около шести сотъ другихъ родовъ имѣли одинаковыя съ ними права на эти владѣнія, но, не имѣя средствъ предъявить свои притязанія, жили въ самой тяжелой зависимости отъ первыхъ. Всѣ прочіе граждане, не владѣя недвижимою собственностью, были жертвами фамилій, составлявшихъ господствовавшую олигархію; положеніе ихъ было тѣмъ бѣдственнѣе, что въ странѣ не было почти никакой промышленной дѣятельности и торговли. Богатыя фимиліи имѣли въ рукахъ всю власть и пользовались бо́льшимъ вліяніемъ и уваженіемъ, чѣмъ сами цари. Неравенство богатства и здѣсь имѣло такое же гибельное вліяніе на нравственное состояніе общества, какъ вездѣ: низкопоклонство и отсутствіе самоуваженія одной части гражданъ, высокомѣріе, роскошь и безумное мотовство другой. Чужеземные нравы и пороки укоренились въ Спартѣ и подкапывали всѣ основанія государства. Уже сынъ Агесилая, Архидамъ III, охотнѣе жилъ заграницею съ такою же роскошью, какъ другіе греки. Л е о н и д ъ II, царствовавшій около 250 г. до р. Х., прожилъ большую часть своей молодости при развратномъ сирійскомъ дворѣ, и привезъ оттуда въ Спарту сирійскіе пороки и страсть къ роскоши. Не удивительно, что, какъ говоритъ одинъ писатель, жившій не задолго послѣ Леонида, о сисситіяхъ (т. I стр, 289) уже давно не было и рѣчи, и мѣсто простой пищи и утвари заняли роскошныя яства, изысканныя вина, дорогіе сосуды, ароматы и пр. Цари, правившіе Спартою во время нападенія Пирра, ввели въ свой родной городъ роскошь и изящество чужеземныхъ дворовъ, но и въ этомъ отношеніи они уступали нѣкоторымъ изъ своихъ подданныхъ; по словамъ того же писателя, нѣсколько преувеличив-

шаго этотъ фактъ, ихъ издержки, въ сравненіи съ расходами послѣднихъ, скорѣе напоминали прежнее старое время. Но, ни что не свидѣтельствуетъ такъ сильно объ ужасномъ паденіи тогдашнихъ спартанцевъ, какъ нравственный характеръ и положеніе знатныхъ женщинъ той эпохи. Дѣвицы благородныхъ фамилій имѣли по нѣскольку любовниковъ, а царскія жены вступали въ незаконныя связи съ самыми близкими родственниками. Немногія изъ этихъ женщинъ и дѣвицъ, будучи богатыми наслѣдницами, имѣли болѣе силы чѣмъ сами цари; такъ, напримѣръ, мать царя Агиса III, вступившаго на престолъ въ 243 г. до р. X., пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ государствѣ только благодаря множеству своихъ должниковъ и клеентовъ.

Но при всемъ этомъ нельзя отрицать, чтобы въ спартанцахъ не сохранилась нѣкоторая доля ихъ древняго мужества, превратившагося только, подъ вліяніемъ господствующей страсти къ наслажденіямъ и корыстолюбія, въ хищничество, и сдѣлавшаго ихъ похожими на нынѣшнихъ майнотовъ, населяющихъ теперь древнюю Лаконію. Можно даже сказать, что тогдашнее дворянство, состоявшее изъ семисотъ родовъ, или настоящіе спартанцы (т. I стр. 281 и 285) образовали собою толпу рыцарей, которые, подобно предводителямъ нынѣшнихъ клефтовъ, производили хищническіе набѣги на морѣ и на сухомъ пути. Такимъ же атаманомъ разбойникомъ былъ и человѣкъ, побудившій Пирра предпринять походъ противъ Спарты. По смерти царя Клеомена II, сынъ его Клеонимъ, былъ отдаленъ отъ престолонаслѣдія, въ пользу своего двоюроднаго брата Арея I. Онъ покинулъ родной городъ, и отправился въ Италію, гдѣ съ толпою наемниковъ былъ призванъ тарентинцами на помощь противъ луканцевъ. На мысѣ Тенарѣ, главномъ сборномъ мѣстѣ греческихъ наемниковъ, онъ навербовалъ пятитысячный отрядъ, увеличенный въ Италіи до двадцати тысячъ. Этимъ онъ такъ устрашилъ луканцевъ, что они тотчасъ же заключили миръ съ Тарентомъ. Клеонимъ, мечтавшій только о приключеніяхъ и до-

бычѣ, соединился тогда съ луканцами для нападенія на городъ Метапонтъ. Проникнувъ туда подъ личиною доброжелательства, онъ овладѣлъ городомъ, и, вытребовавъ у гражданъ большія суммы денегъ, жилъ на ихъ счетъ еще роскошнѣе, чѣмъ нѣкогда Димитрій Поліоркетъ въ Аѳинахъ. Потомъ онъ поплылъ съ своею грубою шайкою къ Керкирѣ, овладѣлъ ея столицею, и сталъ распоряжаться на островѣ, какъ настоящій атаманъ разбойниковъ. Послѣ того онъ жилъ нѣкоторое время въ Спартѣ, но здѣсь былъ глубоко оскорбленъ Акрататомъ, сыномъ царя Арея I. Этотъ расточительный молодой человѣкъ, нравившійся женщинамъ и соблазнявшій ихъ, жилъ въ открытой связи съ женою Клеонима. Клеонимъ оставилъ родину, отправился къ Пирру, и побудилъ его предпринять походъ противъ Спарты. Подъ предлогомъ освобожденія городовъ, занятыхъ Антигономъ, Пирръ совершенно неожиданно появился на полуостровѣ съ двадцатью пятью тысячами пѣхоты, двумя тысячами всадниковъ и двадцатью четырьмя слонами (272 г. до р. X.).

Пирръ двинулся прямо на Спарту, гдѣ его внезапное появленіе привело всѣхъ въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что одного изъ царей, Арея I, предпринявшаго разбойничій походъ противъ острова Крита, не было въ то время въ городѣ. Если бы царь эпирскій штурмовалъ городъ въ тотъ самый вечеръ, какъ явился передъ нимъ, Спарта навѣрное была бы въ его рукахъ; но онъ не счелъ за нужное спѣшить и одна ночь совершенно измѣнила все положеніе дѣлъ. Спартанцы съ чрезвычайною поспѣшностью укрѣпили городъ, окруженный стѣною и рвомъ еще передъ нападеніемъ Димитрія Поліоркета. Большинство гражданъ покинуло было всякую мысль объ оборонѣ, но увѣщенія ихъ женъ, развратъ которыхъ послужилъ въ этомъ случаѣ къ спасенію города, и стыдъ, что женщины напоминаютъ имъ о мужествѣ предковъ, сдѣлали чудеса. Жена Клеонима ходила по улицамъ съ веревкою на шеѣ, громогласно объявляя, что если Пирръ побѣдитъ, то она удавится, чтобы не попасть въ руки Клеонима. Другая женщина изъ царскаго рода, Архидамія,

явилась въ засѣданіе совѣта опоясанная мечомъ, и объявила свою рѣшимость умереть за родной городъ. Послѣ того всѣ соединились для общаго отчаяннаго сопротивленія. Въ продолженіе ночи самый слабый пунктъ города былъ прикрытъ новымъ рвомъ; всѣ жители, даже женщины и дѣвушки, помогали рыть его, и на другое утро укрѣпленіе было готово. Нападеніе Пирра было отбито послѣ упорнаго боя, продолжавшаго до глубокой ночи. На другой день ему удалось было во главѣ своего войска проникнуть въ городъ, но когда подъ нимъ была убита лошадь, въ рядахъ его воиновъ произошло смятеніе и нападающіе должны были отступить изъ города. Не смотря на это, Спарта можетъ быть и была бы взята, если бы Пирръ не далъ своему войску отдыха въ надеждѣ, что спартанцы, изнуренные двухдневнымъ боемъ, добровольно сдадутся. Но еще до возобновленія битвы возвратился изъ Крита царь Арей съ двумя тысячами наемниковъ, и въ тоже время появился передъ Спартою съ вспомогательными войсками намѣстникъ Антигона въ Коринѳѣ, Амейній. Сдѣлавъ нѣсколько безуспѣшныхъ аттакъ, Пирръ отступилъ наконецъ, убѣдившись въ невозможности взять городъ, и продолжалъ нѣкоторое время опустошать Лаконію, потому что его толпы могли жить только грабежомъ.

Описанное выше положеніе дѣлъ, побудившее Пирра предпринять походъ противъ Спарты, лучше всего доказываетъ, если только это нуждается въ доказательствѣ, что въ Греціи исчезла всякая возможность сохранить свободныя учрежденія. Тоже самое можно видѣть и изъ обстоятельства, принудившаго Пирра къ отступленію изъ Лаконіи. Въ то время въ Аргосѣ спорили за обладаніе властью два гражданина Аристиппъ и Аристей; перваго поддерживалъ Антигонъ, послѣдній просилъ помощи у Пирра, который тотчасъ же послѣдовалъ приглашенію и двинулся со своими войсками къ Аргосу. Но когда онъ приближался къ городу, туда подоспѣлъ съ войскомъ Антигонъ Гонатъ, снова овладѣвшій Македоніею, по удаленію изъ нея Пирра. Оба царя расположились въ окрестностяхъ города, и Пирръ, какъ ис-

тый искатель приключеній, предложилъ Антигону рѣшить споръ поединкомъ. Антигонъ очень остроумно и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ войну, какъ полководецъ, а не какъ кулачный боецъ, и что если Пирру надоѣла жизнь, то онъ можетъ найти тысячу другихъ способовъ избавиться отъ нея. Аргосцы, угрожаемые съ двухъ сторонъ, умоляли обоихъ царей очистить территорію Аргоса и кончить свой споръ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Антигонъ тотчасъ же отступилъ; Пирръ, сдѣлавъ видъ что готовится также къ отступленію, на слѣдующую ночь внезапно явился передъ одними изъ городскихъ воротъ, которыя ему обѣщалъ отворить Аристей. Къ несчастію для него ворота были такъ низки, что для вступленія въ городъ нужно было снять со слоновъ башни; онъ потерялъ изъ за этого много времени и встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ самомъ городѣ, а между тѣмъ Антигонъ, къ которому Аристиппъ отправилъ гонца, успѣлъ прислать въ Аргосъ требуемую помощь. Въ одно время съ войсками Антигона появился Арей, преслѣдовавшій Пирра при отступленіи его изъ Лаконіи. Антигонъ былъ такъ благоразуменъ, что не вступилъ въ городъ со своими главными силами, а расположился въ засадѣ передъ городомъ и оттуда руководилъ битвою. Не видя угрожавшей ему опасности, Пирръ продолжалъ двигаться впередъ и только съ наступленіемъ дня понялъ свою ошибку. Тогда онъ хотѣлъ поспѣшно очистить городъ, одинъ изъ его слоновъ палъ въ тѣхъ самыхъ воротахъ, черезъ которыя должно было отступать его войско, и такимъ образомъ загородилъ путь отступленія воинамъ Пирра, сильно тѣснимымъ непріятелемъ съ тыла. Бросившись на преслѣдовавшихъ его непріятелей, Пирръ былъ раненъ ударомъ копья. Онъ устремился на своего противника, аргосца незнатнаго происхожденія, но мать послѣдняго, видѣвшая съ сосѣдней кровли опасность, которой подвергался ея сынъ, схватила кирпичъ и бросила его въ Пирра. Тяжелый камень упалъ прямо на голову царя и такъ сильно оглушилъ его, что онъ безъ чувствъ упалъ съ лошади. Одинъ

изъ военачальниковъ Антигона узналъ раненаго и отрубилъ ему голову. Алкіоней, второй сынъ Антигона, схватилъ ее, поскакалъ къ своему отцу, и бросилъ ее передъ нимъ на землю. Раздраженный этою жестокостью, Антигонъ ударилъ своего сына, назвалъ его варваромъ и прогналъ прочь, а самъ, закрывъ лицо плащемъ, заплакалъ, вспомнивъ при этомъ о печальной участи, постигшей его отца Димитрія Поліоркета и дѣда Антигона. Смерть Пирра доставила аргосцамъ только ту выгоду, что городъ ихъ не былъ разграбленъ, потому что для нихъ было рѣшительно все равно, кто сдѣлается ихъ владѣтелемъ Аристиппъ, поставленный надъ ними Антигономъ, или Аристей, которому покровительствовалъ Пирръ.

Съ этого времени Антигонъ сталъ стремиться къ присоединенію Пелопоннеса и всей остальной Греціи къ своимъ владѣніямъ, и, безъ сомнѣнія, планъ его осуществился бы, если бы ему не помѣшала въ этомъ политика египетскихъ царей. Птолемей Филадельфъ, владѣвшій нѣсколькими островами въ Эгейскомъ морѣ, поддерживалъ своимъ флотомъ и войсками воевавшихъ съ Антигономъ или недовольныхъ его владычествомъ грековъ, и впослѣдствіи своими деньгами далъ возможность сыну Пирра, Александру II, произвести удачное нападеніе на Македонію. Въ эту эпоху власть всѣхъ царей, основываясь почти исключительно на наемныхъ войскахъ зависѣла отъ вѣрности этихъ людей, торговавшихъ своею жизнью. Это обнаружилось и при нападеніи Александра II на Македонію. Войска Антигона перешли къ непріятелю, овладѣвшему послѣ того всею Македоніею. Впрочемъ вслѣдъ за тѣмъ страна эта была отнята у него также быстро, какъ и завоевана имъ. Мы опускаемъ подробности исторіи Греціи въ послѣдніе годы жизни Антигона, и замѣтимъ только, что царь этотъ, по окончаніи войны съ Александромъ II спокойно владѣвшій Македоніею и царствовавшій до 243 г. или вѣроятнѣе до 240 г. до р. Х., не достигъ владычества надъ всею Греціею. Во многихъ мѣстностяхъ Пелопоннеса, нѣкоторые изъ гражданъ, пользуясь обстоятельствами сдѣлались ти-

раннами, а этолійцы, общины которыхъ заключили тогда между собою тѣсный союзъ, и города Ахаіи, соединившіеся въ подобный же союзъ, еще при жизни Антигона пріобрѣли политическое значеніе, совершенно измѣнившее тогдашнее положеніе дѣлъ.

7. Ахейскій и Этолійскій союзы.

Въ то время какъ во всѣхъ греческихъ государствахъ окончательно погибла свобода, только изрѣдка показывая признаки жизни, первенствующими греческими державами дѣлаются два союза государствъ — Ахейскій въ Пелопоннесѣ и Этолійскій на западѣ Средней Греціи. Оба союза имѣли цѣлью соединить небольшіе и сами по себѣ слабые города или общины такимъ образомъ, чтобы, представляя извнѣ одно замкнутое политическое тѣло, управляемое ежегодно избиравшимся вновь верховнымъ главою, они сохраняли полную независимость и самостоятельность въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и устройствѣ. Послѣднее было ограничено только тѣмъ, что всѣ союзники обязывались повиноваться общимъ опредѣленіямъ союзнаго собранія, и законы отдѣльныхъ государствъ не должны были противорѣчить общимъ законамъ союза. Оба союза избрали себѣ трудную задачу доставить значеніе могущественной державѣ, возникшей изъ соединенія нѣсколькихъ мелкихъ, независимыхъ другъ отъ друга государствъ, и избѣжать общаго всѣмъ значительнымъ государствамъ неудобства, заключающагося въ централизаціи и ослабленіи характеристическихъ особенностей и жизни отдѣльныхъ частей. Свѣдѣнія наши о союзѣ ахейцевъ и этолійцевъ крайне недостаточны; это тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что попытки подобнаго соединенія никогда и нигдѣ не удавались вполнѣ, не исключая Швейцаріи и Америки. Не лишнимъ будетъ однако сообщить хотя нѣкоторыя данныя объ этихъ конфедераціяхъ, начиная съ этолійской, какъ древнѣйшей.

Этолійцы были всегда полуобразованнымъ племенемъ горцевъ, которыхъ до Пелопоннсской войны сами греки считали по-

луварварами. Въ послѣднюю эпоху греческой исторіи въ нравственномъ отвошеніи они стояли также низко, какъ аѳиняне и другіе образованные народы Греціи. Этолійцы были грубы и въ то же время испорчены, граждане прочихъ греческихъ государствъ, напротивъ того, были испорчены цивилизаціей и развращены въ нравственномъ отношеніи. Первые походили на шайку разбойниковъ, послѣдніе на толпу развратныхъ придворныхъ. Изъ своего природнаго состоянія первые почти разомъ перешли къ растлѣнію и обнаруживали въ своихъ наслажденіяхъ грубость и звѣрство; вторые, лишившись чувства законности и свободы, спасли по крайней мѣрѣ поэзію и философію, какъ утѣшеніе среди всеобщей испорченности. Вся жизнь этолійцевъ, какъ это часто бываетъ съ военными, проходила въ развратѣ и мотовствѣ или въ трудахъ войны. Почти всѣ они были обременены долгами, славились корыстолюбіемъ и хищничествомъ, и заслужили всеобщую ненависть своими грабежами. Отличительными качествами этолійцевъ были въ то же время храбрость и дисциплина; одинъ писатель древности говоритъ, что они также расточали свою жизнь на войнѣ, какъ свои богатства въ наслажденіяхъ. Предводители этолійскихъ отрядовъ, подобно нынѣшнимъ албанцамъ, предпочитались при сирійскомъ и египетскомъ дворахъ всѣмъ прочимъ и получали огромное жалованье; напримѣръ въ Египтѣ каждый изъ нихъ, кромѣ раціоновъ, получалъ въ день до двадцати двухъ рублей серебромъ. Не смотря на совершенное отсутствіе художественнаго вкуса, они все таки относили въ свой главный храмъ, находившійся въ Термѣ, всѣ захваченные ими статуи, картины и драгоцѣнности. Не имѣя ни военныхъ машинъ, ни правильно построенныхъ крѣпостей, они не усвоили себѣ никакихъ улучшеній въ военномъ искусствѣ, сдѣлавшемъ такіе успѣхи со времени Ификрата. Все это не мѣшало имъ сражаться лучше другихъ греческихъ племенъ, и этолійцы были единственнымъ народомъ, который съ успѣхомъ боролся съ преемниками Александра и защищалъ свою свободу противъ ихъ нападеній. Причина этого

заключалась не въ ихъ храбрости, а главнымъ образомъ въ томъ, что они одни изъ всѣхъ греческихъ государствъ имѣли настоящія національныя войска и не употребляли наемниковъ. Это преимущество и соединеніе въ союзъ придавали имъ огромное значеніе въ тогдашнихъ войнахъ, и сдѣлали ихъ, вмѣстѣ съ ахейцами, преобладающею державою въ Греціи.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о возникновеніи конфедераціи ихъ общинъ, впослѣдствіи названной Этолійскимъ союзомъ. Во всякомъ случаѣ она не могла образоваться незадолго до того времени, когда этолійцы достигли своего наибольшаго значенія; но прежде того, подобно беотійскому, ѳессалійскому и другимъ греческимъ племеннымъ союзамъ, была только соединеніемъ общинъ и мѣстечекъ, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія, обычаевъ и нарѣчія. Исторія ѳессалійцевъ, беотійцевъ, фокидцевъ и другихъ подобнымъ же образомъ соединенныхъ между собою народовъ доказываетъ какъ слабы были всѣ эти связи, не смотря на собиравшіяся въ извѣстномъ мѣстѣ союзныя собранія, общія жертвоприношенія и назначеніе союзныхъ должностныхъ лицъ. Этолійскій союзъ былъ организованъ не лучше прочихъ до 322 до р. X., когда Антипатръ, въ соединеніи съ Кратеромъ, напалъ на союзныя общины въ ихъ собственной странѣ (т. II, стр. 437). Антипатръ, безъ сомнѣнія, покорилъ бы тогда этолійцевъ, если бы властолюбіе Пердикки не принудило его отправиться въ Азію; отступая изъ Этоліи, онъ сказалъ, что скоро воротится, выгонитъ весь народъ, какъ опасныхъ и безпокойныхъ сосѣдей изъ разбойничьяго гнѣзда, и переселитъ въ Азію. Общая опасность еще крѣпче соединила тогда отдѣльныя общины и придала новую жизнь ихъ древнему союзу. Съ этого времени начинается постепенное развитіе союза. Впослѣдствіи онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя изъ учрежденій Ахейскаго союза; но мы не въ состояніи отличить эти нововведенія и подражанія отъ первоначальныхъ, древнихъ основаній Этолійскаго союза.

Главною цѣлью конфедерація была война, наступательная—для

грабежа, и оборонительная—для защиты отъ мести ограбленныхъ. Ежегодно избиравшійся глава союза носилъ титулъ стратега, т. е. предводителя или полководца, гораздо болѣе приличный начальнику и руководителю этолійцевъ, чѣмъ главѣ Ахейскаго союза, образовавшагося только для защиты. Второе мѣсто послѣ стратега, начальствовавшаго на войнѣ и наблюдавшаго за исполненіемъ постановленій союза, занималъ гиппархъ или начальникъ конницы, третье—такъ называемый писецъ союза или государственный секретарь внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Эти высшіе сановники, вмѣстѣ съ нѣкоторыми низшими должностными лицами, избирались союзнымъ собраніемъ всегда только на одинъ годъ. Существовалъ еще, назначаемый союзнымъ же собраніемъ, комитетъ или союзный совѣтъ, называвшійся совѣтомъ апоклетовъ и приготовлявшій къ докладу всѣ дѣла, поступавшія на обсужденіе союзнаго собранія, потому что въ Этоліи, какъ и въ мартовскихъ собраніяхъ германцевъ, всѣ рѣшенія представлялись народу уже совершенно готовыми, и онъ только утверждалъ или отвергалъ ихъ. Каждый этолійскій гражданинъ имѣлъ мѣсто и голосъ въ союзномъ собраніи, которое было высшимъ правительственнымъ органомъ союза и собиралось регулярно одинъ разъ въ годъ при храмѣ Апполона въ Термѣ. Кругъ его дѣйствій заключался въ назначеніи должностныхъ лицъ союза, принятіи или неутвержденіи предложеній стратеговъ и апоклетовъ, объявленіи войны, заключеніи мира и союзовъ съ другими государствами, пріемѣ иностранныхъ пословъ и раздачѣ привилегій. Въ собраніи предсѣдательствовалъ стратегъ, который однако, подобно президентамъ европейскихъ парламентовъ, не могъ участвовать въ обсужденіи дѣла, разсматриваемаго союзомъ. Какъ велика была власть союзнаго собранія во внутреннихъ дѣлахъ и надъ отдѣльными государствами союза, намъ неизвѣстно. Въ союзъ иногда принимались на нѣкоторое время фокидцы, локрійцы и часть аркадійцевъ, а, современи вторженія галловъ, очень часто входили въ составъ союза и города южной Ѳессаліи, что представляло имъ двойную выгоду, предохраняя ихъ съ

одной стороны отъ грабежей этолійцевъ, а съ другой отъ притязаній македонскихъ царей.

Нѣсколько болѣе положительныя свѣдѣнія мы имѣемъ объ Ахейскомъ союзѣ, хотя и о немъ до насъ дошли только отрывочныя извѣстія. До Александра Великаго почти неупоминаемые въ греческой исторіи, ахейцы поселились въ названной по ихъ имени части сѣвернаго берега Пелопоннеса около одиннадцатаго вѣка до р. X. (т. I стр. 222 и 266). Сначала въ ахейскихъ городахъ господствовали цари, но впослѣдствіи ахейцы, подобно прочимъ грекамъ, перемѣнили монархическія формы правленія на республиканскія, и между ними возникли двѣнадцать маленькихъ демократическихъ республикъ, соединенныхъ въ одинъ союзъ. Эти двѣнадцать городовъ до самой смерти Александра Великаго не принимали никакого участія въ общихъ дѣлахъ Греціи, живя между собою, какъ кажется, въ постоянномъ мирѣ и согласіи. Все это измѣнилось по смерти Александра. Между городами Ахейскаго союза начались распри, хитрою политикою полководцевъ, спорившихъ за обладаніе Греціею и Македоніею, союзъ былъ расторгнутъ, а составлявшіе его города начали стремиться къ усиленію себя на счетъ другихъ. Вслѣдствіе того нѣкоторые изъ нихъ были покороны Димитріемъ Поліоркетомъ, Кассандромъ и Антигономъ Гонатомъ, а другими завладѣли тиранны. Такое положеніе дѣлъ длилось до 280 г. до р. X., когда между ахейцами снова стало водворяться согласіе. Четыре ахейскіе города возобновили древній союзъ, а къ нимъ скоро присоединились и прочіе города, изгнавъ своихъ тиранновъ или македонскіе гарнизоны. Въ непродолжительное время во всей Ахаіи была возстановлена демократическая конфедерація, хотя два главныхъ города сѣвернаго берега Пелопоннеса, (не причислявшіеся впрочемъ къ Ахаіи) Коринѳъ и Сикіонъ, оставались еще во власти Антигона Гоната. Но всѣ остальные города были только незначительными мѣстечками; союзъ нисколько не обезпечилъ бы ихъ свободы и никогда не достигъ бы большаго значенія въ греческой исторіи, если бы и эти

города не освободились и не примкнули къ ахейцамъ, черезъ тридцать или сорокъ лѣтъ по возстановленіи союза.

Новый Ахейскій союзъ былъ организованъ гораздо прочнѣе прежняго, составлявшаго только одну изъ греческихъ амфиктіоній, т. е. слабо развитыхъ соединеній городовъ, которые въ отношеніе къ другимъ народомъ никогда не представляли одного цѣлаго, такъ что, напримѣръ, каждый городъ имѣлъ право вести войну отдѣльно отъ своего имени и заключать союзы съ не-ахейскими государствами. Возобновленная Ахейская конфедерація была прочнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, въ которомъ всѣ внѣшнія дѣла были изъяты изъ вѣдѣнія отдѣльныхъ государствъ и подчинены общимъ опредѣленіямъ всего союза, даже нѣкоторыя изъ дѣлъ внутренняго управленія считались подлежащими рѣшенію союзныхъ властей. Каждое государство, сохраняя свое особое, независимое управленіе, съ самостоятельными административными органами, народными собраніями и судами, было только обязано соблюдать нѣкоторыя общія постановленія; такъ, напримѣръ, каждое государство должно было имѣть общую систему мѣръ, вѣсовъ и монетъ, а для внутренняго управленія существовали нѣкоторыя узаконенія, постановленныя союзомъ и обязательныя для всѣхъ его членовъ. Ахейскій союзъ, подобно Этолійскому, распространился мало по малу и на другія греческія племена и города, какъ это видно изъ присоединенія Коринѳа и Сикіона.

Высшею верховною властью союза было общее собраніе, собиравшееся два раза въ годъ въ опредѣленные дни въ Эгіи, а въ необыкновенныхъ случаяхъ въ другое время и въ другихъ городахъ. Полагаютъ, что каждый гражданинъ союзнаго государства имѣлъ право присутствовать и подавать голосъ въ собраніи. Впрочемъ этого нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ и, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ одного греческаго историка, легко можетъ быть, что въ собраніи участвовали только нѣкоторые изъ избранныхъ гражданъ отдѣльныхъ государствъ союза. Если такова дѣйстви-

тельно была политическая организація, — чего впрочемъ нельзя утверждать, — то ахейцы представляютъ намъ единственный въ древности примѣръ народа, вручавшаго законодательную власть избраннымъ представителямъ. Если даже и каждый гражданинъ имѣлъ право присутствовать въ союзномъ собраніи, предлагать законы, говорить и подавать голосъ, то все таки въ большей части случаевъ, по естественному порядку вещей, въ собраніи появлялись только богатые и знатные, и правленіе было такимъ образомъ демократическимъ, а не охлократическимъ, т. е. другими словами не находилось въ рукахъ массы. Впрочемъ это относится только къ обыкновеннымъ собраніямъ, на которыхъ народъ скучалъ бы и куда онъ не являлся, опасаясь путевыхъ издержекъ; въ бурныя же времена собранія посѣщались очень многими и на нихъ происходило тоже самое, что и въ народныхъ собраніяхъ чисто демократическихъ республикъ. Союзное собраніе не могло засѣдать долѣе трехъ дней. По этому всѣ дѣла были подготовляемы ему предварительно, и при разсмотрѣніи ихъ каждый гражданинъ долженъ былъ высказывать свое мнѣніе въ нѣсколькихъ словахъ; по краткости времени все дѣло собранія ограничивалось только тѣмъ, что, послѣ непродолжительныхъ преній, отвергали или принимали предложеніе. Собраніе объявляло войну и заключало миръ, принимало въ союзъ новыхъ членовъ; словомъ, завѣдывали иностранными дѣлами, назначало пословъ отъ союза и принимало посланниковъ другихъ государствъ, избирало должностныхъ лицъ союза и рѣшало безъ аппелляціи всѣ союзныя дѣла.

Высшимъ лицомъ союза былъ такъ называемый стратегъ, имѣвшій въ рукахъ исполнительную власть, верховное начальство на войнѣ и руководившій союзнымъ собраніемъ, гдѣ онъ одинъ имѣлъ право говорить длинную рѣчь за или противъ предложеній. Въ первое время по возстановленіи союза каждый годъ постоянно назначали двухъ новыхъ стратеговъ; двадцать пять лѣтъ спустя, вмѣсто двухъ, стали избирать только одного стратега. Этимъ измѣненіемъ ахейцы старались удовлетворить

потребности въ монархическихъ формахъ правленія, которая при тогдашнемъ развращеніи нравовъ чувствовалась во всей Греціи, и еще болѣе приблизились къ духу монархіи, большею частью вновь избирая талантливыхъ стратеговъ на слѣдующій годъ или на ближайшихъ выборахъ.

Первый же стратегъ, находившійся во главѣ союза послѣ упомянутой перемѣны въ конституціи, былъ назначаемъ въ стратеги четыре года сряду, а двое знаменитѣйшихъ ахейскихъ стратеговъ Аратъ и Филопеменъ, были избираемы въ эту должность: первый въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ семнадцать, а послѣдній въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ восемь разъ. Важнѣйшими лицами послѣ стратега были союзный писецъ или государственный секретарь и гиппархъ. Кромѣ того существовалъ еще союзный или государственный совѣтъ изъ нѣсколькихъ членовъ, какъ совѣщательное учрежденіе при стратегѣ, имѣвшее въ политическихъ дѣлахъ инціативу и подготовлявшее ихъ для рѣшенія союзнаго собранія; о назначеніи членовъ, внутреннемъ устройствѣ и дѣятельности этого совѣта мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Съ присоединеніемъ къ Ахейскому союзу такихъ важныхъ городовъ какъ Коринѳъ и Сикіонъ, а впослѣдствіи еще многихъ другихъ, и благодаря значенію, которое доставилъ ему Аратъ Сикіонскій связями съ Египтомъ, этотъ оборонительный союзъ нѣсколькихъ незначительныхъ мѣстечекъ, составившійся для охраненія своихъ правъ, сдѣлался первенствующимъ государствомъ Греціи.

8. Время Арата и Клеомена III.

Пелопоннесскій городъ Сикіонъ, знаменитый одною изъ лучшихъ школъ живописи, (т. II стр. 287), во время Александра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ продолжалъ еще сохранять свое прежнее значеніе для искусства. Значеніе его было

такъ велико, что самъ Апеллесъ считалъ за нужное провести нѣсколько времени въ этомъ городѣ, (какъ наши художники въ Римѣ), для того только, чтобы сказать, что онъ былъ и учился тамъ. Находившіяся въ немъ коллекціи статуй и картинъ считались и послѣ Апеллеса лучшими и полнѣйшими въ цѣлой Греціи. Благодаря этому преимуществу роднаго города, Аратъ былъ въ состояніи пріобрѣсти себѣ расположеніе Птолемея II; онъ скупилъ въ Сикіонѣ рѣдкія древнія картины, которыхъ нельзя было достать нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и послалъ ихъ въ подарокъ египетскому царю. Значеніе Сикіона въ художественномъ отношеніи продолжалось даже и послѣ того какъ онъ испыталъ самую ужасную участь, которая только можетъ постигнуть городъ. Во время войнъ полководцевъ Александра и его сыновей, сикіонцы должны были выдержать нѣсколько осадъ, потомъ у нихъ являлись одинъ за другимъ тиранны, совершавшіе всевозможныя жестокости и притѣсненія. Но науки и искусства находились въ такой тѣсной связи со всемъ бытомъ и жизнью древнихъ грековъ, что всѣ эти узурпаторы, подобно Діонисію I сиракузскому (т. II стр. 232) и итальянскимъ тираннамъ среднихъ вѣковъ, покровительствовали и тѣмъ и другимъ. Не смотря на гнетъ своихъ деспотическихъ властителей, Сикіонъ постоянно сохранялъ свою древнюю славу, и изъ всѣхъ городовъ Пелопоннеса пользовался наибольшимъ уваженіемъ. Въ эти печальныя времена онъ пріобрѣлъ еще большую важность тѣмъ, что Димитрій Поліоркетъ сдѣлалъ его укрѣпленнымъ городомъ.

Одинъ изъ сикіонскихъ тиранновъ, А б а н т и д ъ, велѣлъ умертвить или изгнать изъ города многихъ свободномыслящихъ и вліятельныхъ гражданъ. Въ числѣ умерщвленныхъ находился К л е й н і й, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ въ городѣ людей. Сынъ его А р а т ъ, оставшійся по смерти отца семилѣтнимъ мальчикомъ, былъ отвезенъ въ Аргосъ къ одному изъ друзей его семейства, и провелъ тамъ свою юность. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, онъ сталъ думать объ освобожденіи своей родины, гдѣ, по умерщ-

вленіи Абантида и его преемника, овладѣлъ правленіемъ третій тираннъ Никоклъ. Аратъ имѣлъ много условій для успѣшнаго выполненія подобнаго предпріятія: онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Сикіона, имѣлъ огромное состояніе и по отцу находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Антигономъ, Гонатомъ и Птолемеемъ Филадельфомъ. Ему не трудно было вовлечь часть своихъ изгнанныхъ согражданъ въ заговоръ, имѣвшій цѣлью освобожденіе Сикіона, и стать во главѣ ихъ. Заговорщики, въ сопровожденіи толпы наемниковъ и вооруженныхъ рабовъ, приблизились ночью къ городскимъ стѣнамъ, перелѣзли черезъ нихъ въ самомъ удобномъ мѣстѣ, неожиданно напали на стражу и, сдѣлавъ воззваніе къ народу, зажгли жилище тиранна. Неожиданность нападенія и всеобщее смятеніе лишили послѣдняго всякой возможности принять мѣры къ защитѣ и заставили его искать спасенія въ бѣгствѣ. Сикіонъ былъ избавленъ отъ ига безъ всякаго кровопролитія (252 г. до р. Х.). Но возвращеніе изгнанниковъ едва не сдѣлало городъ жертвою внутреннихъ междоусобій. Изгнанники принадлежали большею частію къ богатѣйшимъ фамиліямъ, имущества которыхъ были конфискованы или проданы тираннами; они стали требовать ихъ, и этимъ возбудили сильное волненіе въ городѣ. Для отвращенія опасности, Аратъ воспользовался своими отношеніями къ египетскому царю, имѣвшему всѣ причины привязать къ себѣ самаго вліятельнаго человѣка въ такомъ важномъ греческомъ городѣ. Птолемей Филадельфъ подарилъ Арату отъ 220 до 230 тысячъ рублей (на наши деньги), и съ помощью этой суммы освободитель Сикіона могъ не только уладить всѣ споры по имуществу, но и оказать временное пособіе бѣднѣйшимъ гражданамъ.

Но Аратъ не удовольствовался освобожденіемъ своего роднаго города отъ владычества тиранна; онъ хотѣлъ обезпечить вновь возвращенную свободу и на будущее время. Достигнуть этого можно было только присоединеніемъ Сикіона къ Ахейскому союзу, главною цѣлью котораго было охранять общими силами отъ угнетенія каждое союзное государство. Кромѣ того пятидесятилѣтнее владычество ти-

ранновъ, свергавшихъ одинъ другаго и постоянно изгонявшихъ своихъ противниковъ, сильно разстроило благосостояніе Сикіона, бѣдность котораго казалась еще поразительнѣе по сравненію съ прежнимъ богатствомъ. Аратъ возвратилъ городу прежній блескъ и обезпечилъ въ тоже время его свободу, побудивъ его приступить къ Ахейскому союзу. Мѣра эта была необходима еще потому, что городъ нуждался въ защитѣ противъ этолійцевъ и македонскаго царя. Послѣдній стремился къ владычеству надъ всѣми греческими городами, а первые, незадолго до низверженія Никокла, сдѣлали попытку овладѣть Сикіономъ. Вскорѣ послѣ присоединенія города къ ахейцамъ, Аратъ, по своему богатству, щедрости и отношеніямъ къ царю Египта, пріобрѣлъ въ союзѣ огромное значеніе. Записавшись въ ахейскую конницу, онъ польстилъ этимъ бѣднымъ стратегамъ уроженцамъ маленькихъ мѣстечекъ, гордившихся тѣмъ, что они имѣютъ подъ своимъ начальствомъ такого знатнаго и уважаемаго царями человѣка. Аратъ скоро сдѣлался главнымъ лицомъ Ахейскаго союза и занялъ мѣсто наряду съ царями того времени. По этому прежде чѣмъ коснуться дальнѣйшаго хода дѣлъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ его образованіи и характерѣ.

Въ юности Аратъ почти исключительно занимался упражненіями гимнастики и пренебрегалъ школьными уроками риторовъ, софистовъ и философовъ; написанныя имъ и недошедшія до насъ записки о его жизни доказываютъ, что ученость, какъ говоритъ одинъ греческій историкъ, пріобрѣтается и безъ учителей. Въ Египтѣ, куда онъ отправился вскорѣ по освобожденіи Сикіона, придворные находили его разговоры очень занимательными. Тамошніе ученые и образованный классъ александрійскаго общества любили толковать о древностяхъ и старинѣ, а Сикіонъ имѣлъ образцы весьма древняго искусства, царей и жрецовъ пеласгическаго періода. Слѣдуя модѣ, и говоря объ искусствѣ и художникахъ точно также, какъ мы говоримъ объ оперѣ и пѣвцахъ, Аратъ очень понравился двору и ученымъ. Искренно любя свободу и не стремясь

къ противозаконной власти, Аратъ любилъ самого себя еще болѣе, чѣмъ свободу. Не имѣя ни талантовъ полководца, ни качествъ, необходимыхъ для великаго государственнаго человѣка, ни даже истиннаго мужества, по своей трусливой натурѣ совершенно неспособный къ военной службѣ, онъ всегда хотѣлъ играть первенствующую роль и распоряжаться дѣлами государства. Отъ природы хитрый, Аратъ дѣйствовалъ отлично въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось коварство, но ему была неизвѣстна истинная политическая мудрость высокой и благородной души. Только счастливый случай доставилъ величіе ему и союзу, во главѣ котораго онъ стоялъ; но счастье также быстро и покинуло его.

Достигнувъ возраста, когда онъ могъ быть назначенъ стратегомъ, Аратъ сдѣлался главою Ахейскаго союза (246 г. до р. X.), и съ того времени почти каждый годъ былъ снова избираемъ въ эту должность, такъ что исторія его жизни составляетъ въ то же время исторію Ахейскаго союза. Не задолго до перваго избранія Арата въ стратеги, Антигонъ Гонатъ посредствомъ хитрости и обмана овладѣлъ ключомъ Пелопоннеса, — Кориноомъ. Для освобожденія этого города, Аратъ прибѣгнулъ къ не менѣе постыдной хитрости. Шайка воровъ, обокравъ въ Коринѳѣ царскую казну, нашла убѣжище въ Сикіонѣ. Аратъ вошелъ съ ними въ сношенія, и за деньги, съ помощью своихъ сообщниковъ въ Коринѳѣ, они приготовили все для неожиданнаго ночнаго нападенія. Предпріятіе удалось, и Аратъ, хотя и не безъ труда и кровопролитія, овладѣлъ городомъ и почти неприступною цитаделью (244 г. до р. X.). Онъ тотчасъ же объявилъ коринѳянъ свободными, возвратилъ имъ цитадель, которая со временъ Филиппа II находилась постоянно въ чужихъ рукахъ, и пригласилъ ихъ приступить къ Ахейскому союзу. Мегара и другіе города послѣдовали примѣру Коринѳа и присоединились къ ахейцамъ. Напрасно Антигонъ Гонатъ заключилъ союзъ съ этолійцами, чтобы помѣшать распространенію союза, принимавшаго въ себя на одинаковыхъ условіяхъ всѣ

греческіе города, и недопускавшаго никакихъ завоеваній и грабежей. Аратъ соединился противъ обоихъ враговъ со Спартою и парализировалъ всѣ дѣйствія этолійцевъ, не вступая съ ними въ правильную борьбу.

Въ продолженіе десятилѣтняго царствованія Димитрія II, наслѣдовавшаго на македонскомъ престолѣ (вѣроятно въ 240 г. до р. Х.) своему отцу Антигону Гонату, судьба Ахейскаго союза или скорѣе Арата, находившагося постоянно во главѣ его, была еще блистательнѣе. Между Димитріемъ и этолійцами тотчасъ же вспыхнула война, принудившая послѣднихъ заключить союзъ съ ахейцами; съ соединенными же силами обоихъ союзовъ Македонія была не въ силахъ бороться. Аратъ могъ бы тогда же включить въ Ахейскій союзъ важные города Аргосъ и Мегалополь, если бы былъ болѣе способнымъ полководцемъ; но онъ постоянно терпѣлъ неудачи въ открытомъ полѣ и неоднократныя попытки его освободить аргосцевъ изъ подъ власти тиранновъ и присоединить ихъ, какъ коринѳянъ, къ союзу, кончались всегда безуспѣшно. Только по смерти Димитрія II обстоятельства сдѣлали то, чего не могъ добиться Аратъ. Димитрій поддерживалъ всѣхъ пелопоннесскихъ тиранновъ, давая имъ возможность сохранять свою власть; его преемникъ Антигонъ Досонъ, сынъ Димитрія Красиваго, правившій государствомъ за малолѣтняго царя Филиппа III, слѣдовалъ другимъ принципамъ и стремился къ другой цѣли. Тиранны, видя, что духъ свободы, возбужденный всюду войною съ Македоніею, угрожаетъ ихъ владычеству, добровольно отказались отъ власти и, выставляя необходимость какъ заслугу, думали спасти по крайней мѣрѣ свое имущество и вліяніе. Лидіадъ, тираннъ Мегалополя, многолюднѣйшаго города Пелопоннеса, первый подалъ примѣръ; за нимъ послѣдовали и остальные. Освободившіеся города присоединились къ Ахейскому союзу, къ которому рѣшились тогда примкнуть и аѳиняне (229 г. до р. Х.). Выродившіеся потомки героевъ Мараѳона и Платеи были принуждены Димитріемъ II, занимавшимъ

своими гарнизонами Мунихій, Пирей, Саламинъ и аттическій мысъ Суній, сражаться съ македонянами противъ ахейцевъ; желая польстить царю, аѳинскіе граждане однажды, когда распространился ложный слухъ о смерти Арата, въ знакъ радости надѣли на голову праздничные вѣнки. Но едва умеръ Димитрій II, какъ аѳиняне выказали противоположныя стремленія. Они обратились къ Арату, хотя въ то время онъ и не былъ стратегомъ, прося его помощи для освобожденія города, и приняли отъ него подарокъ въ двадцать шесть тысячъ рублей изъ его собственныхъ денегъ, чтобы уплатить сумму, требуемую начальникомъ македонскаго гарнизона за сдачу крѣпости. Освободившись такимъ образомъ, аѳиняне, не смотря на свое презрѣніе къ ахейцамъ, присоединились къ ихъ союзу.

Тогда Ахейскій союзъ достигъ высшей точки своего могущества, заключая въ себѣ Аѳины, Мегару, Эгину, Саламинъ и весь Пелопоннесъ, кромѣ Спарты и не многихъ другихъ городовъ. Къ несчастію глава союза Аратъ не имѣлъ качествъ необходимыхъ въ опасностяхъ, а тщеславіе не дозволяло ему уступить мѣсто другимъ болѣе достойнымъ. Когда наступило время, въ которое былъ нуженъ не хитрый дипломатъ, а энергическій полководецъ, Аратъ лишилъ себя и союзъ славы снова возвысить Грецію и спасти ее отъ чужеземнаго ига.

Перемѣна въ положеніи дѣлъ, лишившая освободителя Сикіона его славы, была вызвана событіями въ Спартѣ. Этотъ городъ снова сдѣлался тогда одною изъ сильнѣйшихъ державъ Греціи, благодаря двумъ личностямъ, заслужившимъ удивленіе потомства, но которыя, не смотря на все величіе своей души, не имѣли достаточно благоразумія и не понимали характера своихъ современниковъ. Мотовство довело Спарту до глубокаго паденія и гнета олигархіи, возможность возстановленія древнихъ обычаевъ и учрежденій казалось давно уже миновала, когда царь Агисъ III сдѣлалъ попытку возстановить въ своихъ выродившихся согражданахъ древнюю энергію и простоту жизни, и снова доставить своей

родинѣ прежнее значеніе въ Греціи. Вступивши на престолъ двадцатилѣтнимъ юношей, вскорѣ по присоединеніи Коринѳа къ Ахейскому союзу, онъ выказалъ свое направленіе съ перваго своего царствованія. Воспитанный въ изнѣженности и наслѣдовавъ огромное богатство отъ своей бабки Архидаміи и матери Агесистраты, принадлежавшихъ къ богатѣйшимъ фамиліямъ Спарты, Агисъ отказался однако отъ всѣхъ своихъ прежнихъ привычекъ и сталъ подражать въ одеждѣ, пищѣ и удовольствіяхъ образу жизни древнихъ спартанцевъ, объявляя громогласно свое желаніе возстановить древніе обычаи и вмѣстѣ съ ними прежнюю славу Спарты. Юношество, всегда болѣе отличающееся живымъ сочувствіемъ къ великимъ идеямъ, чѣмъ благоразуміемъ въ осуществленіи ихъ, стало подражать ему; примѣру молодыхъ людей послѣдовали дамы знатнѣйшихъ спартанскихъ фамилій. Напротивъ того, болѣе зрѣлые граждане рѣшительно противились всѣхъ нововведеніямъ.

Планъ Агиса былъ неосуществимъ безъ формальной революціи, а послѣдняя была невозможна безъ заговора противъ существовавшаго государственнаго устройства. Соединившись съ своимъ дядей по матери Агесилаемъ и нѣкоторыми другими стариками, Агисъ съ помощью ихъ заставилъ выбрать одного изъ заговорщиковъ, Лисандра, въ число эфоровъ, которые, играя роль народныхъ трибуновъ, имѣли тогда въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть. Лисандръ предложилъ въ сенатѣ возстановить древнія учрежденія въ ихъ главныхъ чертахъ. Для возстановленія завѣщаннаго Ликургомъ равенства состояній, всѣ долги должны были быть объявлены уплаченными, поземельная собственность раздѣлена между гражданами, и введенъ вновь прежній образъ жизни. Впрочемъ Агисъ и его друзья не думали возстановлять прежній порядокъ во всѣхъ его частностяхъ; сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ, они хотѣли раздѣлить поземельную собственность на вдвое меньшее число участковъ, чѣмъ было при Ликургѣ (т. I стр. 285). Большая часть сената, состоявшая изъ олигарховъ, и другой царь Лео-

нидъ II, возстали противъ этого предложенія, и между правителями спартанской республики въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ возникло разногласіе. Еще прежде чѣмъ сенатъ успѣлъ постановить окончательное рѣшеніе, Агисъ созвалъ народъ, чтобы сообщить ему о своихъ планахъ. Заговорщики растолковали народу всѣ выгоды, предоставляемыя ему предложеніемъ Лисандра, а Агисъ прибавилъ, что не только жертвуетъ государству все свое имущество, состоявшее изъ большихъ помѣстій и капитала въ 600 талантовъ (около 800.000 руб. сер.), но, по порученію своей матери, бабки и другихъ своихъ родственниковъ и друзей, предлагаетъ и ихъ имущества въ жертву для общаго блага.

Этими предложеніями Агисъ расположилъ народъ въ свою пользу, но сенатъ, отвергнувъ предложеніе Лисандра, помѣшалъ дальнѣйшему законному ходу дѣла, потому что въ Спартѣ ни одинъ законъ не могъ быть предложенъ народному собранію безъ предварительнаго одобренія сената. Испытавъ неудачу, Агисъ и его друзья старались увеличить свою партію въ сенатѣ, вытѣснивъ нерасположеннаго къ нимъ царя Леонида. Послѣднее было тѣмъ легче сдѣлать, что Леонидъ, во время своего пребыванія въ Сиріи, женился на иностранкѣ, вопреки строгому запрещенію законовъ. Леонидъ былъ низложенъ народомъ, искалъ въ храмѣ спасенія отъ мести своихъ враговъ, а потомъ бѣжалъ за границу. Вмѣсто его былъ избранъ царемъ его зять Клеомбротъ II, расположенный въ пользу задуманныхъ преобразованій. Вскорѣ планъ Агиса встрѣтилъ новое препятствіе: годъ прежнихъ эфоровъ приходилъ къ концу, а вновь назначенные были противъ предполагаемыхъ реформъ. Но Агисъ, увѣренный въ поддержкѣ другаго царя, сталъ дѣйствовать смѣлѣе, и объявилъ, что будетъ охранять свои царственныя права, и, пользуясь предоставленною ему закономъ властью, не позволитъ эфорамъ присвоить себѣ управленіе государственными дѣлами. Когда новые эфоры хотѣли воспользоваться низложеніемъ Леонида для обвиненія приверженцевъ Агиса, оба царя явились на площади

съ вооруженными людьми, прогнали эфоровъ съ ихъ сѣдалищъ, и вмѣсто нихъ назначили новыхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился дядя Агиса Агесилай.

Всѣ препятствія были такимъ образомъ устранены, и Агису удалось бы произвести задуманныя имъ реформы, если бы благородный молодой человѣкъ не былъ постыдно обманутъ тѣмъ самымъ человѣкомъ, съ помощью котораго онъ надѣялся скорѣе всего осуществить свою мысль. Старый хитрый Агесилай, владѣя огромными помѣстьями, былъ въ страшныхъ долгахъ и хотѣлъ воспользоваться стремленіями своего племянника только для того, чтобы освободить отъ долговъ свою поземельную собственность. Онъ увѣрилъ Агиса и его друзей, что благоразумнѣе будетъ не предпринимать одновременно общаго погашенія долговъ и передѣла поземельной собственности, потому что двѣ такія реформы слишкомъ сильно потрясутъ существующій порядокъ вещей. Ему удалось обмануть соучастниковъ: дѣло о погашеніи долговъ было отдѣлено отъ вопроса о передѣлѣ земли и предпринято сначала. Приказавъ сжечь публично всѣ долговыя обязательства спартанцевъ, Агисъ только увеличилъ зло, которое онъ желалъ устранить. Агесилай затягивалъ рѣшеніе о новомъ передѣлѣ земли, до того времени, когда Агисъ долженъ былъ вслѣдствіе нападенія этолійцевъ отправиться съ войскомъ на помощь ахейцамъ, союзникамъ Спарты. Выступленіе въ походъ молодаго царя и нѣкоторыхъ изъ самыхъ горячихъ его приверженцевъ позволило Агесилаю воспользоваться доставленною ему Агисомъ властью, для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Онъ составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей, дѣлалъ разные противозаконные поступки, и ясно давалъ замѣтить, что намѣренъ удержать за собою достоинство эфора и на слѣдующій годъ. Народъ, и безъ того уже обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, вслѣдствіе отсрочки передѣла земли, охладѣлъ въ своей любви къ Агису, и олигархи искусно воспользовались этимъ настроеніемъ умовъ для осуществленія своихъ намѣреній. По возвращеніи Агиса изъ похода въ Спартѣ вспыхнула контрреволюція; его враги взя-

лись за оружіе, обманутый народъ отступился отъ обоихъ царей, низложенный Леонидъ поспѣшилъ вернуться изъ изгнанія, и олигархи снова захватили потерянную ими власть.

Насильственное подавленіе стремленія нѣскольких благородныхъ людей улучшить судьбу своего народа сопровождалось, какъ обыкновенно, несправедливостями и жестокостями надъ побѣжденною партіею. Писатель древности, въ сочиненіяхъ котораго сохранились единственныя подробныя извѣстія объ этихъ событіяхъ, сообразно назидательной цѣли своего произведенія, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить въ поучительномъ и драматическомъ тонѣ печальную судьбу низвергнутаго царя. Но естественный здравый смыслъ человѣка, ищущаго дѣйствительныхъ знаній, не нуждается въ подобныхъ прикрасахъ и искуственныхъ эффектахъ; читая простой разсказъ о печальной участи тѣхъ, которые, вслѣдствіе увлеченія сдѣлались жертвою своихъ благородныхъ стремленій, онъ приметъ въ нихъ чисто человѣческое участіе, не позволяя себѣ трогательнымъ и поэтическимъ изложеніемъ событій затемнить изученіе человѣческой жизни, составляющее истинную, конечную цѣль всякой исторіи. Низверженные Агисъ и Клеомбротъ бѣжали въ два различные храма. Послѣдній спасся отъ мщенія своего тестя только мольбами своей жены Хелониды, и отправился въ изгнаніе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Агисъ поддался обману своихъ коварныхъ друзей, выманившихъ его изъ священнаго убѣжища и заключившихъ его въ темницу. Леонидъ, обвинилъ его предъ судомъ, составленнымъ изъ самыхъ явныхъ его враговъ и казнилъ, согласно приговору этого суда. Мать и бабка Агиса также сдѣлались жертвами своихъ торжествующихъ противниковъ и, какъ Агисъ, встрѣтили смерть съ мужествомъ и достоинствомъ. Только безсовѣстный Агесилай, думавшій воспользоваться благороднѣйшими стремленіями своего племянника для своихъ корыстныхъ цѣлей, избѣжалъ преслѣдованія: ему удалось спастись бѣгствомъ (240 до р. Х.).

Нѣсколько лѣтъ спустя Клеоменъ III, сынъ Леонида,

умертвившаго Агиса и его семейство, обнаружилъ совершенно неожиданно тоже самое направленіе, какъ и Агисъ, и повторилъ сдѣланную имъ попытку произвести революцію. Клеоменъ повелъ дѣло гораздо искуснѣе. Онъ приступилъ къ возстановленію старинныхъ нравовъ и учрежденій своего народа въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ и обладалъ большею опытностью и знаніемъ людей, чѣмъ Агисъ. Послѣдній хотѣлъ достигнуть своей цѣли путемъ законности, безъ всякаго насилія, но исходъ его предпріятія показалъ всю неосновательность его расчетовъ, и Агисъ сдѣлался жертвою своего патріотическаго рвенія. Клеоменъ избралъ другой путь. Онъ понялъ, что эти реформы могутъ быть осуществлены только энергическою рукою и что единственное средство свергнуть олигарховъ — насиліе, что военное государство можетъ быть исправлено только военными средствами и строгость нравовъ должна быть возстановлена точно такимъ же путемъ, какъ и ослабленная дисциплина въ лагерѣ. При этомъ ему благопріятствовали и самыя обстоятельства, давшія ему возможность пріобрѣсти себѣ преданное войско, съ которымъ онъ впослѣдствіи могъ осуществить свое намѣреніе.

Леонидъ, по возвращеніи въ Спарту, управлявшій государствомъ безъ соправителя, умеръ въ 236 году до р. Х., завѣщавъ престолъ сыну своему Клеомену III, котораго онъ, тотчасъ по смерти Агиса, женилъ на его богатой вдовѣ Агіатидѣ, не смотря на ея сопротивленіе. Новый царь, уважавшій принципы стоической философіи, скоро пришелъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, какъ и Агисъ, но приступилъ къ дѣлу гораздо осторожнѣе. Онъ умѣлъ возбудить многолѣтнюю войну съ ахейцами, давшую ему средства къ осуществленію реформы. Ахейцы, распространивъ свой союзъ почти на весь Пелопоннесъ, старались привлечь къ нему и аркадскіе города, еще не вошедшіе въ его составъ. Это возбудило зависть спартанцевъ и этолійцевъ, они сблизились между собою, и началась долголѣтняя война, продолжавшаяся съ 229 по 222 годъ до р. Х., называемая обыкновенно войною Клеомена. Этолійцы, хотя и союзники Спарты, приняли дѣятельное участіе въ этой войнѣ

только тогда, когда въ нее вмѣшался македонскій царь призванный на помощь Аратомъ. Наступило время, когда Арату слѣдовало доказать, что онъ можетъ стать во главѣ движенія и способенъ управлять дѣлами ахейскаго союза; но на дѣлѣ обнаружилось совершенно противное. Въ военномъ искусствѣ Аратъ никакъ не могъ равняться къ Клеоменомъ, дѣлалъ ошибку за ошибкою и своею неспособностью помогъ спартанскому царю достичь конечной цѣли его военныхъ предпріятій. Аратъ лишился своей славы, а Клеоменъ пріобрѣлъ репутацію талантливаго полководца и въ тоже время умѣлъ привязать къ себѣ войско. Когда противники въ первый разъ сошлись въ открытомъ полѣ, стратегомъ ахейцевъ былъ Аристомахъ изъ Аргоса. Не смотря на то вліяніе Арата было такъ велико, что ему удалось устроить что предложенная Клеоменомъ битва не была принята, хотя спартанцевъ было всего пять тысячъ, а силы ахейцевъ простирались до двадцати тысячъ человѣкъ. Лидіадъ бывшій тиранномъ Мегалополя, до присоединенія его къ союзу, а потомъ три раза избиравшійся въ стратеги ахейцевъ, публично обвинялъ въ этомъ Арата, но ни разу не могъ помѣшать избранію его въ стратеги на слѣдующій годъ. Это легко объясняется тѣмъ, что Аратъ былъ извѣстенъ какъ другъ свободы и пользовался расположеніемъ народа, который, имѣлъ причины опасаться болѣе храбрости и искусства прежняго тиранна, чѣмъ неспособности и недостатка военнаго мужества Арата.

Послѣдствіемъ вторичнаго избранія Арата была потеря сраженія, въ которое его заставилъ вступить Клеоменъ. Во время отступленія ему удалось возстановить свою репутацію удачнымъ неожиданнымъ нападеніемъ на занятый спартанцами городъ Мантинею, но въ томъ же самомъ году слава его совершенно померкла. Изъ трусости онъ уклонился отъ новой битвы, предложенной ему Клеоменомъ, и вскорѣ послѣ того, не смотря на благопріятныя обстоятельства и мужественное рвеніе войскъ, вторично выказалъ такую же боязливость; наконецъ, когда Лидіадъ, командовавшій конницею, рѣшился, подъ собственною отвѣтственностью, вступить

въ бой со спартанцами, Аратъ, спокойно оставался въ своей позиціи. Лидіадъ погибъ смертью героя, а Аратъ былъ осыпанъ насмѣшками своихъ собственныхъ войскъ и по возвращеніи домой публично освистанъ въ союзномъ собраніи. Несмотря на то, онъ не сложилъ съ себя достоинство стратега, но само собой разумѣется не могъ ничего предпринять противъ Клеомена. Послѣдній поспѣшилъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы осуществить задуманный имъ переворотъ (226 г. до р. X.). Войско его состояло отчасти изъ наемниковъ, нанятыхъ имъ на деньги Птолемея Эвергета, союзника Спарты. Изъ этихъ наемниковъ онъ выбралъ отборный отрядъ, и съ нимъ двинулся форсированнымъ маршемъ къ Спартѣ. Здѣсь онъ тотчасъ же приказалъ умертвить эфоровъ и ихъ друзей, изгналъ изъ Спарты восемьдесятъ знатнѣшихъ олигархическихъ фамилій, и, созвавъ народъ. объявилъ ему, что должность эфоровъ навсегда уничтожается, возстановляются древнія учрежденія, всѣ долги признаются уплаченными, а земли должны быть вновь раздѣлены. Возвѣщенная реформа была немедленно приведена въ исполненіе. Прежде всего Клеоменъ объявилъ погашенными всѣ долги, потомъ вмѣстѣ со своими друзьями пожертвовалъ въ пользу государства все свое состояніе, и за тѣмъ тотчасъ же раздѣлилъ всю поземельную собственность поровну между гражданами, число которыхъ принятіемъ періэковъ (т. I, стр. 281.) такъ увеличилось, что Спарта опять могла выставлять на войну четыре тысячи тяжело вооруженныхъ. Онъ перемѣнилъ также и вооруженіе войска по новой македонской системѣ, введя вмѣсто короткаго копья длинную сариссу (т. II, стр. 103.). Наконецъ онъ возстановилъ и давно уже исчезнувшій обычай общихъ обѣдовъ и другія особенности древне-спартанскаго быта. При этомъ онъ самъ подавалъ всѣмъ примѣръ, изгнавъ изъ своего дома всякую роскошь, отказавшись отъ всѣхъ удобствъ жизни, и строго слѣдуя предписаніямъ Ликурга во всемъ, что касалось одежды и пищи. Въ тоже время, чтобы не нарушать государственнаго устрой-

ства Спарты, Клеоменъ назначилъ соправителемъ брата своего Эвклида.

Такимъ образомъ Клеоменъ произвелъ свои реформы вооруженною рукою, не обращая никакого вниманія на формы законности. Насильственность его образа дѣйствій, по строго нравственнымъ соображеніямъ, никакъ нельзя оправдать; но Клеоменъ не хотѣлъ и не могъ быть нравственнымъ героемъ, онъ былъ человѣкомъ, усвоившимъ себѣ принципы Ликурга, совершенно различные отъ правилъ христіанской нравственности. Онъ вполнѣ достигъ цѣли своихъ стремленій но намѣреніе его противорѣчило духу времени, и потому спартанцы не могли долгое время держаться на той высотѣ, на которую поставилъ ихъ Клеоменъ. Впрочемъ своею революціею и превосходною системою веденія войны онъ возвратилъ спартанцамъ потерянное ими довѣріе къ собственнымъ силамъ приковалъ къ себѣ соотечественниковъ своею привѣтливостью и простотою, и въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ игралъ первую роль не только въ Спартѣ, но и во всей Греціи.

Совершивъ переворотъ, Клеоменъ оставилъ Спарту чтобы продолжать войну съ ахейцами. Онъ побѣдоносно проникъ въ самую Ахаію и нанесъ тамъ чувствительное пораженіе союзнымъ войскамъ которыми командовалъ стратегъ Гипербатъ (225 г. до р. X.). Пораженіе это побудило ахейскій союзъ начать переговоры о заключеніи мира. Клеоменъ требовалъ назначенія его верховнымъ главою союза и соединенія всего Пелопоннеса въ могущественную конфедерацію независимыхъ государствъ подъ верховнымъ начальствомъ спартанскаго царя. Принятіе его предложенія вѣроятно спасло бы самостоятельность Греціи, но оно лишило бы Арата его положенія въ союзѣ и отняло бы у него всякое вліяніе. Тщеславный человѣкъ не могъ перенести подобнаго униженія, и потому переговоры не имѣли успѣха. Онъ уже прежде, чрезъ разныхъ посредниковъ, вошелъ въ сношенія съ царемъ македонскимъ Антигономъ Досономъ, а послѣ упомянутаго пораженія сдѣлалъ сою-

зу формальное предложеніе противоставить Клеомену македонскаго царя; Антигонъ между тѣмъ соглашался на предложенный Аратомъ союзъ, только подъ условіемъ уступки ему Коринѳской цитадели— ключа Пелопоннеса. Убѣждая союзъ вступить въ переговоры съ македонскимъ царемъ, Аратъ въ то же самое время не хотѣлъ принимать званія стратега, котораго онъ ежегодно такъ домогался, подъ тѣмъ предлогомъ, что подвергся въ предшествовавшемъ году оскорбленію въ союзномъ собраніи, а въ дѣйствительности потому, что понималъ затруднительность тогдашняго положенія дѣлъ. Этимъ онъ навлекъ на себя заслуженный укоръ ахейцевъ, упрекавшихъ его что онъ изъ трусости отказался отъ должности въ минуту опасности и, подчиняясь предубѣжденію, зависти и ревности, совѣтовалъ предпочесть неограниченнаго монарха Македоніи войнѣ со Спартою. Не смотря на все это, Аратъ и его друзья возбудили такое недовѣріе къ Клеомену, что условленное личное прибытіе послѣдняго въ союзное собраніе никакъ не могло состояться. Спартанскій царь, видя, что хотя предложенія его и отвергнуты, но несогласія между ахейцами и Аратомъ продолжаются, рѣшился прибѣгнуть къ оружію. Объявивъ войну ахейскому союзу, онъ занялъ земли аргосцевъ и двинулся къ Коринѳу, переданный ему самими жителями, цитадель же, имѣвшую ахейскій гарнизонъ, велѣлъ окружить стѣною и рвомъ и держать въ осадѣ. Потомъ онъ пошелъ къ Сикіону, гдѣ находился самъ Аратъ, и осадилъ этотъ городъ. Аратъ, между тѣмъ продолжалъ вести переговоры съ Антигономъ и наконецъ побудилъ ахейцевъ обратиться съ униженною просьбою о помощи къ Антигону. Хитрый македонскій царь затягивалъ переговоры настаивая на уступкѣ Коринѳской цитадели. И Арату и ахейцамъ трудно было рѣшиться на уступку македонскому царю того самаго города, освобожденіе котораго составляло важнѣйшую заслугу Арата, и вступленіе котораго въ ахейской союзъ придало послѣднему настоящее значеніе въ Греціи. Переговоры и разсужденія объ этомъ дѣлѣ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Упорство Антигона въ своемъ требованіи поставило Арата въ самое затруд-

нительное положеніе, не смотря на это, онъ рѣшительно отвергъ вторичное, сдѣланное ему лично, предложеніе Клеомена признать его стратегомъ союза и ввестив ъ Коринѳскую цитадель смѣшанный спартанскій и ахейскій гарнизонъ. Такимъ образомъ ахейцы, силою обстоятельствъ, были принуждены, противъ воли, вступить въ союзъ съ Македоніею. Дѣйствія коринѳянъ, которые сами отказались отъ союза и, по приближеніи Клеомена, выгнали ахейскія войска изъ города, устранили всѣ затрудненія относительно передачи Коринѳа македонянамъ, и наконецъ, на союзномъ собраніи въ Эгіи, Аратъ склонилъ послѣднее согласиться на требованія Антигона. Немедленно были посланы къ македонскому царю гонцы, для окончательнаго рѣшенія дѣла, и въ числѣ другихъ ахейцевъ, отправленныхъ заложниками въ Македонію находился родной сынъ Арата.

Судьба Греціи зависѣла отъ исхода войны между македонскимъ и спартанскимъ царями. Послѣдній, получивъ извѣстіе о рѣшеніи, принятомъ въ Сикіонѣ, тотчасъ снялъ осаду Сикіона, и заперъ Коринѳскій перешеекъ цѣлымъ рядомъ укрѣпленій. Антигонъ, явившись со своимъ войскомъ, увидѣлъ невозможность пробиться чрезъ Истмъ, и ему едва ли бы проникнуть въ Пелопоннесъ, если бы случайное происшествіе въ тылу Клеомена не заставило спартанцевъ отступить. Жители Аргоса отказались отъ только что заключеннаго ими союза со Спартою, призвали на помощь Арата, и напали на спартанскій гарнизонъ, находившійся въ ихъ цитадели. Послѣдній очутился въ весьма затруднительномъ положеніи, отрядъ, посланный на помощь Клеоменомъ, не могъ выручить ихъ, и спартанскій царь долженъ былъ рѣшиться на отступленіе отъ Истма, потому что было бы неблагоразумно продолжать защиту перешейка, когда во власти ахейцевъ находился городъ, занявъ который они могли преградить ему путь отступленія къ Спартѣ. Такимъ образомъ македоняне получили свободный проходъ черезъ Истмъ. Клеоменъ двинулся со всѣмъ своимъ войскомъ къ Аргосу, силою ворвался въ городъ, и соединился

съ гарнизономъ цитадели; но держаться въ немъ было невозможно, потому что вслѣдъ за нимъ явились туда македонское войско и ахейскій отрядъ подъ начальствомъ Арата. Клеоменъ отступилъ чрезъ Мантинею въ Лаковію, и съ той минуты вмѣсто того чтобы, согласно своему плану, вести наступательную войну, долженъ былъ ограничиться защитою владѣній Спарты. Съ этого времени война приняла дикій свирѣпый характеръ, вполнѣ обнаружившій взаимное раздраженіе воюющихъ сторонъ, и общій нравственный упадокъ тогдашнихъ грековъ. Такъ, напримѣръ, бывшій ахейскій стратегъ, Аристомахъ, перешедшій впослѣдствіи на сторону Клеомена, попавшись въ плѣнъ ахейцамъ, по приказанію Арата и Литигона, въ продолженіе цѣлой ночи былъ подвергаемъ жестокимъ пыткамъ и потомъ брошенъ въ море. Неслыханныя жестокости совершались не только отдѣльными личностями противъ отдѣльныхъ же лицъ, но цѣлые цвѣтущіе города были совершенно опустошаемы, какъ напримѣръ Мегалополь спартанцами и Мантинея ахейцами. Въ этой войнѣ только одинъ Клеоменъ выказалъ себя дѣйствительно великимъ человѣкомъ. Правда и его можно упрекнуть въ жестокости и склонности къ военному деспотизму, но, въ то время какъ Аратъ продолжалъ также жалко играть свою роль, а македонскій царь старался достигнуть своей цѣли мелочными хитростями, весь образъ дѣйствій Клеомена, среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, доказываетъ, что онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ истинною силою характера и обширностью своихъ дарованій. Лишившись послѣ потери Аргоса своей любимой жены Агіатиды, онъ не задумался отправить свою мать и дѣтей заложниками въ Египетъ, такъ какъ царь египетскій соглашался только на этомъ условіи оказывать спартанцамъ прежнюю ничтожную поддержку. Клеоменъ не упалъ духомъ даже и тогда, когда Птолемей Эвергетъ все таки не исполнилъ своего обѣщанія, а вступилъ въ переговоры съ Антигономъ. Чтобы увеличить численность войска и имѣть средства вести войну безъ египетскаго золота, онъ

предложилъ свободу всякому гелоту за сто десять рублей на наши деньги, и собралъ такимъ образомъ около шестисотъ пятидесяти тысячъ рублей. Навербовавъ на эту сумму довольно значительное число наемниковъ, онъ напалъ на Мегалополь и, ограбивъ его, получилъ около четырехъ сотъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ Антигонъ и ахейцы старались вредить спартанцамъ своими военными дѣйствіями въ Аркадіи. Овладѣвъ Коринѳскою цитаделью и изгнавъ спартанцевъ изъ Аргоса, македонскій царь былъ провозглашенъ главнокомандующимъ союза, завоевалъ Тегею, имѣлъ нѣсколько незначительныхъ битвъ съ Клеоменомъ на границахъ Лаконіи, и потомъ занялъ аркадскіе города Орхоменъ и Мантинею. Послѣдній городъ былъ жестоко наказанъ имъ и ахейцами за переходъ на сторону Клеомена: всѣ жители были обращены въ рабство, знатнѣйшіе изъ нихъ казнены, а самъ городъ преданъ грабежу и потомъ подаренъ аргосцамъ, давшимъ ему новое имя Антигоніи. Все это происходило отъ начала весны до осени 223 г. до р. X. Послѣ того Антигонъ расположилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ, какъ вдругъ Клеоменъ, къ ужасу ахейцевъ и ихъ союзниковъ, неожиданно быстро вторгся во владѣнія аргосцевъ. Онъ проникъ до самаго Аргоса, опустошая все на своемъ пути, и потомъ возвратился въ Лаконію. До самой зимы перевѣсъ оставался на сторонѣ Клеонима; весною слѣдующаго года (222 до р. X.) война приняла другой оборотъ. Антигонъ сосредоточилъ вокругъ себя всѣ силы Ахейскаго союза, подкрѣпилъ свою армію ополченіями ѳракійскихъ, иллирійскихъ, эпирскихъ и акарнанскихъ подвластныхъ народовъ, и доведя число своихъ войскъ до двадцати девяти тысячъ человѣкъ, снова перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ ,рѣшившись вести войну съ спартанскимъ царемъ въ его собственныхъ владѣніяхъ. Клеоменъ имѣлъ у себя четырнадцать тысячъ спартанцевъ и шесть тысячъ наемныхъ войскъ и, вслѣдствіе затруднительности содержать ихъ долгое время, не могъ уклоняться отъ рѣшительной битвы. Оба войска вступили въ бой при спартанскомъ городкѣ Селласіи, и Клеоменъ былъ раз-

битъ на голову (222 го до р. Х.). Противники его были обязаны своею побѣдою преимущественно храбрости македонской фаланги и рѣшимости, пріобрѣвшаго впослѣдствіи громкую славу, Филопемена изъ Мегалополя, выказавшаго тогда впервые свои военныя дарованія. Шесть тысячъ спартанцевъ, настоящій цвѣтъ народа, не за долго передъ тѣмъ вновь созданнаго Клеоменомъ, лишились жизни въ сраженіи. Такимъ образомъ битва при Селласіи рѣшила не только исходъ тогдашней войны, но и участь всего спартанскаго государства. Лучшая часть народа погибла въ бою, а остальные сдѣлались съ тѣхъ поръ только игрушкою смѣлыхъ разбойниковъ, владѣвшихъ Спартою подъ именемъ тиранновъ.

Тотчасъ послѣ сраженія Антигонъ двинулся противъ Спарты и не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, овладѣлъ беззащитнымъ городомъ. Онъ поступилъ съ побѣжденными чрезвычайно умѣренно и благоразумно, запретилъ грабежъ и насиліе, возстановилъ олигархію, уничтоженную Клеоменомъ, и заставилъ спартанцевъ приступить къ Ахейскому союзу. Пробывъ въ Спартѣ три дня, онъ двинулся къ Аргосу, гдѣ недальновидные греки, собравшіеся на немейскія игры, торжественно привѣтствовали его какъ побѣдителя и освободителя, единственно потому, что онъ не ознаменовалъ жестокостями пріобрѣтенное имъ въ Греціи преобладанія, и не воспользовался своею побѣдою для угнетенія и грабежа тѣхъ, которые добровольно признали его своимъ покровителемъ и повелителемъ. Изъ Аргоса онъ поспѣшилъ форсированными маршами въ Македонію, получивъ во время своего пребыванія въ Спартѣ извѣстіе, что одно разбойничье иллирійское племя вторгнулось въ страну.

Клеоменъ, посовѣтовавшій своимъ согражданамъ послѣ несчастной битвы при Селласіи добровольно подчиниться македонянамъ, еще до прибытія въ Спарту Антигона бѣжалъ въ Египетъ съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Онъ былъ радушно принятъ въ Александріи, и Птолемей Эвергетъ назначилъ ему значительное годовое содержаніе, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаніе возстановить его прежнюю власть въ Спартѣ. Но къ несчастью для Клеомена,

Эвергетъ вскорѣ послѣ того умеръ, а со смертью его измѣнились и отношенія спартанскаго царя къ египетскому двору. Новый царь, Птолемей Филопаторъ, человѣкъ безхарактерный, недальновидный и лишенный всякихъ достоинствъ, былъ простою игрушкою въ рукахъ своего могущественнаго царедворца (министра) Собія, который и не думалъ объ исполненіи обѣщаній покойнаго царя, а, напротивъ того, по капризу и изъ чувства ненависти и недовѣрія, даже помѣшалъ Клеомену отправиться безъ египетской поддержки въ Грецію и воспользоваться благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ въ этой странѣ для вторичнаго завоеванія Спарты. Клеоменъ, и безъ того презиравшій низкихъ египетскихъ придворныхъ, былъ сильно раздраженъ этимъ, и излилъ свое неудовольствіе въ насмѣшкахъ надъ царемъ и его низкопоклонными приближенными. Неосторожность эта окончательно возстановила противъ него дворъ. При всеобщемъ упадкѣ чувства чести въ ту эпоху очень легко было возстановить царя противъ Клеомена; онъ былъ отданъ подъ строгій надзоръ и содержался почти какъ плѣнникъ. Клеомену пришла въ голову несчастная мысль выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ возбудивъ революцію противъ Птолемея. Однажды во время поѣздки послѣдняго въ Канопъ, Клеоменъ обманулъ своихъ стражей, и явившись съ своею спартанскою свитою, состоявшею всего изъ тринадцати человѣкъ, на улицахъ Александріи сдѣлалъ воззваніе къ жителямъ. Александрійцы, ни очемъ такъ мало не помышлявшіе. какъ о политической свободѣ, смотрѣли съ изумленіемъ на спартанцевъ, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на воззваніе освободителей и не послѣдовалъ за ними, когда они двинулись къ цитадели. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ и предчувствуя грозившую имъ участь, спартанцы, чтобы избѣгнуть позорной смерти, сами лишили себя жизни. (221 г. до р. X.). Раздраженный египетскій царь удовлетворилъ своему мщенію, приказавъ казнить престарѣлую мать Клеомена, его дѣтей и женъ прочихъ участниковъ возстанія. Всѣ онѣ, какъ и мужчины, встрѣтили смерть съ спартанскимъ мужествомъ. Неудачная по-

пытка Клеомена никакъ не могла увѣнчаться успѣхомъ; онъ долженъ былъ предвидѣть это заранѣе, имѣвъ довольно времени, чтобы познакомиться съ изнѣженными александрійцами, привыкшими къ чувственнымъ наслажденіямъ и придворнымъ низостямъ. Поэтому его можно было бы обвинить въ неблагоразуміи и непонятной дерзости, если не брать въ соображеніе того, что онъ, по словамъ историка Полибія, рѣшился на эту крайность только вслѣдствіе совершенной безнадежности своего положенія. Онъ самъ почти не вѣрилъ возможности успѣха своей смѣлой попытки, но не хотѣлъ выносить недостойнаго обращенія съ собою и умереть обыкновенною смертью, потому что, прибавляетъ Полибій, люди истинно великой души не хотятъ кончать своихъ дней въ праздности и безславіи, а стремятся украсить жизнь свою подвигами, достойными памяти потомковъ.

Побѣда при Селласіи возвела новую македонскую династію на высшую степень ея могущества въ Греціи. Тѣснимый ею и этолійцами, Аратъ, въ послѣдующія девять лѣтъ, съигралъ послѣднюю и самую жалкую часть своей роли. Въ послѣдніе годы его жизни римляне вмѣшались въ греко-македонскія дѣла, и съ того времени народъ этотъ начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе надъ восточною Европою. По этому позднѣйшая исторія Греціи можетъ быть излагаема только въ связи съ римскою. Въ заключеніе же этого отдѣла политической исторіи Греціи бросимъ поверхностный взглядъ на тогдашнее состояніе Греціи и Македоніи вообще.

Значеніе Спарты исчезло навсегда; вновь возстановленная самостоятельность аѳинянъ была также однимъ пустымъ призракомъ, потому что въ дѣйствительности, до самаго владычества римлянъ, и они безусловно подчинялись волѣ македонскихъ царей. Этолійцы, пріобрѣвшіе значеніе только при самомъ началѣ войны съ римлянами, по своей необразованности не могли стать во главѣ всѣхъ грековъ. Ахейскій союзъ также не могъ спасти Грецію отъ чужеземнаго ига, и палъ передъ римскимъ владычествомъ подъ

управленіемъ Филопемена и другихъ, какъ прежде передъ македонскимъ владычествомъ при Аратѣ. Несогласія между Этолійскимъ и Ахейскимъ союзами, ихъ безпрерывныя войны другъ съ другомъ, съ Македоніею и господствовавшими въ Спартѣ хищниками, привели въ страшное разстройство всю Грецію и много способствовали ея обѣдненію. Напротивъ того, состояніе Македоніи и Ѳессаліи значительно улучшилось еще при Антигонѣ Гонатѣ, въ сравненіи съ ея положеніемъ по смерти Антипатра. Собственная Македонія, властителемъ которой по смерти Антигона Досона, вскорѣ послѣ битвы при Селласіи, сдѣлался Филиппъ III, сынъ Димитрія II, снова достигла высокой степени благосостоянія. подъ управленіемъ этихъ трехъ царей. Македонскій народъ сохранялъ свою прежнюю воинственность и энергію, повиновался царямъ, обладавшимъ покрайней мѣрѣ талантами полководцевъ, никогда не утрачивалъ своего государственнаго устройства и, подобно грекамъ переселившимся въ Азію, никогда не терялъ сознанія, что его права не могутъ быть отмѣняемы по произволу. Хотя при Димитріи Поліоркетѣ, Пиррѣ и Птолемеѣ Керавнѣ македонская монархія сдѣлалась неограниченною и основывалась не на согласіи народа, а на силѣ войска, однако при Антигонѣ Гонатѣ была возстановлена болѣе разумная система управленія и въ народѣ снова оживилось нѣкоторое сознаніе правъ. Наконецъ во многихъ городахъ Ѳессаліи существовали самостоятельныя правительства, избираемыя самими гражданами и даже, повидимому, особые стратеги или военные начальники всей страны; по имени и по формѣ подчиненные македонскимъ царямъ, города эти пользовались совершенною самостоятельностью въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Номинальная же подчиненность македонскому царю доставляла ѳессалійцамъ ту выгоду, что предохраняла ихъ отъ внутреннихъ распрей и ставила всю страну въ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ прежде.

9. Образованность и умственная жизнь грековъ отъ смерти Александра до эпохи римскаго владычества.

Время по смерти Александра Великаго было эпохою промышленнаго развитія и ученыхъ занятій, однимъ изъ тѣхъ періодовъ жизни народовъ, когда стремленій общества направляются преимущественно на предметы полезные и употребительные въ матеріальной жизни, а умъ, утративъ пониманіе истинно высокаго и добраго, находитъ для себя удовольствіе въ чтеніи и чувствуетъ потребность разнообразить утонченныя чувственныя наслажденія умственными занятіями и научнымъ диллентантизмомъ. Въ такую эпоху могутъ процвѣтать только тѣ изъ наукъ и научныхъ занятій, которыя имѣютъ примѣненіе въ практической жизни, какъ математика, механика, физика и медицина. Собираніе и объясненіе матеріаловъ и безплодное мудрствованіе занимаютъ мѣсто основывающейся на одушевленіи истинной научной дѣятельности, все чисто умственное лишается своего внутренняго содержанія и падаетъ въ той же мѣрѣ, въ какой возвышаются названныя выше науки. Изнѣженный умъ человѣка наполняется тогда знаніями и образованностью, среди чувственныхъ наслажденій онъ ощущаетъ необходимость въ умственномъ занятіи, но въ тоже время бываетъ слишкомъ безсиленъ, слишкомъ преданъ чувственности и далекъ отъ естественности, чтобы любить истинное и прекрасное только для нихъ самихъ. Въ подобныя эпохи искусства и наука дѣлаются только средствами для внѣшнихъ матеріальныхъ цѣлей и, какъ рабыни, служатъ роскоши, промышленности и развлеченіямъ. Таковъ былъ весь бытъ и умственное направленіе грековъ въ эпоху по смерти Александра Великаго, придавшіе особенный характеръ тогдашней греческой образованности, называющейся обыкновенно александрійскою, по своему средоточію Александріи въ Египетѣ.

Александрійская эпоха, подобно современной намъ, была вре-

менемъ полезныхъ изобрѣтеній и прекрашенной прозы жизни, или другими словами періодомъ быстраго и высокаго развитія всѣхъ наукъ и искусствъ, имѣющихъ примѣненіе къ промышленности, торговлѣ, мореплаванію, зодчеству, врачебной наукѣ и военному искусству. Успѣхи реальныхъ наукъ составляютъ самую свѣтлую и важную для позднѣйшихъ поколѣній сторону александрійской образованности, вліяніе которой на слѣдующія столѣтія было тѣмъ значительнѣе, что именно около того же времени римляне, стремившіеся по самому складу своего ума только къ реальному и практическому, стали приближаться къ осуществленію идеи всемірнаго владычества. Во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ александрійская эпоха представляетъ собою печальную картину застоя, упадка и испорченности. Мѣсто свободнаго, энергическаго умственнаго движенія заступила безцвѣтная, тщеславная и пустая дѣятельность ума, литература, за исключеніемъ реальныхъ наукъ, обратилась или въ пустую болтовню, или въ безплодную ученость, праздное мудрствованіе, поверхностное многознаніе и самодовольную академическую мудрость. Лучшая, менѣе испорченная часть націи перестала заниматься тогда литературою, сдѣлавшись совершенно чуждою народу она обратилась въ средство препровожденія времени для придворныхъ и знатныхъ или удалилась въ библіотеки кабинетныхъ ученыхъ. Такимъ образомъ эпоха эта представляетъ собою часто повторяющееся въ исторіи человѣчества явленіе: образованное общество, въ которомъ потребность препровожденія времени и разнообразія, стремленіе къ удовлетворенію любопытства, и желаніе занять праздное воображеніе замѣнили простоту и естественность воззрѣній, пониманіе высокаго и живое участіе ко всему истинно человѣческому. Источникомъ мудрости, вмѣсто самой жизни сдѣлались книги, а библіотека и дворъ стали центрами, вокругъ которыхъ вращалась александрійская литература и сложившіяся по ея образцу сирійская, пергамская и позднѣйшая римская, послѣ императора Тиберія. Это даетъ намъ ключъ къ изученію характера всей греческой образованности позднѣйша-

го періода. Общество и жизнь, свѣжесть ума и вѣчно юная природа, единственные истинные источники мудрости и поэзіи, въ чопорномъ кругу знатнаго общества являются человѣку прикрашенными и въ маскарадномъ костюмѣ, а въ книгѣ только смутнымъ и безжизненнымъ отраженіемъ дѣйствительности. По этому въ тѣ времена, когда, какъ въ александрійскую эпоху, книги и общество доставляютъ уму единственную пищу, во всѣхъ его произведеніяхъ чувствуется недостатокъ истины, энергіи, основательности и естественности; это плоды безжизненной учености, мудрствованія, раздраженнаго воображенія и тщеславія. Желаніе сдѣлаться извѣстнымъ двору, потребность найти покровительство и средства къ существованію, стремленіе пользоваться своею славою для увеличенія своихъ доходовъ, праздное отыскиваніе предметовъ разработки возбуждаютъ борьбу за пустую извѣстность и, развращая природу, приносятъ нравственность въ жертву безполезной, но обращающей на себя вниманіе, учености. Остроумная критика и безалаберное собираніе сухихъ фактовъ и чиселъ съ одной стороны, безумная мечтательность и пустая игра воображенія съ другой — тѣсно связаны между собою во всѣ эпохи застоя человѣческой мысли; въ такія времена одни писатели, занимаясь современною или придворною исторіею, охотно вдаются въ разсказы о скандалезныхъ происшествіяхъ, преувеличенія или низкую лесть, другіе передаютъ въ духѣ волшебныхъ сказокъ баснословныя сказанія первобытныхъ временъ. Безсиліе разсудка, необузданность фантазіи, злоупотребленіе учеными цитатами, прибирая которыя ученые заботились только о числѣ ихъ, а не о годности, не стыдясь даже ссылаться на сочиненія, недостовѣрность которыхъ была всѣмъ извѣстна, и на ряду съ этимъ превосходное философское изслѣдованіе языка и глубокое пониманіе его духа, обширная начитанность и основательное знаніе всѣхъ вспомогательныхъ наукъ, необходимыхъ для объясненія произведеній древ-

нихъ писателей — составляютъ отличительную черту александрійской литературы. Но и при всемъ этомъ литература сохранила всѣ характеристическія особенности, отличающія ее отъ литературъ позднѣйшаго времени. Воспріимчивость и энергія греческаго духа не исчезаютъ и въ періодъ его упадка; искусство и наука остаются по прежнему въ такой тѣсной связи съ жизнью, что даже низкимъ, распутнымъ александрійскимъ и антіохійскимъ царедворцамъ и тиранамъ мелкихъ греческихъ государствъ они были столь же необходимы, какъ и нечеловѣчески - дикія чувственныя наслажденія. — О характерѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ александрійской литературы, какъ напримѣръ о такъ называемой грамматикѣ, поэзіи, философіи и исторіи, достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ, но за то тѣмъ подробнѣе должно изложить ходъ развитія реальныхъ наукъ, какъ составляющихъ самую важную, для позднѣйшаго времени, сторону умственной дѣятельности той эпохи.

Подъ именемъ грамматики греки александрійскаго періода понимали совершенно другое, чѣмъ мы, — наука о языкѣ составляла только часть, а не все содержаніе грамматики въ древнемъ смыслѣ этого слова. Тогдашніе ученые называли этимъ именемъ новую, возникшую только въ ихъ время, науку, обнимавшую собою весь кругъ познаній, необходимыхъ для пониманія древнѣйшихъ греческихъ писателей. Но умѣніе объяснять этихъ авторовъ было необходимо во всѣхъ отрасляхъ знанія, и грамматика александрійцевъ, оставаясь въ существѣ своемъ наукою о греческомъ языкѣ, въ то же время соединяла въ себѣ всю прочую ученость тогдашняго времени. Она сдѣлалась главнымъ основаніемъ всей александрійской образованности, душею возникавшей тогда ученой дѣятельности, совершенно неизвѣстной предшествовавшимъ періодамъ, и вообще средоточіемъ всей умственной жизни той эпохи. Въ область грамматики, въ александрійскомъ смыслѣ этого слова, входили даже и точныя или математическія науки. Для большей ясности, мы оставимъ послѣднія въ сторонѣ и подъ именемъ грамматики будемъ разумѣть только зна-

нія, имѣвшія своимъ предметомъ изученіе языка древнѣйшихъ греческихъ писателей и такъ называемыхъ древностей, т. е. обычаевъ, нравовъ, религіозныхъ обрядовъ, странъ и народовъ, упоминаемыхъ въ ихъ сочиненіяхъ, также критику древнѣйшей литературы или науку исправленія и повѣрки древнихъ текстовъ, часто искажаемыхъ по небрежности и невѣжеству переписчиковъ. Слѣдовательно грамматика составляла науку, въ академическомъ значеніи этого слова, и обнимала собою всю тогдашнюю школьную ученость. Преобладаніе этого рода знаній, по самой сущности своей противорѣчащихъ естественному, свободному, живому развитію и дѣятельности человѣческаго духа, въ особенности же всему складу греческаго быта, служитъ признакомъ вырожденія и упадка, и само по себѣ составляетъ занятіе, способствующее только развитію мелочности и мертвящей учености. Но, александрійская грамматика, подобно всѣмъ отраслямъ ученой дѣятельности, имѣла и свои достоинства, на которыя слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, какъ на одну изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ александрійской эпохи.

Въ ходѣ развитія человѣческаго рода наступаютъ иногда періоды, когда человѣчество бываетъ принуждено пріостановить на нѣкоторое время свое прогрессивное движеніе, какъ бы для того, чтобы прослѣдить весь прежній ходъ своей цивилизаціи и собрать въ одно цѣлое всѣ добытые факты. Однимъ изъ подобныхъ періодовъ и было время александрійской и пергамской учености. Тогда стали собирать и приводить въ порядокъ литературныя произведенія и знанія предшествовавшихъ періодовъ, стараясь отыскать законы тѣхъ формъ, въ которыхъ выражалась прежде живая, болѣе или менѣе безсознательная дѣятельность духа, постановить эти законы правилами на будущее время, и обращая на изученіе произведеній прежней лучшей эпохи силы, уже не находившія себѣ исхода въ естественномъ и непрерывномъ вліяніи другъ на друга внѣшней и внутренней жизни. Въ это время не только было положено основаніе такому роду образованности, который соотвѣтствовалъ тогдашнимъ монархическимъ государствамъ

и наслѣдовавшей имъ римской имперіи, но и вся ученая дѣятельность той эпохи имѣла чрезвычайно полезное вліяніе на длинный рядъ столѣтій. Для среднихъ вѣковъ и нашего времени, когда умственныя занятія являются совершенно отдѣльными отъ жизни и скрываются въ монастыряхъ, кабинетахъ и аудиторіяхъ, александрійская эпоха создала науку, которая, — возникнувъ въ древности и продолжая разработываться въ тѣ времена когда еще не угасли совершенно древняя мудрость и одушевленіе, — освѣщала мракъ школъ болѣе темныхъ вѣковъ философіею и образованностью лучшей эпохи дѣятельности человѣческаго духа.

Не къ чему называть имена и указывать на заслуги всѣхъ грамматиковъ того времени, вліяніе которыхъ распространялось и на многія изъ послѣдующихъ столѣтій. Ученые грамматики встрѣчаются не только въ Александріи, гдѣ конечно жило большинство изъ нихъ, но и во всѣхъ значительныхъ городахъ съ греческимъ населеніемъ. Знаменитѣйшими были Зенодотъ Эфесскій, директоръ александрійскаго музея, ученикъ его Аристофанъ Византійскій, жившій около 240 г. до р. Х., и ученикъ послѣдняго Аристархъ, уроженецъ острова Самотраки. Послѣдніе двое были составителями часто упоминаемаго нами Канона древнихъ греческихъ писателей (т. II, стр. 174.). Приведя въ порядокъ громадную массу знаній, распредѣливъ авторовъ по родамъ ихъ произведеній и возстановивъ на основаніи критическаго метода чистоту текстовъ ихъ сочиненій, эти ученые имѣютъ совершенно другія права на наше уваженіе, чѣмъ толпа остальныхъ грамматиковъ, лишенныхъ всякаго критическаго смысла и остроумія, и обладавшихъ только запасомъ мертвыхъ знаній. Впрочемъ и дѣятельность названныхъ нами лучшихъ грамматиковъ имѣетъ свою дурную сторону: занимаясь литературными произведеніями своего народа, обладая громадною начитанностью, и стараясь исправлять тексты на основаніи тщательнаго изученія формъ языка, они совершенно потеряли изъ виду ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на литературную жизнь; ихъ сухая ученость ис-

ключила всякую возможность истиннаго знанія и его приложенія, а критика, обращенная только на внѣшнія формы, заняла мѣсто свободной дѣятельности ума. Вслѣдствіе такого направленія ученой дѣятельности, образованность должна была все болѣе и болѣе удаляться отъ истиннаго характера греческаго быта. Но упрекъ этотъ долженъ пасть главнымъ образомъ на духъ времени, отъ котораго зависѣли характеръ и направленіе дѣятельности тогдашнихъ ученыхъ. Придавать значеніе спорамъ грамматиковъ, иногда дѣйствительно очень смѣшнымъ, и осмѣивать ученыхъ, значило бы обнаруживать свое незнаніе людей, потому что по самому существу дѣла, гдѣ бываютъ школы, тамъ является и школьная полемика.—

За исключеніемъ твореній одного только поэта, всѣ произведенія александрійской поэзіи представляютъ собою простую игру въ громкія стихотворныя фразы, результаты тяжелаго ученаго труда, или соблазнительныя и остоумныя стихотворенія, служившія для развлеченія распутныхъ и праздныхъ грековъ того времени. Какъ могла существовать истинная поэзія въ эпоху, когда исчезло всякое пониманіе природы, ослабѣла энергія души и, вмѣсто одушевленія и наслажденія въ созерцаніи истиннаго и прекраснаго, цѣлью всякой дѣятельности сдѣлались чувственныя наслажденія и матеріальная польза! Эпоха эта была такъ чужда истиннаго поэтическаго смысла, что тогдашней публикѣ нравились преимущественно стихотворенія, отличавшіяся только вычурною внѣшнею формою самаго дурнаго вкуса. Такъ, напримѣръ, сочинялись и возбуждали удивленіе стихотворенія, составленныя только изъ отдѣльныхъ стиховъ Гомера, или имѣвшія внѣшній видъ крыльевъ, топоровъ, яицъ и проч.

Изъ всѣхъ отраслей драматической поэзіи, одна только комедія, развившаяся въ такъ называемую новѣйшую комедію (т. II стр. 177.), соотвѣтствовала еще быту и направленію тогдашней эпохи. Впрочемъ въ это время встрѣчаются и трагическіе поэты, семерыхъ изъ нихъ, жившихъ при первыхъ двухъ Птолемеяхъ, александрійскіе ученые называли трагическимъ созвѣздіемъ пле-

ядъ, но созвѣздіе это состояло только изъ туманныхъ звѣздъ, а произведенія поэтовъ, носившихъ его имя, были также водянисты, какъ и время появленія этого созвѣздія, считавшагося у древнихъ провозвѣстникомъ дождей. Совсѣмъ другое должно сказать о писателяхъ такъ называемой новѣйшей комедіи. Этотъ родъ поэзіи какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ тому роду остроумія и развлеченій, къ которымъ стремились тогдашніе греки, да и сами поэты легче могли находить сюжеты для своихъ комедій между придворными или въ образованныхъ кружкахъ тогдашнихъ столицъ, чѣмъ въ народѣ, который гораздо ближе къ природѣ и упорно держится старинныхъ нравовъ и привычекъ. Вслѣдствіе этого комедія перестала быть общенароднымъ удовольствіемъ и сдѣлалась средствомъ развлеченія, доступнымъ только образованнымъ и знатнымъ. Лучшими авторами новѣйшей комедіи считались Менандръ, Дифилъ, Филиппидъ, Филемонъ и Аполлодоръ, но отъ ихъ произведеній остались только самые незначительные отрывки, по которымъ никакъ нельзя опредѣлить какъ велико было ихъ вліяніе на современниковъ. Для позднѣйшихъ поколѣній особенно важны Менандръ и Филемонъ, произведенія которыхъ служили образцами комическимъ писателямъ Рима и предметомъ изученія римскимъ ораторамъ. Новѣйшая комедія, отличаясь отъ древней и средней преимущественно изображеніемъ характеровъ, была для начинающаго оратора превосходнымъ руководствомъ для правильнаго понимавія живыхъ характеровъ, опредѣленія ихъ истиннаго значенія и пріискиванія для нихъ соотвѣтствующаго выраженія. Кромѣ того, аллегоріи, нравственныя сентенціи, длинныя рѣчи, встрѣчающіяся у Менандра и Филомена и вполнѣ соотвѣтствовавшія требованіямъ римской манерѣ декламировать, дѣлали произведенія ихъ очень удобными для преподаванія въ школахъ риторовъ.

Прочіе поэты александрійской эпохи почти всѣ писали въ томъ смѣшанномъ родѣ, который нельзя отнести ни къ одному изъ чистыхъ родовъ поэзіи, и вообще не имѣли никакой исключи-

тельно поэтической цѣли. Остроуміе ученыхъ александрійской эпохи составило и изъ нихъ такъ называемое созвѣздіе плеядъ. Изъ числа этихъ поэтовъ извѣстнѣе прочихъ Теокритъ, Аполлоній Родосскій, Аратъ, Ликофронъ и не принятый въ созвѣздіе Каллимахъ. Всѣ они, за исключеніемъ Теокрита, имѣютъ значеніе для развитія человѣческой образованности только потому, что своею ученостью, манерою писать и языкомъ облегчили научное изученіе прежнихъ поэтовъ и содѣйствовали введенію математики, физики и астрономіи въ число предметовъ, составлявшихъ програму тогдашняго воспитанія образованныхъ сословій.

Теокритъ Сиракузскій, жившій то при дворѣ Птолемея Филадельфа, то въ своемъ родномъ городѣ у царя Гіерона II, считается знаменитѣйшимъ изъ такъ называемыхъ буколическихъ поэтовъ древности, писавшихъ идилліи или поэтическія картины изъ жизни того класса людей, который ближе другихъ къ природѣ.

Теокритъ удачнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ приблизилъ къ природѣ этотъ родъ поэзіи, уже рано возникшій у грековъ. Впрочемъ произведенія его, написанныя на сицилійскомъ нарѣчіи греческаго языка и безспорно обязанныя своимъ происхожденіемъ народной сицилійской поэзіи мимовъ (т. II стр. 175.), только на половину принадлежатъ александрійской литературѣ. Съ перваго взгляда покажется страннымъ, что въ столь чуждую естественности, привыкшую къ распутству, пышности и общественному этикету эпоху, при дворѣ, подобномъ александрійскому, могли возбуждать сочувствіе произведенія поэта природы, изображающія самыхъ простыхъ людей и самый простой бытъ; разсмотрѣвъ внимательнѣе это явленіе, мы не только найдемъ это понятнымъ, но и убѣдимся, что расположеніе тогдашняго образованнаго класса къ произведеніямъ Теокрита составляетъ совершенно естественную характеристическую черту человѣческой природы, всегда снова повторяющуюся въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Чрезмѣрная изнѣженность и роскошь кажутся наиболѣе тя-

гостными тѣмъ, которые болѣе всего утопаютъ въ нихъ и менѣе всего могутъ обойтись безъ нихъ; но, благодаря контрасту, онѣ всегда сохраняютъ свою прелесть. Поэтому во всѣ времена, когда общество страдаетъ отъ изнѣженности, извращенной образованности и отчужденія отъ природы, начинаетъ обнаруживаться вкусъ къ идилліи, рисующей пастушескій бытъ, который всѣ народы считаютъ древнѣйшимъ, первобытнымъ состояніемъ человѣчества и самымъ простымъ, чистымъ, свободнымъ отъ всякихъ волненій образомъ жизни. Только изображеніе совершенно чуждыхъ высшему быту воззрѣній придаетъ идилліи особенную прелесть въ глазахъ выродившихся и развратныхъ поколѣній, чувства которыхъ можно расшевелить только рѣзкимъ контрастомъ.

Изъ сказаннаго выше видно, что для грековъ александрійская эпоха была единственнымъ періодомъ, въ которомъ, съ исчезновеніемъ всѣхъ прочихъ родовъ поэзіи, они могли довести идиллію до высшей степени ея развитія. Дѣйствительно, въ произведеніяхъ Теокрита она достигла полнаго совершенства, такъ что и въ этомъ отношеніи греки превзошли всѣ другіе народы запада. Они одни остались оригинальны и естественны, тогда какъ римляне, итальянцы, французы и нѣмцы стремились передѣлать природу на свой ладъ и замѣнить истинное чувство сантиментальностью. У римлянъ въ особенности двое писателей дѣлали попытку восхищать жителей городовъ идиллическимъ описаніемъ сельской природы и быта—Виргилій, жившій въ распутный и утонченный вѣкъ императора Августа, и Кальпурній, а за нимъ и другіе, въ послѣдующія столѣтія упадка римской имперіи; но пастухи Виргилія являются риторами, позднѣйшіе же римскіе идиллики стремились подражать не природѣ, а Виргилію. Когда разсѣялся мракъ среднихъ вѣковъ и въ Италіи блеснулъ лучъ новой образованности, когда всѣ другіе отрасли литературы были уже обработаны италіянцами, а роскошь и испорченность ихъ нравовъ достигли высшей степени,—у нихъ также возникла буколическая поэзія. Но какъ неестественны идилліи Санназаро и Гварини! Въ идиллической по-

эзіи, какъ и въ эпосѣ, Тассо былъ вторымъ Виргиліемъ; но произведенія его имѣютъ значеніе только по отношенію къ формѣ разсказа, а никакъ не по своей оригинальности! Наконецъ явился Марини! Французскіе поэты, обратившіеся послѣ итальянцевъ къ этому роду поэзіи и въ своихъ вычурныхъ, нѣжныхъ стихахъ рядившіе въ пастуховъ знакомыхъ имъ придворныхъ, кажутся еще ниже итальянскихъ идилликовъ. Въ Германіи Гесснеръ — котораго съ удовольствіемъ читали при развратномъ дворѣ Людовика XV,—создалъ также чисто сантиментальную природу. Впослѣдствіи Фоссъ и Гебель приблизили нѣмецкую идиллію къ греческой; имъ удалось не только набросать для избалованныхъ высшихъ сословій вѣрную картину простой естественной жизни, но и возбудить ею внутреннее чувство людей средняго сословія, болѣе близкихъ къ природѣ, и заставить ихъ находить прелесть въ своемъ простомъ бытѣ. Итакъ грекамъ принадлежитъ еще та заслуга, что и въ александрійскую эпоху своей образованности они развили до высшей степени совершенства новый родъ поэзіи, сдѣлавшійся образцомъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ запада. Теокритъ въ идиллической поэзіи, точно также какъ Гомеръ въ эпической, служилъ маякомъ, указывавшимъ истинный путь позднѣйшимъ идилликамъ, когда ихъ предшественники сбивались въ ту или другую сторону.

Поэтъ природы, обладавшій такимъ же искусствомъ льстить, какъ и прочіе тогдашніе стихотворцы, не занималъ перваго мѣста между поэтами своего времени. Царемъ александрійскихъ поэтовъ былъ Каллимахъ, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Кирены и жившій въ царствованіе втораго Птолемея. Произведенія его представляютъ вѣрный снимокъ всей поэзіи и вкуса эпохи Птолемеевъ. Они отличаются обиліемъ учености, но не имѣютъ и слѣдовъ поэтическаго чувства, вмѣсто котораго читатель встрѣчаетъ изящныя изліянія памяти, исполненной ученостью, и самодовольствіе человѣка, гордящагося своею начитанностью и талантомъ. Ученикъ Каллимаха, Аполлоній Родосскій, выказалъ также мало истиннаго вдохновенія, природ-

наго поэтическаго чувства и оригинальности; произведенія его, составляющія переходъ отъ древняго характера поэзіи къ современному, имѣютъ значеніе по отношенію къ поэтической формѣ и языку. Аполлоній написалъ эпическую поэму о походѣ аргонавтовъ, оказавшую благодѣтельное вліяніе на господствовавшее въ его время направленіе поэзіи, и даже на позднѣйшую поэзію римлянъ. Онъ довольно удачно подражалъ Гомеру и чистотою своего языка, искусною разстановкою словъ, звучностью своего стиха, весьма похожаго на гомерическій, и въ то же время болѣе приближающагося къ новѣйшему, чрезвычайно облегчилъ своимъ современникамъ и римскимъ поэтамъ изученіе Гомера. Его эпическая поэма относится къ римской поэзіи точно также, какъ самые вѣрные изъ нѣмецкихъ переводовъ Гомера къ современной нѣмецкой поэзіи: эти переводы также облегчили нѣмцамъ пониманіе духа греческой поэзіи. Аполлоній подражаетъ каждому звуку древняго поэта, всѣ обороты, сравненія и другія особенности Гомера являются и въ его поэмѣ, реторическія украшенія которой дѣлали ихъ болѣе доступными его современникамъ и римлянамъ. Аполлоній имѣетъ не только историческое, но и научное значеніе; его поэма составляетъ лучшій комментарій къ Иліадѣ и Одиссеѣ, лучшее средство научиться понимать и цѣнить простой языкъ и естественный стихъ Гомера, сравнивая его съ составленнымъ по всѣмъ правиламъ искусства и выработаннымъ стихомъ Аполлонія. Кромѣ того встрѣчающіяся въ его поэмѣ описанія странъ, народовъ и ихъ нравовъ чрезвычайно важны для изученія древности, а по своимъ поэтическимъ достоинствамъ Аполлоній принадлежитъ къ лучшимъ поэтамъ александрійской эпохи, какъ единственный изъ всѣхъ эпическихъ поэтовъ Греціи, удачно подражавшій Гомеру. Впрочемъ великимъ поэтомъ является онъ только по своему языку, нѣкоторымъ эпизодамъ и сравненіямъ, но основывавшееся на этихъ достоинствахъ вліяніе его на римскую поэзію было такъ велико, что даже самъ Виргилій заимствовалъ у него буквально цѣлыя картины и выраженія.

Произведенія жившаго при дворѣ втораго Птолемея, поэта Ликофрона, уроженца Эвбеи, достойны быть упомянутыми, только какъ отвратительные образцы ученаго стихотворства. Они могутъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ велико было стремленіе къ сухому знанію и запутаннымъ понятіямъ въ самомъ началѣ александрійской эпохи. Главный характеръ литературной дѣятельности Ликофрона состоитъ въ загадочности и любви къ темнымъ мѣстамъ; этотъ писатель считается изобрѣтателемъ анаграммы или поэтической игры, заключающейся въ томъ, что изъ какого нибудь слова, посредствомъ перестановки буквъ, составляется другое, находящееся въ извѣстномъ отношеніи къ первому. Живя въ эпоху, когда разгадываніе загадокъ, игра понятіями и объясненіе темныхъ выраженій сдѣлались чѣмъ то въ родѣ ученаго ремесла, а древняя греческая религія обратилась въ науку мистерій, Ликофронъ написалъ наполненное загадками и темными мѣстами стихотвореніе, которое должно было служить загадкою для ученыхъ, и этимъ подалъ чрезвычайно дурной примѣръ своимъ послѣдователямъ. Это странное произведеніе, составленное съ начала до конца изъ однихъ предсказаній Кассандры, образуетъ въ то же время цѣлый рядъ загадокъ; даже боговъ и героевъ Ликофронъ не называетъ собственными ихъ именами а обозначаетъ наименѣе извѣстными изъ ихъ аттрибутовъ. Упоминаемыя въ этомъ стихотвореніи страны обозначаются также какими нибудь малоизвѣстными событіями, самыя смѣлыя метафоры, въ родѣ видимаго мрака Мильтона, встрѣчаются на каждой страницѣ, разнороднѣйшія понятія сопоставляются одни съ другими, такъ что молніи дѣлаются у него слышимыми, а звуки видимыми; словомъ, высшая необузданность фантазіи, загадочность и хвастовство многостороннею начитанностью составляютъ отличительный характеръ этого произведенія. Фантазія поэта не согрѣваетъ насъ внутреннимъ огнемъ, а напротивъ того леденитъ; мы постоянно видимъ предъ собою ученаго, который мучитъ себя и другихъ, желая выказать свою безполезную начитанность. Лишенные всякой способности понимать есте-

ственное и истинно великое, позднѣйшіе ученые конечно могли наслаждаться и восхищаться подобнымъ произведеніемъ. Нельзя однако отрицать и того, что разрѣшеніе загадокъ Ликофрона лучше всего знакомитъ съ богатствомъ греческаго языка и обиліемъ вымысловъ и аллегорій, допускаемыхъ тогдашнею религіозною системою. Ликофронъ считается также однимъ изъ знаменитѣйшихъ трагическихъ поэтовъ своего времени, но до насъ не дошло ни одной изъ его трагедій, въ которыхъ, какъ въ Кассандрѣ, онъ старался неясными выраженіями затемнять смыслъ своихъ словъ.—

О философіи александрійской эпохи будетъ сказано впослѣдствіи, когда мы будемъ говорить объ образованности римскаго народа, съ которой она находится въ непосредственной связи. Вліяніе ея на умственную жизнь римлянъ составляетъ самую важную для исторіи цивилизаціи сторону позднѣйшей греческой философіи.

Исторіографія александрійскаго періода имѣетъ совершенно такой же характеръ, какъ и современная ей поэзія; нѣкоторые изъ писателей, жившіе въ царствованіе первыхъ двухъ Птолемеевъ, привели ее въ то же состояніе упадка, до котораго доведена была поэзія Каллимахомъ и Ликофрономъ. Тщеславіе, страсть къ развлеченіямъ и ложь составляютъ особенности духа александрійскаго періода; естественно, что эпоха эта была совершенно чужда истинной исторической поучительности и критически историческаго пониманія дѣйствительной жизни и ея характеровъ. Разсказы о современныхъ событіяхъ, особенно часто встрѣчавшіеся у грековъ прежде, почти совершенно прекращаются; риторическіе писатели той эпохи не осмѣливались браться за современную исторію, опасаясь потерять расположеніе публики искаженнымъ и невѣрнымъ описаніемъ болѣе знакомыхъ ей событій, а правдивымъ изложеніемъ боялись оскорбить царей и лишиться ихъ благосклонности. Вмѣсто исторіи своего времени, они занимались событіями миѳологическаго и героическаго періодовъ и безъ всякаго стыда разсказывали вымышленныя или перепутанныя греческими миѳами

и преданіями легенды и сказки индійцевъ, ассиріянъ, финикіянъ, египтянъ и даже еврейскаго народа, находившагося до тѣхъ поръ въ такомъ пренебреженіи и едва упоминаемаго греками. Въ исторіи Александра Великаго было сказано какъ ревностно старались Неархъ, Онесикритъ и другіе самыми пошлыми сказками и вымыслами польстить праздной и склонной ко всему чудесному фантазіи своихъ соотечественниковъ. Историки собственно александрійской эпохи шли по слѣдамъ этихъ, любимыхъ тогдашнею публикою, романтиковъ, соединяя ихъ направленіе со склонностью ко всему древнему, чудовищному и стремленіемъ отыскать связь между жреческими учрежденіями отдаленной древности востока и греческою стариною.

Для знакомства съ характеромъ александрійской исторической литературы вообще и ея отношеніями къ духу времени, достаточно бросить взглядъ на знаменитѣйшихъ тогдашнихъ историковъ — Тимея, Эвгемера, Бероса и Манетона. Тимей изъ Тавромеціи, жившій въ началѣ третьяго столѣтія до р. Х., хотя и славится хронологическою точностью своей исторіи Греціи и Сициліи, но разсказываетъ самыя нелѣпыя сказки, говоря о древнѣйшихъ періодахъ жизни своего народа. Его современникъ Эвгемеръ изъ Мессины представляетъ еще болѣе важности для знакомства съ характеромъ тогдашней исторіографіи, написавъ такъ называемую священную исторію, въ которой обманомъ и ложью старается опровергнуть вымыслы, которыми пытались тогда придать греческой религіи характеръ восточныхъ жреческихъ учрежденій и обратить ее въ средство обманывать народъ. Воспользовавшись ученою экспедиціею, отправленною Кассандромъ въ Индійскій океанъ, онъ выдумалъ множество надписей, которыя выдавалъ за древнѣйшіе историческіе памятники. Съ помощью этихъ надписей, найденныхъ имъ на никогда не существовавшемъ островѣ Панхаіи, онъ доказывалъ что Юпитеръ, Сатурнъ и все ихъ потомство были простыми смертными, присвоившими себѣ божескія почести только посредствомъ обмана. Восхваляемый за это церковными христіанскими

писателями среднихъ вѣковъ, Эвгемеръ былъ осыпаемъ ругательствами своихъ соотечественниковъ язычниковъ, въ насмѣшку прозвавшихъ его атеистомъ. Его вымышленные разсказы и надписи, также какъ и сочиненія его противниковъ, служатъ только доказательствомъ, что тогдашняя эпоха была временемъ господства лжи и обмана.

Изъ всѣхъ историческихъ писателей того времени, наибольшее значеніе имѣютъ Беросъ и Манетонъ; въ ихъ произведеніяхъ всего яснѣе отразилось господствовавшее направленіе александрійской эпохи. Беросъ, какъ говорятъ, современникъ Птолемея Филадельфа и халдейскій жрецъ храма Бела (Ваала) въ Вавилонѣ, принадлежитъ къ числу восточныхъ астрологовъ, со времени основанія Селевкіи на Тигрѣ пріобрѣвшихъ огромное вліяніе на умы грековъ. Подобные ему люди учились по гречески, чтобы легче эксплуатировать въ свою пользу легковѣріе массъ. Беросъ не принадлежитъ ни къ европейской Греціи, ни къ Египту Птоломеевъ, но о немъ все таки слѣдуетъ упомянуть здѣсь, при описаніи всего, что только носитъ на себѣ характеръ александрійской образованности и пользовалось нѣкоторою извѣстностью въ какомъ нибудь изъ греческихъ государствъ. Халдей Беросъ написалъ исторію вавилонянъ, начинаемую имъ за четыреста семьдесятъ три тысячи лѣтъ до Александра Великаго, и наполненную самыми чудовищными миѳами и сказками, сдѣлавшимися предметомъ безплодныхъ изысканій ученыхъ позднѣйшей древности. Сочиненіе его не сохранилось до насъ; приписываемые ему небольшіе отрывки изъ древнѣйшей исторіи Вавилона принадлежатъ кому нибудь изъ позднѣйшихъ христіанскихъ или еврейскихъ писателей. Ту же роль, какую игралъ при дворѣ и въ ученыхъ кружкахъ Сиріи Беросъ, взялъ на себя при египетскомъ дворѣ и между александрійскими учеными современникъ его, египетскій жрецъ—Манетонъ. Въ исторіи Береса Селевкиды являются властителями первобытнаго отечества людей и боговъ и въ тоже время обладателями всѣхъ источниковъ мудрости; сочиненіе Манетона доказало Птолеме-

ямъ, что цари Египта могутъ предъявить еще гораздо большія притязанія, чѣмъ владѣтели Вавилоніи. Манетонъ былъ жрецомъ одного древнѣйшаго египетскаго храма, принадлежалъ къ туземной жреческой кастѣ, и зналъ по гречески также хорошо, какъ Беросъ. Онъ написалъ на греческомъ языкѣ исторію Египта, начиная съ древнѣйшаго періода жизни своего народа до Александра Великаго и, какъ говорятъ, составилъ еще объясненіе религіозныхъ обычаевъ древнихъ египтянъ. Изъ сочиненій его до насъ дошли только нѣкоторые отрывки. Его исторія Египта, почерпнутая, какъ онъ утверждалъ, изъ египетскихъ храмовыхъ архивовъ, хотя и не можетъ считаться чистымъ вымысломъ, но уже одно то обстоятельство, что для подтвержденія своихъ извѣстій онъ ссылается на Меркурія египетскихъ миѳовъ и составленныя будто бы послѣднимъ надписи, служитъ достаточнымъ мѣриломъ достоинствъ и достовѣрности его исторіи въ глазахъ того, кто требуетъ отъ историка знанія людей и критической повѣрки.

Задача историка становится гораздо отраднѣе, когда онъ приступаетъ къ описанію успѣховъ реальныхъ наукъ и заслугъ, оказанныхъ греками, по смерти Александра Великаго, развитію наукъ и искусствъ, имѣющихъ приложеніе въ промышленности. Время Птолемеевъ было чисто прозаическою эпохою, отличаясь яснымъ пониманіемъ только тѣхъ вещей, которыя могли приносить непосредственную практическую пользу. Энергія духа совершенно ослабѣла у тогдашнихъ грековъ, пониманіе той части человѣческой природы, которая имѣетъ мало общаго съ видимымъ міромъ, казалось, окончательно исчезло, и наступило время, когда человѣку слѣдовало научиться смотрѣть на себя, какъ на существо, принадлежащее исключительно внѣшней природѣ и подчиненное только ея законамъ. Оригинальный характеръ образованности этой эпохи составляетъ совершенно новое явленіе въ древней исторіи, образуя переходъ къ практической, юридической и аристократической римской эпохѣ. Знакомство съ александрійской образованностью важно не только для познанія человѣческой природы и хо-

да ея развитія, но имѣетъ особое значеніе еще и потому, что римляне, сдѣлавшіеся въ позднѣйшій періодъ средоточіемъ всего древняго міра, не смотря на всю свою практичность, не развили ни одной вѣтви физико-математическихъ наукъ далѣе той степени совершенства, какой достигли они въ возникшихъ тотчасъ по смерти Александра школахъ греческаго востока. Писатели этихъ школъ до эпохи аравитянъ оставались наставниками всего міра въ математическихъ и естественныхъ наукахъ. Даже сами аравитяне, за исключеніемъ химіи, алгебры и нѣкоторыхъ частей астрономіи, не подвинули такъ называемыхъ точныхъ или физико-математическихъ наукъ далѣе той точки, до которой онѣ были доведены въ Александріи еще во времена Птолемеевъ. Аравитяне почерпали свои свѣдѣнія изъ греческихъ школъ, возникшихъ въ Сиріи и Египтѣ, и сами европейцы, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія учившіеся у аравитянъ, въ четырнадцатомъ столѣтіи снова обратились къ греческимъ источникамъ. Въ названныхъ нами отрасляхъ знанія греки александрійской эпохи были наставниками римлянъ, аравитянъ и всего средневѣковаго христіанства; эта сторона ихъ дѣятельности и образованности имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ александрійскую эпоху естествознаніемъ. Аристотель, можно сказать, создалъ науку о природѣ, а шедшій по его слѣдамъ ученикъ его Теофрастъ дополнилъ пробѣлы, остававшіеся въ твореніяхъ своего учителя. Толчекъ, данный этими естествоиспытателями, имѣлъ дѣйствіе на Птолемеевъ и ихъ ученыхъ, вызвавъ дальнѣйшее развитіе естественныхъ наукъ въ Александріи. Первые Птолемеи, какъ уже было сказано выше, содѣйствовали успѣхамъ реальныхъ наукъ устройствомъ коллекцій естественныхъ предметовъ и звѣринца, гдѣ они, не жалѣя издержекъ, содержали много рѣдкихъ животныхъ. Впрочемъ побудительною причиною всѣхъ этихъ заботъ было не стремленіе къ чисто научному познанію природы, а желаніе воспользоваться и естественными

науками для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей жизни. Изучая природу, ученые александрійской эпохи преимущественно обращали вниманіе на врачебное искусство и на тѣ отрасли наукъ, которыя тѣсно связаны съ нимъ, какъ физіологія или наука о природѣ и жизни органическихъ существъ, анатомія, химія и ботаника. Естественная исторія точно также не можетъ сдѣлаться наукою, безъ физіологіи, какъ не могла бы быть ею химія безъ физики. Безъ анатоміи или изученія отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла и безъ сравнительной анатоміи человѣка и животныхъ, ни физіологія, ни медицина не имѣли бы твердыхъ основаній и составляли бы только сборъ ничѣмъ не подтверждаемыхъ предположеній. У древнихъ изученіе физіологіи и анатоміи находилось въ совершенномъ пренебреженіи до времени Аристотеля, хотя уже въ концѣ Пелопонесской войны Гиппократъ съ острова Коса и его ученики возвели медицину вообще, на степень настоящей науки. Причина этого пренебреженія заключалась въ самомъ характерѣ грековъ, у которыхъ изученію этой науки препятствовали тѣже самые предразсудки, которые и теперь еще мѣшаютъ успѣхамъ анатоміи въ Англіи. Но, когда могущественные греческіе властители такой страны, какъ Египетъ,—гдѣ старинный обычай погребенія мертвыхъ способствовалъ распространенію познаній въ анатоміи и химіи,—стали покровительствовать врачебному искусству, изученіе анатоміи и физіологіи должно было пойти гораздо успѣшнѣе. Герофилъ Халкедонскій, придворный врачъ Птолемея Сотера и Эрасистратъ съ острова Кеоса, занимавшій туже должность сначала при Селевкѣ Никаторѣ, а потомъ при Птолемеѣ Филадельфѣ, по приказанію двухъ первыхъ Птолемеевъ получали, не смотря на всѣ предразсудки грековъ и египтянъ, трупы для своихъ анатомическихъ изслѣдованій. Впослѣдствіи разсказывали, что имъ отдавались даже живые преступники, для производства опытовъ надъ живымъ человѣческимъ тѣломъ; но разсказы эти ничѣмъ не подтверждаются, и своимъ происхожденіемъ обязаны, по всей вѣроятности, господство-

вавшему тогда всеобщему отвращенію къ разсѣченію человѣческихъ труповъ, подобно тому, какъ въ такой же жестокости обвиняются и возстановители анатоміи въ новѣйшее время — Модини и Везалій. Герофилъ и Эрасистратъ не сходились во многихъ изъ научныхъ положеній, и потому въ Египтѣ и другихъ странахъ возникли различныя медицинскія школы, называвшіяся по ихъ именамъ. Кромѣ анатоміи Герофилъ соединилъ съ врачебною практикою и ботанику, ученики его продолжали заниматься ею весьма ревностно, а въ царствованіе послѣднихъ Птолемеевъ или вскорѣ послѣ нихъ явился знаменитый ботаникъ Діоскоридъ, сочиненіе котораго сдѣлалось источникомъ всѣхъ ботаническихъ свѣдѣній для аравитянъ и христіанскихъ народовъ среднихъ вѣковъ.

Математическія науки достигли въ Александріи гораздо высшаго развитія чѣмъ естественныя; оставивъ въ сторонѣ практическое примѣненіе ея, математика, какъ наука, всегда будетъ покоиться на тѣхъ основаніяхъ, которыя были положены ей въ Александріи. Математическія науки продолжали процвѣтать въ этомъ городѣ почти цѣлую тысячу лѣтъ, т. е. до восьмаго столѣтія по р. Х. Между математиками эпохи Птолемеевъ, первое мѣсто по хронологическому порядку и по ученымъ заслугамъ принадлежитъ Эвклиду. Онъ жилъ и трудился для науки въ Александріи въ царствованіе Птолемея Сотера, и создалъ науку математики, первыя основанія которой были положены Аристотелемъ. Программа Эвклида ограничивалась только ариѳметикою, геометріею и стереометріею или наукою объ измѣреніи твердыхъ тѣлъ, но за то онъ сдѣлалъ для этихъ отдѣловъ то же, что Аристотель для логики. Эвклидъ создалъ строго научную систему, расположилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ теоремы, изобрѣлъ методъ преподаванія математики, который до нашего времени считается всѣми мыслящими математиками единственнымъ правильнымъ способомъ преподаванія. Позднѣйшіе ученые часто находили доказательства Эвклида слишкомъ длинными, сложными, мало понятными и придумывали вмѣсто нихъ

другія болѣе простыя и легкія, считая практическій результатъ важнѣе строгой логической послѣдовательности и потому признавая каждое практическое доказательство самымъ лучшимъ; но всякій понимающій духъ древнихъ и изучающій математику, какъ науку, будетъ другаго мнѣнія, помня отвѣтъ, данный Эвклидомъ Птолемею Сотеру. На вопросъ Птолемея: нельзя ли придумать для него болѣе легкаго метода изученія геометріи, знаменитый математикъ отвѣчалъ: „для царей нѣтъ никакого особеннаго пути къ геометріи." Объ отдѣльныхъ положеніяхъ его научной системы должно сказать тоже самое, что и о его методѣ доказательства; почти каждый изъ математиковъ новѣйшаго времени находилъ нѣкоторые недостатки въ его системѣ и старался исправить ихъ, но, не смотря на всѣ усилія, ни одинъ изъ нихъ не могъ превзойти Эвклида.

Вскорѣ послѣ того какъ Эвклидъ создалъ научную систему математики и тѣмъ положилъ прочныя основанія этой науки, всѣ тогдашніе торговые города стали сознавать огромную важность точныхъ наукъ для своей торговли, мореходства и промышленности. Между городами, игравшими въ древности такую же роль, какъ Нидерланды и Англія въ новѣйшей исторіи Европы, первыя мѣста занимали Александрія, Родосъ, Византія, нѣкоторые приморскіе города Малой Азіи и большая часть греческихъ колоній въ западной половинѣ Средиземнаго моря. Съ этого времени, во всѣхъ этихъ городахъ стали процвѣтать школы математическихъ наукъ, способствовавшія развитію наукъ и искусствъ, имѣющихъ практическое примѣненіе. Чтобы сдѣлать эти науки доступнѣе для массы, прибѣгали даже къ помощи поэзіи, служившей тогда преимущественно средствомъ придать пріятную форму предметамъ, которые сами по себѣ не были привлекательны. Первый прибѣгнулъ къ этому средсгву Аратъ изъ города Соли въ Киликій, не принадлежавшій къ кружку александрійскихъ ученыхъ и жившій при дворѣ царя Антигона Гоната. Заслуги его заключаются въ томъ, что своею астрономическою поэмою онъ возбудилъ въ Греціи такой же интересъ къ математическимъ наукамъ, какой

уже давно былъ возбужденъ въ Византіи, Александріи, Родосѣ и другихъ городахъ мореходствомъ и торговлею. Самъ онъ не былъ математикомъ, а только изложилъ въ стихотворной формѣ два сочиненія знаменитаго Эвдокса Книдскаго, жившаго въ царствованіе Филиппа II и сдѣлалъ ихъ учебникомъ для употребленія въ школахъ и книгою для чтенія образованныхъ людей древности. Такимъ образомъ Аратъ имѣетъ значеніе въ исторіи культуры не по своимъ ученымъ изслѣдованіямъ и не по внутреннему содержанію своего стихотворенія, а только тѣмъ, что, придавъ сочиненіямъ великаго математика другую форму, сдѣлалъ ихъ болѣе доступными юношеству и массѣ публики. Стихотвореніе его, сдѣлавшись руководствомъ астрономіи для образованнаго класса общества, заставило ученыхъ преподававшихъ въ школахъ, изучать астрономію и математику. Впослѣдствіи сильное распространеніе стихотворенія Арата принудило первыхъ астрономовъ и математиковъ послѣдующихъ поколѣній заняться составленіемъ для него комментаріевъ и все преподаваніе астрономіи было основано на этомъ произведеніи или по крайней мѣрѣ находилось въ связи съ нимъ.

Знаменитѣйшимъ математикомъ въ эпоху, слѣдовавшую за Аратомъ, считается Эратостенъ, родившійся въ Киренѣ и въ царствованіе Птолемея Эвергета управлявшій александрійскимъ музеемъ. Поэтъ, грамматикъ, истолкователь древностей, философъ, географъ, математикъ и астрономъ онъ представляетъ живой образецъ всей тогдашней образованности и того, что въ позднѣйшій періодъ древности и потомъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ возобновленіемъ изученія греческой литературы, называлось либеральнымъ образованіемъ. Эратостенъ оказалъ значительныя услуги географіи и наблюдательной астрономіи; но здѣсь мы не будемъ касаться ихъ, потому что для правильной оцѣнки нужны болѣе спеціальныя познанія въ математическихъ наукахъ. Достаточно замѣтить, что Эратостенъ между прочимъ первый измѣрилъ градусъ широты, вычислилъ наклоненіе эклиптики и опредѣлилъ объемъ земнаго шара, хотя всѣ полученныя имъ дан-

ныя не могли быть совершенно точны. Дошедшее до насъ небольшое стихотвореніе Эратостена, соединяющее въ себѣ основательныя математическія познанія съ загадочностью и странностью метода и наклонностью тогдашней поэзіи ко всему чудесному, представляетъ также весьма важный матеріялъ для характеристики александрійской литературы. Въ этомъ стихотвореніи Эратостенъ, подобно многимъ другимъ поэтамъ, разрѣшаетъ одну математическую задачу вошедшимъ тогда въ моду поэтическимъ способомъ, придавая своимъ произведеніямъ внѣшнюю форму топоровъ, жертвенниковъ и пр. или занимаясь другими стихотворными фокусами въ томъ же родѣ.

Гораздо большее значеніе въ исторіи развитія математическихъ наукъ имѣетъ современникъ Эратостена, Архимедъ, величайшій механикъ древности. Заслуги его какъ творца и изобрѣтателя всѣхъ приложеній математики къ искусствамъ и промышленности также важны, какъ и заслуги Аристотеля, Эвклида и двухъ александрійскихъ ученыхъ въ теоріи этой науки. Архимедъ родился въ Сиракузахъ около 287 года до р. X., учился въ Александріи, вскорѣ опять вернулся въ свой родной городъ, но въ теченіе всей своей жизни сохранялъ связи съ центромъ тогдашней образованности. Менѣе образованнымъ изъ своихъ потомковъ онъ извѣстенъ не столько по своему значенію въ наукѣ, сколько по тому случайному обстоятельству, что находился въ Сиракузахъ, во время осады послѣднихъ римляниномъ Марцелломъ (213 и 212 г. до р. X.), при чемъ своими талантами и научными свѣдѣніями оказалъ важныя услуги родному городу. По взятіи города онъ былъ убитъ однимъ римскимъ воиномъ. Говоря объ изобрѣтеніяхъ Архимеда для защиты Сиракузъ, позднѣйшіе писатели древности сообщаютъ такія извѣстія, которымъ съ трудомъ можно вѣрить. Въ особенности сомнительны разсказы о зажигательныхъ зеркалахъ, которыя Архимедъ употребилъ будто бы для того, чтобы сжечь римскій флотъ, стоявшій въ гавани. Вообще изъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно вывести заключеніе, что знаменитый механикъ удивилъ и превзошелъ своими

изобрѣтеніями какъ сиракузянъ такъ кареагенянъ и римлянъ, не смотря на то что первыя двѣ націи издавна славились своею ловкостью въ механическихъ искусствахъ, а римляне въ то время изъ всѣхъ искусствъ уважали только тѣ, которыя имѣли какое нибудь примѣненіе къ военному дѣлу; хотя для приложенія ихъ на практикѣ пользовались услугами жителей греческихъ колоній Нижней Италіи.

Дѣятельность Архимеда на поприщѣ математики, какъ науки, и ея примѣненій къ промышленности была гораздо важнѣе и богаче результатами, чѣмъ всѣ его изобрѣтенія въ военномъ искусствѣ. Теорія и практика были у него такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что даже въ чисто теоретическихъ трудахъ, какъ, напримѣръ, при опредѣленіи отношенія между діаметромъ и окружностью круга, онъ никогда не упускалъ изъ виду практической стороны предмета. Мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ его многочисленныхъ научныхъ открытій и изобрѣтеній. Онъ первый указалъ способъ такъ называемаго измѣренія безконечныхъ величинъ, показавъ возможность сосчитать число песчинокъ. или покрайней мѣрѣ выразить ихъ массу въ извѣстныхъ величинахъ или числахъ. Съ перваго взгляда этотъ трудъ можетъ показаться ребячествомъ, но въ дѣйствительности заключая въ себѣ чрезвычайно важное усовершенствованіе въ искусствѣ измѣреній, онъ имѣлъ огромное вліяніе на успѣхи ариеметики въ древности. Всѣ предшествовавшіе Архимеду греческіе астрономы считали поперечникъ солнца въ восемнадцать разъ болѣе поперечника луны; Архимедъ, на основаніи нѣкоторыхъ предположеній, полагалъ его въ триста разъ болѣе и такимъ образомъ гораздо болѣе приблизился къ истинѣ. Въ особенности же важны услуги, оказанныя имъ астрономіи и механикѣ, изобрѣтеніемъ такъ называемаго планетарія или искуственнаго механизма, представлявшаго наглядным образомъ движеніе небесныхъ силъ. Наконецъ Архимедъ открылъ отношеніе между цилиндромъ и шаромъ равныхъ поперечниковъ, откры-

тіе показавшееся ему самому столь важнымъ, что онъ приказалъ украсить свою гробницу изображеніями этихъ геометрическихъ фигуръ.

Одно изобрѣтеніе планетарія служитъ уже доказательствомъ важности ученыхъ заслугъ Архимеда въ области теоретической и практической механики. Со времени Димитрія Поліоркета весь греческій міръ сталъ обнаруживать такой интересъ къ этой наукѣ, что самыя занятія ею считались необходимыми для каждаго образованнаго правителя или государственнаго человѣка. Архимедъ былъ между прочимъ и творцомъ статики, т. е. науки законовъ равновѣсія тѣлъ. Онъ первый созналъ значеніе положенія центра тяжести тѣлъ и развилъ теорію наклонной плоскости и винта. Кромѣ того онъ открылъ важный физическій законъ, что каждое тѣло, погруженное въ жидкость, теряетъ столько же своего вѣса, сколько вѣситъ масса вытѣсненной имъ жидкости, и воспользовался этимъ закономъ для изслѣдованія началъ статики. Нѣкоторыя другія его механическія изобрѣтенія были упомянуты нами при описаніи роскошнаго корабля, выстроеннаго по приказанію Гіерона II (т. III, стр. 47.). Во время своего пребыванія въ Египтѣ, Архимедъ сдѣлалъ еще нѣкоторыя важныя усовершенствованія въ гидравлическомъ искусствѣ, хотя сомнительно, чтобы онъ былъ изобрѣтателемъ такъ называемаго архимедова винта, особаго механизма для поднятія воды. Но уже одно то, что это изобрѣтеніе было приписано ему, служитъ лучшимъ доказательствомъ всеобщей привычки считать его самымъ изобрѣтательнымъ механикомъ всей древности.

Архимедъ остается безспорно первымъ, даже почти единственнымъ великимъ механикомъ древности, хотя и до и послѣ него. было нѣсколько ученыхъ, пріобрѣвшихъ извѣстность въ этой области знанія. Только одинъ изъ нихъ, Геронъ Александрійскій расширилъ теоретическую сторону науки, всѣ же остальные занимались исключительно усовершенствованіемъ ея практическихъ сто-

ронъ. Героиъ и его учитель Ктесибій сдѣлали нѣкоторыя важиыя изобрѣтенія въ физикѣ, какъ напримѣръ сифонъ, водяной оргаиъ и названный по имени изобрѣтателя героновъ фонтанъ.

Вторымъ геометромъ древности послѣ Архимеда считается ученикъ его Аполлоній изъ города Перги въ Памфиліи, жившій въ Пергамѣ и Александріи. Вмѣстѣ съ Архимедомъ и Эвклидомъ онъ считается однимъ изъ величайшихъ математиковъ древности, оказавъ ученію о коническихъ сѣченіяхъ, столь же важныя услуги какъ Архимедъ прикладной математикѣ, а Эвклидъ чистой математикѣ, ариѳметикѣ и нѣкоторымъ частяхъ геометріи. Не исчисляя въ подробности его ученыхъ заслугъ, мы все таки должны замѣтить, что величіе ума Аполлонія выказывалось не только въ его открытіяхъ и вычисленіяхъ, но и въ усовершенствованіи и распространеніи уже извѣстнаго и открытаго.

Величайшій изъ древнихъ астрономовъ Гиппархъ, уроженецъ Никеи въ Виѳиніи, жилъ во второмъ столѣтіи до р. Хр., но, подобно Арату изъ города Соли, не принадлежалъ къ кружку александрійскихъ ученыхъ. Онъ провелъ большую часть жизни на островѣ Родосѣ, производя на этомъ островѣ свои астрономическія наблюденія, и только на короткое время посѣтилъ Александрію. Важнѣйшія изъ его сочиненій не дошли до насъ; сохранились только два менѣе значительныхъ: каталогъ неподвижныхъ звѣздъ и комментарій на стихотворенія Арата, принадлежащій по всей вѣроятности къ юношескимъ произведеніямъ Гиппарха. Эвклидъ и Архимедъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о плоской и сферической тригонометріи, т. е. науки измѣренія плоскостей и шарообразныхъ тѣлъ посредствомъ дѣленія ихъ на треугольники; изобрѣтателемъ этихъ двухъ частей геометріи былъ Гиппархъ. Кромѣ того онъ составилъ первыя таблицы движеній луны, первый постановилъ вѣрныя правила для вычисленія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, и изобрѣлъ методъ, посредствомъ котораго впослѣдствіи можно было опредѣлять съ достовѣрностью величину и

разстоянія солнца и луны. Онъ основалъ свои наблюденія на произведенныхъ за сто лѣтъ до него наблюденіяхъ астронома Аристарха съ острова Самоса, считавшихся самыми вѣрными, но далеко оставилъ ихъ за собою относительно точности. Опираясь на наблюденія Аристарха, Гиппархъ оказалъ безсмертныя услуги времясчисленію, опредѣливъ впервые истинную длину солнечнаго года. Изъ сравненія своихъ наблюденій съ наблюденіями Аристарха онъ сдѣлалъ одно изъ важнѣйшихъ открытій во всей астрономіи, открывъ такъ называемый законъ предваренія равноденствій или измѣненій въ видимомъ движеніи неподвижныхъ звѣздъ, которыя, сохраняя неизмѣнное свое положеніе относительно другъ друга, кажутся всѣ движущимися съ востока на западъ. При этомъ, не смотря на несовершенство инструментовъ, Гиппархъ достигъ такой точности въ опредѣленіи величины этого измѣненія, что самъ Лапласъ удивлялся его искусству. Только благодаря открытію Гиппарха можно было найти вновь звѣзды, положеніе которыхъ было опредѣлено нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, и такимъ образомъ дополнить науку, которая требуетъ для своего развитія точныхъ наблюденій въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

Кромѣ своихъ заслугъ въ области чистой астрономіи, Гиппархъ имѣлъ также огромное вліяніе на успѣхи историческихъ наукъ, землевѣдѣнія, этнографіи и торговли древняго міра. Онъ первый указалъ способъ опредѣлять съ точностью географическую широту и долготу какого нибудь мѣста посредствомъ астрономическихъ наблюденій и этимъ сдѣлалъ возможною истинную картографію. Всѣ упомянутыя нами открытія и изобрѣтенія составляютъ только незначительную долю заслугъ, оказанныхъ Гиппархомъ астрономіи и землевѣдѣнію. По своему генію онъ стоитъ выше всѣхъ слѣдующихъ за нимъ астрономовъ до самаго Кеплера, и астрономія въ продолженіе трехсотъ лѣтъ оставалась безъ движенія на той высотѣ, на которую она была имъ поставлена.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. НАРОДЫ ГРЕКО-РИМСКАГО ПЕРІОДА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ.)

ИСТОРІЯ РИМЛЯНЪ.

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Италія.

Съ самой глубокой древности Италіею назывался длинный и узкій полуостровъ, глубоко вдающійся въ Средиземное море. Длина этого полуострова, отъ южныхъ границъ Ломбардіи до южной его оконечности, составляетъ двѣсти десять нѣмецкихъ миль (около 1200 верстъ). Поэты называли Италію также Гесперіею и Авзоніею. Большая часть полуострова покрыта хребтами Апеннинскихъ горъ; немногія изъ его равнинъ представляютъ собою или чрезвычайно плодородныя мѣстности, какъ напримѣръ Кампанская равнина, вокругъ Неаполя и Капуи, или болота и сырыя луговыя низменности, какъ Понтинскія болота и такъ называемыя маремны Пизы, Ареццо и другихъ мѣстностей, или же имѣютъ характеръ бѣдныхъ водою и болѣе или менѣе пустынныхъ степныхъ равнинъ, каковы равнина Апуліи и римская Кампанья.

Апеннины, проходящіе по всей длинѣ полуострова, не представляютъ собою одиночной цѣпи горъ, а состоятъ изъ одного главнаго хребта и множества побочныхъ отраслей, имѣющихъ различное направленіе и соединяющихся съ нимъ посредствомъ пло-

скихъ возвышенностей. Знаменитѣйшая гора Италіи, Везувій, не принадлежитъ къ этой горной системѣ, а подымается совершенно отдѣльнымъ волканическимъ конусомъ среди Кампанской равнины. Высочайшія вершины Апеннинов находятся въ средней части Италіи и составляютъ такъ называемые Абруццы, имѣющіе до шести тысячъ футовъ высоты и простирающіеся отъ горы Монте Сибилла въ прежнихъ Папскихъ владѣніяхъ до Монте Матезе въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ. Здѣсь въ вершинѣ Монте Корно или Гранъ Сассо д'Италія они достигаютъ наибольшей своей высоты (около 8,900 ф.).

Главный хребетъ Апеннинскихъ горъ тянется гораздо ближе къ восточному берегу полуострова, и потому всѣ рѣки, берущія свое начало на восточной его сторонѣ и впадающія въ Адріатическое море, гораздо незначительнѣе текущихъ съ западнаго склона. Впрочемъ всѣ рѣки Италіи, за исключеніемъ одного По,очень не велики: Тибръ, длиннѣйшая изъ рѣкъ полуострова, по средней ширинѣ своего русла, равняется Майну и Мозелю, но далеко уступаетъ имъ по длинѣ своего теченія. Въ древности По назывался Падомъ (Padus); изъ притоковъ его важнѣе всѣхъ для исторіи древняго міра Тицинъ (нынѣшній Тичино) и Требія. Изъ прочихъ рѣкъ Италіи особенно замѣчательны Арнъ или Арно, Тибръ съ своими притоками Алліею (теперь Аія) и Аніо (теперь Тевероне), Лирисъ или Гарильяно, Вольтурнъ или Вольторно, Метавръ или Метро, Ауфидъ или Офанто и Рубиконъ или Пизателло. Изъ итальянскихъ озеръ заслуживаютъ вниманія: Тразименское, нынѣ Лаго ди Перуджія, Фуцинское, теперь Лаго ди Челано, и Аверыское и Лукринское, сохранившія свои древнія названія. — Берега Италіи довольно однообразны, представляясь на огромныхъ протяженіяхъ или низменными или высокими и крутыми. Части моря, окружающія берега Италіи, назывались въ древности: Тирренскимъ или Нижнимъ (все водное простанство, омывающее западный берегъ Италіи), Іонійскимъ и Адріатическимъ или Верхнимъ морями.

Верхняя Италія, населенная первоначально галлами, въ древности не считалась принадлежащею къ Италіи; составляя, по мнѣнію древнихъ, часть сосѣдней съ нею Галліи, она называлась цизальпинскою Галліею (т. е. Галліею по сю сторону Альповъ). Гористая полоса земли, лежащая вокругъ Генуэзскаго залива и занимаемая теперь Генуэзскою провинціею и графствомъ Ниццою, носила въ древности имя Лигуріи.

Въ средней Италіи находились: Этрурія, называвшаяся также Тусціей или Тирреніей, соотвѣтствовавшая почти всей нынѣшней Тосканѣ, но простиравшаяся къ югу до самаго Тибра. Далѣе къ югу, по лѣвому берегу нижняго Тибра, лежалъ Лаціумъ, а къ востоку до самаго Рубикона простиралась Умбрія, занимавшая собою часть нынѣшней Романьи и провинцій Урбино и Перуджіи. Страна между Умбріею и Адріатическимъ моремъ или нынѣшняя Анконская мархія называлась Пиценумъ. Между Пиценумомъ, Умбріею, Лаціумомъ, Кампаніей и Адріатическимъ моремъ, отъ средняго Тибра до верхнихъ частей Ауфида, лежалъ Самніумъ, заключавшій въ себѣ Абруццы, неаполитанскія провинціи Молизе и Принчипато ультеріоре и небольшую часть прежнихъ Папскихъ владѣній.

Въ нижней Италіи или Великой Греціи (т. I. стр. 246.) находилась Кампанія, нынѣшняя Терра ди Лаворо, граничившая къ сѣверу съ Лаціумомъ и занимавшая все пространство между Самніумомъ и Тирренскимъ моремъ. Съ противоположной стороны Самніума при Адріатическомъ морѣ лежала Апулія, обнимавшая собою провинціи Капитанату и Бари. Отъ Солернскаго залива до Тарента простиралась Луканія, соотвѣтствующая нынѣшнимъ Принчипато читеріоре и Базиликатѣ. Бруттія заключала въ себѣ нынѣшнюю Калабрію; подъ именемъ же Калабріи древніе разумѣли теперешнюю провинцію Терра д'Отранто, называя ее Япигіею или Мессапіей.

Три важнѣйшіе острова Италіи Сицилія, Сардинія и Корсика носили тѣже имена и въ древности.

2. Происхожденіе древнѣйшаго населенія Италіи.

Происхожденіе древнѣйшихъ народовъ Италіи, какъ и вообще всѣхъ народовъ глубокой древности, не можетъ быть опредѣлено съ достовѣрностью. Полагаютъ, что большая часть изъ нихъ принадлежала къ такъ называемой пеласгической или греко-латинской отрасли индо-европейской семьи народовъ, составляя одну племенную группу съ древними греками. (т. I стр. 159.). Верхняя Италія еще въ глубокой древности была заселена галльскими или кельтическими народами. Древнѣйшіе обитатели ея лигуры, жившіе на территоріи нынѣшней Генуи и Ниццы, и венеты, занимавшіе берегъ Адріатическаго моря, не принадлежали къ этому племени, хотя происхожденіе ихъ неизвѣстно. Точно также мы не знаемъ къ какой отрасли народовъ отнести умбровъ и опиковъ, принадлежащихъ безспорно къ самымъ древнимъ племенамъ полуострова. Первые изъ нихъ обитали въ названной по ихъ имени части Средней Италіи, послѣдніе, называвшіеся также осками и авзонами, въ Кампаніи и на южныхъ границахъ Лаціума. Къ этому племени причисляются и сосѣдніе съ латинами вольски и эквы. Этруски тоже не принадлежали къ греко-латинской отрасли народовъ, и, повидимому, находились въ племенномъ родствѣ съ альпійскимъ народомъ ретійцами, которыхъ не должно смѣшивать съ однимъ кельтическимъ народомъ того же имени (т. III стр. 18.). Впрочемъ эти скудныя данныя также мало объясняютъ ихъ племенное отношеніе къ различнымъ отраслямъ кавказскаго племени, какъ и дошедшіе до насъ остатки ихъ языка.

Изъ всѣхъ древнѣйшихъ племенъ Италіи, имена которыхъ сохранились до нашего времени, только этруски, латины и самнитскіе народы имѣютъ важное значеніе для всемірной исторіи.

II. ИСТОРІЯ ИТАЛІИ

ДО ОСНОВАНІЯ РИМА.

I. Общія замѣчанія.

Римскій народъ образовался только въ восьмомъ вѣкѣ до р. Х. изъ сліянія латиновъ, этрусковъ и самнитовъ; но еще за долго до основанія Рима эти три народа достигли извѣстной степени цивилизаціи, и уже за нѣсколько столѣтій до упомянутаго событія, вся Италія, отъ подошвы Альповъ до земли лукановъ, представляла собою одну изъ наиболѣе воздѣланныхъ странъ въ Европѣ. Мы имѣемъ только самыя смутныя свѣдѣнія объ этой ранней эпохѣ процвѣтанія Италіи, а немногіе дошедшіе до насъ извѣстія и остатки архитектурныхъ памятниковъ того времени, подобно пеласгическимъ преданіямъ и циклопическимъ стѣнамъ грековъ, бросаютъ лишь слабый свѣтъ на исторію этой первобытной эпохи. Для исторіи Италіи до основанія Рима нѣтъ никакихъ данныхъ; всѣ наши извѣстія о состояніи ея въ эту эпоху доказываютъ только существованіе довольно развитой цивилизаціи и нѣкоторой степени благосостоянія. Даже особенности этой образованности извѣстны намъ не вполнѣ и только въ общихъ чертахъ.

По всей вѣроятности первобытными обитателями Италіи были племена такъ называемой пеласгической или греко-латинской отрас-

ли народовъ, переселившіяся на полуостровъ съ востока. Можно предполагать, что впослѣдствіи другіе переселенцы того же племени проникли чрезъ Адріатическое море въ Италію и утвердились тамъ, въ то время какъ съ сѣвера вторглись на полуостровъ кельты и другія племена. Нѣкоторые изъ этихъ разноплеменныхъ народовъ еще въ глубокой древности достигли высокой степени цивилизаціи, подчинившейся вліянію греческой образованности сосѣднихъ колоній южной Италіи. Это обстоятельство, а быть можетъ, и единство происхожденія были причиною значительнаго сходства этихъ племенъ съ греками. Этою же догадкою, при недостаткѣ положительныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, мы можемъ объяснить себѣ рѣзкія различія, существовавшія между древнѣйшими народами полуострова, не смотря на ихъ взаимное сходство.

Три важнѣйшіе древніе народа Италіи, этруски, латины и самниты, дѣлились каждый на нѣсколько самостоятельныхъ городовъ и волостей, составлявшихъ между собою болѣе обширныя конфедераціи; повидимому, всѣ эти народы имѣли нѣкоторые общіе праздники и жертвоприношенія, указывающіе на существованіе между ними извѣстной, хотя и весьма слабой, политической связи.

2. Этруски.

Этруски, извѣстные также подъ именемъ тусковъ и тирренцевъ, но сами называвшіе себя разена, до основанія Рима владѣли всею страною до Тибра и даже до предѣловъ Кампаніи. Сосѣднія пеласгическія племена и основанныя въ Нижней Италіи греческія колоніи имѣли на нихъ сильное вліяніе и содѣйствовали распространенію между ними греческаго языка, религіи, нравовъ и искусствъ; вліяніе это было такъ велико, что изслѣдователямъ часто трудно отличить древнегреческія произведенія искусствъ отъ позднѣйшихъ этрускихъ. Дошедшіе до насъ памятники цивилизаціи этого народа относятся большею частью къ той эпохѣ, когда греческій элементъ сталъ уже об-

наруживать на нее свое вліяніе. Къ важнѣйшимъ изъ этихъ памятниковъ принадлежатъ такъ называемыя эвгубинскія таблицы или семь мѣдныхъ досокъ, изъ которыхъ пять покрыты съ обѣихъ сторонъ этрускими, а двѣ латинскими надписями. Онѣ были найдены близь города Эвгубіо, древняго Игувіума, въ Анконской мархіи и безспорно принадлежатъ къ той эпохѣ, когда уже существовалъ Римъ. До сихъ поръ, не смотря на всѣ старанія ученыхъ, не могутъ разобрать ихъ текста; вообще изъ всего этрускаго языка намъ извѣстно съ достовѣрностью значеніе только двухъ словъ. Второй знаменитый памятникъ этруской древности филистинскіе рвы относятся къ гораздо древнѣйшей эпохѣ, предшествовавшей основанію Рима. Они находятся въ окрестностяхъ Адріи и состоятъ изъ остатковъ большихъ каналовъ и рвовъ, служившихъ для предотвращенія разливовъ По и осушенія болотъ. При устьи По также находятся слѣды земляныхъ насыпей, которыми этруски предохраняли отъ наводненій сосѣднія мѣстности и, засыпая болота, увеличивали пространство годной для обработки земли. Къ остаткамъ этруской архитектуры принадлежатъ и нѣкоторыя развалины, напримѣръ развалины Волатерръ, нынѣшней Вольтерры въ Тосканѣ, также безспорно относящіяся къ эпохѣ предшествовавшей основанію Рима. Въ этомъ городѣ существуютъ еще довольно хорошо сохранившіеся остатки очень древней городской стѣны съ двумя воротами, имѣвшей около семи верстъ въ окружности и сложенной изъ огромныхъ кусковъ камня. Такія же громадныя и прочно построенныя стѣны сохранились и отъ этрускихъ городовъ Клузіума, Кортоны, Арреціума (Ареццо), Перузіи (Перуджія), Вольсиніевъ (Больсена) и другихъ. Въ Клузіумѣ стояла еще построенная въ видѣ лабиринта гробница царя Порсенны, казавшаяся, по словамъ римскихъ писателей, дворцомъ фей и, между прочимъ, заключавшая въ себѣ пять пирамидъ въ 150 футовъ высоты и 70 футовъ ширины и длины каждая. Не смотря на то, что эти извѣстія древнихъ писателей очевидно преувеличены, суще-

ствованіе въ Клузіумѣ громадной гробницы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Тарквиніяхъ (недалеко отъ нынѣшняго Корнето) находятся громадныхъ размѣровъ подземные своды (катакомбы), въ Фіезоле (древнихъ Фезулахъ) сохранились еще развалины городской стѣны и колоссальнаго театра; другія мѣстности Этруріи также заключаютъ въ себѣ остатки древнихъ каналовъ стѣнъ и зданій.

Многія изъ названныхъ нами развалинъ принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей основанію Рима, и служатъ лучшимъ доказательствомъ, что этруски еще въ глубокой древности достигли болѣе высокой степени образованности и матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ какими пользовалась Этрурія впослѣдствіи, во все время владычества римлянъ. Но объ этой эпохѣ до насъ дошли слишкомъ скудныя свѣдѣнія, на основаніи ихъ мы не можемъ прослѣдить ходъ развитія этой цивилизаціи и воспроизвести исторію этрусковъ. Извѣстія эти могутъ дать намъ только общее понятіе о тогдашнемъ состояніи Этруріи. Величественность названныхъ нами развалинъ городовъ, гидравлическихъ сооруженій и произведеній искусствъ, наконецъ то обстоятельство, что нынѣшніе тосканцы гордятся славою и величіемъ древнѣйшихъ обитателей своей страны, въ новѣйшее время много способствовали распространенію преувеличенныхъ и ложныхъ понятій о степени развитія этруской цивилизаціи. Всѣ эти заблужденія разсѣялись только въ послѣднія десятилѣтія вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ этрускими древностями.

Все общественное устройство этрусковъ основывалось, какъ и въ древнѣйшихъ государствахъ востока, на преобладаніи одной касты, члены которой лукумоны составляли высшее и жреческое сословіе націи. Одни лукумоны пользовались личною свободою и принимали участіе въ управленіи, составляя касту патриціевъ, которая присвоила себѣ право истолковывать, по извѣстнымъ признакамъ, волю боговъ и господствовала надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ страны, находившимся у нея въ крѣпостной зависимости. Такимъ образомъ общественное устройство этру-

сковъ было аристократическо-iерархическое. Каждый городъ составлялъ отдѣльное государство и владѣлъ нѣсколькими подвластными ему мѣстечками (пригородами). Правленiе находилось въ рукахъ всей жреческой аристократiи города, избиравшей изъ среды своей пожизненнаго царя; у этрусковъ царское достоинство никогда не было наслѣдственнымъ. Царь наблюдалъ за исполненiемъ рѣшенiй принятыхъ сенатомъ патрицiевъ и жрецовъ, предводительствовалъ на войнѣ войскомъ, созывалъ собранiя господствующаго сословiя и руководилъ ими, предсѣдательствовалъ на всѣхъ празднествахъ и религiозныхъ церемонiяхъ и рѣшалъ маловажныя тяжебныя дѣла. Знаками его достоинства были: пурпуровая одежда, золотой вѣнецъ, скипетръ, украшенный изображенiемъ орла, особенныя кресла, называвшiяся у римлянъ курульскими, и, всегда сопровождавшiй царя, ликторъ, имѣвшiй въ рукахъ связку палокъ и сѣкиру.

Конфедерацiя этрусковъ состояла изъ двѣнадцати городовъ; вообще цифра двѣнадцать играетъ у этого народа чрезвычайно важную роль и встрѣчается почти во всѣхъ его учрежденiяхъ, вѣроятно потому, что этруски покланялись двѣнадцати главнымъ божествамъ. До основанiя Рима всѣхъ этрускихъ конфедерацiй было три. Одна изъ нихъ составляла союзъ городовъ собственной Этрурiи. Изъ городовъ этой послѣдней конфедерацiи знаменитѣйшими были: Клузiумъ (Кiузи), Перузiя (Перуджiя), Кортона, Аррецiумъ (Ареццо), Волатерры (Вольтерра), Тарквинiи, Вольсинiи (Больсена), Церe и Веiи. Союзныя собранiя происходили въ храмѣ богини Вольтумны, недалеко отъ Вольсиніевъ. Въ составъ этруской конфедерацiи Верхней Италiи, памятниками искусствъ которой были филистинскiе рвы и эвгубинскiя таблицы, входили: Фельсина или Бононiя (нынѣшняя Болонья), Верона, Мантуя, Адрiя, Игувiумъ и другiе города. Южная конфедерацiя этрусковъ обнимала собою Кампанiю, со столицею Капуею и городами Помпеею, Геркуланомъ и Ателлою. Вскорѣ по основанiи Рима этруски хотѣли образовать четвертую конфедерацiю, но этому помѣшали

господствовавшіе на морѣ карѳагеняне, возростаніе могущества греческихъ колоній въ Нижней Италіи и вторженія галловъ въ Италію съ сѣвера. Конфедераціи этрусковъ имѣли цѣлью защищаться общими силами противъ внѣшнихъ враговъ. Взаимная связь между ними была очень слаба, каждый городъ союза, какъ совершенно самостоятельное государство, могъ даже заключать отдѣльные союзы, если только цѣль ихъ не противорѣчила главнымъ основаніямъ конфедераціи. Дѣла, касавшіяся всей конфедераціи, обсуждались въ общемъ союзномъ собраніи депутатовъ отъ каждаго изъ городовъ союза. Они рѣшались по большинству голосовъ, но если предпринимался общій походъ, то, кажется, что каждый городъ могъ, по своему желанію, отказаться отъ участія въ немъ. Главнокомандующимъ надъ войскомъ союза во время войны избирался одинъ изъ лукумоновъ двѣнадцати городовъ союза, знакомъ его достоинства была свита изъ двѣнадцати ликторовъ, по одному отъ каждаго города.

Этруски поклонялись двѣнадцати главнымъ божествамъ, которымъ въ болѣе отдаленной древности приносили даже человѣческія жертвы. Основанія религіознаго ученія этрусковъ, составляя тайну жреческой аристократіи, оставались совершенно неизвѣстными народу, также какъ и значеніе всѣхъ религіозныхъ церемоній. Подобно религіямъ народовъ востока, ученіе ихъ находилось въ тѣсной связи съ народными преданіями о сотвореніи міра́. Религія и богослуженіе этрусковъ, въ которыхъ предсказанія играли главную роль, отличались своимъ мрачнымъ характеромъ. По словамъ ихъ древней легенды, вышедшій изъ земли карликъ, Тагесъ, научилъ этрусковъ узнавать будущее и волю боговъ по внутренностямъ приносимыхъ въ жертву животныхъ, по полету птицъ и молніи. Эти предсказанія и гаданія составляли высшую мудрость этрускаго народа. Древнія книги, происхожденіе которыхъ, по словамъ жрецовъ, восходило до миѳической эпохи, заключали въ себѣ правила для гаданій, описаніе богослужебныхъ обрядовъ и іерархическое государственное право эт-

русковъ. Вся духовная дѣятельность этрускаго народа основывалась на этой неподвижной, завѣщанной предками, мудрости. Этруски никогда не жили самостоятельною умственною жизнью и не могли развить ни одной науки, хотя и занимались врачебнымъ искусствамъ и астрономіею, и при помощи послѣдней установили у себя правильное времясчисленіе. Римляне заимствовали у нихъ всю свою религіозную мудрость, нѣкоторыя изъ государственныхъ учрежденій, большую часть религіозныхъ и общественныхъ церемоній, музыку и многія другія національныя особенности; даже изображенія римскихъ цифръ этрускаго происхожденія.

Искусство этрусковъ, немногія остатки котораго сохранились до насъ, во многомъ отличается отъ искусства древняго Египта и другихъ жреческихъ государствъ. Уцѣлѣвшія до нашего времени сооруженія ихъ, подобно египетскимъ, были дѣломъ народа, находившагося въ крѣпостной зависимости у одной касты, считавшейся благородною; но всѣ они, за исключеніемъ гробницы въ Клузіумѣ, имѣли цѣлью увеличеніе благосостоянія всей массы населенія, а не служили для удовлетворенія тщеславія и любви къ блеску немногихъ, какъ пирамиды, обелиски и безчисленные храмы Египта. Они состояли въ укрѣпленіяхъ, различныхъ сооруженіяхъ для осушенія почвы и предохраненія ея отъ наводненій, въ устройствѣ гаваней и пр. Искусство этрусковъ отличается отъ египетскаго еще тѣмъ, что оно не оставалось неподвижнымъ но было доступно, различнымъ усовершенствованіямъ, вызваннымъ сношеніями съ греками; большинство сохранившихся до нашего времени остатковъ этруской живописи и ваянія заключаютъ въ себѣ такую примѣсь греческихъ элементовъ, что часто невозможно отличить ихъ отъ подобныхъ же чисто греческихъ произведеній. Этруски даже часто изображали на своихъ сосудахъ миѳы и преданія грековъ.

Плодородная почва, обработываемая крѣпостнымъ населеніемъ, цвѣтущая торговля и морскіе разбои доставляли огромныя

богатства господствующей кастѣ. Морскіе разбои сдѣлались у этого народа постояннымъ ремесломъ и мало по малу такъ усилились, что имя этрусковъ или тирреновъ сдѣлалось также страшно въ западной половинѣ Средиземнаго моря, какъ впослѣдствіе въ его восточной части имя киликійскихъ пиратовъ. Все это окончательно развратило господствующую касту и подкопало самыя основанія ея владычества. Жреческая аристократія этрусковъ и безъ того уже издавна выказывала склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, варварскимъ и кровопролитнымъ играмъ цирка, восточной роскоши въ домашнемъ быту, пляскѣ и музыкѣ. Народъ этотъ, подчиненный развратной аристократіи, погибъ не отъ ударовъ какого нибудь могущественнаго внѣшняго врага, но вслѣдствіе внутренняго разложенія и недостатковъ своихъ коренныхъ учрежденій. Паденію его содѣйствовали еще тѣсныя сношенія съ греками, внесшія много чуждыхъ элементовъ въ искусство, науку и весь строй жизни этрусковъ, а строго іерархическая система управленія, по самому существу своему, не допускала въ себѣ никакихъ преобразованій, соотвѣтствовавшихъ потребностямъ того времени. Энергія этрусковъ ослабѣла еще прежде, чѣмъ Римъ достигъ могущества, которое могло быть опасно для его сосѣдей. Только въ періодъ римскихъ царей этрускій народъ былъ опаснымъ сосѣдомъ для молодаго государства, впослѣдствіи же онъ является весьма слабымъ въ сравненіи съ прочими итальянскими народами. Этруски подчинились римскому сенату прежде латиновъ и самнитовъ, и своимъ паденіемъ открыли путь владычеству римлянъ.

3. Латины.

Латины или латинны населяли береговую полосу земли, простирающуюся отъ нижняго Тибра до Понтинскихъ болотъ. Они раздѣлены были на тридцать республикъ, государственныя учрежденія и федеративное устройство которыхъ очень

походили на этрускія. Отдѣльныя общины имѣли такія же, хотя не столь строгія іерархическія учрежденія, взаимная связь ихъ была также слаба и союзныя собранія пользовались столь же ограниченною властью. Существованіе у нихъ кастоваго быта и господство жрецовъ подтверждаются развалинами громадныхъ построекъ, имѣющихъ много сходства съ этрускими по способу кладки камней, и возможныхъ только въ жреческихъ государствахъ. Изъ болѣе значительныхъ городовъ страны, расположенныхъ всегда на возвышенностяхъ и имѣвшихъ родъ цитаделей, знаменитѣе другихъ была Альба-Лонга, на Албанской горѣ.

О латинахъ сохранились только миѳы и преданія, на основаніи которыхъ невозможно составить себѣ понятія объ ихъ исторіи въ эпоху предшествовавшую основанію Рима. Впрочемъ, всѣ извѣстія и уцѣлѣвшіе еще остатки латинской архитектуры служатъ доказательствомъ изумительнаго процвѣтанія древняго Лаціума. Можно сказать положительно, что ни въ какую другую эпоху страна эта не была такъ густо населена и не представляла картины такого благосостоянія, какъ въ этотъ древнѣйшій до-историческій періодъ своего существованія. Даже впослѣдствіи, когда могущественные римляне сосредоточили въ Лаціумѣ сокровища завоеванныхъ ими богатѣйшихъ земель тогдашняго міра, положеніе страны все таки оставалось далеко позади того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ она находилась въ глубокой древности. Въ эпоху римскаго величія Лаціумъ представлялъ собою только картину громаднаго богатства немногихъ фамилій, рядомъ съ которымъ еще сильнѣе бросалась въ глаза нищета развращеннаго простаго народа и безчисленнаго множества рабовъ; въ до-историческую же эпоху Лаціума высокое благосостояніе было разлито по всей странѣ и между всѣми ея жителями. Въ той мѣстности, которую теперь занимаютъ Понтинскія болота, представляя собою пространство земли годное только для пастбища и заражающее воздухъ окрестной страны, находилось около двадцати трехъ многолюдныхъ мѣстечекъ. Болото это, имѣющее около шести нѣмецкихъ миль въ длину, бла-

годаря трудолюбію латиновъ было превращено въ плодородныя поля, подобно тому, какъ этруски своими каналами и плотинами первые сдѣлали обитаемыми болота Ломбардіи. Множество латинскихъ мѣстечекъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ римскихъ историковъ, даетъ намъ право заключить о чрезвычайной населенности этого небольшаго пространства земли. Что бы питать столь густое населеніе, почва должна была быть воздѣлана какъ настоящій садъ, а уже одно это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ, что, еще до основанія Рима, Лаціумъ, вмѣстѣ съ значительною частью остальной Италіи, принадлежалъ къ числу самыхъ цвѣтущихъ странъ Европы.

4. Самнитскіе народы.

Весь горный хребетъ Апенниновъ, отъ границъ Этруріи до самой южной оконечности Италіи, и нѣкоторыя изъ прилегающихъ къ нему мѣстностей, были населены нѣсколькими незначительными народами. Большая часть изъ нихъ принадлежала, по всей вѣроятности, къ одному и тому же племени, и потому мы будемъ называть всѣхъ ихъ самнитами, по имени наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ народа. Къ нимъ относятся: собственно самниты, сабины, вестины, марсы, марруцины, пелигны, герники, френтаны, гирпины и пиценты. Къ самнитскимъ народамъ принадлежатъ также луканы; бруттійцы же, занявшіе въ четвертомъ вѣкѣ до нашей эры южную оконечность Италіи, образовались изъ поселившихся тамъ бѣглыхъ наемниковъ и рабовъ разнаго происхожденія. Народъ, населявшій Кампанію во время существованія Рима, произошелъ отъ смѣшенія древнѣйшихъ обитателей этой страны авзоновъ и осковъ съ самнитами, отнявшими Кампанію у этрусковъ.

Первыми родоначальниками самнитовъ, первобытную родину которыхъ нужно искать въ дикихъ Абруцкихъ горахъ, былъ одинъ воинственный горный народъ. Потомки этого народа долгое время

сохраняли основныя черты своего національнаго характера, хотя часть его, со времени завоеванія Кампаніи, начала уже терять простые нравы своихъ предковъ. Пиценты и смѣшанное населеніе Кампаніи рано впали въ изнѣженность, а луканы сдѣлались совершенно разбойничьимъ племенемъ. Самниты, сабины, марсы, марруцины и пелигны никогда не теряли своей воинственности и любви къ свободѣ, сохранивъ въ продолженіе всей римской исторіи эти особенности самнитскаго характера. Изъ самнитскихъ народовъ, сабины долѣе всѣхъ сохраняли древнюю простоту нравовъ въ первоначальной ея чистотѣ и строгости.

Государственныя учрежденія, нравы и весь бытъ самнитскихъ народовъ заслуживаютъ истиннаго удивленія. Еще древніе греки воздавали имъ должную хвалу и, видя сходство самнитскаго быта съ дорическими учрежденіями и главными положеніями системы пиѳагорейцевъ, предполагали между ними существованіе внутренней связи и единства происхожденія. Всѣ учрежденія самнитовъ основывались, какъ у этрусковъ, на преобладаніи аристократіи и жрецовъ; но самнитская аристократія не была окружена толпами крѣпостныхъ, а богослуженіе, независя нисколько отъ произвола жреческаго сословія и содержавшихся въ тайнѣ знаній, опредѣлялось древними постановленіями и правилами, заключавшимися въ особыхъ книгахъ. Гнетъ аристократіи не могъ быть слишкомъ чувствителенъ еще и потому, что роскошь была совершенно неизвѣстна самнитамъ, домашняго рабства между ними почти несуществовало, а взаимныя нужды тѣсно соединяли ихъ другъ съ другомъ.

Главными занятіями самнитовъ были земледѣліе и скотоводство. Въ связи съ ними, какъ и у латиновъ, находилась религія и національные праздники, самыми знаменитыми изъ которыхъ были происходившіе въ Курахъ (Cures). Особые жрецы, называвшіеся братствомъ земледѣлія (fratres arvales), кромѣ исполненія своихъ жреческихъ обязанностей, занимались земледѣліемъ, не только какъ предметомъ относящимся къ религіи, но и въ научномъ от-

ношеніи. Всѣ религіозныя церемоніи и народныя празднества имѣли цѣлью поддерживать правительственный надзоръ надъ воздѣлываніемъ почвы, и, сознаніемъ религіозныхъ обязанностей, возбуждать дѣятельность земледѣльца и охранять древнюю простоту нравовъ. Весь народъ, не исключая и самыхъ знатныхъ, воздѣлывалъ землю своими руками, и потому земледѣліе достигло у самнитовъ такой же высокой степени совершенства, какъ у латиновъ. Замѣчательно, что сельское хозяйство, составлявшее вмѣстѣ съ юриспруденціею чисто національную науку итальянцевъ, еще въ самой глубокой древности было однимъ изъ главнѣйшихъ занятій жителей Италіи. Римляне утверждали даже, что винодѣліе возникло впервые у сабинянъ. Скотоводство также было доведено самнитами до высокой степени совершенства и держалось на этой высотѣ въ продолженіе всей древней исторіи, такъ что и позднѣйшій Римъ выписывалъ рогатый скотъ, муловъ и свиней преимущественно изъ самнитскихъ горъ. Земледѣліе было у самнитовъ общимъ ремесломъ всего народа, и потому въ странѣ ихъ почти не встрѣчалось городовъ; населеніе сосредоточивалось въ многочисленныхъ деревняхъ, а не многіе города, построенные въ самыхъ неприступныхъ мѣстностяхъ, служили только убѣжищами на случай непріятельскихъ вторженій. Трудолюбивые самниты не оставили невоздѣланнымъ ни одного клочка земли въ своей гористой странѣ. Все пространство горы Матезе (Monte Matese),—теперь большую часть года покрытое снѣгомъ, и остающееся необработаннымъ со времени самнитовъ, благодаря трудолюбію этого счастливаго и окрѣпшаго въ трудахъ народа,—было обращено въ пашни или искуственные луга и питало чрезвычайно густое населеніе. Эти успѣхи экономическаго развитія легко объясняются простотою нравовъ и умѣренностью самнитовъ, ихъ врожденною любовью къ труду, и внутреннею связью земледѣлія со всѣми учрежденіями и національнымъ бытомъ. Даже горные лѣса находились подъ надзоромъ общественныхъ властей, такъ какъ самнитамъ было извѣстно ихъ вліяніе на климатъ. Гористая и превосходно воздѣланная область

самнитовъ, лежавшая подъ яснымъ небомъ Италіи, соединяла въ себѣ всѣ преимущества самыхъ богатыхъ дарами природы странъ; неудивительно что Самніумъ былъ населенъ чрезвычайно густо, тѣмъ болѣе, что и по самнитскимъ законамъ невоздѣланная земля часто распредѣлялась между жителями для обработки. Чрезмѣрнаго увеличенія населенія не могло быть, благодаря одному древнему священному обычаю. Когда слѣдовало опасаться излишка его, назначалось празднованіе такъ называемой священной весны, состоявшее въ торжественномъ обѣтѣ принести черезъ двадцать лѣтъ въ жертву или выпустить на волю весь родившійся въ этотъ годъ скотъ и выслать на поселеніе въ отдаленныя земли всѣхъ молодыхъ людей, которые достигнутъ къ тому времени двадцатилѣтняго возраста. Также странны, но въ тоже время мудры, были постановленія относительно браковъ, заключавшихся подъ надзоромъ общественныхъ властей. Въ извѣстныя времена собирали всѣхъ юношей, подвергали ихъ тщательному испытанію и тѣмъ, которые были найдены лучшими, предоставлялся свободный выборъ невѣстъ; остальнымъ жены назначались общественною властью. Такимъ образомъ, бракъ служилъ средствомъ поощренія юношей къ дѣятельности, а съ другой стороны всѣ молодые люди получали женъ, которыя должны были помогать имъ въ земледѣльческихъ работахъ и управлять ихъ домашнимъ хозяйствомъ.

О произведеніяхъ искусствъ этого простаго и дѣйствительно свободнаго народа почти ничего не говорится у древнихъ писателей, и на всемъ пространствѣ ихъ родины не встрѣчается ни однихъ развалинъ колоссальныхъ построекъ, въ родѣ оставленныхъ этрусками. За то впослѣдствіи строгіе нравы и духъ умѣренности самнитовъ вызвали особое направленіе позднѣйшей римской литературы. У грековъ, въ особенности въ городахъ дорическаго племени или имѣвшихъ учрежденія, основанныя на ученіи Пиѳагора, правила общественной жизни и описанія простыхъ нравовъ предковъ передавались юношеству въ стихахъ. Точно

также и отъ самнитовъ перешелъ къ римлянамъ кодексъ строгой житейской морали, развившійся у послѣднихъ въ особый родъ поэзіи. Древніе самниты, преимущественно храбрые сабины, войдя въ тѣсное соединеніе съ римлянами, своими чистыми нравами, нравственностью, религіозностью и справедливостью доставили послѣднимъ уваженіе и могущественное вліяніе между прочими народами Италіи. Даже для римлянъ позднѣйшей эпохи, бывшихъ отчасти ихъ потомками, они служили образцами простоты и честности, такъ что выраженіе сабинская добродѣтель вошло даже въ пословицу и очень часто упоминается у римскихъ поэтовъ.

Между самнитскими общинами или кантонами также существовала федеративная связь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно похожая на ту, которую мы видѣли у латиновъ и этрусковъ; но связь эта никогда не была тамъ слаба, какъ у двухъ послѣднихъ племенъ. Отдѣльные народы, на которые распадалось племя самнитовъ, почти совершенно не были соединены другъ съ другомъ; общины каждаго народа составляли между собою особые союзы, только изрѣдка принимая въ нихъ другихъ своихъ одноплеменниковъ. Но и въ этомъ состояніи раздробленности вполнѣ выказывалась энергія самнитовъ и прочность узъ, соединявшихъ отдѣльныхъ членовъ каждаго народа; не смотря на свое разъединеніе самнитскіе народы всегда оказывали страшное сопротивленіе своимъ внѣшнимъ врагамъ.

III. ПЕРВАЯ ЭПОХА

ИСТОРІИ РИМСКАГО НАРОДА.

---

1. Введеніе.

Немногія дошедшія до насъ извѣстія объ этрускахъ, латинахъ и самнитахъ доказываютъ, что въ Италіи, въ эпоху предшествовавшую основанію Рима, образованность была распространена гораздо повсемѣстнѣе, чѣмъ во всѣ послѣдующіе вѣка древности. Въ эти первобытныя времена на сѣверѣ и въ срединѣ Апеннинскаго полуострова возникли три различные центра образованности; ко времени основанія Рима, при содѣйствіи греческихъ колоній, образовался еще четвертый центръ на югѣ. Этруски занимали все пространство отъ Піемонта и Тироля до Тибра, а впослѣдствіи водворились и въ Кампаніи. Раздѣленные на три конфедераціи ломбардскую, тосканскую и кампанскую, они, подобно жреческимъ государствамъ древняго востока, тѣсно соединяли съ религіею понятіе о политической мудрости. Достигнувъ въ наукахъ и искусствахъ значительной технической ловкости, этруски старались примѣнить ее къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей жизни и этимъ положили основаніе развитію свободнаго народа. Латины своимъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ превосходно воздѣлали теперь пустынные, низменные берега южной части бывшей Церковной Области, покрыли ее городами и

развили въ ней торговлю. Наконецъ, горные народы, называемые нами общимъ именемъ самнитовъ, не только довели земледѣліе въ горахъ Средней Италіи до такого же совершенства, но и осуществили идеалъ демократическаго государства, правительство и религіозныя вѣрованія котораго основывались на семейной жизни, простотѣ нравовъ и земледѣліи. Къ этимъ туземнымъ цивилизаціямъ Средней Италіи, имѣвшимъ другъ на друга вліяніе присоединилась еще цивилизація греческихъ колоній, покрывавшихъ всѣ берега южной Италіи, начиная съ Кампаніи. Новыя поселенія, быстро разбогатѣвшія торговлею, искусствомъ и наукою, и достигшія высокой степени процвѣтанія въ первую эпоху существованія Рима, внесли новые элементы въ туземную образованность Италіи и оживили ее энергіею греческаго духа.

Три древнія конфедераціи Италіи, тѣсно связанныя единствомъ религіи и общими празднествами, въ тоже время взаимно уравновѣшивались одна другою. Каждая изъ нихъ была богата внутренними силами, а связь, соединявшая отдѣльные города и общины, была слишкомъ слаба, чтобы доставить одной конфедераціи преобладаніе надъ другими. Этотъ порядокъ вещей измѣнился, когда, вслѣдствіе основанія города Рима, образовалась колонія, возникшая изъ всѣхъ трехъ національностей и соединившая въ себѣ всѣ лучшіе ихъ элементы. Новое государство получило совершенно отличную организацію, съ самаго начала стало обнаруживать воинственное направленіе, и должно было сдѣлаться опаснымъ для всѣхъ трехъ конфедерацій. Причину быстраго развитія могущества Рима и наконецъ достиженія имъ владычества надъ всѣмъ полуостровомъ нужно искать въ указанномъ нами политическомъ положеніи Италіи.

Вновь основанный городъ лежалъ не въ горахъ, подобно городамъ самнитовъ, а въ равнинѣ, по близости горъ. Это обстоятельство при самомъ его основаніи дало ему значеніе совершенно отличное отъ значенія другихъ латинскихъ городовъ; сверхъ того, будучи основанъ выходцами изъ Лаціума, онъ имѣлъ то преимуще-

ство, что находился подъ защитою латинской конфедераціи. Раннія связи Рима съ сосѣднимъ горнымъ народомъ самнитовъ поддерживали въ юномъ государствѣ энергію и воинственность. Съ другой стороны новое поселеніе, занимая берега Тибра, находилось въ непосредственномъ соприкосновеніи съ этрусками и заимствовало отъ нихъ все, что во вновь образующемся государствѣ могло внушить почтеніе къ преобладающему сословію. Послѣднее, подражая жреческой аристократіи этрусковъ, искусно воспользовалось суевѣріемъ народа, чтобы придать государственному устройству болѣе твердыя основанія, не допуская въ то же время развиться вполнѣ преобладанію сословія жрецовъ. Римъ заимствовалъ отъ этрусковъ религію со всѣми ея обрядами, первоначальное государственное устройство и всѣ внѣшніе знаки власти и царскаго достоинства, — пурпуровую тогу, золотой вѣнецъ, скипетръ съ орломъ, такъ называемое курульское кресло и свиту ликторовъ съ пуками палокъ и сѣкирами, носимыми подъ мышкою. Изъ всѣхъ древнихъ государствъ Италіи, одинъ Римъ въ первыя столѣтія своего существованія подчинился монархической власти, хотя устройство его съ самаго начала приняло республиканскій характеръ. У самнитовъ не было и помину о царяхъ; въ латинскихъ и этрускихъ городахъ только отъ времени до времени становились во главѣ государства цари или такъ называемые диктаторы, потому что аристократія никогда не допускала утвержденія единовластія. Римляне признавали право наслѣдственное наряду съ избирательнымъ, прибѣгая къ послѣднему только тогда, когда дѣйствительное благо государства требовало другаго правителя, вмѣсто несовершеннолѣтнихъ дѣтей предшествовавшаго царя. Юное римское государство, образовавшееся на границахъ трехъ главныхъ народовъ Италіи и перенявшее ихъ обычаи и устройство, вслѣдствіе благопріятныхъ ему обстоятельствъ съ самаго начала заняло положеніе, которое доставило ему почетное мѣсто между сосѣдними народами и открыло впослѣдствіи путь къ преобладанію надъ ними.

Народонаселеніе Рима образовалось изъ слiянія этрусковъ, ла-

тиновъ и самнитовъ; первые составляли большинство патриціевъ или благороднаго сословія римскаго государства, послѣдніе два народа образовали преимущественно земледѣльческій классъ, отличавшійся энергіею и простотою нравовъ. Если бы даже поэтическія преданія, въ которыхъ сохранилась древнѣйшая исторія Рима, и не указывали намъ на такое происхожденіе его жителей, то оно все-таки подтверждалось бы уже тѣмъ, что городъ этотъ былъ основанъ на границѣ трехъ древнѣйшихъ государствъ Италіи, въ разсказахъ о которыхъ видны характеристическія черты позднѣйшихъ римлянъ. Это сліяніе трехъ народовъ было совершенно естественно и осуществленіе его не представляло такихъ затрудненій, какъ напримѣръ, слитіе іоническаго и дорическаго населенія во многихъ греческихъ колоніяхъ, уже по одному тому, что у всѣхъ этихъ народовъ были общія жертвоприношенія и празднества. Вообще религія и государственное устройство ихъ, не смотря на различіе въ частностяхъ, имѣли много общаго и вполнѣ годились для римлянъ, которые, основывая свое государство, заимствовали лучшія учрежденія своихъ сосѣдей. Наконецъ, на такое же происхожденіе указываетъ и языкъ римлянъ. Хотя ни одинъ изъ уцѣлѣвшихъ древнихъ памятниковъ Рима не восходитъ до временъ римскихъ царей, однако нельзя не согласиться, что въ римскомъ языкѣ замѣтны два коренныхъ элемента: одинъ, сродный съ греческимъ, другой, чуждый ему. Послѣдній принадлежитъ, повидимому, тремъ древнѣйшимъ народамъ Средней Италіи, первый, сходный съ древне-этолійскимъ нарѣчіемъ или съ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ формъ греческаго языка, указываетъ на первоначальное сродство самнитовъ и латиновъ съ греками. Присутствіе древне-греческаго элемента въ языкахъ древней Италіи объясняется еще вліяніемъ греческихъ поселеній. Подобное явленіе представляетъ англійскій языкъ, образовавшійся изъ смѣшенія стариннаго французскаго языка съ англо-саксонскимъ, вслѣдствіе завоеванія Англіи норманнами.

Такимъ образомъ римскій народъ, обладавшій неизвѣстною

до того въ исторіи способностью усвоивать себѣ всѣ годные для него чуждые элементы, соединилъ въ себѣ въ одно цѣлое всѣ три вида древнѣйшей итальянской образованности и, вмѣсто прежнихъ латинской, этруской и самнитской конфедерацій, создалъ національное единство и могущество одного имѣвшаго военную организацію и все сосредоточивавшаго въ себѣ города.

2. Преданіе объ основаніи Рима.

Достовѣрная исторія древней Италіи начинается для насъ только съ основанія Рима, но и первые вѣка существованія римскаго государства, въ отношеніи отдѣльныхъ событій, должны быть отнесены къ миѳической эпохѣ. Только въ концѣ втораго вѣка послѣ основанія Рима начинается положительная и связная исторія его. Для разъясненія всѣхъ предшествовавшихъ событій нужно обращаться къ остроумнымъ догадкамъ, основаннымъ на отрывочныхъ свѣдѣніяхъ или реторическихъ и поэтическихъ разсказахъ позднѣйшихъ писателей. Мы не можемъ положиться на одни народныя преданія объ основаніи Рима, въ которыхъ трудно отличить истину отъ поэтическаго вымысла, хотя и нельзя совершенно отвергать, какъ чистыя выдумки, дошедшія до насъ въ видѣ легендъ извѣстія объ этомъ событіи. Древнѣйшая римская исторія, не смотря на свою сказочную оболочку, имѣетъ такое же важное значеніе, какъ и разсказъ о послѣдующихъ историческихъ періодахъ, потому что римляне позднѣйшей эпохи считали ее вполнѣ достовѣрною. Баснословныя преданія о первыхъ временахъ Рима составляли для римлянъ, связавшихъ свою религію, государственную жизнь, военное устройство, литературу и искусство съ этими поэтическими легендами, такую же важную часть ихъ исторіи, какъ и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о послѣдующей судьбѣ и предпріятіяхъ ихъ народа. Такимъ образомъ миѳы и преданія римлянъ получили для всей послѣдующей исторіи этого народа значеніе, почти непонятное въ нашъ прозаическій вѣкъ. Римляне,

подобно грекамъ, искали въ этомъ дошедшемъ до нихъ циклѣ преданій начало всѣхъ сколько нибудь важныхъ сторонъ своей національной жизни: ихъ художники заимствовали оттуда большую часть сюжетовъ своихъ произведеній, а поэты смотрѣли на него, какъ на главный источникъ національной поэзіи; государственные люди и ораторы Рима, говоря передъ народомъ и сенатомъ преимущественно обращались къ этимъ преданіямъ, наконецъ образованіе юношества основывалось точно также на легендахъ о первыхъ временахъ Римскаго государства, какъ и на извѣстіяхъ позднѣйшей достовѣрной исторіи. Для насъ онѣ имѣютъ важность уже потому одному, что, незная ихъ, мы не поймемъ многаго въ сочиненіяхъ, художественныхъ произведеніяхъ и религіозной жизни римлянъ.

Преданія римлянъ соединяли древнѣйшую исторію Лаціума съ разсказами грековъ о древнѣйшей эпохѣ ихъ жизни. По ихъ словамъ толпа аркадянъ подъ предводительствомъ Эвандра переселилась въ Лаціумъ, гдѣ основала колонію на одномъ изъ семи холмовъ Рима. Такъ какъ аркадяне, считавшіеся остаткомъ древнихъ пеласговъ или однимъ изъ самобытныхъ древнихъ народовъ (т. I стр. 266), играли роль въ древнѣйшей исторіи Рима, то къ разсказу о первыхъ основателяхъ Рима присоединились и преданія о полубогѣ Геркулесѣ, являющемся въ греческихъ миѳахъ освободителемъ древняго міра отъ всевозможныхъ чудовищъ. Юная аркадская колонія много терпѣла отъ страшнаго великана Какуса, пока не явился въ Лаціумъ Геркулесъ и не убилъ его. Въ благодарность за это Эвандръ и его соотечественники стали воздавать ему божескія почести. Въ связи съ возникновеніемъ римскаго народа находятся также сказанія грековъ о Троянской войнѣ и ея герояхъ, составлявшія главный источникъ ихъ поэзіи и искусства и оставившія глубокіе слѣды въ понятіяхъ позднѣйшихъ эпохъ. Преданіе говоритъ, что троянецъ Эней, по разрушеніи Трои, бѣжалъ съ толпою соотечественниковъ и, послѣ многолѣтнихъ странствованій, достигъ береговъ Ла-

ціума, гдѣ въ то время господствовалъ Латинъ, котораго преданіе выдаетъ то за сына бога Фавна и одной нимфы, то за сына Одиссея и Цирцеи. Латинъ дозволилъ троянскому герою поселиться въ его странѣ и даже выдалъ за него дочь свою Лавинію. Вслѣдствіе того вспыхнула война съ Турномъ, царемъ сосѣднихъ рутуловъ, которому незадолго передъ тѣмъ была обѣщана отцомъ Лавинія. Въ этой кровопролитной войнѣ Латинъ лишился жизни, а Эней, наслѣдовавъ его престолъ, основалъ городъ, названный имъ въ честь его жены Лавиніумомъ. Турнъ, соединившійся противъ него съ Мезенціемъ, царемъ этрускаго города Царэ, былъ убитъ въ сраженіи; та же участь постигла и Энея, удостоившагося послѣ смерти божескихъ почестей отъ своихъ подданныхъ. Мезенцій палъ вскорѣ по смерти Энея отъ руки Юла или Асканія, сына и преемника послѣдняго.

Асканій основалъ впослѣдствіи новую столицу Альбу Лонгу на скатѣ Албанской горы. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ господствовали его преемники, которыхъ въ позднѣйшую эпоху насчитывали до четырнадцати. Послѣдній изъ нихъ, Нумиторъ, былъ низвергнутъ съ престола своимъ младшимъ братомъ, Амуліемъ. Оставивъ своего брата въ живыхъ, похититель престола лишилъ жизни единственнаго его сына и принудилъ его дочь, Рею Сильвію, поступить въ число жрицъ Весты, которыя должны были оставаться безбрачными. Вслѣдствіе того Амулію нечего было опасаться законныхъ наслѣдниковъ престола. Далѣе преданіе говоритъ, что Рея Сильвія родила отъ бога войны, Марса, двухъ сыновей — близнецовъ Ромула и Рема, основателей города Рима, и за нарушеніе обѣта безбрачія была утоплена въ рѣкѣ Аніо. Дѣти ея, по приказанію Амулія, тотчасъ послѣ рожденія, были брошены въ Тибръ въ корзинѣ, которая была прибита водою къ корнямъ фиговаго дерева, гдѣ ихъ нашла волчица, пришедшая къ рѣкѣ утолить жажду. Животное принесло плачущихъ дѣтей въ свое логовище и питало ихъ своимъ молокомъ, пока главный пастухъ Амулія, Фаустулъ, случайно открывъ пещеру, не взялъ ихъ къ

себѣ. Онъ принесъ ихъ въ свой домъ, гдѣ жена его, Акка Лауренція, воспитала ихъ какъ родныхъ дѣтей. Возмужавъ, братья-близнецы своею отвагою въ битвахъ съ разбойниками и дикими звѣрями пріобрѣли такую извѣстность между пастухами страны, что вскорѣ ихъ стали избирать предводителями во всѣхъ предпріятіяхъ. Постоянныя удачи придали имъ еще болѣе храбрости и дерзости. Однажды они поссорились съ пастухами Нумитора, которые при этомъ захватили Рема и привели его къ Нумитору для наказанія. Нумиторъ почувствовалъ сильное волненіе при видѣ молодаго человѣка, какъ бы предугадывая его происхожденіе, а пришедшій туда же Фаустулъ подтвердилъ его догадки. Вскорѣ и Ромулъ возвратился къ своему дѣду и юноши рѣшились во чтобы то ни стало отмстить позоръ своего дома. Съ помощью своихъ товарищей они овладѣли укрѣпленнымъ жилищемъ Амулія, умертвили похитителя престола и возстановили въ Альба-Лонгѣ власть своего дѣда.

Нумиторъ подарилъ внукамъ значительное пространство земли на берегу Тибра, около того самаго мѣста куда ихъ прибило водою, и позволилъ имъ основать тамъ городъ. По прибытіи туда съ своими товарищами, между ними завязался споръ: каждый изъ братьевъ хотѣлъ считаться настоящимъ основателемъ и владѣтелемъ города и дать ему свое имя. Наконецъ, они согласились предоставить богамъ рѣшеніе спора, и, ставъ на двухъ холмахъ, ожидать кому боги покажутъ знаки своего благоволенія. Цѣлые сутки прошли въ тщетномъ ожиданіи; наконецъ Ремъ первый увидѣлъ шесть коршуновъ, летѣвшихъ по направленію отъ сѣвера къ югу, но вскорѣ за тѣмъ со стороны Ромула показались двѣнадцать другихъ коршуновъ. Между братьями снова возникъ жаркій споръ: одинъ основывался на томъ, что первый увидѣлъ благопріятную примѣту, другой на числѣ видѣнныхъ имъ птицъ. Сподвижники ихъ раздѣлились между ними и дѣло дошло до боя, кончившагося вслѣдствіе неравенства силъ въ пользу Ромула, который приступилъ къ основанію го-

рода, заложивъ его на лѣвомъ берегу Тибра, на Палатинскомъ холмѣ. По этрускому обычаю, употреблявшемуся при основаніи городовъ, онъ обозначилъ пограничную черту города, проведя вокругъ холма борозду плугомъ, въ который были впряжены корова и быкъ. По этой чертѣ новый городъ былъ окруженъ валомъ и рвомъ. Досадуя на свое несчастіе, Ремъ, въ насмѣшку надъ Ромуломъ, перепрыгнулъ чрезъ это ничтожное укрѣпленіе и былъ за то убитъ братомъ.

Такимъ образомъ городъ Римъ былъ основанъ латиномъ, съ соблюденіемъ этрускихъ обрядовъ. Самую древнюю часть его составлялъ такъ называемый Палатинскій холмъ, одна изъ семи возвышенностей, вошедшихъ мало по малу, съ расширеніемъ Рима, въ городскую черту. Днемъ основанія города римляне считали двадцать первое апрѣля, празднуя въ этотъ день Палилію или праздникъ Палесы, древне-италіянской богини пастуховъ. Древніе писатели не сходятся въ своихъ указаніяхъ на годъ основанія Рима. Опредѣлить его съ точностью нѣтъ никакой возможности вслѣдствіе небрежности, съ которою въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ передавались въ Римѣ извѣстія о событіяхъ первыхъ столѣтій его существованія, и по причинѣ запутанности и неопредѣленности тогдашняго лѣтосчисленія. Этруски имѣли уже вѣрное времясчисленіе, и римскій народъ, быть можетъ, тотчасъ же перенялъ его; но впослѣдствіи у римлянъ, въ продолженіе многихъ столѣтій, былъ въ употребленіи лунный годъ, который время отъ времени, посредствомъ прибавки одного мѣсяца, приводился въ соглашеніе съ солнечнымъ годомъ — вставка эта зависѣла отъ произвола первосвященника. Вслѣдствіе того во времясчисленіе должны были вкрасться неправильности, которыхъ нельзя опредѣлить съ точностью, и потому никакъ нельзя отнести отдѣльныя указанія на событія къ извѣстнымъ, равнымъ другъ другу годамъ. Изъ различныхъ опредѣленій года основанія Рима наиболѣе употребительно сдѣланное римскимъ ученымъ Варрономъ и принятое почти во всѣхъ современныхъ историче-

скихъ сочиненіяхъ. По исчисленію Варрона годомъ основанія Рима былъ 754 годъ до р. Х.

3. Ромулъ.

Разсказы римлянъ о періодѣ господства у нихъ царей до того подробны, что указываютъ не только имена и главныя дѣянія послѣднихъ, но даже число лѣтъ ихъ царствованій. Не смотря на это они все таки основываются только на преданіяхъ или извѣстіяхъ, хотя и заключающихъ въ себѣ историческую истину, но въ такомъ разукрашенномъ и искаженномъ видѣ, что рѣшительно невозможно отличить ее отъ вымысловъ. По этому мы должны принимать эти разсказы въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, и довольствоваться тѣмъ, что въ нихъ по крайней мѣрѣ можно прослѣдить въ общихъ чертахъ состояніе римскаго государства и главный ходъ его развитія. Въ историческихъ преданіяхъ о временахъ царей нельзя не замѣтить, что Римъ въ первый періодъ своего существованія имѣлъ много сходства съ древнѣйшими государствами азіатскихъ и восточно - европейскихъ народовъ. Мы видѣли въ исторіи востока, что почти во всѣхъ странахъ образуются сперва государства, всѣ граждане которыхъ распадаются на касты или наслѣдственныя сословія, а касты жрецовъ и благородныхъ не только сосредоточиваютъ въ себѣ всю власть, но въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ препятствуютъ дальнѣйшему развитію умственной жизни народа. Къ такимъ первобытнымъ государствамъ принадлежалъ и древній Римъ; его исторія составляетъ часть исторіи древнѣйшей эпохи Италіи, которую мы, въ главныхъ чертахъ, изложили выше. Только къ концу періода царей, римскій народъ перешелъ къ другой формѣ государственной жизни, послѣдующее развитіе которой составляетъ настоящую его исторію.

Первоначальное населеніе Рима было смѣшаннымъ и принадлежало къ тремъ главнымъ народамъ древней Италіи, на границахъ которой, въ самомъ углу Лаціума, былъ основанъ городъ. Пре-

даніе говоритъ, что Ромулъ, для увеличенія числа жителей города, съ самаго начала открылъ у себя убѣжище всѣмъ изгнанникамъ и бѣглецамъ сосѣднихъ народовъ, предоставляя имъ права гражданства. Первоначальное населеніе города, судя по разсказамъ о происхожденіи Ромула и этрускихъ обрядахъ, совершавшихся при основаніи Рима, состояло изъ латиновъ и этрусковъ. На примѣсь третьяго элемента указываетъ легенда о похищеніи сабинокъ. Преданіе говоритъ, что сосѣдніе народы отказывались вступать въ бракъ съ римлянами, состоявшими изъ разноплеменнаго сброда всякихъ искателей приключеній, и что потому Ромулъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ устроилъ въ честь боговъ празднество съ торжественными играми и пригласилъ на него жителей сосѣднихъ городовъ Куръ, Ценины, Крустумеріи и Антемны, населенныхъ сабинами и латинами. Они явились въ большомъ числѣ съ женами и дочерьми. Среди празднества римляне, по знаку Ромула, напали на своихъ гостей и отняли у нихъ дочерей, которыя на слѣдующій же день сдѣлались женами своихъ похитителей. Ближайшимъ послѣдствіемъ подобнаго нарушенія гостепріимства была война съ латинскими городами, окончившаяся для римлянъ весьма счастливо. Ромулъ завоевалъ непріятельскіе города и принудилъ ихъ жителей переселиться въ Римъ.

Но едва миновала эта опасность, какъ началась новая война съ сабинами, проникшими подъ предводительствомъ Тита Тація, царя города Куръ, до самыхъ стѣнъ Рима. Они устроили передъ городомъ укрѣпленный лагерь, изъ котораго Ромулъ тщетно старался ихъ выбить. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, произошло рѣшительное сраженіе у подошвы занятаго сабинами Капитолійскаго холма, гдѣ впослѣдствіи находился форумъ или торговая площадь Рима. Въ пылу сраженія похищенныя сабинки бросились между рядами враговъ, умоляя ихъ, какъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, прекратить бой изъ состраданія къ нимъ. Имъ удалось примирить сражающихся, заключившихъ между собою договоръ, по которому Куры и Римъ составили одну конфедерацію.

Построивъ себѣ новый городъ на Капитолійскомъ и Квиринальскомъ холмахъ, противъ римлянъ, поселившихся на Палатинскомъ холмѣ, сабины образовали отдѣльную самостоятельную общину, подъ управленіемъ Тита Тація и сената изъ ста членовъ, составлявшую вооруженный союзъ съ Римомъ. Часть форума, лежавшая между обоими городами и называвшаяся впослѣдствіи комиціумъ, служила мѣстомъ общихъ сходокъ и совѣщаній обѣихъ общинъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по смерти Тита Тація, подданные его, признавъ своимъ царемъ Ромула, слились съ римлянами въ одну общину. Отъ поселенія сабиновъ и сліянія ихъ съ жителями Рима преданіе производитъ названіе квиритовъ (т. е. жителей Куръ), часто употреблявшееся впослѣдствіи вмѣсто имени римлянъ, и названіе Квиринальскаго холма.

Ромулъ велъ также счастливыя войны съ нѣкоторыми этрускими городами и, по словамъ преданія, покорилъ сосѣдній городъ Веіи. Но не одни войны и сраженія составляютъ содержаніе поэтическихъ сказаній о первомъ царѣ Рима; преданіе приписываетъ ему и введеніе первыхъ началъ римскаго государственнаго устройства. По основаніи Рима, Ромулъ, какъ говоритъ легенда, учредилъ правительственное мѣсто, состоявшее изъ ста сенаторовъ, число которыхъ, послѣ присоединенія сабиновъ, было увеличено до двухъ сотъ и подъ предсѣдательствомъ царя управляло государствомъ. Члены его назывались patres или отцами; потомки ихъ образовали сословіе патриціевъ или римскую аристократію, въ противоположность плебеямъ или простому народу, находившемуся подъ владычествомъ царя и благороднаго сословія. Такимъ образомъ Ромулъ былъ основателемъ римской аристократіи и ему же приписываютъ образованіе втораго сословія или всадниковъ, составлявшаго впослѣдствіи средину между аристократіею и народомъ. По словамъ преданія, онъ ввелъ дѣленіе римлянъ на трибы и куріи, раздѣливъ весь народъ на три трибы, а каждую изъ нихъ на десять курій. Наконецъ, Ромулъ постановилъ, чтобы каждый плебей

избралъ себѣ патриція, къ которому онъ долженъ былъ обращаться, какъ къ своему защитнику. Патрицій этотъ назывался его **патрономъ**, а самъ онъ **кліентомъ** послѣдняго. Взаимныя отношенія ихъ, переходившія на ихъ потомковъ, состояли въ томъ, что патронъ былъ обязанъ защищать своего кліента противъ всѣхъ притѣсненій, а кліентъ долженъ былъ почитать патрона, какъ отца.

Въ такомъ видѣ представляетъ преданіе возникновеніе существовавшихъ впослѣдствіи въ Римѣ общественныхъ отношеній. Но, по самому характеру человѣческихъ учрежденій, подобныя отношенія не могли быть созданы вдругъ и однимъ человѣкомъ. Ходъ исторіи и сличеніе первоначальнаго устройства Рима съ состояніемъ трехъ древнѣйшихъ народовъ Италіи служатъ доказательствомъ, что эти учрежденія, приписываемыя преданіемъ какъ всегда одному лицу, образовались сами собою и постепенно. Въ наше время ученые, стараясь глубокомысленными и остроумными розысканіями опредѣлить настоящее устройство римскаго государства въ первыя времена его существованія, пришли къ воззрѣніямъ совершенно различнымъ отъ тѣхъ, которыя лежатъ въ основаніи легендарной исторіи Рима. Многіе частные результаты этихъ изслѣдованій не могутъ считаться вполнѣ достовѣрными, но, на основаніи ихъ, можно положительно сказать, что первоначальное государственное устройство римлянъ въ общихъ чертахъ было слѣдующее.

Древній Римъ имѣлъ такое же устройство, какъ этрускіе, латинскіе и самнитскіе города. Жители его, подобно гражданамъ всѣхъ первобытныхъ государствъ, раздѣлялись на касты и состояли изъ аристократіи и подчиненнаго ей крѣпостнаго сословія. Аристократы, называвшіеся **патриціями** или **патронами**, соединяли въ своихъ рукахъ всю силу и власть и составляли сословіе жрецовъ. Простой народъ или **кліенты**, находившійся въ наслѣдственной крѣпостной зависимости у первыхъ, былъ лишенъ свободы, не принималъ никакого участія въ государственномъ

управленіи, а принадлежалъ отдѣльнымъ семействамъ патриціевъ, бывшихъ ихъ представителями передъ государствомъ. Кліенты обработывали землю патриціевъ, владѣвшихъ всей землей въ государствѣ, платили имъ опредѣленныя подати, и исполняли для нихъ еще другія повинности. Кромѣ упомянутыхъ нами двухъ кастъ, въ Римѣ весьма рано образовалось еще третье сословіе, носившее названіе плебеевъ и представлявшее собою средній классъ въ современномъ значеніе этого слова. Вѣроятно, оно произошло отъ потомковъ жителей сосѣднихъ городовъ, которые, пользуясь правомъ убѣжища провозглашеннымъ Ромуломъ, переселились въ Римъ. Плебеи занимались не только земледѣліемъ, какъ патриціи и ихъ кліенты, но и городскими ремеслами; они долгое время не принимали участія въ государственномъ управленіи, но пользовались личною свободою и составляли отдѣльное сословіе, совершенно чуждое прочимъ.

Государственное устройство и управленіе Рима вполнѣ соотвѣтствовали этрускимъ. Сенатъ, состоявшій изъ патриціевъ, или, другими словами, выборные жреческой аристократіи управляли государственными дѣлами. Царь, избираемый изъ этой жреческой аристократіи, былъ только главою сената, приводилъ въ исполненіе его рѣшенія, предсѣдательствовалъ въ судѣ и при богослуженіи, а во время войны предводительствовалъ войскомъ. Относительно всадниковъ, извѣстно только, что къ концу періода царей они являются сословіемъ, занимавшимъ мѣсто между патриціями и плебеями. Раздѣленіе гражданъ на трибы и куріи касалось только патриціевъ и ихъ кліентовъ, основываясь вѣроятно на происхожденіи римлянъ отъ трехъ различныхъ національностей. По крайней мѣрѣ названія трехъ трибъ: рамны, тиціи и луцеры, ученые объясняютъ тѣмъ, что рамны представляли собою латиновъ, тиціи (отъ имени Тита Тація) сабиновъ, а луцеры (имя быть можетъ одного происхожденія со словомъ лукумонъ) этрусковъ. Впрочемъ, трибы Ромула отличаются отъ трибъ позднѣйшей эпохи какъ числомъ, такъ и основаніями дѣленія. Вѣ-

роятно древнѣйшее раздѣленіе на трибы служило въ главныхъ чертахъ основаніемъ военнаго устройства. Раздѣленіе же на куріи положительно имѣло связь съ богослуженіемъ, и отчасти походило на нынѣшнее раздѣленіе на приходы.

4. Нума Помпилій.

По свидѣтельству древнихъ римскихъ героическихъ пѣсней, Ромулъ окончилъ жизнь свою страннымъ образомъ. Однажды, въ то время какъ онъ поучалъ собравшійся народъ, солнце внезапно затмилось, ночная темнота покрыла землю и началась сильная буря; пораженные ужасомъ граждане разбѣжались во всѣ стороны. Когда гроза прошла и небо прояснилось, народъ сталъ тщетно искать Ромула; онъ былъ взятъ на небо своимъ отцомъ, богомъ войны Марсомъ, какъ вскорѣ за тѣмъ сообщилъ испуганнымъ римлянамъ одинъ изъ сенаторовъ, которому Ромулъ явился во снѣ и, разсказавъ всѣ подробности происшествія, объявилъ, что будетъ управлять своимъ народомъ подъ именемъ бога Квирина. Это преданіе хотѣли объяснить догадкою, что Ромулъ былъ умерщвленъ сенатомъ, распустившимъ для сокрытія своего преступленія слухъ о сопричтеніи царя къ сонму боговъ; но достовѣрная исторія не можетъ основываться на одномъ преданіи, и стремленіе искать въ послѣднемъ исторической истины не въ состояніи привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

По смерти Ромула, которую относятъ къ 717 году до р. Х., сенатъ не выбралъ новаго царя, а захватилъ въ свои руки управленіе государствомъ. Но, по истеченіи одного года междуцарствія, по словамъ преданія, угнетенный народъ потребовалъ себѣ царя и сенатъ долженъ былъ исполнить его желаніе. При избраніи новаго правителя возникъ споръ о томъ къ какой національности римской или сабинской долженъ принадлежать новый царь; рѣшено было, что избирать царя будутъ римскіе патриціи, но что царемъ долженъ быть избранъ сабинскій патрицій. Такимъ образомъ въ

716 году до р. Х. римскимъ царемъ сдѣлался Нума Помпилій, зять Тита Тація.

Преданіе приписываетъ этому царю совершенно другія заслуги, чѣмъ его предшественнику; сообразно съ воинственнымъ характеромъ римлянъ, восхваляя въ другихъ царяхъ по преимуществу храбрость, воинственный духъ и страсть къ завоеваніямъ, оно не говоритъ ни объ одномъ военномъ предпріятіи Нумы Помпилія, а превозноситъ его, какъ установителя священныхъ обрядовъ и порядка. Нума считается Моисеемъ, Миносомъ или Ликургомъ римлянъ, и легенда отзывается о немъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и объ этихъ лицахъ. Его мудрыя государственныя и религіозныя учрежденія такъ удивляли потомство, что оно старалось найти въ нихъ связь съ ученіемъ знаменитѣйшаго мудреца древней Италіи, и приписывало имъ сверхъ-естественное происхожденіе. Пиѳагоръ жилъ спустя полтораста лѣтъ послѣ Нумы, но у позднѣйшихъ римлянъ и самнитовъ все-таки существовало преданіе о томъ, что онъ былъ учителемъ Нумы. Еще распространеннѣе было вѣрованіе въ тѣсную дружбу Нумы съ нимфою Эгеріею, которая диктовала ему мудрые законы, прославившіе его имя и переданные имъ римлянамъ, какъ божественное откровеніе. Это преданіе согласуется гораздо менѣе съ простотою воззрѣній и быта самнитскаго народа, сильно привязаннаго къ древнимъ обычаямъ, чѣмъ чудесныя сказанія о Миносѣ, Ликургѣ съ бытомъ и направленіемъ духа древнихъ грековъ. Подъ управленіемъ Нумы, какъ и при Ромулѣ, юное римское государство окрѣпло внутри, при послѣднемъ вслѣдствіе войнъ и слiянія съ сильными сабинами, а при первомъ вслѣдствіе мудрыхъ учрежденій, законовъ и введенія богослуженія, соотвѣтствовавшаго земледѣльческому быту патриціевъ и ихъ кліентовъ.

Нума Помпилій установилъ порядокъ и обряды богослуженія, раздѣлилъ жрецовъ на восемь классовъ и опредѣлилъ обязанности каждаго изъ нихъ. Во главѣ всего жреческаго сословія онъ поставилъ коллегію такъ называемыхъ понтифексовъ, бывшею

подчиненною сенату верховною консисторіею римлянъ, подъ главнымъ наблюденіемъ первосвященника (Pontifex maximus,) или верховнаго жреца. Онъ учредилъ еще званіе фламиновъ или трехъ главныхъ жрецовъ Рима, завѣдывавшихъ богослуженіемъ Юпитера, Марса и Квирина, четырехъ весталокъ или жрицъ Весты, двѣнадцати жрецовъ, называвшихся саліями и охранявшихъ священные щиты Марса, такъ называемыхъ феціаловъ, которые должны были наблюдать за исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ при начатіи войны и заключеніи мира, наконецъ извѣстное число авгуровъ или жрецовъ гадателей и названное уже нами (т. III, стр. 139) самнитское братство земледѣлія. Многіе изъ постановленій Нумы относились къ земледѣлію; съ особенною заботливостью изложивъ эту часть своего законодательства, онъ уже на ней основывалъ всѣ прочія свои установленія. Раздавъ завоеванные Ромуломъ земли, Нума для большаго обезпеченія собственности, учредилъ богослуженіе Термину или богу границъ. Преданіе приписываетъ ему же исправленіе календаря, составленіе котораго у римлянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, также и у насъ, было тѣсно связано съ религіозными обрядами. По словамъ преданія Нума ввелъ также обычай открывать въ продолженіе войны обѣ противоположныя двери храма бога Януса и затворять ихъ во время мира. Янусъ, изображавшійся двуликимъ, былъ древнѣйшимъ божествомъ латиновъ, но значеніе его объясняется учеными различно. Преданіе говоритъ, что храмъ его былъ построенъ еще прежде Ромула и находился на границѣ между жилищами римлянъ и сабиновъ, поселенныхъ на Квиринальскомъ и Капитолійскомъ холмахъ.

5. Туллъ Гостилій и Анкъ Марцій.

По кончинѣ Нумы (673 до р. Х.), какъ и по смерти Ромула, наступило непродолжительное междуцарствіе сената. Послѣ того избранъ былъ царемъ Туллъ-Гостилій, дѣдъ котораго при

Ромулѣ переселился изъ одного латинскаго города въ Римъ, гдѣ вступилъ въ бракъ съ Герсиліею, самою знатною изъ похищенныхъ сабинокъ. Туллъ Гостилій былъ воинственнымъ правителемъ, и потому царствованіе его служило богатымъ источникомъ для поэтическаго вдохновенія позднѣйшихъ временъ. Самая важная изъ его войнъ, кончившаяся совершеннымъ покореніемъ города Альба-Лонги, до того изукрашена преданіемъ, что описаніе ея у позднѣйшихъ римскихъ историковъ представляется настоящею героическою поэмою, въ родѣ Иліады Гомера. Исторически достовѣрно только то, что въ правленіе этого царя Альба-Лонга вошла въ составъ римскаго государства, а жители ея переселились въ Римъ. Разсказы о самой войнѣ имѣютъ характеръ чистаго вымысла, по нѣкоторымъ даннымъ можно даже предполагать, что Альба-Лонга была разрушена не римлянами, а другими латинскими городами, и что вслѣдствіе того жители ея добровольно переселились въ Римъ. Объ этой войнѣ существуетъ слѣдующее преданіе.

Вслѣдствіе неизвѣстныхъ событій Римъ былъ вовлеченъ въ войну съ своею метрополіей Альба-Лонгой, царями которой были тогда сперва Клуилій, а потомъ Меттъ Фуффецій. Первый за трусость и нерѣшительность былъ умерщвленъ своими воинами въ самомъ началѣ войны, преемникъ же его былъ вскорѣ принужденъ враждебными дѣйствіями городовъ Веіевъ и Фиденъ войти въ переговоры съ римскимъ царемъ. Преданіе говоритъ, что жители Веіевъ и Фиденъ рѣшились оставить римлянъ и альбанцевъ воевать въ продолженіе нѣкотораго времени другъ съ другомъ, и, когда они ослабѣютъ въ борьбѣ, напасть на нихъ соединенными силами. Это заставило царей Рима и Альба-Лонги заключить миръ. При личномъ свиданіи они положили соединить свои народы въ тѣсный братскій союзъ и, выбравъ съ каждой стороны трехъ воиновъ, рѣшить поединкомъ который изъ двухъ народовъ долженъ подчиниться другому. Случилось, что бойцами были избраны съ каждой стороны три брата, находившіеся въ близкомъ родствѣ между собою. Трое албанцевъ, Куріаціевъ, были двоюродными

братьяхъ своихъ противниковъ, Горацiевъ, мать которыхъ была албанка и родная сестра матери Куріаціевъ. Кромѣ того одна изъ сестеръ Горацiевъ была даже посватана за одного изъ Куріаціевъ.

Въ виду обоихъ войскъ, шестеро бойцовъ выступили другъ противъ друга, и каждый изъ Куріяціевъ напалъ на ближайшаго къ себѣ по возрасту Горація. Сперва палъ старшій изъ Гораціевъ, вскорѣ послѣ него былъ убитъ и второй, и албанцы уже торжествовали, когда третій Горацій своею хитростью и ловкостью рѣшилъ бой въ пользу римлянъ. Притворясь бѣгущимъ онъ разъединилъ своихъ противниковъ, и замѣтивъ, что они слѣдуютъ за нимъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, обратился противъ ближайшаго, убилъ сперва его, а потомъ одного за другимъ и его братьевъ. Гордый своей побѣдой, юный герой возвращался въ Римъ, сопровождаемый ликующимъ войскомъ. У городскихъ воротъ стояла его сестра, невѣста одного изъ Куріяціевъ. При видѣ брата, одѣтаго въ воинскіе доспѣхи ея жениха, она пришла въ отчаяніе и прокляла его. Разгнѣванный Горацій схватилъ мечъ и пронзилъ имъ свою сестру. За такое преступленіе онъ былъ подвергнутъ суду, приговорившему его къ смерти; но народное собраніе, къ которому онъ апеллировалъ, во вниманіе къ услугамъ, оказанныхъ имъ отечеству, уничтожило приговоръ. Чтобы не оставить запальчиваго юношу ненаказаннымъ, его присудили къ позорному наказанію, которому подвергались только военноплѣнные. Онъ долженъ былъ пройти съ обнаженною головою подъ изображавшемъ ярмо шестомъ, который держали поперегъ дороги.

Счастливо окончивъ войну съ албанцами, Туллъ Гостилій обратился противъ жителей Фиденъ и Веіевъ. Меттъ Фуффецій послѣдовалъ за нимъ на войну въ качествѣ его подчиненнаго, но тайно соединился съ непріятелемъ, чтобы освободиться отъ римскаго ига. Не рѣшаясь во время сраженія привести въ исполненіе свое коварное намѣреніе, онъ при самомъ началѣ битвы отступилъ на возвышенность, чтобы, смотря по исходу сраженія, перейти на

ту или другую сторону. При видѣ этого римлянами овладѣлъ страхъ и они навѣрное сдѣлались бы жертвою вѣроломства албанцевъ, если бы Туллъ-Гостилій необъявилъ своимъ войскамъ, что отступленіе албанцевъ было совершено по его приказанію, съ цѣлью обойти непріятеля. Когда побѣда склонилась на сторону римлянъ, Меттъ Фуффецій, чтобы скрыть свое намѣреніе, бросился на бѣгущаго непріятеля. Туллъ Гостилій сдѣлалъ видъ, что обманутъ этою хитростью, но на другой день страшно наказалъ измѣнниковъ. Созвавъ оба войска, безъ оружія, подъ предлогомъ раздачи наградъ, онъ приказалъ римлянамъ взять съ собою мечи, спрятавъ ихъ подъ одеждою. Когда войска собрались, Туллъ Гостилій внезапно приказалъ окружить албанцевъ, и объявилъ имъ, что Альба-Лонга, какъ вертепъ измѣнниковъ, должна быть сравнена съ землею, Меттъ Фуффецій въ наказаніе за вѣроломство будетъ привязанъ къ хвостамъ четырехъ лошадей и разорванъ на части, а всѣ албанцы переселены въ Римъ. Такъ была разрушена Альба Лонга, а жители ея переведены въ новый городъ, гдѣ имъ былъ данъ для жительства Целійскій холмъ (Coelius).

Туллъ Гостилій велъ также счастливыя войны съ жителями Фиденъ, Веіевъ и съ сабинами. Но счастье оставило его, какъ говоритъ преданіе за то, что онъ разгнѣвалъ боговъ своимъ пренебреженіемъ къ обрядамъ ихъ богослуженія. Предвозвѣстниками божескаго гнѣва были сначала каменный дождь, заразы и другія явленія, и наконецъ тяжкая болѣзнь, постигшая его самаго. Тогда онъ съ новымъ рвеніемъ обратился къ забытымъ религіознымъ обязанностямъ, но однажды, заклиная таинственными обрядами Юпитера, сдѣлалъ ошибку, и разгнѣванное божество поразило его молніею вмѣстѣ съ женою и дѣтьми (640 до р. Х.).

Преемникомъ его былъ избранъ Анкъ Марцій, сынъ дочери Нумы Помпилія. Преданіе говоритъ, что, слѣдуя по стопамъ своего дѣда, онъ возвратилъ прежній блескъ богослуженію, находившемуся въ пренебреженіи при Туллѣ Гостиліи. Царствованіе его не было однако исключительно мирнымъ, подобно правленію Ну-

мы; онъ принадлежалъ скорѣе къ числу царей, отличавшихся воинскими доблестями и завоеваніями, и большую часть своего царствованія провелъ въ войнахъ съ латинами. Подчинивъ себѣ албанцевъ, римляне такъ усилились, что, не принадлежа къ національной конфедераціи латиновъ, изъявляли притязанія на одно изъ первыхъ мѣстъ между городами Лаціума. Анкъ Марцій разбилъ войско латиновъ, взялъ у нихъ нѣсколько городовъ, а жителей отвелъ въ Римъ и поселилъ на Авентинскомъ холмѣ. Имъ были завоеваны и другіе города, какъ, напримѣръ, Фидены, поддерживаемые сначала Альба-Лонгою, а потомъ Веіями; послѣдній городъ испыталъ также нѣсколько пораженій и долженъ былъ уступить римлянамъ землю около устья Тибра, гдѣ Анкъ Марцій заложилъ Остію, сдѣлавшуюся гаванью Рима. Въ его царствованіе римляне впервые утвердились на правомъ берегу Тибра; Анкъ Марцій построилъ первый мостъ черезъ рѣку и укрѣпилъ холмъ Яникулумъ лежавшій на противоположномъ берегу Тибра.

6. Тарквиній Старшій.

Со смертью Анка Марція (617 до р. Х.) измѣнился порядокъ престолонаслѣдія, существовавшій до тѣхъ поръ по условію между римлянами и соединенною съ ними сабинскою колоніею, и на престолъ вступилъ этрускъ, Луцій Тарквиній Старшій или Древній (Priscus). По преданію, онъ родился въ этрускомъ городѣ Тарквиніяхъ, и происходилъ со стороны отца отъ одной знатной коринѳской фамиліи, переселившейся въ Этрурію вѣроятно вслѣдствіе распространенія между этрусками греческаго языка, цивилизаціи и нравовъ. Отецъ Тарквинія, Демаратъ, принадлежавшій къ знатной фамиліи Бакхіадовъ въ Коринѳѣ, по словамъ преданія, былъ изгнанъ Кипселомъ изъ отечества (т. I стр. 280) и съ несмѣтными сокровищами переселился въ Тарквиніи, сопровождаемый многочисленной свитой, въ которой находились многіе коринѳскіе живописцы и ваятели. Здѣсь онъ вступилъ въ бракъ съ этрускою, при-

надлежавшей къ аристократической кастѣ, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Арунса и Лукумона, которымъ далъ въ одно и тоже время этруское и греческое образованіе. По смерти его, все его огромное богатство перешло къ младшему сыну Лукумону; старшій сынъ умеръ еще при жизни отца. Лукумонъ переселился изъ Тарквиніевъ въ Римъ, потому что въ Этруріи путь къ власти былъ прегражденъ ему, какъ чужеземцу, и супруга его Танаквила, обладавшая даромъ прорицанія, предсказала ему, что у римлянъ его ожидаютъ самыя высокія почести. Въ Римѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ хорошій пріемъ, Лукумонъ перемѣнилъ свое этруское имя на римское Луція и принялъ, по мѣсту своего рожденія, прозваніе Тарквинія. Обвороживъ римлянъ умомъ, богатствомъ и ловкостью, онъ былъ назначенъ Анкомъ Марціемъ опекуномъ малолѣтнихъ сыновей послѣдняго, а по смерти царя избранъ сенатомъ въ его преемники.

Этотъ полу-греческій, полу-этрускій царь велъ много счастливыхъ войнъ съ латинами, этрусками и сабинами; при немъ римляне достигли еще большаго величія, чѣмъ при Анкѣ Марціѣ. Но гораздо важнѣе было вліяніе его на внутреннее устройство города Рима и его жителей. Большая часть введенныхъ имъ учрежденій носятъ на себѣ слѣды этрускаго происхожденія. Судя по описаніямъ, сооруженія его напоминаютъ собою филистинскіе рвы и развалины стѣнъ этрускихъ городовъ. Онъ устроилъ громадныхъ размѣровъ клоаки или водосточныя трубы, для осушенія форума и нѣкоторыхъ другихъ частей города, обвелъ городъ стѣною изъ плитняку, выравнивъ большое пространство на вершинѣ Капитолійскаго холма, заложилъ на немъ фундаментъ огромнаго храма, оконченнаго только вторымъ его преемникомъ, превратилъ форумъ или долину, между Палатинскимъ и Квиринальскимъ холмами, въ рыночную площадь и мѣсто народныхъ собраній, и наконецъ построилъ большой циркъ (circus maximus) или зданіе для большихъ общественныхъ игръ. Игры эти были также этрускимъ обычаемъ, введеннымъ имъ въ Римъ, и по своимъ особенностямъ и вліянію

никакъ не могутъ быть сравниваемы съ греческими играми: у грековъ общественныя игры были не только любимѣйшимъ народнымъ увеселеніемъ, но считались однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни народа и побѣда на нихъ считалась высшею почестью; итальянскіе народы, напротивъ того, только на скачку и ристаніе на колѣсницахъ смотрѣли какъ на игры, приличныя свободному человѣку, а борьбу и другія гимнастическія упражненія предоставляли гладіаторамъ, т. е. рабамъ или наемникамъ низкаго происхожденія, дѣлавшимъ изъ этого особое ремесло. Зрѣлище такихъ боевъ и великолѣпныхъ процессій, соединенныхъ съ общественными играми, доставляли итальянскимъ народамъ такое же удовольствіе, какъ и грекамъ, но въ отличіе отъ послѣднихъ, они никогда не оказывали почестей и знаковъ уваженія лицамъ, удовлетворявшимъ ихъ любопытство. Точно тоже было съ театральными представленіями. Такая противоположность въ характерѣ двухъ народовъ проистекала отъ различія всего устройства ихъ гражданскаго быта: преобладаніе жрецовъ, рабство и другія общественныя отношенія, находившіяся въ связи съ учрежденіемъ кастъ и имѣвшія послѣдствіями рѣзкое отличіе сословій и ихъ правъ, долго удерживались между итальянцами, тогда какъ у грековъ они изчезли еще въ древнѣйшія времена. У итальянцевъ увеселенія народа носили на себѣ аристократическій отпечатокъ, у грековъ они съ самаго начала сдѣлались учрежденіями, имѣвшими цѣлью общее сближеніе, гдѣ всѣ принимавшіе въ нихъ участіе, какъ простые зрители или дѣйствующія лица, считались равноправными членами одной націи.

Само собою разумѣется, что сооруженія, воздвигнутыя Тарквиніемъ Прискомъ, подобно сооруженіямъ этрусковъ, не могли быть исполнены безъ принужденнаго труда простаго народа, и потому правленіе Тарквинія должно было быть очень тягостнымъ для низшихъ сословій Рима. Достовѣрно неизвѣстно какими внутренними событіями было ознаменовано его царствованіе. Говорятъ, между прочимъ, что, вслѣдствіе возрастанія населенія го-

рода, онъ увеличилъ одною сотнею число фамилій, имѣвшихъ права засѣдать въ сенатѣ и принимать участіе въ управленіи, и увеличилъ также число сенаторовъ до трехъ сотъ. Слѣдовательно онъ возвелъ въ патриціи сто плебейскихъ фамилій. Ему приписываютъ также увеличеніе и преобразованіе сословія всадниковъ, только въ это время получившаго значеніе средняго сословія, занимающаго мѣсто между патриціями и плебеями. Извѣстія древнихъ писателей о войнахъ Тарквинія Приска противорѣчатъ одни другимъ; вообще достовѣрнымъ кажется только то, что и этотъ царь расширилъ могущество римлянъ на счетъ латинскихъ, самнитскихъ и этрускихъ городовъ.

По поэтическому разсказу преданія, Тарквиній умеръ насильственною смертью. Когда ему минуло восемьдесятъ лѣтъ, сыновья Анка Марція составили противъ него заговоръ, ненавидя его какъ похитителя престола и убѣжденные въ томъ, что если онъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ, то утвердитъ обладаніе престоломъ за своимъ семействомъ. Двое подкупленныхъ ими убійцъ переодѣлись дровосѣками, чтобы имѣть возможность носить при себѣ топоры, не возбуждая подозрѣнія, и, завязавъ нарочно ссору передъ царскимъ дворцемъ, потребовали впуска къ царю для рѣшенія спора. Явившись къ нему, они воспользовались благопріятною минутою и умертвили его (578 г. до р. Х.).

7. Сервій Туллій.

Сыновья Анка Марція не достигли своей цѣли, потому что, какъ говоритъ преданіе, царица Танаквила не потеряла присутствія духа, услыхавъ о внезапной смерти Тарквинія. Она велѣла запереть ворота дворца и объявить собравшемуся въ большомъ числѣ народу, что Тарквиній не убитъ, а только раненъ, и до выздоровленія передалъ управленіе царствомъ зятю своему, Сервію Туллію. Заговорщики бѣжали изъ Рима, а Сервій Туллій продолжалъ управлять нѣкоторое время именемъ Тарквинія, и

потомъ силою удерживалъ за собою престолъ, пока весь народъ добровольно не призналъ его царемъ.

Мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о происхожденіи и юности Сервія Туллія, а то, что говоритъ о нихъ сказаніе, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. По словамъ преданія, одна знатная латинка или этруска попала въ плѣнъ къ римлянамъ и, сдѣлавшись рабою въ домѣ царя, родила подъ чудесными предзнаменованіями сына, которому дали имя Сервія Туллія. Необыкновенныя явленія, часто повторявшіяся въ его дѣтствѣ, доказывали, что онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, такъ напримѣръ, однажды, когда онъ спалъ, огненное сіяніе освѣтило его голову. Танаквила, обладавшая даромъ прорицанія, сильно привязалась къ Сервію Туллію и воспитывала его вмѣстѣ съ своими собственными сыновьями. Тарквиній также полюбилъ его за храбрость и ловкость, которыми Сервій Туллій отличался еще въ юности, выдалъ за него свою дочь Тарквинію, а въ послѣдніе годы своего царствованія позволилъ ему даже принять участіе въ управленіи государствомъ.

Войны не составляли самой важной стороны царствованія Сервія Туллія, пріобрѣвшаго славу лучшаго и самаго знаменитаго изъ римскихъ царей. Ему приписываютъ однако значительное расширеніе римскаго государства. По преданію, онъ покорилъ послѣ двадцатилѣтней войны этрускій городъ Веіи, а по другимъ извѣстіямъ весь этрускій народъ и принудилъ его признать надъ собою преобладаніе римлянъ. Хитростью подчинилъ онъ римскому вліянію латиновъ и отчасти сдѣлалъ Римъ главою латинскаго союза. Собранія этого союза происходили въ округѣ Альба-Лонги, у источника, посвященнаго богинѣ Ферентинѣ; Сервій Туллій заключилъ съ латинами договоръ, по которому былъ воздвигнутъ общій храмъ на Авентинскомъ холмѣ, заселенномъ при Анкѣ-Марціѣ латинами. Хотя послѣ того собранія латиновъ и происходили на прежнемъ священномъ мѣстѣ, но самое основаніе этого храма было уже началомъ гегемоніи Рима.

Главное значеніе Сервія Туллія основывается на законахъ и

учрежденіяхъ, введенныхъ имъ въ Римѣ. Въ его правленіе начинаетъ обнаруживаться вліяніе на римлянъ латинскихъ и греческихъ нравовъ, какъ при Тарквиніи этрускихъ. Съ его царствованія греческая религія и образованность стали все болѣе и болѣе водворяться въ Римѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось сознаніе въ необходимости замѣнить древнія наслѣдственныя учрежденія положительными законами, болѣе соотвѣтственными духу времени и перемѣнѣ, происшедшей въ составѣ народонаселенія. Правленіе Сервія Туллія составляетъ начало совершенно новой эпохи, со вступленіемъ его на престолъ оканчиваются собственно первобытныя времена Рима, а развитіе и гражданская свобода заступаютъ мѣсто кастоваго быта и соединеннаго съ нимъ рабства народа. Въ римскихъ сказаніяхъ Сервій Туллій представляется творцомъ и основателемъ позднѣйшаго соціальнаго устройства Рима, точно такъ, какъ Нума Помпилій учредителемъ и организаторомъ римскаго богослуженія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сервію Туллію были приписаны многія изъ установленій позднѣйшей эпохи, но по характеру римскихъ историческихъ сочиненій невозможно отличить новое отъ стараго и съ достовѣрностью опредѣлить тогдашнее состояніе Рима.

Самая важная перемѣна въ государственномъ устройствѣ, связанная съ именемъ Сервія Туллія, состояла въ раздѣленіи гражданъ по имуществу. Вслѣдствіе такой реформы въ Римѣ, какъ и въ Аѳинахъ по введеніи законодательства Солона, могущество старинной аристократіи было уничтожено, а государственная жизнь получила новое, до того времени совершенно неизвѣстное, основаніе. Этою мѣрою, если только она и другія узаконенія находившіяся съ ней въ связи дѣйствительно принадлежали Сервію Туллію, онъ подготовилъ торжество республиканскимъ формамъ. Сервій Туллій началъ съ того, что далъ плебеямъ или свободному сословію гражданъ, мало по малу образовавшемуся въ Римѣ, правильное устройство и организацію, раздѣливъ его по округамъ на отдѣленія или цехи, число которыхъ неизвѣстно съ точностью.

Эти округи или цехи, называвшіеся трибами, заключали въ себѣ только плебеевъ; патриціи имѣли свое особое дѣленіе, существовавшее еще гораздо прежде и приписываемое Ромулу. Вслѣдствіе того плебеи образовали множество корпорацій или циховъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего представителя, трибуна, а римскій народъ раздѣлился на два сословія патриціевъ или аристократію и плебеевъ или простолюдиновъ. Только впослѣдствіи дѣленіе на трибы было перенесено на весь народъ, какъ на патриціевъ, такъ и на плебеевъ.

Сервій Туллій ввелъ также новое раздѣленіе для всего римскаго народа, не обращая никакого вниманія на сословныя различія, а основываясь только на различіи имущества. Онъ раздѣлилъ весь народъ на шесть классовъ и каждый классъ на нѣсколько центурій. Въ составъ перваго класса входили всѣ граждане, владѣвшіе имуществомъ по крайней мѣрѣ въ сто тысячъ ассовъ (около 2300 руб. сер.), для втораго класса опредѣлялось нормою имущество въ семьдесятъ пять тысячъ ассовъ, для третьяго въ пятьдесятъ, для четвертаго въ двадцать пять, а для пятаго въ двѣнадцать тысячъ пятьсотъ ассовъ; шестой классъ заключалъ въ себѣ владѣвшихъ меньшимъ имуществомъ или не имѣвшимъ никакого состоянія. Подраздѣленіе классовъ на центуріи было сдѣлано съ двоякою цѣлью: оно служило основаніемъ дѣленія римскаго народа, какъ войска, на отряды, и, какъ гражданъ, на корпораціи, имѣвшія извѣстную долю участія въ управленіи. Важнѣйшею стороною этого раздѣленія было то, что отдѣльные классы состояли не изъ одинаковаго числа центурій, и въ этомъ собственно заключается сущность реформы, приписываемой Сервію Туллію. Первый классъ состоялъ изъ восьмидесяти центурій тяжело вооруженной пѣхоты, къ нему было присоединено еще не раздѣленное по имуществу сословіе всадниковъ, которое Сервій Туллій умножилъ причисленіемъ къ нему богатыхъ плебеевъ и раздѣлилъ на восемнадцать центурій. Второй, третій и четвертый классы состояли каждый изъ двадцати

центурій пѣхоты; изъ нихъ центуріи втораго класса были тяжело вооруженными, а прочія представляли собою переходъ къ легкой пѣхотѣ. Пятый классъ дѣлился на тридцать центурій легковооруженной пѣхоты. Шестой классъ составлялъ только одну центурію, распадавшуюся на три отдѣла, акценсовъ или велатовъ, пролетаріевъ и капитеценсовъ. Акценси (т. е. причисленные) или велаты (т. е. завернутые или одѣтые только въ военный плащъ) состояли изъ владѣльцевъ имущества отъ тысячи пятисотъ до двѣнадцати тысячъ пятисотъ ассовъ, не имѣли никакого оружія и, слѣдуя за войскомъ въ качествѣ резерва, для замѣны павшихъ или раненныхъ, сражались ихъ оружіемъ. Къ отдѣлу пролетаріевъ принадлежали владѣльцы имущества отъ трехъ сотъ семидесяти пяти до тысячи пяти сотъ ассовъ; имя это обозначало тѣхъ, которые были еще въ состояніи выростить потомство (proles) или тѣхъ, которые не доставляли государству никакой другой непосредственной пользы, кромѣ произведенія дѣтей и увеличенія числа гражданъ. Они принимали участіе въ войнѣ только въ крайней необходимости, но съ третьяго столѣтія до р. Х. обязанность къ военной службы была распространена и на нихъ. Наконецъ капитеценсы (т. е. цѣнимые только по числу головъ) состояли изъ всѣхъ гражданъ, имущество которыхъ не доходило до трехъ сотъ семидесяти пяти ассовъ; они были освобождены отъ военной службы и только черезъ двѣсти лѣтъ, подобно пролетаріямъ, стали призываться къ оружію. Причисливъ къ первому классу восемнадцать центурій сословія всадниковъ, Сервій-Туллій присоединилъ къ первымъ четыремъ классамъ еще четыре центуріи, также безъ всякаго отношенія къ имуществу; онъ образовалъ одну центурію изъ плотниковъ, и по одной центуріи оружейниковъ, горнистовъ и трубачей, присоединивъ ихъ къ центуріямъ четырехъ первыхъ классовъ. Такимъ образомъ всѣхъ центурій было сто девяносто три, распредѣленныхъ такъ, что первый классъ заключалъ въ себѣ девяносто девять центурій, второй, третій и четвертый по двадцати одной, пятый тридцать, и шестой одну центурію.

Раздѣленіе на классы повѣрялось черезъ каждые пять лѣтъ введенною Сервіемъ Тулліемъ переоцѣнкою имуществъ, называвшейся ценсомъ (кадастръ). Пятилѣтіе между двумя ценсами называлось лýструмъ; къ концу его народъ въ полномъ вооруженіи собирался на Марсовомъ полѣ, лежавшемъ передъ городомъ, гдѣ каждый гражданинъ, послѣ торжественной очистительной жертвы, объявлялъ царю цифру своего движимаго и недвижимаго имущества. На этомъ же полѣ собирались иногда граждане для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, въ которыхъ народъ имѣлъ право участвовать. Эти народныя собранія или комиціи назывались комиціями центурій, (comitia centuriata) потому что граждане обсуживали на нихъ вопросы и подавали голоса по центуріямъ. Комиціямъ принадлежало право избирать высшихъ должностныхъ лицъ, объявлять войну, заключать миръ и утверждать или отвергать законы, предлагаемые сенатомъ. Граждане каждой центуріи рѣшали между собою по большинству голосовъ какое мнѣніе должна подать ихъ центурія; потомъ собирались общіе голоса ста девяноста трехъ центурій и большинство ихъ рѣшало вопросъ. На ряду съ комиціями центурій существовали и комиціи курій и трибъ, имѣвшія какъ простыя сословныя собранія гораздо менѣе значенія. Комиціи трибъ обсуживали только дѣла, касавшіяся ихъ сословія. Комиціи курій имѣли болѣе значительныя права и касались другихъ сословій, завѣдуя предметами, относящимися до религіи, въ томъ числѣ дѣлами по усыновленію и завѣщаніямъ; на нихъ же лежала обязанность торжественно передавать избраннымъ комиціями центурій должностнымъ лицамъ imperium или военную власть. По этому они какъ бы утверждали выборы народнаго собранія.

Вникая въ распредѣленіе ста девяноста трехъ центурій между отдѣльными классами, легко убѣдиться, что Сервій Туллій, если только онъ дѣйствительно былъ творцомъ этого новаго устройства, подобно Солону въ Аѳинахъ, противопоставилъ исключительному до тѣхъ поръ господству благороднаго сословія аристократію бо-

гатыхъ. Весь послѣдній классъ составлялъ только одну центурію и слѣдовательно имѣлъ одинъ голосъ, первый же классъ въ соединеніи съ восемнадцатью центуріями всадниковъ заключалъ въ себѣ болѣе половины всѣхъ центурій и голосовъ, и такимъ образомъ богатая часть гражданъ имѣла преобладающее вліяніе на законодательство, избраніе должностныхъ лицъ и внѣшнія дѣла. Впрочемъ введеніе комиціи центурій не уничтожало значенія древней аристократіи; патриціи, владѣя въ то время почти всею поземельною собственностью, сохранили свое преобладаніе и при новомъ устройствѣ. Сервій Туллій не замѣнилъ аристократію или господство благородныхъ тимократіею или господствомъ капиталистовъ, а только, подобно Солону, искусно слилъ обѣ эти формы государственнаго устройства. Конечно продолжавшее еще существовать преобладаніе аристократіи основывалось уже не на рожденіи, а только на случайномъ соединеніи богатства съ родовыми преимуществами, но и это должно было скоро измѣниться, потому что въ свободномъ народѣ богатство не можетъ удерживаться исключительно въ одномъ сословіи. Наконецъ, для правильнаго пониманія государственной реформы, произведенной Сервіемъ Тулліемъ, надо еще замѣтить, что посредствомъ ея обязанности въ отношеніи къ государству были согласованы съ правами. Военная служба и подати отбывались по центуріямъ, а какъ центуріи перваго класса состояли изъ гораздо меньшаго числа гражданъ, чѣмъ центуріи остальныхъ классовъ, то очевидно, что пользовавшіеся большими правами члены высшихъ классовъ платили бо́льшую часть податей. Кромѣ того, какъ тяжело вооруженные, они должны были болѣе тратить на пріобрѣтеніе полнаго вооруженія, потому что въ Римѣ каждый гражданинъ былъ обязанъ самъ покупать себѣ оружіе. Составляя самую отборную часть войска, они чаще другихъ выступали въ походы, тогда какъ граждане остальныхъ классовъ или совсѣмъ не участвовали въ войнахъ или принимали въ нихъ только слабое участіе. Такимъ образомъ и военныя предпріятія и внутреннее управленіе были ввѣрены лучшей и образо-

ваннѣйшей части гражданъ, а масса простаго народа имѣла на нихъ только самое незначительное вліяніе.

Сервій Туллій, которому римляне позднѣйшей эпохи приписывали эти реформы въ государственномъ устройствѣ, пользовался у нихъ такою же славою, какъ Солонъ у аѳинянъ; его считали великимъ законодателемъ, положившимъ основаніе государственному устройству, продолжавшему существовать до періода императоровъ. Намъ кажется, что заслуги аѳинскаго законодателя гораздо положительнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ заслуги Сервія Туллія. Важная реформа Солона не подлежитъ никакому сомнѣнію, тогда какъ, судя по свойству дошедшихъ до насъ извѣстій о древнѣйшей римской исторіи, можно предполагать, что быть можетъ реформы въ государственномъ устройствѣ Рима вводились постепенно и были приписаны потомствомъ Сервію Туллію только потому, что онъ осуществилъ большую часть ихъ, или же потому, что въ его царствованіе римляне достигли болѣе законнаго и свободнаго государственнаго устройства. По духу своему, законодательство Сервія Туллія, уничтожая существенныя права монархической власти, было неосуществимо безъ республиканской формы правленія. Основываясь на этомъ, нѣкоторые писатели утверждали, что Сервій Туллій имѣлъ намѣреніе ввести республику.

Сервій Туллій имѣлъ только двухъ дочерей, называвшихся Тулліями. Онъ выдалъ ихъ замужъ за братьевъ своей жены, сыновей Тарквинія Приска, Луція Тарквинія, получившаго впослѣдствіи прозваніе Го́рда́го, и Арунса Тарквинія. Дочери Сервія Туллія, точно также какъ и ихъ мужья, рѣзко отличались другъ отъ друга характеромъ и направленіемъ. Сервій Туллій, по словамъ преданія, соединилъ въ этихъ бракахъ противоположные характеры, въ надеждѣ, что они будутъ взаимно умѣрять другъ друга. Жестокосердый, способный на всякое преступленіе Луцій Тарквиній былъ женатъ на доброй и скромной старшей Тулліи, а кроткій, честный и прямодушный Арунсъ Тарквиній на младшей ея сестрѣ, настоящей фуріи. Послѣдняя, ненавидя

своего мужа и желая сдѣлаться царицей, вступила въ связь съ буйнымъ и честолюбивымъ Луціемъ Тарквиніемъ. Арунсъ и старшая Туллія были умерщвлены братомъ и сестрою, которые, совершивъ преступленіе, вступили между собою въ бракъ. Наскучивъ ждать смерти Сервія Туллія и опасаясь, быть можетъ, что онъ лишитъ ихъ престола, они рѣшились умертвить отца и вступили въ заговоръ съ недовольною частью патриціевъ. Условившись съ заговорщиками, Тарквиній, украшенный знаками царскаго достоинства, явился въ сенатъ, большая часть членовъ котораго участвуя въ заговорѣ тотчасъ же превозгласили его царемъ. Не страшась угрожавшей ему опасности, Сервій Туллій, не медля, поспѣшилъ въ сенатъ. Лишь только онъ обратился къ своему зятю, упрекая его въ государственной измѣнѣ, послѣдній кинулся на слабаго старца и сбросилъ его съ лѣстницы. Тяжело раненный, Сервій Туллій былъ вынесенъ нѣсколькими простолюдинами, но на дорогѣ былъ умерщвленъ посланными за нимъ слугами Тарквинія. Получивъ извѣстіе о счастливомъ окончаніи дѣла въ сенатѣ, Туллія поспѣшила въ колесницѣ къ сенатскому зданію, чтобы привѣтствовать своего мужа царемъ. На возвратномъ пути, случайно поѣхавъ по улицѣ, гдѣ лежалъ трупъ ея отца, она приказала переѣхать черезъ него. Безчеловѣчная дочь возвратилась домой въ колесницѣ и одеждѣ, обрызганной кровью отца. Такъ умеръ Сервій Туллій (534 до р. Х.).

8. Тарквиній Гордый.

Молодой Тарквиній, если только справедливъ предшествующій разсказъ, достигъ престола тѣмъ же путемъ какимъ мелкіе средневѣковые итальянскіе владѣтели овладѣвали обыкновенно верховною властью въ своемъ родномъ городѣ. Не удивительно, что, подобно имъ, власть его опиралась на военной силѣ, произволѣ и жестокости. Римляне заклеймили его прозваніемъ Гордаго (Superbus). Хотя всѣ разсказы о немъ не противорѣчатъ истинѣ,

но нельзя опровергнуть и того, что исторія его, въ особенности же описаніе его изгнанія, чрезвычайно странна и неправдоподобна.

Въ противоположность Сервію Туллію, Тарквиній Гордый старался отстранить народъ отъ только что пріобрѣтеннаго имъ участія въ государственномъ управленіи и возвратить его въ состояніе прежняго рабства. Онъ тотчасъ же уничтожилъ данное плебеямъ устройство со всѣми ихъ правами, какъ малы они ни были, самовольно наложилъ подати на богатѣйшихъ плебеевъ и принудилъ бѣднѣйшихъ нести барщину. Насиліе Тарквинія не ограничилось однимъ этимъ сословіемъ, патриціи также испытали гнетъ его деспотическаго управленія. Онъ уменьшилъ составъ сената, что легко было сдѣлать, потому что сенаторы назначались царями, и не разу не созывалъ для совѣщанія остальныхъ. Оградивъ себя отъ гнѣва недовольныхъ тѣлохранителями или наемнымъ войскомъ, онъ изгналъ и казнилъ многихъ знатныхъ патриціевъ, образовалъ тайный совѣтъ, никогда не обращался къ сенату или народу, а совѣщался только съ своими друзьями у себя во дворцѣ. Онъ былъ почти недоступенъ для своихъ подданныхъ, поощрялъ доносы, наушничество и присвоивалъ себѣ имущество всѣхъ осужденныхъ, пользуясь имъ для упроченія своей беззаконной власти.

Хитростью и силою старался Тарквиній совершенно подчинить себѣ всѣхъ союзниковъ Рима, очень ловко воспользовавшись положеніемъ Рима между городами латинскаго союза. Одинъ изъ самыхъ знатныхъ жителей Ариціи, Турнъ Гердоній, старавшійся воспрепятствовать замысламъ тиранна и съ успѣхомъ противившійся ему, долженъ былъ поплатиться жизнію за любовь къ родинѣ: обвинивъ Гердонія въ государственной измѣнѣ, Тарквиній склонилъ жителей Ариціи приговорить его къ смерти. Отстраняя такимъ способомъ опасныхъ противниковъ, какъ въ Лаціумѣ, такъ и Римѣ, Тарквиній старался достигнуть своей цѣли чрезъ сближеніе съ нѣкоторыми лицами. Въ особенности помогалъ ему въ этомъ Октавій Мамилій, вліятельный тускуланецъ, за котораго онъ выдалъ свою дочь. Тарквиній дѣйствительно успѣлъ

подчинить себѣ латиновъ. При немъ было постановлено, что глава римскаго народа на ежегодныхъ союзныхъ празднествахъ долженъ совершать жертвоприношеніе на Албанскомъ холмѣ отъ имени латиновъ; обычай этотъ, продолжавшій существовать во всѣ послѣдующія времена, торжественно освящалъ пріобрѣтенное насиліемъ преобладаніе Рима. Съ тѣхъ поръ даже римскіе легіоны стали составляться не только изъ римлянъ, но и изъ союзныхъ латинскихъ войскъ. Впрочемъ достиженіе преобладанія надъ латинами не было для Тарквинія такъ трудно, какъ это кажется съ перваго взгляда; судя по разсказамъ о постоянно счастливыхъ войнахъ предшествовавшихъ царей, и въ особенности о завоеваніяхъ Сервія Туллія, могущество Рима во время управленія послѣднихъ царей было весьма значительно, а замѣтное ослабленіе его тотчасъ по изгнаніи царей не можетъ служить мѣриломъ его состоянія въ предшествовавшую эпоху.

Достигнувъ преобладанія надъ латинами, Тарквиній сталъ стремиться къ новымъ завоеваніямъ, чтобы еще болѣе увеличить свое могущество. Побѣдивъ сначала вольсковъ и занявъ ихъ страну, онъ основалъ въ ней нѣсколько колоній и привезъ съ собою въ Римъ несмѣтную добычу и множество плѣнныхъ. Послѣ того онъ обратился противъ латинскаго города Габіевъ, за то, что послѣдній противился признать рѣшеніе союзнаго собранія, подчинившаго латиновъ владычеству римскаго царя. Нѣсколько лѣтъ Тарквиній тщетно старался овладѣть хорошо укрѣпленнымъ городомъ, но наконецъ овладѣлъ имъ съ помощью измѣны. Событіе это сильно изукрашено преданіемъ. По словамъ легенды, сынъ Тарквинія, Секстъ Тарквиній, съ согласія отца своего явился предъ стѣнами Габіевъ и умолялъ принять его въ городъ, увѣряя, что отецъ подвергъ его позорному наказанію за одинъ маловажный проступокъ; онъ успѣлъ обмануть жителей, показавъ въ подтвержденіе своихъ словъ раны, которыя онъ самъ нанесъ себѣ. Своими частыми и удачными вылазками, предпринимаемыми съ незначительными отрядами, Секстъ Тарквиній скоро пріобрѣлъ довѣріе га-

бійцевъ; такъ какъ, по заранѣе заключенному условію, отецъ его отдавалъ ему въ жертву аттакованныя имъ римскія войска. Постоянныя удачи молодаго человѣка съ каждымъ днемъ увеличивали довѣріе къ нему жителей, которые стали поручать ему многочисленные отряды и наконецъ назначили главнокомандующимъ. Но, не смотря на все свое вліяніе, Секстъ Тарквиній, не могъ склонить на свою сторону часть габійскихъ войскъ и отворить римлянамъ городскія ворота. Не зная что дѣлать, онъ отправилъ посла за совѣтомъ къ отцу. Послѣдній, недовѣряя послу, повелъ его въ садъ, сталъ сбивать въ присутствіи его самыя высокія маковыя головки и потомъ отпустилъ, не давъ никакого отвѣта. Понявъ намекъ своего отца, Секстъ приказалъ подъ различными предлогами умертвить или изгнать знатнѣйшихъ гражданъ Габіевъ и, съ помощью конфискованныхъ имуществъ ихъ, пріобрѣлъ въ народѣ значительное число приверженцевъ; завладѣвъ такимъ образомъ властью, онъ передалъ городъ въ руки римлянъ. Этотъ разсказъ слишкомъ ясно указываетъ на переходъ преданія отъ одного народа къ другому, и мы можемъ прямо указать на его источникъ. Онъ очевидно состоитъ изъ двухъ сказаній, часто повторяемыхъ въ сочиненіяхъ грековъ и занесенныхъ ими къ римлянамъ. Первое — подражаніе разсказу о томъ, какъ Зопиръ помогалъ персидскому царю, Дарію Гистаспу, овладѣть Вавилономъ (т. I стр. 138). Другое же заимствовано изъ разсказа Геродота о томъ, какъ владѣтель Коринѳа, Періандръ, просилъ однажды друга своего, милетскаго тиранна, указать ему лучшій способъ утвердить свое господство, и тотъ, вмѣсто отвѣта, вырвалъ въ присутствіи посланнаго самые высокіе колосья и бросилъ ихъ въ сторону.

Разсказы о другихъ войнахъ Тарквинія не такъ баснословны. Нѣтъ сомнѣнія, что своими завоеваніями онъ пріобрѣлъ много сокровищъ и значительно усилилъ могущество свое, хотя нельзя вѣрить свидѣтельствамъ преданія, что число его войскъ простиралось иногда до семидесяти тысячъ человѣкъ, и другимъ извѣстіямъ о его войнахъ. Разсказы о сооруженіи имъ громадныхъ зданій

и основаніи новыхъ городовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру всякаго деспотическаго воинственнаго царя. Колоніи его имѣли туже цѣль, къ которой всегда стремились римляне основывая впослѣдствіи города, и которую преданіе приписываетъ даже Ромулу. Они не составляли, подобно греческимъ колоніямъ, самостоятельныхъ государствъ, тотчасъ же отдѣлявшихся отъ метрополіи, а оставались въ постоянной зависимости отъ Рима. Учрежденіе ихъ имѣло двоякую цѣль: будучи укрѣпленными мѣстами въ странѣ подвластнаго народа, колоніи должны были обезпечивать за завоевателями обладаніе послѣднею, или же давать средства къ пропитанію излишку народонаселенія Рима.

Капитолійскій храмъ былъ самымъ величественнымъ изъ всѣхъ сооруженій Тарквинія. Онъ былъ заложенъ еще при Тарквиніи Старшемъ и, безъ сомнѣнія, постройка его продолжалась также въ царствованіе Сервія Туллія. Тарквиній Гордый окончилъ это громадное зданіе, заставляя работать надъ нимъ простой народъ и покрывая расходы на сооруженіе деньгами изъ своей богатой военной добычи. Положительно извѣстно, что храмъ этотъ и вообще всѣ сооруженія Тарквиніевъ Старшаго и Младшаго были въ этрускомъ стилѣ и что надъ возведеніемъ ихъ трудились этрускіе художники. Достовѣрно также, что Капитолійскій храмъ, состоявшій собственно изъ соединенія трехъ храмовъ, посвященныхъ Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ, былъ предназначенъ для греческаго богослуженія, распространившагося около того времени по всей Италіи. До насъ не дошло подробнаго описанія храма, а уцѣлѣвшіе остатки его слишкомъ незначительны.

Не смотря на все могущество и блескъ своего царствованія, Тарквиній не могъ удержаться на престолѣ и палъ жертвою общей ненависти своихъ подданныхъ. Введенный имъ военный деспотизмъ возбуждалъ ненависть не только патриціевъ, утратившихъ всякое вліяніе, и народа, утомленнаго принудительными работами и постоянными войнами, но и большей части его собственнаго семейства. До какой степени вооружилъ противъ себя всѣхъ Тарквиній деспо-

тизмомъ и угнетѣніями видно, между прочимъ, изъ того, что во всѣхъ сосѣднихъ городахъ, еще не покорившихся деспоту, находились римскіе изгнанники, и что послѣдній свой походъ онъ предпринялъ только для того, чтобы успокоить раздраженный обязательною работою народъ надеждою на добычу. Когда нужно было достигнуть какой нибудь деспотической цѣли, онъ не щадилъ даже своихъ родныхъ, умертвилъ своего зятя, чтобы завладѣть его богатствомъ, и велѣлъ убить одного изъ сыновей послѣдняго. Другой племянникъ его, Луцій Юній Брутъ, не только былъ оставленъ въ живыхъ, но и получилъ вскорѣ самое важное мѣсто въ войскѣ и при дворѣ своего дяди. Чтобы придать болѣе интересу разсказу о его жизни, преданіе воспользовалось однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Такъ какъ слово брутъ (brutus) имѣетъ равносильное значеніе съ словами глупый и слабоумный, то легенда повѣствуетъ, что племянникъ Тарквинія спасъ свою жизнь только представившись слабоумнымъ и заслуживъ названіе Брута. Разсказъ этотъ опровергается уже тѣмъ, что Тарквиній не могъ сдѣлать первымъ должностнымъ лицемъ въ своемъ царствѣ человѣка, котораго считалъ слабоумнымъ; Брутъ же, при паденіи Тарквинія, былъ главнымъ начальникомъ надъ всадниками и принадлежалъ къ тайному совѣту царя.

Изгнаніе Тарквинія и его сыновей было дѣломъ одной изъ боковыхъ линій царскаго дома. Племянникъ его, Брутъ, вступивъ въ заговоръ съ Луціемъ Тарквиніемъ Коллатиномъ, внучатнымъ племянникомъ Тарквинія Приска, родственниками его жены и нѣсколькими патриціями, выжидалъ только благопріятнаго случая для изгнанія деспота. Удобный случай представился наконецъ, когда царь со всѣмъ войскомъ отправился на продолжительное время въ походъ противъ сильно укрѣпленнаго города Ардеи и назначилъ Брута своимъ намѣстникомъ въ Римѣ. Ближайшимъ же поводомъ къ осуществленію переворота было гнусное насиліе, совершенное однимъ изъ сыновей Тарквинія, Секстомъ. Поступокъ его, хотя и разукрашенный преданіемъ, не покажется невѣроятнымъ

всякому, знакомому съ исторіей мелкихъ итальянскихъ властителей въ средніе вѣка, и помнящему всю силу страстей какого нибудь Цезаря Боржіо или Эццелино и множество примѣровъ дерзкой наглости подобныхъ людей. Однажды Секстъ, увлеченный порывомъ дикой страсти, тайно отправился изъ лагеря въ мѣстечко Коллацію, правителемъ или феодальнымъ владѣтелемъ котораго былъ его двоюродный братъ Луцій Тарквиній Коллатинъ, оставившій тамъ при отправленіи въ походъ красавицу жену свою Лукрецію. Секстъ изнасиловалъ Лукрецію, угрожая въ случаѣ отказа въ его требованіяхъ умертвить ее, и, положивъ подлѣ ея трупа задушеннаго раба, опозорить ея память въ глазахъ любимаго мужа и всего свѣта. Достигнувъ своей цѣли, онъ возвратился въ лагерь, а обезчещенная Лукреція сама лишила себя жизни. Позднѣйшіе писатели, смотря на исторію какъ на средство для оживленія патріотизма, создали изъ этого происшествія прекрасную драматическую картину. Они даже выставили гнусный поступокъ Секста Тарквинія, бывшій только простымъ поводомъ къ приведенію въ исполненіе заговора, настоящею причиною изгнанія Тарквиніевъ. По ихъ разсказамъ Лукреція призвала къ себѣ мужа и отца, которые явились въ сопровожденіи Брута, Публія Валерія Публиколы и другихъ знатныхъ римлянъ. Лукреція, одѣтая въ траурное платье, разсказавъ имъ о случившемся, объявила свое твердое намѣреніе не пережить стыда, потребовала отъ присутствующихъ мести и, нѣжно простившись съ отцомъ и мужемъ, пронзила себя кинжаломъ. Сбросивъ тогда личину слабоумія, Брутъ поднялъ окровавленный кинжалъ, и слѣдуя его возванію, всѣ поклялись надъ тѣломъ Лукреціи отмстить Сексту и не допустить, чтобы родъ Тарквиніевъ когда нибудь господствовалъ въ Римѣ. Они тотчасъ же перенесли тѣло Лукреціи на торговую площадь Коллаціи, и безъ труда уговорили жителей этого города отпасть отъ Тарквинія и присоединиться къ Бруту для освобожденія Рима. Послѣ того тѣло было перевезено въ Римъ. Услыхавъ объ этомъ происшествіи, собравшійся народъ едино-

гласно рѣшилъ изгнать Тарквиніевъ, уничтожить на всегда царское достоинство и установить республику. Царь, тотчасъ по полученіи извѣстія о происшедшемъ, поспѣшившій въ Римъ, нашелъ ворота города запертыми, а гражданъ вооруженными и готовыми отстаивать свою свободу. Возвратившись въ свой лагерь подъ Ардеей, онъ и здѣсь нашелъ войско въ открытомъ возстаніи. Въ то время какъ Тарквиній отправился въ Римъ, Брутъ поспѣшилъ въ лагеръ и склонилъ войско къ единодушному возстанію противъ деспота. Приблизившись къ лагерю, Тарквиній былъ встрѣченъ угрозами и удалился съ своимъ семействомъ въ этрускій городъ Церэ.

Такъ повѣствуетъ преданіе объ изгнаніи Тарквиніевъ. Достовѣрно одно, что Брутъ, Коллатинъ и Валерій Публикола стояли во главѣ заговора патриціевъ и руководили возстаніемъ. Извѣстно также, что двое изъ нихъ, Брутъ и Валерій, не смотря на всѣ затрудненія, успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе, тогда какъ Коллатинъ выказалъ при этомъ свою слабость и неспособность. Установленіе новой формы правленія и дальнѣйшія дѣйствія Брута и Валерія для защиты Рима и только что достигнутой свободы противъ Тарквинія и его союзниковъ находятся въ самой тѣсной связи съ событіями слѣдующей эпохи, и потому изложеніе ихъ относится къ слѣдующему отдѣлу римской исторіи. Изгнаніе Тарквинія, праздновавшееся римлянами съ особымъ торжествомъ ежегодно двадцать четвертаго февраля, произошло въ 509 г. до нашего лѣтосчисленія, и слѣдовательно господство въ Римѣ царей, по общепринятому времясчисленію, продолжалось двѣсти сорокъ пять лѣтъ.

IV. ИСТОРІЯ
ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

---

1. Первые два года республики.

Источниками, изъ которыхъ позднѣйшіе римляне почерпали исторію первыхъ временъ республики, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ, служили все еще изустныя преданія и героическія поэмы, переходившія изъ рода въ родъ. Разсказы объ этой эпохи представляютъ для исторіи такъ же мало твердыхъ основаній, какъ и преданія о времени царей, но они даютъ возможность уяснить себѣ какимъ образомъ Римъ достигъ высшей степени своего могущества и прослѣдить, въ главныхъ чертахъ, постепенное развитіе его государственныхъ учрежденій.

Замѣчательное государственное устройство Рима, выработанное постепенно, какъ все великое, создаваемое самою природою, было достигнуто, подобно англійской конституціи, цѣною крови и борьбой. Начало республики было для Рима скорѣе шагомъ назадъ, чѣмъ впередъ. Изгнаніе царей было дѣломъ аристократической партіи, находившейся въ родствѣ съ боковою линіею царскаго дома. Она желала замѣнить существовавшую до тѣхъ поръ монархическую форму правленія исключительнымъ господствомъ аристократіи и отчасти возстановить старинное кастовое управленіе патриціевъ. Послѣдняя цѣль не могла осуществиться вполнѣ;

чтобы обезопасить себя отъ нападеній изгнанной царской фамиліи, римскіе патриціи должны были, подобно англійскимъ баронамъ, привлечь на свою сторону народъ и для того даровать плебеямъ извѣстныя права. Они предоставили народу только самое необходимое, такъ что измѣненія въ государственномъ управленіи касались собственно однихъ патриціевъ. Монархическое правленіе было превращено въ аристократическое, а наслѣдственная власть царя въ господство двухъ ежегодно избиравшихся правителей; выгоды, пріобрѣтенныя народомъ, ограничивались только возстановленіемъ народныхъ собраній по центуріямъ и тѣмъ, что вожди революціи, какъ и великіе предводители первой французской революціи, стараясь привязать народныя массы къ новой формѣ правленія, раздѣлили между ними имущество низвергнутой династіи. Все имущество семейства Тарквинія было конфисковано и раздѣлено между плебеями; только часть его, объявленная государственною собственностью, была посвящена богу Марсу и назначена мѣстомъ собраній римскаго народа, подъ именемъ Марсова Поля. Конечно, новое аристократическо-республиканское правленіе, по естественному ходу вещей, рано или поздно должно было имѣть послѣдствіемъ постепенное пріобрѣтеніе плебейскими семействами правъ аристократіи и превращеніе этой формы правленія въ чистую демократію.

Царская власть не была уничтожена, а только преобразована. Она была ввѣрена двумъ лицамъ, на годовой срокъ. Эти высшіе представители государства, избиравшіеся ежегодно въ собраніи центурій, имѣли почти всѣ знаки царскаго достоинства, и даже двѣнадцать общихъ ликторовъ. Правители эти назывались консулами, отъ слова consultare, такъ какъ консулы приглашали сенатъ приступать къ обсужденію и рѣшенію дѣлъ. Консулы пользовались такою же властью, какъ и прежніе цари, но, вслѣдствіе раздѣльности и непродолжительности своей власти, не могли быть опасными для свободы гражданъ. Съ другой стороны учрежденіе консульства представляло ту выгоду, что исполнительная

власть республики была гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то нибыло другомъ государствѣ того времени. Сенатъ, какъ и во времена царей, составлялъ высшее правительственное мѣсто; число его членовъ уже въ самомъ началѣ было увеличено до трехъсотъ назначеніемъ въ сенаторы нѣкоторыхъ всадниковъ плебейскаго происхожденія.

Первыми двумя консулами были Луцій Юній Брутъ и Луцій Тарквиній Коллатинъ. Послѣдній, принадлежа къ фамиліи Тарквиніевъ, возбудилъ подозрѣніе народа и по совѣту своего товарища вскорѣ добровольно оставилъ Римъ. На его мѣсто былъ избранъ Публій Валерій получившій впослѣдствіи за свои дѣйствія въ пользу плебеевъ, прозваніе Публиколы, т. е. друга народа. Весь этотъ разсказъ имѣетъ видъ интриги, помощью которой Брутъ, въ интересахъ плебеевъ, доставилъ Публію Валерію мѣсто консула. Вслѣдъ за избраніемъ Публія Валерія, въ Римѣ составился заговоръ. Часть знатныхъ гражданъ, болѣе приверженная къ строгой монархической формѣ правленія, чѣмъ къ новой республикѣ, поддерживала тайныя сношенія съ изгнаннымъ царемъ. Къ приверженцамъ царской власти принадлежало много молодыхъ людей знатнѣйшихъ римскихъ фамилій. Они составили заговоръ и въ числѣ заговорщиковъ находились оба сына Брута. Дѣйствія ихъ скоро обнаружились и всѣ участники были захвачены. Заговорщиковъ должны были судить консулы, которымъ предоставленъ былъ въ первыя времена республики уголовный судъ, впослѣдствіи предоставленный только народному собранію. Они осудили заговорщиковъ на смерть и тотчасъ велѣли приступить къ исполненію приговора. Позднѣйшіе ораторы и историки Рима, для оживленія патріотизма своихъ современниковъ, пользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что между участниками заговора находились сыновья одного изъ консуловъ, и представили картину казни въ самомъ разукрашенномъ видѣ. Знатнѣйшіе юноши — такъ говорится въ позднѣйшихъ римскихъ сочиненіяхъ — были казнены предъ лицомъ консуловъ, но ничто

такъ не поразило присутствовавшихъ, какъ видъ обоихъ сыновей, умерщвленныхъ въ глазахъ отца и по его приказанію. Брутъ, какъ истинный патріотъ, нисколько не колеблясь, велѣлъ привести въ исполненіе приговоръ и спокойно смотрѣлъ на лившуюся кровь своихъ сыновей.

Послѣ неудачи сдѣланнаго въ его пользу заговора, царь Тарквиній старался возвратить утраченную власть помощью внѣшнихъ союзовъ, и своимъ вліяніемъ побудилъ города Веіи и Тарквиніи поддерживать его войскомъ. Эта война подала поводъ къ сказаніямъ, схожимъ съ легендами о мессенскихъ войнахъ (т. I стр. 296 и 298). Рѣшительное сраженіе было дано при лѣсѣ Арсіи, на границѣ Лаціума и Этруріи. Римскимъ войскомъ начальствовали Брутъ и Валерій, а непріятельскимъ царъ Тарквиній и его сынъ Арунсъ. При самомъ началѣ сраженія, послѣдній замѣтилъ Брута, главнаго виновника изгнанія Тарквиніевъ. По украшеннымъ театральными эффектами разсказамъ объ этой войнѣ, Арунсъ устремился на Брута, который съ такою же яростью бросился на встрѣчу ненавистнаго врага, и между ними произошелъ упорный поединокъ, кончившійся тѣмъ, что оба противника ранили другъ друга копьями и замертво упали съ коней. Побѣда осталась нерѣшенною; римляне побѣдили на правомъ, враги ихъ на лѣвомъ крылѣ. Но и эти войска союзниковъ обратились ночью въ бѣгство, когда какой то богъ закричалъ имъ изъ лѣса что римляне останутся побѣдителями.

Преданія объ этой войнѣ и о послѣдующихъ событіяхъ принадлежатъ къ числу сказаній, придававшихъ въ глазахъ позднѣйшихъ римлянъ особую привлекательность ихъ исторіи. По возвращеніи въ Римъ, Валерій вскорѣ навлекъ на себя подозрѣніе въ стремленіяхъ къ царской власти, потому что не тотчасъ же созвалъ народъ для избранія на мѣсто Брута новаго консула и выстроилъ себѣ на вершинѣ одного холма укрѣпленный дворецъ. Узнавъ объ этомъ, онъ велѣлъ снести начатое сооруженіе и выстроить новый дворецъ у подошвы холма, а потомъ разсѣ-

ялъ распространившійся слухъ о его намѣреніяхъ, созвавъ, къ общему удивленію, народное собраніе и предложивъ на немъ двѣ демократическія законодательныя мѣры, которыя были немедленно приняты. Эти постановленія, по обычаю римлянъ обозначать законы именемъ предложившаго ихъ, названныя законами Валерія, опредѣляли смерть каждому, кто будетъ стремиться къ достиженію престола или займетъ общественную должность помимо назначенія народа, и предоставляли каждому плебею, обвиненному въ уголовномъ преступленіи, важное право подавать апелляцію въ комиціи трибъ. Послѣ того Валерій созвалъ центуріи для избранія новаго консула на мѣсто Брута и, по окончаніи года, былъ вторично назначенъ консуломъ.

2. Война съ Порсенной и смерть Тарквинія.

Между тѣмъ изгнанный Тарквиній успѣлъ склонить къ войнѣ противъ Рима могущественнаго царя этрускаго города Клузіума Порсенну. Разсказы объ этой войнѣ совершенно баснословны; но, судя по всему, можно сказать съ достовѣрностью, что Клузіумъ и его глава были могущественнѣе всѣхъ прочихъ этрускихъ городовъ. Объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ не только преданія, но и дошедшія до насъ описанія сооруженій Порсенны. По всѣмъ вѣроятіямъ, тогдашнее могущество жителей Клузіума находилось въ связи съ вторженіемъ галловъ въ верхнюю Италію. Говорятъ, что во времена Тарквинія Старшаго толпы галловъ, перейдя Альпы, поселились въ верхней Италіи, часть которой и осталась съ тѣхъ поръ населенною этими племенами. Въ это время они уничтожили города и государства самой сѣверной изъ трехъ этрускихъ конфедерацій (т. III стр. 133), и мало по малу распространились до самой подошвы Апеннинъ. Бѣжавшіе этруски могли найти защиту и пристанище только у своихъ братій въ собственной Этруріи. Изъ всѣхъ городовъ этрускаго союза средней Италіи, Клузіумъ, по своему мѣстоположенію, представлялъ лучшее

убѣжище для изгнанниковъ. Вслѣдствіе того городъ этотъ сталъ гораздо населеннѣе и могущественнѣе, чѣмъ прежде, а съ другой стороны, чтобы быть въ состояніи противостоять вторженіямъ галловъ, онъ нуждался въ воинственномъ и энергическомъ правителѣ. Этимъ весьма просто объясняется могущество и значеніе какъ Клузіума, такъ и тогдашняго его повелителя Порсенны.

Порсенна выступилъ противъ Рима, овладѣлъ Яникуломъ, частью города по сю сторону Тибра, и оттѣснилъ римскія войска въ городъ. Римъ навѣрно погибнулъ бы, еслибъ не геройскій подвигъ трехъ юношей, изъ которыхъ наиболѣе прославился Горацій Коклесъ. Они стали у входа на мостъ черезъ Тибръ и удерживали непріятеля, преслѣдовавшаго бѣгущихъ римлянъ, до тѣхъ поръ, пока не была сломана часть моста. Прежде чѣмъ были сняты послѣднія бревна, двое юношей спаслись по нимъ; Горацій же удерживалъ непріятеля еще нѣкоторое время, и за тѣмъ, бросившись въ рѣку, счастливо достигъ берега, не смотря на градъ стрѣлъ, которымъ его осыпали враги. Хотя городъ и былъ спасенъ геройствомъ Горація Коклеса, но Порсенна, обложивъ его со всѣхъ сторонъ, отрѣзалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы изнурить римлянъ голодомъ. Вскорѣ въ Римѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ продовольствіи, но всѣ усилія осажденныхъ были безуспѣшны вслѣдствіе перевѣса непріятельскихъ силъ. Одинъ молодой человѣкъ, Кай Муцій, по прозванію Сцевола, т. е. лѣвша, рѣшился геройскимъ подвигомъ спасти родной городъ. Съ дозволенія консуловъ и сената онъ отправился переодѣтый въ непріятельскій лагерь, съ намѣреніемъ убить Порсенну. Неузнанный никѣмъ, онъ вошелъ въ царскую палатку, гдѣ Порсенна занимался тогда съ своимъ секретаремъ, но, къ несчастью, не зная царя, закололъ его собесѣдника, котораго по лучшему платью принялъ за Порсенну. Схваченнный, Муцій сохранилъ столько присутствія духа, что, когда Порсенна угрожалъ ему смертью на кострѣ, тотчасъ же самъ положилъ правую свою руку на близь стоявшую жаровню и сжегъ ее, чтобы показать непріятелю свое презрѣніе къ

смерти. Удивленный Порсенна даровалъ ему свободу, а Сцевола, какъ бы въ благодарность за это, объявилъ ему, что кромѣ его еще триста молодыхъ римлянъ сговорились сдѣлать тоже, что не удалось ему. Это такъ устрашило Порсенну, что онъ предложилъ римлянамъ начать переговоры и вскорѣ за тѣмъ заключилъ съ ними миръ. Мирныя условія, предписанныя Порсенной, были очень тягостны. Римляне обязывались уступить ему часть своихъ владѣній, выдать все оружіе, признать царя своимъ повелителемъ, и дать ему въ заложники десять юношей и столько же дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. Порсенна же изъ одного великодушія отказался поддерживать Тарквинія, за котораго предпринялъ весь походъ. Такой образъ дѣйствій долженъ казаться непонятнымъ и необъяснимымъ, но не слѣдуетъ забывать, что разсказы объ этой эпохѣ составляютъ не достовѣрную исторію, а только поэтическія сказанія народа. Въ заключеніе описанія этой войны преданіе представляетъ намъ еще третій примѣръ римскаго мужества и патріотизма. Десять дѣвъ, находившихся заложницами у Порсенны, бѣжали отъ него подъ предводительствомъ Клеліи, переплыли Тибръ и счастливо достигли роднаго города. Но въ этомъ случаѣ сенатъ и консулы строгимъ исполненіемъ условій договора также показали примѣръ благородства римлянъ и выдали бѣглянокъ Порсеннѣ, который однакожъ, изъ уваженія къ ихъ геройству, даровалъ имъ свободу.

Несчастная война, вслѣдъ затѣмъ предпринятая Порсенной противъ латинскаго города Ариціи, лишила его всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ войнѣ съ Римомъ, и уничтожила преобладаніе Клузіума. Напротивъ того, римляне пріобрѣли въ это время значительное число людей способныхъ носить оружіе; многіе этруски, спасшіеся послѣ пораженія Порсенны при Ариціи, искали убѣжища въ Римѣ и тогда же прибылъ въ Римъ съ пятью тысячами своихъ кліентовъ одинъ изъ знатнѣйшихъ сабинскихъ патриціевъ, Аттій Клавзъ, поссорившійся со своими соотечественниками. Получивъ здѣсь гражданство со всѣми правами

патриція, онъ перемѣнилъ свое имя на Аппія Клавдія и сдѣлался родоначальникомъ знаменитаго рода, игравшаго важную роль въ римской исторіи.

Оставленный Порсенною, Тарквиній обратился къ латинскому городу Тускулуму, которымъ правилъ зять его, Октавій Мамилій, и получилъ помощь не только отъ тускуланцевъ, но и отъ всѣхъ прочихъ государствъ латинскаго союза. Судя по всѣмъ разсказамъ о войнѣ римлянъ съ латинами, послѣдніе не столько заботились о возвращеніи изгнаннаго царя въ Римъ, сколько оспоривали у этого города преобладаніе его въ латинскомъ союзѣ. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ другихъ стычекъ, споръ былъ рѣшенъ сраженіемъ при озерѣ Региллѣ (496 до р. Х.): римляне остались побѣдителями, и чрезъ нѣсколько лѣтъ заключили миръ, по которому возстановлено было равенство между латинами и римлянами. Обѣ стороны поклялись на вѣчныя времена никогда не вести между собою войнъ и не пропускать чрезъ свои владѣнія враговъ, положили вести общія войны подъ предводительствомъ то одной, то другой стороны, дѣлить добычу на равныя части, и предоставлять взысканіе долговъ судебнымъ учрежденіямъ того мѣста, гдѣ живетъ должникъ. Царь Тарквиній, оставленный латинами, удалился въ греческую колонію Кумы, въ Кампаніи, гдѣ вскорѣ за тѣмъ и умеръ.

3. Внутренняя исторія Рима, отъ учрежденія республики до назначенія народныхъ трибуновъ.

Внутреннія волненія, подъ вліяніемъ которыхъ, среди упорной борьбы, выработалось мало по малу все устройство римскаго государства, начинаютъ обнаруживаться уже въ первые годы республики. Впрочемъ въ началѣ споръ между патриціями и плебеями не касался самаго устройства государства, а только примѣненія законодательства, въ особенности же законовъ о долгахъ. Во время первыхъ безпорядковъ сенатъ удачно избѣжалъ опасности, назначивъ диктатора. Происхожденіе диктатуры чисто латинское. У латиновъ,

какъ и у этрусковъ, всякій разъ, когда при затруднительныхъ обстоятельствахъ чувствовалось необходимость царской власти, изъ среды аристократіи избирался на болѣе или менѣе продолжительное время правитель государства. Избранный такимъ образомъ царь назывался у латиновъ диктаторомъ. Въ первые годы республики Римъ находился иногда въ такомъ положеніи, и тогда избирался облеченный царскою властью правитель государства, тоже носившій названіе диктатора, но не имѣвшій права удерживать свою власть болѣе полугода. Въ греческихъ республикахъ случалось также нѣчто подобное и избранный на время царь носилъ тамъ названіе эсимнета. Такимъ эсимнетомъ былъ Питтакъ Митиленскій (т. I стр. 232). Въ Римѣ диктаторъ назначался сначала сенатомъ, а впослѣдствіи консулами, и обыкновенно изъ консуларовъ, т. е. изъ лицъ, бывшихъ уже консулами. Передъ диктаторомъ, въ знакъ его достоинства и власти, шли двадцать четыре ликтора. За нимъ, по степени власти, слѣдовалъ magister equitum, т. е. начальникъ всадниковъ, какъ въ Греціи, въ Этолійскомъ союзѣ (т. III, стр. 68). Въ началѣ онъ избирался сенатомъ, а впослѣдствіи народомъ или самимъ диктаторомъ; извѣстно, что онъ не былъ только главнымъ начальникомъ всадниковъ, но въ чемъ именно заключались его обязанности, мы не знаемъ.

Первый диктаторъ, Титъ Ларцій, былъ избранъ, спустя почти десять лѣтъ послѣ изгнанія Тарквинія, когда масса плебеевъ, обремененная долгами, отказалась итти на войну противъ соединившихся съ Тарквиніемъ латиновъ. Страхъ предъ неограниченною властью диктатора тотчасъ же смирилъ непокорный духъ плебеевъ и войско безъ всякаго сопротивленія отправилось въ походъ. Но этимъ зло не было уничтожено, вскорѣ послѣдовалъ новый взрывъ неудовольствія народа и это повторялось нѣсколько разъ. Причина зла заключалась въ томъ, что огромныя богатства патриціевъ, не смотря на войны, продолжали постоянно увеличиваться, благодаря тому, что за нихъ трудились

дома кліенты, и что сами патриціи, присвоивъ себѣ исключительное право пользованія принадлежавшими государству землями, привыкли наконецъ смотрѣть на нихъ какъ на свою собственность. Для нихъ и ихъ кліентовъ военная служба была, какъ во времена рыцарства для христіанскаго дворянства и его вассаловъ, пріятнымъ препровожденіемъ времени, забавою, соотвѣтствовавшей еще грубой энергіи господствовавшаго класса. Плебеи находились совершенно въ другомъ положеніи. Находясь на войнѣ, они теряли время, необходимое для обработки своихъ полей, и въ продолженіе военныхъ дѣйствій лишались необходимаго для своего содержанія дохода. Военная служба исполнялась безплатно, и потому плебеи должны были въ одно и тоже время проживать свое достояніе и продолжать вносить поземельную подать. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было обремененіе бѣдныхъ плебеевъ долгами, что было особенно тягостно, въ то время, когда Римъ и его небольшой округъ не имѣли ни торговли, ни рудниковъ, и, при недостаткѣ благородныхъ металловъ, всякій обѣднѣвшій житель могъ пріобрѣтать звонкую монету только подъ самыми тяжелыми условіями. Проценты составляли тогда по крайней мѣрѣ двѣнадцать со ста, въ первыя времена надо было платить даже проценты на проценты. Хуже всего было то, что законы о долгахъ отличались строгостью и приводились въ исполненіе съ чрезвычайною суровостью, потому что судьи принадлежали обыкновенно къ семействамъ заимодавцевъ. Должникъ, не имѣвшій средствъ уплатить долга, отвѣчалъ не только всѣмъ своимъ имуществомъ, но и своею личностью, или другими словами, заимодавецъ овладѣвалъ, въ видѣ залога, имуществомъ должника и имъ самимъ, приводилъ его въ оковахъ въ свой домъ, и принуждалъ отбывать барщину, пуская по міру его семейство. Такой гражданинъ, терявшій на время личную свободу, назывался въ Римѣ nexus (связанный). До уплаты долга заимодавцу онъ былъ его рабомъ, но въ тоже время сохранялъ всѣ гражданскія права. Если долгъ не могъ быть уплаченъ работою, должника по судебному приговору объявляли дѣйствитель-

нымъ рабомъ (addictus), при чемъ онъ терялъ часть своихъ гражданскихъ правъ.

Вслѣдствіе такихъ стѣснительныхъ общественныхъ отношеній и законовъ, большая часть домовъ патриціевъ сдѣлались настоящими долговыми тюрьмами, гдѣ томились въ цѣпяхъ множество плебеевъ, отданныхъ на произволъ своихъ кредиторовъ и изнуряемыхъ тяжелыми работами. Такое положеніе отъ времени до времени должно было приводить римскій народъ въ отчаяніе. Богатые плебеи и чужеземная аристократія, съ которыми патриціи обращались также, какъ венеціанская знать съ поземельнымъ дворянствомъ, пользовались недовольною и возмутившеюся толпою для пріобрѣтенія правъ, приносившихъ мало пользы послѣдней, но доставившихъ мало по малу богатымъ фамиліямъ, не принадлежавшимъ къ сословію патриціевъ, мѣсто наравнѣ съ коренною римскою аристократіею. Такимъ образомъ аристократическое устройство Рима становилось по немногу демократическимъ, и подлѣ аристократіи, происшедшей изъ прежней касты патриціевъ, возникло новое дворянство, отнимавшее все болѣе и болѣе правъ у первой. Борьба эта придаетъ особенный характеръ внутренней исторіи Рима, въ первомъ вѣкѣ по изгнаніи царей. Но, для яснаго пониманія этой эпохи, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Римъ въ противоположность другимъ государствамъ того времени часто принималъ въ себя родственныя племена и совершенно сливалъ ихъ обычаи со своими. Послѣ всякаго завоеванія только третья часть покоренныхъ земель оставлялась въ пользованіи туземцевъ, изъ остальныхъ двухъ третей половина поступала въ составъ государственныхъ имуществъ, другая же отдавалась римскимъ гражданамъ, которые отправлялись туда въ качествѣ переселенцевъ и оставались римскими гражданами, не смотря на перемѣну мѣста жительства. Одно это обстоятельство должно было способствовать проникновенію въ римскій бытъ иностранныхъ элементовъ. Переселеніе во времена царей въ Римъ или его окрестности цѣлыхъ городскихъ общинъ и племенъ

способствовало не только усвоенію римлянами чужихъ нравовъ, но и увеличенію сословія плебеевъ и сліянію ихъ съ иностранными фамиліями, доставившими ему большую самостоятельность и умножившими его силы. Вѣроятно въ этомъ и заключалась одна изъ главнѣйшихъ причинъ постепеннаго измѣненія государственнаго устройства, такъ какъ бѣдные плебеи, давшіе къ тому первый поводъ, едва ли бы могли сами по себѣ привести въ исполненіе начатое ими дѣло.

По окончаніи латинской войны, народъ не получилъ ожидаемыхъ облегченій въ законахъ о долгахъ. Должниковъ преслѣдовали съ прежнею строгостью, а лишь только обнаруживалось неудовольствіе обманутаго народа, его тотчасъ же старались занять и отвлечь новыми войнами. Какъ скоро оканчивалась одна изъ этихъ войнъ съ вольсками, сабинами и аурунками, безпорядки снова возобновлялись, становясь постоянно опаснѣе; правительство встрѣчало все болѣе и болѣе сопротивленія и волненіе достигло до высшей степени, когда (495 до р. Х.) одинъ изъ консуловъ, Аппій Клавдій, противопоставилъ недовольству народа свойственную его роду гордую наглость, а другой, Публій Сервилій, горячо принялъ сторону угнетенныхъ. Дѣло дошло до возстанія въ городѣ, которое прекратилось только тогда, когда сенатъ отправилъ консула Сервилія на войну противъ вольсковъ и облегчилъ на время похода положеніе должниковъ. Въ слѣдующемъ году народъ опять отказался отъ военной службы и сенатъ призналъ необходимымъ назначить диктаторомъ Марка Валерія, который успокоилъ народъ обѣщаніями. Возвратившись по окончаніи войны въ Римъ, Валерій не могъ ничего сдѣлать въ пользу плебеевъ, потому что патриціи не хотѣли ни въ чемъ уступить народу. Вслѣдствіе того произошло открытое возстаніе; плебеи, находившіеся въ войскѣ, не хотѣли возвращаться въ городъ, отдѣлились отъ патриціевъ, и рѣшились основать свою отдѣльную общину въ другомъ мѣстѣ. Избравъ предводителемъ Луція Сициния, они расположились въ трехъ тысячахъ шагахъ отъ города на возвышенности, назван-

ной впослѣдствіи священною горою (494 до р. X.), рѣшившись основать тамъ городъ и управляться своими собственными законами. Они учредили у себя шумный и имѣвшій военный характеръ родъ правленія, очень сходный съ устройствомъ, введеннымъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ во время крестьянской войны южно-германскими крестьянами, тюрингскими и мюнстерскими анабаптистами.

Для устраненія разрыва, патриціи согласились сдѣлать нѣкоторыя уступки. Преданіе говоритъ, что въ началѣ плебеи, убѣжденные нѣкоторыми умѣренными патриціями, согласились возвратиться въ Римъ, и передаетъ это событіе въ слѣдующемъ поучительномъ разсказѣ. Любимый народомъ патрицій, Мененій Агриппа, уговорилъ плебеевъ возвратиться, разсказавъ имъ басню о томъ, какъ однажды различныя части человѣческаго тѣла составили заговоръ противъ желудка за то, что тотъ съѣдалъ все одинъ, и какъ послѣдствіемъ того была смерть всего тѣла. Словомъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, заключенъ былъ договоръ, и плебеи покинули свой укрѣпленный лагерь на священной горѣ, тогда же посвященной ими Юпитеру и названной его именемъ. Что было постановлено касательно главнаго вопроса, т. е. долговъ, намъ неизвѣстно; вѣроятно прежніе законы о долгахъ были оставлены въ своей силѣ, а долговыя обязательства неимущихъ уничтожены и заключенные въ темницахъ должники освобождены. Гораздо важнѣе было то, что плебеи получили бо́льшее вліяніе на государственныя дѣла, пріобрѣвъ право защиты противъ злоупотребленій патриціевъ у особо избранныхъ изъ среды ихъ должностныхъ лицъ, называвшихся народными трибунами. Въ началѣ трибуновъ было только два, но впослѣдствіи число ихъ постепенно возрасло до десяти; они считались неприкосновенными, и всякій, кто поднималъ на нихъ руку, былъ осуждаемъ на изгнаніе. Обязанности ихъ заключались въ защитѣ передъ сенатомъ и консулами правъ своего сословія и отдѣльныхъ его членовъ; они присутствовали въ засѣданіяхъ сената, гдѣ хотя и не принимали участія ни въ совѣщаніяхъ, ни въ подачѣ голосовъ, но словомъ

вето (т. е. запрещаю) могли объявлять недѣйствительнымъ каждое рѣшеніе сената. Сверхъ того, они пользовались важнымъ правомъ собирать комиціи трибъ или такія народныя собранія, въ которыхъ подача голосовъ производилась поголовно, безъ всякихъ различій происхожденія и богатства, и гдѣ потому имѣла перевѣсъ масса народа. Наконецъ, народные трибуны могли запрещать призывъ плебеевъ на войну и сборъ податей на военныя издержки. Такъ какъ трибуны были неприкосновенными и имѣли право брать каждаго подъ свое покровительство, то сенатъ и консулы не могли, какъ прежде, подавлять возбужденное самими трибунами сопротивленіе плебеевъ, арестуя и наказывая его виновниковъ.

Настоящая сила этихъ должностныхъ лицъ развилась только мало по малу; значеніе ихъ было такъ велико, что со времени ихъ учрежденія почти вся внутренняя исторія Рима вращается около народныхъ трибуновъ. Это будетъ для насъ понятнѣе, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія существенныя обстоятельства. Въ Римѣ и во всѣхъ древнѣйшихъ итальянскихъ государствахъ, какъ и у древнихъ грековъ, самодержавіе народа лежало въ основаніи всего государственнаго устройства, и потому переходъ отъ монархіи къ республикѣ у обоихъ народовъ могъ совершиться безъ сильнаго переворота. Но самодержавіе народа въ Римѣ, какъ и въ Спартѣ, было только кажущимся. Во времена царей законодательная власть находилась въ рукахъ выборныхъ изъ патриціевъ, считавшихъ народомъ только свое сословіе. Къ концу этого періода законодательная власть, окончательные приговоры въ судебныхъ дѣлахъ и избраніе въ высшія должности перешли въ руки народа, но пользованіе этимъ правомъ было значительно ограничено тѣмъ, что голоса подавались по куріямъ или центуріямъ. Въ куріальныхъ комиціяхъ всѣ вопросы рѣшались патриціями и ихъ кліентами, а въ центуріальныхъ большинство голосовъ принадлежало богатству. Кромѣ того, оба собранія не могли созываться безъ согласія сената, собирались подъ предсѣдательствомъ одного изъ сенаторовъ и находились во власти авгура, т. е. жреца изъ патриціевъ,

предсказывавшаго по священнымъ знакамъ благоволеніе или гнѣвъ боговъ. Большинство плебеевъ, привыкшее къ военной дисциплинѣ, не имѣло почти никакого вліянія на государственное управленіе и законодательство.

Этотъ порядокъ измѣнился, когда плебеи въ лицѣ народныхъ трибуновъ пріобрѣли себѣ такихъ же представителей, какихъ имѣли патриціи въ консулахъ. Комиціи трибъ, созывавшіяся этими плебейскими властями, вначалѣ занимались только плебейскими дѣлами, но потомъ все болѣе и болѣе расширяли свою власть; долгое время онѣ состояли изъ однихъ плебеевъ и, при учрежденіи трибуната, были совершенно независимы уже по одному тому, что могли происходить безъ всякихъ предзнаменованій, т. е. безъ вліянія жрецовъ—патриціевъ.

Въ одно время съ трибунатомъ или вскорѣ были учреждены еще другія плебейскія власти, такъ называемые плебейскіе эдилы. Они завѣдывали полиціею, наблюдали за торговлею и были помощниками трибуновъ.

4. Коріоланъ.

Введеніе трибуната было первымъ шагомъ къ уничтоженію старинныхъ преимуществъ аристократіи, а плебеи пріобрѣли съ этой важной перемѣною политическое значеніе. Знатнѣйшія изъ плебейскихъ фамилій, не имѣвшія права на консульство и засѣданіе въ сенатѣ, стали теперь открыто бороться за достиженіе этихъ правъ и, противопоставляя силѣ патриціевъ вліяніе народныхъ трибуновъ, одерживали одну побѣду за другою. Старинная аристократія мало по малу теряла всю свою власть. Уже черезъ три года по учрежденіи трибуната плебеи присвоили себѣ право верховнаго суда (491 до р. Х.), когда молодой патрицій, Кай-Марцій Коріоланъ, вздумалъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ народа и отнять у него всѣ вновь пріобрѣтенныя имъ права.

Неудачная попытка Коріолана, кромѣ своего вліянія на обна-

руженіе первыхъ симптомовъ борьбы, начавшейся по учрежденіи трибуната между народомъ и привилегированнымъ сословіемъ, получила еще большее историческое значеніе, благодаря тому, что потомство, а въ особенности позднѣйшіе историки и ораторы, всегда пользовались этимъ событіемъ для возбужденія патріотизма народа и нагляднаго представленія картины добродѣтели ихъ предковъ. Поступки Коріолана и образъ дѣйствій народа и патриціевъ въ отношеніи къ нему выставлялись ими какъ блистательный примѣръ настроенія духа и мужества древнихъ римлянъ. Разсказъ о Коріоланѣ, гдѣ во всемъ блескѣ является твердость и энергія, съ которыми обѣ партіи римскаго народа отстаивали или требовали свои права, сдѣлался для потомковъ какъ бы завѣтомъ предковъ, переходившимъ отъ отца къ дѣтямъ, изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія въ поколѣніе.

Кай Марцій отличился въ войнѣ съ вольсками, покоривъ ихъ главный городъ Коріолы, за что и получилъ прозваніе Коріолана. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ во главѣ партіи энергическихъ патриціевъ, съ цѣлью произвести реакцію и уничтожить трибунатъ. По его совѣту заговорщики воспользовались господствовавшимъ въ то время голодомъ и дороговизной; и когда, по распоряженію сената, привезенъ былъ въ Римъ хлѣбъ, Коріоланъ употребилъ всѣ усилія, чтобы доставленные запасы достались только патриціямъ и ихъ кліентамъ. Народъ, трибунами котораго были тогда люди рѣшительнаго характера, взволновался, а трибуны потребовали Коріолана въ комицію трибъ для отвѣта. Онъ отказался повиноваться этому приказанію, дерзко насмѣхаясь надъ угрозами трибуновъ; но, когда волненіе народа достигло крайнихъ предѣловъ, собравшуюся надъ его головой бурю уже нельзя было отвратить. Тщетно его приверженцы представляли въ комицію трибъ просьбы и напоминали о его великихъ заслугахъ; большинство народа признало Коріолана виновнымъ и осудило на изгнаніе.

Коріоланъ отправился въ Анціумъ къ своему другу, царю вольсковъ, предложилъ ему свои услуги противъ римлянъ, и былъ при-

натъ съ распростертыми объятіями. Вторая часть разсказа о Коріоланѣ, имѣя также характеръ поучительнаго разсказа для римскаго юношества, явно должна была служить другой цѣли. Какъ въ первой были драматически изображены взаимныя отношенія римскаго народа и сената, такъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ о союзѣ Коріолана съ вольсками самымъ трогательнымъ образомъ представляются римскому юношеству обязанности человѣка и гражданина. По этимъ разсказамъ Коріоланъ выступилъ съ вольсками въ походъ, покорилъ всѣ подвластные Риму латинскіе города и осадилъ самый Римъ. Расположившись лагеремъ у воротъ города, онъ сталъ опустошать поля плебеевъ, оставляя нетронутыми помѣстья патриціевъ. Въ Римѣ господствовали неурядица и взаимное недовѣріе. Сенатъ не могъ собрать войска противъ Коріолана, потому что плебеи думали, что, выведенные изъ города, они будутъ преданы своему злѣйшему врагу. Когда уже не оставалось, повидимому, никакихъ средствъ для спасенія города, обѣ партіи рѣшились прибѣгнуть къ милосердію Коріолана. Приговоръ объ его изгнаніи былъ отмѣненъ куріями и трибами, и нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ города отправились въ непріятельскій лагерь, чтобы отъ имени народа склонить его къ примиренію и убѣдить удалиться отъ Рима. Коріоланъ соглашался на это только подъ условіемъ, чтобы вольскамъ были отданы всѣ отнятые у нихъ города, а всѣмъ изгнаннымъ изъ Рима гражданамъ было дозволено возвратиться въ городъ; для принятія предложенныхъ имъ условій онъ далъ римлянамъ тридцати-трехъ дневный срокъ. Срокъ прошелъ, а римляне все еще не могли согласиться между собою принять или отвергнуть эти условія. Новое посольство, состоявшее изъ десяти почтеннѣйшихъ сенаторовъ, возвратилось въ городъ съ позоромъ, отвергнутое Коріоланомъ. Онъ оставался непоколебимъ и на другой день, когда къ нему явились изъ города жрецы, думавшіе подѣйствовать на него именемъ религіи.

Казалось свобода и могущество Рима были навсегда потеряны,

какъ вдругъ спасительницами города явились женщины. Мать Коріолана, Ветурія, его жена Волумнія и дѣти, въ сопровожденіи благороднѣйшихъ матронъ, отправились въ непріятельскій лагерь. Коріоланъ, отказавшій просьбамъ пословъ своего отечества и мольбамъ жрецовъ, не устоялъ, когда мать, жена и дѣти бросились передъ нимъ на колѣни, убѣждая всѣмъ дорогимъ его сердцу пощадить своихъ согражданъ. „Мать! воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ, возьми же вмѣсто меня свое отечество; Римъ спасенъ, но сынъ твой погибъ.“ На другой день Коріоланъ снялъ осаду и заключилъ миръ, смягчивъ нѣсколько первоначальныя условія, но вольски все-таки удержали часть завоеванныхъ ими земель. О дальнѣйшей судьбѣ Коріолана, сохранились два различныхъ преданія, сходныхъ однако въ томъ, что оба они, какъ и весь разсказъ о Коріоланѣ, заключаютъ въ себѣ политическо-моральное нравоученіе и представляютъ Коріолана наказаннымъ за его проступокъ. По одному преданію, онъ, глубоко уважаемый вольсками, дожилъ среди нихъ до глубокой старости, не переставая однако жаловаться на то, какъ тяжело старцу жить на чужбинѣ. По другому же разсказу, Коріоланъ, уступивъ мольбамъ женщинъ и пожертвовавъ выгодами своихъ новыхъ согражданъ Риму, былъ убитъ раздраженными вольсками, или, подобно Ѳемистоклу (т. I. стр. 403), колеблясь между своими чувствами и обязанностью, съ отчаянія умертвилъ себя.

5. Внутренняя исторія Рима отъ смерти Коріолана до учрежденія децемвирата.

Во время смутъ, возбужденныхъ Коріоланомъ, патриціи, не смотря на всѣ свои усилія, должны были уступить народу право верховнаго суда, но эта неудача была для нихъ только предвѣстницею многихъ другихъ. Между обоими сословіями вспыхнули распри, имѣвшія слѣдствіемъ еще большее расширеніе правъ плебеевъ. Плебеи пожелали имѣть свою часть при раздѣлѣ завое-

ванныхъ земель, треть которыхъ отбиралась обыкновенно у покоренныхъ жителей и обращалась въ собственность государства, но въ дѣйствительности раздѣлялась между патриціями, такъ какъ лица, которымъ поручалась раздача земель въ пользованіе, принадлежали къ тому же сословію, и потому фамиліи патриціевъ могли легко присвоивать себѣ эти земли или пользованіе ими. Они прямо брали эти земли въ собственность, или платили за нихъ государству ничтожную десятину, стараясь при этомъ такъ перепутать свои собственныя помѣстья съ арендными землями, что ихъ почти нельзя было отличить другъ отъ друга, а государство получало самый ничтожный доходъ отъ своихъ поземельныхъ имуществъ. Такимъ образомъ римскій народъ былъ совершенно устраненъ отъ пользованія плодами своихъ войнъ, неся на себѣ только тягости послѣднихъ. Неудивительно, что плебеи, пріобрѣтя съ учрежденіемъ трибуната новую силу, поспѣшили прежде всего уничтожить эту несправедливость. Первый вопросъ объ этомъ предметѣ былъ однако поднятъ не трибунами, а однимъ изъ патриціевъ.

Патрицій Спурій Кассій Висцеллинъ, уже два раза бывшій консуломъ, во время втораго своего консульства заключилъ съ латинами миръ, о которомъ было говорено выше. Онъ еще прежде заслужилъ любовь плебеевъ своими, хотя и неудачными, попытками возстановить во время голода прежнія цѣны на хлѣбъ. Въ свое третье консульство (486 до р. X.) Кассій предложилъ первый аграрный или поземельный законъ, о дарованіи плебеямъ участія въ пользованіи государственными землями. Предложеніе это было возобновляемо потомъ много разъ, и происходившія отъ того каждый разъ волненія составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ римской исторіи до самаго паденія республики. Сенатъ, раздраженный поступкомъ консула, измѣнявшаго интересамъ своего сословія, рѣшился погубить его помощью самаго народа, и лишилъ его расположенія массъ, обѣщавъ дать плебеямъ часть государственныхъ земель, и обвинивъ Кассія въ намѣреніи воспользоваться любовью народа для достиже-

нія царской власти. Плебеи были тѣмъ легче обмануты, что честолюбіе Кассія было всѣмъ извѣстно; не довѣряя консулу, они ничего не сдѣлали для его спасенія, когда, обвиненный въ измѣнѣ, онъ былъ призванъ къ суду куріальныхъ комицій. Преданный въ руки своихъ враговъ, Кассій былъ приговоренъ къ смерти и подвергся позорной казни. Домъ его былъ разрушенъ среди проклятій народа.

Послѣ печальнаго конца предпріятія Кассія, патриціи, въ особенности же фамилія Фабіевъ, съумѣли помощью террора, интригъ и войнъ устранить новыя притязанія плебеевъ. Наконецъ (въ 473 до р. Х.) трибунъ Генуцій потребовалъ, чтобы всѣ консулы, носившіе это званіе со времени Кассія, были призваны къ суду народа за неисполненіе даннаго тогда сенатомъ обѣщанія. Первыми были призваны консулы предшествовавшаго года. Патриціи старались всѣми силами воспрепятствовать этому, но старанія ихъ остались безуспѣшными и консулы были бы навѣрное осуждены, еслибъ трибунъ Генуцій не былъ умерщвленъ въ ночь, наканунѣ суда, и народъ не разошелся по домамъ, пораженный вѣстью о его смерти. Впрочемъ смерть защитника правъ народа только подлила масло въ огонь, отсрочивъ развязку на непродолжительный срокъ; за то, когда вопросъ этотъ возникъ снова, плебеи, какъ и слѣдовало ожидать, стали дѣйствовать гораздо настойчивѣе.

Въ самый годъ смерти Генуція явился на мѣсто его новый защитникъ народа, такой же непримиримый врагъ патриціевъ, но дѣйствовавшій счастливѣе своего предшественника. Публилій Волеронъ, въ предшествовавшихъ войнахъ начальствовавшій отрядомъ, во время приготовленій къ новому походу, былъ разжалованъ консулами въ простые воины. Онъ отказался повиноваться, и, когда консулы приказали ликторамъ арестовать его, призвалъ на помощь своихъ согражданъ, и вмѣстѣ съ ними не только обратилъ въ бѣгство ликторовъ, но принудилъ самихъ консуловъ удалиться съ форума и искать спасенія въ зданіи сената. Нѣкоторые изъ патриціевъ, лучше другихъ понимавшіе опасность своего

положенія, боялись употребить противъ него силу, и уговорили сенатъ необращать вниманія на это дѣло. Черезъ нѣсколько недѣль Волеронъ былъ избранъ въ народные трибуны на слѣдующій годъ.

Въ своей новой должности, въ которую онъ былъ избранъ и на другой годъ, Волеронъ не предъявлялъ никакихъ особенныхъ требованій, даже невозобновлялъ предложеній Генуція, а, по примѣру трибуновъ прежнихъ лѣтъ, хлопоталъ только о расширеніи правъ плебеевъ вообще. Такъ онъ предложилъ, чтобы трибуны и эдилы избирались не въ центуріальныхъ комиціяхъ, а въ комиціяхъ трибъ, т. е. чтобы на избраніе этихъ представителей плебеевъ не имѣли вліянія богатые и аристократы. Трибуны и эдилы, подобно прочимъ должностнымъ лицамъ, избирались до того времени въ центуріальныхъ собраніяхъ и утверждались потомъ куріями патриціевъ. Въ первыхъ господствовали богатые, въ послѣднихъ аристократы. Обѣ комиціи находились подъ предсѣдательствомъ консуловъ, и могли собираться только по призыву сената, а засѣданія ихъ были открываемы только по совершеніи гаданій (ауспицій), т. е. религіозныхъ обрядовъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ сената. Въ комиціяхъ же трибъ всѣ дѣла рѣшали одни плебеи, не испрашивая ни воли боговъ, ни позволенія сената, ни утвержденія курій. Не останавливаясь на этомъ, Волеронъ потребовалъ, чтобы комиціямъ трибъ было даровано право обсуждать и рѣшать не только дѣла однихъ плебеевъ, но и всѣ вопросы, касавшіеся цѣлаго государства.

Не смотря на сопротивленіе сената, предложеніе Волерона было принято, и съ того времени начинается цѣлый рядъ преобразованій, мало по малу совершенно измѣнившихъ аристократическое устройство Рима. Плебеи, представители и вожди которыхъ были поставлены законами Волерона въ полную независимость отъ аристократіи, могли обсуждать теперь всѣ государственные вопросы. Хотя ихъ рѣшенія, или какъ они назывались у римлянъ плебисциты, не имѣли силы законовъ безъ утвержденія сената и курій, но уже одно право разсуждать о государ-

ственныхъ дѣлахъ имѣло для плебеевъ важное значеніе. Путь былъ открытъ и трибуны пріобрѣли такую обширную власть, что патриціи не могли болѣе расчитывать на сохраненіе своихъ преимуществъ.

Завоевавъ такимъ образомъ поприще для своей политической дѣятельности, и проложивъ себѣ дорогу къ важнѣйшимъ преимуществамъ, плебеи прежде всего озаботились уничтоженіемъ остатковъ старинныхъ кастовыхъ разграниченій, препятсвовавшихъ развитію римскаго общества. Такъ, напримѣръ, до тѣхъ поръ законы и формы судопроизводства составляли тайну патриціевъ, почерпавшихъ юридическія знанія изъ устныхъ преданій и таинственныхъ жреческихъ книгъ, неизвѣстныхъ народу. Эту тайну слѣдовало разоблачить и ограничить вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ обширную власть консуловъ, бывшихъ верховными судьми. Наконецъ, вмѣстѣ съ послѣдними остатками господства жрецовъ и кастовыхъ учрежденій, нужно было уничтожить и старинный законъ, запрещавшій браки между патриціями и плебеями. Понятно, что для достиженія всего этого надо было составить новый кодексъ или другими словами. нѣчто въ родѣ конституціи.

Первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ въ 462 г. до р. Х. трибуномъ Терентилломъ Арсою, предложеніе котораго было причиною волненій, потрясавшихъ государство впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Сначала патриціи успѣли задержать на время развязку, но на слѣдующій годъ всѣ трибуны возобновили свои требованія съ такой настойчивостью и энергіею, что объ отказѣ имъ уже нельзя было и думать (454 г). Изъ патриціевъ особенно ревностно противоборствовали стремленіямъ плебеевъ Луцій Цинциннатъ, образецъ честнаго, умѣреннаго и трудолюбиваго римскаго аристократа стараго покроя, и его сынъ Цезонъ Квинкцій. Подъ предводительствомъ ихъ патриціи испробовали противъ насилія трибуновъ всѣ средства, прибѣгнули къ помощи древняго оракула Рима, такъ называемымъ книгамъ Сивиллы, хранившихся въ Капитоліи, угрожали виновникамъ безпорядковъ

мнимымъ гнѣвомъ боговъ, и наконецъ затѣяли войну съ вольсками и эквами. Все было напрасно; трибуны потребовали, чтобы Цезонъ Квинкцій представилъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ комиціи трибъ. Ни просьбы его отца, ни его собственныя, ни мольбы патриціевъ не могли спасти Цезона, такъ что онъ счелъ за лучшее бѣжать изъ государства, не ожидая окончанія процесса. При самомъ началѣ процесса, чтобы не быть арестованнымъ, онъ представилъ за себя поручителей, которые послѣ его бѣгства принуждены были къ уплатѣ пени. Отецъ Цезона вознаградилъ ихъ за это, но самъ обѣднѣлъ до такой степени, что у него остался только небольшой клочекъ земли. Въ этомъ имѣніи онъ прожилъ очень долго въ совершенномъ удаленіи отъ дѣлъ, занимаясь по старинному римскому обычаю, вмѣстѣ съ своими кліентами, обработкою почвы; между тѣмъ сынъ его съ толпой подобныхъ себѣ изгнанниковъ произвелъ нападеніе на Римъ во время котораго былъ убитъ. Вскорѣ Цинциннатъ былъ оторванъ отъ своихъ сельскихъ занятій и призванъ снова въ Римъ, для занятія мѣста консула. Въ этой должности онъ тщетно напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы остановить бурю, угрожавшую владычеству патриціевъ. Тотъ же исходъ имѣли въ слѣдующемъ году и старанія его преемниковъ, потерпѣвшихъ кромѣ того пораженіе въ войнѣ съ эквами. Сенатъ прибѣгнулъ наконецъ къ диктатурѣ, и вручилъ это званіе старику Цинциннату, снова удалившемуся въ свое помѣстье. Преданіе рисуетъ по этому случаю поэтическую картину нравовъ древняго Рима; по словамъ легенды, послы сената, пришедшіе объявить Цинциннату объ его избраніи, нашли его въ полѣ, проводящаго борозду плугомъ. Безъ сомнѣнія, этому разсказу нельзя вполнѣ вѣрить, потому что трудно представить себѣ, чтобы человѣкъ, управлявшій государствомъ и руководившій всѣми дѣлами, самъ исполнялъ всѣ ничтожныя работы въ своемъ помѣстьѣ и обработывалъ поля своими руками. Цинциннатъ, какъ говоритъ преданіе, принялъ пословъ въ торжественной аудіенціи, перемѣнивъ свое рабочее платье на тогу или оффиціальный кос-

тюмъ римлянъ. Онъ тотчасъ согласился на сдѣланное ему предложеніе, сталъ какъ диктаторъ во главѣ войска, разбилъ эквовъ и чрезъ шестнадцать дней снова сложилъ съ себя диктаторское достоинство.

Постоянное сопротивленіе патриціевъ приносило имъ такъ мало пользы, что въ самый разгаръ борьбы съ трибунами, требовавшими новой конституціи (457 до р. Х.), они должны были согласиться на удвоеніе числа послѣднихъ, что не только еще болѣе обезпечивало защиту каждаго плебея, но и придало новую силу и значеніе всей коллегіи трибуновъ. Черезъ годъ были отданы плебеямъ государственныя земли на Авентинскомъ холмѣ, и въ то же время постановлено, что сенатъ долженъ принимать на обсужденіе плебисциты, при чемъ трибунамъ предоставлено право защищать ихъ. Наконецъ патриціи согласились на требованіе общаго для обоихъ сословій законодательства (454 до р. Х.), и послали въ Аѳины трехъ сенаторовъ для изученія тамошняго государственнаго устройства. По возвращеніи ихъ, черезъ два года, были изданы наконецъ и самые законы.

6. Децемвиратъ.

Составленіе новыхъ законовъ было возложено на коммиссію изъ десяти патриціевъ, названную децемвиратомъ (451 до р. Х.), которой вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено и управленіе государствомъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей, и всегда имѣло мѣсто при составленіи законовъ въ греческихъ государствахъ. Для удовлетворительнаго исполненія своего порученія, децемвиры конечно должны были быть поставлены въ полную независимость отъ вліянія всякихъ властей; вслѣдствіе того до окончанія своихъ занятій они были облечены верховною властью и даже должность трибуновъ была уничтожена на это время. Предоставленная децемвирамъ власть была раздѣлена между ними такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ пользовался ею по очереди въ продолженіе десяти дней, и имѣлъ при себѣ, въ видѣ внѣшняго ея знака, двѣнадцать

ликторовъ. Трибуны требовали сначала, чтобы половина децемвировъ была избрана изъ плебеевъ, но, послѣ непродолжительныхъ споровъ, право это было предоставлено однимъ патриціямъ.

Главною цѣлью и главнымъ результатомъ новаго законодательства было сліяніе обоихъ сословій римскаго народа, все еще продолжавшихъ существовать одно подлѣ другаго, какъ двѣ враждебныя касты. Это было достигнуто тѣмъ, что раздѣленіе гражданъ на трибы, по мѣсту ихъ жительства, прилагавшееся до того времени къ однимъ плебеямъ, было распространено и на патриціевъ. Трибы, число которыхъ мало по малу возрасло впослѣдствіи до тридцати пяти, со времени учрежденія децемвирата стали обнимать собою весь римскій народъ, какъ прежнее дѣленіе на центуріи. Вмѣсто центуріальныхъ комицій, законодательными собраніями сдѣлались вслѣдствіе законодательства децемвировъ комиціи трибъ. Въ послѣднихъ голоса собирались поголовно, безъ всякихъ священныхъ предзнаменованій и безъ всякаго отношенія къ богатству и происхожденію; такимъ образомъ этою реформою римское государство было окончательно преобразовано на демократическихъ началахъ. Всѣ особенности кастоваго быта были уничтожены, и Римъ составляетъ съ этихъ поръ уже одну нераздѣльную націю, а не два враждебныя государства, какъ это было прежде. Римскія учрежденія со времени этой реформы стали походить на аѳинскія или на учрежденія другихъ демократическихъ государствъ Греціи, тогда какъ прежнее состояніе государства въ главныхъ чертахъ напоминали собою только самое древнее политическое устройство грековъ. Кліенство хотя и удержалось, но со времени децемвировъ оно начинаетъ исчезать и терять характеръ вассальной или крѣпостной зависимости, а принимаетъ видъ покровительства и защиты бѣдныхъ знатными богатыми. Старинный кастовый законъ, запрещавшій браки между патриціями и плебеями, подтвержденный новымъ законодательствомъ, былъ отмѣненъ черезъ шесть лѣтъ по изданіи послѣдняго.

Въ государственномъ устройствѣ, установленномъ самими децемвирами, или тотчасъ послѣ нихъ, комиціи трибъ сдѣлались настоящимъ законодательнымъ собраніемъ римскаго народа; они избирали лицъ во всѣ второстепенныя должности, напримѣръ, трибуновъ, эдиловъ и учрежденныхъ впослѣдствіи квесторовъ или казначеевъ, удержавъ за собою и нѣкоторую часть судебной власти. Центуріальныя собранія избирали въ консулы и другія высшія должности, учрежденныя впослѣдствіи, заключали миръ, объявляли войну, и судили, какъ высшая инстанція, всѣ уголовныя преступленія. Куріи назначали избранныхъ центуріями лицъ въ военныя должности, и утверждали заключенія центуріальныхъ комицій, но съ этого времени утвержденіе это обратилось въ одну пустую форму, такъ что впослѣдствіи, вмѣсто тридцати курій, собирались только представлявшіе ихъ тридцать ликторовъ, для выполненія формальности.

Могущество, пріобрѣтенное комиціями трибъ, могло легко повести къ господству простаго народа. Чтобы ослабить вліяніе его, трибы были раздѣлены на городскія и деревенскія; въ первыхъ большинство членовъ были ремесленники, во вторыхъ землевладѣльцы. Городскихъ трибъ было всего четыре, а число сельскихъ возрасло въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій до тридцати одной. Въ городскія трибы отъ времени до времени включали всѣхъ гражданъ, не владѣвшихъ имуществомъ, не обращая вниманія на мѣсто ихъ жительства. Такимъ образомъ въ комиціяхъ трибъ было только четыре голоса, принадлежавшія лицамъ, не имѣвшимъ собственности. Такія же мѣры были приняты и впослѣдствіи, когда дано было право голоса цѣлымъ городамъ и народамъ Италіи. Для новыхъ гражданъ не образовывали новыхъ трибъ, а распредѣляли ихъ между старыми, въ которыхъ голоса ихъ не имѣли никакого значенія.

По законодательству децемвировъ сенатъ не испыталъ никакихъ перемѣнъ и сохранилъ всю свою прежнюю силу. Значеніе его впрочемъ никогда не увеличивалось и не уменьшалось

вдругъ въ значительной степени, но всегда измѣнялось мало по малу, соотвѣтственно общему ходу дѣлъ. Сенаторы назначались консулами, но когда, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ децемвировъ, была учреждена новая должность цензоровъ, право пополнять сенатъ было передано имъ. Въ сенатъ получили наконецъ доступъ и плебеи, и это учрежденіе утратило свой первоначальный аристократическій характеръ. Народъ, не избирая самъ сенаторовъ, имѣлъ все таки косвенное вліяніе на эти выборы, назначая цензоровъ, которымъ было поставлено въ обязанность избирать въ сенаторы самыхъ лучшихъ гражданъ. Кромѣ того уже давно установился обычай, что сенаторами назначались по истеченіи года своей службы всѣ квесторы, должность которыхъ считалась первой ступенью къ другимъ высшимъ должностямъ. Въ первыя времена республики, когда сенатъ пользовался наибольшей властью, онъ имѣлъ право объявлять войну и заключать миръ, собиралъ войско, рѣшалъ о необходимости избрать диктатора, назначалъ налоги, управлялъ и распоряжался государственными имуществами, и отдавалъ войску или отнималъ у него военную добычу. Впослѣдствіи сенатъ, хотя и подъ контролемъ народа, сохранилъ право наблюдать надъ религіозными обрядами, опредѣлять намѣстниковъ провинцій и военачальниковъ, хранить и расходовать общественныя суммы, право судебной власти въ Италіи, разрѣшенія всѣхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, пріема иноземныхъ и назначенія римскихъ пословъ. Онъ опредѣлялъ также время народныхъ собраній и подготовлялъ предстоящіе къ разрѣшенію въ нихъ вопросы. Наконецъ, сенатъ имѣлъ право въ опасныя для государства минуты облекать высшихъ должностныхъ лицъ, на время, неограниченною властью.

Таковы были въ главнѣйшихъ чертахъ перемѣны, испытанныя римскимъ государствомъ вслѣдствіе законодательства децемвировъ. Отдѣльные законы ихъ, относившіеся до гражданскаго права, не составляютъ предмета всемірной исторіи, а касаются только частной исторіи римскаго права; по этому, не останавливаясь на нихъ, мы прямо перейдемъ къ исторіи самихъ децемвировъ. Въ

первый годъ отправленія своей должности, всѣ децемвиры дѣйствовали превосходно. Новое законодательство было уже почти окончено; но въ концѣ года децемвиры объявили, что законы должны быть дополнены по крайней мѣрѣ на одну шестую часть, и что для этого необходимо продлить власть децемвирата. Предложеніе это было принято безъ всякихъ затрудненій. Собраніе центурій избрало подъ предсѣдательствомъ Аппія Клавдія, бывшаго душой децемвировъ, десять новыхъ децемвировъ на половину изъ патриціевъ и плебеевъ. Въ числѣ первыхъ былъ избранъ и Аппій Клавдій. Впослѣдствіи законы, написанные новыми децемвирами, были вмѣстѣ съ законодательствомъ ихъ предшественниковъ начертаны на двѣнадцати каменныхъ доскахъ, почему они и называются обыкновенно законами двѣнадцати таблицъ.

Аппій Клавдій, мнѣніе котораго раздѣляли и всѣ остальные децемвиры, находившіеся совершенно подъ его вліяніемъ, имѣлъ въ виду не пополненіе законовъ, но замышлялъ о введеніи въ Римѣ олигархіи, въ которой онъ надѣялся играть главную роль. Стремленіе это стало обнаруживаться въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ новыхъ правителей. Каждый изъ децемвировъ являлся не иначе, какъ въ сопровожденіи двѣнадцати ликторовъ, у которыхъ въ связкахъ прутьевъ (fasces) находились и сѣкиры, какъ во времена царей, хотя во второмъ году республики, по предложенію Валерія Публиколы, было запрещено даже консуламъ носить передъ собою въ чертѣ города этотъ ужасный знакъ верховной судебной власти надъ жизнью и смертью. Сверхъ того, новые децемвиры уничтожили, въ самомъ началѣ своего владычества, послѣднее средство, которымъ граждане могли защищать себя отъ произвола децемвировъ, запретивъ апелляціи на приговоръ одного децемвира къ прочимъ его товарищамъ. Такимъ образомъ граждане были лишены защиты противъ власти децемвировъ, которые на второй годъ сдѣлались совершенными деспотами. Въ концѣ года они уже безъ всякаго избранія удержали власть въ своихъ рукахъ и сдѣлались настоящими тираннами.

Такое незаконное правительство, все болѣе и болѣе впадавшее въ терроризмъ и не имѣвшее для своей защиты вооруженной силы, не могло продержаться долгое время. Оно еще до истеченія года было низложено войсками, собранными имъ для отраженія набѣга экввовъ и сабиновъ. Войска, предводительствуемыя нѣкоторыми изъ децемвировъ и терпѣвшія отъ излишней жестокости, были разбиты во всѣхъ сраженіяхъ. Когда же тираны приказали постыдно умертвить за либеральный образъ мыслей Сицинія Дентата, спасшаго своей необыкновенною храбростью честь римскаго оружія, волненіе войска достигло своихъ крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ Аппій Клавдій, остававшійся въ городѣ, въ то время; какъ въ лагерѣ ежеминутно ожидали бунта, совершилъ еще гнуснѣйшій поступокъ, чѣмъ умерщвленіе Сицинія. Онъ влюбился въ Виргинію, дѣвушку необыкновенной красоты, дочь храбраго солдата Виргинія, и невѣсту Ицилія, прославившагося прежде въ званіи народнаго трибуна. Отправляясь на войну, отецъ поручилъ ее своему близкому родственнику. Аппій Клавдій для удовлетворенія своей страсти прибѣгнулъ къ постыдной клеветѣ. По его наущенію одинъ изъ его кліентовъ явился передъ судомъ и объявилъ Виргинію своею бѣглою рабыней. Аппій Клавдій присудилъ выдать ему Виргинію, которую немедленно и отвели бы силой въ его домъ, если бы этому не помѣшалъ женихъ ея Ицилій. Это насиліе возбудило въ народѣ волненіе и сладострастный тираннъ, отмѣнивъ свой первый приговоръ, приказалъ Виргиніи отправиться въ домъ одного ея родственника, и тамъ дожидаться до слѣдующаго дня возвращенія отца, но въ тоже время послалъ въ лагерь увѣдомить своихъ товарищей, чтобы они задержали Виргинія. Послѣдній уже успѣлъ узнать о случившимся и поспѣшилъ въ Римъ. Тогда Аппій Клавдій прибѣгнулъ къ другому средству: съ помощью лжесвидѣтелей, онъ объявилъ несчастную дѣвушку рабою своего кліента, не смотря на всѣ старанія ея отца и родственника доказать противное. Напрасно Виргиній въ отчаяніи обращался къ народу, Ап-

пій Клавдій приказалъ ликторамъ употребить въ дѣло силу. Народъ испугался, а Виргиній, потерявъ надежду спасти свою дочь, рѣшился избавить ее отъ стыда, цѣною ея жизни. Выпросивъ у тиранна позволеніе сказать ей передъ разлукой нѣсколько словъ, онъ ввелъ ее въ ближнюю мясную лавку и, схвативъ ножъ, умертвилъ на мѣстѣ.

Толпа была поражена ужасомъ, увидя несчастную смерть Виргиніи, и предводительствуемая Виргиніемъ и Ициліемъ съ яростью бросилась на ликторовъ Аппія Клавдія, который самъ принужденъ былъ бѣжать въ храмъ. Сенатъ, созванный однимъ изъ его товарищей, высказался противъ народа. Возстаніе народа по всей вѣроятности было бы подавлено, еслибъ Виргиній съ Ициліемъ не поспѣшили къ войскамъ и не склонили солдатъ въ свою пользу. Подъ ихъ предводительствомъ войска явились въ Римъ и заняли Авентинскій холмъ. Римскій народъ опять раздѣлился на два враждебныхъ лагеря. Сенатъ отправилъ къ войскамъ депутацію, которую они не приняли, объявивъ, что готовы вести переговоры только съ тѣми двумя сенаторами, которые одни противились деспотизму децемвировъ. Сенаторы эти были Луцій Валерій Потитъ, внукъ Валерія Публиколы, и Маркъ Горацій Барбатъ. Каждый изъ отрядовъ войска избралъ себѣ въ предводители по десяти трибуновъ, и подъ ихъ начальствомъ двинулся съ Авентинскаго холма на Священную гору. Сначала, не смотря на всѣ угрозы, патриціи хотѣли защищать децемвиратъ, но Валерій и Горацій отказались быть посредниками между народомъ и сенатомъ, пока не будетъ уничтожена незаконная власть. Узнавъ, что народъ готовится къ окончательному отпаденію отъ Рима, патриціи наконецъ уступили, согласившись уничтожить децемвиратъ. Войско снова возвратилось на Авентинскую гору и подъ предсѣдательствомъ верховнаго жреца избрало десять народныхъ трибуновъ, въ томъ числѣ Виргинія и Ицилія. Вновь избранные трибуны вступили въ переговоры съ сенатомъ, по ихъ предложенію было возстановлено прежнее госу-

дарственное устройство, но съ тѣмъ новымъ условіемъ, чтобы всѣ постановленія комицій трибъ имѣли полную силу закона.

По уничтоженіи децемвирата Валерій и Горацій, избранные въ консулы, обратили какъ это, такъ и многія другія важныя для плебеевъ постановленія, въ положительные законы, представивъ ихъ на утвержденіе народныхъ собраній. По этимъ такъ называемымъ вторымъ законамъ Валерія, постановленія комицій трибъ стали обязательными для всего римскаго народа. Тогда же было на всегда запрещено назначать такихъ должностныхъ лицъ, на которыхъ нельзя было бы апеллировать къ народу, и за нарушеніе этого правила постановлена смертная казнь. Аппій Клавдій и одинъ изъ его товарищей, бывшій покорнымъ орудіемъ всѣхъ его злодѣяній, были призваны на судъ народнаго собранія. Оба они умерли въ темницѣ; остальные децемвиры были изгнаны изъ Рима (449 г. до р. Х.).

V. ОТЪ УНИЧТОЖЕНІЯ ДЕЦЕМВИРАТА

ДО ОКОНЧАТЕЛЬНАГО УРАВНЕНІЯ ПРАВЪ ПАТРИЦІЕВЪ И ПЛЕБЕЕВЪ

---

1. Внутреннія событія въ Римѣ до первой войны съ галлами.

Законодательство двѣнадцати таблицъ и послѣдовавшее за тѣмъ дозволеніе браковъ между патриціями и плебеями уничтожили непреодолимую преграду, съ давнихъ поръ раздѣлявшую римскій народъ на два кастообразныя сословія. Съ этихъ поръ нельзя было уже и думать объ устраненіи полнаго гражданскаго равенства обоихъ сословій, которое стало мало по малу осуществляться, хотя и не безъ упорнаго сопротивленія патриціевъ. Плебеямъ и ихъ трибунамъ безъ всякаго кровопролитія и особенныхъ насилій удалось отнять у патриціевъ одни преимущества за другими. Они шли шагъ за шагомъ по проложенному пути, пока наконецъ не образовалось въ Римѣ совершенно новое государственное устройство, не смотря на сохраненіе прежнихъ народныхъ подраздѣленій и нѣкоторыхъ изъ ихъ правъ. Впрочемъ преобразованія въ государственномъ устройствѣ были въ такой же тѣсной связи съ личнымъ характеромъ трибуновъ, какъ и развитіе аѳинской демократіи съ характерами Клистена, Перикла и другихъ государственныхъ людей Аѳинъ.

Въ первые годы римской республики трибунами руководили совершенно иныя побужденія и стремленія, чѣмъ впослѣдствіи. Трибуны позднѣйшей эпохи трудились только для себя, а ихъ предшественники для всего своего сословія. Въ этомъ и заключается причина, почему въ эпоху, слѣдовавшую за уничтоженіемъ всѣхъ преимуществъ касты патриціевъ и пріобрѣтеніемъ плебеями общихъ законодательныхъ правъ, самъ народъ никогда не производилъ никакихъ сильныхъ волненій, кромѣ обыкновенныхъ уличныхъ безпорядковъ, нераздѣльныхъ съ самымъ существованіемъ республики. Богатыя плебейскія фамиліи образовали изъ себя новую аристократію, которая имѣла общіе съ плебеями сословные интересы, съ одной стороны побуждавшіе ее стремиться къ пріобрѣтенію новыхъ правъ, а съ другой препятствовавшіе ей составлять въ народѣ партіи въ свою пользу и преслѣдовать свои личные выгоды.

Первымъ шагомъ, сдѣланшимъ плебейскою аристократіею для уравненія своихъ правъ съ правами древнихъ патриціевъ, было измѣненіе формы консульства. Въ 445 году, когда были дозволены браки между обоими сословіями, плебеи съ такою настойчивостью стали требовать права быть избираемыми въ консулы, что патриціи, будучи не въ состояніи противиться ихъ домогательствамъ, уступили имъ, но придумали средство спасти по крайней мѣрѣ наружную форму и видъ, чтобы впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова возвратить себѣ утраченныя преимущества. Постановлено было, что на слѣдующій годъ центуріи изберутъ, вмѣсто двухъ консуловъ, шесть военныхъ трибуновъ или военачальниковъ съ консульскою властью, и что оба сословія будутъ имѣть право на это званіе. Въ послѣдующіе восемьдесять лѣтъ были назначаемы то военные трибуны, то консулы, смотря потому плебеямъ или патриціямъ благопріятствовали обстоятельства. Число военныхъ трибуновъ съ консульскою властью часто измѣнялось и колебалось между тремя, четырьмя, шестью и восемью; ихъ почти никогда не выбирали поровну изъ патриціевъ и пле-

беевъ, патриціямъ часто удавалось даже устроивать дѣло такъ, что всѣ военные трибуны принадлежали къ ихъ сословію, и только два раза большинство составляли плебеи. Патриціи старались всѣми средствами отстаивать свои права, но усилія ихъ все таки остались напрасными; разъ допущенные къ занятію высшихъ должностей въ государствѣ, плебеи неминуемо должны были достигнуть наконецъ и самаго консульства.

Предвидя это, патриціи стали мало по малу отнимать у консуловъ нѣкототорые изъ ихъ обязанностей и образовали новую должность, доступную только имъ однимъ. Они учредили сперва цензуру или должность цензора. Сообразно обычаю, перешедшему къ римлянамъ отъ сабиновъ, цензорамъ было поручено наблюденіе за нравами гражданъ, военною дисциплиною, назначеніемъ податей и администраціею. Главная ихъ обязанность заключалась въ оцѣнкѣ имущества гражданъ, находившейся въ тѣсной связи не только со всею финансовою системою государства, но и съ подраздѣленіемъ на центуріи и основанномъ на немъ участіи каждаго въ государственномъ управленіи. Соединеніе этой важной обязанности цензора съ наблюденіемъ за нравами легко объясняется тѣмъ, что древняя религія и нравственность были самыми твердыми опорами республики, гдѣ государственная жизнь не превратилась еще, какъ у насъ, въ особый механизмъ, и гдѣ не было ни установленныхъ формъ, ни писанныхъ законовъ. Впрочемъ надзоръ за нравами, возложенный на цензоровъ, былъ собственно надзоръ не за нравственностью гражданъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, а касался только того, что мы называемъ особенностями національнаго характера, старинными нравами и наслѣдственными понятіями объ отношеніяхъ и обязанностяхъ частной жизни. Учрежденіе цензорства было вызвано не однимъ только споромъ о сословныхъ преимуществахъ, но и естественнымъ ходомъ событій, такъ какъ консулы, обращая все свое вниманіе на эти сословныя распри, часто находились въ невозможности предпринимать столь важныя государственныя мѣры, какъ поголовная перепись и оцѣнка иму-

ществъ или такъ называемый ценсъ (т. III стр. 170). Обязанности консула становились постоянно многосложнѣе вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и возраставшей запутанности внутренней жизни государства. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что ценсъ и всѣ сопряженныя съ нимъ обязанности были отдѣлены отъ консульства и подчинены вѣдѣнію особыхъ должностныхъ лицъ; учрежденіе этой новой должности, какъ и вся исторія развитія римскаго государства, служитъ доказательствомъ, что въ Римѣ всегда заботились о примѣненіи государственнаго устройства къ измѣнившимся обстоятельствамъ времени. Точно также естественно казалось и то, что эта важная обязанность была возлагаема только на лицъ, занимавшихъ передъ тѣмъ консульскую должность, и слѣдовательно оставалась сначала доступною только патриціямъ.

Цензоровъ, какъ и консуловъ, было два; вмѣстѣ съ послѣдними они избирались въ центуріальныхъ комиціяхъ чрезъ каждыя пять лѣтъ, потому что въ каждый изъ такихъ промежутковъ времени непремѣнно производился ценсъ. Въ началѣ они оставались въ этой должности въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ сряду, но это было противно недовѣрчивому духу народа, и уже черезъ девять лѣтъ по учрежденіи цензуры былъ изданъ законъ, по которому цензоры не могли занимать своей должности долѣе восемнадцати мѣсяцевъ. Впослѣдствіи сроки ихъ избранія перестали соблюдаться такъ строго и часто, не ожидая истеченія пятилѣтія, народное собраніе назначало новыхъ цензоровъ. Немедленно по вступленіи въ должность, цензоры приступали къ исполненію главной своей обязанности, и, собравъ народъ на Марсовомъ полѣ, производили перепись имуществу гражданъ и соединенный съ нею смотръ военнымъ силамъ республики. Всѣ граждане являлись вооруженные и по очереди объявляли цензорамъ свое имущество, послѣ чего ихъ снова вносили въ податной реестръ, смотря потому улучшилось или ухудшилось ихъ состояніе послѣ предшествовавшаго ценса. Каждый долженъ былъ объявить подъ присягою свое имя, возрастъ и мѣсто жительства, имя и возрастъ своей жены, число дѣтей, ра-

бовъ, пространство своихъ имѣній и количество скота. За ложное показаніе лишали имущества и свободы. Не явившійся на ценсъ терялъ права гражданства. Изъ собранныхъ отмѣтокъ цензоры составляли податной реестръ и списокъ гражданъ по классамъ, центуріямъ и трибамъ. Кромѣ ценса, они еще завѣдывали управленіемъ и отдачею въ аренду государственныхъ имуществъ, и наблюдали за устройствомъ большихъ дорогъ, водопроводовъ и вообще за всѣми общественными сооруженіями.

Право надзора за сохраненіемъ старинныхъ нравовъ и образа мыслей придавало цензорамъ тѣмъ болѣе силы и почета, чѣмъ менѣе должность ихъ, подобно консульской, походила на военную власть. Они справлялись объ образѣ жизни и репутаціи каждаго частнаго лица и имѣли право, для искорененія всѣхъ вредныхъ для семейной и государственной жизни проступковъ и привычекъ, подвергать позорнымъ наказаніямъ гражданъ всѣхъ классовъ. Они могли исключать изъ сената недостойныхъ членовъ, но только на пять лѣтъ, потому что новые цензоры имѣли право вновь допустить ихъ въ число сенаторовъ. Тѣми же правами пользовались сенаторы и относительно всадниковъ. Желая наказать гражданина, не принадлежавшаго къ числу всадниковъ или сенаторовъ, они переводили его изъ болѣе знатной трибы въ менѣе почетную. Такъ называемыя сельскія трибы, заключая въ себѣ зажиточную и образованную часть народа, пользовались бо̀льшимъ почетомъ (т. III стр. 207), тогда какъ четыре городскія состояли изъ неимущихъ и вольноотпущенныхъ. Гражданинъ послѣдняго класса наказывался совершеннымъ исключеніемъ изъ списка трибъ и центурій, что вело за собою потерю всѣхъ дѣйствительныхъ гражданскихъ правъ и произвольное обложеніе податью. Такіе граждане, называвшіеся эраріями или церитами, по истеченіи пяти лѣтъ опять могли получить свои прежнія пра̀ва отъ новыхъ цензоровъ. Старинные нравы долгое время охранялись въ Римѣ съ такою же строгостью, какъ и въ Женевѣ въ продолженіе трехъ столѣтій сряду, съ тою только разницею, что у римлянъ надзоръ

былъ чисто гражданскій, а въ Женевѣ существовалъ и духовный судъ, наблюдавшій за сохраненіемъ въ прежнемъ видѣ религіи, нравственности и домашней жизни. Пока надзоръ цензоровъ согласовался съ внѣшнимъ состояніемъ государства, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своей первоначальной цѣли; но съ перемѣною обстоятельствъ народъ сталъ считать надзоръ за нравами одною изъ второстепенныхъ обязанностей цензорской должности. Сами цензоры, избиравшіеся въ прежнія времена, по преимуществу, изъ людей безукоризненныхъ и испытанныхъ, стали пользоваться своею властью для того, чтобы мстить своимъ врагамъ и притѣснять частныхъ лицъ.

Вскорѣ по учрежденіи ценсуры, въ Римѣ произошло событіе, хотя и неимѣвшее важныхъ послѣдствій, но ясно доказывающее что патриціи старались всевозможными средствами запугать возникавшее честолюбіе новой плебейской аристократіи. Въ 440 г. до р. Х., во время голода, богатый плебейскій всадникъ, Спурій Мелій, рѣшился помочь своимъ согражданамъ, терпѣвшимъ большой недостатокъ, и приказавъ закупить въ Этруріи хлѣбъ, роздалъ его безплатно или по умѣренной цѣнѣ бѣднымъ. Это доставило ему многихъ приверженцевъ въ народѣ, но въ тоже время возбудило зависть и подозрѣніе патриціевъ. Въ городѣ распространился возбужденный патриціями, или возникшій случайно, слухъ, что Мелій стремится къ царской власти, старается для этой цѣли пріобрѣсти расположеніе большинства толпы раздачею хлѣба и скрываетъ въ своемъ домѣ запасъ оружія. Сенатъ провозгласилъ престарѣлаго Цинцинната диктаторомъ, и когда Мелій, приведенный къ нему былъ освобожденъ народомъ, начальникъ конницы (magister equitum), Сервилій Агала, бросился въ толпу и въ глазахъ ея умертвилъ обвиняемаго.

Всѣ подобныя мѣры могли принести только временную пользу. Однажды начатое уравненіе новой аристократіи со старою шло впередъ своимъ путемъ и знатныя плебейскія фамиліи отнимали все болѣе и болѣе преимуществъ у патриціевъ. Слѣдующій шагъ къ

полному уравненію правъ сословій состоялъ въ допущеніи плебеевъ къ квестурѣ или къ тому званію, послѣ котораго можно было непосредственно достичь высшихъ государственныхъ должностей. Квесторы управляли государственною казною, вели счетъ доходамъ и расходамъ государства, продавали военную добычу, были представителями сената предъ чужеземными послами, продовольствовали ихъ на государственной счетъ, и распоряжались покупкою для нихъ обыкновенныхъ подарковъ. Обязанности ихъ были весьма обширны и требовали огромнаго механическаго труда, что заставило ихъ содержать множество писцовъ и счетчиковъ. Съ каждымъ увеличеніемъ государства, кругъ ихъ дѣятельности долженъ былъ становиться обширнѣе, а ходъ дѣлъ усложняться. Поэтому число квесторовъ, которыхъ сначала было всего два, возрасло постепенно до двадцати, а при Цезарѣ даже до сорока. Прежде квесторы назначались всегда консулами и считались ихъ подчиненными. Но уже черезъ два года по уничтоженіи децемвирата консульская власть была сильно ослаблена тѣмъ, что должность квесторовъ была изъята изъ подъ вѣдѣнія консуловъ и сравнена съ прочими должностями ежегодно замѣщаемыми народомъ. Спустя двадцать или тридцать лѣтъ (421 до р. X.), когда число квесторовъ было увеличено до четырехъ, плебеи настояли на допущеніи ихъ и въ эту должность.

2. Внѣшнія событія до войны съ Веіями.

Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій перемѣнъ, произведенныхъ въ государственномъ устройствѣ децемвиратомъ и законами Валерія, было быстрое расширеніе римскаго государства и поразительное увеличеніе его внутреннихъ силъ. Возрастаніе могущества плебейской аристократіи и возникшее вслѣдствіе того соревнованіе между ею и патриціями много содѣйствовали развитію патріотическаго духа римлянъ и успѣху ихъ внѣшнихъ предпріятій. Со времени этой государственной реформы, каждый патрицій могъ

только храбростью, твердостью, честностью и умомъ пріобрѣсти и удержать за собою положеніе въ обществѣ, которое прежде обусловливалось однимъ происхожденіемъ; всѣ эти добродѣтели развивались и войнами, которыхъ въ одинаковой степени жаждали и плебеи и патриціи, потому что только военныя заслуги открывали путь къ высшимъ почестямъ. Патриціи въ особенности любили войны, во время которыхъ они только и чувствовали себя безопасными отъ притязаній трибуновъ и возбужденнаго ими народа, и надѣялись удержать за собою наслѣдственное обладаніе почетными должностями въ государствѣ. Поэтому сенатъ того времени и является намъ во всемъ величіи своей славы, окруженный почетомъ и уваженіемъ, а полководцы изощряютъ всѣ свои дарованія, понимая, что только одни ихъ заслуги дадутъ имъ возможность удержать свое значеніе въ государствѣ. Съ своей стороны плебейская аристократія старалась вдвойнѣ заслужить довѣріе своихъ согражданъ, чтобы вытѣснить съ почетныхъ мѣстъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ уже была власть; вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была стремиться и къ пріобрѣтенію богатствъ, чтобы и въ этомъ отношеніи не уступать патриціямъ.

Такимъ образомъ завоевательное направленіе, съ этого времени постоянно обнаруживаемое римлянами и подъ конецъ приведшее ихъ ко всемірному владычеству, находилось въ тѣсной связи съ раздорами и борьбою, среди которыхъ получило свое развитіе государственное устройство Рима. И то и другое сильно содѣйствовали возведенію Рима на ту степень внутренней силы и внѣшняго могущества, которыя сдѣлалась предметомъ удивленія для потомства. Эта двойственная дѣятельность римскаго народа придала особую прелесть и оригинальный характеръ исторіи первыхъ вѣковъ его существованія. Всякій разъ когда внѣшніе враги угрожали государству, оба сословія прекращали свои распри и старались превзойти другъ друга воинскою доблестью. Ихъ сила, питаемая постоянными внутренними распрями, была гибельна для непріятеля; но съ окончаніемъ войны опять начинались внутрен-

нія волненія и борьба партій, заставлявшая всѣхъ гражданъ быть постоянно дѣятельными и бдительными даже среди мира, и непозволявшая никому предаваться праздности.

Геройскій духъ римлянъ, лучше всякихъ матеріальныхъ и оборонительныхъ средствъ, охранялъ и обезпечивалъ за ними всѣ ихъ завоеванія. Но и въ матеріальныхъ средствахъ не было недостатка, какъ это видно въ особенности въ устройствѣ римскихъ колоній, начало которыхъ восходитъ еще къ первымъ годамъ существованія Рима. Греки, отдѣляя отъ себя свои колоніи при самомъ основаніи, должны были основывать ихъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ; напротивъ того, римскіе граждане, образовывавшіе эти поселенія, никогда не переставали быть частью римскаго государства и римскими гражданами, и потому римляне чрезвычайно неохотно и рѣдко основывали колоніи внѣ Италіи. Такимъ образомъ съ увеличеніемъ римской территоріи умножалось и число римскихъ гражданъ, безъ чрезмѣрнаго возрастанія населенія самого города. Римскія колоніи имѣли сверхъ того и военное значеніе, обезпечивая за государствомъ обладаніе завоеванными странами. Жители ихъ, состоя какъ римскіе граждане въ тѣсной связи съ своею метрополіею, были въ одно и тоже время, подобно всѣмъ римлянамъ, и воинами и гражданами. Побуждаемые своими собственными интересами подавлять всякое возстаніе побѣжденныхъ, они не требовали никакихъ издержекъ со стороны государства, не получая ничего, кромѣ земель, раздававшихся имъ при основаніи колоніи.

Благоразуміе, руководившее римлянами при учрежденіи ихъ колоній, и удивительное умѣніе ихъ примѣняться къ обстоятельствамъ выказываются также въ устройствѣ и постепенномъ развитіи ихъ военныхъ учрежденій. Впрочемъ, чтобы не прерывать изложенія постепеннаго развитія римскаго государственнаго устройства, мы будемъ говорить объ этомъ нѣсколько ниже, а теперь скажемъ только нѣсколько словъ о войнахъ, веденныхъ римлянами въ періодъ времени отъ паденія децемвировъ до завоеванія Веій. Сабины были совершенно покорены послѣ двадцатилѣтней войны

консуломъ Маркомъ Гораціемъ, бывшимъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Луціемъ Валеріемъ, главнымъ виновникомъ изгнанія децемвировъ, а гористая страна ихъ обращена въ римскую провинцію. На какихъ условіяхъ они подчинились римскому владычеству, намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что прошло полтораста лѣтъ, прежде чѣмъ они опять взялись за оружіе противъ римлянъ и были снова побѣждены послѣдними. Въ самый годъ окончанія войны съ сабинами, Луцій Валерій нанесъ пораженіе эквамъ. Послѣдніе еще нѣсколько лѣтъ продолжали войну, кончившуюся принятіемъ части ихъ въ союзъ, заключенный римлянами съ латинами; земли другихъ эквовъ были отданы римскимъ и латинскимъ поселенцамъ. Такую же участь испытали въ это время и вольски. Къ концу пятаго столѣтія до р. X. римскія владѣнія простирались на востокъ до восточной границы Сабинума и Фуцинскаго озера или Лаго ди Челано; сѣверная же граница римскихъ владѣній проходила все еще въ очень близкомъ разстояніи отъ города Рима. Съ этой стороны успѣхамъ римскаго оружія мѣшали этрускіе города Капена, Фалеріи и Веіи, и потому послѣ покоренія эквовъ и вольсковъ римляне прежде всего обратились противъ нихъ.

3. Послѣдняя война съ Веіями.

Война съ Веіями, которою начались военныя дѣйствія Рима, имѣетъ троякое значеніе. Счастливый исходъ ея сдѣлалъ для римлянъ доступными Этрурію и сѣверъ Италіи; разсказы о ней принадлежали къ важнѣйшимъ преданіямъ римлянъ позднѣйшей эпохи, возбуждая въ послѣднихъ энтузіазмъ къ своей національной исторіи, и получили для потомства значеніе достовѣрной исторіи, не смотря на то, что они сильно украшены вымыслами. Наконецъ въ войнѣ съ Веіями римскій сенатъ впервые выказалъ свое умѣнье соединять интересъ преобладающихъ классовъ, войну и завоеванія съ интересами мира, подчиненныхъ классовъ и заботами о доставленіи послѣднимъ средствъ къ жизни. На этомъ умѣньи основыва-

лось отчасти позднѣйшее вліяніе Рима, и потому война съ Веіями, хотя и веденная противъ одного только города, имѣетъ особенно важное значеніе.

Сначала Римъ занималъ между этрускими городами такое же почетное мѣсто, какъ и въ Лаціумѣ, но впослѣдствіи римляне утратили его вмѣстѣ съ воспоминаніями объ этрускомъ происхожденіи ихъ города. Лежащіе вблизи отъ города Рима Веіи составляли оплотъ противъ дальнѣйшаго распространенія римскихъ владѣній; массивныя стѣны защищали ихъ отъ всякихъ нападеній, предпринимаемыхъ безъ военныхъ машинъ или продолжительной осады, возможной только постоянному и состоящему на жалованьи войску. Постоянныя возобновленія войнъ между Веіями и Римомъ были неизбѣжны. Но Веіи были древнимъ государствомъ, приходившимъ въ упадокъ, Римъ, напротивъ того, представлялъ собою недавно основанное, юное, сильное государство, постоянно возраставшее, благодаря своей внутренней силѣ и своему воинственному направленію находившееся въ такихъ же отношеніяхъ къ народамъ Италіи, какъ Спарта къ греческимъ государствамъ, съ тою только разницею, что Римъ не держался нѣкоторое время, подобно Спартѣ, въ оборонительномъ положеніи, а съ самаго начала выступилъ на поприще завоеваній. Къ несчастію для города Веій, къ тому времени, какъ Римъ постепенно превращался въ военно-аристократическое государство, изъ трехъ этрускихъ конфедерацій, отъ которыхъ они, какъ отъ родственныхъ державъ, могли ожидать дѣятельной помощи, двѣ уже не существовали, а третья была не въ состояніи поддерживать ихъ противъ общаго врага. Ломбардскій союзъ этрусковъ былъ давно уже завоеванъ галльскими ордами, вскорѣ послѣ того подчинился самнитамъ и кампанскій, а въ то самое время, какъ римляне осадили Веіи, галлы уже вторглись или готовы были вторгнуться въ собственную Этрурію.

При началѣ послѣдней войны съ Веіями Римъ употребилъ вышеупомянутую мѣру, которая, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, должна была сдѣлать его войско самымъ страшнымъ во

всей западной Европѣ. Тогда (405 до р. X.) въ первый разъ назначено было жалованье всей пѣхотѣ, принимавшей участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, тогда какъ прежде, во времена царей, получала плату только гвардія, да и по изгнаніи царей войско или вовсе не получало денежнаго вознагражденія или только частью и единовременно. Немногочисленная и состоявшая изъ достаточныхъ гражданъ конница стала получать жалованье уже гораздо позже. Эта важная мѣра придала римскимъ ополченіямъ еще большій перевѣсъ надъ войсками остальныхъ итальянскихъ государствъ, чѣмъ само воинственное направленіе господствовавшее въ Римѣ. Каждый римлянинъ могъ теперь безъ всякаго ущерба для своихъ домашнихъ занятій отлучаться на войну чаще и на болѣе продолжительное время, войску была дана возможность оставаться въ походѣ и въ продолженіе зимы и держать въ осадѣ городъ нѣсколько лѣтъ сряду. а отъ этой возможности зависѣлъ и самый успѣхъ войны съ Веіями.

Послѣдняя война противъ Веій, продолжавшаяся десять лѣтъ (съ 405 до 396 г. до р. X.), замѣчательна въ военномъ отношеніи въ особенности потому, что въ ней римляне въ первый разъ вели правильную осаду большаго города. Жители Веій, будучи не въ состояніи противиться римлянамъ въ открытомъ полѣ, заперлись въ своихъ исполинскихъ стѣнахъ и, какъ разсказываютъ, цѣлыхъ десять лѣтъ выдерживали осаду. Продолжительность осады, какъ и все разсказываемое объ отдѣльныхъ событіяхъ этой войны съ Веіями, составляетъ прикрасы дошедшаго до насъ преданія, въ которомъ никакъ нельзя отличить исторической истины отъ вымысла. Вообще въ римскихъ лѣтописяхъ эта осада описывается точно также, какъ мессенскія войны въ историческихъ сочиненіяхъ грековъ, здѣсь какъ и тамъ мы не имѣемъ никакой возможности освободить преданіе отъ облекающаго его поэтическаго покрова. Римскія сказанія о завоеваніи и разрушеніи Веій живо напоминаютъ намъ эпическія описанія троянской войны и, кажется, что десятилѣтній срокъ осады и нѣкоторые другіе эпизоды ея

легко объясняются тѣмъ, что глазамъ потомства Веіи представлялись римскою Троею, а разрушеніе ихъ было сравниваемо съ паденіемъ Трои.

Приступивъ къ правильной осадѣ въ третьемъ году войны, римляне устроили вокругъ города насыпь, оградивъ ее отъ разрушенія деревянною стѣною; съ этой насыпи они производили нападенія на городскія стѣны и на стоявшихъ на нихъ непріятелей. Съ наступленіемъ осени, видя безуспѣшность всѣхъ своихъ нападеній, римляне рѣшились въ первый разъ перезимовать въ походѣ. Вскорѣ однако удачная вылазка жителей Веій уничтожила всѣ осадныя работы римлянъ: осаждающіе были отбиты, деревянныя сооруженія ихъ насыпи сожжены и сама насыпь сравнена съ землею. Успѣхъ жителей Веій ободрилъ сосѣднихъ капенатовъ и фалисковъ (жителей города Фалерій), и побудилъ ихъ взяться за оружіе и подать помощь своимъ соотечественникамъ. Это замедлило на нѣсколько лѣтъ возобновленіе осады и война продолжалась для римлянъ съ перемѣннымъ счастіемъ, пока наконецъ въ началѣ послѣдняго года ея, капенаты и фалиски не нанесли имъ ужаснаго пораженія, которое, повидимому, должно было имѣть самое дурное вліяніе на исходъ войны. Сенатъ принужденъ былъ употребить всевозможныя усилія для окончанія войны и поручилъ ея веденіе диктатору. Въ эту должность былъ избранъ патрицій Маркъ Фурій Камиллъ, передъ тѣмъ уже нѣсколько разъ командовавшій войсками.

Счастливое окончаніе войны Камилломъ было поэтически разукрашено легендою. Въ преданіи исторія войны съ Веіями является въ связи съ возведеніемъ одного гидравлическаго сооруженія, оконченнаго около того времени, и паденіе Веій, какъ и Трои, ставится въ зависимость отъ предсказанія. На Албанскомъ озерѣ, въ Лаціумѣ, былъ въ это время устроенъ отводный каналъ для орошенія близъ лежащихъ плодородныхъ низменностей и предохраненія окрестностей отъ наводненій. Преданіе слѣдующимъ образомъ связало это сооруженіе съ событіями описывае-

мой войны. Незадолго до окончанія послѣдней, римляне были сильно встревожены внезапною и необыкновенно сильною прибылью воды въ Албанскомъ озерѣ, вышедшемъ изъ своихъ холмистыхъ береговъ. По этрускимъ религіознымъ понятіямъ, всѣ необыкновенныя явленія природы считали они предзнаменованіями боговъ и потому обратились съ вопросомъ къ дельфійскому оракулу. Послѣдній подтвердилъ слова одного плѣннаго этрускаго гадателя, объявившаго имъ, что по опредѣленію судьбы Веіи не могутъ быть никѣмъ завоеваны, пока Албанское озеро не перестанетъ заливать свои берега, но что какъ скоро воды этого озера достигнутъ моря, долженъ пасть и самый Римъ. Вслѣдствіе того римляне немедленно приступили къ проведенію отводнаго канала, чтобы предотвратить разлитіе озера и распредѣлить отводимую каналомъ воду по всей низменности. Такимъ образомъ предсказаніе исполнилось въ пользу римлянъ.

Принявъ начальство надъ римскимъ войскомъ, Камиллъ разбилъ въ рѣшительной битвѣ капенатовъ и фалисковъ и послѣ этой побѣды снова приступилъ къ осадѣ Веій. Окруживъ городъ окопами, онъ приказалъ вырыть подземный ходъ въ цитадель Веій и подвести его подъ самый храмъ Юноны. По окончаніи этой подземной галереи, Камиллъ спустился въ нее съ небольшимъ числомъ воиновъ, приказавъ всѣмъ остальнымъ войскамъ двинуться на приступъ. Жители Веій, незная о существованіи подземнаго хода, бросились къ стѣнамъ для отраженія непріятеля; въ храмѣ Юноны остался только царь съ жрецами для принесенія жертвы богамъ и узнанія ихъ воли. Римляне, стоявшіе подъ поломъ, услышавъ рѣшеніе жрецовъ, что побѣда останется за тѣмъ народомъ, граждане котораго первые принесутъ въ жертву богинѣ только что заколотое животное, тотчасъ же вышли изъ засады, и умертвивъ присутствовавшихъ, принесли жертву богинѣ. Овладѣвъ цитаделью и городомъ, они отперли ворота своимъ соотечественникамъ. Грабя и убивая, проникли побѣдители въ городъ, и захватили тамъ несмѣтную добычу. По возвращеніи въ Римъ Ка-

миллъ праздновалъ свой тріумфъ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ великолѣпіемъ; но въѣхавъ въ городъ на колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями, на что имѣли право только Юпитеръ и богъ солнца, онъ оскорбилъ обоихъ боговъ, и, подобно Агамемнону, долженъ былъ испытать большое несчастье для искупленія погибели Вейй. Побѣжденные жители Вейй вскорѣ по завоеваніи ихъ города были отведены въ Римъ. Вслѣдствіе покоренія Вейй увеличилось народонаселеніе Рима обогатившагося добычею взятою въ древнемъ и богатомъ городѣ. Но для римлянъ всего важнѣе было увеличеніе римской територіи присоединеніемъ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей Италіи и уничтоженіе главнаго оплота Этруріи, препятствовавшаго имъ подчинить себѣ эту страну. Вслѣдъ за паденіемъ Вейй подчинились римскому игу капенаты и фалиски.

Предъ завоеваніемъ Вейй, Камиллъ обѣщалъ дельфійскому богу десятую часть добычи, но не сообщилъ о томъ войску. Когда, по возвращеніи войскъ, жрецы объявили, чтобъ каждый, подъ страхомъ божественнаго гнѣва, отдалъ десятую часть своей добычи, большинство воиновъ, уже не имѣя ея въ рукахъ, сильно разгнѣвалось на полководца, который своимъ молчаніемъ ввелъ ихъ въ столь тяжкій грѣхъ. Вскорѣ послѣ этого Камиллъ рѣшительно перешелъ на сторону аристократіи и сталъ энергически противъ плебеевъ и ихъ трибуновъ. Трибуны воспользовались тѣмъ, что Камиллъ на доставшуюся ему долю добычи великолѣпно украсилъ свой домъ, что въ то время было еще большою рѣдкостью въ Римѣ, и обвинили его передъ народомъ въ утайкѣ значительной части добычи, принадлежавшей государству. Камиллъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы признать своимъ судьею ненавистный ему народъ, и добровольно удалился въ изгнаніе. Проходя въ послѣдній разъ мимо воротъ своего роднаго города, онъ со злобою въ душѣ просилъ боговъ, чтобы они дали вскорѣ почувствовать неблагодарному городу его отсутствіе.

4 Первая война римлянъ съ галлами.

Подчиненію римлянамъ всей Италіи, первый шагъ къ которому составляетъ покореніе Вейи, много способствовали галлы, вскорѣ послѣ того проникшіе до самаго Рима. Сначала это вторженіе варваровъ грозило большою опасностью римскому государству, подъ конецъ Римъ не только вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ ними, но увеличилъ свое могущество и сталъ считаться съ тѣхъ поръ спасителемъ и защитникомъ Италіи отъ варваровъ. Толпы галловъ, какъ уже сказано выше (т. III стр. 186), вторглись въ Верхнюю Италію еще во времена римскихъ царей, и уничтоживъ ломбардскую конфедерацію этрусковъ, стали мало по малу подвигаться далѣе на югъ. Къ концу пятаго столѣтія до р. Х., вскорѣ по подчиненіи самнитами кампанско-этруской конфедераціи, толпы галловъ перешли Апеннины, въ намѣреніи окончательно водвориться въ собственной Этруріи. Въ 391 г. до р. Х. они подъ предводительствомъ Бренна напали на городъ Клузіумъ, который обратился съ просьбою о помощи къ Риму.

Римляне отправили въ Клузіумъ трехъ пословъ, изъ знатной фамиліи Фабіевъ, для переговоровъ съ галлами. Послѣдніе, не соглашаясь ни на что, требовали отъ жителей Клузіума уступки части ихъ владѣній, объявивъ Фабіямъ, что право ихъ заключается въ силѣ ихъ оружія и что міръ принадлежитъ храбрымъ. Война продолжалась. Римскіе послы поступили при этомъ весьма легкомысленно, принявъ участіе въ вылазкѣ жителей Клузіума, во время которой одинъ изъ нихъ даже убилъ одного галльскаго вождя. Бреннъ послалъ нѣсколькихъ изъ своихъ воиновъ въ Римъ требовать выдачи пословъ, такъ явно нарушившихъ международное право. Римскій сенатъ предоставилъ рѣшеніе дѣла народу, который не только отказалъ галламъ въ требуемомъ удовлетвореніи, но даже назначилъ Фабіевъ военными трибунами съ кон-

сульскою властью. По полученіи извѣстія объ этомъ, Бреннъ тотчасъ же двинулся противъ Рима. Къ несчастію для римлянъ, Камилла, единственнаго человѣка, который, какъ оказалось впослѣдствіи, могъ съ успѣхомъ бороться противъ галловъ, не было тогда въ Римѣ; онъ жилъ въ рутульскомъ городѣ Ардеѣ, куда добровольно удалился изъ своего отечества. Трое Фабіевъ и ихъ товарищи по военному трибунату выступили противъ галловъ съ войскомъ изъ сорока пяти или вѣроятнѣе только изъ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ, и дали имъ сраженіе при рѣкѣ Алліи (390 до р. Х.). Римляне потерпѣли такое пораженіе, что остатокъ ихъ войска, будучи отрѣзанъ отъ Рима, принужденъ былъ искать убѣжища въ покинутыхъ Веіяхъ. Съ этихъ поръ годовщина сраженія при Алліи считалась у римлянъ однимъ изъ несчастныхъ дней (dies nefasti).

Военные трибуны въ своей безразсудной горячности не позаботились ни о принятіи мѣръ для защиты города, ни о прикрытіи пути отступленія на случай пораженія. Римъ не былъ даже достаточно снабженъ съѣстными припасами, чтобы выдержать осаду, и тотчасъ послѣ сраженія сдѣлался бы добычею дикихъ галловъ, еслибъ послѣдніе не предались грабежу и пьянству. Такимъ образомъ прошелъ цѣлый день прежде чѣмъ Бреннъ могъ воспользоваться своею побѣдою. Это спасло римлянъ. О защитѣ города, лишеннаго народонаселенія способнаго къ войнѣ, нельзя было и думать, и бо́льшая часть жителей разбѣжалась по окрестнымъ городамъ. Однакоже, пользуясь этимъ временемъ, римляне заняли Капитолій людьми способными носить оружіе и снабдили его припасами. Подойдя къ Риму, галлы, нашли ворота не занятыми и городъ совершенно опустѣлымъ; только восемьдесять почтенныхъ старцевъ, не желая, по словамъ преданія, пережить паденіе своего роднаго города, сидѣли на форумѣ. Они пали подъ ударами варваровъ, а самый городъ былъ разграбленъ и почти весь выжженъ. Галлы нѣсколько разъ нападали на Капитолій, но тщетно, и потому часть

ихъ осталась въ Римѣ, чтобы голодомъ принудить къ сдачѣ гарнизонъ Капитолія, а другіе бросились грабить Лаціумъ.

Между тѣмъ многіе изъ бѣжавшихъ римлянъ и этрусковъ собрались въ стѣнахъ покинутыхъ Веій и избрали своимъ предводителемъ римлянина Цедиція. Другая толпа бѣглецовъ искала спасенія въ Ардеѣ, и отсюда вмѣстѣ съ гражданами этого города подъ предводительствомъ Камилла стала производить нападенія на бродившія по окрестностямъ хищныя орды галловъ. Цедицій и Камиллъ постоянно одерживали верхъ въ стычкахъ съ ихъ отдѣльными толпами и это все болѣе и болѣе увеличивало довѣріе римлянъ къ своему мужеству и военному счастью. Между тѣмъ галлы, осаждавшіе Капитолій, вошли въ переговоры съ осажденными, соглашаясь за извѣстную сумму денегъ отступить отъ города. Римскіе же отряды, сражавшіеся съ бродячими толпами ихъ соотечественниковъ, ввѣрили свою судьбу Камиллу, упросивъ его принять на себя начальство съ званіемъ диктатора и вести ихъ противъ галловъ, находившихся въ Римѣ.

До сихъ поръ всѣ разсказы о галльской войнѣ довольно правдоподобны; но съ этой минуты они начинаютъ походить скорѣе на эпическую поэму, прославляющую героевъ древности, чѣмъ на истинную и правдоподобную исторію, и добраться въ нихъ до истины нѣтъ возможности. По словамъ преданія, Камиллъ не хотѣлъ принять диктаторскаго достоинства безъ дозволенія сената. По этому было рѣшено испросить согласіе находившихся въ Капитоліи сенаторовъ. Смѣлый юноша, Понцій Коминій взялся исполнить это опасное порученіе, тайно проникнуть въ окруженный врагами Капитолій и принести оттуда разрѣшеніе сената.

Переплывъ Тибръ, онъ взобрался на гору, называемую Тарпейскою скалою и, получивъ желанное назначеніе сената, счастливо возвратился къ Камиллу. На слѣдующее утро галлы замѣтили его слѣды и рѣшились проникнуть въ Капитолій тѣмъ же путемъ. Дождавшись ночи, они, въ глубокой тишинѣ, стали взбираться на

гору, и одинъ изъ нихъ уже коснулся вершины скалы, какъ вдругъ посвященные Юнонѣ гуси капитолійскаго храма, испуганные шорохомъ, начали кричать. Крикъ ихъ разбудилъ консулара Марка Манлія, носившаго прозваніе Капитолина, потому что онъ имѣлъ домъ въ Капитоліи. Поспѣшивъ на крикъ, онъ столкнулъ взбиравшихся на верхъ галловъ и такимъ образомъ, благодаря его бдительности и храбрости, римляне были спасены отъ внезапнаго нападенія въ то самое мгновеніе, когда враги уже вступали въ цитадель.

Если дѣйствительно благоволеніе судьбы и геройство одного римлянина такъ чудесно содѣйствовали спасенію города, предназначеннаго для всемірнаго владычества, то и послѣднее дѣйствіе этой драмы не такъ невѣроятно, какъ иногда утверждали. Галлы, будучи тѣснимы голодомъ, заразою и римскими войсками, находившимися внѣ города, и, кромѣ того, получивъ извѣстіе о вторженіи венетовъ въ ихъ землю, рѣшились удалиться изъ Рима. Но и римляне, находившіеся въ Капитоліи, много терпѣли отъ недостатка припасовъ. Камиллъ не могъ съ достаточною быстротою собрать разсѣянныхъ по Лаціуму римлянъ и вести ихъ къ Риму. По этому между осаждавшими и осажденными начались переговоры о количествѣ денегъ, которыми должно было купить отступленіе первыхъ. Наконецъ римляне рѣшились заплатить галламъ тысячу фунтовъ золота, которые и были переданы Бренну на форумѣ однимъ изъ тогдашнихъ военныхъ трибуновъ, Сульпиціемъ; но галлы, вѣшая золото, употребляли невѣрные вѣсы, и когда Сульпицій сталъ протестовать противъ этого, Бреннъ бросилъ свой тяжелый мечъ вмѣстѣ съ перевязью на чашку вѣсовъ, сказавъ: „горе побѣжденнымъ!“ Въ это самое мгновеніе, по словамъ преданія, явился Камиллъ, подошедшій съ своимъ войскомъ къ городскимъ воротамъ. Какъ диктаторъ, онъ объявилъ договоръ, заключенный безъ его согласія, недѣйствительнымъ и велѣлъ отвѣчать галльскому царю, что римляне покупаютъ свою свободу не золотомъ, а мечемъ. На улицахъ Рима завязался бой, и галлы были вытѣснены

за городъ; настигнутые на слѣдующій день во время бѣгства римлянами, они были большею частью перебиты.

По удаленіи галловъ между римлянами возникъ споръ о застройкѣ вновь выжженнаго города. Большая часть жителей не хотѣла возстановленія Рима, предпочитая переселиться въ покинутые Веіи; но Камиллъ и большинство патриціевъ не допустили, чтобы новая держава унизилась именемъ, потерявшимъ блескъ. Для достиженія этой патріотической цѣли они искусно воспользовались суевѣріемъ народа. Случайно услышанное при собраніи голосовъ въ сенатѣ слово было принято за изъявленіе божественной воли, и народъ покорился опредѣленію судьбы. Черезъ годъ городъ былъ вновь отстроенъ безъ всякаго вниманія къ красотѣ и порядку; о поспѣшности, съ которой производились постройки, можно было судить по множеству узкихъ и кривыхъ улицъ, продолжавшихъ существовать до великаго пожара, истребившаго въ царствованіе Нерона бóльшую часть Рима.

5. Отъ возстановленія города Рима до начала политической дѣятельности Лицинія Столона.

Римъ еще не успѣлъ возникнуть изъ своихъ развалинъ, какъ былъ принужденъ вести войны съ нѣкоторыми отпавшими отъ него сосѣдними государствами. Латины, вольски и герники сдѣлали попытку воспользоваться тогдашнею слабостью римскаго государства и разорвать соединявшую ихъ съ нимъ связь. Вскорѣ они были снова покорены Камилломъ и нѣкоторыми другими полководцами, а война съ внѣшними непріятелями возвысила довѣріе къ собственнымъ силамъ и духъ народа, и вскорѣ Римъ, какъ бы перерожденный, снова воспрянулъ съ юными силами.

Возникшія послѣ изгнанія галловъ внутреннія распри по поводу преобразованія государственнаго устройства не препятствовали развитію римскаго могущества. Причиною тогдашнихъ раз-

доровъ было не злоупотребленіе властью, какъ при паденіи децемвировъ, и не стремленіе знатныхъ плебеевъ къ равенству съ патриціями, какъ это часто бывало прежде, а всеобщая нужда, бывшая слѣдствіемъ галльской войны. Неизбѣжное возвышеніе налоговъ, возстановленіе разрушенныхъ жилищъ, поправка опустошенныхъ полей и необходимость пріобрѣтать вновь рабочія орудія и скотъ, вовлекли большую часть народа въ долги; корыстолюбивые богачи изъ патриціевъ и плебеевъ пользовались этими денежными затрудненіями и должники были принуждены испытывать на себѣ всю строгость и жестокость римскихъ законовъ. Спаситель Капитолія Манлій Капитолинъ принялъ живое участіе въ несчастныхъ, освободилъ многихъ заключенныхъ за долги, ссудивъ имъ деньги безъ процентовъ, и, какъ говорятъ, истратилъ на это все свое состояніе. Онъ пошелъ еще далѣе, и предложилъ, чтобы для погашенія долговъ была продана часть государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ Манлій сталъ идоломъ народа и ужасомъ всѣхъ богатыхъ и знатныхъ. Они стали приписывать ему измѣнническіе замыслы и успокоились не раньше, какъ заключивъ его въ темницу; но грозное настроеніе умовъ въ народѣ заставило сенатъ вскорѣ освободить его.

Это сдѣлало Манлія еще опаснѣе для плебейской и патриціанской аристократіи; съ этихъ поръ онъ, говорятъ, дѣйствительно сталъ питать революціонные замыслы, въ которыхъ его обвиняли прежде, и началъ стремиться къ царской власти. Патриціи и богатые плебеи обвиняли его въ государственной измѣнѣ и народные трибуны формально повторили это обвиненіе въ центуріальныхъ комиціяхъ. Манлій могъ бы, подобно Камиллу, избѣжать предстоявшаго ему справедливаго или несправедливаго наказанія, удалившись добровольно въ изгнаніе; но онъ пренебрегъ кознями своихъ враговъ и остался въ Римѣ. Попросивъ четырехсотъ гражданъ, освобожденныхъ имъ отъ тюремнаго заключенія, свидѣтельствовать въ его пользу передъ центуріями, онъ указалъ на спасенный имъ Капитолій, на раны, покрывавшія

его грудь, на почетные подарки, пріобрѣтенные имъ на войнѣ, на оружіе, захваченное у побѣжденныхъ непріятелей, и дѣйствительно достигъ того, что народъ отказался обвинить его. Онъ или формально былъ оправданъ, или трибуны подъ какимъ нибудь предлогомъ отложили рѣшеніе дѣла и распустили центуріи. Но это не спасло его. Чрезъ нѣсколько дней было созвано другое собраніе центурій при менѣе благопріятныхъ для Манлія обстоятельствахъ или, что гораздо вѣроятнѣе, враги обвинили его передъ комиціями курій. Манлій былъ приговоренъ къ смерти, и согласно предписанному въ законѣ наказанію за намѣреніе насильственно разрушить существующее государственное устройство, былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы, а жилище его сравнено съ землею. (383 г. до р. Х).

Нельзя сказать положительно, были ли справедливы введенныя на Манлія обвиненія или нѣтъ. По другимъ разсказамъ, онъ даже собиралъ въ своемъ домѣ злоумышленниковъ, овладѣлъ съ помощью своихъ приверженцевъ Капитоліемъ, и такимъ образомъ сдѣлался виновнымъ въ открытомъ возстаніи противъ республики. Одинъ позднѣйшій историкъ повѣствуетъ также, что Манлій не былъ осужденъ на смерть, а по наущенію враговъ его былъ низвергнутъ со скалы однимъ предателемъ.

6. Законы Лицинія и ихъ ближайшія послѣдствія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Манлія опять возгорѣлась старинная борьба между патриціями и плебеями и была рѣшена окончательно въ пользу послѣднихъ. Толпа, всегда чуждая пониманія истиннаго величія души, въ разсказѣ объ этой борьбѣ приписала главному двигателю ея побужденія, свойственныя только слабымъ и низкимъ натурамъ.

Кай Лициній Столонъ, знатный плебей, былъ женатъ на Фабіи, младшей дочери патриція Марка Фабія Амбуста, а старшая сестра ея была за патриціемъ Сервіемъ Сульпиціемъ.

Разсказываютъ, что однажды посѣтивъ свою сестру, мужъ которой былъ въ то время военнымъ трибуномъ съ консульскою властью, Фабія была уязвлена блескомъ и почетомъ окружавшимъ ея сестру, какъ жену одного изъ высшихъ сановниковъ республики. Она стала подстрекать своего мужа стремиться къ достиженію такого же блеска и успокоилась, только получивъ отъ него обѣщаніе затмить ея сестру еще высшимъ блескомъ и почетомъ консульскаго достоинства.

Оставивъ въ сторонѣ этотъ разсказъ, мы можемъ ограничиться тѣмъ фактомъ, что Лициній Столонъ былъ знатный плебей, женатый на дочери патриція, обладавшій всѣми качествами необходимыми для консула и пользовавшійся такимъ уваженіемъ народа, что могъ надѣяться быть избраннымъ въ консулы, какъ только достоинство это сдѣлается доступнымъ для плебеевъ. Такой человѣкъ долженъ былъ вдвойнѣ чувствовать несправедливость недопущенія плебеевъ къ занятію первой должности въ государствѣ. Соединившись съ другимъ плебеемъ, Луціемъ Секстіемъ Латераномъ, онъ рѣшился добиться уничтоженія этого запрещенія и нѣкоторыхъ другихъ привилегій патриціевъ, доставилъ себѣ и своему другу (376 до р. X.) званіе народныхъ трибуновъ и обезсмертилъ свое имя, начавъ долголѣтнюю и непрерывную политическую борьбу съ патриціями, надъ которыми наконецъ одержалъ полную побѣду. Оба они десять лѣтъ сряду были избираемы въ трибуны и съ неутомимымъ рвеніемъ стремились къ достиженію предположенной цѣли, не смотря на самое упорное сопротивленіе патриціевъ, а въ началѣ даже и восьмерыхъ изъ своихъ товарищей. Въ этой борьбѣ обѣ стороны истощили всѣ законныя средства, допускавшіяся государственнымъ устройствомъ Рима при спорахъ между сенатомъ и народомъ. Лициній и его товарищи въ продолженіе четырехъ лѣтъ мѣшали избранію консуловъ и военныхъ трибуновъ, но все таки немогли достигнуть цѣли, вслѣдствіе сопротивленія своихъ товарищей. Когда наконецъ между трибунами установилось единодушіе, сенатъ думалъ отсрочить необходимую уступку, провозгласивъ диктаторомъ Камилла и объявивъ войну; но настойчивость и рѣши-

мость народныхъ трибуновъ помѣшали этой войнѣ и принудили диктатора отказаться вскорѣ отъ своей должности. Послѣ того былъ избранъ въ диктаторы Публій Манлій, а вслѣдъ за нимъ снова Камиллъ; но ничто не могло поколебать мужества трибуновъ, сенатъ долженъ былъ уступить, и предложенія Лицинія получили силу законовъ (366 г. до р. X.).

Законовъ Лицинія было три; первымъ изъ нихъ всѣмъ должникамъ были дарованы трехлѣтній срокъ и тройная отсрочка для уплаты долговъ, и сверхъ того было постановлено, что вся сумма уже уплаченныхъ процентовъ должна быть вычтена изъ капитала. Въ ту эпоху обыкновенные проценты составляли двѣнадцать на сто, а звонкая монета отдавалась всегда на весьма короткіе сроки; поэтому постановленія перваго закона Лицинія были чрезвычайно выгодны для простаго народа. По второму закону Лицинія всѣ граждане получили право на пользованіе государственными имуществами, но съ тѣмъ только, чтобы каждый изъ нихъ получалъ не болѣе 500 югеровъ. Это постановленіе дало возможность многимъ изъ средняго сословія взять въ пользованіе землю, съ которой они должны были платить извѣстную подать, но обработка которой все таки доставляла имъ средства улучшить благосостояніе своихъ семействъ. Наконецъ третьимъ закономъ Лицинія запрещалось избирать впредь военныхъ трибуновъ вмѣсто консуловъ, и открывался плебеямъ доступъ къ консульской должности. Впрочемъ разрѣшеніе это имѣло значеніе только для богатыхъ, знатнѣйшихъ и способнѣйшихъ изъ плебеевъ. Въ слѣдующемъ же году избранъ былъ консуломъ плебей, Луцій Секстій Латеранъ.

Стараясь спасти все что можно изъ своихъ привилегій, патриціи настояли на томъ, что высшая судебная и полицейская власть была отдѣлена отъ консульства и учреждены для того новыя должности, доступныя только имъ однимъ. Такъ возникли (366 до р. X.) званія претора и патриціанскихъ или курульскихъ эдиловъ; эти двѣ должности уступали важностью только консульству, и въ позднѣйшее время отъ вся-

каго, желавшаго сдѣлаться консуломъ, требовалось, чтобы онъ занималъ предварительно ихъ. Установленіе преторства было собственно учрежденіемъ званія третьяго консула. По этому въ первое время претору въ знакъ его достоинства были даны шесть ликторовъ, такъ какъ у обоихъ консуловъ вмѣстѣ ихъ было двѣнадцать. Преторъ былъ товарищемъ консуловъ по занятіямъ, избирался наровнѣ съ ними въ центуріальныхъ комиціяхъ, съ соблюденіемъ тѣхъ же религіозныхъ церемоній, и въ отсутствіе консуловъ заступалъ ихъ мѣсто.

Хотя веденіе гражданскаго судопроизводства составляло обязанность претора, но и впослѣдствіи оно считалось входящимъ въ кругъ дѣятельности консуловъ, такъ что они нерѣдко измѣняли рѣшенія претора, вслѣдствіе апелляцій тяжущихся. Учрежденіе преторства было вызвано не сознаніемъ его необходимости, а только борьбою патриціевъ съ плебеями; но если бы даже оно и было результатомъ одного желанія увеличить число должностей, согласно требованіямъ времени, то все таки нельзя не согласиться, что должность эта была учреждена какъ нельзя болѣе кстати. Отдѣленіе судопроизводства отъ администраціи было вполнѣ современно и необходимо, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и быстраго развитія гражданскихъ отношеній. Сообразно съ обстоятельствами римляне измѣняли и основные законы гражданскаго судопроизводства. При вступленіи въ должность преторъ излагалъ свои воззрѣнія и основанія, которыми онъ намѣревался руководствоваться въ судопроизводствѣ; эти ежегодные эдикты преторовъ содѣйствовали мало по малу установленію извѣстной юридической нормы. Такимъ образомъ положительные законы, безъ всякихъ рѣзкихъ измѣненій, были болѣе или менѣе систематическимъ образомъ приспособляемы къ успѣхамъ и потребностямъ времени. Конечно это открывало обширное поле для произвола; но предоставленная преторамъ власть приводить въ порядокъ законы устраняла медленность и рутину, легко развивающіяся при установившихся однажды на всегда юридическихъ формально-

стяхъ и способствовала быстротѣ дѣлопроизводства, которою отличалась вся государственная жизнь римлянъ. Число преторовъ постепенно возрастало: вмѣсто одного съ 242 года до р. Х. стали избираться два, съ 227 г. до р. Х. четыре, впослѣдствіи шесть и наконецъ десять преторовъ.

Тоже сознаніе потребностей времени и тотъ же тактъ въ удовлетвореніи имъ выказывается и въ учрежденіи должности курульскихъ эдиловъ. Возрастаніе народонаселенія давало чувствовать необходимость энергической полиціи, и потому была учреждена высшая полицейская должность курульскихъ эдиловъ. При этомъ римляне дѣйствовали такъ же благоразумно и своевременно, какъ и англійскій парламентъ, когда нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не смотря на чрезвычайное недовѣріе націи къ полицейскому вліянію правительства, онъ всетаки успѣлъ поставить государственнаго секретаря внутреннихъ дѣлъ во главѣ столичной полиціи, чтобы ввести въ нее единство. Впрочемъ главнымъ побужденіемъ къ учрежденію должности курульскихъ эдиловъ, какъ и къ учрежденію преторства, не было сознаніе необходимости этой должности, а другое обстоятельство. Плебейскіе эдилы отказались однажды распоряжаться нѣкоторыми публичными играми, разрѣшенными сенатомъ, поэтому въ должность эдиловъ были избраны нѣсколько патриціевъ, и должность ихъ впослѣдствіи была сохранена. Съ тѣхъ поръ на эдиловъ была возложена обязанность распоряжаться играми, учреждаемыми правительствомъ. Въ позднѣйшее время стало обычаемъ, чтобы сами эдилы давали ихъ на свой счетъ; это былъ лучшій способъ пріобрѣсти любовь народа и тѣмъ проложить себѣ путь къ преторству или консульству. Многіе изъ нихъ совершенно разорялись, вслѣдствіе огромныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ этою должностью, что было такимъ же злоупотребленіемъ, какъ происходящіе въ Англіи изъ того же источника чрезмѣрные расходы при парламентскихъ выборахъ. Курульскіе эдилы кромѣ завѣдыванія играми имѣли и другія обязанности. Въ продолженіе трехъ съ по-

ловиною лѣтъ каждаго лустра (пятилѣтія), когда не было цензоровъ, подъ наблюденіемъ эдиловъ находились всѣ общественныя зданія, водопроводы и улицы, они представляли о нихъ отчетъ цензорамъ, и на основаніи сдѣланныхъ послѣдними распоряженій завѣдывали сооруженіями большихъ дорогъ, водопроводовъ, портиковъ, храмовъ и т. д. Кромѣ того они наблюдали за торговлею, общественными увеселительными мѣстами, трактирами, за чистотою и порядкомъ на улицахъ и площадяхъ. Въ какихъ отношеніяхъ находились они къ плебейскимъ эдиламъ, мы рѣшительно не можемъ опредѣлить; но извѣстно, что въ Римѣ было всегда по два плебейскихъ и по два курульскихъ эдила.

Кромѣ двухъ вновь учрежденныхъ должностей, патриціи удержали за собою цензорство и должности жрецовъ, но и это продолжалось не долго; за первою побѣдою плебеевъ послѣдовали вскорѣ и другія. Тотчасъ же по учрежденіи курульскихъ эдиловъ плебеи получили доступъ къ этой должности, черезъ двадцать восемь лѣтъ по достиженіи ими консульства (338 г. до р. X.) патриціи должны были допустить ихъ къ цензорству, а два года спустя къ преторству; наконецъ не далѣе какъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того плебеи достигли и званія верховнаго жреца (302 г. дор. X.).

Къ этому времени относится преданіе о самопожертвованіи Марка Курція, не имѣющее собственно никакого значенія въ римской исторіи и приводимое нами здѣсь только потому, что событіе это часто упоминается. Вслѣдствіе землетрясенія на форумѣ образовалась пропасть; жрецы объявили, что она закроется только тогда, когда римляне бросятъ въ нее самую драгоцѣнную для нихъ вещь, и что это пожертвованіе обезпечитъ навѣки существованіе государства. Молодой патрицій Маркъ Курцій вызвался для спасенія своего отечества броситься въ пропасть, такъ какъ для Рима драгоцѣннѣе всего были мужество и патріотизмъ его гражданъ. Исполнивъ торжественные обряды, онъ въ полномъ вооруженіи въѣхалъ на конѣ на форумъ и въ виду народа бросился въ пропасть, которая тотчасъ же закрылась.

VI. ИСТОРІЯ РИМА

ОТЪ УРАВНЕНІЯ ПРАВЪ ПАТРИЦІЕВЪ И ПЛЕБЕЕВЪ ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ.

---

1. Характеръ римской жизни въ эту эпоху вообще.

Когда вмѣстѣ съ уравненіемъ правъ обоихъ сословій исчезли послѣдніе остатки кастоваго быта, а знатные и способные плебеи получили участіе въ управленіи государствомъ, въ Римѣ мѣсто прежняго сословія патриціевъ, еще долго сохранявшаго свою сословную гордость, заняло новое дворянство. Эта новая аристократія, въ отличіе отъ прежней патриціанской называемая сенаторскою, состояла изъ постепенно вымиравшихъ старинныхъ фамилій и изъ семействъ людей, возвысившихся собственными заслугами; такимъ образомъ она не была, какъ прежняя аристократія, вѣчно неизмѣнною замкнутою кастою, а составляла постоянно обновляющійся кружокъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ государствѣ и ихъ потомковъ, и пользовалась по этому любовью и уваженіемъ народа. Этой то аристократіи Римъ былъ обязанъ своимъ величіемъ и могуществомъ: большая часть именъ, блистающихъ въ лѣтописяхъ римской исторіи, принадлежитъ плебеямъ, прославившимся на войнѣ; новая аристократія также энергически, какъ и прежняя, стара-

лась удерживать стремленія честолюбцевъ, и только великія заслуги могли открыть послѣднимъ доступъ въ ея ряды.

Въ Римѣ кастовый бытъ былъ вытѣсненъ не промышленнымъ классомъ гражданъ, а новою аристократіею, заступившею мѣсто прежней. Это обстоятельство, въ соединеніи съ господствовавшимъ съ самаго начала воинственнымъ направленіемъ римлянъ, должно было придать особенный характеръ всей римской жизни. Въ Римѣ нельзя было пріобрѣсти никакого значенія торговлею или промышленностью, а еще менѣе умственною дѣятельностью; всѣ стремленія государственной жизни обращались преимущественно къ земледѣлію, къ развитію и систематизаціи гражданскаго права и къ войнамъ. По этому мы не должны удивляться, что на ряду съ внутренними распрями лѣтописи римской исторіи повѣствуютъ о непрерывныхъ внѣшнихъ войнахъ, и что время, слѣдовавшее за уравненіемъ политическихъ правъ обоихъ сословій, подобно первой половинѣ христіанскихъ среднихъ вѣковъ, было по преимуществу эпохою рыцарства. Этотъ періодъ рыцарства начинается съ учрежденія республики, достигаетъ высшей точки своего развитія полтораста лѣтъ спустя, и, составляя настоящую героическую эпоху римской исторіи, продолжается до второй пунической войны, т. е. до начала втораго столѣтія до р. X. Періодъ этотъ былъ временемъ самаго полнаго и чистаго развитія истинно національнаго характера римлянъ, и потому прежде чѣмъ коснуться самаго хода событій этихъ среднихъ вѣковъ Рима, необходимо бросить взглядъ на состояніе и жизнь тогдашняго общества и механизмъ римскаго военнаго устройства.

По изгнаніи царей, Римъ сдѣлался наслѣдственно-аристократическимъ государствомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Добродѣтели замѣчательнѣйшихъ людей того времени были только отдѣльными рѣзкими проявленіями общаго характеристическаго духа эпохи. Небольшое число патриціевъ—землевладѣльцевъ, которыхъ можно сравнить съ дворянствомъ южной Шотландіи шестнадца-

таго и семнадцатаго вѣковъ, составляла ядро государства и полагало всю свою славу не въ богатствѣ и роскоши, а въ многочисленности и привязанности своихъ кліентовъ. Цари стремились къ этруской пышности, аристократія патриціевъ противопоставляла этому стремленію простоту внѣшней жизни, и умѣла весьма искусно поддерживать ненависть къ царской власти рѣзкимъ контрастомъ нравовъ монархической и республиканской эпохъ. То же самое явленіе повторилось въ новѣйшее время при Кальвинѣ и Безѣ между французскими реформатами и сдѣлалось политическимъ догматомъ въ женевской и голландской республикахъ, когда и самое устройство церкви изъ монархическаго сдѣлалось республиканскимъ.

Спартанская простота и строгость жизни сохранились и тогда, когда старинная наслѣдственная аристократія должна была мало по малу уступить мѣсто новымъ фамиліямъ потому что римское государство имѣло чисто военный характеръ; основаніями всего національнаго быта были: война, земледѣліе и простота всѣхъ отношеній жизни, только любовь къ отечеству, мужество и военные подвиги считались заслугами и могли доставить общее уваженіе. Относительно обычаевъ римское общество продолжало идти по однажды проложенному пути. Чѣмъ болѣе Римъ преобразовывался въ совершенно новое государство и принималъ чисто воинственный характеръ, тѣмъ рѣшительнѣе становилось преобладаніе самнитскихъ нравовъ надъ этрускими и латинскими, господствовавшими въ эпоху царей. При послѣднихъ царяхъ, судя по величественнымъ сооруженіямъ Тарквиніевъ, въ Римѣ начали уже распространяться искусства и нѣкоторая роскошь; въ первыя же времена республики жизнь сдѣлалась гораздо проще и грубѣе. Это особенно замѣтно въ періодъ времени между вторженіемъ галловъ и началомъ пуническихъ войнъ. Римскій народъ, обѣднѣвъ и усилившись въ одно и тоже время, вслѣдствіе разрушенія города и постоянныхъ войнъ, возвратился къ древней простотѣ жизни и весь бытъ его принялъ грубый и воинственный характеръ.

Не имѣя тогда ни рудниковъ, ни торговли, ни промышлен-

ности, римляне были очень бѣдны. Впрочемъ мы привыкли представлять ихъ бѣдность въ слишкомъ идиллическомъ свѣтѣ и вѣрить буквально разсказамъ о Цинциннатѣ, Куріѣ Дентатѣ, Фабриціѣ и Регулѣ. Это не согласуется уже съ самымъ раздѣленіемъ народа на классы при Сервіи Тулліи и опровергается нѣкоторыми дошедшими до насъ подробностями о частной жизни римлянъ въ древнѣйшую эпоху. Въ Римѣ тогда уже начинали развиваться промышленность, торговля и извѣстная степень роскоши. Постройки Тарквинія и проведенныя впослѣдствіи дороги заставляютъ предполагать существованіе въ Римѣ значительнаго числа искусныхъ ремесленниковъ. Намъ извѣстно еще, что въ первые годы республики римлянки носили пурпуровыя платья съ золотою обшивкою, а законами двѣнадцати таблицъ было даже запрещено господствовавшее въ то время обыкновеніе сожигать вмѣстѣ съ мертвыми принадлежащія имъ золотыя украшенія. Еще за сорокъ лѣтъ до сожженія Рима галлами, вошло въ обычай раздавать золотые вѣнки въ видѣ почетной награды за храбрость, слѣдовательно римляне стали награждать побѣдителей золотомъ гораздо прежде, чѣмъ греки, хотя послѣдніе обладали золотыми рудниками, и вслѣдствіе своего близкаго сосѣдства съ Востокомъ и ранняго развитія торговли были гораздо богаче золотомъ. Римъ сталъ вести торговлю весьма рано, но она не могла быть очень значительна, воинственное направленіе всей государственной жизни отвлекало отъ занятія ею всѣхъ богатыхъ и знатныхъ, а дѣятельность прочихъ классовъ населенія была поглощаема преимущественно земледѣліемъ. Торговое сословіе Рима состояло почти исключительно изъ иностранцевъ, — латиновъ и этрусковъ, поселившихся въ римскихъ владѣніяхъ. Впрочемъ уже съ самаго начала своей исторіи римляне придавали значеніе торговлѣ и уже въ первый годъ республики былъ заключенъ торговый трактатъ съ Кареагеномъ, который былъ возобновляемъ два или три раза въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій. Постоянные доходы государства состояли изъ налоговъ на движимое и недвижимое имуще-

ство гражданъ, таможенныхъ пошлинъ, податей съ государственныхъ имуществъ, отданныхъ въ безсрочное пользованіе частнымъ лицамъ, и арендной платы съ помѣстій, оставшихся въ непосредственномъ владѣніи государства и отдаваемыхъ въ аренду на срокъ. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ источниковъ дохода существовалъ еще одинъ чрезвычайный — военная добыча. Государственные расходы съ самаго начала были въ Римѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Греціи. Въ греческихъ государствахъ почти не было никакихъ издержекъ на администрацію, только въ однихъ Аѳинахъ граждане получали вознагражденіе за засѣданіе въ народномъ собраніи и судахъ и пританы обѣдали на государственный счетъ. Въ Римѣ же высшія должностныя лица, хотя и не получали жалованья, но были снабжаемы на счетъ государства всѣмъ необходимымъ и могли, не опасаясь отвѣтственности, обогащаться на счетъ другихъ. Кромѣ того, ведя непрерывныя войны и постоянно распространяя свое владычество, не представлявшее въ началѣ никакихъ особенныхъ выгодъ, Римъ долженъ былъ издерживать громадныя суммы. Поэтому нужно было содержать и множество второстепенныхъ чиновниковъ (такъ называемыхъ apparitores), которые всѣ получали отъ государства жалованье назначались волею высшихъ сановниковъ, и мѣняясь вмѣстѣ съ ними, почти ежегодно должны были стараться обогатиться, прежде чѣмъ ихъ патронъ оставитъ свою должность, или даже дѣлиться съ нимъ доходомъ своихъ мѣстъ. Значительная часть военной добычи также попадала въ руки должностныхъ лицъ. Самое обвиненіе Камилла въ томъ, что онъ употребилъ на украшеніе своего дома часть добычи, взятой въ Веіяхъ, служитъ доказательствомъ, что и въ то время этотъ способъ обогащенія былъ довольно обыкновененъ и что безкорыстіе, которымъ славились нѣкоторые другіе герои Рима, уже и тогда составляло исключеніе.

Еще въ первую эпоху существованія города огромныя суммы тратились римлянами на возведеніе общеполезныхъ сооруженій,

какъ напримѣръ водопроводовъ, клоаковъ и большихъ дорогъ. Эти важнѣйшіе памятники римскаго величія, заслуживающіе гораздо большаго удивленія, чѣмъ всѣ великолѣпныя зданія Египта и индійскіе подземные храмы, отличались столько же своею полезностью, сколько и громадностью издержекъ на ихъ сооруженіе. Въ этомъ отношеніи римляне превзошли даже грековъ. „Римляне,“ говоритъ одинъ греческій писатель, „съудивительнымъ благоразуміемъ умножили искусствомъ выгоды естественнаго положенія ихъ города. Основывая городъ, грекъ полагаетъ, что сдѣлалъ все что нужно, избравъ плодородную мѣстность и хорошую гавань, украсивъ свой городъ красивыми зданіями и снабдивъ его укрѣпленіями; римлянинъ же при постройкѣ своихъ городовъ заботится преимущественно о томъ, что грекъ оставляетъ всегда безъ вниманія: онъ мостить улицы, сооружаетъ водопроводы и прорываетъ каналы для стока нечистотъ. Большія дороги римляне проводятъ также, не щадя трудовъ и издержекъ, срывая для этого цѣлые холмы и засыпая землею пропасти“

Дороги и водопроводы римлянъ въ особенности заслуживаютъ нашего вниманія, потому что именно въ описанную нами эпоху были воздвигнуты сооруженія, послужившія образцами всѣхъ подобныхъ построекъ во всѣ позднѣйшія эпохи Рима. Знаменитѣйшая римская дорога была проложена въ 312 году до р. Х. богатымъ патриціемъ Аппіемъ Клавдіемъ, и по имени своего строителя называется Аппіевою дорогою (via Appia). Она вела изъ Рима въ кампанскій городъ Капую, но впослѣдствіи была продолжена съ одной стороны до Сицилійскаго пролива, а съ другой до города Брундузія (Бриндизи), откуда обыкновенно переправлялись моремъ въ Грецію. При Аппіи Клавдіи государственные доходы значительно возвысились вслѣдствіе завоеваній и могли доставить необходимыя средства для проложенія этой дороги и сооруженія гигантскаго водопровода. Издержки на эти сооруженія не могли слишкомъ обременить государственной казны, а напротивъ того доставили гражданамъ случай обогатиться, и Аппій

Клавдій, завѣдывавшій этими постройками, исполненіемъ ихъ заслужилъ признательность своихъ согражданъ, показавъ въ тоже время жителямъ Италіи величіе Рима и стяжавъ себѣ безсмертную славу. Аппіева дорога была такъ хорошо построена, что до сихъ поръ не имѣетъ ничего себѣ подобнаго и представляетъ самый лучшій памятникъ величія Рима. По сохранившимся до нашего времени остаткамъ этой дороги можно видѣть, что она далеко оставляла за собою громадныя стѣны древнихъ этрускихъ городовъ, не уступая имъ въ прочности и превосходя ихъ своимъ протяженіемъ. Полотно дороги было такъ широко, что на ней могли свободно разъѣхаться двѣ повозки. Фундаментъ ея состоялъ изъ камней отъ четырехъ до пяти футовъ въ длину и ширину, связанныхъ другъ съ другомъ цементомъ. Всѣ камни были обтесаны въ одинаковую форму и сложены такъ искусно, что почти невозможно было замѣтить ихъ кладки; они составляли превосходную каменную подстилку, сверху покрытую щебнемъ. Въ извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга на ней находились дорожные столбы, камни для того чтобы садиться на лошадь, и гостинницы. Обѣ стороны ея были мало по малу застроены гробницами, которыя, подобно всѣмъ своимъ памятникамъ, древніе римляне ставили всегда на большихъ дорогахъ. Благодаря этому обыкновенію, дороги ихъ не страдали такимъ однообразіемъ, какъ наши, развлекали и поучали путешественника, возбуждая въ немъ удивленіе къ всемірному могуществу Рима. Въ эту эпоху дороги строились еще непосредственно самимъ государствомъ, подъ наблюденіемъ цензоровъ, эдиловъ и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ; впослѣдствіи же постройки сдавались съ торговъ какому нибудь предпринимателю, а для работъ на нихъ употребляли солдатъ и жителей провинцій, обязанныхъ нести эту натуральную повинность. Другое громадное сооруженіе, воздвигнутое Аппіемъ Клавдіемъ, былъ самый древній изъ римскихъ водопроводовъ. До Аппія Клавдія жители Рима довольствовались нѣсколькими источниками и фонтанами и даже мутною водою Тибра. Водопроводъ Аппія

доставлялъ въ Римъ свѣжую воду болѣе чѣмъ съ десяти верстъ разстоянія; онъ представлялъ собою непрерывную и прочную каменную постройку, которая почти вся находилась подъ землею, за исключеніемъ небольшаго пространства, гдѣ водопроводъ былъ поддерживаемъ арками.

Въ древнѣйшую эпоху римской исторіи все дѣлалось для блага и славы государства, а не для увеличенія блеска частной жизни. Деньги получаемыя съ военной добычи и податей покоренныхъ народовъ были употребляемы на общественныя сооруженія, имѣвшія опредѣленную цѣль и доставлявшія пользу всему государству, а подобныя сооруженія должны были требовать огромныхъ суммъ; поэтому разсказы о бѣдности и простотѣ жизни знатныхъ римскихъ фамилій древнѣйшей эпохи, не смотря на всю свою преувеличенность, довольно правдоподобны. Разсказы о громадныхъ процентахъ, которые патриціи брали съ плебеевъ, также служатъ подтвержденіемъ нашихъ словъ; наконецъ, мы знаемъ, что римляне стали чеканить монету только со временъ Пирра, а до того времени у нихъ находились въ обращеніи латинскія, этрускія и греческія деньги. Образъ жизни и нравы были просты въ высшей степени. Общественныя зданія составляли рѣзкій контрастъ съ частными жилищами, которыя по свидѣтельству римскихъ писателей, до временъ Пирра, строились изъ дерева или имѣли деревянныя крыши.

Простота эта долгое время поддерживалась всѣмъ складомъ римской жизни; но въ особенности содѣйствовали тому безпрерывныя войны. У римлянъ, постоянно ведшихъ войны, каждый гражданинъ былъ воиномъ, а сенаторы и всѣ высшіе сановники избирались изъ заслуженныхъ военачальниковъ. Поэтому лагерные нравы съ самаго начала получили перевѣсъ надъ стремленіями къ роскоши, начинавшими обнаруживаться при послѣднихъ царяхъ; а всемогущій примѣръ высшаго класса имѣлъ благодѣтельное вліяніе на низшія сословія. Только женщинамъ дозволялась нѣкоторая роскошь въ частной жизни, мужчины же сдѣлались еще грубѣе и суровѣе въ

галльскихъ и самнитскихъ войнахъ, которыя вспыхнули вскорѣ послѣ Лицинія Столона и продолжались нѣсколько десятковъ лѣтъ. Земледѣліе и военная служба были главными занятіями римлянина и считались единственными почетными отраслями дѣятельности. Война сдѣлалась для римлянъ тѣмъ же, чѣмъ была для народовъ среднихъ вѣковъ охота, т. е. игрою, вошедшею въ привычку, развлеченіемъ, потребностью, основанною на обычаѣ, условіяхъ всего быта и соотвѣтствовавшею господствовавшему духу той эпохи. Охотой нельзя было заняться на густо населенной и прекрасно воздѣланной территоріи римскаго государства и потому она не могла сдѣлаться страстью, какъ у сѣверныхъ народовъ. Патріотизмъ и любовь къ славѣ заставляли каждаго римлянина, по окончаніи войны, желать новаго похода. Даже самое увеличеніе числа рабовъ, вслѣдствіе войнъ, не имѣло сначала вреднаго вліянія на духъ и нравы римскаго народа. Рабы, употребляемые преимущественно для земледѣльческихъ работъ и занимавшіеся ими вмѣстѣ съ своимъ господиномъ и его семействомъ, находились тогда въ совершенно другихъ отношеніяхъ къ своимъ владѣльцамъ, чѣмъ впослѣдствіи. Кромѣ того народы, съ которыми римляне вели тогда войны, находились съ ними въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ и эта связь должна была придавать самому рабству болѣе мягкій характеръ. Римляне и итальянцы, собственно говоря, считали себя однимъ народомъ; нравы ихъ не представляли особенно рѣзкихъ отличій, и многіе изъ плѣнныхъ были тогда освобождаемы безденежно или выкупаемы своими родственниками и друзьями.

Семейная жизнь въ Римѣ была гораздо благороднѣе и чище чѣмъ въ Греціи. Она была чисто самнитскою, т. е. сельскою, строго нравственною и умѣренною. Прежде знатные римляне, исключая сенаторовъ, жили преимущественно въ своихъ имѣніяхъ, пріѣзжая въ городъ только на время и возвращаясь назадъ, по окончаніи своихъ дѣлъ. Дѣти жили у отца или по сосѣдству, точно также какъ и кліенты, находившіеся къ своему патрону въ

такихъ же отношеніяхъ, какъ и первые. Отецъ былъ не только главою, но господиномъ и владыкою всего семейства, и государство не вмѣшивалось рѣшительно ни во что, происходившее въ нѣдрахъ семейства. Отецъ, не подвергаясь никакой отвѣтственности, могъ бросить своего новорожденнаго ребенка, присвоить себѣ все имущество сыновей, трижды продавать ихъ въ рабство и даже лишать ихъ жизни. Подобное право, какъ покажется съ перваго взгляда, должно было повести за собою самую страшную тираннію, но на дѣлѣ естественное чувство бываетъ всегда гораздо могущественнѣе и, находя себѣ пищу, гораздо лучше всякаго закона и всякаго покровительства законовъ. Хотя въ Римѣ и встрѣчались иногда случаи злоупотребленія родительскою властью, но вообще они были очень рѣдки, а въ древнѣйшую эпоху семейная власть имѣла то преимущество, что дѣлала почти ненужными суды и писанные законы. Имѣя много рабынь, исполнявшихъ всѣ домашнія работы, жена римлянина не вмѣшивалась вовсе во многія отрасли домашняго хозяйства, которыя у насъ лежатъ непремѣнно на обязанности самой хозяйки. Римскія женщины не были, подобно греческимъ, удалены отъ всякой общественной и государственной жизни и ограничены однимъ семейнымъ и домашнимъ кругомъ. Имъ не было чуждо и общее мужское образованіе, которое у грековъ было доступно только гетерамъ или публичнымъ женщинамъ; потому исторія римской образованности, въ противоположность греческой, представляетъ намъ примѣръ сильнаго вліянія женщинъ на развитіе націи. Замужняя римлянка имѣла очень почетное положеніе въ обществѣ, была образована и принимала участіе въ общественной жизни мужчинъ. Расторженіе брака, не смотря на всю легкость его для мужчины, было въ описываемую нами эпоху чѣмъ то неслыханнымъ.

Серьезнымъ, суровымъ и практическимъ римлянамъ была совершенно чужда исполненная веселости и чувственныхъ наслажденій жизнь грековъ; за то они были свободны и отъ той геніальной легкомысленности, которая обнаруживается во всѣхъ проявленіяхъ

греческой жизни и выказывается даже у спартанцевъ въ распущенности ихъ женщинъ и слабости брачныхъ узъ. Настоящими національными развлеченіями римлянъ были конскія скачки и военныя игры, начало которыхъ восходитъ, повидимому, до самыхъ отдаленныхъ временъ; напротивъ того все, что имѣло какое нибудь отношеніе къ искусству и технической ловкости, вначалѣ было имъ совершенно чуждо. Отъ этрусковъ, находившихъ удовольствіе въ неблагопристойныхъ тѣлодвиженіяхъ и жестахъ мимовъ и танцевъ, римляне переняли какъ это развлеченіе, такъ по всей вѣроятности и игры гладіаторовъ, впрочемъ еще неизвѣстныя имъ въ описываемую нами эпоху. Игры эти вполнѣ соотвѣтствовали грубому характеру римлянъ и потому, тотчасъ по своемъ появленіи въ Римѣ, сдѣлались, вмѣстѣ съ травлями звѣрей, любимымъ развлеченіемъ народа. Но и здѣсь, точно также какъ въ танцахъ и введенныхъ впослѣдствіи театральныхъ представленіяхъ, первобытныя національныя воззрѣнія сохранили всю свою силу, и всякій являвшійся въ этихъ зрѣлищахъ дѣйствующимъ лицомъ былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія (т. III, стр. 165). Музыка римлянъ была шумная или веселая и никогда не испытывала значительныхъ усовершенствованій. Нѣкоторыя торжественныя жертвоприношенія, совершавшіяся съ аккомпаниментомъ музыки, постоянно сопровождались неистовыми плясками и прыганьемъ. Употребительныя на пирахъ пѣніе и игра на флейтѣ никогда не подвергались такимъ усовершенствованіямъ, какъ греческая музыка. За то у римлянъ съ самаго начала сталъ распространяться самый низкій родъ роскоши, роскошь стола, такъ что въ описываемую нами эпоху для ограниченія ея принуждены были издать особый законъ.

2. Римское военное устройство.

Подобно организаціи спартанской и македонской фаланги, организація военныхъ силъ Рима была первоначально въ самой тѣсной связи съ національными нравами и учрежденіями; но и въ

ней обнаруживается тоже самое свойство національнаго римскаго характера, которое было единственною причиною возвеличенія Рима надъ всѣми прочими народами древности. Это свойство заключалось въ природномъ умѣньи римскаго народа съ одной стороны удерживать какъ можно долѣе свои старинные нравы и учрежденія, а съ другой чрезвычайно искусно сливать съ ними всѣ лучшія учрежденія другихъ народовъ, такъ что даже по окончаніи второй пунической войны Римъ, безпрестанно преобразовываясь, всегда оставался однимъ и тѣмъ же. Это свойство римскаго характера выказывается и во всѣхъ частяхъ римскаго военнаго устройства, усовершенствованіе котораго введеніемъ чужеземныхъ учрежденій должно тѣмъ болѣе заслуживать нашего вниманія, что вначалѣ вооруженіе и подраздѣленіе войска находилось въ самой тѣсной связи съ государственнымъ правленіемъ, системою налоговъ и всѣмъ складомъ народной жизни.

Въ древнѣйшую эпоху римское войско представляло собою картину самнитскаго равенства въ соединеніи съ самнитскою аристократіею. Кромѣ консула или главнокомандующаго только его легаты или ближайшіе помощники и военные трибуны или второстепенные военачальники (полковники) имѣли постоянное военное званіе (чинъ) и были офицерами въ нашемъ смыслѣ этого слова; всѣ прочіе начальники занимали свои мѣста только на время одного похода и до самаго окончанія второй пунической войны нерѣдко случалось, что человѣкъ, бывшій одинъ годъ центуріономъ (сотникомъ), на слѣдующій годъ занималъ послѣднюю ступень въ военной іерархіи. Конечно на практикѣ и тутъ принимались въ соображеніе продолжительность службы и прежнія заслуги, а впослѣдствіи установилось настоящее производство въ военные чины на ваканціи и за отличіе, но назначеніе всѣхъ второстепенныхъ начальниковъ вполнѣ зависѣло отъ консула, поручавшаго это военному трибуну, безъ всякаго контроля со стороны сената и народнаго собранія. Легаты избирались консуломъ и утверждались сенатомъ. Назначеніе военныхъ трибуновъ было пре-

доставлено сначала консуламъ, а съ 311 года до р. Х. консуламъ и народному собранію. Въ римскомъ войскѣ званіе военнаго трибуна было чрезвычайно важно, и потому на эти мѣста избирались извѣстные и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ граждане; многіе изъ нихъ бывали передъ тѣмъ народными трибунами, эдилами, преторами, консулами, и всѣ уже были сенаторами или назначались въ сенатъ цензорами, по окончаніи похода.

Каждый римскій гражданинъ былъ воиномъ и обязанъ былъ нести военную службу отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Римскіе граждане составляли то, что мы называемъ постояннымъ войскомъ, хотя и не находились на непрерывной дѣйствительной службѣ, какъ это было впослѣдствіи. Военная служба считалась весьма почетною и потому при сборѣ войска въ него назначались только самые честные люди, а преступники и лишенные чести исключались изъ его рядовъ. Войско раздѣлялось на легіоны, численный составъ которыхъ съ теченіемъ времени мѣнялся. Можно полагать, что въ древнѣйшую эпоху легіонъ состоялъ изъ трехъ тысячъ, а въ позднѣйшія времена заключалъ въ себѣ отъ 4,200 до 6,000 человѣкъ. Около 350 года до р. Х. всѣ военныя силы Рима, кромѣ латинскихъ войскъ, состояли изъ десяти легіоновъ, въ 4,200 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ каждый. Это громадное для того времени войско, благодаря своему духу и внутренней энергіи, казалось еще вдвое сильнѣе, потому что состояло изъ людей, которые сражались за свои интересы, отчасти даже добровольно становились въ ряды, и изъ которыхъ весьма многіе могли тотчасъ же занять должности начальниковъ, а нѣкоторые даже сдѣлаться полководцами.

Въ древнѣйшую эпоху въ составъ легіона, заключавшаго въ себѣ три тысячи человѣкъ, входило по тысячѣ человѣкъ изъ каждой трибы патриціевъ, дѣлившихся въ свою очередь на сотни. Отсюда произошли и названія трибунъ, т. е. предводитель трибы, и центурія или сотня. Послѣ того составъ легіона былъ

вполнѣ согласованъ съ приписываемымъ Сервію Туллію раздѣленіемъ народа на классы.

Впослѣдствіи раздѣленіе легіона и порядокъ расположенія его въ битвѣ подвергались многимъ измѣненіямъ, подробный разборъ которыхъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко. Вообще можно замѣтить, что первоначальное устройство легіона, состоявшаго преимущественно изъ тяжеловооруженной пѣхоты, представляло много сходства съ македонскою фалангою (т. II. стр. 102); впослѣдствіи же легіонъ состоялъ изъ трехъ главныхъ массъ тяжело вооруженной пѣхоты, называвшихся гастатами, принципами и тріаріями, составлявшихъ какъ бы три боевыя линіи и вступавшихъ въ бой одни за другими въ томъ порядкѣ, въ какомъ они у насъ поименованы. Что касается роли, которую играли въ легіонѣ легковооруженные и всадники, раздѣленія легіона въ различныя времена на манипулы, когорты и центуріи и соотвѣтствовавшей тому дѣленію іерархіи военныхъ чиновъ, все это составляетъ предметъ не всеобщей исторіи, а особенной науки, военной исторіи. Достаточно будетъ замѣтить что вооруженіе римлянъ было гораздо лучше вооруженія греко-македонскихъ войскъ. Они имѣли длинные щиты, гораздо лучше закрывавшіе тѣло, и пилумъ или копье, которымъ можно было дѣйствовать какъ пикою и какъ метательнымъ дротикомъ; главные недостатки греко-македонской фаланги заключались въ малой подвижности и однообразіи ея состава и вооруженія воиновъ, римскій же легіонъ въ случаѣ необходимости легко могъ дѣлиться на свои составныя части: каждая когорта и манипулъ составляли отдѣльное цѣлое и могли сражаться особо. Наконецъ римляне всегда приспособляли свое военное устройство къ обстоятельствамъ и времени, оставаясь при этомъ вѣрными своему національному характеру, что можно видѣть какъ въ раздѣленіи войскъ и въ численномъ составѣ легіона, такъ и въ вооруженіи, походномъ порядкѣ и диспозиціи войскъ во время сраженія. Сражаясь съ новымъ врагомъ или въ непривычной для нихъ мѣстности, римляне приспособляли все

устройство своей арміи, не исключая даже вооруженія, къ обстоятельствамъ, или заимствовали отъ непріятеля особенности, дававшія ему перевѣсъ надъ ними.

Расположеніе лагеря римлянъ, ихъ осадное искусство, правила ихъ военной дисциплины и жалованье войскъ не составляютъ предмета всемірной исторіи. Мы ограничимся только общею замѣткою о жалованьѣ и объ инженерномъ искусствѣ у римлянъ. Оклады жалованья солдатъ и офицеровъ указываютъ на существованіе у римлянъ такого же отношенія между простымъ солдатомъ и офицеромъ, пѣхотинцемъ и всадниковъ, какое мы видимъ въ національныхъ войскахъ аѳинянъ и спартанцевъ и въ ополченіяхъ періода рыцарства. Центуріонъ или сотникъ получалъ только вдвое, а трибунъ вчетверо больше солдата; простой всадникъ получалъ три четверти оклада трибуна или одною третью больше центуріона; такимъ образомъ римляне считали своихъ всадниковъ за настоящихъ рыцарей. Познакомившись съ греками и ихъ успѣхами въ математикѣ и военномъ искусствѣ, римляне усовершенствовали и свое инженерное искусство. Впрочемъ они уже и прежде стали прилагать принципы науки къ военному дѣлу, и мы должны считать вымышленнымъ разсказъ одного писателя позднѣйшей древности, что обыкновенный способъ расположенія и укрѣпленія лагеря былъ введенъ въ римскихъ войскахъ только со времени войны съ Пирромъ, когда римляне овладѣли однажды греческимъ лагеремъ. Римляне уже въ раннюю эпоху имѣли въ своихъ войскахъ особыхъ инженеровъ, которые завѣдывали разбивкою лагерей и осадными работами. При каждомъ корпусѣ римскихъ войскъ ихъ находилось по двѣ центуріи, подъ начальствомъ лучшихъ офицеровъ, и хотя занятія ихъ не были чисто научными, ограничиваясь только практическимъ приложеніемъ межеваго искусства, но всетаки достовѣрно, что римляне уже весьма рано сдѣлали значительные успѣхи въ этомъ искусствѣ и въ примѣненіи его къ потребностямъ военнаго дѣла.

3. Войны съ галлами въ Верхней Италіи.

Первыя войны героическаго вѣка римлянъ были ведены ими съ галльскими племенами, поселившимися въ Верхней Италіи, производившими оттуда безпрестанные набѣги на Этрурію и Лаціумъ и проникавшими иногда до Кампаніи и Апуліи. Въ этихъ войнахъ являются первые римскіе герои, составлявшіе для позднѣйшихъ римлянъ идеалы храбрости и рыцарской чести, подобно тому, какъ у средневѣковыхъ христіанскихъ народовъ Артуръ, Роландъ, Сидъ, Танкредъ, Готфридъ Бульонскій и другіе. Сказанія объ этихъ римскихъ герояхъ составляли въ древности самый любимый предметъ поэзіи позднѣйшихъ эпохъ, подобно разсказамъ о рыцаряхъ среднихъ вѣковъ у христіанскихъ народовъ. Оба эти героическіе періода имѣютъ между собою еще то сходство, что позднѣйшіе римляне смотрѣли на своихъ древнихъ героевъ какъ на главныя опоры своего всемірнаго могущества, точно такъ же какъ христіанскіе народы считали своихъ героевъ защитниками религіи и поборниками образованности.

Характеръ римскаго героическаго періода сложился подъ вліяніемъ описанной нами борьбы сословій. Соревнованіе патриціевъ и плебеевъ должно было быть тѣмъ сильнѣе, что старинное дворянство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всегда пользовалось предпочтеніемъ народа и слѣдовательно плебею, желавшему возвыситься, необходимо было обратить на себя вниманіе особенно блистательными заслугами. Масса всегда уважаетъ преимущества происхожденія, если только они сопровождаются заслугами. Во всѣхъ республикахъ, неимѣющихъ исключительно торговаго и промышленнаго характера и не отдающихъ предпочтеніе одному богатству, народъ гораздо рѣже забывалъ долгъ благодарности къ великимъ людямъ. Патриціи также не могли и не должны были отставать въ геройствѣ отъ плебеевъ и исторія того времени представляетъ намъ цѣлый рядъ суровыхъ воиновъ, отличавшихся своимъ патріотизмомъ, простотою и безкорыстіемъ, такъ что имена мно-

гихъ изъ нихъ обратились впослѣдствіи въ пословицу. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: диктаторъ Камиллъ, Титъ Манлій Торкватъ, Кай Сульпицій Лонгъ, Маркъ Аврелій Корвъ, Квинтъ Фабій Максимъ Рулліанъ и его сынъ Фабій Максимъ Гургъ, Публія Децій Мусъ, одноименные съ нимъ сынъ его и внукъ, два Луція Папиріи Курсора, Квинтъ Публій Филонъ, Манлій Курій Дентатъ и Кай Фабрицій Лусцинній.

Набѣги галловъ, бывшіе причиною продолжительной войны съ ними римлянъ, начались около 30 лѣтъ спустя по разореніи Рима и продолжались 12 лѣтъ (съ 360 по 348 годъ до р. Х.). Въ самомъ началѣ ихъ по словамъ римскаго героическаго сказанія происходило единоборство, напоминающее разсказы о Роландѣ и оправдывающее сдѣланное нами сравненіе той эпохи и ея преданій съ цвѣтущимъ временемъ христіанскаго рыцарства и его поэтическихъ сказаній. Юноша Титъ Манлій Торкватъ вступилъ въ единоборство съ галльскимъ великаномъ, дерзко вызывавшимъ римскихъ героевъ сразиться съ нимъ. Въ виду обоихъ войскъ, Титъ отважно вышелъ на встрѣчу исполину варвару, сразился съ нимъ, и убивъ своего страшнаго противника, снялъ съ него и надѣлъ на себя его золотое ожерелье. Этимъ онъ пріобрѣлъ для себя и своихъ потомковъ прозвище Торквата (отъ латинскаго слова torques или ожерелье). Нѣсколько лѣтъ спустя, Кай Сульпицій Лонгъ одержалъ блистательную побѣду надъ однимъ галльскимъ отрядомъ, а вскорѣ послѣ этой побѣды Маркъ Валерій Корвъ убилъ на единоборствѣ другаго галльскаго героя, получивъ при этомъ прозвище Корвъ, (corvus — воронъ) потому что во время поединка на его шлемъ сѣлъ воронъ и ударами крыльевъ помогалъ ему въ битвѣ.

4. Первая война съ Самнитами.

Въ Верхней Италіи галлы давно уже уничтожили всѣ слѣды прежняго цвѣтущаго состоянія этой страны и опустошили своими

набѣгами даже небольшія государства, лежавшія между ихъ владѣніями. Нижняя Италія страдала отъ безпрерывныхъ войнъ греческихъ колоній между собою и опустошительныхъ набѣговъ полудикихъ луканцевъ. Кромѣ того государства этой части Италіи нерѣдко должны были вступать въ борьбу съ Сиракузами и Карѳагеномъ. Средняя Италія сохраняла еще тогда свой прежній блескъ и могущество, благодаря плодородію Кампаніи, остаткамъ мало по малу исчезнувшаго впослѣдствіи трудолюбія латиновъ, и торговлѣ этрусковъ, но въ особенности постоянно возраставшему величію воинственныхъ, дѣятельныхъ и энерическихъ земледѣльцевъ римлянъ. Въ то время какъ римскій народъ вступалъ въ періодъ юношескаго развитія своихъ силъ, масса сосѣднихъ ему самнитскихъ народовъ сохраняла еще все свое старинное могущество и неиспорченность нравовъ. Распространясь по Нижней и части Средней Италіи, самнитское племя распалось па множество народовъ, изъ которыхъ многіе въ описываемую нами эпоху уже успѣли одичать или ослабѣть и лишиться своей энергіи. Къ послѣднимъ принадлежали полудикіе и жадные до грабежей луканцы и обитатели Кампаніи, которые, выйдя изъ Самніума, покорили эту страну, но, подъ вліяніемъ климата и роскошнаго плодородія своей новой отчизны, утратили прежнюю энергію и простоту нравовъ своего племени. Коренные же самниты, обитавшіе на суровомъ горномъ хребтѣ, во внутренности полуострова, наслаждались еще всѣми благами земледѣльческой и пастушеской жизни и своихъ древнихъ національныхъ учрежденій, сохраняя первобытную простоту своихъ нравовъ. Этотъ то храбрый и сильный горный народъ вступилъ съ римлянами въ борьбу, продолжавшуюся съ небольшими промежутками 50 лѣтъ, и доставившую послѣднимъ преобладаніе и надъ этою сильнѣйшею частью народонаселенія Италіи. Превосходя римлянъ своею многочисленностью и пространствомъ владѣній, самниты не уступали своимъ противникамъ въ военныхъ способностяхъ и мужествѣ. Если бы исходъ войнъ зависѣлъ отъ обладанія одними этими преимуществами, то, по всей вѣроятности, самниты вышли бы

побѣдителями изъ этой борьбы и достигли бы владычества надъ Италіею. Къ несчастію между народами самнитскаго племени никогда не существовало связи, которая соединяла бы ихъ въ одно политическое тѣло; различіе въ образѣ жизни и нравахъ, съ теченіемъ времени, еще болѣе затруднило образованіе такой связи, такъ что и коренные самниты составляли не одно государство, какъ римляне, а конфедерацію самостоятельныхъ кантоновъ. Римляне имѣли передъ ними еще другое преимущество, которое скорѣе чѣмъ что нибудь доставило имъ перевѣсъ надъ противниками. Постоянная борьба за реформы въ государственномъ устройствѣ и возникшія вслѣдствіе ея общественныя отношенія имѣли своимъ результатомъ такое развитіе всѣхъ внутреннихъ силъ государства, какого мы не видимъ ни у одного изъ народовъ тогдашней Италіи.

Поводъ къ войнѣ римлянъ съ самнитами былъ данъ тогдашними владѣтелями Кампаніи. Почти ровно за сто лѣтъ передъ тѣмъ, толпы самнитовъ отняли городъ Капую и часть Кампаніи у древнихъ обитателей этой страны осковъ и повелителей ихъ этрусковъ. Эти самниты, какъ и поселившіеся тамъ въ средніе вѣка норманны, составляя только незначительную часть населенія, были однако полными обладателями страны и вели въ ней рыцарскій образъ жизни. Здѣсь они скоро переродились и утратили отличительныя черты національнаго характера самнитовъ. Поселившись въ жаркой и плодоносной Кампаніи, часть ихъ, подчиняясь вліянію исполненнаго нѣги климата и разслабляющей нервы роскоши, впала въ слабость и распутство, другая же совершенно одичала въ военной службѣ, для которой они нанимались къ грекамъ и карѳагенянамъ въ Сициліи, изъ страсти къ грабежамъ и хищничеству. Вслѣдствіе этого они конечно тотчасъ же совершенно разъединились съ своими собратіями въ нагорномъ Самніумѣ, тѣмъ болѣе что и съ самаго начала между ними не существовало никакой политической связи. Между ними вспыхнула даже вражда, когда самниты стали распространяться до предѣловъ Капамніи и пытались покорить издревле жив-

шія на границахъ Самніума племена авзоновъ. Одно изъ этихъ небольшихъ племенъ, сидицины, призвало къ себѣ на помощь кампанскихъ самнитовъ изъ Капуи; капуанцы обѣщали имъ свою помощь, но въ тоже время обратились къ Риму, чтобы въ союзѣ съ этимъ могущественнымъ государствомъ найти себѣ защиту противъ превосходныхъ силъ и завоевательныхъ стремленій своихъ горныхъ собратьевъ. Римляне, незадолго передъ тѣмъ заключившіе союзный договоръ съ самнитами, боялись вступить въ союзъ съ народомъ, собиравшимся воевать съ ихъ союзниками. Они обѣщали подать помощь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы кампанцы признали надъ собою ихъ господство и тѣмъ самымъ дали римлянамъ право и обязанность принять ихъ сторону. Кампанцы согласились на это требованіе и формальнымъ договоромъ признали себя римскими подданными. Тогда Римъ потребовалъ отъ самнитовъ, чтобы они прекратили враждебныя дѣйствія противъ государства, недавно признавшаго надъ собою власть римскаго народа. Самниты не только отвергли такое требованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объявили заключенный съ кампанцами договоръ нарушеніемъ мира. Тогда въ Кампанію двинулись съ двумя арміями оба римскіе консула Маркъ Валерій Корвъ и Авлъ Корнелій Коссъ.

Такъ въ 343 году до р. Х. началась первая самнитская война, продолжавшаяся три года. Валерій Корвъ нанесъ вскорѣ самнитамъ пораженіе; товарищъ же его, сдѣлавъ важную ошибку, подвергнулъ свое войско величайшей опасности и спасся отъ совершенной гибели только геройствомъ одного изъ своихъ военныхъ трибуновъ. Позволивъ заманить себя слишкомъ далеко въ горы, онъ былъ окруженъ въ долинѣ непріятелемъ, и могъ пробиться, не иначе какъ съ потерею большей части своихъ войскъ, такъ какъ самниты занимали всѣ окружающія высоты. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, Публій Децій Мусъ Старшій рѣшился пожертвовать собою и занялъ съ тысячью шестью стами человѣкъ одну изъ высотъ, господствовавшихъ надъ непріятельскою позиціею, чтобы, отвлекая собою главныя силы самнитовъ, дать консулу время вы-

браться изъ долины. Децій до самаго вечера сражался съ превосходными силами самнитовъ. Дождавшись ночи, онъ пробился чрезъ непріятеля, соединился со спасеннымъ имъ войскомъ и склонилъ консула немедленно напасть на самнитовъ, неожидавшихъ внезапнаго нападенія. Послѣдніе были разбиты въ правильной битвѣ, и такимъ образомъ Децій не только спасъ римское войско отъ совершенной гибели, но и доставилъ ему побѣду надъ врагами. За это онъ получилъ отъ сената и народа великолѣпные почетные подарки и занялъ въ народной исторіи и пѣсняхъ мѣсто на ряду съ Сцеволомъ, Цинциннатомъ, Манліемъ Капитолиномъ, Камилломъ и другими героями. Скоро послѣ того, Валерій Корвъ одержалъ около Суессулы блестящую побѣду, доставившую ему безсмертную славу: онъ овладѣлъ лагеремъ самнитовъ, истребилъ или разогналъ все ихъ войско и захватилъ, какъ говорятъ, до 40,000 непріятельскихъ щитовъ.

Не смотря на эти блестящія побѣды Валерія и римлянъ, самниты далеко еще не были побѣждены; напротивъ того, на слѣдующій годъ они явились столько же могущественными и столь же настойчивыми, какъ и прежде. Война продолжалась бы еще нѣсколько лѣтъ, еслибы угрожающее положеніе, принятое латинами, и жестокіе законы о долгахъ послужившіе поводомъ къ возстанію части римскихъ войскъ, не принудили римлянъ заключить миръ. Избранный въ диктаторы, Валерій Корвъ потушилъ это возстаніе своею умѣренностію; вскорѣ послѣ того заключенъ былъ съ самнитами мирный договоръ, по которому послѣдніе обязались заплатить извѣстную сумму деньгами и хлѣбомъ, но не теряли ни одного вершка своей земли. Имъ было даже предоставлено право подчинить себѣ сидициновъ, не смотря на то, что римляне начали войну именно съ цѣлью помѣшать имъ въ этомъ, что было для нихъ особенно важно, такъ какъ земля сидициновъ отдѣляла Кампанію отъ Лаціума.

5. Латинская война и политическое положеніе подчиненныхъ Риму итальянскихъ народовъ.

По договору съ самнитами Римъ предоставилъ сидициновъ ихъ собственной участи, но латины, которые сначала принимали участіе въ самнитской войнѣ какъ союзники римлянъ, продолжали военныя дѣйствія отдѣльно, желая изгнать самнитовъ изъ своего близкаго сосѣдства. Они соединились съ сидицинами, кампанцами, вольсками и аурунками, и вслѣдствіе того должны были разъединиться съ Римомъ, если бы даже прежде и не думали о расторженіи этого союза, ставившаго ихъ въ зависимость отъ римлянъ. Соединившись съ этими народами, они послали въ Римъ торжественное посольство для объявленія сенату, что существовавшія до сихъ поръ отношенія между Римомъ и Лаціумомъ должны быть измѣнены, такъ, чтобы обѣ стороны составили одно федеративное государство, въ которомъ половина сенаторовъ и должностныхъ лицъ должна была состоять изъ латиновъ. Такимъ образомъ Римъ сдѣлался бы только главнымъ городомъ Лаціума, вмѣсто того чтобы по прежнему господствовать надъ цѣлою страною, какъ глава союза.

Римская гордость не могла помириться съ этою мыслью и вопросъ этотъ долженъ былъ быть рѣшенъ оружіемъ. Въ Кампанію были тотчасъ же посланы двѣ арміи подъ начальствомъ консуловъ, Тита Манлія Торквата и Публія Деція Муса Старшаго, гдѣ уже латины и ихъ союзники встрѣтились съ самнитами. Послѣдніе, какъ кажется, тотчасъ же соединились съ римлянами, и у подошвы Везувія (340 г. до р. Х.) произошла рѣшительная битва. Сраженіе это болѣе всякой другой побѣды упрочило могущество римлянъ и сдѣлало имя ихъ грознымъ для всѣхъ итальянскихъ народовъ. Поэтому римляне и восхваляли такъ консуловъ, командовавшихъ войсками въ этой битвѣ, и прославили ихъ имена въ своихъ народныхъ разсказахъ о герояхъ прежняго времени. Оба они считались впослѣдствіи идеалами самопожертвованія и любви къ

отечеству и образцами римскаго мужества и дисциплины. Ихъ подвиги служили ораторамъ и писателямъ позднѣйшаго времени однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ воспламенять энергію народа. Если преданія объ этихъ событіяхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій служили къ достиженію такой высокой цѣли, то, оставивъ въ сторонѣ всѣ критическія изслѣдованія, мы должны принимать и передавать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ и какъ смотрѣли на нихъ современники и ближайшее потомство.

По словамъ преданія консулъ Манлій Торкватъ, тотъ самый юноша, который убилъ галльскаго великана за нѣсколько дней до сраженія, подъ опасеніемъ смертной казни запретилъ вступать въ единоборство съ непріятелемъ. Одинъ непріятельскій военачальникъ, встрѣтясь во время рекогносцировки съ сыномъ Манлія Торквата, въ насмѣшку предложилъ ему вступить съ нимъ въ единоборство. Отважный юноша принялъ вызовъ и, убивъ противника, съ торжествомъ возвратился въ лагерь; но отецъ его приказалъ исполнить надъ нимъ опредѣленную казнь и такимъ образомъ принесъ въ жертву единственнаго своего сына, чтобы показать войску примѣръ слѣпаго повиновенія законамъ, безъ котораго Римъ никогда бы не достигъ такого военнаго величія. Такую же славу какъ Манлій Торкватъ, показавшій римлянамъ примѣръ любви къ отечеству, пріобрѣлъ и Децій Мусъ своею добровольною смертью. Говорятъ, что оба консула слышали во снѣ предвѣщаніе о томъ что въ предстоящемъ сраженіи въ жертву преисподнимъ богамъ должны погибнуть съ одной стороны войско, а съ другой одинъ изъ предводителей. Чтобы обратить это предсказаніе въ пользу римлянъ, они дали другъ другу обѣщаніе, что тотъ изъ нихъ, войска котораго первыя начнутъ колебаться въ сраженіи, немедленно долженъ принести себя въ жертву богамъ ада. Въ самомъ началѣ сраженія крыло, которымъ начальствовалъ Децій, начало отступать, и Децій тотчасъ же исполнилъ свое обѣщаніе. Попросивъ главнаго жреца произнести

надъ нимъ предсмертное напутствіе, онъ надѣлъ сенаторскую тогу, всталъ на свой мечь и, покрывъ голову, громко произнесъ предсказываемое ему заклинаніе, которымъ онъ приносилъ себя и непріятельскіе легіоны въ очистительную жертву богамъ ада. Потомъ онъ бросился въ ряды латиновъ и палъ пронзенный стрѣлами. Подобный обычай посвящать себя въ жертву, существовавшій и у этрусковъ, по всей вѣроятности произошелъ отъ обыкновенія приносить въ жертву людей, встрѣчающагося также у кельтическихъ народовъ, финикіянъ и карѳагенянъ. Обычай этотъ уже весьма рано исчезъ въ Италіи подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній па жизнь, но поступокъ Деція былъ однимъ изъ все еще повторявшихся проявленій его. Существованіе этого обычая обусловливалось господствовавшею и у древнихъ евреевъ идеею объ искупительной жертвѣ. Для этого избирался самый лучшій или чистый предметъ, который и приносился въ жертву для блага и спасенія прочихъ. Побѣда осталась за римлянами; сраженіе было очень кровопролитно, какъ всѣ вообще битвы, гдѣ сражались римляне, почти всегда вступавшіе въ рукопашный бой на мечахъ,— едва четвертая часть латинскаго войска ушла съ поля битвы.

Латины скоро оправились отъ этого пораженія, и дали у Трифанума еще одну битву, но и тутъ были опять побѣждены римлянами. Могущество ихъ было окончательно уничтожено, а вслѣдствіе того распался и союзъ латиновъ. Нѣкоторые латинскіе и кампанскіе города тотчасъ же покорились римлянамъ, другіе продолжали сопротивляться имъ нѣкоторое время. Война длилась еще два года и окончилась совершеннымъ покореніемъ всего Лаціума. Римскій сенатъ опредѣлилъ латинамъ и кампанцамъ различную участь. Граждане одного государства должны были переселиться, а земли ихъ розданы римскимъ поселенцамъ, жители другаго были перемѣшаны съ римлянами, нѣкоторымъ городамъ даны были съ различными ограниченіями права римскаго гражданства, и только немногіе получили послѣднее вполнѣ. Такимъ образомъ римляне умѣли раздѣлить интересы этихъ двухъ племенъ, даровавъ

имъ неодинакія права. Возможность возстановленія союза, съ древнѣйшихъ временъ существовавшаго въ Лаціумѣ, была навсегда предотвращена тѣмъ, что римляне запретили собранія латинскихъ сеймовъ, недозволили латинамъ владѣть недвижимою собственностью внѣ округа своего города и, обративъ большую часть ихъ земель въ государственныя, раздѣлили ихъ между своими поселенцами.

Съ этого времени всѣ силы Лаціума находились въ полномъ распоряженіи Рима. Латинскія войска, входившія прежде въ составъ римскихъ легіоновъ, хотя и были отдѣлены отъ нихъ, но, не имѣя все таки значенія самостоятельныхъ отрядовъ, сдѣлались простыми, вспомогательными отрядами подвластныхъ народовъ. Съ покоренія Лаціума начинаются войны римлянъ за обладаніе всею Италіею. Чтобы не прерывать разсказа объ этой борьбѣ римлянъ съ самнитами, этрусками, греками въ Нижней Италіи и галлами въ Верхней, слѣдуетъ объяснить здѣсь тѣ отношенія, въ которыя стали къ Риму покоренные имъ народы Италіи.

Народы древняго міра, въ противоположность народамъ новѣйшаго времени, только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ дѣлали порабощенныя ими племена равноправными членами государства. Римляне, до самой эпохи имперіи, продолжали поддерживать нѣкоторое различіе политическихъ правъ между покоренными ими народами Италіи и жителями подвластныхъ имъ странъ. Послѣдніе всегда считались покоренными народами, тогда какъ итальянцы пользовались нѣкоторою свободою и самостоятельностью. Разница эта обнаруживалась и въ самомъ названіи завоеванныхъ частей государства, только земли, лежавшія внѣ Италіи, назывались п р о в и н ц і я м и. Въ эпоху всемірнаго владычества Рима, все населеніе государства раздѣлялось на три категоріи: провинціаловъ, итальянцевъ и собственно римскихъ гражданъ. Первые, за исключеніемъ колоній и нѣкоторыхъ городовъ, не пользовались никакими конституціонными правами и были подчинены римскимъ намѣстникамъ. Итальянцы же, за исключеніемъ жителей не многихъ городовъ, на

которыхъ римляне смотрѣли какъ на обыкновенныхъ подданныхъ, имѣли нѣкоторыя конституціонныя учрежденія и права. Конституціонныя преимущества эти не были однако одинаковы для всѣхъ; римскій сенатъ отличался искусствомъ разъединять угнетенные итальянскіе народы, даруя имъ неодинаковыя политическія и гражданскія права.

Латины съ самаго начала были почти сравнены съ римскими гражданами. Они были освобождены отъ нѣкоторыхъ повинностей, которыя несли другія національности Италіи, и управлялись своими законами и должностными лицами, которыхъ сами же избирали изъ своей среды; эти должностныя лица считались римскими гражданами уже по своей должности. Всякій латинъ, переселившійся въ Римъ, оставивъ въ своемъ городѣ одного сына, и слѣдовательно обладавшій такимъ состояніемъ, которое можно было раздѣлить, получалъ право римскаго гражданства, точно также какъ и всякій обвинившій передъ судомъ въ измѣнѣ римскаго чиновника; наконецъ, всякій латинъ, явившійся въ Римъ во время ценса и объявившій свое имя и имущество, былъ тотчасъ же вносимъ въ списокъ гражданъ; часто подавали въ комиціяхъ свой голосъ и всѣ присутствовавшіе при этомъ латины. Преимущества эти, составлявшія всѣ вмѣстѣ такъ называемое латинское право (jus latinum), были предоставлены не всѣмъ латинскимъ городамъ, и даже пользовавшіеся этими правами латины не имѣли еще многихъ другихъ правъ римскаго гражданина: они не имѣли надъ своими дѣтьми той власти, которая была предоставлена римлянамъ, не могли быть усыновляемы послѣдними и вступать въ равноправный бракъ съ римлянами; находясь въ военной службѣ, они могли быть наказываемы розгами, тогда какъ законъ строго запрещалъ бить римскаго солдата иначе, какъ палкою. Впрочемъ римскій сенатъ ограничилъ мало по малу и эти преимущества латиновъ, съ избыткомъ перевѣшивавшіяся тягостью военной службы, которая ложилась на латиновъ болѣе чѣмъ на римскихъ гражданъ. Они не имѣли голоса въ совѣщаніяхъ о мирѣ и войнѣ, а были все

таки обязаны выставить войска государству, которое вело безпрерывныя войны. Это было тѣмъ тягостнѣе для латиновъ, что, раздѣляя съ римлянами труды и опасности войны, они не имѣли никакого участія въ ихъ славѣ, такъ какъ всѣ успѣхи приписывались собственно римскимъ войскамъ, хотя латины, не уступавшіе имъ въ храбрости и вооруженные точно также какъ они, составляли иногда половину или три четверти всей численности римскихъ войскъ.

Остальные итальянскіе народы, по большей части получившіе отъ римлянъ еще болѣе ограниченныя права, чѣмъ латины, были также раздѣлены между собою неравномѣрностью своихъ правъ. Одни изъ нихъ добровольно покорились римскому народу, другіе же были подчинены силою безусловно или на извѣстныхъ условіяхъ. Отъ этого зависѣлъ и объемъ дарованныхъ имъ Римомъ правъ. Всѣ они дѣлали впослѣдствіи попытки свергнуть съ себя это иго, но были снова подчинены римлянами и получили отъ нихъ тѣже самыя права, уже какъ милость. Впрочемъ римляне были на столько благоразумны, что предоставляли покореннымъ ими народамъ Италіи возможно большія права, такъ какъ они занимали извѣстное мѣсто въ системѣ военныхъ силъ Рима. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ сабины, получили всѣ права римскихъ гражданъ, другіе же, напримѣръ часть умбровъ, заключили съ Римомъ договоръ, предоставлявшій обѣимъ сторонамъ почти одинаковыя права, или же, считаясь союзниками римлянъ пользовались болѣе или менѣе ограниченными правами; наконецъ бруттійцы и луканцы должны были подчиниться унизительнымъ условіямъ и служить въ римскихъ войскахъ не солдатами, а исполнять при нихъ различныя грязныя работы. Такимъ образомъ и итальянскіе народы были совершенно разъединены другъ отъ друга разнообразіемъ своихъ правъ и отношеній къ Риму; римскія учрежденія и законы вводились между ними не насильственно, а мало помалу. Итальянскіе народы не латинскаго происхожденія, подчинившіеся римлянамъ на основаніи договоровъ, назывались союзниками. Отношенія

ихъ къ Риму, опредѣляемыя договорами, составляли такъ называемое итальянское право (jus italicum). Но, такъ какъ договоры эти, заключавшіеся при разныхъ обстоятельствахъ, были чрезвычайно разнородны, то названіе это не обозначаетъ какихъ нибудь опредѣленныхъ юридическихъ отношеній, а обнимаетъ собою совокупность чрезвычайно разнородныхъ правъ. Вообще, союзниками на итальянскомъ правѣ назывались государства, которыя не имѣли правъ римскаго гражданства и должны были помогать римлянамъ на войнѣ войсками и деньгами, но не платили поземельной подати и не управлялись римскими намѣстниками, какъ другія завоеванныя земли внѣ Италіи или такъ называемыя провинціи, а имѣли свои законы и избранныхъ изъ своей среды должностныхъ лицъ. Повидимому, эти народы имѣли совершенно самостоятельное управленіе, но въ дѣйствительности они терпѣли не менѣе латиновъ. Римскій сенатъ часто издавалъ относительно ихъ чрезвычайно строгія повелѣнія, исполняемыя мѣстными начальствами съ такою же суровостью какъ и римскими намѣстниками. Римскіе вельможи, проѣзжая чрезъ ихъ земли, позволяли себѣ всякаго рода насилія и злоупотребленія, и никто несмѣлъ оказать имъ сопротивленія, отчасти потому, что обвиняемые, пользовавшіеся силою и вліяніемъ въ государствѣ, могли надѣлать имъ много вреда, отчасти же и потому, что въ случаѣ внутреннихъ раздоровъ или распрей съ сосѣдями, народы эти должны были прибѣгать къ сенату и исполнять безпрекословно рѣшенія его и посылаемыхъ отъ него судей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляемая такъ называемымъ итальянскимъ правомъ свобода отъ платежа податей далеко невознаграждала за потери испытанныя ими при подчиненіи ихъ римлянамъ. Римляне всегда завладѣвали частью покоренной земли, отдавая ее какъ государственную собственность въ аренду, или раздѣляя между римскими поселенцами. Такимъ образомъ отобравъ себѣ подать на вѣчныя времена, они легко могли освобождать итальянскіе народы отъ платежа поземельной подати. Какъ мы уже сказали выше, положеніе многихъ итальянскихъ народовъ въ рим-

скомъ войскѣ было гораздо хуже, чѣмъ положеніе латиновъ; однако нѣкоторые изъ итальянскихъ народовъ пользовались различнаго рода преимуществами передъ послѣдними. Въ отношеніи гражданскихъ правъ всѣ итальянцы имѣли повидимому нѣкоторыя общія съ римлянами привилегіи.

Положеніе греческихъ городовъ Нижней Италіи по покореніе ихъ римлянами изложено будетъ ниже при разсказѣ о подчиненіи ихъ Риму. Въ заключеніе необходимо объяснить отношеніе къ Риму итальянскихъ городовъ, носившихъ названія муниципій, префектуръ и колоній. Муниципіи были свободные города, освобожденные отъ платежа поземельной подати, имѣвшіе свое самостоятельное управленіе и пользовавшіеся вполнѣ или съ нѣкоторыми ограниченіями правами римскаго гражданства. Префектурами назывались города, въ которыхъ судебная власть или даже все управленіе находилось въ рукахъ назначеннаго изъ Рима префекта. Въ первомъ случаѣ, несмотря на ограниченіе своей юрисдикціи, они находились въ такомъ же положеніи какъ муниципіи. Во второмъ же случаѣ они были лишены всякой самостоятельности и находились въ такомъ же положеніи какъ и римскія провинціи. Это даетъ ясное понятіе о различіи правъ, которыми пользовались подвластные Риму итальянскіе города. Тоже самое видимъ мы и въ муниципіяхъ. Казалось бы, что города, пользовавшіеся одинакими правами и самостоятельнымъ управленіемъ, могли составлять между собой союзы для достиженія общихъ цѣлей; но этого никогда не было. Хитрый сенатъ и руководимый имъ народъ римскій умѣли установить и въ нихъ чрезвычайное разнообразіе взаимныхъ отношеній и интересовъ. Не всѣ муниципіи пользовались вполнѣ правами римскаго гражданства; граждане нѣкоторыхъ изъ нихъ участвовали въ римскихъ народныхъ собраніяхъ, имѣли въ нихъ право голоса и даже доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, тогда какъ граждане другихъ не пользовались въ Римѣ этими высшими политическими правами и должны были довольствоваться болѣе или менѣе ограниченными личными правами

римскихъ гражданъ. Впослѣдствіи, въ нѣкоторыхъ муниципіяхъ были введены вполнѣ или отчасти римскіе законы и правительственныя формы, а въ другихъ оставлены въ силѣ прежніе законы. Впрочемъ большинство изъ нихъ устроили городское управленіе по образцу римскаго. Граждане ихъ были раздѣлены на сословія, также какъ и римляне. Во главѣ управленія стояли два дуумвира, на подобіе римскихъ консуловъ, и кромѣ того существовали должности цензоровъ, эдиловъ, квесторовъ и народныхъ трибуновъ, также сенаты и народныя собранія.

Колоніи, которыхъ до начала пуническихъ воинъ считалось въ Италіи тридцать, а подругимъ свѣдѣніямъ до пятидесяти трехъ, были также поставлены къ римскому правительству въ отношеніе, чрезвычайно выгодное для послѣдняго. Онѣ раздѣлялись на римскія и латинскія, смотря по тому были ихъ обитатели римляне или латины. Всѣ колоніи, основанныя въ Италіи римлянами, отличались отъ греческихъ тѣмъ, что были основаны не вновь, а на мѣстѣ городовъ, изъ которыхъ были изгнаны прежніе жители. Онѣ имѣли такое же устройство, какъ и большая часть муниципій, управлялись сенатомъ, народнымъ собраніемъ, дуумвирами, цензорами и народными трибунами, и составляли какъ бы маленькій Римъ. Одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей колоніи постоянно засѣдалъ въ римскомъ сенатѣ и былъ тамъ представителемъ ихъ интересовъ. Колонисты римскаго происхожденія имѣли права римскаго гражданства, но важнѣйшимъ изъ нихъ—правомъ голоса въ народныхъ собраніяхъ пользовались только тогда когда оно было даруемо имъ въ видѣ исключенія. Напротивъ того, каждый римскій колонистъ, по возвращеніи своемъ въ Римъ, тотчасъ же вступалъ въ пользованіе всѣми правами гражданства. Впрочемъ колоніи за дарованныя имъ земли должны были платить подати и были обязаны военною службою. Такимъ образомъ колоніи, неся на себѣ все бремя римскаго гражданства и пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми почетными преимуществами его, были прикованы къ Риму и находились въ совершенной зависимости отъ него. Въ числѣ такихъ римскихъ поселеній были и такъ

называемыя приморскія колоніи, къ которымъ, между прочимъ принадлежала Остія, лежавшая при устьи Тибра. Эти морскія колоніи были поселенія въ приморскихъ городахъ, граждане которыхъ, избавленные отъ службы въ римскомъ войскѣ, должны были содержать гарнизоны въ этихъ городахъ и служить во флотѣ.

6. Вторая самнитская война.

Черезъ пятнадцать лѣтъ, по окончаніи первой войны римлянъ съ самнитами, оба эти народа, снова взялись за оружіе другъ противъ друга, и начали упорную войну, продолжавшуюся двадцать два года. Не смотря на свое мужество и настойчивость, самниты всетаки не могли побѣдить римлянъ, потому что имъ не доставало единства, послѣдовательности и умѣнья дѣйствовать по заранѣе составленному плану, и кромѣ того они не могли довѣрять своимъ союзникамъ. Напротивъ того римлянами руководилъ сенатъ, никогда не терявшій присутствія духа и всегда съ успѣхомъ приводившій въ исполненіе свои политическіе планы, а союзники ихъ, войсками которыхъ командовали римскіе же начальники, безпрекословно исполняли ихъ приказанія. Вторая самнитская война имѣетъ для насъ важность еще потому, что римляне въ этой продолжительной и опасной борьбѣ съ однимъ изъ храбрѣйшихъ народовъ Италіи пріобрѣли болѣе искусства и ловкости въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ во всѣ свои предшествовавшія войны. Не вдаваясь въ подробное изложеніе событій этой войны, мы ограничимся только важнѣйшими изъ нихъ и укажемъ на обстоятельства, способствовавшія упроченію и распространенію римскаго могущества.

Поводами къ этой войнѣ послужили основаніе одной римской колоніи, которая очевидно должна была служить передовымъ укрѣпленіемъ противъ самнитовъ, и распри между римлянами и жителями города Палеополя (въ Кампаніи), союзниками самнитовъ (326 г. до р. Х.). Палеополь, нынѣшній Неаполь, покоренный римлянами въ самомъ началѣ войны былъ первымъ греческимъ

городомъ, подпавшимъ подъ римское владычество. Самниты казались до того опасными римлянамъ, что послѣдніе начали войну съ ними не обыкновеннымъ образомъ, а избрали въ диктаторы одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ героической эпохи Рима, Луція Папирія Курсора Старшаго. Онъ считалъ необходимымъ дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и, уѣзжая на короткій срокъ въ Римъ, приказалъ начальнику конницы, Квинту Фабію Максиму Рулліану, ни подъ какимъ предлогомъ не вступать въ битву. Но Рулліанъ не былъ въ состояніи противиться искушенію, и давъ самнитамъ сраженіе, одержалъ блистательную побѣду. Папирій Курсоръ хотѣлъ по примѣру Манлія Торквата наказать ослушника по всей строгости римскихъ военныхъ законовъ, но принужденъ былъ помиловать его вслѣдствіе настроенія умовъ въ войскѣ и просьбъ сената и народа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ одержалъ вторую побѣду, заставившую самнитовъ просить мира. Опасаясь раздражать этотъ энергическій народъ и понимая, что нѣкоторыя сенаторскія фамиліи, въ особенности же молодежь, смотрѣли на эту опасную войну только какъ на средство достигнуть почестей и славы, Папирій, какъ проницательный, прямой и честный человѣкъ, согласился заключить миръ, удовольствовавшись тѣмъ, что самниты признали превосходство римлянъ и заплатили денежную пеню. Умѣренность диктатора, которому они предоставили опредѣлить условія, внушила имъ полное довѣріе къ нему. Но римскій сенатъ, не желая мира, согласился только заключить перемиріе на одинъ годъ.

По истеченіи этого срока война возобновилась и была ведена Квинтомъ Фабіемъ Максимомъ Рулліаномъ, назначеннымъ консуломъ, съ такимъ успѣхомъ, что самниты вторично должны были просить мира. Тяжелыя требованія, предъявленныя сенатомъ, принудили самнитовъ къ отчаянной и продолжительной борьбѣ, которую они вели съ настойчивостью вполнѣ заслуживающею нашего удивленія. Въ главѣ своей арміи они поставили сына Гереннія, Понція, который какъ и отецъ его славился своимъ гре-

ческимъ философскимъ образованіемъ, талантами истиннаго полководца и храбростью, соединенною съ благоразуміемъ и хитростью. Въ 321 году до р. Х., на пятый годъ войны онъ жестоко отмстилъ римлянамъ за отказъ самнитамъ въ просимомъ ими мирѣ. Распустивъ ложный слухъ, онъ завлекъ обоихъ римскихъ консуловъ, Тита Ветурія и Спурія Постумія, въ засаду, гдѣ находились главныя силы самнитовъ; консулы вдались въ обманъ, углубились въ горы и безпечно расположились въ долинѣ, замыкавшейся съ обоихъ концовъ ущельями, называемыми по имени одного сосѣдняго самнитскаго города, Кавдинскими ущельями. Заманивъ туда римлянъ, Понцій хотѣлъ однимъ ударомъ уничтожить все ихъ войско. Прійдя въ эту долину, римляне съ ужасомъ увидѣли себя окруженными главными силами самнитовъ, которыя по ихъ предположенію должны были находиться въ другомъ мѣстѣ. Тѣснимое превосходными силами самнитовъ, римское войско не могло никуда двинуться. Въ этомъ безвыходномъ положеніи консулы были принуждены сдаться со всѣмъ своимъ войскомъ, состоявшимъ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ.

Самниты были въ большомъ затрудненіи, не зная какъ воспользоваться своимъ успѣхомъ. Римскіе историки, описывая это событіе и переговоры между Понціемъ и римлянами, влагаютъ въ уста римскихъ парламентеровъ и отца Понція, бывшаго совѣтникомъ своего сына, воззрѣнія свои на взаимныя отношенія обоихъ народовъ. Они говорятъ, что этотъ старецъ, жившій въ сосѣднемъ Кавдіумѣ, совѣтовалъ своему сыну перебить всѣхъ захваченныхъ римлянъ или отпустить ихъ безъ всякихъ условій. Мы не знаемъ на сколько достовѣренъ этотъ разсказъ, но только Понцій непринялъ совѣта своего отца, а выбралъ самый худшій образъ дѣйствій. Онъ заключилъ съ консулами договоръ, оставшійся не исполненнымъ послѣдними, какъ вынужденный самыми стѣсненными обстоятельствами, и подвергнулъ римское войско позору, которое должно было принудить римлянъ употребить всѣ усилія, чтобы отмстить

за оскорбленную честь. По этому договору римляне обязывались очистить всѣ самнитскія владѣнія, уничтожить основанныя тамъ колоніи и жить съ самнитами въ мирѣ, какъ съ независимымъ народамъ. Получивъ обратно оружіе и лошадей, римское войско было отпущено, пройдя подъ составленнымъ изъ трехъ кольевъ игомъ; только шесть сотъ всадниковъ должны были остаться у самнитянъ въ качествѣ заложниковъ.

Извѣстіе о пораженіи въ Кавдинскихъ ущельяхъ и возвращеніе побѣжденнаго и обезчещеннаго войска распространили въ Римѣ такой же ужасъ, какъ и пораженіе при рѣкѣ Аллiи. Весь городъ одѣлся въ трауръ, всѣ дѣла остановлены, консулы должны были сложить свое званіе и на мѣсто ихъ былъ назначенъ диктаторъ. Сенатъ призналъ заключенный договоръ недѣйствительнымъ по несоблюденію формальности, такъ какъ договоръ этотъ былъ заключенъ безъ содѣйствія феціала, т. е. одного изъ жрецовъ, который долженъ былъ по римскому обычаю совершать религіозныя церемоніи при заключеніи мира (т. III стр. 158). Основываясь на этомъ, римскій сенатъ отказался принять этотъ договоръ, и выдалъ самнитамъ тѣхъ, которые заключили его. Говорятъ, что консулъ Постумій, бывшій главнымъ виновникомъ этого несчастія, первый же и предложилъ принять эту мѣру; онъ, его товарищи и другія лица, подписавшія договоръ, были немедленно отправлены въ оковахъ въ Кавдіумъ и выданы самнитскому полководцу, который тотчасъ же отослалъ ихъ обратно. Такимъ образомъ сенатъ достигъ своей цѣли, возстановивъ упадшій духъ обезчещеннаго войска. Постумій же по словамъ преданія позаботился о томъ, чтобы это рѣшеніе не показалось нарушеніемъ слова и не устрашило бы народъ при возобновленіи войны. Въ то время какъ римскій феціалъ выдавалъ его самнитамъ, Постумій объявилъ, что теперь онъ болѣе не римлянинъ, а самнитскій рабъ, толкнулъ феціала ногой и тѣмъ самымъ оскорбилъ священную личность римскаго посла и жреца. Не смотря на всю нелѣпость этой сказки, римскіе историки приводятъ ее въ доказательство того, что римляне имѣли,

повидимому, основательную причину начать снова войну. По словамъ этихъ историческихъ писателей честь римлянъ была самымъ блистательнымъ образомъ возстановлена на слѣдующій годъ послѣ Кавдинскаго пораженія. Консулъ Квинтъ Публилій Филонъ нанесъ самнитамъ близь Кавдинскихъ ущелій сильное пораженіе, а другой консулъ Луцій Папирій Курсоръ овладѣлъ апулійскимъ городомъ Луцеріею, захватилъ находившихся въ немъ римскихъ заложниковъ и оружіе, разбилъ наголову подъ стѣнами этого города самнитское войско, и загладилъ кавдинскій позоръ римлянъ тѣмъ, что заставилъ пройти подъ игомъ всѣхъ захваченныхъ въ этомъ городѣ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Понцій.

Война продолжалась еще шестнадцать лѣтъ, не смотря на множество пораженій, по словамъ римскихъ историковъ испытанныхъ самнитами. Римляне въ то время утвердились въ Апуліи по другую сторону Апенниновъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ этой кровопролитной войны сильно преувеличены. Если дѣйствительно происходило столько сраженій какъ говорятъ римскія лѣтописи, и въ сраженіяхъ этихъ оставалось иногда на полѣ битвы отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ, то трудно предположить, чтобы сенатъ, всегда понимавшій свои выгоды, могъ заключить съ самнитами такой выгодный для нихъ миръ. Въ 304 году до р. Х. былъ заключенъ договоръ, по которому самниты хотя и отказались отъ господства надъ латинами и союза съ нѣкоторыми незначительными одноплеменными имъ народами, но не потеряли ни малѣйшаго клочка своихъ владѣній.

Миръ этотъ доставилъ римлянамъ, сенатъ которыхъ всегда спокойно и настойчиво стремился къ своимъ цѣлямъ, возможность окончить предпріятія, начатыя ими во время этой войны. Апулія была окончательно покорена еще во время войны, точно также какъ и поселившееся въ Кампаніи племя авзоновъ, отпавшее отъ Рима во время самнитской войны. Не довольствуясь этимъ, римляне умертвили большую часть авзоновъ, и, обративъ остальныхъ въ

рабство совершенно истребили этотъ народъ (314 г. до р. Х.). Во время самнитской войны завязалась также кровопролитная борьба и съ этрусками, которые, вѣроятно вслѣдствіе частыхъ набѣговъ галловъ на ихъ земли, долгое время не вмѣшивались въ событія, совершавшіяся въ Средней Италіи, но въ тринадцатый годъ самнитской войны рѣшились взяться всѣ за оружіе и воспользоваться затруднительнымъ, повидимому, положеніемъ римлянъ.

Прошло цѣлыхъ два года прежде чѣмъ различныя этрускія государства могли согласиться между собою, и когда наконецъ войска ихъ вышли въ походъ, они быстро сокрушились въ борьбѣ съ могуществомъ римлянъ и своею собственною слабостью. Слабый союзъ этрусковъ никакъ не могъ устоять противъ государства, которое съ чисто военнымъ единствомъ и аристократическою твердостью управляло союзниками, какъ своими гражданами и подданными. Этруски начали войну нападеніемъ на римскую колонію Сутріумъ. Сраженіе, данное имъ консуломъ Квинтомъ Эмиліемъ Барбулою, осталось нерѣшительнымъ. Этруски осадили послѣ того Сутріумъ. Одинъ изъ консуловъ, избранныхъ въ слѣдующемъ году, Квинтъ Фабій Максимъ Рулліанъ, посланный противъ нихъ, не испугался превосходства ихъ силъ. Онъ проложилъ себѣ путь чрезъ густой циминскій нагорный лѣсъ въ Этрурію, напалъ на союзныхъ этрусковъ и разбилъ не только ихъ, но и соединившихся съ ними умбровъ. Въ одномъ только этомъ сраженіи римляне убили и взяли въ плѣнъ около шестидесяти тысячъ непріятелей. Если этруски и умбры дѣйствительно потерпѣли такое ужасное пораженіе, то это должно приписать единственно тому, что они безразсудно выставили противъ отборной части римскихъ войскъ, предводительствуемый искуснѣйшими полководцами, свое необученное и не бывавшее никогда въ дѣлѣ ополченіе. Послѣдствія такого безразсудства легко можно было предвидѣть. Умбры въ томъ же году покорились римлянамъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, а этрускій союзъ совершенно распался, какъ это всегда бывало съ

18*

нимъ по пораженіи, и въ концѣ второй самнитской войны отдѣльныя государства его заключили съ Римомъ перемиріе.

Въ продолженіе второй самнитской войны подняли противъ Рима оружіе герники, эквы, марсы идругіе незначительные горные народы, но были всѣ побѣждены римлянами. Покоривъ ихъ, римляне обошлись съ нѣкоторыми изъ нихъ по дружески, чтобы привязать ихъ къ Риму, и наказали совсею строгостью другихъ, чтобы сдѣлать ихъ безвредными.

7. Третья самнитская война.

Черезъ шесть лѣтъ по окончаніи второй самнитской войны вспыхнула въ 298 году до р. Х. третья, по поводу событій въ Луканіи. Самниты начали войну съ луканцами и вели ее такъ счастливо, что самостоятельности Луканіи угрожала большая опасность. Это было совершенно противно видамъ римской политики; римляне приняли сторону луканцевъ, потребовали отъ самнитовъ очищенія почти уже завоеванной ими страны и, получивъ отказъ, тотчасъ же послали туда свое войско. Новая война могла быть тѣмъ болѣе опасною и трудною для римлянъ, что почти въ то же время возстали жители Апуліи, этруски, умбры и галлы противъ Рима. Первые три народа заключили союзъ съ самнитами, а галлы, еще прежде служившіе наемниками въ этрускихъ войскахъ противъ римлянъ, начали теперь войну по собственному побужденію, такъ какъ римляне, утвердившись незадолго передъ тѣмъ въ умбрскихъ и этрускихъ Апеннинахъ, препятствовали ихъ хищническимъ набѣгамъ на Среднюю Италію.

Союзъ самнитовъ съ этрусками, умбрами и жителями Апуліи былъ впрочемъ не такъ опасенъ, какъ это казалось съ перваго взгляда, потому что римляне еще въ самомъ началѣ вспыхнувшей войны владѣли уже всѣми горными проходами, которые вели изъ страны самнитовъ въ земли ихъ союзниковъ. Но за-то война съ коренными самнитами можетъ считаться самою ужасной изъ всѣхъ

войнъ, веденныхъ Римомъ. Съ самаго начала она приняла свирѣпый характеръ: римляне начали и окончили ее безчеловѣчными поступками и систематическимъ опустошенiемъ страны; они точно также свирѣпствовали въ Самнiумѣ, какъ адскiя колонны французской республики въ Вандеѣ, предавая огню богатые села и города, какъ въ концѣ семнадцатаго столѣтiя войска Лудовика XIV въ Пфальцѣ. Въ третьей самнитской войнѣ предводителемъ самнитовъ является тотъ же Понцiй, на ряду съ которымъ прославился своими талантами Геллiй Эгнацiй.

Самою рѣшительною эпохою этой войны былъ 295 годъ до р. X., хотя и послѣ того нѣсколько лѣтъ продолжались военныя дѣйствiя. Римляне избрали на этотъ годъ консулами обоихъ своихъ великихъ полководцевъ Квинта Фабiя Максима Рулліана и Публiя Децiя Муса Младшаго, потому что война начала принимать опасный для Рима оборотъ. Самниты съ одной стороны завладѣли Кампанiей, а съ другой стороны соединились за Апеннинами съ этрусками, умбрами и галлами. Вскорѣ по вступленiи въ свою должность, консулы двинулись противъ соединенныхъ непрiятельскихъ войскъ и сошлись съ ними при умбрскомъ городѣ Сентинумѣ. Въ этомъ сраженiи численный перевѣсъ былъ на сторонѣ самнитовъ. Но между союзниками господствовало тайное недовѣрiе другъ къ другу и къ счастью для римлянъ, незадолго передъ битвою этрускiя войска, получивъ извѣстiя объ опустошенiяхъ, производимыхъ въ Этрурiи однимъ римскимъ отрядомъ, должны были поспѣшить на защиту своего отечества. Битва была чрезвычайно упорною и побѣда долгое время оставалась нерѣшенною. Находившаяся подъ начальствомъ Децiя часть римскаго войска была уже отброшена и пришла въ такой безпорядокъ, что Децiй счелъ необходимымъ послѣдовать примѣру своего отца и принесть себя въ жертву богамъ ада, чтобы возстановить мужество своихъ воиновъ. Своею смертью онъ исторгъ побѣду изъ рукъ враговъ, и въ то же время подоспѣла помощь, присланная его товарищемъ Фабiемъ. Самниты были раз-

биты на голову, потерявъ двадцать тысячъ человѣкъ убитыми и восемъ тысячъ плѣнными. Вся же потеря римлянъ простиралась только до 8 тысячъ человѣкъ. Огромный уронъ союзниковъ и смерть знаменитаго ихъ полководца Геллія Эгнація, убитаго въ сраженіи вмѣстѣ съ цвѣтомъ самнитской арміи, повлекли за собою расторженіе союза. Набѣги галловъ и военныя дѣйствія въ Этруріи и Самніумѣ продолжались еще нѣсколько лѣтъ, но сообщенія между землями союзниковъ были прерваны и вскорѣ послѣ того этрускіе города поспѣшили заключить съ Римомъ отдѣльные мирные трактаты. Этрурія и Умбрія были покорены на всегда; нѣкоторые отдѣльные города и округа возставали иногда противъ ненавистнаго имъ Рима, но всѣ эти возстанія только облегчали римлянамъ основаніе колоній и совершенное порабощеніе страны.

Совершенно другія послѣдствія имѣла эта война для самнитовъ. Это свободное, энергическое и славившееся простотою своихъ нравовъ племя долго упорно отстаивали свою независимость. Потому война въ Самніумѣ сдѣлалась въ послѣдніе годы еще ужаснѣе и безчеловѣчнѣе чѣмъ въ началѣ. Лучшими римскими полководцами были въ то время Луцій Папирій Курсоръ Младшій и Манлій Курій Дентатъ. Предвидя конецъ борьбы, самниты все таки продолжали геройски защищать свое отечество, производя безпрестанные набѣги на владѣнія римлянъ и даже вступая въ правильныя битвы съ послѣдними. Несмотря на множество пораженій, они снова вступали въ бой съ непріятелемъ и римляне достигли своей цѣли не прежде, какъ опустошивъ одинъ за другимъ всѣ округи и мѣстности Самніума. Уцѣлѣвшіе самниты подчинились наконецъ римскому владычеству подъ разными условіями (290 г. до р. Х.). Въ послѣдней битвѣ, въ которой римскими войсками командовалъ Квинтъ Фабій Максимъ Гургъ при содѣйствіи своего знаменитаго отца Рулліана, былъ взятъ въ плѣнъ римлянами славный полководецъ Понцій. Говорятъ, что его привезли въ Римъ, водили тамъ по улицамъ въ цѣпяхъ, а потомъ отрубили ему голову. Случай этотъ, если только

онъ справедливъ, доказываетъ какъ далеко удалились римляне отъ духа чистаго рыцарства, который одинъ можетъ заставить насъ взглянуть безъ глубокой ненависти на народъ, дѣлающій изъ бойни людей свое ремесло.

8. Событія между третьей самнитской и тарентскою войнами.

Покореніемъ самнитовъ было положено самое прочное основаніе римскому владычеству въ Италіи. Тотчасъ по окончаніи самнитской войны были подчинены сабины, вѣроятно помогавшіе самнитамъ: они получили права римскаго гражданства, но безъ дозволенія участвовать въ комиціяхъ. Въ это время владѣнія римлянъ простирались на сѣверѣ до границъ галльскихъ владѣній, а на югѣ до греческихъ колоній въ Нижней Италіи. По этому римляне должны были начать войну прежде всего съ этими двумя народами и военныя дѣйствія открылись первоначально въ Верхней Италіи.

Однимъ изъ поводовъ къ этой войнѣ было то обстоятельство, что близкое сосѣдство римскихъ военныхъ колоній мѣшало галламъ продолжать разбойничьи набѣги на Среднюю Италію, съ другой же стороны и большинство этрускихъ городовъ стремились свергнуть съ себя римское иго. Въ 285 году до р. Х. возстали жители Вольсиніевъ и сдѣлали попытку завладѣть чрезвычайно важнымъ для Рима городомъ Арецiумомъ, при чемъ имъ оказали помощь и сосѣднія племена галловъ. Римская армія подъ начальствомъ Курія Дентата разбила ихъ на голову и вторглась въ страну галльскаго народа с е н о н о в ъ. Принудивъ ихъ покориться, Курій Дентатъ основалъ въ ихъ странѣ колонію Сену (нынѣшнюю Синигалью), сдѣлавшуюся важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Основаніе этой колоніи такъ устрашило б о і е в ъ, галльское племя жившее къ сѣверу отъ сеноновъ, что они заключили союзъ противъ Рима съ сенонами, жителями Вольсиніевъ и другими этрускими городами. Высланное противъ нихъ войско претерпѣло полное по-

раженіе, оставивъ на мѣстѣ битвы до 13,000 человѣкъ (283 г. до р. Х.). Консулъ Публій Корнелій Долабелла отистилъ за это пораженіе опустошительнымъ вторженіемъ въ землю сеноновъ. Онъ разорилъ ихъ страну, перерѣзалъ всѣхъ жителей мужескаго пола, а женщинъ и дѣтей отвелъ въ рабство. Изъ владѣній сеноновъ Долабелла отправился въ Этрурію, и разбивъ здѣсь въ двухъ сраженіяхъ союзниковъ, принудилъ этрусковъ просить мира. Миръ этотъ былъ дарованъ имъ на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ, потому что римляне вели въ то время опасную войну въ Нижней Италіи, требовавшую сосредоточенія тамъ всѣхъ силъ. Этруски остались по видимому независимыми, но неизвѣстно положительно какое они приняли на себя обязательства. Впослѣдствіи когда римляне опять могли дѣйствовать свободно, этруски безъ всякаго труда были окончательно покорены, потому что этотъ лишенный всякаго единства и изнѣженный народъ никакъ не могъ противиться энергіи и мужеству римлянъ.

9. Тарентская война и совершенное покореніе Нижней и Средней Италіи.

Греческія колоніи Нижней Италіи, съ давнихъ поръ страшно терпѣвшія отъ нападеній сиракузскихъ тиранновъ и разбоевъ луканцевъ и бруттійцевъ, наконецъ вынуждены были просить помощи у своихъ соотечественниковъ въ собственной Греціи. Въ 345 г. до р. Х. прибылъ въ Италію приглашенный тарентинцами спартанскій царь Архидамъ III, сынъ знаменитаго Агесилая, и впродолженіе семи лѣтъ воевалъ съ луканцами, пока не былъ убитъ въ одномъ сраженіи. По смерти его тарентинцы обратились къ эпирскому царю Александру I (т. III стр. 53); но и этотъ искатель приключеній былъ убитъ въ одномъ изъ своихъ походовъ противъ луканцевъ (325 г. до р. Х.). Есть извѣстіе, впрочемъ ничѣмъ не подтверждающееся, что Александръ воевалъ съ самнитами и заключилъ противъ нихъ союзъ съ римлянами. Двадцать лѣтъ

спустя явился изъ Греціи въ Нижнюю Италію искать приключеній сынъ спартанскаго царя, Клеонимъ, также приглашеный тарентинцами противъ тѣснившихъ ихъ луканцевъ (т. III стр. 60). Приведя съ собою пять тысячъ греческихъ наемниковъ и набравъ въ Италіи еще новыя толпы искателей приключеній, онъ присоединилъ ихъ къ тарентинскому войску и, благодаря численному перевѣсу своихъ войскъ, заставилъ луканцевъ просить мира. Изъ страсти къ грабежу, онъ соединился потомъ съ своими прежними противниками, овладѣлъ хитростью богатымъ греческимъ городомъ Метапонтомъ и поселившись въ немъ предался тамъ, какъ Димитрій Поліоркетъ въ Аѳинахъ, самому неистовому распутству. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился грабить островъ Коркиру. Черезъ годъ Клеонимъ снова возвратился въ Нижнюю Италію, разграбилъ и разорилъ Мессапію, и даже покорилъ городъ Турій, но, какъ говорятъ, былъ разбитъ призванными на помощь римлянами подъ начальствомъ консула Марка Эмилія Павла и принужденъ отступить. Потомъ онъ отправился въ Верхнюю Италію и высадившись въ окрестностяхъ нынѣшней Венеціи разорилъ ихъ, но былъ прогнанъ жителями къ своимъ кораблямъ, и отправился обратно въ Грецію.

Греческія колоніи Нижней Италіи смотрѣли съ тѣхъ поръ на римлянъ, проникшихъ въ Мессапію вслѣдствіе набѣга Клеонима, какъ на своихъ истинныхъ друзей, нѣкоторыя изъ нихъ даже приняли къ себѣ римскіе гарнизоны. Еслибы греческіе города Нижней Италіи дѣйствовали единодушнѣе и образовали между собою союзъ то, безъ сомнѣнія, они не нуждались бы въ чужой помощи; но, оставаясь всегда разъединенными и постоянно враждуя между собою, они были жертвою разбойническихъ набѣговъ бруттійцевъ и луканцевъ и становились самою легкою добычею того, кто нападалъ на нихъ или являлся къ нимъ на помощь. Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ греческія колоніи Нижней Италіи во время покоренія Самніума римлянами были разрушены или находились въ состояніи страшнаго упадка. Самымъ цвѣтущимъ и могуществен-

нымъ греческимъ городомъ Нижней Италіи былъ тогда Тарентъ, богатство котораго было причиною развращенія нравовъ его жителей. Впрочемъ и этотъ городъ, какъ видно изъ частыхъ просьбъ о помощи у греческихъ владѣтелей, уже тогда лишился всѣхъ своихъ внутреннихъ силъ. По покореніи римлянами почти всей Средней Италіи, Тарентъ вступилъ съ послѣдними въ борьбу, окончившуюся, какъ и слѣдовало ожидать, потерею его независимости.

Историки древности утверждаютъ, что еще прежде, но когда именно, неизвѣстно, тарентинцы заключили съ римлянами договоръ, по которому послѣдніе обязались не заходитъ на своихъ военныхъ корабляхъ восточнѣе мыса Лацинія теперь capo della Colonna), т. е. не входить въ Тарентскій заливъ. Хотя извѣстіе это и не вполнѣ достовѣрно, но все таки этотъ любопытный фактъ имѣетъ важное значеніе для опредѣленія относительнаго могущества на морѣ римлянъ и тарентинцевъ, указывая, что морскія сношенія римлянъ были гораздо обширнѣе, чѣмъ это предполагали сами римскіе писатели. Какъ бы то ни было, но тарентинцы должны были опасаться за свою свободу, когда близъ лежащія греческія колоніи для защиты отъ луканцевъ и бруттійцевъ пригласили къ себѣ римскіе гарнизоны, и потому весьма вѣроятно, что послѣ третьей самнитской войны тарентинцы дѣйствительно старались возбуждать противъ римлянъ возстанія въ Самніумѣ и Луканіи. Такимъ образомъ между Римомъ и Тарентомъ вспыхнула война, давно подготовленная ходомъ предшествующихъ событій. Поводомъ къ этой войнѣ было слѣдующее. Въ числѣ прочихъ колоній, принявшихъ къ себѣ римскіе гаризоны, былъ и Турій, расположенный на берегу Тарентскаго залива. Сообщеніе между Туріемъ и Римомъ было только моремъ и сношенія между этими городами поддерживались десятью римскими военными кораблями. Повидимому, тарентинцы сначала не обращали вниманія на появленіе римскихъ судовъ въ ихъ водахъ; въ Тарентской республикѣ господствовала самая крайняя демократія и въ послѣднее время настроеніе народа становилось все враждебнѣе и враждебнѣе къ римлянамъ. Этимъ

воспользовался одинъ изъ демагоговъ и увлекъ своихъ сограждань къ нападенію на римскіе корабли. Воспламененные его рѣчью, тарентинцы снарядили маленькую эскадру, напали на римскіе корабли, завладѣли однимъ изъ нихъ, потопили четыре и выгнали остальные изъ залива. Послѣ того демократическое правительство отправило въ Турій войско, которое ворвалось въ городъ при содѣйствіи народной партіи, и изгнали аристократовъ, по настоянію которыхъ былъ принятъ римскій гарнизонъ. Римляне были отпущены невредимыми, а имущество изгнанной аристократіи раздѣлено между народомъ.

Римъ, какъ и всегда, былъ очень радъ имѣть поводъ овладѣть Тарентомъ, богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ городомъ Нижней Италіи, и отправилъ туда съ самыми грозными требованіями посольство, во главѣ котораго находился Луцій Постумій. Между прочимъ сенатъ требовалъ отъ тарентинцевъ возвращенія изгнанныхъ ими турійскихъ аристократовъ, вознагражденія ихъ за конфискованное имущество и выдачи римлянамъ тарентскихъ гражданъ, бывшихъ виновниками нарушенія міра. Тарентскія власти сначала нерѣшались ввести въ народное собраніе римскихъ пословъ, предвидя, что могутъ произойти непріятности. Дѣйствительно, когда римскіе послы явились въ собраніе, народъ не позволилъ имъ сказать ни одного слова, и какой то простолюдинъ позволилъ себѣ противъ нихъ дерзкую выходку, встрѣченную одобреніемъ и рукоплесканіями всѣхъ присутствовавшихъ. Глубоко оскорбленные этимъ, римляне тотчасъ же послали противъ Тарента войско подъ начальствомъ консула Луція Эмилія Барбулы (281 г. до р. X.).

Государственное устройство Тарента походило тогда на аѳинское временъ Клеона или Стратокла (т. I стр. 449 и т. II стр. 461), но нравы были еще испорченнѣе, чѣмъ въ Аѳинахъ. Ослѣпленные и изнѣженные тарентинцы, призывавшіе еще прежде на помощь къ себѣ Александра и Клеонима, теперь снова, чтобы спасти себя, прибѣгнули къ средству, которое только увеличило зло. Всѣ убѣжденія

болѣе благоразумныхъ гражданъ, что нельзя избавиться отъ бѣды накликая на себя еще большую опасность, разбились о малодушіе и трусость народа и собраніе рѣшило просить помощи у эпирскаго царя Пирра. Это приглашеніе было принято имъ съ такимъ же безразсудствомъ, съ какимъ оно было сдѣлано тарентинцами. Онъ обманулся безсовѣстными преувеличеніями пословъ, утверждавшихъ, что Тарентъ соединился съ мессапійцами, луканцами и самнитами и въ состояніи выставить до двадцати тысячъ конницы и трехъ сотъ пятидесяти тысячъ пѣхоты. Съ какимъ безстыдствомъ лгали послы, можно видѣть изъ того, что вся нынѣшняя Калабрія имѣла тогда не болѣе одного милліона жителей, а для того, чтобы выставить поголовное ополченіе въ 450,000 ч., было необходимо населеніе по крайней мѣрѣ въ 4 или 5 милліоновъ. Впрочемъ Пирръ и недумалъ объ этомъ; онъ занимался военнымъ дѣломъ какъ ремесломъ, и по своему странному и причудливому характеру часто бросался отъ одного предпріятія къ другому. Въ то время онъ мечталъ о покореніи Македоніи (т. III стр. 60), но отчаяваясь въ успѣхѣ этого предпріятія отказался отъ него, когда противники его Птолемей Керавнъ, Антигонъ Гонатъ и Антіохъ Сотеръ, чтобы избавится отъ него, предложили ему свою помощь для похода въ Италію. Птолемей далъ денегъ, Антигонъ корабли для переѣзда, Антіохъ ссудилъ его девятью тысячами наемниковъ и пятидесятью военными слонами.

Прежде всего Пирръ послалъ въ Тарентъ три тысячи эпиротовъ подъ начальствомъ Милона, а вслѣдъ за нимъ своего канцлера, ѳессалійца Кинеаса, опытнаго государственнаго человѣка, принадлежавшаго къ числу придворныхъ греческихъ философовъ изящной школы того времени. Вскорѣ послѣ того онъ и самъ прибылъ въ Италію съ двадцати пяти тысячнымъ войскомъ (281 г. до р. Х.), но, явившись въ Тарентъ, тотчасъ же увидѣлъ, что былъ обманутъ пустыми обѣщаніями. Ему пришлось даже прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы заставить тарентинцевъ взяться

за оружіе; но малодушный народъ сталъ покидать городъ толпами, какъ только Пирръ принялся серьезно набирать войско и обучать его. Смѣнивъ по настоянію Кинеаса предводителя своихъ войскъ и пустивъ въ цитадель войска Милона, тарентинцы очутились совершенно во власти эпирскаго царя, а отказавшись отъ всѣхъ предложеній римскаго консула Эмилія были страшно стѣснены послѣднимъ. При появленіи Пирра римляне были вынуждены снять начатую ими осаду города, но за то приняли всѣ мѣры, чтобы недопустить луканцевъ и самнитовъ принять участіе въ войнѣ.

Царь эпирскій началъ войну опустошеніемъ всѣхъ греческихъ городовъ, не захотѣвшихъ присоединится къ нему, и въ самыхъ заносчивыхъ выраженіяхъ предложилъ римлянамъ, которые (въ 280 году до р. Х.) выслали противъ него войско подъ начальствомъ консула Публія Валерія Левина, свое посредничество для рѣшенія ихъ спора съ Тарентомъ. Левинъ отвѣчалъ на его посланіе совершенно въ римскомъ духѣ. Смѣясь надъ безразсудною хвастливостью Пирра, онъ объявилъ ему, что не можетъ допустить вмѣшательства чужеземца въ дѣла Италіи и что Римъ рѣшаетъ свои споры только оружіемъ. Повидимому Пирръ дѣйствительно считалъ римлянъ невѣждами въ военномъ искусствѣ, и сильно удивился, познакомившись съ ихъ вооруженіемъ, эволюціями, устройствомъ лагеря, и не замѣтивъ нигдѣ слѣдовъ варварства. Оба войска встрѣтились при Гераклеѣ на Сирисѣ. Левинъ проигралъ это сраженіе, какъ говорятъ, потому, что въ этой битвѣ римляне впервый разъ увидѣли военныхъ слоновъ; вѣроятнѣе же,что сраженіе было проиграно потому, что Пирръ имѣлъ превосходную и многочисленную кавалерію, въ которой римляне всегда чувствовали недостатокъ. Не дешево однако досталась эта побѣда и Пирру; онъ потерялъ въ этотъ день не менѣе 4000 человѣкъ. Напрасно предлагалъ онъ плѣннымъ римлянамъ вступить въ его службу, ни одинъ изъ нихъ не согласился измѣнить отечеству.

Пирръ превосходно воспользовался своею побѣдою. Онъ заста-

вилъ нерѣшительныхъ грековъ, всѣхъ занятыхъ римлянами городовъ, исключая Регія, прогнать отъ себя римскіе гарнизоны, быстро соединился потомъ съ отрѣзанными отъ Тарента луканцами и самнитами, перешелъ Апеннины и неожиданно явился въ Компаніи. Но у него не было одного изъ важнѣйшихъ качествъ великаго полководца — пониманія характера тѣхъ народовъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и дарованій непріятельскихъ военачальниковъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ безъ сравненія ниже Ганнибала, который былъ непобѣдимъ, потому что понималъ съ перваго же взгляда своего противника. Какъ мало зналъ онъ римлянъ, предполагая, что будетъ въ состояніи послѣ битвы при Гераклеи пополнить свое войско плѣнными римлянами и латинами, какъ дѣлалъ это прежде съ греческими наемниками! Явившись въ Компанію, онъ хотѣлъ заставить находившіеся въ тѣсномъ союзѣ съ Римомъ города Капую и Неаполь передаться на его сторону, не сообразивъ того, что оба эти города были въ самой непримиримой враждѣ съ союзниками его самнитами. Понятно, что при такомъ незнаніи людей и положенія дѣлъ всѣ его труды должны были остаться безплодными. Проникнувъ во внутренность Лаціума, Пирръ приблизился уже къ Риму на разстояніе семи нѣмецкихъ миль, какъ вдругъ внезапно былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ римскимъ войскомъ, возвращавшимся изъ Этруріи. Онъ тотчасъ же рѣшился отступить чрезъ Кампанію въ Тарентъ и расположилъ войска на зимнихъ квартирахъ въ подвластныхъ ему греческихъ городахъ.

Не обладая достаточнымъ числомъ крѣпостей и не имѣя ни одного надежнаго союзника, Пирръ долженъ былъ вести продолжительную и трудную войну. Познакомившись хорошо съ римлянами, онъ, какъ человѣкъ безпокойный и нетерпѣливый, не чувствовалъ никакой охоты продолжать ее и, предвидя скорый недостатокъ въ деньгахъ, сдѣлалъ попытку склонить римлянъ къ миру. Съ этою цѣлью посланъ былъ въ Римъ Кинеасъ, который старался расположить сенатъ къ миру, предлагая безвозмездно освободить римлянъ, значительное число которыхъ находилось въ плѣ-

ну у эпиротовъ и которымъ угрожало рабство въ отдаленныхъ краяхъ. За это онъ требовалъ только признанія независимости союзныхъ съ Пирромъ итальянскихъ государствъ, на что римляне могли согласиться безъ особеннаго для себя ущерба. Кинеасъ, котораго одинъ изъ древнихъ писателей сравниваетъ съ Демосѳеномъ, умѣлъ представить свои предложенія въ такомъ выгодномъ свѣтѣ и такъ искусно привлечь на свою сторону римскихъ вельможъ, что сенатъ уже началъ колебаться и склоняться въ пользу мира. Это противорѣчило однако одному изъ политическихъ принциповъ, которому постоянно слѣдовали древніе римляне и слѣдуютъ правительства новаго Рима—никогда и ни въ чемъ не дѣлать уступокъ. Соблюденіемъ этого правила и въ настоящемъ случаѣ Римъ былъ обязанъ члену одной фамиліи, которая всегда отличалась своею непоколебимою стойкостью, упорно защищала всѣ права патрицiевъ, и теперь въ первый и быть можетъ единственный разъ сдѣлалась популярною. Старикъ Аппій Клавдій, тридцать лѣтъ тому назадъ занимавшій должность цензора, убѣдилъ сенатъ держаться старинныхъ принциповъ римской политики. Этотъ человѣкъ, представлявшій собою живой образецъ твердости, стойкости, строгости и простоты жизни древнихъ римскихъ паприціевъ, узнавъ о переговорахъ съ Пирромъ, приказалъ принести себя въ сенатъ, который онъ уже давно не посѣщалъ по дряхлости и слѣпотѣ. Произнесенная имъ въ сенатѣ рѣчь была полнѣйшимъ выраженіемъ римской гордости, и такъ сильно подѣйствовала на слушателей, что сенатъ въ тоже засѣданіе рѣшился отказать Пирру. Слова, сказанныя Кинеасомъ по возвращеніи его къ Пирру, даютъ намъ такое же высокое понятіе о гордости и достоинствѣ правителей Рима, какъ и самый подвигъ слѣпаго Аппія Клавдія. Кинеасъ, привыкшій имѣть дѣло только съ властями греческихъ республикъ, увидѣлъ въ Римѣ республику, сенатъ которой составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ ничтожными греческими правителями той эпохи. Исполненный удивленія передъ этимъ государствомъ, онъ, какъ го-

ворятъ сказалъ Пирру, что „римскій сенатъ показался ему собраніемъ царей.“

Освобожденіе плѣнныхъ было такъ важно для римлянъ, что они отправили къ Пирру трехъ наиболѣе уважаемыхъ людей, которые могли дать царю самое высокое понятіе о характерѣ, военныхъ талантахъ и опытности римскихъ полководцевъ. Посольство это состояло изъ Кая Фабриція Лусцина, одержавшаго передъ самымъ появленіемъ Пирра въ Италіи славную побѣду надъ луканцами и завладѣвшаго союзнымъ съ ними Туріемъ, Квинта Эмилія Папа, принудившаго боіевъ къ миру, и Публія Корнелія Долабеллы, покорившаго и истребившаго сенонскихъ галловъ. При этомъ случаѣ Пирръ прибѣгнулъ къ средству, которое почти всегда имѣло успѣхъ у греческихъ полководцевъ и даже царей той эпохи, но на этотъ разъ попытки его склонить подкупомъ въ свою пользу главу посольства, Фабриція, не имѣвшаго никакихъ другихъ драгоцѣнностей, кромѣ серебряной солонки и серебряной же чаши для жертвоприношеній, остались безуспѣшными. Фабрицій съ благородною гордостью возвратилъ даже дорогой подарокъ, присланный ему Пирромъ, въ знакъ личнаго уваженія къ нему. Одинъ греческій анекдотистъ разсказываетъ, что Пирръ, желая потомъ испытать присутствіе духа Фабриція, приказалъ неожиданно подвести къ нему слона, и что Фабрицій съ усмѣшкой отвѣчалъ царю, что онъ также мало боится слона, какъ и соблазняется предложенными ему деньгами. Анекдотъ этотъ слишкомъ недостоинъ Пирра и не можетъ считаться ничемъ другимъ какъ вымысломъ писателей, для которыхъ исторія служитъ только средствомъ для реторическихъ упражненій. Разсказъ этотъ пусть и останется достояніемъ риторовъ и живописцовъ, часто бравшимъ его сюжетомъ своихъ описаній и картинъ. Впрочемъ римское посольство къ Пирру не имѣло никакого успѣха.

О продолженіи войны мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія; намъ извѣстно только, что вскорѣ послѣ переговоровъ, въ 279 году до р. Х., произошла при апулійскомъ городѣ Аскулумѣ

вторая битва между Пирромъ и римлянами. Предводимые консуломъ Публіемъ Сульпиціемъ и товарищемъ его Публіемъ Деціемъ Мусомъ, сыномъ и внукомъ полководцевъ, прославившихся своимъ самопожертвованіемъ, римляне потерпѣли пораженіе. Какъ дорого стоила Пирру эта побѣда можно судить по тому, что по разсказамъ историковъ, послѣ битвы у него вырвались слѣдующія слова: „еще одна такая побѣда и я погибъ.“ Онъ потерялъ не менѣе 15,000 человѣкъ и въ томъ числѣ лучшихъ своихъ военачальниковъ. Не ожидая себѣ сильной поддержки отъ союзниковъ и не предвидя возможности получить подкрѣпленія изъ Греціи, въ которую опустошительнымъ потокомъ вторгнулись орды галловъ (т. III стр. 19.), тогда какъ римляне очень легко пополняли убыль въ своихъ войскахъ, Пирръ старался не только избѣгать третьей битвы, но вообще и прекратить самую войну. По этому онъ съ радостью принялъ приглашеніе сиракузянъ, звавшихъ его въ Сицилію на помощь противъ Карѳагенъ. Передъ своимъ выступленіемъ Пирръ, какъ кажется, нигдѣ не встрѣчался съ римлянами, но отпустилъ всѣхъ бывшихъ у него плѣнныхъ безъ всякаго выкупа. Основываясь на одномъ изъ многихъ анекдотовъ, которыми всегда искажается исторія человѣчества въ угоду ищущимъ развлеченія праздполюбцамъ, Пирръ поступилъ такъ великодушно по слѣдующей причинѣ; впрочемъ позднѣйшіе писатели древности украсили этотъ разсказъ такими несообразностями и противорѣчіями, которыя уже одни доказываютъ, что событіе это вымышленно и не можетъ принадлежать достовѣрной исторіи. Разсказываютъ, что придворный врачь или какой то другой приближенный Пирра послалъ Фабрицію, который былъ консуломъ въ годъ отступленія эпиротовъ изъ Италіи, письмо съ предложеніемъ отравить царя за извѣстную сумму. Фабрицій тотчасъ же отправилъ это письмо къ Пирру, который въ благодарность за то освободилъ всѣхъ римскихъ плѣнниковъ.

Оставивъ въ Италіи только необходимое для занятія тарентской цитадели число войскъ, подъ начальствомъ Милона, Пирръ

отправился въ Сицилію, гдѣ и пробылъ три года. Римляне превосходно воспользовались временемъ его отсутствія, покорили этрусковъ, возставшихъ во время войны съ Пирромъ, совершенно стѣснили самнитовъ, луканцевъ и бруттійцевъ, и завладѣли многими греческими колоніями. Союзники Пирра стали просить его возвратиться въ Италію для ихъ спасенія. Онъ былъ самъ очень радъ предлогу покинуть Сицилію, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ предпріятій, очутился въ такомъ же положеніи, какъ прежде въ Италіи. По прибытіи въ 275 г. до р. Х. къ Таренту, онъ имѣлъ еще армію изъ 23,000 человѣкъ, но большая часть ея состояла изъ новобранцевъ. Римляне тотчасъ же послали двѣ арміи: одну подъ начальствомъ консула Манія Курія Дентата въ Самніумъ, другую съ консуломъ Корнеліемъ Лентуломъ въ Луканію. Увеличивъ свое войско тарентинцами способными носить оружіе, Пирръ выступилъ противъ первой арміи, былъ разбитъ на голову у Беневента и потерялъ почти всю свою армію; въ тоже время Лентулъ нанесъ пораженіе луканцамъ. Не будучи болѣе въ состояніи держаться въ Италіи, Пирръ бѣжалъ въ Грецію, гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ былъ убитъ въ одномъ сраженіи. Онъ оставилъ въ Тарентѣ подъ начальствомъ Милона гарнизонъ, который вскорѣ по его смерти принужденъ былъ сдаться на капитуляцію и получилъ свободный выходъ, оставивъ тарентинцевъ на произволъ римлянъ. Тарентъ лишился своего флота, долженъ былъ срыть часть своихъ укрѣпленій и принять къ себѣ римскій гарнизонъ.

Луканцы, бруттійцы, самниты и другія возставшія племена были покорены вскорѣ послѣ отступленія Пирра. Остальные независимые греческіе города Нижней Италіи были также принуждены отворить свои ворота побѣдителямъ. Ихъ участь была различна: большинство изъ нихъ сохранило свои прежніе законы и учрежденія, потому что римляне мѣняли учрежденія завоеванныхъ городовъ только въ случаѣ крайней необходимости, но всѣ они должны были платить дань, выставлять свою молодежъ въ ряды рим-

скаго войска и помогать послѣднему въ завоеваніяхъ, не раздѣляя ни славы ни выгодъ его побѣдъ. Покореніемъ греческихъ городовъ, въ половинѣ третьяго вѣка до р. X., было окончено порабощеніе Средней и Нижней Италіи. Для римлянъ завладѣніе полуостровомъ отъ южныхъ границъ Ломбардіи до Мессинскаго залива было началомъ всемірнаго могущества, для Италіи же вмѣстѣ съ римскимъ владычествомъ начался періодъ ея упадка. Съ этихъ поръ Римъ распоряжается силами Италіи какъ своими собственными и съ помощью ихъ достигаетъ громаднаго величія, а итальянскія государства, не исключая и Лаціума, лишенныя самостоятельной жизни, начинаютъ приходить въ упадокъ и запустѣніе, теряя множество людей въ завоевательныхъ войнахъ Рима. Но и для римлянъ совершенное покореніе Италіи имѣло вредныя послѣдствія: съ этого времени начинаетъ исчезать между ними сельскій и воинственный бытъ и распространяется греческая роскошь.

Перемѣна въ характерѣ римлянъ была весьма значительна и происходила отъ того, что съ покореніемъ Нижней Италіи они вошли въ постоянныя сношенія съ испорченными греками обоихъ береговъ Іоническаго моря и Сициліи. До сихъ поръ римляне имѣли дѣло только съ народами, бытъ которыхъ имѣлъ много общаго съ римскимъ и потому не могъ имѣть на него слишкомъ вреднаго вліянія. Римскій народъ образовался изъ слiянія этрусковъ, латиновъ и самнитовъ, подъ вліяніемъ учрежденій и обычаевъ которыхъ сложился весь римскій бытъ. Народы эти, вмѣстѣ съ кампанцами и другими малочисленными племенами покоренными римлянами, принимались въ римское войско и совершенно перерождались въ римлянъ, или предоставлялись сами себѣ и управлялись сами собою. Въ первомъ случаѣ они усвоивали себѣ воинственно-сельскіе нравы римлянъ, во второмъ же не имѣли никакого вліянія на послѣднихъ. Совершенно другія послѣдствія повлекло за собою покореніе Нижней Италіи. Въ войнѣ съ греческими торговыми городами римляне получили такую огромную добычу, какую не представлялъ имъ ни одинъ изъ покоренныхъ ими до сихъ поръ италь-

янскихъ народовъ, кромѣ этрусковъ. Въ греческихъ военно-плѣнныхъ пріобрѣли они рабовъ, перенявшихъ на востокѣ искусство нравиться своимъ господамъ раболѣпнымъ исполненіемъ всѣхъ ихъ прихотей; кромѣ того жители греческихъ городовъ, не исключая и высшихъ классовъ, представляли собою толпу негодяевъ, втиравшихся въ знатныя римскія фамиліи и вносившихъ съ собою развратъ. Все это должно было имѣть чрезвычайно вредное вліяніе на нравственный характеръ римлянъ, основывавшійся не на моральныхъ принципахъ, а на національныхъ привычкахъ. И какъ быстро совершилась эта перемѣна къ худшему въ духѣ и обычаяхъ римлянъ! Въ нѣсколько лѣтъ жители богатыхъ городовъ обѣихъ Калабрій были не только покорены, но ограблены и обращены въ рабство подъ предлогомъ наказанія за неоднократныя попытки къ возстанію. Привыкши къ чувственнымъ наслажденіямъ, греки перенесли свои порочныя наклонности и восточную роскошь къ римлянамъ, которые, быстро обогатившись насиліемъ, стремились насладиться благами жизни. Въ то же время, вслѣдствіе порабощенія луканцевъ и бруттійцевъ въ Римѣ сильно увеличилось число рабовъ, грубость которыхъ римляне укрощали строгостью скоро пріучившей ихъ къ жестокости.

Эти немногія замѣтки показываютъ, что, съ распространеніемъ римскаго владычества въ Нижней Италіи, самнито-римскіе нравы сильно измѣнились. Впрочемъ въ римскихъ преданіяхъ сохранились еще разсказы о М. К. Дентатѣ и полководцѣ прославившимся въ первую пуническую войну, Атиліи Регулѣ,— герояхъ, которые по простотѣ и твердости могутъ сравняться съ Цинциннатомъ и Фабриціемъ. Говорятъ, что Регулъ владѣлъ всего семью югерами земли и просилъ однажды сенатъ уволить его отъ службы, на томъ основаніи, что управитель его умеръ и остановка въ сельскихъ работахъ привела семейство его въ крайность. О Куріи Дентатѣ разсказываютъ, что онъ встрѣтилъ самнитскую депутацію, явившуюся просить его быть патрономъ самнитовъ, сидя передъ своимъ домомъ на деревянной скамьѣ и ужи-

ная рѣпою, которую онъ самъ испекъ въ золѣ. По словамъ того же преданія онъ отказался отъ подарковъ, присланныхъ ему самнитами, сказавъ, что ему гораздо пріятнѣе быть патрономъ бога, чѣмъ самому владѣть богатствами. Подобные разсказы, которымъ конечно нельзя вѣрить буквально и которые кромѣ того искажались въ устахъ народа и подъ перомъ позднѣйшихъ риторовъ, встрѣчаются впослѣдствіи гораздо рѣже и могутъ служить доказательствами перемѣны, совершившейся въ національномъ характерѣ римлянъ послѣ покоренія ими Италіи. Хотя древніе самнитскіе нравы сохранялись еще въ сельскомъ населеніи долгое время послѣ того, какъ городской бытъ совершенно измѣнился, но направленіе, принятое римскою жизью, уже никогда не мѣнялось. Напротивъ того, войны съ кароагенянами вскорѣ потрясли еще сильнѣе основанія римскаго національнаго характера. Въ теченіе тридцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за покореніемъ Италіи, война съ Кароагеномъ доставила римлянамъ огромный флотъ, не смотря на то, что они никогда не были морскою и торговою націею. Въ эту войну римляне ограбили богатѣйшую страну тогдашняго міра, африканскій берегъ, принадлежавшій Кароагену. Въ лицѣ кароагенянъ они ограбили народъ, который былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ торговлѣ или искусному потворству прихотямъ другихъ народовъ, и по этому захватили у нихъ множество предметовъ, до того времени совершенно неизвѣстныхъ въ Италіи. Число африканцевъ, взятыхъ въ плѣнъ въ одинъ только годъ этой войны и отведенныхъ въ Римъ рабами, составляло пятую часть всѣхъ римскихъ гражданъ. Уже одно появленіе такого множества рабовъ, совершенно чуждыхъ имъ по языку и образу жизни и привыкшихъ на родинѣ къ жестокости, должно было имѣть сильное вліяніе на нравы и обычаи римлянъ. Съ ними нужно было обращаться совершенно иначе, чѣмъ съ итальянскими военноплѣнными, которые до тѣхъ поръ были единственными рабами римлянъ. Къ этому присоединилось еще огрубѣніе нравовъ, которое было естественнымъ послѣдствіемъ двадцати трехлѣтней войны съ ненавистнымъ и совершен-

но чуждымъ врагомъ и вліяніе произвола, которому предавались войска, стоявшіе въ непріятельской землѣ, и полководцы и намѣстники, посылаемые въ завоеванные города Сициліи. Все это, въ продолженіе жизни цѣлаго поколѣнія, должно было оказывать такое же вредное дѣйствіе на тогдашнія римскія войска, какое имѣло на закаленныя, до тѣхъ поръ глубоко презиравшія всякую роскошь французскія войска и ихъ полководцевъ преобладаніе Франціи въ Италіи и Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія.

VII. ИСТОРІЯ

КАРѲАГЕНА И СИЦИЛІИ ДО ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

---

1. Главныя событія древнѣйшей исторіи Карѳагена.

Первымъ народомъ, съ которымъ римляне вели войну внѣ Италіи, были карѳагеняне; владѣнія ихъ простирались къ западу отъ Киренаики, и обнимали собою нынѣшній Тунисъ, Триполи и берегъ Алжиріи. Самъ Карѳагенъ лежалъ на берегу Тунискаго залива, на мѣстѣ нынѣшней Мерсы, въ 3-хъ нѣмецкихъ миляхъ къ сѣверо-западу отъ города Туниса. Онъ былъ колоніею финикіянъ, почему римляне и называли жителей его пуннами. Основанный почти за 900 лѣтъ до р. X. (т. I. стр. 114.), Карѳагенъ своею торговлею и промышленностью мало по малу превзошелъ всѣ другія финикійскія колоніи и сдѣлался могущественнѣйшимъ торговымъ городомъ западной половины древняго міра. Въ половинѣ втораго вѣка до р. X., городъ Карѳагенъ по римскимъ извѣстіямъ имѣлъ пять нѣмецкихъ миль въ окружности, 700,000 жителей и до трехсотъ подвластныхъ ему колоній. Конечно извѣстія римскихъ писателей были очевидно преувеличены для того, чтобы возвысить побѣду римлянъ надъ карѳагенянами, но и возможность подобныхъ преувеличеній доказываетъ высшую степень процвѣтанія Карѳагена въ послѣднее время его самостоятельности.

Кареагенъ представлялъ собою исключеніе изъ всѣхъ финикійскихъ колоній, потому что при самомъ своемъ основаніи поставилъ себя въ совершенно другія отношенія къ метрополіи, чѣмъ всѣ остальныя финикійскія поселенія. Эти послѣднія не были торговыми городами, какъ колоніи грековъ, или крѣпостями и военными постами, какъ поселенія римлянъ, но составляли простыя торговыя факторіи на чужомъ берегу и большею частью исчезали вмѣстѣ съ своею метрополіею. Кареагенъ же былъ основанъ одной боковою линіею тирской владѣтельной фамиліи, вслѣдствіе возникшей между ея членами ссоры, и потому съ самаго начала былъ въ гораздо меньшей зависимости отъ метрополіи, чѣмъ прочія колоніи. Онъ поддерживалъ однако постоянныя сношенія со своею метрополіею Тиромъ, признавалъ знаменитый храмъ этого города своею главною національною святыней и посылалъ туда ежегодно дары, но по мѣрѣ расширенія своего владычества на морѣ, становился больше и больше независимымъ. Своею самостоятельностью кареагеняне были обязаны преимущественно тремъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ. Всѣ событія на Востокѣ, гибельныя для Финикіи, обратились въ пользу кареагенянамъ: нападенія сирійскихъ и вавилонскихъ царей побудили множество жителей Тира переселиться въ Кареагенъ, а когда города собственной Финикіи были окончательно порабощены вавилонянами, ассиріянами и потомъ персами, колоніи на крайнемъ западѣ, повиновавшіяся до тѣхъ поръ своимъ метрополіямъ, присоединились къ Кареагену. Вторымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ увеличенію могущества кареагенянъ были отношенія ихъ къ Италіи; они съ самаго начала вели обширную торговлю съ этою страною и уже весьма рано стали заботиться объ усиленіи своихъ военныхъ средствъ для того, чтобы сдерживать тирренскихъ пиратовъ и обезопасить себя отъ соперничавшихъ съ ними греческихъ торговыхъ городовъ въ Сициліи и Нижней Италіи. Наконецъ увеличенію ихъ могущества способствовало основаніе множества колоній въ чужихъ странахъ и необходимость содержать въ нихъ

войска, которыя конечно можно было употребить и для защиты самаго Карѳагена и для всѣхъ войнъ съ другими народами.

Къ этимъ выгодамъ, зависѣвшимъ отъ общаго положенія дѣлъ и хода событій, слѣдуетъ присоединить еще чрезвычайное плодородіе карѳагенской почвы и превосходство ея обработки. Климатъ собственныхъ владѣній Карѳагена или нынѣшняго Туниса весьма умѣренъ, и даже въ горахъ зимніе холода бываютъ такою рѣдкостью, что богатые тунисцы должны доставать ледъ изъ Сициліи. Страна эта, окруженная песчаными берегами, пересѣкается лѣсистыми отраслями Атласкихъ горъ и при тщательномъ орошеніи холмистая поверхность ея становится въ высшей степени плодородною; большая часть горныхъ долинъ еще болѣе удобна для земледѣлія; самыя окрестности древняго Карѳагена, и нынѣшняго Туниса составляютъ одну изъ плодоноснѣйшихъ мѣстностей земнаго шара. Дѣйствительно карѳагенская земля и особенно окрестности города были воздѣланы такъ хорошо, что по своей превосходной обработкѣ и густотѣ населенія эти окрестности могли сравняться съ богатѣйшими мѣстностями Голландіи и Ломбардіи или съ окрестностями Лондона и другихъ европейскихъ столицъ, отличающихся своимъ плодородіемъ и старательной эксплуатаціей почвы. По дошедшимъ до насъ описаніямъ римлянъ, окрестности Карѳагена представлялись однимъ огромнымъ обильно орошеннымъ и превосходно обработаннымъ садомъ, который весь былъ покрытъ прелестными дачами. Нельзя вполнѣ довѣрять словамъ одного римскаго писателя, утверждающаго, что карѳагенскія поля давали сто пятидесятое зерно, но положительно извѣстно, что карѳагеняне были знакомы съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ и занимались имъ какъ наукою. За 500 лѣтъ до р. X., карѳагенянинъ Магонъ написалъ такое превосходное сочиненіе о земледѣліи, что 400 лѣтъ спустя римскій сенатъ, вообще мало интересовавшійся науками, приказалъ перевести это сочиненіе на латинскій языкъ.

Исторію карѳагенянъ удобнѣе всего можно раздѣлить на три

отдѣла. Первый изъ нихъ обнимаетъ собою древнѣйшую эпоху до начала войнъ съ греческими колоніями въ Сициліи или до пораженія при Гимерѣ, въ 480 году до р. Х. Второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ время отъ 480 г. до р. Х. до войнъ съ римлянами, былъ періодомъ высшаго развитія торговли и могущества Карѳагена. Наконецъ третій обнимаетъ собою время такъ называемыхъ пуническихъ войнъ или трехъ войнъ съ Римомъ, окончившихся гибелью Карѳагена. Ни для одного изъ этихъ трехъ періодовъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ источниковъ, потому что всѣ сочиненія карѳагенскихъ писателей погибли, а греческіе и римскіе писатели говорятъ о карѳагенянахъ только мимоходомъ, дѣлая средоточіемъ своего разсказа Римъ или греческую Сицилію. Такимъ образомъ карѳагенская исторія извѣстна намъ единственно на столько, на сколько она касается исторіи этихъ двухъ народовъ.

Сначала Карѳагенъ находился въ зависимости и отъ сосѣднихъ африканскихъ владѣтелей и отъ своей метрополіи, и потому исторія первыхъ временъ Карѳагена, касается преимущественно, утвержденія его самостоятельности. Въ началѣ карѳагеняне платили туземцамъ дань, но потомъ отказались отъ платежа ея вслѣдствіе того начался рядъ войнъ, въ которыхъ карѳагеняне больше и больше распространяли свои владѣнія, на счетъ африканскихъ кочующихъ ордъ. Они уже рано стали высылать поселенцевъ, которые мало по малу заняли главные пункты африканскаго берега на западѣ и на востокѣ. Они дѣлались все независимѣе отъ своей метрополіи и въ то же время распространяли свое могущество, принимая къ себѣ новыхъ переселенцевъ изъ Финикіи и соединяясь съ другими финикійскими колоніями на западѣ. За пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ до р. Х. началось завоеваніе и заселеніе карѳагенянами европейскихъ странъ. Они подчинили себѣ Балеарскіе острова, Мальту и Эльбу и основали колоніи въ Сардиніи, Сициліи, Корсикѣ и на южномъ берегу Испаніи. Вслѣдствіе того могущество карѳагенянъ возрасло до такой степени, что въ первый же годъ римской республики (если только извѣстіе это справедливо)

они уже заключили съ римлянами договоръ, въ которомъ оба эти народа отъ имени своихъ союзниковъ опредѣлили взаимныя торговыя сношенія Италіи и Африки. Говорятъ, что въ это же время карѳагеняне совершили ученыя экспедиціи для изслѣдованія береговъ Африки. О войнахъ, веденныхъ ими въ первый періодъ ихъ исторіи въ Сициліи, Сардиніи и Корсикѣ, можно совсѣмъ не упоминать, потому что онѣ не имѣли никакого всемірнаго историческаго интереса.

Въ концѣ перваго періода, Карѳагенъ уже сдѣлался могущественнымъ и цвѣтущимъ торговымъ городомъ. Предводители кочевыхъ африканскихъ ордъ, бывшіе сначала ихъ феодальными владыками, сдѣлались теперь ихъ вассалами. Карѳагену нечего было опасаться возстанія этихъ бродячихъ племенъ, благодаря его умѣнью постоянно поддерживать между ними распри; напротивъ того, онъ пользовался ими на войнѣ какъ превосходными всадниками, а въ мирное время находилъ у нихъ выгодный сбытъ для своихъ товаровъ. Многочисленныя колоніи, основанныя по берегамъ карѳагенянами или финикіянами, были посредниками торговли съ внутреннею Африкою, доставляя огромные доходы государству. Изъ этихъ городовъ вывозились и водившіеся тогда въ сѣверозападной Африкѣ слоны, которыхъ тамъ умѣли, также какъ и въ Индіи, дѣлать ручными и пріучать къ войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ карѳагеняне утвердились и на итальянскихъ островахъ и вели съ жителями ихъ такую же прибыльную торговлю, какъ и съ обитателями полуострова. Далѣе они одни въ западной Европѣ занимались торговлею африканскими невольниками, золотымъ пескомъ, слоновою костью и другими товарами внутренней Африки. Чтобы помѣшать усиленію въ итальянскихъ водахъ предпріимчивыхъ фокейцевъ (т. I стр. 229.), поселившихся сначала на островѣ Корсикѣ, карѳагеняне соединились съ этрусками и прогнали фокейцевъ въ Массилію. Греческія колоніи въ Сициліи старались однако вытѣснить карѳагенянъ съ своего острова и лишить ихъ торговаго преобладанія во внутреннихъ частяхъ острова, но всѣ ихъ усилія остава-

лись безплодными вслѣдствіе ихъ внутреннихъ несогласій и превосходства силъ Карѳагена. Хотя карѳагеняне иногда и терпѣли неудачи въ борьбѣ съ греками, но междоусобія грековъ и частыя революціи въ ихъ городахъ всегда доставляли врагамъ ихъ случай возвратить потерянное.

Во второмъ періодѣ карѳагенской исторіи театромъ всѣхъ событій дѣлается Сицилія. Карѳагеняне, достигшіе тогда вершины своего могущества, стали домогаться исключительнаго господства на этомъ плодородномъ и богатомъ островѣ, и потому вступили въ борьбу съ тамошними греками, именно съ сиракузянами, стремившимися къ той же цѣли. Въ то время Римъ не успѣлъ еще поработить итальянскіе народы, и Карѳагенъ могъ бы подчинить себѣ не только Сицилію, но и всѣ берега Средиземнаго моря, если бы этому не воспрепятствовали особенности его государственнаго устройства и судьба. Политическія учрежденія Карѳагена рѣшительно не годились для внѣшнихъ предпріятій и не были расчитаны для войны и завоеваній, — судьба не благопріятствовала карѳагенянамъ въ той же мѣрѣ, въ какой она была благосклонна къ Риму. Карѳагенянамъ пришлось бороться съ греками въ періодъ полнаго развитія силъ греческаго народа, когда опасности, грозившія послѣднимъ со стороны Карѳагена и Персіи водворили между ними единодушіе и когда они могли всегда ожидать помощи изъ собственной Греціи. Не смотря на эти не благопріятныя обстоятельства, карѳагеняне не думали отказываться отъ своего намѣренія завоевать Сицилію. Они также спокойно смотрѣли на истребленія войскъ, посылаемыхъ ими въ Сицилію, какъ на гибель плодовъ своихъ торговыхъ спекуляцій, и за свое золото покупали себѣ новыхъ солдатъ точно также, какъ покрывали убытки неудачныхъ спекуляцій прибылью другаго торговаго оборота. Знаменитое пораженіе, которое карѳагеняне подъ предводительствомъ Гамилькара претерпѣли при Гимерѣ (480 г. предъ р. X). стоило имъ цѣлой арміи; изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, сражавшихся тамъ съ жителями Агригента и сиракузянами подъ на-

чальствомъ Гелона и Гіерона I, половина была перебита, а другая отведена въ рабство (т. I. стр. 387.).

Послѣ этой ужасной битвы, карѳагеняне больше полувѣка не предпринимали ни одной значительной экспедиціи въ Сицилію, и только во время пелопоннесской войны снова сдѣлали попытку покорить себѣ греческіе города Сициліи. Войну эту мы разскажемъ впослѣдствіи, потому что событія втораго и третьяго періода карѳагенской исторіи могутъ быть изложены только въ связи съ исторіею Сициліи и Рима. Но, для пониманія этихъ событій, необходимо сказать напередъ нѣсколько словъ о внутреннемъ состояніи Карѳагена.

2. Государственное устройство и состояніе образованности Карѳагена.

Карѳагеняне вывезли съ собою изъ Тира готовое государственное устройство, гдѣ вся власть находилась въ рукахъ неограниченнаго царя, окруженнаго жрецами и аристократическими фамиліями. Эта азіатская форма правленія не могла долго удержаться у карѳагенянъ, которые подобно грекамъ достигли благосостоянія только своимъ трудолюбіемъ и могли поддерживать его единственно своею дѣятельностью. Кромѣ того по своему положенію и торговымъ сношеніямъ они постоянно имѣли передъ глазами примѣръ греческихъ государствъ, которыя, въ противоположность восточнымъ народамъ всегда мѣняли свои учрежденія сообразно духу и потребностямъ времени. Карѳагеняне послѣдовали ихъ примѣру и въ своихъ учрежденіяхъ и законахъ воспользовались греческой выдумкой. Въ Карѳагенѣ, какъ и во всѣхъ греческихъ государствахъ, царская власть и привилегіи аристократіи были очень скоро уничтожены. Переворотъ этотъ не могъ совершиться безъ участія простаго народа, который получилъ новыя довольно значительныя права; въ Карѳагенѣ образовалась смѣшанная форма правленія, составившаяся изъ аристократиче-

скаго, олигархическаго и демократическаго элементовъ. Политическое устройство Карѳагена извѣстно намъ только по отрывочнымъ извѣстіямъ грековъ и римлянъ, которые смотрѣли съ предубѣжденіемъ на особенности другихъ народовъ. Для насъ невозможно поэтому описать и опредѣлить въ точности всѣ подробности карѳагенскаго устройства. Если мы будемъ судить о карѳагенской конституціи, оставивъ въ сторонѣ воззрѣнія римлянъ и грековъ и довольствуясь одними дошедшими до насъ фактами, то никогда не будемъ имѣть о ней достаточно яснаго и полнаго понятія. Примѣръ венеціанской республики представляетъ лучшее доказательство того, какъ трудно вполнѣ уяснить себѣ искуственное политическое устройство умно управляемаго торговаго государства. Такимъ образомъ мы должны ограничиться только краткими замѣтками объ этомъ предметѣ.

Государственное управленіе сосредоточивалось въ Карѳагенѣ въ рукахъ сената, число членовъ котораго неизвѣстно, правительственнаго собранія изъ 100 человѣкъ, составлявшаго коммиссію сената или совершенно самостоятельное учрежденіе, и наконецъ двухъ избираемыхъ царей или консуловъ, которыхъ карѳагеняне называли суффетами. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Карѳагенѣ, по примѣру греческихъ государствъ, принимало участіе въ управленіи дѣлами и народное собраніе, но взаимныя отношенія и кругъ дѣйствій всѣхъ этихъ учрежденій намъ неизвѣстны въ точности. По всей вѣроятности народное собраніе имѣло право объявлять и заключать миръ, утверждать составленные сенатомъ договоры и издавать общіе законы; впрочемъ оно созывалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда суффеты были въ чемъ нибудь несогласны съ сенатомъ. Рѣшенія народнаго собранія имѣли силу положительнаго закона и не нуждались въ утвержденіи сената. Наконецъ нужно еще замѣтить, что въ противоположность обычаю грековъ, у которыхъ и въ демократическихъ республикахъ только не многіе имѣли право голоса въ народномъ собраніи, — въ Карѳагенѣ рѣшительно всякій могъ свободно говорить противъ сената

и суффетовъ, и весьма многіе пользовались этимъ правомъ. Но, не смотря на это въ карѳагенскомъ народномъ собраніи господство никогда не принадлежало простому народу, какъ часто бывало въ Греціи. Карѳагеняне были народъ серьезный и мрачный, отличавшійся суровостью съ подвластными имъ племенами, робостью въ несчастіи, необузданностью въ гнѣвѣ и упорствомъ въ однажды принятыхъ ими рѣшеніяхъ. Въ такомъ народѣ демагоги не могли имѣть успѣха, а льстецы и остряки не могли производить на народъ такого впечатлѣнія, какъ въ Аѳинахъ; напротивъ того карѳагеняне не легко разставались съ своими старинными учрежденіями и, привыкнувъ къ послушанію, охотно повиновались своимъ властямъ.

Столь же мало знаемъ мы о правахъ сената и отношеніяхъ его къ совѣту ста и суффетамъ. Вѣроятно совѣтъ ста былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ и завѣдывалъ управленіемъ города; но во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ огромную власть. Сенатъ, члены котораго, повидимому, избирались пожизненно изъ старинныхъ и богатыхъ фамилій, занимался вмѣстѣ съ суффетами текущими дѣлами, подвергалъ предварительному обсужденію новые законы и управлялъ иностранными дѣлами. Суффеты избирались также на всю жизнь. Какъ вообще бываетъ во всѣхъ торговыхъ государствахъ, они выбирались изъ богатѣйшихъ фамилій, но при этомъ всегда обращалось вниманіе и на ихъ происхожденіе и репутацію. Подобно спартанскимъ царямъ и римскимъ консуламъ первыхъ временъ республики, они завѣдывали всѣми дѣлами, но власть ихъ была однако не совсѣмъ одинакова съ ихъ властью. Не смотря на свое подчиненіе сенату, они пользовались такою самостоятельностью, что въ случаѣ разногласія между ними и сенатомъ созывалось народное собраніе. Кромѣ того они пользовались огромнымъ вліяніемъ въ городѣ, отличаясь этимъ отъ спартанскихъ царей, власть которыхъ съ учрежденіемъ эфората обусловливалась въ мирное время только ихъ личными качествами. Но за то спартанскіе цари были всегда полководцами и пользова-

лись на войнѣ неограниченною властью, между тѣмъ суффеты только въ крайнихъ случаяхъ и по особымъ постановленіямъ народнаго собранія назначались командовать войскомъ, продолжая зависѣть отъ сената.

Другимъ важнымъ органомъ карѳагенскаго правительства была такъ называемая греками пентархія (правленіе пяти), состоявшая изъ пяти членовъ. О ней мы имѣемъ еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о сенатѣ, суффетахъ и совѣтѣ ста. Достовѣрно извѣстно только, что члены ея занимали почетное мѣсто въ системѣ карѳагенскаго правительства назначали членовъ совѣта ста и сами свободно избирали себѣ новыхъ сочленовъ, вмѣсто выбывшихъ. Мы не знаемъ положительно, имѣли ли они въ своихъ рукахъ преимущественно наблюденіе за чистотою нравовъ, какъ это предполагали нѣкоторые, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что карѳагеняне, подобно жителямъ Массиліи (т. I, стр. 262.), обращали на этотъ предметъ гораздо болѣе вниманіе, чѣмъ большинство греческихъ государствъ, и что пентархи въ этомъ отношеніи могутъ быть сравнены съ римскими цензорами Во всякомъ случаѣ въ торговомъ государствѣ, которое съ демократическими формами соединяло строго аристократическое направленіе, и гдѣ, какъ въ Венеціи, небольшое число богатыхъ фамилій оспаривали власть другъ у друга, свобода могла быть поддерживаема только энергическою высшею полицейскою властью, тѣмъ болѣе, что Карѳагенъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами. Пентархи составляли такимъ образомъ родъ политической инквизиціи. Въ послѣднее время существованія Карѳагена, они въ соединеніи съ совѣтомъ ста присвоили себѣ такую обширную власть, передъ которою должны были склониться и сенатъ и народное собраніе. Они дѣйствовали также строго какъ и венеціанская инквизиція, но наказанія ихъ были еще безчеловѣчнѣе, чего и слѣдовало ожидать отъ африканскаго государства, основаннаго финикіянами.

Политика карѳагенянъ въ отношеніи къ покореннымъ народамъ представляетъ также много сходства съ венеціанскою, ду-

шею которой былъ одинъ только личный интересъ. Этими народами они управляли съ такимъ своекорыстіемъ, что на вѣрность ихъ никогда нельзя было положиться. Поэтому не смотря на свой перевѣсъ на морѣ, карѳагеняне въ борьбѣ противъ Рима располагали гораздо меньшими силами, потому что римляне умѣли примирять побѣжденныхъ со своимъ владычествомъ.

Армія карѳагенянъ состояла преимущественно изъ наемныхъ войскъ; о вооруженіи всѣхъ гражданъ, какъ это дѣлалось въ Римѣ, никто и не думалъ. Войска ихъ и экипажи кораблей, за исключеніемъ незначительнаго числа природныхъ карѳагенянъ, состояли большею частью изъ греческихъ и кампанскихъ наемниковъ и изъ войскъ покоренныхъ народовъ: ливійцевъ, нумидійцевъ, мавровъ и другихъ африканцевъ, а со времени завоеванія Галліи и Испаніи и изъ жителей этихъ странъ. Въ случаѣ нужды вооружали и рабовъ. Конечно такое войско держалось въ повиновеніи только самыми жестокими наказаніями, и даже съ начальниками ихъ, хотя они были карѳагенскіе граждане, правительство обходилось съ такою же строгостью и жестокостью, вполнѣ понимая, что всякій честолюбецъ могъ привлечь къ себѣ подобныя войска и обратить ихъ противъ карѳагенской аристократіи. Хитрость карѳагенской политики обнаруживается полнѣе всего въ обращеніи съ греческими наемниками. Карѳагеняне вполнѣ понимали превосходство грековъ въ военномъ дѣлѣ и потому пользовались храбростью и военными дарованіями греческихъ военачальниковъ и солдатъ точно также, какъ они заимствовали у грековъ государственныя учрежденія. Но при этомъ они были весьма осторожны и, принимая ихъ на службу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, распускали какъ можно скорѣе. Лучшую часть ихъ войска составляли нумидійцы, которые какъ легко вооруженные всадники далеко превосходили римскую конницу. Отличнымъ войскомъ считались и балеарцы, хотя ихъ было не много; это были лучшіе пращники въ древности, не рѣдко рѣшавшіе въ качествѣ застрѣльщиковъ и авангарднаго войска исходъ битвы. Важную часть войска составляли и военные слоны,

для дрессированія которыхъ въ окрестностяхъ Карѳагена было устроено особое заведеніе въ родѣ нашихъ конскихъ заводовъ. Что касается до морской силы карѳагенянъ, то въ легкости постройки своихъ кораблей и быстротѣ движеній они превосходили даже греческіе морскіе города Сициліи. Карѳагенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государствъ древности, которые впервые примѣнили математику и механику къ военному искусству и кораблестроенію; въ западной части Средиземнаго моря онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Родосъ на востокѣ.

Религія и нравы карѳагенянъ были и остались восточными. Ваалъ и Молохъ, національныя божества ихъ предковъ, пользовались такимъ же ужаснымъ почитаніемъ, какъ нѣкогда у дикихъ жителей Ханаана, и правительство пользовалось этимъ грубымъ идолопоклонствомъ, чтобы посредствомъ суевѣрія ободрять народъ. Во время опасности или въ благодарность боговъ за побѣду имъ приносили въ жертву красивѣйшихъ дѣтей во всемъ городѣ, а иногда и отборныхъ плѣнниковъ. Строжайшій законъ запрещалъ родителямъ всѣ наружные знаки горести. Въ 300 году до р. X., когда Агаѳоклъ Сиракузскій угрожалъ Карѳагену, сенатъ приказалъ принести въ жертву не менѣе 200 дѣтей самыхъ знатныхъ гражданъ. Не удивительно, что при существованіи такой безчеловѣчной религіи, правительство карѳагенское отличалось жестокостью и варварствомъ и что нравственное состояніе этого народа, не смотря на строгое наблюденіе за чистотою нравовъ, находилось всегда на самой низкой степени. Карѳагеняне прославились своимъ коварствомъ и недобросовѣстностью до такой степени, что выраженіе „пуническая вѣрность“ обратилось у древнихъ римлянъ въ пословицу. У нихъ господствовали грубѣйшая безнравственность и самые неестественные пороки.

Въ наукахъ Карѳагенъ никогда не могъ достичь высокаго значенія, потому что все направленіе этого народа было односторонне практическое и только интересы торговли были душею государ-

ства и краеугольнымъ камнемъ его политики. Хотя вслѣдствіе сношеній съ греками карѳагеняне и познакомились съ болѣе глубокимъ философскимъ образованіемъ, но оно было достояніемъ весьма немногихъ личностей. Литература Карѳагена состояла почти исключительно изъ сельско-хозяйственныхъ, географическихъ и историческихъ сочиненій. Всѣ эти сочиненія погибли, и мы не можемъ судить о достоинствахъ ихъ; намъ извѣстно только, что римскіе писатели о сельскомъ хозяйствѣ предпочитали сочиненія карѳагенскихъ агрономовъ всѣмъ подобнымъ произведеніямъ грековъ. Еще менѣе успѣховъ оказали карѳагеняне въ искусствѣ, такъ что для удовлетворенія всѣхъ художественныхъ потребностей они должны были обращаться къ грекамъ.

3. Исторія Сициліи и Карѳагена отъ битвы при Гимерѣ до Діонисія Старшаго.

Изъ всѣхъ греческихъ городовъ Сициліи имѣютъ значеніе во всемірной исторіи только одни Сиракузы, владѣвшіе вмѣстѣ съ Карѳагеномъ, Киреною и Массиліею всею торговлею Запада и составляющіе центръ, вокругъ котораго вращается вся исторія сицилійскихъ грековъ. Послѣ временъ Гіерона I и брата его Трасибула, до которыхъ мы довели разсказъ объ исторіи Сиракузъ (т. I стр. 257.), въ городахъ Сициліи возникаютъ внутреннія безпокойства и начинается постоянная война между ними. Во время пелопоннесской войны, аѳиняне два раза вмѣшивались въ эти распри (въ 427 и 415 г. до р. X.), и мы уже объяснили выше (т. I. стр. 454. 468. 472—486.), какое вліяніе имѣли эти экспедиціи на исходъ пелопоннесской войны.

Послѣ печальнаго окончанія втораго похода аѳинянъ въ Сицилію, та же самая Сегеста, которая прежде призывала аѳинянъ противъ Селинунта, обратилась къ Карѳагену. Хитрые карѳагеняне думали воспользоваться тѣмъ что греки, занятые пелопоннесской войной, были не въ состояніи подать помощь своимъ сицилійскимъ

братьямъ. Они вызвались быть посредниками между Селинунтомъ и Сегестою. Когда селинунтцы, расчитывая на союзъ съ Сиракузами, отклонили это предложеніе, кароагеняне тотчасъ же отправили въ Сегесту отрядъ изъ 5800 человѣкъ, а на слѣдующій годъ (409 до р. X.) послали въ Сицилію войско приблизительно въ сто тысячъ, подъ начальствомъ суффета Ганнибала, сына Гиско. Войско это, къ которому пристало еще множество всякаго сброду, производило на островѣ ужасныя опустошенія. Селинунтъ былъ взятъ и подвергся страшному наказанію за свою геройскую защиту. Перерѣзавъ 16000 человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, кароагеняне отвели въ рабство пять тысячъ жителей и сожгли самый городъ. Помощь, посланная Сиракузами, явилась слишкомъ поздно. Такую же участь испытала и Гимера, гдѣ за семьдесятъ одинъ годъ передъ тѣмъ кароагеняне подъ начальствомъ Гамилькара, прадѣда Ганнибала, потерпѣли совершенное пораженіе. Ганнибалъ, по взятіи и разореніи Гимеры, приказалъ выбрать изъ плѣнниковъ три тысячи человѣкъ и принесъ ихъ въ жертву за своихъ предковъ. Сиракузяне предоставили Гимеру ея участи; полководецъ ихъ Діоклъ, предвидя близость взятія города, вернулся домой съ своимъ войскомъ. Во время этого похода Ганнибалъ ограничился только разореніемъ этихъ двухъ цвѣтущихъ городовъ, и не думая о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ возвратился въ Африку.

Еще до опустошительнаго похода Ганнибала, въ Сиракузахъ произошелъ значительный переворотъ. Во время осады города аѳинянами (т. I стр. 474.) демократическіе принципы получили такой перевѣсъ, что предводитель народной партіи Діоклъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ главою противной партіи, Гермократомъ, и произвелъ большія перемѣны въ государственномъ устройствѣ (412 г. до р. X.). Діоклъ не былъ истиннымъ демагогомъ и всѣ произведенныя имъ реформы ограничивались только возстановленіемъ и улучшеніемъ старинныхъ законовъ и учрежденій. Единственнымъ нововведеніемъ было постановленіе о томъ, чтобы долж-

ности въ государствѣ замѣщались по жребію. Это было сдѣлано въ угоду простаго народа. Главною его цѣлью было, какъ кажется, введеніе безпристрастнаго суда и сохраненіе чистоты нравовъ. Его законы отличались крайней строгостью, а введенный имъ надзоръ за нравами былъ гораздо бдительнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ торговаго государства. Постановленія Діокла были отчасти приняты и другими сицилійскими городами. Въ Сиракузахъ эти законы и учрежденія оставались до самаго владычества Рима почти безъ всякихъ измѣненій, и сиракузяне такъ уважали память Діокла, что построили въ честь его храмъ, гдѣ ему покланялись какъ герою. Не смотря на все это, онъ не могъ водворить въ Сиракузахъ тишины и спокойствія. Противникъ его, Гермократъ, сначала посланный съ вспомогательнымъ флотомъ въ Грецію, но потомъ отрѣшенный отъ этой должности и изгнанный изъ отечества, (т. I стр. 485.), возвратился въ Сицилію, собралъ вокругъ себя войско, укрѣпился на развалинахъ Селинуита и по смерти Діокла сдѣлалъ попытку возвратиться силою въ свой родной городъ. Онъ поплатился за это жизнью, а сиракузяне лишились въ одно и то же время отличнаго полководца и энергическаго, разсудительнаго государственнаго человѣка, и при томъ въ такихъ обстоятельствахъ, когда и тотъ и другой были имъ необходимы.

Въ 407 году до р. Х. карѳагеняне послали въ Сицилію новое войско подъ предводительствомъ Ганнибала и его двоюроднаго брата Гимилькона, сына Ганнона. Цѣлью этой экспедиціи былъ богатый и роскошный Агригентъ, находившійся тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. При приближеніи врага жители Агригента пригласили въ свою службу спартанца Дексиппа, находившагося въ то время въ Гелѣ, метрополіи Агригента, съ двумя тысячами тремя стами наемниковъ и въ самомъ началѣ осады получили также помощь отъ Сиракузъ, Гелы и Камарины. Но все это было напрасно, потому что существованіе огромной массы городскихъ жителей зависѣло отъ правильнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ, а къ тому же между ними нашлись преда-

тели, которые только дожидались удобнаго случая воспользоваться угрожавшимъ голодомъ для своихъ предательскихъ цѣлей. Когда сиракузскій транспортный флотъ былъ захваченъ непріятелемъ, подкупленные наемники объявили, что они не могутъ держаться въ продолженіе зимы и ушли изъ города; большая часть жителей бѣжала за ними. Агригентъ сдѣлался добычею свирѣпыхъ карѳагенскихъ войскъ. Они перебили всѣхъ оставшихся жителей, даже тѣхъ, которые укрывались въ храмахъ, разграбили городъ и опустошили окрестности. Множество драгоцѣнныхъ статуй и картинъ, которыми такъ славился городъ, были отвезены въ Карѳагенъ.

Участь Агригента навела такой ужасъ на прочихъ жителей острова, что многіе сицилійцы изъ страха бѣжали въ Италію или въ Сиракузы. Этимъ настроеніемъ умовъ воспользовались два талантливые жителя Сиракузъ тираннъ Діонисій I и другъ его историкъ Филистъ, для того, чтобы низвергнуть правительство своего города и захватить власть въ свои руки. Представившись друзьями народа, они обвинили въ предательствѣ начальниковъ войска, посланнаго па помощь Агригенту, и возстановили простой народъ противъ сиракузскихъ аристократовъ, которыхъ то же обвинили въ тайныхъ предательскихъ сношеніяхъ съ карѳагенянами. Планъ ихъ удался какъ нельзя лучше. Народъ согласился оставить прежнихъ полководцевъ и выбрать новыхъ, которые, какъ выразился хитрый Діонисій, не были бы богаты и знатны какъ прежніе и не презирали бы народъ. Въ число новыхъ полководцевъ попалъ и Діонисій, принадлежавшій по своему происхожденію къ самому низшему слою народа, отличившійся своею храбростью въ войнахъ съ карѳагенянами и имѣвшій преданнаго совѣтника въ другѣ своемъ Филистѣ. Діонисій уже прежде пользовался расположеніемъ простаго народа, и для того чтобы достигнуть верховной власти, ему нужно было только увеличить число своихъ приверженцевъ между гражданами и собрать толпу на-

емниковъ, которые зависѣли бы только отъ него. Перваго онъ достигъ тѣмъ, что убѣдилъ народъ возвратить своихъ изгнанниковъ. Такимъ образомъ, онъ привлекъ въ Сиракузы всѣ безпокойныя головы, которыя при Гермократѣ хотѣли силою овладѣть городомъ и по своемъ возвращеніи, пылая злобою и местью къ господствовавшей партіи, присоединились къ Діонисію. Наконецъ, сами сиракузяне назначили его начальникомъ наемныхъ войскъ, подъ командою Дексиппа отступившихъ изъ Агригента въ Гелу и принятыхъ въ сиракузскую службу. Діонисій тотчасъ же отправился въ Гелу, и явившись тамъ также другомъ народа, обвинилъ богатыхъ жителей въ аристократическихъ замыслахъ и конфискованнымъ у нихъ имуществомъ заплатилъ недоданное войску жалованье, обѣщая удвоить его, если оно согласится служить не городу, а лично ему. Открывъ себѣ такимъ образомъ путь къ самовластію, онъ возвратился въ Сиракузы, всякими неправдами ввелъ подозрѣніе на своихъ сотоварищей, и своими рѣчами все болѣе и болѣе разгорячалъ и завлекалъ народъ. По наущенію Діонисія, одинъ преданный ему человѣкъ изъ простаго народа предложилъ избрать его полководцемъ съ неограниченною властью и удвоить жалованье наемникамъ. Народъ тотчасъ же принялъ это предложеніе, и Діонисію недоставало только тѣлохранителей, чтобы сдѣлаться настоящимъ тиранномъ; онъ умѣлъ достигнуть и этого, увѣривъ народъ, что ему угрожаютъ опасные замыслы его враговъ (406 г. до р. X.).

4. Діонисій Старшій.

Съ этой минуты Діонисій, которому было всего 25 лѣтъ, сдѣлался военнымъ правителемъ Сиракузъ. Впослѣдствіи онъ старался упрочить свою власть, вступивъ въ брачный союзъ съ могущественною фамиліею Гермократа и постоянно выставляя себя другомъ народа. Онъ удерживалъ за собою власть впродолженіе 38 лѣтъ и сдѣлался рѣшительно необходимъ для Сициліи при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Одинъ знаменитый англійскій писатель, излагав-

шій исторію древней Греціи съ строго аристократической точки зрѣнія и удивлявшійся въ республикахъ преимущественно тираннамъ, выставляетъ Діонисія превосходнѣйшимъ правителемъ древности и доходитъ въ своихъ похвалахъ до смѣшнаго. Конечно о правленіи Діонисія нельзя судить на основаніи строгихъ правилъ морали, но тѣмъ не менѣе чувство наше возмущается противъ мнѣнія англійскаго историка. Какъ бы то ни было, факты доказываютъ, что Діонисій управлялъ Сиракузами съ большимъ благоразуміемъ и твердостью, показалъ себя превосходнымъ полководцемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ очень живое участіе въ умственной дѣятельности грековъ.

Достигнувъ своей цѣли въ Сиракузахъ, Діонисій употребилъ всѣ старанія, чтобы какое нибудь сильное государство признало его правителемъ главнаго города Сициліи и рѣшился сдѣлать карѳагенскую политику опорою своего могущества. Для этого онъ пожертвовалъ городомъ Гелою. Отправившись на помощь къ ней съ сильнымъ войскомъ, онъ простоялъ передъ нею двадцать дней въ совершенномъ бездѣйствіи, потомъ позволилъ карѳагенянамъ разбить себя и отдалъ въ ихъ руки Гелу. Поведеніе его вызвало въ Сиракузахъ возстаніе, во время котораго жена его испытала такое жестокое поруганіе отъ простаго народа, что сама лишила себя жизни. Діонисій поспѣшилъ въ Сиракузы съ своими наемниками, подавилъ возмущеніе, и потомъ заключилъ съ карѳагенянами миръ, по которому послѣдніе обезпечили за нимъ обладаніе Сиракузами, получивъ за это треть Сициліи (405 г. до р. X.). Послѣ того онъ укрѣпилъ городъ и гавань, и населилъ преданными ему иностранцами Сиракузы и ихъ окрестности, опустѣвшіе вслѣдствіе внутреннихъ безпокойствъ. Энергически подавляя всѣ покушенія противъ своей власти, онъ покорилъ и сосѣдніе города, въ самое короткое время собралъ средства для войны съ Карѳагеномъ, улучшилъ устройство военныхъ кораблей и осадныхъ машинъ, и создалъ флотъ изъ трехъ сотъ десяти кораблей. Во всѣхъ этихъ

предпріятіяхъ и нововведеніяхъ онъ не терялъ своей популярности, пріобрѣтая себѣ угнетеніемъ одной партіи привязанность другой и прибѣгая къ жестокости только въ тѣхъ случаяхъ, когда она была необходима для достиженія его цѣли. При возведеніи одного изъ городскихъ укрѣпленій онъ умѣлъ даже возбудить въ народѣ усердіе, напоминающее собою возведеніе аѳинскихъ стѣнъ во времена Ѳемистокла (т. I стр. 396.): шестьдесятъ тысячъ человѣкъ работало надъ этою постройкою, Діонисій поощрялъ ихъ подарками и убѣжденіями, самъ работалъ вмѣстѣ съ ними, и въ какіе нибудь двадцать дней была возведена каменная стѣна въ три четверти нѣмецкихъ мили въ длину.

Въ это время бо́льшая часть карѳагенскаго войска въ Сициліи была истреблена заразою и Діонисій воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы начать войну съ карѳагенянами. Карѳагенскій сенатъ началъ дѣлать громадныя приготовленія къ войнѣ; Діонисій также усилилъ свое войско на сколько было возможно, такъ что въ эту войну численность войскъ съ обѣихъ сторонъ, не считая флота, простиралась иногда отъ 200 до 300 тысячъ человѣкъ. Изъ наемниковъ, составлявшихъ войско обоихъ противниковъ, особенно заслуживали вниманія самниты, не задолго передъ тѣмъ поселившіеся въ Кампаніи (т. III стр. 258.) и игравшіе важную роль въ исторіи Нижней Италіи и Сициліи, съ тѣхъ поръ какъ они явились въ качествѣ наемнаго войска въ колоніяхъ этихъ странъ. Они служили то карѳагенянамъ, то грекамъ, но чаще всего и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, помогали возвышаться однимъ тираннамъ, низлагали другихъ, были готовы за деньги на всякое предпріятіе и рѣзко отличались отъ другихъ наемниковъ своею хищностью и безсовѣстностью. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ войны (397 и 396 г. до р. X.) счастье такъ благопріятствовало карѳагенянамъ, что они успѣли покорить почти всю Сицилію и наконецъ осадили Сиракузы. Діонисій потерялъ всякую надежду на спасеніе и уже съ крайнимъ трудомъ поддерживалъ свою власть и защищалъ городъ, какъ вдругъ война приняла другой оборотъ.

Въ карѳагенскомъ войскѣ появилась страшная зараза, похищавшая людей тысячами. Діонисій превосходно воспользовался несчастіемъ противниковъ, зажегъ непріятельскій флотъ, окружилъ ихъ лагерь со всѣхъ сторонъ и довелъ до такой крайности, что карѳагенскій полководецъ долженъ былъ войти въ тайные переговоры съ Діонисіемъ. Тираннъ позволилъ ему бѣжать со всѣми находившимися при войскѣ карѳагенскими гражданами; Гимильконъ заплатилъ ему за это значительную сумму и предоставилъ судьбѣ все остальное войско, которое тотчасъ же сдалось сиракузянамъ. Извѣстіе о поступкѣ Гимилькона произвело общее возстаніе между подвластными Карѳагену африканскими народами, войска которыхъ такъ постыдно были преданы. Они свергли съ себя карѳагенское иго и осадили самый Карѳагенъ, но, не имѣя ни единства, ни хорошихъ полководцевъ, вскорѣ были опять покорены. Въ слѣдующіе четыре года войны противники не встрѣчались въ открытомъ полѣ, потому что заняты были другими предпріятіями: Діонисій покореніемъ греческихъ городовъ въ Сициліи и Нижней Италіи, а карѳагеняне усмиреніемъ своихъ африканскихъ подданныхъ. Когда карѳагеняне въ 392 г. до р. Х. послали въ Сицилію новое войско, Діонисій, предпочитая вѣрныя выгоды скораго заключенія мира неизвѣстности исхода долгой войны, отдалъ карѳагенянамъ всѣ тѣ части полуострова, которыя онъ призналъ за ними по договору, заключенному въ 405 г., а самъ получилъ за это клочокъ земли, жители котораго должны были по упомянутому договору оставаться независимыми.

Для содержанія его многочисленныхъ войскъ война была необходима, потому тотчасъ по заключеніи мира Діонисій обратился противъ греческихъ городовъ Нижней Италіи, къ покоренію которыхъ онъ уже приготовился заранѣе. Онъ послѣдовалъ въ этомъ правилу своей политики — употреблять оружіе только тогда, когда всѣ другія средства окажутся недѣйствительными. Для распространенія своего вліянія на эти города, онъ, по смерти своей жены, предложилъ сначала жителямъ Регіума, а потомъ жителямъ Локры

отдать ему въ замужество одну изъ своихъ гражданокъ. Первые послали ему весьма дерзкій отказъ, вторые предложили дочь одной изъ знатнѣйшихъ своихъ фамилій. Чтобы такимъ же способомъ упрочить свое положеніе и въ Сиракузахъ, онъ въ то же самое время женился на одной сиракузянкѣ, сестрѣ знаменитаго Діона, принадлежавшаго къ одной изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій города; Діонъ оказалъ важныя услуги тиранну, какъ человѣкъ имѣвшій обширныя связи и пользовавшійся уваженіемъ у всѣхъ грековъ. Тотчасъ по окончаніи второй карѳагенской войны, Діонисій напалъ на греческія государства Нижней Италіи. Они составили противъ него союзъ, но въ то же время подверглись нападенію хищныхъ луканцевъ. Діонисій вполнѣ достигъ своей цѣли и обнаружилъ здѣсь ту сторону своего характера, которую выказывалъ постоянно, если только обстоятельства не вынуждали его дѣйствовать иначе. Онъ всегда питалъ чувство благодарности къ своимъ друзьямъ и доказалъ это, подаривъ Локрамъ одинъ изъ завоеванныхъ имъ городовъ. Онъ всегда былъ кротокъ съ побѣжденными; это доказывается тѣмъ, что онъ отпустилъ безъ всякаго выкупа десять тысячъ плѣнныхъ изъ союзнаго войска непріятеля и заключилъ выгодный миръ почти со всѣми завоеванными имъ городами. Но за то вѣроломная жестокость, съ которую онъ обошолся съ городомъ Регіумомъ, составляетъ страшную противоположность съ помянутыми поступками его. Заключивъ съ жителями этого города договоръ, по которому они обязались выдать ему всѣ свои корабли, и овладѣвъ ихъ флотомъ, онъ тотчасъ напалъ на нихъ снова и не только отмстилъ имъ за нанесенное ему прежде оскорбленіе, обративъ всѣхъ жителей въ рабство, но сдѣлалъ еще изъ этого денежную спекуляцію. Предложивъ каждому изъ шести тысячъ рабовъ выкупиться за сумму около двадцати двухъ руб., онъ вынудилъ гражданъ Регіума отдать ему и скрытыя ими сокровища. Противорѣчіе между этою жестокостью и великодушными поступками Діонисія — почти въ то же самое время давшаго свободу десяти тысячамъ грековъ, —

быть можетъ, объясняется тѣмъ, что онъ сдѣлалъ послѣднее единственно изъ тщеславія. Дѣло въ томъ, что онъ желалъ пріобрѣсти славу между своими соплеменниками въ собственной Греціи, старался великолѣпіемъ и блескомъ затмить на олимпійскихъ играхъ, предшественниковъ своихъ Гелона и Гіерона и около этого времени послалъ въ Олимпію одного изъ своихъ братьевъ, чтобы доставить ему награду въ поэзіи и скачкѣ на колесницахъ. Братъ его явился туда съ великолѣпными конями, окруженный величайшимъ блескомъ. Діонисій отправилъ съ нимъ лучшихъ актеровъ, чтобы стихотворенія его были прочтены какъ можно лучше. Но все было напрасно; его жалкіе стихи были освистаны, а рѣчь, сказанная ораторомъ Лисіемъ, противъ тирана до того раздражила народъ, что онъ въ порывѣ ярости изорвалъ великолѣпные шатры сиракузскаго посольства. Неудача не испугала Діонисія: впослѣдствіи онъ, говорятъ, купилъ за огромную сумму письменный столъ Эсхила, отчего впрочемъ его драматическія произведенія не сдѣлались лучше. Только не задолго передъ смертью, онъ былъ обрадованъ тѣмъ, что одна изъ его трагедій получила премію на поэтическомъ состязаніи въ Аѳинахъ, но и этимъ удовольствіемъ онъ былъ очевидно обязанъ дорогимъ подаркамъ и дружескимъ отношеніямъ своего шурина Діона съ Платономъ и другими аѳинскими философами.

За то въ политическихъ предпріятіяхъ счастье постоянно благопріятствовало Діонисію. Онъ распространилъ свое владычество не только въ Нижней Италіи, но даже и на противоположномъ берегу Адріатическаго моря, гдѣ приказалъ занять нѣкоторые иллирійскіе острова, для наблюденія за иллирійскими разбойниками. Карѳагеняне боялись нарушить заключенный съ нимъ миръ и Діонисій безпрепятственно господствовалъ въ моряхъ Италіи, освобожденныхъ имъ въ то время отъ этрускихъ пиратовъ. Преслѣдуя ихъ однажды, онъ завладѣлъ чрезвычайно древнимъ этрускимъ храмомъ, въ которомъ нашелъ до 500 талантовъ (около 700,000 руб. сер.); это дало ему средства для новаго предпріятія противъ Карѳагенъ.

На эти деньги онъ усилилъ свое войско и сдѣлалъ попытку отнять у карѳагенянъ часть ихъ владѣній въ Сициліи. Въ этой войнѣ, продолжавшейся всего одинъ годъ (383 до р. Х.), карѳагеняне испытали сначала жестокое пораженіе, потерявъ при этомъ убитыми десять тысячъ человѣкъ и главнокомандующаго **Магона**. Но вскорѣ молодой сынъ Магона возстановилъ поколебавшееся значеніе Карѳагена, одержалъ такую блистательную побѣду, что Діонисій долженъ былъ просить мира, признать прежнія границы карѳагенскихъ владѣній и уплатить имъ часть военныхъ издержекъ. Четвертая война вспыхнула нѣсколько лѣтъ спустя и имѣла такой же результатъ.

Въ послѣдніе годы правленія Діонисія Сиракузы снова достигли такого же цвѣтущаго состоянія, въ какомъ находились нѣкогда въ блестящее царствованіе Гелона. Если обращать вниманіе только на матеріальное благосостояніе Сициліи въ правленіе Діонисія и оправдывать употребленныя имъ средства блистательнымъ успѣхомъ, то конечно нельзя не удивляться и не восхвалять его дальновидности и энергіи; но дошедшіе до насъ разсказы о его насильственныхъ и беззаконныхъ поступкахъ вполнѣ оправдываютъ приговоръ, который произноситъ надъ нимъ большинство упоминавшихъ о немъ писателей древности. Признавая за нимъ всѣ качества энергическаго, умнаго и неутомимо дѣятельнаго правителя, они называютъ его ни начто не обращавшимъ вниманія эгоистомъ и человѣкомъ, способнымъ прибѣгнуть изъ политическихъ видовъ ко всякой жестокости. Греческіе и римскіе писатели приводятъ множество болѣе или менѣе правдоподобныхъ разсказовъ, въ которыхъ изображаются обѣ стороны его характера, давшія поводъ къ такимъ противорѣчащимъ сужденіямъ объ этомъ человѣкѣ. Изъ нихъ извѣстнѣе всего по балладѣ Шиллера разсказы о **Дамонѣ** и **Финтіи** или какъ называетъ ихъ другой писатель **Меросѣ** и **Селинунтіи**. Разсказывается множество анекдотовъ, въ которыхъ изображается постоянный страхъ тиранна и контрастъ между внутреннимъ состояніемъ его души и

окружавшимъ его наружнымъ блескомъ. По этимъ анекдотамъ, въ которыхъ во всякомъ случаѣ правдоподобна мысль о постоянномъ недовѣріи и опасеніяхъ тиранна, — Діонисій укрѣпилъ свой дворецъ, мѣнялъ каждую ночь свою спальню, не допускалъ къ себѣ никого, не приказавъ обыскать его предварительно и позволялъ брить себя только своей родной дочери. Чаще всего повторяется анекдотъ о томъ, что когда одинъ изъ его придворныхъ, Дамоклъ, назвалъ его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, Діонисій приказалъ посадить его за столъ, покрытый роскошными яствами и обращаться съ нимъ, какъ съ царемъ; но въ тоже время велѣлъ повѣсить надъ его головою, на конскомъ волоскѣ, обнаженный мечъ. Онъ не довѣрялъ даже своимъ дѣтямъ. Постоянною благосклонностью Діонисія пользовался только шуринъ его Діонъ, который оказалъ ему большія услуги какъ дипломатъ и политикъ и былъ для него чрезвычайно полезенъ по своимъ обширнымъ связямъ. Тираннъ ничего такъ не боялся какъ дружбы и согласія между своими приближенными и потому еще любилъ особенно Діона, что послѣдній, какъ истый аристократъ, держалъ всѣхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя. Филистъ, помогавшій Діонисію достигнуть власти, горячій приверженецъ монархическихъ идей и также вполнѣ безкорыстно преданный ему и его военной системѣ управленія, какъ преданъ былъ Наполеону какой нибудь Гурго̀ или Монтолонъ, былъ изгнанъ изъ Сиракузъ за то что любилъ общество и наслажденія жизни. Свою преданность къ тиранну Филистъ доказалъ цѣлою своею жизнью, и тѣмъ что въ изгнаніи написалъ исторію, которая должна была увѣковѣчить славу того же Діонисія, поступившаго съ нимъ съ такою неблагодарностью. Объ отношеніяхъ Діонисія къ Платону и другимъ членамъ пиѳагорейскаго союза было уже подробно сказано выше (т. II стр. 232.).

Діонисій сдѣлался жертвою своего поэтическаго тщеславія. Получивъ извѣстіе о своей литературной побѣдѣ въ Аѳинахъ, онъ устроилъ праздникъ, продолжавшійся девятнадцать дней, во вре-

мя котораго умеръ отъ пьянства (368 г. до р. Х.). Сынъ его Діонисій II безпрепятственно наслѣдовалъ власть своего отца.

5. Діонисій Младшій и Тимолеонъ.

Хотя Діонисій II и не былъ лишенъ природныхъ способностей, но отецъ его, смотрѣвшій на сына также недовѣрчиво, какъ и на всѣхъ своихъ приближенныхъ, не допускалъ его до участія въ государственныхъ дѣлахъ и даже не далъ ему никакого образованія. Діонисій II выросъ внутри дворца, среди женщинъ и рабовъ, вдали отъ всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей. Тамъ, молодой человѣкъ, скучая отъ недостатка болѣе дѣльныхъ занятій, занимался разными ребячествами и столярнымъ мастерствомъ, пріучился пьянствовать, и по смерти своего отца прямо изъ дѣтской вступилъ на престолъ. Дядя его Діонъ, человѣкъ съ философскимъ образованіемъ и принципами, сдѣлавшись наставникомъ Діонисія, хотѣлъ исправить ошибку его отца, но при этомъ самъ сдѣлалъ страшную ошибку. Онъ думалъ разомъ сдѣлать философомъ молодаго человѣка, привыкшаго къ ребячествамъ и чувственнымъ удовольствіямъ, хотѣлъ сдѣлать его приверженцомъ блистательной системы пиѳагорейцевъ, которые пытались тогда преобразовать міръ по своимъ идеальнымъ принципамъ и сдѣлали неудачную попытку осуществить свои политическіе планы при Діонисіи I (т. II стр. 232.). Діонъ окружилъ его людьми пиѳагорейскаго союза и призвалъ ко двору философа Платона, но всѣ его старанія были безуспѣшны (т. II стр. 234.). Діонисій поссорился съ Діономъ и его собратіями по союзу, наскучивъ опекою своего дяди и ничего не понимая въ ученіи пиѳагорейцевъ, совершенно не соотвѣтствовавшимъ его характеру. Онъ даже изгналъ изъ Сиракузъ властолюбиваго философа и его товарищей, когда Филистъ и другіе царедворцы его отца дали ему письмо Діона къ карѳагенскому послу и доказали, что Діонъ хочетъ поступить съ нимъ также, какъ 30 лѣтъ тому назадъ Лисандръ съ Агеси-

лаемъ. Мѣсто Діона занялъ Филистъ, человѣкъ чрезвычайно практическій, державшійся воззрѣній киренанковъ и руководившійся въ политикѣ тѣмъ убѣжденіемъ, что строгая и энергическая военная монархія, сдерживающая въ границахъ аристократовъ и богатыхъ и опирающаяся на народъ и войско, составляетъ самую лучшую форму правленія. Вмѣсто пиѳагорейцевъ, Діонисія окружили теперь киренейскіе философы; самъ онъ вовсе не былъ философомъ и никогда не старался усвоить себѣ философскихъ принциповъ, но любилъ разговоры о философскихъ предметахъ и, подобно всѣмъ греческимъ тираннамъ, стремился пріобрѣсти славу покровителя литературы и искусства. Для этого онъ поддерживалъ переписку съ Платономъ, оставившимъ Сиракузы вскорѣ по изгнаніи Діона, и впослѣдствіи опять пригласилъ его къ своему двору.

Между тѣмъ Діонъ, которому Діонисій оставилъ доходы съ его огромныхъ помѣстій, жилъ въ Греціи съ царскою пышностью, и разъѣзжая повсюду, умѣлъ до такой степени расположить въ свою пользу общественное мнѣніе во всѣхъ греческихъ государствахъ, что въ Спартѣ былъ принятъ въ число спартіатовъ. Конечно Діонисій не могъ равнодушно смотрѣть на происки дяди; онъ конфисковалъ его имѣнія и всѣ старанія Платона примирить дядю съ племянникомъ остались безуспѣшны. Наконецъ Діонъ собралъ небольшое войско, и возвратился въ Сицилію съ намѣреніемъ свергнуть своего племянника съ престола. Онъ могъ отчасти расчитывать на успѣхъ своего предпріятія, потому что Діонисій и Филистъ управляли Сиракузами съ чрезвычайною строгостью и изгнали изъ города нѣсколько тысячъ гражданъ. Правда, только двадцать пять человѣкъ изъ этихъ изгнанниковъ присоединились къ Діону, потому что остальные не раздѣляли нисколько его аристократическихъ убѣжденій, но такой талантливый и извѣстный человѣкъ, какъ Діонъ, долженъ былъ имѣть приверженцевъ въ Сиракузахъ и могъ ожидать успѣха отъ блеска своего имени. При томъ воззванія къ свободѣ почти всегда имѣли дѣйствіе на грековъ и про-

изводили между ними волненіе. Кромѣ того онъ вступилъ въ союзъ съ съ карѳагенянами, и получилъ отъ нихъ помощь, а потому не удивительно, что попытка Діона имѣла успѣхъ. Діонисій выказалъ при этомъ всю нерѣшительность и трусость своего характера, но настоящая причина его паденія заключалась не въ образѣ его тогдашнихъ дѣйствій, какъ думаютъ многіе, а въ указанныхъ нами обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что онъ передалъ все управленіе дѣлами Филисту, который обладалъ значительными военными талантами. Въ то время какъ Діонисій и Филистъ находились на флотѣ, Діонъ, къ которому присоединились многіе города подвластные Сиракузамъ, произвелъ нечаенное нападеніе на этотъ городъ и овладѣлъ имъ. Онъ снова снабдилъ оружіемъ гражданъ, обезоруженныхъ Діонисіемъ, и прогналъ наемныя войска тирана въ крѣпость. Черезъ недѣлю явились въ Сиракузы Діонисій и Филистъ и соединились съ гарнизономъ крѣпости. Въ то же время прибылъ туда съ 10 кораблями другой изгнанникъ, Гераклидъ, и сталъ во главѣ демократической партіи, одинаково враждебной Діону и его племяннику; но для изгнанія послѣдняго онъ рѣшился соединиться съ аристократами. Борьба за обладаніе несчастнымъ городомъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока Филистъ, проигравъ одну морскую битву, не былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ ужасной смерти. Послѣ того, Діонисій упалъ духомъ, и поручивъ защиту цитадели сыну своему Аполлократу, бѣжалъ съ своими сокровищами въ Италію (356 г. до р. Х.). Немедленно по удаленіи его съ театра войны, между обѣими, до тѣхъ поръ соединенными, партіями вспыхнула вражда. Гераклидъ, какъ отличный морякъ, имѣлъ на своей сторонѣ матросовъ и кромѣ того многочисленные толпы простаго народа; онъ выгналъ Діона изъ города, но не могъ защитить буйныя толпы народа отъ крѣпостнаго гаризона, и когда Аполлократъ сдѣлалъ вылазку и произвелъ въ городѣ страшное опустошеніе, жители снова призвали только что изгнанныхъ аристократовъ. Діонъ спасъ городъ и принудилъ гаризонъ цитадели къ отступленію; желаніе его однако не было исполнено, онъ не былъ поставленъ во главѣ управленія одинъ, а

долженъ былъ раздѣлить власть съ Гераклидомъ. Вскорѣ, онъ отдѣлался отъ своего противника убійствомъ, но въ непродолжительномъ времени и самъ испыталъ ту же участь (355 г. до р. Х.).

Насильственная смерть этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей представляетъ разительный примѣръ и слабости человѣческой природы и нравственной испорченности тогдашнихъ аѳинянъ. Діонъ былъ приверженцемъ благородныхъ принциповъ пиѳагорейской и платонической философіи, слѣдовалъ имъ въ жизни на столько, на сколько они могли соединяться съ царскимъ блескомъ, и до тѣхъ поръ въ своей частной жизни всегда являлся человѣкомъ благороднымъ, великодушнымъ и безкорыстнымъ. Достигнувъ власти, онъ долженъ бы былъ доказать на дѣлѣ свой благородный образъ мыслей, противодѣйствуя порокамъ своихъ согражданъ только законными средствами; но вмѣсто того, чтобы ввести соотвѣтствовавшее его идеямъ государственное устройство, онъ рѣшился убить своего противника. Еще ужаснѣе были обстоятельства смерти его самого, потому что въ нихъ выказывается лицемѣріе и злоупотребленіе философскаго образованія и фанатизма. Аѳинянинъ Каллипъ, членъ пиѳагорейскаго союза, былъ другомъ Діона; они были почти не разлучны, вмѣстѣ мечтали и философствовали, вмѣстѣ руководили экспедиціею для освобожденія Сиракузъ и при въѣздѣ Діона въ городъ, Каллипъ ѣхалъ рядомъ съ нимъ. По умерщвленіи Гераклида, Каллипъ пріобрѣлъ полное довѣріе Діона, начавшаго играть роль царя и по его порученію развѣдывалъ настроеніе умовъ въ городѣ. Но втайнѣ онъ самъ стремился къ власти, и воспользовался своимъ занятіемъ, чтобы расположить къ себѣ наемныя войска и устроить заговоръ противъ Діона. Когда его тайные происки были открыты, лицемѣръ, чтобы успокоить испуганныхъ женщинъ семейства Діона, не задумался принести ложную клятву, которую онъ произнесъ съ таинственными церемоніями передъ какимъ то мистическимъ божествомъ пиѳагорейцевъ. Онъ достигъ этимъ своей цѣли

и умертвилъ своего друга въ тотъ самый день, когда совершался праздникъ въ честь этого божества.

Каллиппъ удерживалъ власть въ своихъ рукахъ тринадцать мѣсяцевъ; по изгнаніи его въ Сиракузахъ начались смуты и анархія, господствовавшія уже почти во всѣхъ сицилійскихъ городахъ. Одинъ военный деспотъ, смѣнялъ другаго, пока наконецъ въ 346 году до р. Х. Діонисій не возвратился изъ Италіи и неожиданнымъ нападеніемъ не завладѣлъ Сиракузами. Онъ занялъ городъ войсками, ввелъ снова прежнюю тираннію, и принудилъ аристократическую партію искать убѣжища у Гикета, владѣтеля города Леонтинъ. Гикетъ вытѣснилъ Діонисія изъ одной части города, такъ что во власти послѣдняго осталась только крѣпость и небольшой островъ передъ гаванью. Рѣшившись воспользоваться смутами въ Сиракузахъ и другихъ городахъ Сициліи, карѳагеняно послали туда сильное войско и флотъ подъ начальствомъ Магона. Это заставило немногихъ остававшихся въ Сиракузахъ аристократовъ и жителей нѣкоторыхъ другихъ сицилійскихъ городовъ прибѣгнуть съ просьбою о помощи къ метрополіи Сиракузъ, Коринѳу.

Коринѳяне исполнили эту просьбу тѣмъ охотнѣе, что это выводило городъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе вражды между членами одной изъ знатнѣйшихъ фамилій. Тимолеонъ изъ восторженной любви къ свободѣ убилъ своего роднаго брата, стремившагося къ единовластію, и поссорился вслѣдствіе того съ своимъ семействомъ. Мнѣнія гражданъ раздѣлились: одни хвалили его поступокъ, другіе осуждали Тимолеона. Его то коринѳяне и послали въ Сицилію съ небольшимъ числомъ волонтеровъ, семью стами наемниковъ и десятью кораблями, для того, чтобы удалить его почетнымъ образомъ изъ города и дать средство освобожденіемъ Сициліи возвратить себѣ уваженіе родственниковъ и всѣхъ благородныхъ гражданъ. По прибытіи Тимолеона въ Сицилію (345 г. до р. Х.), обстоятельства совершенно перемѣнились; могущественный Гикетъ, опасаясь потерять свое вліяніе вслѣдствіе

кратилъ военныя дѣйствія и возвратился съ своимъ флотомъ въ Карѳагенъ, гдѣ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самоубійству, чтобы избѣжать наказанія за свою трусость; тѣло его было все таки распято на крестѣ. По отплытіи карѳагенянъ, Тимолеону уже не трудно было окончательно освободить Сиракузы. Чтобы изгладить всякое воспоминаніе о тиранніи, онъ приказалъ срыть до основанія цитадель, и объявилъ жителямъ, что намѣренъ, послѣ окончательной побѣды надъ врагами, ввести полную демократію. Сиракузы, какъ и многіе другіе города Сициліи, сильно опустѣли вслѣдствіе продолжительной войны, и Тимолеонъ для войны съ карѳагенянами долженъ былъ набрать многочисленное наемное войско. Чтобы быть въ состояніи платить имъ жалованье, онъ приказалъ продать всѣ не нужныя художественныя произведенія и пустые дома, и сталъ предпринимать настоящіе разбойничьи набѣги на владѣнія карѳагенянъ въ Сициліи.

Между тѣмъ карѳагеняне собрали восьмидесяти тысячную армію, состоявшую почти изъ однихъ африканцевъ, испанцевъ, галловъ и лигуровъ. Едва эти толпы, при которыхъ находилось только весьма небольшое число карѳагенскихъ гражданъ, высадились въ Сициліи, Тимолеонъ двинулся имъ на встрѣчу не больше какъ съ двѣнадцатью тысячами войска, ударилъ на нихъ въ расплохъ въ ту минуту, когда они переправлялись черезъ рѣку Кримиссъ, и нанесъ имъ полное пораженіе (340 г. до р. X.). Эта побѣда, одержанная съ такимъ незначительнымъ войскомъ, объясняется тѣмъ, что проливной дождь поднялъ въ рѣкѣ воду и затруднилъ переправу карѳагенянъ, но еще болѣе — огромнымъ различіемъ въ качествахъ войскъ. Карѳагенское войско состояло изъ массы грубыхъ новобранцевъ, между которыми было не болѣе десяти тысячъ регулярныхъ и опытныхъ солдатъ. Войска Тимолеона не только не уступали своимъ числомъ этой единственной годной для правильнаго сраженія части карѳагенской арміи, но и превосходили ее военными качествами. Тимолеонъ, подобно Діонисію и Діону, велъ войну не съ ополченіемъ гражданъ, а съ греческими наемниками,

считавшими войну ремесломъ, воспитанными въ школѣ Эпаминонда и Ификрата, и имѣвшими, не смотря на всю грубость, свои понятія о чести и славѣ. Если Филиппъ II въ это самое время мечталъ о покореніи Персидскаго царства съ сорока тысячнымъ войскомъ изъ грековъ и македонянъ, а Александръ началъ войну съ персами даже меньше, чѣмъ съ тридцати пяти тысячнымъ войскомъ, то и небольшое число подобныхъ войскъ могло смѣло сразиться съ кареагенянами, въ шесть разъ превосходившими ихъ своею численностью. Въ сраженіи при Кримиссѣ кареагенское войско было частію уничтожено, частію совершенно разсѣяно. Такъ называемый священный отрядъ кареагенянъ, состоявшій изъ двухъ тысячъ пятисотъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ, послѣ упорнаго сопротивленія былъ весь истребленъ; десять тысячъ человѣкъ другаго кареагенскаго войска было убито, пятнадцать тысячъ взято въ плѣнъ, остальные въ безпорядкѣ бѣжали къ берегу.

Испуганный кареагенскій сенатъ возложилъ всѣ свои надежды на Гискона, сына Ганнона, единственнаго человѣка, понимавшаго военное дѣло, но незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго изъ зависти. Онъ былъ опять вызванъ въ Кареагенъ, и съ на скоро сформированнымъ войскомъ посланъ въ Сицилію. Впрочемъ кареагеняне думали только о скорѣйшемъ заключеніи мира; они уже начали въ то время переговоры съ Тимолеономъ, и хотѣли воспользоваться славою и военными дарованіями Гискона только для того, чтобы выговорить себѣ болѣе выгодныя условія. Миръ былъ заключенъ въ томъ же году на условіяхъ очень выгодныхъ для сицилійцевъ. Кареагеняне удержали за собою свои владѣнія въ Сициліи, но должны были отказаться отъ всякой мысли о господствѣ надъ греческими городами и дать обѣщаніе никогда не поддерживать на островѣ ни одного тиранна.

По заключеніи мира Тимолеонъ обратился противъ тиранновъ,

утвердившихся почти во всѣхъ городахъ Сициліи, противъ этрускихъ пиратовъ, опустошавшихъ берега, и шаекъ кампанскихъ наемниковъ, утвердившихся въ окрестностяхъ Этны и дѣлавшихъ оттуда хищническіе набѣги во внутренность страны. Кампанскіе наемники были истреблены, этруски лишились своихъ кораблей, тираны одинъ за другимъ побѣждены и казнены ужаснымъ образомъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и Гикетъ, отданный Тимолеономъ вмѣстѣ съ своимъ невиннымъ семействомъ, на жертву демократической ярости сиракузскаго народа. Возстановивши свободу сицилійскихъ городовъ, Тимолеонъ составилъ изъ нихъ союзъ, главою котораго сдѣлалъ Сиракузы, и населилъ опустѣлые города новыми переселенцами, толпами прибывавшими изъ Греціи. Истребивъ враговъ цивилизаціи и снова приведя островъ въ цвѣтущее состояніе, онъ занялся наконецъ преобразованіемъ государственнаго устройства Сиракузъ, съ помощью двухъ человѣкъ, приглашенныхъ имъ для этого изъ Коринѳа. Въ Сиракузахъ была введена демократія, но въ соединеніи съ древними дорическими учрежденіями и обычаями, одно возстановленіе которыхъ, по мнѣнію Тимолеона, могло упрочить ея существованіе. Введя такимъ образомъ демократію, онъ оставался еще нѣсколько времени во главѣ управленія. Тимолеонъ властвовалъ въ сущности также неограниченно, какъ Діонисій и Діонъ, но самодержавіе его было не замѣтно, потому что онъ предоставилъ полное дѣйствіе закону. Наконецъ онъ совсѣмъ удалился отъ дѣлъ и поселился въ великолѣпно устроенномъ имѣніи подаренномъ ему сиракузянами. Живя частнымъ человѣкомъ, онъ продолжалъ сохранять свое прежнее вліяніе на дѣла; смерть его (337 г. до р. Х.) была почтена торжественными играми, которыя съ тѣхъ поръ ежегодно праздновались въ память ему.

Возстановивъ демократію и пріобрѣтя себѣ безсмертную славу освободителя Сициліи и основателя греческой гражданской свободы, Тимолеонъ все-таки не достигъ желанной цѣли возстановить съ помощью своихъ учрежденій свободу всей Сициліи; даже въ Сиракузахъ все сдѣланное имъ сохранялось очень не

долго и по смерти его изчезло. Учрежденія его могли держаться только до тѣхъ поръ, пока во главѣ государства стоялъ человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, потому что по своему неразвитію и нравственному развращенію жители Сиракузъ не могли обойтись безъ монархической власти; наконецъ политическое положеніе всей Сициліи требовало непремѣнно, чтобы во главѣ государства стоялъ энергическій полководецъ, поддерживаемый сильнымъ и постояннымъ войскомъ. Законодательными мѣрами точно также нельзя было возвратить такой богатый торговый городъ, какъ Сиракузы, къ простотѣ и строгости нравовъ дорическаго быта, какъ нельзя было и остановить развитіе цивилизаціи, которая сдѣлала сицилійцевъ такими изнѣженными. Тимолеонъ не понималъ духа демократіи, ожидая отъ этой формы государственнаго устройства того, что можетъ дать только аристократія или олигархія. Государства, въ которыхъ вмѣсто патріотизма господствуетъ себялюбіе, могутъ быть спасены только тогда, когда во главѣ ихъ станетъ энергическій человѣкъ, который будетъ управлять народомъ съ отеческой или деспотической властью. По смерти Тимолеона, потребность въ монархической власти вызвала въ Сиракузахъ сначала военный деспотизмъ Агаѳокла, а потомъ отеческое правленіе Гіерона II.

6. Агаѳоклъ Сиракузскій.

По смерти Тимолеона, въ Сиракузахъ возникли новыя смуты. Аристократія и народъ вскорѣ опять стали во враждебныя отношенія другъ къ другу, а извнѣ государство было тѣснимо на западѣ карѳагенянами, на востокѣ хищными бруттійцами. Противъ первыхъ нужно было быть всегда на сторожѣ, хотя они и не предпринимали новой войны въ послѣднее десятилѣтіе, послѣдніе же безпрестанно нападали на союзные Сиракузамъ города Нижней Италіи, грабили суда и опустошали владѣнія самихъ сиракузянъ. Сиракузы, какъ и всѣ другіе города Сициліи и Великой Греціи, никакъ не могли обходиться безъ наемнаго войска, и слѣдова-

тельно представляли весьма легкую добычу для честолюбія всякаго ловкаго и счастливаго полководца. Всѣ греческія республики этихъ странъ страдали отъ постоянныхъ раздоровъ партій, взаимной вражды гражданъ и насилій наемныхъ войскъ и ихъ предводителей, такъ что трудно сказать, какое зло было болѣе: тогдашняя ихъ независимость, сопровождавшаяся смутами, грабежами и убійствами, или спокойствіе, водворившееся между ними послѣ покоренія ихъ римлянами. Такъ трудно судить о человѣческомъ счастіи по однимъ наружнымъ явленіямъ!

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Тимолеона, нѣкоторые предпріимчивые люди ввели въ Сиракузахъ олигархическое правленіе. Они старались упрочить свою власть страхомъ и предавали казни всякаго, кто только противился имъ. Такое правительство конечно не могло обойтись безъ наемныхъ войскъ. Дѣйствительно, олигархи содержали многочисленное войско и занимали его походами, предпринимаемыми отъ времени до времени въ Калабрію. Въ этихъ войскахъ находился и Агаѳоклъ, сынъ одного регійскаго горшечника, пріобрѣвшій мало по малу огромное значеніе, и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ бывшій замѣчательнѣйшей личностью сицилійской и карѳагенской исторіи. Онъ началъ свое поприще въ Сиракузахъ, гдѣ былъ сначала наемникомъ; здѣсь онъ пошелъ той дорогой, которую охотно выбираютъ себѣ честолюбивые молодые люди безъ богатства и связей. Своей лестью, угодливостью и съ помощью женщинъ онъ пріобрѣлъ себѣ покровителя, который, какъ полководецъ и одинъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ города, былъ ему очень полезенъ. Агаѳоклъ вскорѣ достигъ важнаго мѣста въ войскѣ и пріобрѣлъ огромное состояніе, женившись на вдовѣ своего покровителя. Найдя себѣ въ Сиракузахъ приверженцевъ, онъ свергнулъ олигарховъ, но не могъ долго удержаться на ихъ мѣстѣ и былъ изгнанъ съ своею партіею изъ города. Въ это смутное время искусный и предпріимчивый полководецъ, въ родѣ Агаѳокла всегда могъ имѣть случай отличиться. Сначала онъ отправился искать счастья въ Кротонъ, потомъ вступилъ

въ службу къ тарентинцамъ, но въ обоихъ городахъ навлекъ на себя подозрѣніе въ стремленіи къ власти, и наконецъ, послѣ вторичнаго изгнанія олигарховъ изъ Сиракузъ, возвратился туда вмѣстѣ съ другими бѣглецами. Съ этого времени Агаѳоклъ сталъ разыгрывать роль демократа и сдѣлался такъ опасенъ для другихъ партій, что онѣ покушались даже на его жизнь, и онъ снова принужденъ былъ оставить городъ. Тогда, собравъ вокругъ себя своихъ приверженцевъ и наемниковъ, онъ напалъ на городъ, гдѣ по прежнему происходила борьба партій. Наконецъ народъ, утомленный вѣчными безпокойствами, потребовалъ его возвращенія, и аристократы должны были уступить. Агаѳоклъ возвратился въ Сиракузы и, какъ предводитель народной партіи, сталъ во главѣ правленія съ титуломъ полководца и блюстителя спокойствія, (317 г. до р. Х.).

Съ этого времени Агаѳоклъ сталъ стремиться къ упроченію своей власти, и для того рѣшился избавиться отъ всѣхъ тѣхъ, которые по своему богатству и происхожденію пользовались въ городѣ вліяніемъ и уваженіемъ. Онъ приказалъ своимъ солдатамъ перебить всѣхъ членовъ прежняго правительства, которыхъ обвинилъ въ измѣнѣ отечеству, а ихъ помѣстья раздѣлилъ между народомъ и войскомъ. Не останавливаясь на этомъ, онъ изгналъ или умертвилъ всѣхъ приверженцевъ прежняго правительства, ихъ родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, чьи богатства могли служить для удовлетворенія корыстолюбія его наемниковъ. Число погибшихъ такимъ образомъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ, около шести тысячъ человѣкъ было изгнано. Сдѣлавшись полнымъ властелиномъ Сиракузъ, Агаѳоклъ былъ такъ увѣренъ въ привязанности къ нему простаго народа и многочисленныхъ наемныхъ войскъ, что не считалъ нужнымъ, по примѣру Діонисія Старшаго, присвоивать себѣ титулъ государя, заводить тѣлохранителей и до такой степени затруднять къ себѣ доступъ. Но за то ему угрожала большая опасность извнѣ. Жители Агригента, Мессины и Гелы, испуганные счастливыми попытками Агаѳокла распростра-

нить свое владычество и на другіе города Сициліи, соединились другъ съ другомъ, и пригласивъ къ себѣ сиракузскихъ изгнанниковъ, объявили Агаѳоклу войну. Въ то же время они послали къ спартанцамъ просить у нихъ предводителя: имѣя передъ глазами примѣръ Агаѳокла и другихъ предводителей сицилійскихъ войскъ, они опасались своихъ собственныхъ военачальниковъ и ожидали, что присланный къ нимъ изъ Греціи полководецъ окажетъ такія же услуги острову, какъ Тимолеонъ. Спартанцы послали къ нимъ Акротата, дѣда извѣстнаго развратника того же имени (т. III стр. 61.). Онъ былъ вполнѣ достоинъ своего внука, и по прибытіи въ Агригентъ предался совершенно чувственнымъ наслажденіямъ. Приказавъ умертвить своего соперника, предводителя сиракузскихъ изгнанниковъ, онъ навлекъ на себя смертельную вражду не только сицилійскихъ эмигрантовъ, но и самихъ агригентцевъ, былъ низложенъ ими и принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Это совершенно избавило Агаѳокла отъ опасности, потому что противники его, лишенные предводителя, струсили и чрезъ посредничество Гамилькара, начальника карѳагенскаго войска въ Сициліи, заключили съ нимъ договоръ, по которому всѣ города, не принадлежавшіе Карѳагену, были объявлены независимыми, но должны были признать надъ собою гегемонію Сиракузъ.

Агаѳоклъ блистательнымъ образомъ обнаружилъ теперь свои правительственныя способности, угадавъ во время намѣренія карѳагенянъ и принявши противъ нихъ надлежащія мѣры. Карѳагенскій сенатъ, начавшій тогда снова стремиться къ распространенію своего владычества въ Сициліи, былъ очень недоволенъ миромъ, заключеннымъ между агригентцами и Агаѳокломъ при посредничествѣ Гамилькара; онъ предалъ послѣдняго жестокому наказанію, за то что Гамилькаръ совершенно противъ интересовъ Карѳагена содѣйствовалъ упроченію могущества Сиракузъ. Агаѳоклъ воспользовался этимъ миромъ, чтобы подчинить себѣ какъ можно больше владѣній, усмирить своихъ враговъ и приготовиться къ предстоящей войнѣ съ карѳагенянами. Онъ собралъ огромные военные

запасы и увеличилъ свое войско до такихъ размѣровъ, что становится непонятно, какимъ образомъ Сиракузы могли содержать такія громадныя военныя силы. Кромѣ значительной собственно сиракузской милиціи и войскъ подвластныхъ и союзныхъ городовъ, онъ нанялъ еще тринадцать тысячъ наемниковъ, въ числѣ которыхъ было до трехъ тысячъ всадниковъ. Чтобы сохранить между греками единство, необходимое для предстоящей войны съ Кареагеномъ, и упрочить свое владычество, Агаѳоклъ приказалъ истребить всѣхъ своихъ противниковъ; кровь лилась ручьями. Онъ всячески преслѣдовалъ и гналъ сиракузскихъ изгнанниковъ и всѣхъ противниковъ его партіи въ другихъ сицилійскихъ городахъ. Наконецъ въ 311 г. до р. Х. вспыхнула война между Сиракузами и Кареагеномъ.

Въ Сицилію отправился кареагенскій флотъ изъ ста тридцати военныхъ кораблей съ дессантомъ изъ 14 тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ собственно кареагенскихъ гражданъ было только двѣ тысячи. Начальникъ этого войска, называвшійся какъ и прежній кареагенскій военачальникъ Сициліи Гамилькаромъ, умноживъ свою армію сицилійскими наемниками и войсками союзниковъ, выступилъ въ походъ съ 40 тысячами пѣхоты и пятью тысячами всадниковъ. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Агаѳокла, но потомъ въ одной битвѣ онъ былъ разбитъ на голову и потерялъ 7000 человѣкъ. Вслѣдствіе этого пораженія всѣ подвластные ему города отпали, такъ что за нимъ остались только Сиракузы. Положеніе его было самое отчаянное; по всей вѣроятности онъ погибъ бы, еслибы не придумалъ весьма умнаго и смѣлаго средства спасенія. Онъ рѣшился предпринять походъ въ Африку, чтобы напасть на кареагенянъ въ ихъ собственной странѣ, пока войска ихъ будутъ заняты въ Сициліи. Опытъ доказалъ справедливость его разсчетовъ.

Такой огромный и сильно укрѣпленный городъ какъ Сиракузы могъ выдержать осаду всей кареагенской арміи. Войско, съ которымъ Агаѳоклъ пустился въ это смѣлое предпріятіе, состояло, за исключеніемъ небольшаго сиракузскаго отряда, изъ наемниковъ

греческаго, самнитскаго, этрускаго и галльскаго происхожденія; т. е. изъ людей, готовыхъ слѣдовать за нимъ повсюду. Съ такими воинами можно было смѣло разсчитывать на побѣду въ странѣ, жители которой были изнѣжены продолжительнымъ миромъ и потому сдѣлались неспособными къ войнѣ. Кромѣ того можно было надѣяться, что африканскіе подданные Карѳагена воспользуются случаемъ сбросить съ себя тяжелое иго и принудятъ своихъ властителей отозвать войска изъ Сициліи. Наконецъ въ африканскихъ владѣніяхъ карѳагенянъ непріятельское войско могло не только найти обильныя средства для своего содержанія, но и удовлетворить вполнѣ своей страсти къ грабежу и хищничеству. Агаѳоклъ до послѣдней минуты не говорилъ никому о своемъ намѣреніи, и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ походу съ тою дьявольскою послѣдовательностью и энергіею, какую обнаруживалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Греческіе писатели, по своему національному характеру не придававшіе большаго значенія нравственнымъ принципамъ, прославляютъ мудрость Агаѳокла въ этомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ порицаютъ его жестокость. И теперь, какъ всегда, онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своей цѣли. Для поддержанія спокойствія въ городѣ на время своего отсутствія, онъ передалъ управленіе городомъ и начальство надъ оставшимися тамъ войсками брату своему, Антандру, и сформировалъ сиракузскій отрядъ, который долженъ былъ отправиться съ нимъ въ Африку, изъ людей, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ города, для того чтобы имѣть въ нихъ ручательство за вѣрность высшихъ классовъ сиракузскаго населенія. Деньги, необходимыя на издержки этого похода, онъ собралъ, отнявъ сиротскія деньги, приношенія, хранившіяся въ храмахъ, золотыя украшенія знатныхъ женщинъ и заключивъ насильственный заемъ у сиракузскихъ купцовъ. Сдѣлавъ это, Агаѳоклъ созвалъ народъ и, описавъ ему печальное положеніе Сиракузъ, объявилъ, что будетъ защищать городъ до послѣдней капли крови, но не принуждаетъ никого покоряться этому рѣшенію, а напротивъ того

проситъ всѣхъ несогласныхъ съ его мнѣніемъ удалиться изъ города. Такимъ образомъ онъ очистилъ городъ отъ своихъ враговъ, но немедленно послалъ убійцъ въ погоню за богатѣйшими изъ нихъ и завладѣлъ забранными ими сокровищами.

Нѣкоторое время счастье очень благопріятствовало Агаѳоклу. Онъ посадилъ свои войска на шестьдесятъ кораблей, и благополучно достигъ открытаго моря, обманувъ бдительность непріятельскаго флота, крейсировавшаго передъ гаванью. Избѣжавъ его преслѣдованія, онъ безпрепятственно высадился на африканскій берегъ (310 г. до р. X.) и тотчасъ же приказалъ сжечь свои суда, чтобы отнять у войска всякую надежду на спасеніе бѣгствомъ и предоставить имъ выборъ только между побѣдою и смертью. Агаѳоклъ высадился въ окрестностяхъ Карѳагена, которыя, какъ мы уже сказали выше, по необыкновенному плодородію почвы и превосходной ея обработкѣ походили на окрестности нынѣшняго Лондона. Получивъ извѣстіе о неожиданномъ появленіи непріятеля, карѳагеняне наскоро собрали сорока трехъ тысячную армію; но къ несчастью для Карѳагена въ сенатѣ давно уже господствовали раздоры, которые были тогда для карѳагенянъ опаснѣе внѣшняго врага. Во главѣ двухъ политическихъ партій въ Карѳагенѣ находились двѣ знатнѣйшія фамиліи, издавна враждовавшія между собою. Онѣ не забыли своей вражды и въ эту трудную для государства минуту, и заставили сенатъ вмѣсто одного главнокомандующаго назначить двухъ, по одному изъ каждой партіи; другими словами, сенатъ заботился о томъ, чтобы полководцы наблюдали одинъ за другимъ, и упустилъ изъ виду главную цѣль — пораженіе непріятеля. Войска, подъ начальствомъ Ганнона и Бомилькара, выступили противъ сиракузской арміи, состоявшей всего изъ четырнадцати тысячъ человѣкъ, и дали ей сраженіе, въ которомъ побѣда уже клонилась на сторону карѳагенянъ, какъ вдругъ смерть Ганнона совершенно измѣнила ходъ битвы. Бомилькаръ, стремившійся къ единовластью, рѣшился воспользоваться смертью своего противника для своихъ собственныхъ цѣлей и, разсчитывая что смуты, которыя возникнутъ въ

Карѳагенѣ послѣ пораженія, будутъ для него гораздо полезнѣе побѣды, распорядился такъ, что войска его потерпѣли совершенное пораженіе. Карѳагенскій сенатъ или вѣрнѣе пентархи и совѣтъ ста, управлявшіе государствомъ, выказали при этомъ твердость и хитрость, достойную правительства венеціанской республики. Они очень хорошо знали, чего желалъ Бомилькаръ, но рѣшились не выказывать ему своихъ подозрѣній, чтобы не довести его до крайности. Сформировавъ новое войско, подъ предводительствомъ другихъ полководцевъ, они вызвали пять тысячъ человѣкъ изъ Сициліи и рѣшились отложить свою месть надъ Бомилькаромъ до окончанія войны. Для того, чтобы ободрить суевѣрный народъ, они послали богатые дары въ главный храмъ своей метрополіи Тира, велѣли принести въ жертву ея Молоху двѣсти человѣкъ дѣтей, и до того напугали народъ мщеніемъ главнаго божества, что триста гражданъ, приносившіе прежде въ жертву вмѣсто своихъ дѣтей чужихъ, теперь добровольно пожертвовали своими собственными.

Послѣ побѣды надъ Бомилькаромъ, дѣла Агаѳокла на нѣсколько времени приняли весьма хорошій оборотъ, не только въ Африкѣ, но и въ Сициліи. Гамилькаръ, сдѣлавшій нападеніе на Сиракузы, былъ отбитъ и въ то же время получилъ приказаніе отъ сената отправить въ Африку 5 тысячъ человѣкъ. Черезъ нѣсколько времени при одной изъ вылазокъ, сдѣланной жителями Сиракузъ, онъ не только потерпѣлъ еще разъ большой уронъ, но и самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Между тѣмъ Агаѳоклъ, занявъ всѣ окрестности Карѳагена и завладѣвъ почти всѣми значительными городами его области, расположился на высотахъ, окружающихъ столицу. Онъ нанесъ карѳагенянамъ еще одно пораженіе, но обезславилъ свою побѣду, обманувъ безстыднымъ образомъ тысячу греческихъ наемниковъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. Когда греки, освободившись изъ плѣна, заняли одно укрѣпленіе, онъ убѣдилъ ихъ сдаться, обѣщая имъ прощеніе, но вмѣсто того приказалъ перерѣзать ихъ всѣхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Агаѳоклъ показалъ примѣръ мастерскаго

обмана: онъ послалъ одного изъ своихъ довѣренныхъ лицъ къ египетскому полководцу Офеллу, который, покоривъ Кирену (т. III стр. 32.), отложился отъ египетскаго царя, — съ предложеніемъ соединиться съ нимъ для покоренія Карѳагена, обѣщаясь уступить ему потомъ все завоеванное въ Африкѣ. Не подозрѣвая обмана, Офеллъ явился къ нему съ отличнымъ войскомъ въ 10 тысячъ человѣкъ, расположился лагеремъ рядомъ съ Агаѳокломъ и былъ убитъ имъ; его солдатамъ, какъ настоящимъ наемникамъ, было все равно кому служить, если только имъ давали хорошее жалованье, и потому всѣ они перешли на службу къ Агаѳоклу. Въ то же время, когда Агаѳоклъ обманулъ киренейскаго узурпатора, и Бомилькаръ рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный планъ овладѣть Карѳагеномъ, но поплатился жизнью за свою дерзкую попытку. Будучи тогда (308 до р. Х.) главнокомандующимъ, онъ распустилъ всѣ войска, кромѣ четырехъ съ половиною тысячъ человѣкъ, на которые могъ совершенно полагаться, и бросился съ ними въ Карѳагенъ, приказавъ рѣзать всѣхъ своихъ противниковъ, но, подавленный гражданами, поплатился мучительною смертью за свою измѣну.

Принявъ по умерщвленіи Офелла титулъ царя, Агаѳоклъ все дальше и дальше распространялъ свои завоеванія въ карѳагенской землѣ, и уже завладѣлъ почти всѣми африканскими владѣніями Карѳагена, когда положеніе дѣлъ въ Сициліи заставило его покинуть Африку и лишило всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ многими годами. Сицилійскіе города составили противъ него союзъ, а карѳагенскій флотъ, господствовавшій на морѣ, заперъ входъ въ сиракузскую гавань. Агаѳоклъ оставилъ въ Африкѣ сына своего, Архагата, и поспѣшилъ въ Сицилію (307 г. до р. Х.), гдѣ между тѣмъ союзъ уже распался, и агригентцы были разбиты его войсками. По прибытіи въ Сицилію онъ самъ совершилъ нѣсколько удачныхъ предпріятій противъ враждебныхъ ему городовъ и, съ помощью этрускихъ кораблей, одержалъ даже побѣду надъ карѳагенскимъ флотомъ, блокировавшимъ Сиракузы. Но это былъ послѣдній проблескъ счастья, и съ

этой минуты постоянныя неудачи начинаютъ преслѣдовать Агаѳокла. Одинъ изъ сиракузскихъ изгнанниковъ, Динократъ, собравъ вокругъ себя другихъ бѣглецовъ, снова возстановилъ союзъ городовъ и вскорѣ выступилъ противъ тиранна съ превосходными силами. Онъ выгналъ Агаѳокла изъ только что завоеванныхъ городовъ и угрожалъ самимъ Сиракузамъ. Въ это же самое время погибло и африканское войско. Архагатъ, производя отдѣльные набѣги, раздробилъ свое войско, и оно было разбито по частямъ карѳагенянами, у которыхъ явились теперь отличные полководцы Ганнонъ, Гимилконъ и Гасдрубалъ. Наконецъ Архагатъ съ остаткомъ своего войска былъ оттѣсненъ въ Тунисъ и окруженъ тамъ со всѣхъ сторонъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ Агаѳоклъ счелъ за нужное возвратиться въ Африку, но передъ отъѣздомъ водворилъ спокойствіе въ Сиракузахъ одною изъ тѣхъ жестокостей, какія были обыкновеннымъ его средствомъ. Любя самъ пиры, онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что вино всегда развязываетъ языкъ, для того, чтобы узнать образъ мыслей каждаго. Пригласивъ на прощальный пиръ своихъ приближенныхъ, которые по этому способу оказались людьми подозрительными, онъ призвалъ еще нѣсколько сотъ другихъ гражданъ и приказалъ своимъ наемникамъ перебить всѣхъ присутствующихъ.

По пріѣздѣ въ Африку Агаѳоклъ нашелъ свое войско въ отчаянномъ положеніи. Запертые со всѣхъ сторонъ и отрѣзанные отъ всякихъ подвозовъ продовольствія, войска умирали съ голоду. Солдаты были ободрены его прибытіемъ, и Агаѳоклъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, но былъ разбитъ на голову. Лишившись послѣдней надежды, онъ думалъ только о своемъ собственномъ спасеніи и ни мало не заботясь о чести, войскѣ и своихъ дѣтяхъ, бѣжалъ ночью, оставивъ сыновей и войско на произволъ судьбы. Агаѳоклъ благополучно спасся, но сыновья его были умерщвлены разъяренными солдатами (360 г. до р. Х.). Остатокъ постыдно обманутаго имъ войска раздѣлился на двѣ части: одна изъ нихъ заклю-

чила съ карѳагенянами договоръ, по которому одни поступали на службу къ карѳагенянамъ, а другіе были отправлены въ Сицилію. Остальные продолжали еще нѣкоторое время защищаться, но потомъ попались въ плѣнъ и были обращены въ рабство.

Въ Сициліи Агаѳоклъ снова прибѣгнулъ къ неслыханнымъ злодѣйствамъ, чтобы добыть деньги, необходимыя для поддержанія своего владычества; безъ всякаго сомнѣнія онъ долженъ бы былъ уступить своему противнику Динократу, имѣвшему въ своемъ распоряженіи двадцати-трехъ-тысячное войско, если бы и послѣдній не выказалъ яснаго стремленія къ самовластію и этимъ не отдалилъ отъ себя большей части своихъ приверженцевъ. Агаѳоклъ изъявилъ готовность отказаться отъ власти, и вступилъ въ переговоры объ этомъ, требуя только нѣкоторыхъ городовъ какъ необходимаго ручательства за свою безопасность; но, не согласившись съ послѣднимъ, воспользовался этимъ, чтобы подорвать вліяніе своего противника. Онъ распустилъ слухъ, что Динократъ одинъ виноватъ въ томъ, что Сиракузы еще не получили свободы, потому что, стремясь сдѣлаться главою государства, не обращаетъ никакого вниманія на общее благо, тогда какъ самъ онъ уже давно готовъ отказаться отъ власти. Потомъ онъ заключилъ съ карѳагенянами миръ, по которому уступилъ имъ всѣ города, находившіеся прежде въ ихъ власти, и за то получилъ отъ нихъ 200,000 мѣръ хлѣба и около 400 тысячъ руб. на наши деньги (по другимъ свѣдѣніямъ только половину этого). Этотъ миръ доставилъ ему три важныя выгоды: онъ отдѣлался отъ своего главнаго врага, получилъ деньги на жалованье своимъ наемникамъ и вывелъ Сиракузы изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ они находились во время войны, когда непріятельскій флотъ, заперевъ гавань, прекратилъ всякій подвозъ припасовъ. Послѣ того онъ со всѣми своими силами двинулся противъ Динократа, войско котораго состояло большею частью изъ сиракузскихъ изгнанниковъ и отчасти было уже привлечено Агаѳокломъ на свою сторону. Передъ самымъ началомъ

битвы около двухъ тысячъ изъ нихъ перешли къ Агаѳоклу, остальные были разбиты и въ числѣ семи, а по другимъ свѣдѣніямъ четырехъ, тысячъ человѣкъ положили оружіе, надѣясь на обѣщаніе полной амнистіи, данное Агаѳокломъ. Но едва они были обезоружены, какъ Агаѳоклъ приказалъ окружить ихъ и всѣхъ перерѣзать. Это было одно изъ ужаснѣйшихъ злодѣйствъ, какія только извѣстны исторіи. Динократъ вскорѣ послѣ того примирился съ Агаѳокломъ, который, сдѣлавшись его другомъ, ввѣрилъ его начальству часть своихъ войскъ, такъ какъ Динократъ, передавши ему города своихъ прежнихъ союзниковъ, уже не могъ болѣе ничего предпринять противъ тиранна.

Съ этого времени Агаѳоклъ, царствовавшій еще шестнадцать лѣтъ, не нуждался болѣе въ жестокости, и является кроткимъ правителемъ. Это не мѣшало ему однако предпринимать по прежнему походы или вѣрнѣе набѣги въ Нижнюю Италію и другія страны, чтобы имѣть средство содержать и занимать своихъ наемниковъ. Онъ былъ собственно военнымъ искателемъ приключеній или атаманомъ разбойниковъ въ большихъ размѣрахъ, но покрайней мѣрѣ имѣлъ столько мужества, что и не желалъ казаться чѣмъ нибудь другимъ. Не заботясь нисколько о наружномъ блескѣ и величіи, Агаѳоклъ, даже на самой высшей степени своего могущества, не покидалъ своихъ прежнихъ привычекъ, говорилъ въ народномъ собраніи грубыя шутки, ходилъ по городу безъ свиты и тѣлохранителей, никогда не стыдился своего низкаго происхожденія и часто даже напоминалъ о немъ, гордясь тѣмъ, что сдѣлался властителемъ города, единственно благодаря своимъ личнымъ заслугамъ. Въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ готовиться къ новому походу въ Африку, потому что не могъ забыть неудачи своей первой экспедиціи. Утвердивши за собою пріобрѣтенное имъ царство, онъ назначилъ преемникомъ любимаго своего сына Агаѳокла Младшаго. Но власть, добытая кровью и злодѣяніями, не могла быть прочною, и онъ самъ передъ смертью долженъ былъ испытать на себѣ, что посѣвъ преступленій мо-

жетъ дать только одну жатву несчастія. Его завистливый внукъ, сынъ Архагата, котораго Агаѳоклъ оставилъ въ Африкѣ на жертву ярости войска, умертвилъ сначала своего дядю, а потомъ и дѣда (289 г. до р. X.). Агаѳоклъ дожилъ до семидесяти двухъ лѣтъ, процарствовавъ двадцать восемь. Его внукъ былъ убитъ вскорѣ послѣ него тѣмъ же самымъ человѣкомъ, который по его приказанію умертвилъ его дѣда.

7. Сицилія и Карѳагенъ отъ Агаѳокла до первой пунической войны.

По смерти Агаѳокла, Сицилія сдѣлалась театромъ новыхъ смутъ и войнъ, въ которыхъ главную роль играли наемники этого тиранна и воспитанные въ его школѣ полководцы. Сиракузы были постоянно терзаемы внутренними распрями партій и подчинялись то одному, то другому военному деспоту; такую же участь испытывали и другіе города острова. Карѳагеняне старались, для своихъ видовъ, поддерживать и усиливать господствовавшія повсюду смуты. Кампано-самнитскіе наемники Агаѳокла, распущенные послѣ его смерти, на возвратномъ пути домой завладѣли городомъ Мессеною, перебили всѣхъ его жителей мужескаго пола, пригласили къ себѣ еще другихъ смѣльчаковъ, и подъ именемъ мамертинцевъ, т. е. сыновъ бога войны Мамерса или Марса, основали республику морскихъ разбойниковъ, которая производила такіе же разбои, какъ въ новѣйшее время Варварійскія владѣнія Алжиръ, Тунисъ и Триполи, и дѣлала безпрестанные набѣги во внутренность острова. Въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ во всѣхъ городахъ Сициліи царствовали междоусобія и распри, пока наконецъ Сиракузы, раздѣлившіяся въ то время на три партіи и осажденныя карѳагенянами, не призвали къ себѣ на помощь эпирскаго царя Пирра. Послѣдній, какъ уже было сказано выше (т. III стр. 289.), весьма охотно принялъ это приглашеніе, и былъ встрѣченъ съ восторгомъ, какъ въ Сиракузахъ, такъ и во

всей Сициліи. Онъ успѣлъ примирить враждующія партіи, соединилъ въ союзъ значительнѣйшіе города острова, собралъ такимъ образомъ весьма многочисленное войско, и такъ счастливо дѣйствовалъ съ нимъ противъ карѳагенянъ, что они лишились всѣхъ своихъ городовъ въ Сициліи. Къ несчастію Пирръ былъ не болѣе какъ простой солдатъ и искатель приключеній; онъ оказался человѣкомъ чрезвычайно непостояннымъ и нерѣшительнымъ въ своихъ предпріятіяхъ, не умѣлъ, какъ Агаѳоклъ, привязать къ себѣ полководцевъ и солдатъ разнохарактернаго сицилійскаго войска и соединять свои насильственныя дѣйствія съ послѣдовательностью и благоразумною умѣренностью. Черезъ два года, онъ уже поссорился съ подчинившимися ему мелкими сицилійскими владѣтелями, приказалъ одного изъ нихъ умертвить, и жестоко оскорбилъ остальныхъ; послѣ того, почти всѣ города острова отложились отъ него и пристали къ карѳагенянамъ или къ мамертинцамъ. Съ одними своими эпиротами онъ уже не могъ бороться съ этими многочисленными и могущественными врагами, изъ которыхъ одни мамертинцы могли выставить въ поле 10 тысячъ человѣкъ. Воспользовавшись первымъ благовиднымъ предлогомъ, онъ возвратился въ Италію, пробывъ въ Сициліи два года (275 г. до р. Х.).

Безпокойства и междоусобныя распри въ Сиракузахъ и въ другихъ городахъ Сициліи были неизбѣжны, потому что шаткость внутренняго состоянія этихъ государствъ, сосѣдство мамертинцевъ и угрожавшія силы карѳагенянъ дѣлали необходимымъ содержаніе наемнаго войска. По удаленіи Пирра, въ Сициліи опять начались раздоры и переходы отъ большей или меньшей свободы къ военному деспотизму. При такихъ обстоятельствахъ карѳагеняне весьма легко достигли опять своего прежняго могущества. Наконецъ, (269 г. до р. Х.), одному талантливому полководцу, Гіерону II, потомку знаменитаго Гелона, за 200 лѣтъ передъ тѣмъ царствовавшему въ Сиракузахъ, удалось не только завладѣть Сиракузами, но и удержать за собою обладаніе городомъ. Въ мо-

лодости онъ принималъ участіе въ походахъ Пирра противъ карѳагенянъ, и когда демократическое правительство Сиракузъ поссорилось съ войскомъ, онъ былъ провозглашенъ войскомъ главнокомандующимъ и ворвался съ нимъ въ городъ. Прославившись многими подвигами храбрости и соединяя въ себѣ всѣ достоинства государственнаго человѣка съ талантами полководца, онъ легко могъ удержать за собою и начальство надъ войскомъ и управленіе городомъ. Несмотря на то, что Гіеронъ сдѣлался главнокомандующимъ съ помощью мятежа и насильственно овладѣлъ правленіемъ, его кроткое и ласковое обращеніе съ гражданами такъ расположило ихъ въ его пользу, что они охотно утвердили выборъ войска. Гіеронъ понялъ, что всѣ безпорядки послѣднихъ десяти лѣтъ происходили отъ наемниковъ, оставшихся послѣ Агаѳокла, и отъ того, что обыкновенно во время отсутствія войска одна изъ партій начинала поднимать голову и дѣйствовать противъ главнокомандующаго и войска, какъ противъ непріятелей. По этому онъ съ самаго начала принялъ мѣры къ уничтоженію этихъ двухъ источниковъ смутъ, и для того вступилъ въ тѣсныя сношенія съ Лептиномъ, человѣкомъ, пользовавшимся одинаково сильнымъ вліяніемъ и уваженіемъ у гражданъ и у войска, женился на его дочери, и всегда передавалъ ему управленіе дѣлами, когда ему самому приходилось отлучаться изъ города. Чтобы избавиться отъ прежнихъ безпокойныхъ наемниковъ, онъ въ одной изъ битвъ съ мамертинцами расположилъ свое войско такимъ образомъ, что наемники подверглись нападенію всего непріятельскаго войска и почти всѣ были истреблены. Вслѣдъ затѣмъ Гіеронъ сформировалъ новое войско изъ способныхъ гражданъ наемниковъ, которые были вполнѣ ему преданы и не привыкли, какъ прежніе, предписывать государству законы.

Вскорѣ послѣ того онъ нанесъ мамертинцамъ такое пораженіе, что они должны были отказаться отъ набѣговъ во внутренность страны и удовольствоваться морскими разбоями. Въ благодарность за это жители Сиракузъ и ихъ союзники провозгласили его царемъ.

Побѣда Гіерона поставила мамертинцевъ въ очень затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что не задолго до того они лишились весьма могущественнаго союзника. За десять лѣтъ передъ тѣмъ, граждане города Регіума, лежавшаго на другомъ берегу Мессинскаго пролива, опасаясь Пирра, просили у римлянъ гарнизона и получили 4 тысячи кампанскихъ самнитовъ подъ командою римскаго военачальника; но послѣдніе, перебивъ и разогнавъ жителей, соединились съ своими соотечественниками, владѣвшими Мессеною. Пока продолжалась война съ Пирромъ и Тарентомъ, римскій сенатъ не обращалъ вниманія на это преступленіе, но въ 271 году до р. Х. послалъ туда войско, которое завладѣло Регіумомъ и возвратило его прежнимъ жителямъ, которые стали теперь въ полную зависимость отъ римлянъ. Такимъ образомъ римляне не только завладѣли городомъ, откуда они всегда могли переправиться въ Сицилію, но и лишили мессенскихъ мамертинцевъ союза, безъ котораго они не могли бороться противъ Сиракузъ. Самостоятельности ихъ угрожала еще большая опасность: Гіеронъ велъ въ это время переговоры съ кароагенянами о союзѣ, и они не могли и думать о сопротивленіи соединеннымъ силамъ обоихъ государствъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи они раздѣлились на двѣ партіи: большая часть обратилась за помощью въ Римъ, остальные вступили въ переговоры съ кароагенскимъ полководцемъ Ганнономъ, явившимся въ Сицилію съ многочисленнымъ войскомъ, и отдали свою крѣпость подъ его защиту. Римскій сенатъ долгое время колебался, согласно ли будетъ съ достоинствомъ и честью римскаго народа подать помощь разбойникамъ и убійцамъ, но, получивъ извѣстіе о занятіи кароагенянами Мессенской цитадели, оставилъ въ сторонѣ нравственныя сомнѣнія, и покорившись политической необходимости, немедленно отправилъ на помощь мамертинцамъ войско подъ начальствомъ консула Аппія Клавдія Каудекса. Одинъ изъ его легатовъ, не смотря на присутствіе кароагенскаго флота, переправился съ небольшимъ отрядомъ черезъ проливъ, счастливо достигнулъ Мессены, и убѣ-

дилъ мамертинцевъ хитростью заставить карѳагенянъ удалиться изъ цитадели. Хитрость удалась и цитадель была занята римскимъ гарнизономъ.

Появленіе римлянъ въ Мессенѣ и союзъ ихъ съ мамертинцами грозили Гіерону такою опасностью, что онъ тотчасъ же рѣшился заключить союзъ съ карѳагенянами. Карѳагенскія и сиракузскія войска двинулись къ Мессенѣ. Между тѣмъ Аппій Клавдій съ частью своего войска переправился въ Сицилію, и сообразивъ, какъ опасно допустить непріятеля обложить городъ, напалъ на Гіерона, войска котораго еще не успѣли соединиться съ карѳагенскими, и нанесъ ему пораженіе. Гіеронъ возвратился въ Сиракузы, предчувствуя окончательную развязку войны или объясняя себѣ высадку римскихъ войскъ хитростью карѳагенянъ, которые могли допустить ихъ въ Мессену, желая погубить его самого.

По удаленіи сиракузскихъ войскъ Аппій Клавдій напалъ на карѳагенянъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Такимъ образомъ вспыхнула въ 264 году до р. X. первая война между Римомъ и Карѳагеномъ, продолжавшаяся двадцать три года и называвшаяся у римлянъ, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, Пуническою.

VIII. ВРЕМЯ ПУНИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ.

1. Первая пуническая война.

Начавъ первую пуническую войну двойною побѣдою при Мессенѣ, консулъ Аппій Клавдій двинулся вслѣдъ за тѣмъ въ сиракузскія владѣнія и опустошилъ ихъ. Преемники его, консулы слѣдующаго года, продолжая эти опустошенія, заставили Гіерона заключить миръ, который имѣлъ для римлянъ тѣмъ большую цѣну, что карѳагеняне, господствуя на морѣ, легко могли воспрепятствовать подвозу провіанта римскому войску. Гіеронъ удержалъ за собою Сиракузы и значительныя владѣнія, вступилъ въ союзъ съ римлянами, отпустилъ безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ и заплатилъ контрибуцію. Оставаясь вѣрнымъ и благоразумнымъ союзникомъ римлянъ въ продолженіе всей войны, онъ доставилъ имъ своимъ отпаденіемъ отъ карѳагенянъ тѣмъ большую выгоду, что его прежніе союзники остались въ Сициліи совершенно одни. Первымъ важнымъ предпріятіемъ римлянъ, по заключеніи мира съ Гіерономъ, была осада большаго и сильно укрѣпленнаго Агригента, главнаго военнаго пункта карѳагенянъ въ Сициліи. Онъ былъ обороняемъ Ганнибаломъ, сыномъ Гискона, съ пятидесятью тысячами карѳагенскаго войска, къ которому присоединились еще 25 тысячъ вооруженныхъ гражданъ. Но самая многочисленность этого войска едва не сдѣлалась причиною его гибели;

окруживъ Агригентъ со всѣхъ сторонъ, римляне отрѣзали такимъ образомъ подвозъ къ нему съѣстныхъ припасовъ. Посланное на помощь осажденнымъ 56 тысячное войско, по неспособности своего предводителя Ганнона, потерпѣло сильное пораженіе и доставило осажденнымъ только ту выгоду, что дало имъ возможность выйти изъ города, въ то время когда римляне преслѣдовали разбитаго непріятеля. Одни граждане не могли отстоять города противъ многочисленнаго римскаго войска, и Агригентъ, послѣ семи мѣсячной осады, очутился во власти римлямъ (262 г. до р. Х.). Городъ подвергся всѣмъ ужасамъ разграбленія, а всѣ его жители были проданы въ рабство.

Видя, что они не могутъ вести продолжительной борьбы съ карѳагенянами иначе, какъ поколебавъ ихъ могущество на морѣ, римляне рѣшились употребить всѣ усилія для сооруженія флота и достигли того, что въ 60 дней онъ уже могъ выйти въ море. Они предпринимали тогда въ первый разъ морскую войну съ народомъ, главнымъ занятіемъ котораго было уже издавна судоходство. Одно только тогдашнее несовершенство морскаго военнаго искусства можетъ объяснить побѣду римлянъ, правительство которыхъ не имѣло до того времени ни малѣйшаго понятія о морскомъ дѣлѣ, надъ карѳагенянами, первыми мореходцами древности. Впрочемъ нельзя не принять въ соображеніе и того обстоятельства, что въ римскомъ флотѣ находилось много грековъ изъ покоренной ими Великой Греціи и жителей другихъ береговыхъ странъ Италіи. Еще въ томъ же году, когда вышелъ въ море вновь построенный флотъ (260 годъ до р. Х.), римляне одержали морскую побѣду надъ карѳагенянами, благодаря новому изобрѣтенію своего консула Кая Дуиллія, которое привело въ замѣшательство начальника карѳагенскаго флота. Видя, что его корабли по своей неповоротливости никакъ не могутъ сравняться съ карѳагенскими, Дуиллій нашелъ средство лишить непріятеля всѣхъ его выгодъ, обративъ морское сраженіе въ сухопутное. Онъ снабдилъ всѣ римскіе корабли абордажными мостами,

и во время сраженія внезапно набросивъ ихъ на непріятельскія суда, при помощи римскаго войска легко одержалъ побѣду надъ необученнымъ карѳагенскимъ экипажемъ. Но главная причина пораженія карѳагенянъ, застигнутыхъ въ расплохъ, заключалась въ совершенной непривычкѣ ихъ къ абордажу, такъ какъ до того времени морскія сраженія состояли только въ томъ, что одинъ корабль старался потопить своего противника ударившись въ него. Въ позднѣйшихъ морскихъ сраженіяхъ къ абордажу стали прибѣгать рѣже, и наконецъ онъ совершенно вышелъ изъ употребленія. Дуиллій потопилъ четырнадцать непріятельскихъ кораблей, захватилъ тридцать одинъ, перебилъ до трехъ тысячъ человѣкъ и взялъ въ плѣнъ до семи тысячъ.

Въ слѣдующіе года война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ, но перевѣсъ былъ большею частью на сторонѣ римлянъ. Однако, не смотря на всѣ свои успѣхи, они наконецъ увидѣли, что продолжительная война будетъ для нихъ гораздо обременительнѣе, чѣмъ для карѳагенянъ, и потому, чтобы скорѣе покончить дѣло, рѣшились напасть на непріятеля въ его собственной странѣ (256 г. до р. X.). Съ перваго взгляда насъ можетъ поразить, что осторожные римляне рѣшились подвергнуть свои войска всѣмъ опасностямъ войны въ неизвѣстныхъ странахъ, не страшныхъ только какому нибудь Агаѳоклу съ его удальцами; но, вѣроятно, римскій сенатъ имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія объ управленіи, характерѣ и настроеніи умовъ подчиненныхъ карѳагенянамъ африканскихъ народовъ и о предпріятіи Агаѳокла. Начальство надъ войскомъ, отправленнымъ въ Африку, было ввѣрено консуламъ Луцію Манлію Вульсону и Марку Атилію Регулу. Въ Сициліи они посадили на 330 кораблей 140,000 солдатъ и матросовъ, и выйдя въ море, вскорѣ должны были вступить въ битву съ 350 карѳагенскими судами, на которыхъ находилось до 150,000 войска. Чтобы не потерпѣть пораженія, вслѣдствіе быстроты и подвижности карѳагенскихъ судовъ, римляне построили свои корабли въ сплошную массу, которую труд-

но было разорвать непріятелю, и такимъ образомъ принудили кареагенянъ нападать массою же и сражаться какъ на сушѣ. Страшный бой почти 700 кораблей и 300,000 человѣкъ, единственный во всей исторіи древняго міра, не кончился однако ничѣмъ, потому что кареагеняне, потерпѣвъ небольшія потери, отступили, расчитывая впослѣдствіи аттаковать римлянъ по частямъ. Но и это не удалось кареагенянамъ; римляне счастливо высадились на кареагенскій берегъ, и вытащивъ на землю свои корабли, окружили ихъ валомъ и рвомъ. Вслѣдъ за тѣмъ они взяли сильно укрѣпленный городъ Клупею, къ югу отъ мыса Бона, и двинулись далѣе вглубь страны. Кареагеняне были такъ мало приготовлены къ этому смѣлому предпріятію римлянъ, что даже не имѣли достаточно войска, если не для нападенія на нихъ, то по крайней мѣрѣ для преграждснія имъ дальнѣйшаго пути. Вскорѣ по высадкѣ консулъ Манлій, безъ малѣйшей помѣхи со стороны кареагенянъ, возвратился съ большею частью кораблей и войска въ Сицилію, взявъ съ собою множество захваченнаго имъ скота и двадцать тысячъ плѣнныхъ. Регулъ съ 40 кораблями и 15,500 человѣкъ остался въ Африкѣ.

Видя, что предпріятіе римлянъ разсчитано на продолжительный срокъ, кареагеняне перевезли изъ сицилійской арміи 5,500 человѣкъ и вооружили кромѣ того новое войско, поручивъ главное начальство надъ нимъ тремъ полководцамъ: Гасдрубалу, Бостару и Гамилькару. Эти военачальники поступили въ высшей степени не благоразумно, давъ сраженіе въ мѣстности, совершенно несоотвѣтствовавшей ихъ тактикѣ, и потерпѣли сильное пораженіе. Нумидійцы, которыхъ Регулъ съумѣлъ привлечь на свою сторону, толпами переходили къ римлянамъ. Кареагенскіе полководцы принуждены были наконецъ очистить Тунисъ, по своему положенію представлявшій большія удобства для нападенія на Кареагенъ, и съ минуты на минуту ждали осады столицы. Въ этомъ опасномъ положеніи кареагенскій сенатъ показалъ такую же благородную твердость, какъ и римскій по-

слѣ высадки и первой побѣды Пирра. Регулъ предложилъ карѳагенянамъ миръ, но подъ условіями, которыя съ этого времени всегда предлагались римлянами. Онъ потребовалъ отъ карѳагенянъ признанія надъ собою римскаго владычества, платежа ежегодной дани, выдачи римлянамъ всѣхъ военныхъ кораблей, кромѣ одного, и уступки Сициліи и Сардиніи. Такія требованія римляне могли заявлять впослѣдствіи какому нибудь Филлипу III македонскому, Антіоху III сирійскому и другимъ вполнѣ побѣжденнымъ владѣтелямъ, трепетавшимъ за свое собственное существованіе. Но условія, предлагаемыя азіатскимъ царямъ и ихъ придворнымъ, не могли быть приняты карѳагенскимъ сенатомъ, представителемъ могущественной аристократіи, которая для поддержанія своей власти надъ народомъ должна была всегда выказывать передъ нимъ твердость и энергію. Своими требованіями Регулъ довелъ непріятеля до крайности и заставилъ его предпринять такія мѣры, какихъ прежде не могли вынудить у карѳагенянъ никакія опасности. Карѳагенская аристократія ввѣрили силы своего государства чужестранцу, спартанцу Ксантиппу, не задолго передъ тѣмъ прибывшему въ Карѳагенъ съ греческими наемниками, и болѣе опытному въ обширныхъ стратегическихъ планахъ, чѣмъ всѣ туземные полководцы. Ксантиппъ скоро показалъ Регулу свое превосходство надъ нимъ и пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, окончивъ однимъ ударомъ войну въ Африкѣ. Но по принципамъ карѳагенской политики онъ, какъ иностранецъ, не могъ командовать войсками за предѣлами государства и потому былъ отпущенъ тотчасъ по окончаніи войны въ Африкѣ. Это нисколько не уменьшило его заслугъ, и онъ возвратился въ отечество со славою побѣдителя римлянъ. Заманивъ Регула въ самое не выгодное для римлянъ, при ихъ вооруженіи, мѣсто, Регулъ построилъ свое войско такимъ образомъ, что непріятель не могъ надѣяться даже на спасеніе. Все римское войско было истреблено, за исключеніемъ двухъ тысячъ человѣкъ, уцѣлѣвшихъ какимъ то чудомъ и удалившихся въ Клупею, и пяти сотъ, захваченныхъ въ

плѣнъ (255 г. до р. Х.). Въ числѣ послѣднихъ находился и Регулъ. Остатокъ римскаго войска продержался въ Клупеѣ до появленія къ нему на выручку римскихъ кораблей, одержавшихъ при этомъ случаѣ побѣду надъ кароагенянами.

Въ томъ же году страшная буря истребила 270 римскихъ кораблей, и такимъ же образомъ погибли два года спустя болѣе 150 судовъ. Но римскій сенатъ, не отступая ни передъ какими трудностями, и не падая духомъ ни отъ какихъ потерь, всякій разъ съ тою же энергіею снаряжалъ новый флотъ и набиралъ въ береговыхъ городахъ Италіи и Сициліи новыхъ матросовъ. Въ Сициліи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ побѣда переходила то на ту, то на другую сторону, пока наконецъ Луцій Цецилій Метеллъ не разбилъ (250 г. до р. Х.) кароагенянъ на голову при Панормѣ, истребивъ, какъ говорятъ, до 20 тысячъ непріятелей. Это пораженіе заставило кароагенскій сенатъ отправить пословъ въ Римъ просить мира или по крайней мѣрѣ размѣна плѣнныхъ. Съ посольствомъ былъ отправленъ Регулъ, въ той надеждѣ, что онъ будетъ дѣятельно поддерживать кароагенянъ. Но образъ его дѣйствій въ этомъ случаѣ прославилъ его еще болѣе, чѣмъ всѣ военные подвиги. Регулъ сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ римскихъ героевъ и память о немъ осталась для римлянъ на всегда священною; жизнь его перешла въ народныя преданія и была такъ украшена поэтическими вымыслами, что во многихъ изъ этихъ легендъ очень трудно отыскать историческую истину. Къ такимъ преданіямъ принадлежатъ, кромѣ приведенныхъ выше (т. III стр. 292.) анекдотовъ о бѣдности Регула, разсказы объ образѣ его дѣйствій во время кароагенскаго посольства и о его смерти. Говорятъ, что еще въ Кароагенѣ онъ долженъ былъ дать клятву, что вернется въ неволю, если переговоры не увѣнчаются успѣхомъ. Но вмѣсто того, чтобы склонять римскій сенатъ къ миру или по крайней мѣрѣ къ размѣнѣ плѣнныхъ, Регулъ, какъ истый римлянинъ, побуждалъ своихъ соотечественниковъ отвергнуть всѣ предложенія кароагенянъ и продолжать

войну, говоря, что силы кароагенянъ должны истощиться раньше римскихъ и что между плѣнными кароагенянами находятся личности, которые по своимъ способностямъ и вліянію могутъ оказать важныя услуги своему отечеству. Сенатъ послѣдовалъ совѣту Регула и никакія просьбы жены, дѣтей и друзей послѣдняго не могли заставить его нарушить клятву и остаться въ Римѣ. Мы не можемъ опредѣлить съ точностью справедливость этого разсказа, но достовѣрно извѣстно, что патріотизмъ и чувства чести и правды, приписываемыя Регулу, были вообще свойственны всѣмъ римлянамъ того времени и что національная гордость и любовь къ отечеству преобладали въ нихъ надъ всякими частными интересами. Кароагеняне предали Регула ужасной казни: его подвергнули сначала страшнымъ истязаніямъ, посадили потомъ въ ящикъ, усаженный внутри гвоздями, и уморили въ немъ голодомъ и мученіями. Такая ужасная казнь человѣка, своимъ патріотизмомъ разрушившаго всѣ надежды кароагенямъ на миръ и желанный размѣнъ знатныхъ кароагенскихъ плѣнныхъ, довольно правдоподобна, потому что отъ африканскихъ государствъ, а тѣмъ болѣе отъ такого народа, какъ кароагеняне, можно было ожидать и не такой жестокости.

Война продолжалась послѣ того девять лѣтъ, съ еще большимъ напряженіемъ силъ и настойчивостью съ обѣихъ сторонъ, и была особенно гибельна для приморскихъ греческихъ и латинскихъ городовъ и морскихъ колоній римлянъ (т. III стр. 269.). На послѣднихъ лежала обязанность поставлять матросовъ въ римскіе флоты, погибавшіе одинъ за другимъ и всегда замѣняемые новыми. Число римскихъ кораблей, погибшихъ послѣ неудачнаго предпріятія Регула, простиралось болѣе чѣмъ до семисотъ. Вспомнивъ какія многочисленныя войска были выставляемы въ эту войну обѣими сторонами, какихъ громадныхъ средствъ требовало вооруженіе флотовъ и содержаніе войскъ, и какое множество воиновъ погибло въ эту войну, мы должны столько же удивляться населенію и богатству Италіи, какъ и могуществу Кароагена. Впрочемъ, собы-

тія послѣднихъ десяти лѣтъ войны ясно показываютъ, что силы обоихъ государствъ начинали уже истощаться. Въ продолженіе этого времени обѣ стороны ограничивались войною въ Сициліи, гдѣ вслѣдствіе битвы при Панормѣ Карѳагенъ лишился всѣхъ своихъ владѣній, кромѣ двухъ укрѣпленныхъ городовъ Лилибея и Дрепанума, около которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сосредоточивались всѣ военныя дѣйствія. Тщетно осаждали ихъ римляне; они потеряли при этомъ много людей и потерпѣли (249 г. до р. X.) при Дрепанумѣ сильное пораженіе. Консулъ Публій Клавдій Пульхеръ рѣшился напасть на карѳагенскій флотъ въ самой гавани. Напрасно всѣ его подчиненные предостерегали его отъ опаснаго предпріятія, ссылаясь на предвѣщанія, которыя по народнымъ повѣрьямъ ясно показывали, что боги не благопріятствовали его намѣреніямъ. Ничто не могло остановить Пульхера. Передъ началомъ битвы римляне рѣшились вопросить волю боговъ посредствомъ священныхъ куръ, по большой или меньшей прожорливости которыхъ жрецы заключали о счастливомъ или несчастномъ исходѣ дѣла. Куры даже не прикаснулись къ зернамъ, но и на это консулъ не обратилъ никакого вниманія и велѣлъ бросить куръ въ море, сказавъ: „не хотятъ ѣсть, такъ пусть пьютъ“. Онъ жестоко поплатился за свое упрямство и, разбитый на голову, потерялъ по крайней мѣрѣ 93 корабля и 20 тысячъ человѣкъ. Тотчасъ послѣ этого пораженія вооруженъ былъ новый флотъ посланный въ Сицилію подъ начальствомъ товарища Клавдія Луція Юнія Пулла; флотъ этотъ, за исключеніемъ 2 кораблей, потерпѣлъ совершенное крушеніе, римлянамъ пришлось отложить на время морскую войну и уступить карѳагенянамъ первенство на морѣ.

Въ годъ, слѣдовавшій за консульствомъ Клавдія Пульхера и Юнія Пулла, главное начальство надъ карѳагенскими войсками было ввѣрено человѣку, которому даже самые враги его оказывали величайшее уваженіе. Гамилькаръ Барка, отецъ великаго Ганнибала и послѣ него величайшій карѳагенскій полково-

децъ, ведя войну въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, опустошилъ весь берегъ Италіи отъ самой южной ея оконечности до города Кумъ въ Кампаніи и дѣйствовалъ въ Сициліи съ такимъ искуствомъ, которому не могли противостоять ни храбрость, ни тактика римскихъ войскъ. Рѣшительныхъ сраженій не было, но силы обоихъ государствъ истощились до такой степени, что оба они уже не могли продолжать войны. Римъ очевидно былъ въ опасности обезсилѣть раньше своего противника и потому рѣшился на послѣднее чрезвычайное усиліе: снова вступить съ кареагенянами въ борьбу на морѣ и тѣмъ принудить ихъ къ окончанію войны. Но римская казна была истощена, а итальянскіе приморскіе города были до того разорены продолжительною войною и грабежами кареагенянъ, что уже нельзя было ожидать отъ нихъ снаряженія и вооруженія новаго флота. Сенатъ прибѣгнулъ къ патріотизму римскихъ гражданъ, и римская аристократія, проникнутая любовью къ отечеству, пожертвовала сумму на сооруженіе новаго флота, подъ условіемъ, что она будетъ возвращена ей только въ такомъ случаѣ, если побѣда останется за Римомъ. Государство пріобрѣло такимъ образомъ новый флотъ изъ 200 большихъ военныхъ кораблей (242 г. до р. X.). Кареагеняне, не ожидавшіе отъ римлянъ такого усилія, снарядили поспѣшно свой флотъ и отправили его подъ начальствомъ Ганнона въ Сицилію, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ кораблями и войскомъ Гамилькара и уже подъ главнымъ начальствомъ послѣдняго дѣйствовать противъ непріятеля. Но соединенію кареагенянъ помѣшалъ начальникъ римскаго флота консулъ Кай Лутацій Катулъ. Онъ поплылъ на встрѣчу Ганнону и, встрѣтясь съ нимъ при Эгатскихъ островахъ, лежащихъ у западной оконечности Сициліи, принудилъ непріятеля вступить въ битву. Римляне одержали рѣшительную побѣду: до пятидесяти кареагенскихъ кораблей было потоплено и около 70 съ 10 тысячнымъ экипажемъ захвачено въ плѣнъ. Ганнонъ за свое пораженіе былъ распятъ.

Кареагеняне все еще не падали духомъ, хотя силы ихъ были

совершенно истощены, а подвозъ провіанта войскамъ, находившимся въ Сициліи, легко могъ быть отрѣзанъ непріятельскимъ флотомъ. Приходилось просить мира или, собравъ послѣднія силы, еще разъ попытать счастія. Рѣшеніе этого вопроса кареагеняне предоставили человѣку, который до тѣхъ поръ велъ войну также энергично какъ искусно; они уполномочили его, по собственному усмотрѣнію, продолжать или окончить войну. Сознавая очень хорошо, что Лутацій Катулъ, послѣ такой блестящей побѣды, захочетъ воспользоваться славою окончанія войны и будетъ осмотрительнѣе Регула, Гамилькаръ Барка рѣшился просить мира. Онъ вступилъ въ переговоры съ римскимъ военачальникомъ и добился отъ него такихъ выгодныхъ условій, что римляне сначала даже отказывались утвердить ихъ. По условіямъ этого мира, заключеннаго въ 241 г. до р. Х., кареагеняне должны были уступить римлянамъ всѣ свои владѣнія въ Сициліи, возвратить всѣхъ плѣнныхъ и заплатить контрибуцію. Миръ этотъ, расширившій римскія владѣнія за предѣлы Италіи,—что повлекло за собою важныя перемѣны во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Рима,—оканчиваетъ собою чисто итальянскій періодъ римской исторіи.

2. Время между первою и второю пуническими войнами.

Уступивъ свои сицилійскія владѣнія, кареагеняне очутились въ весьма затруднительномъ положеніи, потому что римляне, одержавъ перевѣсъ надъ Гіерономъ и подчинивъ своему господству весь островъ, каждую минуту могли высадить въ Африку многочисленное войско. Воспрепятствовать внезапной высадкѣ римлянъ въ Африку, уже два раза причинявшей кареагенянамъ большія потери, было бы трудно, даже если бы послѣдніе удержали господство на морѣ. Разстояніе между обѣими странами такъ незначительно, что въ ясную погоду изъ Сициліи можно не вооруженнымъ глазомъ видѣть африканскій берегъ. Потеря Сициліи нанесла также

очень чувствительный ударъ и торговлѣ карѳагенянъ; очевидно, что взаимныя отношенія обоихъ народовъ не могли быть прочными и неминуемо должны были привести къ новой войнѣ, даже если бы политика римлянъ и не была завоевательною. До сихъ поръ Карѳагенъ, какъ торговое государство, начиналъ только войны, которыя были совершенно неизбѣжны или же могли способствовать развитію его торговли; потеря Сициліи заставила его искать новыхъ рынковъ для своей торговли. Карѳагеняне думали найти ихъ въ Испаніи и вслѣдствіе того были вовлечены въ новую войну съ Римомъ. Еще до начала этой войны, въ Карѳагенѣ вспыхнули внутреннія междоусобія, которыми воспользовались римляне, чтобы среди мира сдѣлать завоеванія въ ущербъ своему новому союзнику.

Карѳагенскія войска состояли почти исключительно изъ наемниковъ, принадлежавшихъ къ самымъ различнымъ народностямъ, а это всегда грозило государству двойною опасностью. Съ одной стороны на эти разнохарактерныя толпы, набранныя по большей части изъ полудикихъ иноземцевъ, нельзя было полагаться въ войнѣ съ римлянами, а съ другой всякое уменьшеніе или не поступленіе въ срокъ государственныхъ доходовъ могло повлечь за собою возстаніе войскъ, что и случилось тотчасъ по окончаніи первой пунической войны. Карѳагенскіе наемники, переведенные, по уступки Сициліи, въ Африку, потребовали, кромѣ невыплаченнаго жалованья, еще особенныхъ наградъ, обѣщанныхъ имъ въ минуту опасности Гамилькаромъ Баркою. Получивъ отказъ на свои чрезмѣрныя требованія, вся масса наемниковъ, въ числѣ болѣе 20 тысячъ человѣкъ, взбунтовалась. Напрасно сенатъ, стараясь подавить возстаніе, послалъ для переговоровъ съ ними Гискона, болѣе другихъ карѳагенскихъ полководцевъ пользовавшагося ихъ уваженіемъ. Двое честолюбцевъ, кампанецъ Спендій и африканецъ Матосъ, съумѣли помѣшать принятію всѣхъ миролюбивыхъ предложеній карѳагенянъ, и были избраны возмутившимися наемниками въ предводители.

Война, возгорѣвшаяся внутри карѳагенскаго государства, продолжалась четыре года (въ 241 по 237 г. до р. X.) и была тѣмъ опаснѣе для Карѳагена, что къ наемникамъ присоединилось еще нѣсколько покоренныхъ карѳагенянами племенъ. Наемники дѣйствовали сначала съ большимъ успѣхомъ; завистливый карѳагенскій сенатъ не рѣшался послать противъ нихъ единственнаго способнаго полководца, Гамилькара Барку, и поручилъ ему начальство надъ войскомъ только тогда, когда положеніе стало отчаяннымъ. Выступивъ противъ наемниковъ, Гамилькаръ одержалъ надъ ними побѣду, но вскорѣ затѣмъ былъ запертъ ими въ своемъ собственномъ лагерѣ и поставленъ въ такое опасное положеніе, что едва ли бы избѣжалъ гибели, если бы на его сторону не перешелъ съ 2 тысячами человѣкъ одинъ знатный нумидіецъ, служившій прежде подъ его начальствомъ и обѣщавшій ему даже руку своей дочери. Наемники опять были разбиты на голову, и Гамилькаръ очень искусно далъ войнѣ другое направленіе, обѣщавъ и даровавъ полное прощеніе всѣмъ, которые тотчасъ положатъ оружіе.

Война съ наемниками грозила также нарушеніемъ мира съ римлянами, потому что карѳагеняне блокировали берега Африки и захватывали всѣ корабли, шедшіе туда изъ Италіи. Римляне воспротивились этому и карѳагеняне должны были уступить. Римскій сенатъ высказалъ однако столько благоразумія, что не показалъ опаснаго примѣра подачею помощи возмутившимся наемникамъ; напротивъ того, онъ даже высказалъ въ этомъ дѣлѣ карѳагенянамъ свое дружественное расположеніе, воспретивъ всѣмъ римскимъ гражданамъ доставлять наемникамъ какіе бы то ни было припасы. Вслѣдъ затѣмъ карѳагеняне снова стали въ очень натянутыя отношенія къ Риму, который, какъ всегда, не пожертвовалъ собственными интересами несвоевременному великодушію. Во время войны съ карѳагенскими наемниками вспыхнуло также возстаніе наемныхъ войскъ въ Сардиніи; карѳагенскій сенатъ, занятый опаснымъ бунтомъ дома, долженъ былъ предоставить островъ его собственной судьбѣ, тѣмъ болѣе, что въ тоже время между Гамилькаромъ Баркою и однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ

второстепенныхъ полководцевъ возникло несогласіе, грозившее еще большею опасностью, чѣмъ самая война съ наемниками. Наемники въ Сардиніи, не будучи въ состояніи справиться съ жителями острова, обратились съ просьбою о помощи къ римлянамъ, но послѣдніе, увѣренные что Кароагенъ падетъ въ африканской войнѣ съ наемниками, надѣялись, не подвергаясь упреку въ несправедливости, овладѣть вскорѣ Сардиніею и потому не исполнили этой просьбы. Впрочемъ кароагенскому сенату вскорѣ удалось примирить обоихъ полководцевъ, и они употребили всѣ свои усилія для скорѣйшаго окончанія возстанія. Тогда римляне, подъ предлогомъ что островъ уже покинутъ кароагенянами, рѣшились овладѣть Сардиніею прежде, чѣмъ Кароагенъ успѣетъ покончить африканскую войну, и не только не испугались приготовленій кароагенянъ къ отправкѣ туда войска, но даже прямо объявили эти мѣры явнымъ нарушеніемъ мира. Они принудили кароагенскій сенатъ, занятый еще африканскою войною, уступить имъ островъ и дать обязательство выплатить значительную сумму денегъ (238 до р. X.). Война съ наемниками продолжалась еще нѣсколько времени съ такимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, что греческій историкъ Полибій называетъ ее самою жестокою изъ всѣхъ извѣстныхъ ему войнъ. Однажды Матосъ и Спендій изувѣчили и зарыли живыми въ землю всѣхъ своихъ плѣнныхъ, числомъ до 700. Вслѣдствіе того Гамилькаръ также приказалъ умерщвлять плѣнныхъ и, какъ говорятъ, вскорѣ послѣ того велѣлъ предать смерти болѣе 40 тысячъ человѣкъ, захваченныхъ имъ въ плѣнъ. Эта кровопролитная война длилась еще нѣсколько времени и прекратилась только тогда, когда большинство наемниковъ было истреблено или подчинено.

Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ десятилѣтій по заключеніи новаго договора между Римомъ и Кароагеномъ оба государства старались о пріобрѣтеніи себѣ новыхъ владѣній въ другихъ странахъ: Римъ въ Верхней Италіи и Илліріи, Кароагенъ въ Испаніи. Римляне овладѣли въ 237 г. до р. X. островомъ Кор-

сикою, и тогда же начали иллирійскую войну, которая привела ихъ въ первый разъ въ соприкосновеніе съ собственной Греціей и доставила имъ вліяніе по ту сторону Адріатическаго моря. Иллирійцы, жившіе на восточномъ берегу этого моря (т. I, стр. 159), вскорѣ по смерти Александра Великаго достигли, благодаря постояннымъ ссорамъ греческихъ государствъ и конфедераціи и слабости эпирскаго царства, значительнаго могущества, и при царѣ Агронѣ значительно расширили предѣлы своихъ владѣній. Это былъ народъ грубый, жившій разбоями, къ которымъ пріучили его счастливые походы Агрона. Иллирійцы тѣмъ сильнѣе пристрастились къ такому роду жизни, что по смерти Агрона страною управляла жена его Тевта, какъ опекунша своего сына, слѣдовавшая не требованіямъ политики, а только своимъ минутнымъ побужденіямъ и желаніямъ. Въ ея правленіе разбои иллирійцевъ грозили опасностью каждому кораблю и всему прибрежью Адріатическаго моря. Жители Эпира и Акарнаніи, не уступавшіе иллирійцамъ въ наклонности къ разбою, съ радостью соединились съ послѣдними, и приморскіе города восточнаго берега Италіи терпѣли страшныя потери отъ этихъ пиратовъ. Римляне отправили къ Тевтѣ пословъ, но переговоры окончились ссорою между высокомѣрною царицею и однимъ изъ римскихъ уполномоченныхъ; раздраженная этимъ Тевта приказала убить посла на возвратномъ пути. Такое нарушеніе международнаго права было поводомъ къ войнѣ римлянъ съ иллирійцами (229 г. до р. Х.). Тевта имѣла въ последнее время удачу въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ, предпринятыхъ ею по совѣту грековъ, поселившихся на далматскомъ островѣ Фаросѣ, но съ появленіемъ римскаго флота, она была покинута всѣми своими союзниками. Одинъ изъ этихъ грековъ, ея главный совѣтникъ и намѣстникъ одной изъ провинцій, Димитрій Фаросскій, извѣстный своею предпріимчивостью и отсутствіемъ убѣжденій, сдѣлался предателемъ. Важнѣйшія гавани Иллиріи сдались римлянамъ, и Тевта на второй же годъ войны должна была просить мира. Онъ былъ заключенъ на очень тяжкихъ для

нея условіяхъ. Тевта обязалась платить римлянамъ ежегодно дань, отказалась отъ плаванія на военныхъ судахъ далѣе опредѣленнаго пункта, уступила островъ Корциру (Керкиру), который былъ объявленъ находящимся подъ римскимъ покровительствомъ, и лишилась значительной части своихъ владѣній, доставшейся Димитрію въ награду за его измѣну. Еще важнѣе для римлянъ было уваженіе, пріобрѣтенное ими въ глазахъ грековъ побѣдою надъ иллирійской царицей. Она поставила Корциру и нѣкоторые другіе города иллирійскихъ береговъ въ такое же зависимое отношеніе къ римлянамъ, въ какомъ прежде находился къ нимъ Гіеронъ Сиракузскій. Этолійцы, ахейцы и другіе греки, которымъ, благодаря побѣдамъ римлянъ, уже нечего было опасаться разбоевъ иллирійцевъ, выразили римлянамъ свою признательность самою глупою лестью, и такимъ образомъ обнаружили побѣдителямъ свою собственную слабость. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда римляне заняты были другою войною, иллирійцы снова принялись за свой прибыльный промыселъ. Преимущественно занимался имъ Димитрій, заключившій въ то же время тѣсный союзъ съ царемъ македонскимъ Антигономъ Досономъ и тѣмъ самымъ сдѣлавшійся вдвое опаснѣе римлянамъ, которымъ грозила въ то время новая война съ Карѳагеномъ. Въ 219 г. до р. Х. они послали въ Иллирію войско, подъ начальствомъ консула Луція Эмилія Павла, которому и удалось прогнать непріятелей. Потерявъ свое царство, Димитрій отправился въ Македонію, гдѣ онъ, какъ увидимъ ниже, пользовался гибельнымъ вліяніемъ на преемника Антигона Досона, Филиппа III.

Тотчасъ по окончаніи первой иллирійской войны, римляне покорили Верхнюю Италію или Цизальпинскую Галлію, которая, какъ населенная галлами, не причислялась къ Италіи. Римляне поступили съ завоеванною страною точно также какъ съ Сициліею и Сардиніею, т. е. какъ со своею провинціею. Страна эта, въ которой когда-то процвѣтала этруская образованность, была заселена тогда множествомъ грубыхъ народовъ, большею частью

кельтическаго или галльскаго племени, очень слабо соединенныхъ между собою, занимавшихся почти исключительно скотоводствомъ и время отъ времени дѣлавшихъ разбойничьи набѣги на сосѣднія, болѣе цивилизованныя страны. Народы эти конечно не могли отважиться на борьбу съ хорошо устроеннымъ военнымъ государствомъ, какимъ былъ Римъ, и, помня опыты прежнихъ войнъ съ римлянами, сорокъ пять лѣтъ оставались въ покоѣ. Поводъ къ новой войнѣ былъ данъ однимъ изъ римскихъ демагоговъ. Кай Фламиній Непотъ, опиравшійся въ продолженіе всей своей политической дѣятельности на народъ, рѣшился въ 232 г., будучи народнымъ трибуномъ, обезпеченіемъ участи массы бѣдныхъ гражданъ, расположить ихъ въ свою пользу, и съ этою цѣлью провелъ законъ о раздѣлѣ между римскими колонистами земель, отнятыхъ нѣкогда у сеноновъ (т. III стр. 279). Эти земли, объявленныя по завоеваніи ихъ государственною собственностью, были съ того времени отдаваемы въ аренду сосѣднимъ галламъ подъ выгонъ скота. Вслѣдствіе закона Фламинія галлы лишились этой полосы земли, а по близости ихъ границъ поселилось такъ много римскихъ гражданъ, что они не безъ основанія стали опасаться за свою независимость. Галлы приготовились къ войнѣ и, черезъ шесть лѣтъ по раздѣленіи сенонской земли, рѣшились напасть на римлянъ въ ихъ собственной территоріи. Для этого похода соединились не только всѣ цизальпинскіе народы, но и гезаты, одинъ изъ народовъ Трансальпинской Галліи. Только два народа Верхней Италіи приняли, благодаря искусству римскихъ агентовъ, сторону римлянъ и воспрепятствовали переходу своихъ соплеменниковъ чрезъ Апеннины. Вѣсть о приближеніи галловъ произвела въ Римѣ всеобщій ужасъ, потому что съ одной стороны въ памяти народа была еще жива битва при Алліи и ея послѣдствія (т. III стр. 229), а съ другой война съ грубыми народами обѣщала римлянамъ гораздо болѣе потерь, чѣмъ выгодъ. Сенатъ рѣшился собрать всѣ силы государства и, чтобы привести въ ясность число вооруженныхъ людей, которое, въ случаѣ опасности, могло бы быть

выставлено противъ галловъ, приказалъ произвести перепись годному къ войнѣ населенію всей покоренной Италіи. Перепись эта сохранилась до нашего времени и даетъ вѣрное мѣрило для опредѣленія тогдашняго населенія Италіи. Изъ нея мы съ удивленіемъ видимъ, что, не смотря на завоевательныя войны римлянъ въ Средней Италіи, опустошительную войну съ Пирромъ и первую пуническую, стоившую еще такъ недавно римлянамъ двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, Нижняя и Средняя Италія могли выставить до 700,000 человѣкъ пѣхоты и 70,000 конницы. Впрочемъ, изъ всѣхъ этихъ громадныхъ силъ противъ галловъ была выставлена только одна пятая часть.

Первое римское войско, встрѣтившееся съ галлами, было разбито на голову, но вскорѣ непріятель былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Окруживъ со всѣхъ сторонъ главныя силы галловъ въ одной болотистой мѣстности Этруріи, римляне принудили ихъ къ рѣшительному бою. Въ этой битвѣ галлы сдѣлали все, чего можно было ожидать отъ самыхъ опытныхъ войскъ и полководцевъ, но приспособленные только къ ударамъ и худо закаленные мечи ихъ не могли устоять противъ римскихъ, которыми легко можно было и рубить и колоть, а узкіе и не прочные щиты плохо защищали галловъ отъ метательныхъ копій римлянъ. Къ тому же лучшая часть союзнаго войска галловъ, гезаты не могли быть введены въ дѣло, потому что съ заносчивостью настоящихъ дикарей они сбросили съ себя одежду, чтобы сражаться нагими, слишкомъ поздно догадавшись, что подобныя выходки могли быть умѣстны въ войнѣ только съ такими полудикарями, какъ ихъ соплеменники, а не съ римскими войсками. Галлы потерпѣли полное пораженіе, потерявъ до 40,000 человѣкъ убитыми (225 до р. Х.). Послѣдствіемъ этого пораженія было то, что нѣкоторые изъ галловъ тотчасъ же покорились римлянамъ; остальные были подчинены въ слѣдующіе за тѣмъ года, Каемъ Фламиніемъ Непотомъ, назначеннымъ консуломъ, и однимъ изъ превосходнѣйшихъ римскихъ полководцевъ, Мар-

комъ Клавдіемъ Марцелломъ. Въ 222 году до р. Х., Марцеллъ, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ, консуломъ Каемъ Корнеліемъ Сципіономъ, взялъ основанный галлами и сильно укрѣпленный ими городъ Медіоланъ (нынѣшній Миланъ) и довершилъ этимъ покореніе Верхней Италіи. Римляне поступили съ завоеванною землею по своему всегдашнему обыкновенію, т. е. обратили ее въ римскую провинцію и, чтобы держать въ повиновеніи жителей, поселили въ ней своихъ колонистовъ. Такимъ образомъ были основаны колоніи Мутина (нынѣшняя Модена), Кремона и Плаценція (нынѣшняя Піяченца).

Въ то время какъ римляне покоряли Верхнюю Италію и становились твердой ногой въ Иллиріи, кареагеняне также пріобрѣли поддержку своему могуществу новыми завоеваніями. Послѣднія оказались вскорѣ для кареагенянъ гораздо полезнѣе, чѣмъ для римлянъ ихъ ненадежныя пріобрѣтенія. Мысль вознаградить завоеваніемъ отдаленныхъ странъ потерю близкой къ Африкѣ Сициліи принадлежала проницательному Гамилькару Баркѣ, который предвидѣлъ неизбѣжность второй войны съ Римомъ. Онъ хотѣлъ отыскать для кареагенянъ новыя средства къ веденію войны и предупредить непріятелей нападеніемъ на нихъ съ той стороны, съ которой они всего менѣе могли ожидать появленія враговъ. Для этой цѣли Гамилькаръ избралъ Испанію или нынѣшнюю Испанію и Португалію. Полуостровъ этотъ, называвшійся въ древности Иберіею, былъ сначала населенъ двумя различными племенами: кельтами и иберами. Кельты были покорены иберами и, за исключеніемъ немногихъ чистыхъ племенъ, слились съ ними въ одинъ народъ. Иберійскіе народы по мнѣнію новѣйшихъ ученыхъ не принадлежали, подобно кельтамъ, къ индо-германской группѣ, а составляли особую группу кавказскаго племени. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: лузитанцы, занимавшіе большую часть сѣверной Португаліи и распространившіеся къ востоку до Испаніи, кантабры на сѣверномъ берегу Испаніи, въ Бискаіи и сѣверной части Бургоса, вас-

коны въ Наваррѣ и кельтиберы, обитавшіе во внутренности Испаніи и вѣроятно происшедшіе отъ смѣшенія кельтовъ съ иберами. Иберы смѣшались съ различными народами, переселившимися впослѣдствіи въ Испанію и Португалію, и такимъ образомъ совершенно исчезли. Единственный чистый остатокъ ихъ — баски, живущіе въ Бискаіи и Наваррѣ. Число ихъ не превышаетъ 500,000. Догадки о происхожденіи басковъ отъ иберовъ основываются на томъ, что иберійскія названія городовъ и мѣстъ, встрѣчающіяся въ письменныхъ памятникахъ древности, объясняются только языкомъ басковъ, который въ свою очередь рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ языковъ и не имѣетъ съ ними ничего общаго.

Иберійскіе народы въ первый разъ получаютъ значеніе въ исторіи со времени Гамилькара Барки и войнъ карѳагенянъ въ Испаніи, потому что покореніе ихъ послужило поводомъ ко второй пунической войнѣ а страна ихъ сдѣлалась главнымъ театромъ всѣхъ военныхъ дѣйствій. Карѳагеняне и прежде имѣли обширныя владѣнія въ Иберіи; еще до первой пунической войны они покорили почти всю нынѣшнюю Андалузію, но вслѣдствіе войны съ римлянами должны были вывести оттуда всѣ свои войска и предоставить страну самой себѣ. По окончаніи войны съ наемниками карѳагенскій сенатъ, подстрекаемый Гамилькаромъ Баркою, снова обратилъ свое вниманіе на Испанію. Потеря Сициліи требовала вознагражденія: нужно было набирать вновь войска, содержать флотъ и распространять торговлю. Карѳагенъ не могъ избѣжать новой войны съ Римомъ, слѣдовательно предусмотрительность Гамилькара и его вліяніе, давшее ему возможность, съ согласія сената, привести въ исполненіе свой планъ, были спасеніемъ для карѳагенянъ. Въ 237 г. до р. Х. Гамилькаръ Барка былъ посланъ съ войскомъ въ Испанію и въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ дѣйствовалъ тамъ съ особеннымъ счастіемъ. Проникнувъ во внутрь страны, онъ покорилъ большую часть иберійскихъ народовъ, но въ особенности старался утвердить господство карѳагенянъ

въ Андалузіи, которая могла доставить средства для снаряженія кораблей и войска, и въ Эстремадурѣ, гдѣ находились богатѣйшіе серебряные рудники. Вскорѣ онъ увидѣлъ однако, что по мѣрѣ своего углубленія во внутрь Испаніи, предпріятіе становилось труднѣе, потому что способъ веденія войны только затруднялъ завоеваніе страны. Экспедиціи его походили скорѣе на разбойничьи набѣги, чѣмъ на правильныя военныя дѣйствія; не имѣя никакихъ средствъ, Гамилькаръ долженъ былъ поддерживать войну войною, такъ какъ предпріятіе его должно было, не стоя ничего карѳагенянамъ, доставить имъ еще средства для другой войны. Грабежи и опустошенія, производимые карѳагенянами, довели туземцевъ до отчаянія, и Гамилькаръ долженъ былъ заплатить жизнью за свою жестокость; его постигла въ Испаніи та же участь, которая нѣсколько вѣковъ спустя была приготовлена германцами римскому полководцу Вару. Нѣкоторыя племена соединились противъ Гамилькара и избрали своимъ предводителемъ искуснаго вождя Орисона, употребившаго противъ карѳагенянъ ту же хитрость, къ которой впослѣдствіи прибѣгнулъ Германъ въ Германіи. Обманувъ карѳагенскаго полководца и воспользовавшись его довѣріемъ, онъ погубилъ Гамилькара съ большею частью его войска (228 г. до р. Х.). Но иберы не съумѣли извлечь, подобно германцамъ, выгоды изъ своей побѣды.

Карѳагенское войско выбрало на мѣсто Гамилькара зятя его Гасдрубала и сенатъ утвердилъ это избраніе; нѣкоторые историки увѣряютъ, что сенатъ согласился на это только по принужденію народа, преданнаго фамиліи Барки. Но и изъ прежнихъ войнъ карѳагенянъ видно, что начальство надъ войскомъ и вліяніе на народъ были наслѣдственными въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ; кромѣ того фактъ этотъ объясняется и самымъ устройствомъ карѳагенскихъ войскъ. Почти всѣ они состояли изъ наемниковъ и содержались обыкновенною добычею или получали лучшее содержаніе, смотря по искусству и счастью своихъ начальниковъ; такимъ образомъ войска принадлежали скорѣе отдѣльнымъ полководцамъ,

чѣмъ государству, и начальство надъ ними, даже при отсутствіи партій внутри государства, могло легко оставаться наслѣдственнымъ въ одной и той же фамиліи. Получивъ подкрѣпленіе изъ Карѳагена, Гасдрубалъ одержалъ побѣду надъ Орисономъ, распространилъ господство своего отечества до рѣки Эбро и своимъ умомъ, кротостью и гуманностью успѣлъ на долго утвердить его за карѳагенянами. Его образъ дѣйствій и бракъ съ дочерью одного изъ иберійскихъ владѣтелей пріобрѣли ему такое расположеніе туземцевъ, что они даже провозгласили его царемъ. Изъ всѣхъ дѣйствій Гасдрубала ясно видно, что онъ хотѣлъ основатъ въ Испаніи для себя и своего рода особое государство, хотя изъ патріотизма и благоразумія онъ пользовался своимъ вліяніемъ и богатствомъ только для блага своего отечества. Чтобы довершить мало по малу покореніе всей Испаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ установить болѣе удобныя сношенія съ Африкою, онъ заложилъ большую приморскую крѣпость съ хорошею гаванью. Съ этою цѣлью онъ основалъ, въ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей Европы, городъ Новый Карѳагенъ, нынѣшнюю Картахену, сдѣлавшійся крѣпостью, торговымъ портомъ, арсеналомъ, главною военною квартирою и складомъ всѣхъ военныхъ запасовъ карѳагенянъ. Въ короткое время городъ этотъ до того возвысился, что могъ соперничать съ самимъ Карѳагеномъ и заставилъ трепетать за свою свободу и торговлю поселившихся на испанскихъ берегахъ греческихъ поселенцевъ, въ особенности жителей Сагунта. Послѣдніе обратились къ римлянамъ, заключили съ ними союзъ и съ помощью ихъ вынудили карѳагенянъ дать обѣщаніе не переводить войскъ за рѣку Эбро и отказаться отъ всякихъ покушеній на независимость греческихъ колоній въ Испаніи.

Когда Гасдрубалъ былъ убитъ на охотѣ однимъ рабомъ, въ отмщеніе за смерть своего господина (221), войско показало новый примѣръ своеволія, избравъ своимъ предводителемъ сына Гамилькара Барки, Ганнибала, еще при шуринѣ своемъ Гасдру-

балѣ занимавшаго въ войскѣ второе послѣ него мѣсто. Сенатъ опять согласился утвердить выборъ солдатъ. Ставъ во главѣ войска, Ганнибалъ, которому тогда едва исполнилось двадцать шесть лѣтъ, тотчасъ выказалъ свои огромныя военныя способности, и вскорѣ привелъ въ исполненіе все то, чего не успѣли окончить его отецъ и шуринъ. Въ полтора года онъ покорилъ всю Испанію до рѣки Эбро, исключая лузитанской земли и города Сагунта (нынѣшняго Мурвіедро), и направилъ всѣ пріобрѣтенныя обоими его предшественниками силы противъ Рима. Между тѣмъ положеніе дѣлъ было чрезвычайно невыгодно для карѳагенянъ. Не задолго передъ тѣмъ римляне покорили Верхнюю Италію и только что послали флотъ для вторичнаго усмиренія Иллиріи. Еслибъ миръ продлился еще нѣсколько лѣтъ, господство римлянъ на иллирійскихъ берегахъ и Адріатическомъ морѣ утвердилось бы окончательно, и они могли бы, обративъ всѣ свои силы на Испанію, вытѣснить карѳагенянъ изъ этой страны въ Африку, точно также, какъ прежде вытѣснили ихъ изъ Сициліи. Но Ганнибалъ не хотѣлъ дожидаться этой минуты: чтобы предупредить римлянъ, онъ поспѣшилъ овладѣть богатымъ и могущественнымъ Сагунтомъ, напасть на нихъ въ Италіи и, уничтоживъ ихъ могущество, спасти владычество Карѳагена. Мы бы впали въ большую ошибку при оцѣнкѣ тогдашнихъ событій, если бы повѣрили мнимой ненависти къ римлянамъ всего дома Барки и извѣстному анекдоту о Гамилькарѣ, который, будто бы отправляясь въ Испанію вмѣстѣ съ своимъ девятилѣтнимъ сыномъ Ганнибаломъ, заставилъ его поклясться предъ жертвенникомъ боговъ въ вѣчной ненависти къ римлянамъ. Дѣятельность Гамилькара въ Испаніи и Ганнибала въ Италіи не проистекла изъ одной страсти, а была дѣломъ дальновидной политики.

Городъ Сагунтъ, какъ и всѣ колоніи, основываемыя въ странѣ, населенной грубыми и воинственными народами, находился въ постоянной враждѣ съ своими сосѣдями. На этомъ-то обстоятельствѣ Ганнибалъ и основалъ планъ дѣйствій противъ

Сагунта и римлянъ. Возбудивъ ссору между жителями Сагунта и однимъ изъ союзныхъ Карѳагену испанскихъ народовъ, онъ посовѣтовалъ послѣднему пожаловаться на жителей Сагунта Карѳагену и получилъ отъ сената порученіе отправиться на помощь къ союзникамъ. Вопреки прямому смыслу только что заключеннаго передъ тѣмъ договора съ римлянами, Ганнибалъ рѣшился воспользоваться порученіемъ сената для завоеванія Сагунта. Съ перваго взгляда можетъ показаться удивительнымъ чрезвычайное могущество, которымъ пользовалась въ Карѳагенѣ фамилія Барки: три члена ея, одинъ за другимъ, достигаютъ почти царской власти, начинаютъ опасную войну въ отдаленныхъ отъ столицы странахъ и увлекаютъ самую осторожную республику къ самымъ энергическимъ и поспѣшнымъ мѣрамъ. Но мы перестанемъ удивляться, припомнивъ, что управленіе Карѳагеномъ находилось въ рукахъ аристократіи, состоявшей изъ членовъ знатныхъ древнихъ фамилій и разбогатѣвшихъ купцовъ. Изъ первыхъ особенно возвышалась фамилія Барки, остальныя были обязаны ей новымъ источникомъ обогащенія. Они видѣли, что эта фамилія лишила греческія колоніи выгодной торговли съ Испаніей, и заранѣе льстили себя надеждою, что Ганнибалъ откроетъ карѳагенскимъ кораблямъ доступъ въ Галлію и Италію, точно также какъ отецъ его открылъ имъ Испанію. Жители Сагунта обратились съ просьбою о помощи къ римлянамъ, которые отправили въ Испанію пословъ, чтобы напомнить карѳагенскому полководцу объ условіяхъ договора, заключеннаго между обоими государствами, и заставить Ганнибала снять уже начатую осаду Сагунта. Но Ганнибалъ очень искусно обманулъ римлянъ, и продержавъ нѣкоторое время въ Испаніи явившееся вслѣдъ за тѣмъ второе посольство, отослалъ его карѳагенскому сенату. Убѣжденный, что Карѳагенъ, одержавъ побѣду, не уступитъ пріобрѣтенныхъ имъ выгодъ, Ганнибалъ довелъ Сагунтъ до отчаяннаго положенія. И дѣйствительно онъ не ошибся въ разсчетѣ: сенатъ не обратилъ никакого вниманія на представленія римскихъ пословъ и Сагунтъ, ко-

торому Римъ помогалъ только однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, долженъ былъ покориться кареагенянамъ. Жители Сагунта выказали во время осады рѣдкую стойкость: такое искусство и мужество въ защитѣ и такое презрѣніе къ смерти въ минуту погибели не рѣдки только въ Испаніи, гдѣ мы встрѣчаемъ примѣры ихъ въ древности при защитѣ Нуманціи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, а въ новѣйшее время при осадѣ Сарагоссы. Въ продолженіе цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ жители Сагунта сопротивлялись кареагенскому войску, численность котораго, хотя и преувеличенная историками, простиралась до 150 тысячъ человѣкъ. Когда стѣны города пали, жители защищали развалины ихъ до тѣхъ поръ, пока не были воздвигнуты новыя. Когда же и эти не могли болѣе защитить Сагунта, то множество гражданъ бросилось, вмѣстѣ съ своими сокровищами, на огромный костеръ, разведенный посреди рыночной площади, остальные заперлись съ женами и дѣтьми въ своихъ домахъ и зажгли ихъ. Кареагеняне страшно отмстили имъ: всѣ оставшіеся въ живыхъ мужчины были изрублены, а женщины и дѣти отданы въ рабство солдатамъ (осенью 219 г. до р. X.). Ганнибалъ нашелъ въ Сагунтѣ такія сокровища, что могъ покрыть ими огромные расходы на приготовленія къ походу въ Италію. Завоеваніе Сагунта заставило римлянъ объявить кареагенянамъ войну, начавшуюся весною 218 г. до р. X. и извѣстную подъ именемъ второй пунической войны.

3. Вторая пуническая война до битвы при Каннахъ.

Въ продолженіе цѣлой зимы по завоеваніи Сагунта готовился Ганнибалъ къ походу въ Италію, и двинулся съ войскомъ изъ Новаго Кареагена прежде чѣмъ римскіе послы, отправленные въ Кареагенъ для объявленія войны, успѣли вернуться въ Римъ. Онъ разсчиталъ очень вѣрно, что римляне могутъ быть побѣждены только въ Италіи. Ихъ могущество опиралось преимущественно на итальянскіе города и земли, и какъ скоро отношенія

Рима къ его итальянскимъ подданнымъ были бы поколеблены, онъ могъ бы также мало располагать своими силами, какъ и Кареагенъ въ случаѣ появленія непріятельскаго войска въ Африкѣ и возмущенія подвластныхъ народовъ. Кромѣ того Ганнибалъ могъ надѣяться привлечь на свою сторону часть итальянцевъ, и такимъ образомъ не только ослабить силы Рима, но и обратить ихъ противъ римлянъ. Для вторженія въ Италію, Ганнибалъ долженъ былъ, вмѣсто скорѣйшаго и удобнѣйшаго морскаго пути, избрать несравненно труднѣйшій, берегомъ, черезъ Галлію, такъ какъ въ то время ни одна гавань на итальянскомъ берегу не была доступна кареагенскимъ кораблямъ. Еще зимою онъ нѣсколько разъ посылалъ начальниковъ отрядовъ и пословъ въ южную Францію и Піемонтъ, къ различнымъ галльскимъ народамъ, для переговоровъ съ ними о пропускѣ чрезъ ихъ земли кареагенянъ и развѣдыванія дорогъ и горныхъ проходовъ черезъ Альпы. При переходѣ черезъ границу Испаніи, войско Ганнибала состояло, по словамъ историковъ, изъ 50 тысячъ пѣхоты, 9 тысячъ конницы и 37 слоновъ. Другое войско, въ 15 тысячъ, Ганнибалъ оставилъ подъ начальствомъ своего брата Гасдрубала въ Испаніи, сверхъ того 11 тысячъ, подъ начальствомъ Ганнона, расположились въ Пиринейскихъ горахъ для охраненія ихъ проходовъ.

Переходъ Ганнибала изъ Новаго Кареагена чрезъ Испанію, южную Францію и Альпы въ Италію принадлежитъ къ величайшимъ и труднѣйшимъ предпріятіямъ, извѣстнымъ исторіи. Переходъ этотъ черезъ самыя негостепріимныя страны и владѣнія полудикихъ, воинственныхъ народовъ, предпринятый безъ картъ и точнаго знанія мѣстностей, по которымъ приходилось идти, былъ счастливо совершенъ въ пять мѣсяцевъ. Уже въ Испаніи войско Ганнибала было задержано нѣкоторыми племенами восточной части полуострова, въ одной части Франціи оно должно было пролагать себѣ путь оружіемъ, а въ Альпахъ ему пришлось терпѣть отъ холодовъ и снѣговъ, преодолѣвать страшныя трудности

перехода черезъ горный хребетъ, чрезъ который тогда еще не было дорогъ, и въ тоже время сражаться съ сильными горными народами, нападавшими на кароагенское войско и преслѣдовавшими его. Мы не станемъ описывать пути Ганнибала, потому что время изгладило всѣ слѣды этого похода, да и самыя свойства этихъ странъ до того измѣнились, что ученые не сходятся въ своихъ мнѣніяхъ о мѣстахъ, чрезъ которыя проходили кароагеняне. Въ послѣднее время очень многіе ученые занимались изслѣдованіями пути Ганнибала черезъ Альпы, но до сихъ поръ еще не извѣстно, переходилъ ли онъ черезъ малый Сенъ-Бернардъ, Монъ Женевръ или чрезъ какой нибудь другой проходъ французско-сардинскихъ Альпъ. Трудности, съ которыми былъ сопряженъ переходъ кароагенянъ черезъ земли враждебныхъ народовъ въ Испаніи, черезъ Пиринеи, Францію и альпійскіе снѣга и ущелья, можно лучше всего видѣть изъ того, что Ганнибалъ въ продолженіе перехода отъ Пиринеевъ къ Ронѣ потерялъ 13 тысячъ человѣкъ, а отъ Роны до итальянской подошвы Альпъ 20 тысячъ, и достигъ Италіи только съ 26 тысячами, т. е. менѣе чѣмъ съ половиною своего войска. Изъ взятыхъ въ походъ слоновъ часть погибла во Франціи и въ Альпахъ, остальные въ Верхней Италіи.

Въ Римѣ и не предполагали возможности перехода, предпринятаго Ганнибаломъ, а съ самаго начала рѣшились перенести войну въ Африку и Испанію. Одинъ изъ консуловъ, Т и т ъ С е м п р о н і й Л о н г ъ, поплылъ со сто шестидесятью военными кораблями и 26 тысячами войска въ Сицилію, чтобы оттуда произвести высадку въ Африку, другой консулъ, П у б л і й К о р н е л і й С ц и п і о н ъ, съ 24 тысячами отправился моремъ же въ Испанію, третье войско, состоявшее изъ 19 тысячъ было послано подъ предводительствомъ претора въ Верхнюю Италію, для наблюденія за только что покоренными галлами. Сципіонъ плылъ, по обыкновенію древнихъ, вдоль береговъ и уже достигъ Массиліи (Марсели) въ то самое время, какъ Ганнибалъ гото-

вился перейти Рону. Узнавъ объ этомъ, Сципіонъ тотчасъ же отправился съ своимъ войскомъ на встрѣчу непріятелю, чтобы воспрепятствовать его переправѣ, но не настигъ Ганнибала, потому что кареагенскій полководецъ, предувѣдомленный о приближеніи римскаго войска, ускорилъ свое движеніе и обогналъ римлянъ на три дня пути. Гнаться за нимъ было невозможно; пославъ часть войска, подъ предводительствомъ своего брата, Кнея Корнелія Сципіона, въ Испанію, Сципіонъ посадилъ остальное войско на суда и поспѣшилъ съ нимъ въ Верхнюю Италію, чтобы вмѣстѣ съ расположеннымъ тамъ отрядомъ напасть на кареагенянъ, какъ только они спустятся съ Альпъ. Онъ встрѣтился съ Ганнибаломъ у низовьевъ Тицина, нынѣшняго Тичино. Оба полководца съ нетерпѣніемъ ожидали боя: Сципіонъ расчитывалъ на него, чтобы удержать отъ союза съ кареагенянами галловъ, которые годъ тому назадъ черезъ пословъ просили Ганнибала о вторженіи въ ихъ землю, а Ганнибалъ желалъ вступить въ сраженіе до прибытія къ Сципіону подкрѣпленій изъ Рима, чтобы тѣмъ легче одержать побѣду. Счастіе благопріятствовало кареагенскому полководцу, онъ разбилъ римлянъ и заставилъ ихъ отступить за рѣку По. Часть галловъ тотчасъ же вступила въ союзъ съ кареагенянами.

Побѣдоносное появленіе кареагенскаго войска въ только что завоеванной землѣ итальянскихъ галловъ распространило въ Римѣ величайшій ужасъ; сенатъ немедленно воротилъ назадъ посланнаго въ Африку втораго консула. Семпроній, находившійся еще въ Сициліи, поспѣшно отправился съ своимъ войскомъ моремъ въ сѣверную Италію и, высадившись на берегъ, соединился съ своимъ товарищемъ при рѣкѣ Требіи. Сгарая желаніемъ отличиться, онъ требовалъ боя. Сраженіе произошло при той же рѣкѣ и окончилось совершеннымъ пораженіемъ обоихъ консуловъ, потерпѣвшихъ огромную потерю убитыми. Побѣда эта доставила Ганнибалу возможность стать твердою ногою въ Верхней Италіи и побудила всѣ галльскіе народы присоединиться къ нему. Римскій народъ, пораженный извѣстіемъ о побѣдѣ Ганнибала, не потерялъ однако

энергіи, а напротивъ того спѣшилъ вооружаться и готовиться къ отпору. Сенатъ сформировалъ новое войско, выслалъ корабли для охраненія береговъ Сициліи, Сардиніи и Италіи, и устроилъ военные магазины въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣверной части Средней Италіи. Ганнибалъ съ своей стороны также не оставался въ бездѣйствіи. Послѣ своей второй побѣды, онъ расположился на зимнихъ квартирахъ, рѣшившись, съ наступленіемъ весны, вторгнуться какъ можно скорѣе въ Этрурію. Къ этому особенно побуждали его отношенія къ дикимъ галльскимъ племенамъ, которыя не желали подчиниться никакому порядку, не выказывали никакого сочувствія къ войнѣ, веденной во имя совершенно чуждыхъ имъ интересовъ, а еще менѣе были склонны продовольствовать кареагенское войско на своей землѣ и на собственный счетъ. Когда они стали выражать свое неудовольствіе, Ганнибалъ принужденъ былъ удалиться, чтобы не лишить себя ихъ помощи. Поэтому, еще до конца суроваго времени года, онъ двинулся въ Этрурію, куда римляне послали уже двѣ арміи, подъ начальствомъ двухъ новыхъ консуловъ: Кнея Сервилія Гемина и Кая Фламинія Непота (217 г. до р. Х.).

Въ то время изъ Верхней Италіи вели въ Этрурію три дороги. Одна изъ нихъ была для Ганнибала слишкомъ далека, другую занималъ Сервилій, третью Фламиній, и потому Ганнибалъ выбралъ четвертый путь, черезъ одну изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстностей Италіи. Этотъ переходъ стоилъ ему большихъ потерь и самъ онъ лишился отъ воспаленія одного глаза, но за то встрѣтился сначала съ тѣмъ изъ консуловъ, побѣда надъ которымъ была легче и вдобавокъ встрѣтилъ только его одного. Это былъ консулъ Фламиній, который, будучи народнымъ трибуномъ, провелъ, въ ущербъ аристократамъ, законъ о раздѣлѣ земель сеноновъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ былъ врагомъ знатныхъ римскихъ фамилій, постоянно отличался упорною борьбою съ ними, и былъ обязанъ своимъ консульскимъ достоинствомъ только внушенному этой борьбой расположенію къ нему

простаго народа. Не имѣя дарованій главнокомандующаго, онъ не могъ бороться съ такимъ искуснымъ полководцемъ, какъ Ганнибалъ. Большая часть предводителей отрядовъ въ римскомъ войскѣ принадлежала къ знатнѣйшимъ фамиліямъ и слѣдовательно на ихъ безусловное повиновеніе волѣ главнокомандующаго нельзя было расчитывать. Кромѣ того, боясь, чтобы аристократы аусиціями и другими церемоніями, вполнѣ зависѣвшими отъ сената, не воспрепятствовали назначенію своего заклятаго врага главнокомандующимъ войскомъ, Фламиній, при принятіи консульскаго достоинства, пренебрегъ исполненіемъ обычныхъ религіозныхъ обрядовъ и этимъ возбудилъ даже въ простомъ народѣ неблагопріятные толки о себѣ и своемъ предпріятіи. Наконецъ Фламиній, человѣкъ въ высшей степени горячій и нетерпѣливый, долженъ былъ дѣйствовать противъ чрезвычайно хитраго и осторожнаго Ганнибала. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, мы поймемъ страшное пораженіе Фламинія у Тразименскаго озера (Лаго-ди-Перуджіа). Ганнибалъ совершенно окружилъ и истребилъ почти все войско своего врага. Фламиній съ большею частью войска палъ въ битвѣ, остальные римляне были взяты въ плѣнъ (217 г. до р. X.).

Одержавъ эту побѣду въ разстояніи только нѣсколькихъ переходовъ отъ Рима, Ганнибалъ все таки не рѣшился напасть на самый городъ; онъ зналъ хорошо силы римлянъ и понималъ, что даже самый счастливый исходъ нападенія не имѣлъ бы для него никакихъ выгодныхъ послѣдствій. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы направиться къ Риму, онъ поворотилъ въ Умбрію, а оттуда, черезъ земли марсовъ, марруциновъ и пелигновъ, въ Апулію, въ Нижней Италіи, чтобы, согласно своему плану, возбудить къ войнѣ противъ римлянъ покоренные ими итальянскіе народы. Римляне прибѣгли тогда къ мѣрѣ, которую употребляли только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: они избрали диктатора. Такъ какъ причиною всѣхъ несчастій римлянъ была излишняя горячность консуловъ послѣднихъ годовъ, и теперь все зависѣло отъ умѣнья воспользоваться

обстоятельствами, то римляне избрали диктаторомъ престарѣлаго опытнаго и благоразумнаго Квинта Фабія Максима, прозваннаго впослѣдствіи за свою чрезвычайную осторожность Кунктаторомъ (т. е. медлителемъ). Онъ нашелъ вѣрное средство обезсилить Ганнибала: не вступая въ открытый бой съ своимъ противникомъ, но постоянно слѣдуя за нимъ, пользуясь каждымъ его неудачнымъ шагомъ, и стараясь лишить его войско продовольствія. Квинтъ Фабій утомилъ Ганнибала переходами. Способъ веденія войны, выбранный Кунктаторомъ, поставилъ Ганнибала въ самое затруднительное положеніе. Карѳагенскій полководецъ думалъ ослабить Римъ рядомъ пораженій и отторгнуть отъ него Италію. Квинтъ Фабій помѣшалъ ему осуществить этотъ планъ. Не смотря на всѣ рѣчи и прокламаціи, въ которыхъ Ганнибалъ увѣрялъ, что явился въ Италію только для освобожденія ея отъ римскаго ига, итальянскіе народы не отпадали отъ Рима. Итакъ Ганнибалъ до новой значительной побѣды надъ римлянами не могъ ожидать пріобрѣсти себѣ союзниковъ въ Италіи; но ни самъ онъ, ни нетерпѣніе римскаго войска не могли вынудить Фабія Максима вступить въ рѣшительный бой съ карѳагенянами. Даже побѣда, одержанная въ его отсутствіе нетерпѣливымъ начальникомъ всадниковъ Мануціемъ Руфомъ и увеличившая увѣренность и нетерпѣніе народа и войска, не поколебала твердо принятаго имъ рѣшенія. Черезъ шесть мѣсяцевъ Фабій долженъ былъ сложить съ себя диктаторскую власть, которая по римскимъ законамъ не могла продолжаться болѣе полугода; но сенатъ приказалъ двумъ консуламъ, принявшимъ отъ Фабія командованіе войсками, не отступать отъ системы бывшаго диктатора. Такъ прошелъ, безъ рѣшительной битвы, почти цѣлый годъ, и римляне достигли цѣли, къ которой стремились при избраніи Фабія: Ганнибалу не удалось пріобрѣсти довѣрія итальянцевъ, онъ долженъ былъ расчитывать только на собственныя свои силы и, будучи поставленъ въ необходимость поддерживать войну грабежемъ, съ каж-

дымъ днемъ становился болѣе ненавистнымъ именно тѣмъ, которыхъ хотѣлъ привлечь на свою сторону.

На слѣдующій годъ (216 до р. Х.) консулами и начальниками войска были избраны Кай Теренцій Варронъ и Луцій Эмилій Павелъ. Павелъ по своему характеру какъ нельзя болѣе подходилъ къ настоящему положенію дѣлъ, напротивъ того выборъ въ консулы легкомысленнаго Варрона былъ важною ошибкою римлянъ. Римскія войска были чрезвычайно усилены, для того чтобы дать наконецъ при первомъ удобномъ случаѣ генеральное сраженіе; но на него можно было отважиться не иначе, какъ съ большею осмотрительностью и только при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Войско обоихъ консуловъ состояло изъ 80 тысячъ пѣхоты и 6 тысячъ всадниковъ, тогда какъ у Ганнибала было только 40 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ конницы. Вникнувъ въ тогдашнее положенія дѣлъ и здраво обсудивъ ихъ, Эмилій Павелъ не хотѣлъ легкомысленно подвергать опасности пораженія послѣднее войско, которое съ готовностью снарядила Италія, изнуренная частыми римскими наборами и продолжительными опустошеніями Ганнибала. Онъ рѣшился держаться еще нѣкоторое время системы Квинта Фабія. Но Варронъ, не желая оставаться въ бездѣйствіи во главѣ такого блестящаго войска, требовалъ боя и тѣмъ надѣлалъ своему товарищу болѣе хлопотъ, чѣмъ самъ Ганнибалъ. Хитрый карѳагенянинъ, всегда хорошо понимавшій характеръ своихъ противниковъ, съумѣлъ воспользоваться безразсудною дерзостью и неблагоразуміемъ Варрона. Такъ какъ консулы ежедневно очередовались въ главномъ начальствованіи надъ войскомъ, то Ганнибалъ и предложилъ римлянамъ бой въ тотъ день, когда главнокомандующимъ былъ Варронъ. Послѣдній принялъ вызовъ. Битва эта, происходившая въ Апуліи, при Каннахъ, въ мѣстности, очень удобной для дѣйствія карѳагенской конницы, окончилась страшнымъ пораженіемъ римлянъ. Ганнибалъ, конница котораго была гораздо лучше и многочисленнѣе римской, расположилъ свое войско съ удивительнымъ искусствомъ, прекрасно воспользовался разнохарактерностью

составлявшихъ его войско народовъ и разнообразіемъ ихъ вооруженія, и тѣмъ лишилъ римлянъ выгоды, которую могла имъ представить ихъ вдвое многочисленнѣйшая пѣхота. У римлянъ было убито болѣе 50 тысячъ, какъ въ самомъ сраженіи, такъ и тотчасъ послѣ него, множество умерло потомъ отъ ранъ и до 10 тысячъ было взято въ плѣнъ. Между убитыми находился и консулъ Эмилій Павелъ, нехотѣвшій пережить этого несчастнаго дня и павшій въ битвѣ съ непріятелемъ. Товарищъ его Варронъ избѣжалъ общей участи. Потеря Ганнибала простиралась до шести, а по другимъ источникамъ до восьми тысячъ человѣкъ.

Битва при Каннахъ сопровождалась всѣми послѣдствіями, которыхъ только можно было ожидать отъ такого страшнаго пораженія. Едва распространилась вѣсть о побѣдѣ кароагенянъ, какъ самниты и почти всѣ народы и земли южной Италіи отпали отъ римлянъ и предложили свои услуги Ганнибалу. Однако жестокій ударъ, постигшій римлянъ при Каннахъ, не сломилъ ихъ могущества. Ганнибалъ хотя и воспользовался своимъ счастіемъ, но всетаки остался чужимъ для народовъ полуострова; итальянцы не были связаны между собой никакими общественными узами, а на итальянскихъ грековъ нельзя было полагаться, и день побѣды при Каннахъ принесъ кароагенскому полководцу болѣе славы, чѣмъ выгодъ. Съ другой стороны образъ дѣйствій римлянъ, не смотря на испытанное ими несчастіе, отличался тою же твердостью и спокойствіемъ, которыя не разъ спасали ихъ въ минуты величайшей опасности. Собравъ остатки своего войска, въ числѣ 10 тысячъ, они избрали для сформированія новыхъ войскъ диктатора, призвали въ ряды всю молодежь Рима и Лаціума и, взявъ изъ храмовъ издавна висѣвшіе въ нихъ побѣдные трофеи, вооружили ими 8 тысячъ рабовъ. Чтобы успокоить и воодушевить простой народъ, римскій сенатъ рѣшился даже прибѣгнуть къ жестокимъ, давно забытымъ человѣческимъ жертвамъ, и приказалъ зарыть живыми въ землю на городской площади четырехъ плѣнныхъ. Главное же средство къ спасенію заключалось въ томъ, что римляне, послѣ

битвы при Каннахъ, не вступали съ кареагенянами въ открытый бой, но всячески старались отнять у непріятеля всѣ средства къ веденію войны, отыскивая въ тоже время въ Сициліи и Испаніи новыя силы для борьбы. Такимъ образомъ въ слѣдующіе года, война приняла совершенно другой характеръ. Театромъ военныхъ дѣйствій сдѣлались Сицилія и Испанія; въ Италіи же римляне не отваживались ни на одинъ рѣшительный шагъ, утомляя Ганнибала незначительными стычками. Они всячески старались тѣснить и безпоить его, жестоко наказывали отпадавшіе и вновь покоряемые ими города и земли, а въ тѣхъ изъ нихъ, которые еще колебались, ставили свои гарнизоны, дѣлая такимъ образомъ невозможными всѣ попытки къ возстаніямъ.

4. Испанія и Сицилія во время второй пунической войны.

Въ Верхней Италіи и Сициліи дѣла римлянъ находились въ то время не въ лучшемъ положеніи; только въ Испаніи счастіе благопріятствовало римскому оружію. Въ Верхней Италіи преторъ, посланный для покоренія Цизальпинской Галліи, погибъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ, вскорѣ послѣ битвы при Каннахъ, въ Сициліи же римляне лишились своего вѣрнаго союзника. При помощи Гіерона, самаго надежнаго союзника, какого когда либо имѣли римляне, они отражали всѣ нападенія кареагенскаго флота. Чтобы помочь римлянамъ хлѣбомъ и деньгами, Гіеронъ предложилъ имъ большую часть скопленныхъ имъ сокровищъ. Сынъ его, Гелонъ, старался напротивъ того разорвать тягостный союзъ съ римлянами, который въ сущности былъ подчиненіемъ, и склонился на сторону кареагенянъ. Ссора между отцомъ и сыномъ не имѣла еще никакихъ послѣдствій, какъ вдругъ оба они умерли одинъ вскорѣ за другимъ, и маленькое сиракузское государство досталось сыну Гелона, Гіерониму, рано развращенному юношѣ, который вступилъ на престолъ четырнадцати лѣтъ отъ роду (215 г.

до р. X.). Совѣтниками молодаго государя, еще покойнымъ дѣдомъ его, были назначены три одинаково негодныхъ и жестокихъ человѣка. Двое изъ нихъ принадлежали къ карѳагенской партіи, а третій, Трасонъ, былъ преданъ римлянамъ. Самъ Гіеронимъ нисколько не заботился о политикѣ, занимаясь охотнѣе вещами совсѣмъ другаго рода: онъ предавался чувственнымъ удовольствіямъ, съ самовластіемъ деспота преступая всякое благоразуміе, и искалъ только блеска и великолѣпія, между тѣмъ какъ его дѣдъ жилъ почти частнымъ человѣкомъ и не держалъ ни гвардіи, ни двора. Составлявшіе карѳагенскую партію совѣтники царя постарались прежде всего избавиться отъ Трасона и, обвинивъ его въ заговорѣ, по ложному свидѣтельству одного преступника удалили отъ участія въ управленіи. Послѣ того они вступили въ союзъ съ Ганнибаломъ, который отправилъ въ Сицилію самыхъ искусныхъ пословъ. Двое изъ нихъ, сиракузскіе уроженцы, Гиппократъ и Эпикидъ, съумѣли пріобрѣсти огромное вліяніе на молодаго царя, думавшаго только объ удовлетвореніи своихъ прихотей, женившагося на публичной женщинѣ и окружившаго себя самою подлою придворною сволочью. Они уговорили безразсуднаго юношу вступить въ союзъ съ карѳагенянами и принять участіе въ войнѣ, но на тринадцатомъ мѣсяцѣ своего царствованія Гіеронимъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ тѣлохранителей, который, совершивъ убійство, призвалъ сиракузянъ къ возстановленію республики. Граждане послѣдовали его призыву, но возстановленіе свободы было только поводомъ къ безпорядкамъ и борьбѣ карѳагенской партіи съ римскою. Нѣсколько честолюбивыхъ людей хотѣли воспользоваться этимъ и стать во главѣ правленія, но возбудили возстаніе простаго народа, въ которомъ и правый и виноватый одинаково падали жертвами самой дикой ярости и жестокости. На окровавленныхъ трупахъ водворилась безсмысленная демократія, которая, какъ и вездѣ, повела къ военному деспотизму. Наконецъ Гиппократъ и Эпикидъ посредствомъ новой

кровавой революціи достигли верховной власти и утвердили ее за собою при помощи простаго народа и наемныхъ войскъ.

Тотчасъ послѣ смерти Іеронима римляне послали противъ новой республики лучшаго изъ всѣхъ своихъ тогдашнихъ полководцевъ, Марка Клавдія Марцелла. Сначала онъ вступилъ въ переговоры, но когда возвышеніе Эпикида и Гиппократа уничтожило всякую надежду на союзъ Сиракузъ съ Римомъ, Марцеллъ подступилъ съ войскомъ къ городу и началъ осаду (214 г. до р. Х.). Карѳагеняне отправили на помощь Сициліи войска, и римляне впутались въ новую тяжелую войну, одновременно съ которой они должны были воевать въ Италіи съ Ганибаломъ и съ присоединившимися къ нему городами. Въ продолженіе цѣлаго года Марцеллъ тщетно осаждалъ Сиракузы (213 г. до р. Х.). Естественное положеніе города, его сильныя и искусно расположенныя укрѣпленія и изобрѣтенія математики Архимеда, которому осада Сиракузъ доставила безсмертную славу, — все это дѣлало взятіе города совершенно невозможнымъ. Марцеллъ былъ вынужденъ снять осаду, и, ограничившись одною блокадою, пытался взять городъ измѣною, но его сношенія съ недовольными сиракузянами были открыты и восемьдесятъ гражданъ, изобличенныхъ въ измѣнѣ, заплатили за нее своею жизнью. Марцеллъ продолжалъ осаду Сиракузъ еще цѣлый годъ, безъ всякой надежды на успѣхъ, потому что не могъ отрѣзать отъ города подвоза съѣстныхъ припасовъ изъ Карѳагена, и только новая измѣна и особенно счастливое стеченіе обстоятельствъ дали ему наконецъ возможность овладѣть городомъ (212 г. до р. Х.). Сиракузы были отданы на разграбленіе солдатамъ, но не по жестокости и грубости римскаго полководца, а единственно изъ одной политики. Онъ велѣлъ щадить жителей, но многіе изъ нихъ, не смотря на его приказаніе, сдѣлались жертвою разъяренныхъ римскихъ солдатъ. Въ числѣ убитыхъ находился къ великому прискорбію Марцелла и Архимедъ, который, независимо отъ своихъ военныхъ качествъ отличался кротостью, благороднымъ образомъ мыслей и любовью къ наукамъ и

образованію. Разсказываютъ, что когда римскіе солдаты ворвались въ городъ, Архимедъ былъ до того углубленъ въ свои математическія занятія, что даже не замѣтилъ происходившаго на улицахъ. Одинъ изъ грабившихъ Сиракузы солдатъ ворвался въ его комнату, въ то самое время, когда ученый чертилъ на пескѣ какую то математическую фигуру. Математикъ только успѣлъ закричать солдату: „не затопчи чертежа“, и въ ту же самую минуту былъ заколотъ имъ. Добыча римлянъ при взятіи Сиракузъ, какъ увѣряютъ, превосходила даже добычу, захваченную ими впослѣдствіи въ центрѣ всемірной торговли — Карѳагенѣ. Завоеваніе Сиракузъ важно и для исторіи искусствъ, потому что изъ этого города было привезено въ Римъ очень много художественныхъ произведеній. Съ паденіемъ Сиракузъ покорилась римлянамъ и остальная часть Сициліи.

Въ то самое время, какъ Сицилія была навсегда отторгнута отъ Карѳагена, война въ Испаніи также приняла повидимому совершенно другой оборотъ. Кней Корнелій Сципіонъ, при самомъ началѣ второй пунической войны посланный съ флотомъ и войскомъ въ Испанію, и братъ его, Публій Корнелій Сципіонъ, который на слѣдующій годъ привелъ къ нему вспомогательныя войска, дѣйствовали чрезвычайно счастливо противъ карѳагенянъ и ихъ союзниковъ, которыми командовали братья Ганнибала, Гасдрубалъ и Магонъ. Еще въ самомъ началѣ войны Сципіоны покорили всю страну между Пиринеями и рѣкою Эбро, утвердили господство римлянъ на морѣ и, какъ силою оружія, такъ и кротостью, миролюбіемъ и великодушіемъ, склонили многія племена къ союзу съ Римомъ. Цѣлыя шесть лѣтъ продолжалась въ Испаніи кровопролитная война, какъ между самими туземцами, такъ и между римлянами и карѳагенянами. Но мелкія подробности этой войны не входятъ въ кругъ всеобщей исторіи, для которой важенъ только ихъ результатъ. Римляне пріобрѣли перевѣсъ на сушѣ и на морѣ, а усилія карѳагенянъ спасти Испанію истощили всѣ ихъ средства, точно также, какъ прежде Римъ истощилъ

свои силы въ борьбѣ съ Ганнибаломъ за Италію, а вслѣдствіе того Ганнибалъ не получалъ изъ Карѳагена почти никакой помощи ни деньгами, ни кораблями, ни войскомъ. Въ самый годъ покоренія Марцелломъ Сициліи, римлянамъ угрожала потеря всѣхъ ихъ завоеваній въ Испаніи. Положившись на своихъ союзниковъ, оба Сципіона рѣшились каждый на отдѣльное предпріятіе, и потерявъ большую часть своихъ войскъ, сами лишились жизни. Неожиданнымъ спасителемъ и возстановителемъ римскаго владычества въ Испаніи явился всадникъ Марцій, котораго римское войско, по смерти обоихъ своихъ полководцевъ, избрало предводителемъ. Марцій сдѣлалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать въ такомъ затруднительномъ положеніи. Онъ не только остановилъ успѣхи карѳагенянъ, но своими незначительными побѣдами вновь пробудилъ въ римлянахъ прежнюю самоувѣренность, такъ что могъ передать своему преемнику, присланному изъ Рима, хорошо дисциплинированное и бодрое войско. Новый полководецъ, Кай Клавдій Неронъ, не выказалъ однако въ Испаніи тѣхъ талантовъ, которые обнаружилъ впослѣдствіи, въ борьбѣ съ Ганнибаломъ. По этому римляне рѣшились искать человѣка болѣе рѣшительнаго и предпріимчиваго, и нашли его въ сынѣ и племянникѣ обоихъ павшихъ въ Испаніи Сципіоновъ. Главное начальство надъ войсками въ Испаніи было ввѣрено двадцати четырехъ лѣтнему юношѣ, Публію Корнелію Сципіону Старшему, пріобрѣвшему впослѣдствіи такую громкую славу подъ именемъ Африканскаго. Не смотря на свою молодость, онъ уже соединялъ въ себѣ всѣ достоинства солдата и полководца съ искусствомъ народнаго оратора и обходительностью человѣка, который хочетъ возвыситься посредствомъ народа. Онъ изучилъ военное дѣло въ первые походы второй пунической войны, и уже отличился въ битвѣ при Тицинѣ спасеніемъ своего отца, а при Каннахъ величайшимъ присутствіемъ духа. Назначеніе его главнокомандующимъ въ Испаніи было принято римскимъ народомъ съ криками радости (210 г. до р. Х.).

Прибывъ въ Испанію, Сципіонъ рѣшился ознаменовать свое появленіе дѣломъ, которое даже въ случаѣ неудачи должно было доставить ему великую славу, а именно внезапнымъ нападеніемъ на Новый Карѳагенъ. Карѳагенскія войска были расположены въ отдаленныхъ частяхъ Испаніи, полководцы ихъ дѣйствовали неединодушно и довѣряли безусловно туземцамъ, отъ которыхъ имѣли заложниковъ въ Новомъ Карѳагенѣ. Неожиданное взятіе этого города было двойною потерею для карѳагенянъ: съ одной стороны они были отрѣзаны отъ береговъ, а съ другой, овладѣвъ заложниками туземныхъ племенъ, римляне могли побудить испанцевъ отложиться отъ Карѳагена. Эти то соображенія и заставили вѣроятно Сципіона напасть на Новый Карѳагенъ. Открывъ этотъ планъ только своему другу, Каю Лелію, начальнику флота, Сципіонъ двинулся туда ускореннымъ маршемъ, и прежде чѣмъ слухъ о его приближеніи дошелъ до карѳагенскихъ отрядовъ, онъ уже стоялъ передъ застигнутымъ врасплохъ городомъ. Открывъ со стороны моря одно мѣсто, которое было по временамъ доступно, и сдѣлавъ второй приступъ, онъ овладѣлъ Новымъ Карѳагеномъ. Городъ этотъ, заключая въ себѣ всѣ магазины, арсеналы и верфи карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи и служа средоточіемъ всей торговли между Испаніею и Карѳагеномъ, доставилъ побѣдителямъ несмѣтную добычу. Совершивъ это удачное предпріятіе, Сципіонъ поставилъ своею главною цѣлью отвлечь испанскіе народы отъ союза съ Карѳагеномъ и склонить ихъ на свою сторону. Онъ обошелся съ заложниками чрезвычайно дружелюбно, и пославъ часть ихъ на родину, обѣщался отпустить и остальныхъ, какъ только ихъ соплеменники изъявятъ согласіе на союзъ съ Римомъ. Подобными мѣрами ему удалось привязать къ себѣ многія изъ туземныхъ племенъ, и вскорѣ часть ихъ уже сдѣлалась его союзниками. Приготовивъ такимъ образомъ завоеваніе Испаніи, Сципіонъ направилъ всѣ свои силы противъ карѳагенскихъ полководцевъ. Вступивъ въ рѣшительную битву съ братомъ Ганнибала, Гасдрубаломъ, Сципіонъ нанесъ ему такое страшное пораженіе (лѣтомъ

209 г. до р. Х.). что принудилъ его вскорѣ совершенно оставить Испанію и направиться черезъ Пиринеи и Альпы въ Италію, чтобы съ тѣми войсками, которыя ему удалось собрать, поспѣшить на помощь брату (208 г. до р. Х.). Въ слѣдующіе два года по удаленіи Гасдрубала, Сципіонъ, побѣдивъ и остальныхъ непріятельскихъ полководцевъ, заставилъ ихъ почти совершенно очистить полуостровъ, подавилъ два возстанія испанскихъ племенъ и подчинилъ большую часть страны римскому владычеству. Покоренные испанцы такъ удивлялись Сципіону, что послѣ побѣды надъ Гасдрубаломъ привѣтствовали его именемъ царя. Окруженный славою, далеко превосходившею славу другихъ полководцевъ его времени, Сципіонъ, осенью 206 г. до р. Х., оставилъ поприще своихъ славныхъ подвиговъ и съ тріумфомъ возвратился въ Римъ.

5. Война съ Ганнибаломъ отъ битвы при Каннахъ до битвы при Метаврѣ.

Несмотря на то, что множество итальянскихъ народовъ перешло на сторону Ганнибала, положеніе его было очень затруднительно. Не получая никакого подкрѣпленія изъ отечества, безъ всякой посторонней помощи, онъ съумѣлъ держаться въ Италіи цѣлыхъ тринадцать лѣтъ одними своими великими талантами и собственными силами. Этимъ онъ стяжалъ себѣ въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые судятъ о человѣкѣ по его заслугамъ, а не по счастью и успѣху его дѣйствій, гораздо большую славу, чѣмъ Александръ Македонскій завоеваніемъ міра. Отъ своихъ соотечественниковъ, изъ Африки, Ганнибалъ не получалъ почти никакого подкрѣпленія. Только разъ, тотчасъ послѣ битвы при Каннахъ, пришло къ нему вспомогательное войско въ 4 тысячи человѣкъ, подъ предводительствомъ Бомилькара; всѣ же другіе предназначавшіеся ему въ помощь войска и корабли были отсылаемы въ Испанію, въ то самое время, когда уже готовились къ отплытію въ Италію. Даже Бомилькаръ былъ отосланъ въ Сицилію, вскорѣ послѣ своего отплытія

въ Италію. Что побуждало карѳагенянъ оставлять безъ помощи своего великаго полководца, остается для насъ, не смотря на войну въ Испаніи, совершенно непонятнымъ. По общепринятому мнѣнію враждебная дому Барковъ партія, во главѣ которой стояла фамилія Ганнона, постоянно препятствовала посылкѣ всякой помощи Ганнибалу; но такое сильное и продолжительное вліяніе Ганноновъ на управленіе государствомъ трудно согласить съ постояннымъ начальствомъ Ганнибала надъ войсками въ Италіи и двухъ его братьевъ въ Испаніи. Для насъ гораздо понятнѣе, почему Карѳагенъ такъ слабо поддерживалъ Ганнибала на морѣ: онъ не успѣлъ еще возстановить вполнѣ своего флота, потеряннаго въ первую пуническую войну. Ганнибалъ былъ вынужденъ самъ выискивать средства для своихъ предпріятій и поддерживать войну войною; но обстоятельства сложились такъ, что въ продолженіе столькихъ лѣтъ онъ могъ вести ее лишь съ величайшимъ трудомъ. Сначала большая часть итальянцевъ перешла на его сторону, но, не смотря на все свое раздраженіе противъ Рима, они скоро увидѣли все неудобство пребыванія въ странѣ чуждыхъ имъ войскъ, которыхъ должны были содержать на собственный счетъ, а римляне не замедлили воспользоваться этимъ неудовольствіемъ. Къ тому же отношенія итальянцевъ къ Ганнибалу были совсѣмъ другія, чѣмъ отношенія римскихъ союзниковъ къ главному начальнику римскаго войска. Послѣдніе уже издавна привыкли къ безпрекословному повиновенію, между тѣмъ какъ карѳагенскіе союзники находились къ Ганнибалу въ совершенно новыхъ отношеніяхъ и, имѣя дѣло съ чужеземнымъ полководцемъ, понимали очень хорошо, что составляютъ его опору и что онъ до извѣстной степени долженъ быть къ нимъ снисходителенъ.

Послѣ битвы при Каннахъ, Ганнибалъ прошелъ черезъ землю самнитовъ въ Кампанію, гдѣ народная партія тотчасъ же отворила ему ворота Капуи. Въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ онъ расположился зимовать и тѣмъ причинилъ себя много вреда, потому что нравственная испорченность жителей городовъ Кампаніи зара-

зила собою и его войска. Вслѣдствіе изнѣженной и роскошной жизни въ Капуѣ, они значительно ослабѣли въ силахъ и въ числѣ. Въ началѣ слѣдующаго года (215 до р. Х.) римляне выказали тотъ же самый тактъ въ распознаваніи вещей и людей, который такъ часто виденъ въ исторіи ихъ государства. Имъ нуженъ былъ человѣкъ, который бы могъ снова пробудить упавшій духъ войска, и они нашли такую личность въ одномъ изъ преторовъ предшествовавшаго года, Маркѣ Клавдіи Марцеллѣ, который, послѣ битвы при Каннахъ, дѣйствовалъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ чрезвычайно искусно и умно, а при вылазкѣ изъ кампанскаго города Нолы отбилъ Ганнибала, нанеся ему большой уронъ. Давъ Марцеллу 6 легіоновъ войска, римляне возвели его въ званіе проконсула или вице-консула, а на слѣдующій годъ утвердили его, въ одно время съ осторожнымъ Фабіемъ Максимомъ Кунктаторомъ, въ званіи консула и послали въ Сицилію, гдѣ онъ командовалъ войскомъ три года и покорилъ весь островъ. По возвращеніи его въ Римъ они вновь избрали его консуломъ, по окончаніи консульства оставили проконсуломъ во главѣ отдѣльнаго войска, а по прошествіи еще года снова избрали въ консулы. Клавдій Марцеллъ оправдалъ возложенныя на него надежды: уже въ началѣ 215 г. до р. Х. онъ далъ сраженіе, въ которомъ разбилъ Ганнибала. Въ этомъ сраженіи карѳагенскій полководецъ впервые потерпѣлъ значительное пораженіе и лишился нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; это тѣмъ болѣе ободрило римлянъ и возвысило славу Марцелла, что послѣ битвы на сторону римлянъ перешло 1200 нумидійскихъ и испанскихъ всадниковъ. На слѣдующій годъ Марцеллъ нѣсколькими смѣлыми предпріятіями въ Италіи снова возстановилъ упавшее уваженіе къ римлянамъ, между тѣмъ какъ въ то же время ходъ дѣлъ въ Сициліи и Испаніи сдѣлалъ безплодными всѣ успѣхи Ганнибала. Въ слѣдующемъ 213 г. до р. Х. въ Италіи не произошло ничего замѣчательнаго, потому что большая часть римскаго войска, подъ начальствомъ Марцелла, осаждала Сиракузы, а Ганнибалъ былъ преимуществен-

но занятъ осадою Тарента. Оба города покорились въ 212 году до р. X. своимъ непріятелямъ, но римскій гарнизонъ все таки удержалъ за собою Тарентскую крѣпость. Въ то время какъ Ганнибалъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы принудить ее къ сдачѣ, римляне напали на Кампанію и начали осаду столицы ея Капуи. Ганнибалъ послалъ къ ней на помощь одного изъ своихъ военачальниковъ, Ганнона, который однако былъ отбитъ съ значительнымъ урономъ. Тогда, чтобы заставить римлянъ снять осаду Капуи, Ганнибалъ двинулся самъ въ Кампанію. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ короткое время почти совершенно уничтожилъ въ Луканіи и Апуліи два римскихъ отряда, одинъ въ 8, а другой въ 18 тысячъ, которыми командовали очень плохіе полководцы. Обѣ эти побѣды заставили осаждавшее Капую римское войско съ приближеніемъ Ганнибала засѣсть за укрѣпленіями своего лагеря, не вступая въ открытое сраженіе противъ кароагенскаго полководца. Ганнибалъ нѣсколько разъ пытался нападать на римлянъ, но ему не удалось выманить послѣднихъ изъ ихъ укрѣпленнаго лагеря.

Чтобы заставить ихъ выйти оттуда и снять осаду города, Ганнибалъ рѣшился напасть на самый Римъ (211 г. до р. X.). Онъ также мало надѣялся овладѣть городомъ врасплохъ, какъ и взять его приступомъ, понимая, какими великими силами духа и воинскими способностями обладалъ римскій народъ, въ которомъ каждое должностное лицо было вмѣстѣ съ тѣмъ и военачальникомъ, образовавшимся въ школѣ войны, а каждый гражданинъ закаленнымъ въ бояхъ воиномъ. По этому, послѣ битвы при Каннахъ, онъ отвергъ предложеніе своихъ полководцевъ итти на Римъ и въ этомъ случаѣ превзошелъ ихъ благоразуміемъ, хотя одинъ изъ нихъ Магарбалъ и упрекнулъ его въ томъ, что, умѣя побѣждать, онъ не умѣетъ пользоваться побѣдою. Когда Ганнибалъ приблизился съ своимъ войскомъ къ Риму и въ 3 тысячахъ шаговъ отъ него расположился лагеремъ, въ городѣ распространился паническій страхъ, который не заставилъ однако римлянъ ни рѣшиться на сраженіе,

ни снять осаду Капуи. Сенатъ велѣлъ только отрядить отъ тамошняго корпуса 15 тысячъ лучшаго войска, и по соглашеніи съ обоими консулами принялъ нужныя мѣры къ оборонѣ. Разсказываютъ даже, что въ то время случайно производилась продажа съ аукціона части того поля, на которомъ расположился лагеремъ Ганнибалъ, и что цѣна земли нисколько не понизилась отъ этого. Если этотъ фактъ и справедливъ, то онъ могъ быть вызванъ искуственно сенатомъ, какъ средство успокоить гражданъ, страхъ которыхъ, при появленіи Ганнибала, уже достаточно доказывается вошедшимъ въ пословицу выраженіемъ (Ганнибалъ передъ вратами города). Разсказываютъ еще, будто Ганнибалъ, узнавъ о приведенномъ фактѣ, велѣлъ продать съ аукціона своимъ солдатамъ имущество римскихъ мѣнялъ. Но этотъ разсказъ годится только въ собраніе анекдотовъ, если только карѳагенскій полководецъ не хотѣлъ пошутить такимъ образомъ надъ хвастовствомъ римскаго сената. Ганнибалъ запасся продовольствіемъ только на 10 дней, и увидавъ, что цѣль его появленія передъ стѣнами Рима не достигнута, воротился въ Кампанію, а оттуда отправился въ Луканію и Бруттію. Обезсиленная голодомъ Капуя принуждена была сдаться римлянамъ и за свое отпаденіе и упорство была наказана ими самымъ жестокимъ образомъ. Семьдесятъ знатнѣйшихъ гражданъ были казнены, триста другихъ заключены въ темницу, остальные проданы въ рабство или разсѣяны по латинскимъ городамъ; самый городъ былъ вновь заселенъ отпущенниками и другими простолюдинами и отданъ подъ неограниченную власть префекта, а его обширная и плодоносная территорія обращена въ государственную собственность.

Въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ (210 по 200 г. до р. Х.) какъ Ганнибалъ, такъ и римляне напрягали всѣ усилія, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Римляне, выставившіе около двадцати пяти легіоновъ, должны были, теряя множество людей, производить постоянные наборы; война ложилась тяжелымъ бременемъ на нихъ самихъ и на ихъ италь-

янскихъ подданныхъ и, казалось, приближалась минута, когда послѣдніе откажутся доставлять римлянамъ средства къ веденію войны. Съ другой стороны и Ганнибалъ, у котораго оставалось уже очень немного войска, только съ большимъ трудомъ могъ держаться между итальянцами, потому что римлянамъ удалось различными средствами снова переманить на свою сторону часть его союзниковъ, и многіе города, занятые карѳагенянами, выдали ихъ непріятелямъ. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ римскимъ главнокомандующимъ оставался Клавдій Марцеллъ; разбитый нѣсколько разъ Ганнибаломъ, по прежнему остававшимся непобѣдимымъ въ открытомъ полѣ, онъ однако иногда одерживалъ верхъ и надъ нимъ. Марцеллъ не только поддерживалъ честь римскаго оружія, но и способствовалъ болѣе всѣхъ другихъ римскихъ полководцевъ постепенному отпаденію отъ Ганнибала большей части занятыхъ имъ въ Италіи городовъ и земель. Въ 208 г. до р. Х. Клавдій Марцеллъ былъ убитъ, благодаря одной изъ тѣхъ мастерскихъ стратегическихъ диверсій, съ помощью которыхъ Ганнибалу всегда удавалось превосходно пользоваться характеромъ непріятельскихъ полководцевъ. Поставленный въ пятый разъ во главѣ войска въ качествѣ консула, Марцеллъ, горя нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ, былъ наведенъ Ганнибаломъ на засаду и увлекъ за собою товарища своего Криспина. Безразсудно отважившись вступить въ бой, онъ былъ убитъ, а его товарищъ смертельно раненъ.

Не смотря на то, что смерть Марцелла была для Ганнибала большимъ счастіемъ, онъ находился въ незавидномъ положеніи. Имѣя весьма ограниченное число союзниковъ, онъ терпѣлъ недостатокъ въ деньгахъ и военныхъ припасахъ, и съ своимъ, относительно малочисленнымъ войскомъ, едва могъ держаться въ Италіи. Все это заставило его вызвать къ себѣ изъ Испаніи брата своего Гасдрубала. Послѣдній отправился въ Италію тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ десять лѣтъ тому назадъ шелъ Ганнибалъ, и прошелъ черезъ Галлію и Альпы гораздо скорѣе и съ мень-

шими трудностями. Узнавъ о приближеніи Гасдрубала, римляне сосредоточили всѣ свои силы для предстоявшей имъ двойной борьбы. Они довели Италію почти до отчаянія, и только съ трудомъ и самыми жестокими мѣрами навербовали свои войска. Весною 207 г. до р. Х. Гасдрубалъ явился въ Верхней Италіи. Римляне немедленно отправили противъ него одного изъ своихъ консуловъ, Марка Ливія Салинатора, въ то время какъ другой, Кай Клавдій Неронъ, долженъ былъ направиться въ Нижнюю Италію, чтобы занять Ганнибала и помѣшать ему соединиться съ братомъ. Клавдій Неронъ неутомимо преслѣдовалъ карѳагенскаго полководца и не только достигъ предположенной цѣли, но своею смѣлостью предотвратилъ даже опасность, грозившую со стороны Верхней Италіи. Ему удалось перехватить письмо Гасдрубала, въ которомъ послѣдній просилъ брата двинуться на соединеніе съ нимъ въ Умбрію. Клавдій Неронъ тотчасъ рѣшился выйти незамѣтно съ частью своего войска изъ лагеря, отправиться форсированнымъ маршемъ въ Умбрію, соединиться тамъ съ своимъ товарищемъ и, сосредоточивъ противъ непріятеля превосходныя силы, разбить одного брата прежде, чѣмъ другой успѣетъ получить извѣстіе о его прибытіи. Этотъ смѣлый шагъ римскаго консула рѣшилъ въ Италіи судьбу обѣихъ воюющихъ сторонъ. Выйдя ночью изъ лагеря съ 7 тысячами отборныхъ солдатъ, Клавдій Неронъ невѣроятно быстро достигъ умбрійскаго города Сены, вблизи котораго были расположены войска Марка Ливія и Гасдрубала. Приблизившись къ нимъ очень осторожно, онъ вступилъ въ римскій станъ, незамѣченный непріятелемъ. Чтобы карѳагенскій полководецъ не догадался о его прибытіи, Клавдій не приказалъ раскидывать ни одной новой палатки, но размѣстилъ свое войско по всему лагерю. Однако Гасдрубалъ не былъ обманутъ этою хитростью. Еще въ Испаніи онъ замѣтилъ, что, когда въ римскомъ лагерѣ находились два военачальника равнаго званія, вечерняя заря игралась два раза. По этому, онъ въ первый же вечеръ догадался

о прибытіи Клавдія Нерона, но и самая эта догадливость была гибельна для Гасдрубала и его отечества. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ неожиданнаго появленія другаго консула иначе, какъ пораженіемъ Ганнибала, онъ думалъ спасти свое войско быстрымъ отступленіемъ, но былъ настигнутъ римлянами и вынужденъ дать сраженіе, котораго могъ бы избѣжать еще нѣсколько дней, оставаясь въ лагерѣ до полученія извѣстія отъ Ганнибала или до прибытія его самого.

Это важное сраженіе, происходившее при рѣкѣ Метаврѣ, близъ нынѣшняго Фоссомброне, окончилось пораженіемъ карѳагенянъ. Какъ въ расположеніи своихъ войскъ, такъ и въ управленіи ходомъ битвы Гасдрубалъ выказалъ себя искуснымъ полководцемъ и уже одерживалъ верхъ, какъ вдругъ совершенно необыкновенное движеніе Клавдія Нерона вырвало у него изъ рукъ побѣду. Гасдрубалъ палъ на полѣ битвы, сдѣлавъ все, чего можно требовать отъ искуснаго полководца въ подобномъ положеніи; войско его было совершенно истреблено: пятьдесятъ шесть тысячъ легло на мѣстѣ, остальные пять тысячъ взяты въ плѣнъ. Римляне купили побѣду потерею 8 тысячъ человѣкъ. Въ первую же ночь послѣ сраженія Клавдій Неронъ отправился назадъ въ свой собственный лагерь и совершилъ этотъ походъ еще скорѣе, пройдя 45 нѣмецкихъ миль въ шесть дней. Такимъ образомъ онъ былъ въ отсутствіи всего 14 дней. Къ счастью для римлянъ Ганнибалъ въ продолженіе всего этого времени и не подозрѣвалъ о происходившемъ. Еслибъ движеніе Клавдія Нерона было ему извѣстно, онъ поспѣшилъ бы за консуломъ или постарался бы овладѣть его лагеремъ. И такъ не умъ Клавдія Нерона и не храбрость римлянъ рѣшили исходъ войны, а сама судьба, которая, казалось, хотѣла возвысить Римъ и унизить Карѳагенъ. Она, по выраженію Эсхила, сломала коромысло вѣсовъ и наклонила чашу. Преданіе говоритъ, что Клавдій Неронъ, подобно какому нибудь новозеландцу, послалъ отрубленную голову Гасдрубала его брату, и что, взглянувъ на нее, Ганнибалъ воскликнулъ: „я узнаю

въ этой головѣ судьбу Кароагена.“ Справедливъ ли этотъ анекдотъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что, послѣ потери Испаніи и Сициліи, уничтоженіе значительнаго кароагенскаго войска должно было разрушить всѣ надежды Ганнибала. Тѣмъ удивительнѣе, что, сосредоточивъ всѣ свои силы въ самой южной части Италіи, онъ продержался непобѣжденнымъ еще цѣлыхъ четыре года и въ продолженіе всего этого времени не только находилъ возможность пополнить свое войско, но и содержать его въ этой очень небогатой средствами странѣ. Если бы насъ спросили, въ какую эпоху своей жизни Ганнибалъ представляется намъ наиболѣе великимъ: тогда ли, когда онъ покорялъ Испанію и прокладывалъ новый путь черезъ землю дикихъ галловъ, взбирался на недоступныя войску Альпы, проходилъ Италію и грозилъ самому Риму, или въ то тяжелое время, когда онъ, по смерти своего брата, оставленный всѣми, въ продолженіе четырехъ лѣтъ держался въ углу Италіи, и, отозванный въ Африку, долженъ былъ видѣть какъ одинъ бой уничтожилъ всѣ плоды его побѣдъ, — мы, не задумавшись, укажемъ на послѣднюю эпоху. Тотъ, кто не падаетъ въ несчастіи и даже въ ту минуту, когда противъ него вооружается сама судьба, кто твердо стоитъ до конца и смѣло разстается съ жизнью, тотъ кажется намъ высшимъ идеаломъ человѣчества.

6. Послѣдніе годы второй пунической войны.

Послѣ битвы при Метаврѣ Ганнибалъ воротился въ Бруттію, и съ этого времени ограничился только оборонительными дѣйствіями, тщетно ожидая помощи изъ Кароагена. Римляне не нападали на него; довольствуясь наблюденіемъ за нимъ, они наказали въ это время всѣ отпавшіе отъ нихъ народы, довершили покореніе опустѣвшей Италіи и въ 206 г. до р. Х. подчинили себѣ луканцевъ, послѣднихъ союзниковъ кароагенскаго полководца. Лѣтомъ слѣдующаго года въ Верхней Италіи появился съ

четырнадцати тысячнымъ вспомогательнымъ войскамъ братъ Ганнибала Магонъ, но не смотря на то, что къ нему прибыло вскорѣ еще около 7 тысячъ человѣкъ, онъ не могъ ни предпринять ничего важнаго, ни соединиться съ своимъ братомъ, находившимся на противоположномъ концѣ Италіи. Римляне же рѣшились перенести войну въ Африку, и тѣмъ заставили Ганнибала и Магона покинуть Италію для защиты своего собственнаго отечества.

Борьба въ Африкѣ, окончившая черезъ 17 лѣтъ продолжительную и кровопролитную войну между Римомъ и Кареагеномъ, находится въ тѣсной связи съ характеромъ и семейными отношеніями Сципіона Старшаго. Положеніе этого человѣка составляло въ исторіи римскаго народа совершенно новое явленіе, и только подробное его изслѣдованіе можетъ указать намъ настоящія его причины и объяснить то огромное вліяніе, которое имѣлъ характеръ Сципіона на окончаніе второй пунической войны и слѣдовавшія за нею событія внѣшней и внутренней исторіи Рима. Со временъ Сципіона Старшаго и отчасти также съ появленія на политическомъ поприщѣ Марка Клавдія Марцелла, неуступавшаго Сципіону кротостью, образованіемъ и военными талантами, между римлянами становится замѣтнымъ то вліяніе, которое необходимо должны были имѣть на нихъ знакомство съ греками и распространеніе римскаго государства за предѣлы Италіи. Почти до первой пунической войны римляне имѣли дѣло только съ итальянцами и потому, для управленія своимъ государствомъ, не нуждались ни въ чужеземной правительственной мудрости, ни въ чужихъ обычаяхъ, и вполнѣ могли довольствоваться своимъ древнимъ, національнымъ военнымъ искусствомъ и правовѣденіемъ. Но, когда они вступили, въ Нижней Италіи и Сициліи, въ постоянныя сношенія съ утонченными греками, ихъ природныя условія и одна сила оказались недостаточными, и римляне почувствовали потребность въ болѣе кроткихъ нравахъ и греческой наукѣ. Это болѣе утонченное образованіе и соединенные съ нимъ искусства

и нравы привились только въ немногихъ семействахъ, какъ напримѣръ въ фамиліяхъ Марцелла и Сципіона. Но этимъ немногимъ лицамъ противилась остальная, большая часть римской аристократіи, такъ что для поддержанія и увеличенія своего значенія въ государствѣ, они должны были обратиться къ народу и всѣми мѣрами стараться о пріобрѣтеніи популярности. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что вслѣдствіе причиненнаго войною и завоеваніями неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ нѣкоторыя фамиліи, а въ числѣ ихъ родъ Сципіона, сильно возвысились надъ остальною частью аристократіи. Сенатъ мало по малу раздѣлился на покровителей и покровительствуемыхъ, и такимъ образомъ аристократія сохранилась только по виду, въ дѣйствительности превратившись въ олигархію. Если одна какая нибудь часть этой олигархіи хотѣла противодѣйствовать другой, она должна была искать опоры въ народѣ, или, другими словами, обращаться къ демагогіи, столь обыкновенной въ демократическихъ государствахъ Греціи, но до того времени совершенно чуждой Риму.

Вотъ тѣ отношенія, которыми обусловливались образъ дѣйствій и значеніе Сципіона Старшаго и его фамиліи. Сципіонъ былъ первый римлянинъ, который путемъ демагогіи достигъ почти той монархической власти, какою пользовались въ Аѳинахъ Периклъ и другіе государственные дѣятели. По примѣру Сципіона шли тайно тою же дорогой и другіе аристократы Рима, пока Марій не пошелъ по ней совершенно открыто, а Цезарь не достигъ этимъ путемъ единодержавія. Уже и прежде семейство Сципіона имѣло значительное вліяніе на государственныя дѣла, раздѣляя его со многими другими родами; но съ начала второй пунической войны оно возвышается надъ всѣми прочими аристократическими фамиліями Рима. Съ этого времени Сципіоны на долго овладѣваютъ почти всѣми высшими должностями и въ большей части случаевъ становятся во главѣ важнѣйшихъ государственныхъ предпріятій. Уже въ самомъ началѣ этой войны два первыя сраженія были даны Ганнибалу однимъ изъ Сципі-

оновъ. Не смотря на ихъ несчастный исходъ, Сципіону вмѣстѣ съ его братомъ было поручено начальство надъ войсками въ Испаніи, и оба они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ командовали тамъ римскимъ войскомъ. Когда собственная неосторожность Сципіоновъ погубила и ихъ самихъ и войско, на мѣсто ихъ былъ назначенъ не тотъ, кто спасъ остатки арміи, но сначала человѣкъ такой же знатной фамиліи Клавдіевъ, а вслѣдъ за тѣмъ опять членъ фамиліи Сципіоновъ, Сципіонъ Старшій Африканскій, не смотря на то, что ему было всего 24 года. Конечно, этотъ юноша имѣлъ заслуги, но его главная заслуга состояла въ томъ, что онъ принадлежалъ къ одному изъ знатнѣйшихъ и могущественныхъ родовъ. Его первое появленіе въ Испаніи совершенно походило на начало общественной дѣятельности Алкивіада въ Аѳинахъ. Въ продолженіе всего пребыванія Сципіона на полуостровѣ, онъ походилъ скорѣе на царя или владѣтельнаго князя, чѣмъ на гражданина и должностнаго человѣка республики. Его подвиги въ Испаніи доставили ему сочувствіе и довѣріе народа въ Римѣ. Но еще болѣе сдѣлало Сципіона идоломъ народъ уваженіе послѣдняго къ его фамиліи и его льстивое, утонченное и разсчитанно-дружеское обращеніе съ нимъ. Этими качествами онъ былъ обязанъ греческому образованію, усвоенному имъ вмѣстѣ съ греческими привычками.

Въ 206 г. до р. Х. онъ возвратился въ Римъ при радостныхъ кликахъ народа, съ твердымъ намѣреніемъ искать консульства и перенести войну въ Африку. Уваженію, которымъ пользовался Сципіонъ, завидовали многіе изъ его враговъ, принадлежавшихъ къ древней аристократіи; они боялись его, какъ демагога и человѣка съ безграничнымъ честолюбіемъ. Но вражда ихъ еще болѣе, чѣмъ заслуги Сципіона, способствовала тому, что народъ предпочелъ его всѣмъ прочимъ соискателямъ и избралъ консуломъ. Такъ какъ Сципіонъ намѣревался сдѣлать театромъ войны Африку, то враги его устроили, что товарищемъ его былъ назначенъ человѣкъ, который, будучи верховнымъ жрецомъ (pontifex maximus)

не могъ, по римскимъ законамъ, оставлять Италію. Большинство сената, предписывавшаго консуламъ ихъ образъ дѣйствія, высказывалось рѣшительно противъ намѣренія Сципіона, но было вынуждено уступить преобладанію этого человѣка и его фамиліи. Сенатъ позволилъ ему отправиться въ Сицилію, а оттуда, съ флотомъ и войскомъ, которое онъ успѣетъ собрать личному по своему вліянію, переправиться въ Африку. Только этого и нужно было Сципіону. Его родственныя связи, вліяніе на народъ и покровительство, которое онъ и члены его фамиліи могли оказывать не только отдѣльнымъ лицамъ, но даже цѣлымъ покореннымъ государствамъ, доставляли Сципіону гораздо больше могущества, чѣмъ званіе консула. Едва явился онъ въ Сицилію, какъ по одному его призыву стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ толпы охотниковъ, а покоренныя итальянскія государства поспѣшили снарядить и отдать въ его распоряженіе свои корабли.

Въ Испаніи Сципіонъ имѣлъ сношенія съ двумя нумидійскими владѣтелями и основывалъ на этомъ планъ своего африканскаго похода. Нумидійскіе народы, находившіеся въ вассальной зависимости отъ Карѳагена, и ихъ предводители, подобно всѣмъ номадамъ, живущимъ грабежами, не имѣли никакого понятія о чести и совѣсти. Сципіонъ расположилъ къ себѣ нумидійскаго владѣтеля Масиниссу, отличавшагося храбростью, удивительными способностями и честолюбіемъ, и когда племянникъ послѣдняго попалъ въ плѣнъ къ римлянамъ, Сципіонъ богато одарилъ плѣнника и отослалъ его къ дядѣ, выказавъ при этомъ свою прямоту, отвагу и вообще нѣкоторое сходство въ характерѣ съ Масиниссою, которое необходимо должно было привлечь нумидійскаго владѣтеля на его сторону. Черезъ нѣсколько времени Масинисса встрѣтился съ Сципіономъ въ Испаніи и обѣщалъ ему отстать отъ союза съ Карѳагеномъ. Другой нумидійскій владѣтель, Сифаксъ, былъ человѣкъ низкій, руководившійся одними подлыми побужденіями. Его Сципіонъ привлекъ на свою сторону лестью

и возбуждая его корыстолюбіе. Полагаясь на гостепріимство, котораго не нарушаютъ самые коварные номады, Сципіонъ отправился безъ вооруженной свиты въ Африку, къ Сифаксу, встрѣтился при его дворѣ съ своимъ бывшимъ противникомъ въ Испаніи, сыномъ Гискона, Гасдрубаломъ, и даже раздѣлилъ съ нимъ обѣдъ и ночлегъ, чтобы такою мнимою довѣрчивостью привлечь къ себѣ нумидійскаго владѣтеля. Этою мастерски разсчитанною, льстивою и притворною дружбой Сципіонъ вполнѣ достигъ своей цѣли: Сифаксъ заключилъ съ нимъ союзъ, но карѳагеняне снова привлекли его на свою сторону, прибѣгнувъ къ средству, которое точно также было разсчитано на его корыстолюбіе и чувственность. Сифаксу еще прежде нравилась прекрасная дочь Гасдрубала, Софонисба, уже давно помолвленная за Масиниссу; карѳагенскій сенатъ отдалъ ее, безъ вѣдома ея отца, за Сифакса. Говорятъ, что Софонисба, несмотря на любовь къ Масиниссѣ, согласилась на этотъ бракъ изъ патріотизма. Масинисса рѣшился отмстить за оскорбленіе, и воспользовался этимъ поводомъ къ отпаденію отъ Карѳагена. Но, что не одинъ этотъ поступокъ карѳагенянъ побудилъ его къ союзу съ римлянами, это видно изъ того, что онъ еще прежде заключилъ условіе съ Сципіономъ. Лишь только римляне высадились на африканскій берегъ, какъ къ нимъ присоединился Масинисса. Онъ былъ очень полезенъ Сципіону, потому что карѳагеняне и Сифаксъ выставили такое многочисленное войско, что безъ его помощи Сципіону было бы очень трудно справиться съ врагомъ въ открытомъ полѣ.

Передъ послѣднею рѣшительною минутою борьбы положеніе Рима и Карѳагена было почти одинаково. Магонъ и Ганнибалъ находились на римской территоріи, а Сципіонъ на карѳагенской; оба государства опирались преимущественно на покоренные ими народы, и каждое изъ нихъ вступило въ союзъ съ подданными другаго. Сципіонъ склонилъ къ отпаденію Масиниссу, Магонъ возбуждалъ въ Этруріи заговоры, грозившіе опасностью

Риму. Понявъ всю затруднительность своего положенія, римляне, по окончаніи консульства Сципіона, приняли никогда неслыханное до тѣхъ поръ рѣшеніе оставить Сципіону начальство надъ войскомъ до окончанія войны, а товарищу его поручили произвести въ Этруріи аресты и слѣдствія. Мѣра эта заставила главнѣйшихъ заговорщиковъ бѣжать изъ Италіи и помѣшала осуществленію ихъ замысла. Въ продолженіе всего своего консульства и большую часть слѣдующаго года (204 до р. Х.) Сципіонъ былъ занятъ приготовленіями къ войнѣ, и только въ концѣ лѣта 204 г. до р. Х. переправился въ Африку. Высадившись счастливо на африканскій берегъ и расположившись укрѣпленнымъ лагеремъ, онъ въ продолженіе зимы искусно занималъ кареагенянъ переговорами, а въ началѣ весны, благодаря счастью или, вѣрнѣе, неосторожности кареагенянъ, ему удалось одержать надъ ними значительный перевѣсъ. Кареагеняне, не смотря на гибельные пожары, часто истреблявшіе ихъ лагери, продолжали устроивать ихъ по прежнимъ образцамъ, безъ всякаго порядка и изъ первыхъ попавшихся подъ руку матеріаловъ. Это обстоятельство подало Сципіону мысль зажечь ихъ лагерь и во время пожара напасть на непріятельское войско. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Соединенное войско кареагенянъ и Сифакса было разсѣяно, а окрестности лагеря разграблены римлянами; вскорѣ послѣ того Сципіонъ разбилъ и второе кареагенское войско, уже въ открытомъ полѣ. Только послѣ этого втораго пораженія кареагенскій сенатъ, хотя и очень неохотно, рѣшился вызвать изъ Италіи Магона и Ганнибала, т. е. сосредоточить всю войну въ Африкѣ. Между тѣмъ Сципіонъ двинулся къ самому Кареагену, пославъ Масиниссу, съ частью римскаго войска, противъ Сифакса, удалившагося въ свои владѣнія. Сифаксъ былъ разбитъ въ схваткѣ конницы и попался въ руки Масиниссы, который покорилъ затѣмъ всѣ владѣнія своего врага. Софонисба была также взята въ плѣнъ, и Масинисса женился на ней. Си-

факсъ, по приказанію Сципіона, былъ отвезенъ въ Римъ и вскорѣ умеръ въ плѣну, а Софонисба подверглась самымъ мелочнымъ преслѣдованіямъ прославленнаго римскаго героя. Она отдала свою руку побѣдителю мужа потому, что въ этомъ бракѣ видѣла единственное средство спасти свою жизнь и своимъ вліяніемъ на новаго мужа быть полезною родинѣ. Но Сципіонъ счелъ за нужное воспротивиться этому браку, предвидя какою опасностью грозилъ онъ Риму, и приказалъ Масиниссѣ выдать свою новую жену римлянамъ, такъ какъ по договору только они одни имѣли право рѣшать судьбу военноплѣнныхъ. Масинисса повиновался, но не выдалъ своей жены, а съ вѣдома или безъ вѣдома Сципіона, далъ ей яду. Смерть спасла Софонисбу отъ рабства. Такъ два человѣка, почти обоготворенные ораторомъ Цицерономъ, самымъ ужаснымъ образомъ жертвовали политической необходимости всѣми человѣческими чувствами. Въ награду за убійство своей жены, Масинисса удостоился отъ римлянъ нѣкоторыхъ почестей и получилъ владѣнія Сифакса.

Въ высшей степени неохотно, медленно и съ печальнымъ предчувствіемъ исполнилъ Ганнибалъ приказаніе вернуться изъ Италіи. Осенью 203 г. до р. Х. онъ счастливо высадился на берегъ своей родины, которой не видалъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати четырехъ лѣтъ, и былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ кароагенскихъ войскъ. Его прибытіе поправило дѣла кароагенянъ. Довѣріе народа къ Ганнибалу было такъ велико, что къ нему собралось множество охотниковъ, значительно усилившихъ его войско. Однако кароагенскій полководецъ долго еще не рѣшался помѣряться съ противникомъ въ открытомъ полѣ и потому, въ продолженіе всей зимы, дѣйствовалъ только противъ Масиниссы, у котораго и отнялъ часть его владѣній. Весною и лѣтомъ слѣдующаго года Ганнибалъ, хотя и обратился противъ Сципіона, но уклонялся отъ рѣшительной битвы, стараясь только добиться возможности начать переговоры и заключить миръ на условіяхъ не слиш-

комъ тяжелыхъ. Сципіонъ былъ непрочь начать переговоры, тѣмъ болѣе, что въ Римѣ консулы уже въ продолженіе цѣлаго года искали случая отнять у него начальство надъ войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ честь окончанія войны. Такимъ образомъ дѣло дошло до заключенія перемирія и предварительныя статьи договора были уже подписаны, когда карѳагенскіе демократы одержали въ сенатѣ верхъ и легкомысленно отказали въ утвержденіи этихъ статей. Рѣшительная битва была неизбѣжна, и войска двинулись другъ противъ друга. Хотя желаніе обоихъ полководцевъ заключить миръ и повело къ новымъ переговорамъ и даже личному свиданію между ними, но Сципіонъ предложилъ такія условія, на которыя Ганнибалъ никакъ не могъ согласиться. Оба полководца разстались и начали готовиться къ битвѣ; на слѣдующій день (19 октября 202 г. до р. Х.) произошло сраженіе, извѣстное подъ именемъ битвы при Замѣ. Счастіе измѣнило великому карѳагенскому полководцу, до сихъ поръ остававшемуся непобѣдимымъ во всѣхъ рѣшительныхъ сраженіяхъ. Ганнибалъ напрягалъ всѣ силы своего великаго таланта, чтобы одержать побѣду, но встрѣтилъ въ Сципіонѣ достойнаго противника. Онъ былъ разбитъ Сципіономъ на голову и потерялъ бо́льшую часть своего войска, свыше 20 тысячъ человѣкъ убитыми и почти столько же плѣнными. Но и послѣ этой несчастной битвы Ганнибалъ выказалъ свои удивительныя способности мастерскимъ отступленіемъ съ остаткомъ своего войска къ Адрумету. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Карѳагенъ, который оставилъ тридцать пять лѣтъ назадъ мальчикомъ и куда возвратился теперь заслуженнымъ, но несчастнымъ полководцемъ. Изъ всѣхъ услугъ, оказанныхъ имъ Карѳагену, одною изъ величайшихъ было то, что онъ употребилъ всѣ средства чтобы склонить своихъ соотечественниковъ къ миру, хотя ясно сознавалъ, что рано или поздно самъ долженъ будетъ сдѣлаться его жертвою.

Карѳагеняне согласились, хотя и не охотно, на условія, предписанныя Сципіономъ и въ слѣдующемъ году (201 г.

до р. Х.) утвержденныя римскимъ народомъ. По этому миру кароагеняне должны были: отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній внѣ Африки, испрашивать позволенія римлянъ на каждую войну, которую они захотятъ вести въ самой Африкѣ, отдать имъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ, боевыхъ слоновъ и всѣ свои корабли, кромѣ десяти, признать Масиниссу нумидійскимъ царемъ, выплатить римлянамъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, въ опредѣленные сроки, всѣ издержки войны, и дать сто заложниковъ. Такой договоръ долженъ былъ свести Кароагенъ съ высоты первоклассной державы на степень зависимаго отъ Рима африканскаго государства, и мало по малу привести послѣднее къ гибели. Ганнибалъ предвидѣлъ все это очень ясно; но прочіе кароагеняне, — что было характеристично въ такомъ торговомъ государствѣ, какъ Кароагенъ, — придавали всего болѣе важности тѣмъ статьямъ договора, которыя касались уплаты денегъ. Они смотрѣли очень спокойно на то, какъ отвозили на римскихъ корабляхъ ихъ слоновъ и сжигали ихъ корабли въ виду кароагенской гавани; но, когда въ сенатѣ зашла рѣчь о средствахъ достать сумму, которую слѣдовало уплатить Риму, всѣ принялись горевать и жаловаться. При этомъ Ганнибалъ иронически засмѣялся и, когда его стали укорять въ этомъ, сказалъ, что имъ слѣдовало бы плакать тогда, когда жгли ихъ корабли и запретили вести войну. Онъ ясно видѣлъ, что Кароагену не избѣжать войны съ нумидійцами и другими африканскими народами, хотя и не могъ предвидѣть главнаго, того, что Масинисса, самый страшный врагъ кароагенянъ, доживетъ, къ ихъ несчастію, до глубокой старости. По условіямъ мира, Масинисса получилъ всю Нумидію и какъ, любимецъ фамиліи Сципіона, могъ постоянно оскорблять ненавистную ему сосѣднюю республику. Возвратившись въ Римъ, Сципіонъ былъ встрѣченъ съ такимъ тріумфомъ, какого еще никогда не видали въ Римѣ, и получилъ отъ государства прозваніе Африканскаго.

Ганнибалъ выказалъ себя великимъ и во время мира, обваружнвъ такія же способности въ управленіи государствомъ, какъ и на войнѣ. Онъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы произвести необходимыя реформы въ устройствѣ и управленіи республики. Не смотря ва все противодѣйствіе аристократіи, онъ достигъ своей цѣли, былъ избранъ въ суффеты, сломилъ слишкомъ усилившуюся власть совѣта ста и привелъ финансы государства въ такой порядокъ, что уже въ десятый годъ по заключеніи мира кароагеняне были въ состояніи уплатить римлянамъ разомъ всю контрибуцію. Но Ганнибалъ не могъ устоять, когда аристократы, для его низложенія, прибѣгли къ помощи римлянъ, которые согласились сдѣлаться орудіемъ противной ему партіи. Они обвинили Ганнибала въ тайныхъ сношеніяхъ съ царемъ сирійскимъ Антіохомъ III, который въ то время приготовлялся къ войнѣ съ римлянами, и принудили его искать въ бѣгствѣ спасенія отъ грозившей ему гибели (195 г. до р. Х.). Онъ отправился чрезъ Финикію въ Сирію, къ тому царю, приготовленія котораго къ войнѣ съ Римомъ послужили предлогомъ для его изгнанія.

7. Исторія Греціи отъ Арата до подчиненія Филиппа III Македонскаго.

Второю пуническою войною римляне утвердили свое владычество на Западѣ тогдашняго міра. Они владѣли не только всей нынѣшней Италіей и большей частью Испаніи, но, въ силу договора съ кароагенянами и опираясь на подчиненнаго имъ союзника Масиниссу, держали въ покорности и берега Африки. Ихъ войска, консулы и сенаторы жаждали войны, славы и добычи, и потому естественно, что Римъ обратилъ теперь вниманіе на Востокъ и началъ думать о покореніи греческихъ зе-

мель и государствъ. Это заставляетъ насъ снова обратиться къ исторіи Греціи, разсказанной нами до битвы при Селласіи (222 году до р. X.).

Битва эта снова доставила македонянамъ первенство въ Греціи. Спарта была совершенно ослаблена, а изъ двухъ сильнѣйшихъ государствъ тогдашняго времени, этолійскаго и ахейскаго союзовъ, первое заключало въ себѣ почти одну только Этолію, а послѣднее находилось въ зависимости отъ Македоніи. Еще въ самый годъ битвы при Селласіи умеръ Антигонъ Досонъ и ему наслѣдовалъ находившійся до того времени подъ его опекой двоюродный братъ его, Филиппъ III, молодой человѣкъ, соединявшій въ себѣ всѣ качества, необходимыя для правителя, но дурно воспитанный и рано испорченный. Онъ обладалъ прекрасными способностями ума, большой храбростью, предпріимчивымъ духомъ, чувствомъ собственнаго достоинства и возбуждалъ во всѣхъ чрезвычайную симпатію къ себѣ. Прекрасная натура эта была еще въ юности развращена однимъ изъ тѣхъ подлыхъ придворныхъ, которыхъ въ описываемое время развелось такое множество въ греческихъ государствахъ. Вскорѣ по вступленіи Филиппа на престолъ, ко двору его явился изгнанный римлянами Димитрій Фаросскій (т. III стр. 358) и своими злыми и предательскими совѣтами вовлекъ Филиппа въ коварную и ошибочную политику, изъ которой молодой царь впослѣдствіи не могъ найти выхода. Во второй годъ его правленія возгорѣлась между этолійцами и ахейцами война, извѣстная подъ именемъ этолійской или войны союзниковъ. Въ нее былъ вовлеченъ и молодой царь македонскій. Этолійцы произвели въ Пелопоннесѣ страшныя опустошенія; ахейцы, во главѣ которыхъ все еще стоялъ одинаково несчастный и неспособный Аратъ, не могли справиться съ непріятелями. Филиппъ вступился за своихъ союзниковъ, одержалъ надъ этолійцами побѣду и, вторгнувшись въ ихъ землю и опустошивъ ее, своею жестокостью впервые обнаружилъ темную сторону своего характера, образовавшуюся

отъ ранняго обладанія царскою властью и совѣтовъ дурныхъ людей. Эта опустошительная война окончилась черезъ три года миромъ (217 г. до р. Х.), къ которому склонилъ Филиппа Димитрій Фаросскій, старавшійся вовлечь его въ войну съ римлянами. По этому миру обѣимъ враждующимъ сторонамъ были возвращены ихъ прежнія владѣнія.

Цѣль Димитрія вскорѣ была достигнута, Филиппъ рѣшился отнять у римлянъ Иллирію и для того вступилъ въ сношенія съ Ганнибаломъ; но медленность въ дѣйствіяхъ мѣшало успѣху переговоровъ. Ганнибалъ уже при самомъ вступленіи въ Италію предлагалъ ему союзъ, но Филиппъ послалъ къ нему уполномоченнаго только черезъ нѣсколько времени послѣ битвы при Каннахъ. Когда наконецъ союзъ состоялся, Филиппъ былъ сбитъ съ толку невѣрными извѣстіями и тѣмъ, что римляне перехватили одно изъ его посольствъ. Римляне съумѣли удержать его отъ перехода въ Италію посылкою флота для наблюденія за нимъ и заключеніемъ союза съ этолійцами. Союзъ этотъ далъ поводъ къ новой войнѣ между этолійцами и Филиппомъ, въ которой сторону македонянъ приняли ахейцы, а сторону этолійцевъ спартанцы и царь Атталъ I (211 по 204 г. до р. Х.). Война эта доставила римлянамъ ту пользу, что, разжигая вражду греческихъ народовъ и истощая силы воюющихъ, удержала Филиппа отъ перехода въ Италію. Когда наконецъ между царемъ македонскимъ и этолійцами былъ заключенъ миръ, римляне, помирившись съ Филиппомъ, признали его, разсчитывая сначала одолѣть карѳагенянъ, чтобы потомъ лишить самостоятельности совершенно обезсилѣвшихъ грековъ.

Греція находилась въ то время въ самомъ несчастномъ положеніи. Аѳиняне, съ трудомъ влачившіе свою печальную независимость, обратились въ низкихъ льстецовъ, торговавшихъ своимъ униженіемъ. Этолійцы думали только объ однихъ грабежахъ и опустошеніяхъ. Спартанцы сдѣлались добычею разбойничьихъ ата-

мановъ. Даже ахейскій союзъ не могъ спасти гибнущей Греціи, не смотря на то, что во главѣ его сталъ въ это время очень способный человѣкъ. Аратъ, доставившій ахейскому союзу мѣсто первенствующаго государства въ Греціи, затмилъ свою прежнюю славу тщеславіемъ и неспособностью, и умеръ въ 214 г. до р. X. Филиппа обвиняли въ отравленіи старика, который былъ невыносимъ ему своимъ вліяніемъ и упрямствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мѣсто Арата занялъ Филопеменъ, еще юношею выказавшій при Селласіи свои военные таланты (т. III, стр. 90), и обладавшій тѣми талантами, которыхъ недоставало его предшественнику. Человѣкъ честный, какихъ, къ сожалѣнію, въ тогдашней Греціи было очень немного, онъ отличался проницательностью, силою и неутомимой дѣятельностью. Съ 208 г. до р. X., когда онъ въ первый разъ былъ избранъ стратегомъ ахейскаго союза, Филопеменъ занималъ это мѣсто восемь разъ, и своими военными предпріятіями вновь доставилъ союзу даже большее противъ прежняго значеніе. Еще въ первую свою стратегію, тактическими упражненіями и перемѣною вооруженія онъ оживилъ ахейцевъ, едва осмѣливавшихся выступать на войну, новой жизнью и такой энергіей, что они, черезъ восемь мѣсяцевъ, могли сразиться со спартанцами и даже одержали надъ ними блистательную побѣду.

Въ то время какъ во главѣ ахейцевъ сталъ искусный правитель, въ Спартѣ, напротивъ того, предводители разбойничьихъ шаекъ одинъ за другимъ садились на престолъ и держались на немъ подъ защитою политики иноземныхъ государствъ, руководившихся въ этомъ случаѣ тѣми же соображеніями, по которымъ въ новѣйшее время такъ долго поддерживались европейскими державами африканскія разбойничьи государства и до сихъ поръ поддерживается Турція. По смерти Клеомена III власть надъ Спартою перешла въ руки простолюдина Ликурга, державшагося противъ нападеній сосѣднихъ государствъ хищническими набѣгами. По смерти его вступилъ на престолъ другой человѣкъ неизвѣст-

наго происхожденія, Маханидъ. Узурпаторъ этотъ былъ чудовищемъ, какихъ мало знаетъ исторія; звѣрски обращаясь съ своими подданными, онъ разбоями держалъ въ постоянномъ страхѣ города ахейскаго союза, противъ котораго его поддерживали этолійцы, потому что находили это выгоднымъ для себя по своимъ отношеніямъ къ Филиппу. Филопеменъ разбилъ Маханида въ первомъ же сраженіи, которое онъ далъ будучи стратегомъ, и этою побѣдою пріобрѣлъ уваженіе, которымъ впослѣдствіи постоянно пользовался между ахейцами. Въ этой битвѣ пали Маханидъ, пораженный рукою самого Филопемена, и около четырехъ тысячъ человѣкъ изъ его разбойничьей шайки (207 г. до р. Х.). Но къ несчастью своею побѣдою Филопеменъ помогъ достичь власти еще гораздо худшему тирану. Ахейское войско, угрожавшее послѣ этой битвы городу Спартѣ, было отбито третьимъ предводителемъ спартанскихъ разбойничьихъ шаекъ, Набисомъ: собравъ вокругъ себя всякую сволочь, онъ захватилъ власть въ свои руки. Для уплаты своимъ наемникамъ и обогащенія ихъ, Набисъ приказалъ умертвить или изгнать изъ города всѣхъ богатыхъ людей, заставивъ ихъ сначала страшными истязаніями открыть ему мѣста, гдѣ они спрятали свои сокровища. Вскорѣ онъ пошелъ и дальше. Заключивъ формальный союзъ съ критскими морскими разбойниками, онъ окружилъ городъ Спарту новыми стѣнами и укрѣпленіями, и за уступку себѣ извѣстной части добычи открылъ въ этомъ городѣ безопасный притонъ всѣмъ разбойникамъ и ворамъ Пелопоннеса. Цѣлые пятнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ власть находилась въ рукахъ Набиса, онъ грабилъ сосѣднія страны и, смотря по собственной выгодѣ, воевалъ то съ римлянами противъ Филиппа, то за одно съ нимъ противъ римлянъ.

Вскорѣ по возвышеніи Набиса, римляне окончили войну съ карѳагенянами и обратили свое оружіе съ большею, относительно прежняго, энергіею противъ Филиппа. По заключеніи

мира Филиппъ поступалъ вообще очень необдуманно. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь временемъ, готовиться къ отраженію грозившей ему со стороны Рима опасности и соединить всѣ греческіе города въ одинъ общій союзъ противъ римлянъ, онъ, своею страстью къ завоеваніямъ, оскорблялъ то тотъ, то другой народъ и вызывалъ ихъ на новые раздоры. Вмѣсто того, чтобы обратить всѣ свои силы на образованія хорошаго сухопутнаго войска, онъ старался увеличить свой флотъ, и вслѣдствіе того былъ вовлеченъ въ опасныя войны съ главными морскими державами Востока. Филиппъ воевалъ съ царями Египта и Пергама, съ родосцами и малоазійскими городами, опустошилъ владѣнія аѳинянъ, разсорился съ этолійцами и, по словамъ одного греческаго писателя, замѣнилъ дѣйствовавшее прежде между-народное право правиломъ рыбъ, по которому большая рыба пожираетъ меньшую. Нельзя однако отрицать, что въ то время онъ выказалъ себя искуснымъ полководцемъ и на морѣ, и на сушѣ. Всѣми этими войнами рѣшились воспользоваться римляне, чтобы уничтожить своего стариннаго врага, и въ самый годъ окончанія второй пунической войны искали только предлога для нападенія на македонскаго царя. Когда Родосъ, Аѳины и царь Пергама прислали къ римскому сенату посольство съ просьбою о помощи, онъ многозначительно и высокомѣрно отвѣтилъ имъ, что позаботится о спокойствіи Азіи. Окончивъ всѣ нужныя приготовленія къ войнѣ, они отправили въ Македонію посла, который принялся за свое мнимое посредничество съ начальствомъ, ясно обличавшимъ желаніе римлянъ начать войну.

Въ мартѣ слѣдующаго года (200 до р. X.) послѣдовало формальное объявленіе войны. Могущество Филиппа было очень значительно и распространялось на всѣ части Греціи; поэтому римляне, въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ войны, имѣли очень мало успѣха. Къ тому же продовольствіе римскаго войска и возможность вторженія его въ Ѳессалію и Македонію зависѣли отъ участія въ этомъ дѣлѣ самихъ грековъ, а они не чувствовали

особеннаго расположенія къ римлянамъ. Для Рима нуженъ былъ теперь человѣкъ, который бы зналъ характеръ грековъ, умѣлъ бы задѣть ихъ чувствительную струну и тѣмъ привлечь ихъ на сторону римлянъ. Такого человѣка римляне нашли въ Титѣ Квинкціи Фламининѣ, не исправлявшемъ до того времени никакой другой должности, кромѣ квесторской, и выбраннымъ консуломъ на третій годъ войны (198 до р. X.). Фламининъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, подобно Сципіону Африканскому Старшему, усвоили себѣ греческіе нравы и образованіе; обратившись въ полугрека, онъ не сохранилъ въ своемъ характерѣ ни одной римской черты, кромѣ властолюбія. Понимая очень хорошо, что никакъ не слѣдуетъ прибѣгать къ силѣ не во время, Фламининъ рѣшился дѣйствовать другими средствами: онъ представился другомъ грековъ и, искусно льстя ихъ національному тщеславію, пользовался ихъ слабостями. Дѣйствуя такимъ образомъ, Фламининъ добился того же самаго, чего достигъ Сципіонъ въ Испаніи подобными же средствами: онъ отвлекъ отъ Филиппа большую часть греческихъ государствъ и тѣмъ далъ войнѣ другой оборотъ. Уже въ первый годъ своего начальства надъ войсками онъ заставилъ Филиппа предложить переговоры. Желая снискать себѣ славу окончанія македонской войны, Фламининъ воспользовался для этой цѣли предложеніями Филиппа. Онъ разсчитывалъ, что если его друзьямъ въ Римѣ удастся устроить такъ, чтобы ему оставили начальство надъ войсками и на слѣдующій годъ, то онъ можетъ настаивать на предложенныхъ Филиппу тяжелыхъ условіяхъ, которыхъ македонскій царь не могъ принять; въ противномъ же случаѣ рѣшился заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ Филиппомъ. Фламинину удалось первое, и война возобновилась. Судя по тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ исходѣ нельзя было сомнѣваться. Филиппъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ римлянами и ихъ союзниками родосцами, Атталомъ, этолійцами, ахейцами и другими государствами, и чтобы склонить Набиса на свою сторону, вынужденъ былъ уступить Аргосъ этому разбойнику, который вско-

рѣ послѣ того оставилъ своего союзника и перешелъ на сторону Фламинина. Но Филиппъ безстрашно пошелъ на встрѣчу опасностямъ, грозившимъ ему со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ вполнѣ заслужилъ удивленіе потомства. Рѣшительный бой произошелъ при Кинокефалахъ, группѣ скалъ близъ ѳессалійскаго города Скотуссы (197 г. до р. Х.). Филиппъ былъ разбитъ и потерялъ множество людей, но осторожно отступилъ съ поля сраженія и съ большимъ умомъ повелъ переговоры. Заботясь о своей собственной славѣ, и желая скорѣйшаго заключенія мира по причинѣ предстоявшей войны съ Антіохомъ III сирійскимъ, Фламининъ не предложилъ Филиппу болѣе тяжелыхъ условій, а послѣдній согласился па всѣ его требованія. Онъ отдалъ римлянамъ свой флотъ, отказался, подобно карѳагенянамъ, отъ права веденія войны, заплатилъ значительную сумму денегъ, далъ въ заложники своего сына и призналъ независимость всѣхъ греческихъ государствъ.

8. Событія на востокѣ до подчиненія царя Антіоха III и этолійцевъ.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ македонскимъ царемъ, римлянамъ представился случай распространить свое владычество въ Азіи и Египтѣ. Какъ слабы были въ то время государства Востока, можно видѣть изъ описаннаго выше состоянія ихъ (т. III стр. 8). Блистательный успѣхъ, съ которымъ римляне вмѣшались въ дѣла Востока, объясняется почти самъ собою.

Ослабѣвшими и изнѣженными египтянами управлялъ съ 221 г. до р. Х. Птолемей IV Филопаторъ, человѣкъ, слѣдовавшій только своимъ страстямъ и сдѣлавшійся поэтому простымъ орудіемъ разныхъ негодяевъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ переходилъ отъ одного постыднаго дѣла и отъ одного развратнаго чувственнаго наслажденія къ другому, и даже умертвилъ отца, мать, брата и сестру. Государствомъ правили

его низкая любовница Агаѳоклея, ея подлый братъ Агаѳоклъ и Сосибій, человѣкъ, не уступавшій Агаѳоклу въ жестокости и порочности, но по крайней мѣрѣ соединявшій съ злодѣйствомъ энергію и ловкость. Войсками командовалъ сначала очень искусный предводитель, вступившій въ египетскую службу этоліецъ, Теодотъ; но, глубоко оскорбленный египтянами, онъ перешелъ во время войны на сторону сирійцевъ. Такимъ образомъ въ Египтѣ того времени мы не видимъ элементовъ, составляющихъ настоящую силу и опору государства; за то въ деньгахъ не было недостатка, и хитрые правители страны имѣли возможность при тогдашнемъ положеніи греческихъ государствъ всегда найти себѣ союзниковъ. По смерти Птолемея IV (204 г. до р. X.) на престолъ вступилъ пятилѣтній сынъ его Птолемей V Эпифанъ. Борьба за регентство во время малолѣтства новаго государя сопровождалась цѣлымъ рядомъ ужасовъ. Одинъ регентъ низвергалъ другаго, а александрійскій народъ игралъ въ этомъ случаѣ ту же роль, какую при подобныхъ обстоятельствахъ всегда играетъ народъ восточныхъ столицъ: онъ былъ и орудіемъ и жертвою насилія. Достигнувъ наконецъ совершеннолѣтія, юный царь пошелъ по стопамъ своего отца. Въ его царствованіе возможность сопротивленія внѣшнимъ врагамъ точно также обусловливалась только деньгами, отношеніями греческихъ государствъ и вѣрностью искуснаго этолійскаго полководца, Скопаса, поступившаго въ египетскую службу. Птолемей умеръ, какъ и большая часть Птолемеевъ, насильственною смертью (181 г. до р. X.), а при его преемникахъ повторялись тѣ же безпорядки и мерзости, которые сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ въ Египтѣ съ царствованія его отца. Къ тому же римляне, которымъ, по смерти Птолемея IV, досталась главная опека надъ его малолѣтнимъ сыномъ, мало по малу стали обращаться съ Египтомъ какъ съ покоренною землею. Это началось еще при Птолемеѣ IV, когда война съ Сиріей подала римлянамъ поводъ къ рѣшительному вмѣшательству въ египетскія дѣла.

Въ царствованіе Птолемеевъ IV и V Сиріей управлялъ Антіохъ III, царствовавшій съ 223 по 187 г. до р. Х. и за свои завоеванія въ восточной Азіи получившій прозваніе Великаго. Будучи предпріимчивѣе и сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, кромѣ Селевка I, онъ снова возвысилъ уже глубоко упавшую монархію Селевковъ и возстановилъ ее въ прежнихъ границахъ; но война съ римлянами была ему не по силамъ. Первые годы его царствованія прошли въ борьбѣ съ возмутившимися противъ него намѣстниками Персіи, Мидіи и Малой Азіи и въ войнахъ съ египтянами за Палестину и Финикію, которыя онъ опять хотѣлъ присоединить къ Сиріи. Ему удалось подавить намѣстниковъ, но въ войнѣ съ египтянами онъ потерпѣлъ, при Рафіи, полное пораженіе (217 г. до р. Х.). Послѣ того онъ совершилъ счастливый походъ въ восточную Азію, и воротился оттуда въ то самое время, какъ въ Египтѣ умеръ Птолемей Филопаторъ. Смерть Птоломея и безпорядки, возникшіе по поводу опеки надъ его молодымъ преемникомъ, показались Антіоху прекраснымъ случаемъ расширить предѣлы Сиріи на счетъ Египта. Для этой цѣли онъ заключилъ союзъ съ Филиппомъ III македонскимъ, который также хотѣлъ воспользоваться такимъ выгоднымъ положеніемъ дѣлъ. Въ то время, какъ Филиппъ завоевывалъ занятые египтянами приморскіе города Ѳракіи и Малой Азіи, Антіохъ овладѣлъ Финикіею и Палестиною. Но, когда начальство надъ египетскими войсками перешло въ руки этолійца Скопаса, онъ только съ трудомъ могъ удерживать за собою завоеванныя земли и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ долженъ былъ вести войну, не позволявшую ему направить свои силы на болѣе важныя предпріятія. Въ это самое время съ Филиппомъ начали войну римляне, а ихъ союзникъ, Атталъ III пергамскій, распространилъ свое владычество въ Малой Азіи. Антіохъ поступилъ бы всего благоразумнѣе и великодушнѣе, если бы, не слѣдуя внушеніямъ узкой и эгоистической политики, обратилъ всѣ свои силы противъ Аттала и тѣснѣе соединился съ Филиппомъ. Но онъ позволилъ

римскимъ агентамъ отклонить себя отъ войны съ Атталомъ и въ сношеніяхъ съ римлянами принималъ на себя видъ такого же, какъ и они, врага Филиппа. Только тогда, когда война римлянъ съ Филиппомъ приняла невыгодный оборотъ для послѣдняго, Антіохъ обратилъ все свое вниманіе на переднюю Азію и Европу, и слишкомъ поздно заключилъ миръ съ Египтомъ (198 г. до р. X.). Хотя послѣ этого онъ и завоевалъ часть Малой Азіи, но тѣмъ самымъ сталъ въ непріязненныя отношенія къ римлянамъ, потребовавшимъ отъ него возвращенія Египту Финикіи и Палестины и освобожденія малоазійскихъ городовъ. Вмѣсто того, чтобы предупредить римлянъ и немедленно начать съ ними войну, Антіохъ допустилъ занять себя дипломатическими переговорами и провелъ около трехъ лѣтъ въ однихъ приготовленіяхъ. Въ это время прибылъ къ нему Ганнибалъ. Его приняли очень дружелюбно, но совѣтамъ его не хотѣли слѣдовать, потому что открытому и прямому уму воина трудно было ладить съ греко-сирійской придворной челядью. Во время пребыванія Ганнибала въ Эфесѣ, при дворѣ Антіоха, явилось туда новое посольство изъ Рима. Въ числѣ пословъ, какъ говорятъ, находился и Сципіонъ Африканскій Старшій. Такимъ образомъ въ Эфесѣ еще разъ могли свидѣться два величайшіе полководца своего времени. Но достовѣрность этого факта очень сомнительна, и намъ неизвѣстно даже, дѣйствительно ли Сципіонъ находился при посольствѣ. Такъ неточны подробности разсказовъ о самыхъ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и все таки люди строятъ свое историческое знаніе на анекдотахъ! Въ то же самое время обратились къ Антіоху съ просьбою о помощи этолійцы, глубоко оскорбленные римлянами, съ которыми у нихъ возникъ споръ изъ за одной статьи македонско-римскаго договора, признававшей независимость всѣхъ греческихъ государствъ. Не сознавая всей невыгоды связей съ такимъ грубымъ, разбойничьимъ народомъ, Антіохъ заключилъ съ нимъ союзъ и былъ окон-

чательно вовлеченъ въ открытую войну съ римлянами, которой до сихъ поръ всячески старался избѣгнуть.

Война между Антіохомъ и римлянами началась зимою 192 г. до р. X., уже послѣ того, какъ этолійцы открыли военныя дѣйствія въ Греціи. Антіохъ переправился съ своими войсками въ Европу и тотчасъ же завоевалъ островъ Эвбею. Но онъ дѣлалъ ошибку за ошибкою. Вмѣсто того, чтобы стараться всѣми мѣрами склонить на свою сторону македонскаго царя, онъ оскорбилъ его своими переговорами и такимъ образомъ побудилъ подать помощь римлянамъ; и вмѣсто того, чтобы скорѣе двинуться впередъ и еще до прихода римскихъ войскъ занять всѣ мѣста, гдѣ послѣдніе могли высадиться или найти подкрѣпленіе, онъ завелъ переговоры съ незначительными городами, помощь которыхъ не могла имѣть для него значенія, не во время сталъ справлять въ Халкидѣ, на Эвбеѣ, свою свадьбу съ одной молодой гречанкою и за празднествами долго ничего не дѣлалъ. Между тѣмъ римское войско, подъ начальствомъ консула Манія Ацилія Глабріона, переправилось въ Грецію (191 г. до р. X.), соединилось съ войсками Филиппа и завоевало всю Ѳессалію. Понявъ слишкомъ поздно, какъ безплодно было потеряно имъ дорогое время въ Халкидѣ, Антіохъ поспѣшно переправилъ свои войска на материкъ. Здѣсь онъ неожиданно былъ обманутъ этолійцами, которые избрали его своимъ главнымъ военачальникомъ, но увидя, что нечего будетъ грабить, вмѣсто всего своего войска выставили въ минуту опасности только четыре тысячи человѣкъ. Антіохъ занялъ сильную позицію у Термопилъ и рѣшился уклоняться отъ сраженія до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ изъ Азіи подкрѣпленія. Но планъ его былъ разрушенъ находившимся въ римскомъ войскѣ легатомъ Маркомъ Порціемъ Катономъ Старшимъ. Онъ счастливо велъ нѣсколько лѣтъ горную войну съ возставшими народами Испаніи и воспользовался теперь пріобрѣтенною въ ней опытностью; пробравшись черезъ гору, занятую Антіохомъ, Катонъ лишилъ Антіоха всѣхъ выгодъ этой позиціи. Главныя

силы римлянъ напали вслѣдъ за тѣмъ на сирійское войско и почти совершенно истребили его. Самъ Антіохъ бѣжалъ въ Азію, а этолійцы поспѣшили выйти изъ своего затруднительнаго положенія, вступивъ въ переговоры съ римлянами.

По истеченіи срока своего консульства, Глабріонъ былъ вынужденъ, вліяніемъ Сципіоновъ, сложить съ себя начальство надъ войскомъ, которое должно было продолжать въ Азіи войну съ Антіохомъ. Могущественная фамилія Сципіоновъ хлопотала о томъ, чтобы на слѣдующій 190 г. до р. Х. былъ выбранъ консуломъ Луцій Корнелій Сципіонъ, хотя никто не признавалъ за нимъ большихъ способностей. Когда же сенатъ хотѣлъ поручить веденіе войны съ Антіохомъ не ему, а его товарищу, то Сципіоны съумѣли воспрепятствовать этому тѣмъ, что братъ консула, побѣдитель Ганнибала, обѣщался сопровождать Луція въ качествѣ легата. Сципіонъ тотчасъ согласился дать этолійцамъ перемиріе на шесть мѣсяцевъ и, обезпечивъ себя въ вѣрности царя Филиппа, переправился съ своимъ войскомъ черезъ Геллеспонтъ. Между тѣмъ римскій флотъ встрѣтился съ флотомъ Антіоха и, превосходя его числомъ кораблей, разбилъ его въ двухъ сраженіяхъ. Напрасно старался Антіохъ, посредствомъ переговоровъ, избѣжать грозившей ему гибели. Сципіонъ предложилъ ему такія тяжелыя условія, что сирійскій царь предпочелъ еще разъ испытать счастье. Рѣшительная битва произошла при лидійскомъ городѣ Магнесіи, у Сипилской горы (190 г. до р. Х.), хотя въ ней не приняли участія ни Ганнибалъ, ни Сципіонъ Африканскій. Послѣдній незадолго передъ тѣмъ захворалъ, а Ганнибалъ былъ посланъ въ Финикію для снаряженія флота. Антіохъ былъ разбитъ и добровольно принялъ отвергнутыя прежде условія мира: ему нечего было больше дѣлать, потому что римляне уже заняли нѣсколько важнѣйшихъ пунктовъ въ Малой Азіи и вступили въ союзъ съ Эвменомъ II пергамскимъ, родосцами и царемъ Прусіемъ I виѳинскимъ Къ тому же сирійское войско было также мало пріучено къ войнѣ и дисциплинѣ,

какъ нѣкогда войско, выставленное Даріемъ противъ Александра. Поэтому Антіоху оставалось только ожидать участи Дарія. По заключенному съ римлянами договору онъ уступилъ имъ всѣ земли по сю сторону Тавра или всю Малую Азію, обязался уплатить въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ около двадцати милліоновъ рублей серебромъ, отдать римлянамъ всѣ военные корабли и военныхъ слоновъ, и выдать кароагенянина Ганнибала, вмѣстѣ съ нѣсколькими греческими эмигрантами.

Во время переговоровъ о мирѣ и непосредственно затѣмъ, когда римскіе коммиссары раздѣляли уступленныя Антіохомъ земли и опредѣляли свои отношенія къ азіатскимъ союзникамъ,— впервые было формально объявлено Востоку начало всемірнаго господства Рима. Римляне являлись на востокѣ владыками, повелителями и судьями всего свѣта. Выраженіе „Антіохъ пересталъ царствовать“ при самомъ началѣ войны часто встрѣчается въ рѣчахъ и прокламаціяхъ римскихъ полководцевъ. Въ новѣйшее время точно также выражался о враждебныхъ ему государяхъ и народахъ Бонапартъ, похожій въ этомъ на римлянъ и заимствовавшій отъ нихъ это выраженіе, вмѣстѣ со многимъ другимъ. Почти всѣ государства Азіи признали господство римлянъ, точно также какъ въ новѣйшее время большинство европейскихъ правительствъ съ покорностью склонилось предъ императоромъ французовъ. Царь Антіохъ, владѣнія котораго простирались тогда отъ Сиріи до самаго Инда, отправилъ въ Римъ торжественное посольство просить, чтобы сенатъ милостиво предписалъ такія условія договора, какія признаетъ за лучшія; царь пергамскій Эвменъ II даже лично явился въ новую столицу міра, чтобы вымолить себѣ расположеніе владыкъ міра; отъ прочихъ малоазійскихъ государствъ и городовъ также явились въ Римъ послы, чтобы съ покорностью ожидать приказаній римлянъ; Прусій и жалкій царь Египта, еще до побѣды надъ Антіохомъ, держали себя въ отношеніи къ Риму совер-

шенными вассалами. Отнятыя у Антіоха страны римляне раздѣлили, повидимому, великодушно, но въ дѣйствительности очень хитро и эгоистично. Расширять предѣлы маленькихъ государствъ, усиливать незначительныхъ владѣтелей и тѣмъ легче держать ихъ въ зависимости, и ставить ихъ въ такія взаимныя отношенія, которыя бы постоянно возбуждали зависть и раздоры, — вотъ главныя основанія политики римлянъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ народомъ; той же политики слѣдовали римляне и при новомъ устройствѣ Малой Азіи. Такъ, напримѣръ, царю Эвмену и родосцамъ, господствовавшимъ въ то время на моряхъ Востока, римляне дали въ награду за помощь, оказанную ими въ сирійской войнѣ, новыя земли на материкѣ Малой Азіи; но въ то же время они понимали очень хорошо, что чрезполосность владѣній Пергама и Родоса будетъ впослѣдствіи порождать между ними безконечные раздоры, и слѣдовательно дастъ возможность постоянно вмѣшиваться въ дѣла враждующихъ сторонъ.

Луцій Корнелій Сципіонъ былъ встрѣченъ въ Римѣ съ тріумфомъ и получилъ прозваніе Азіатскаго. Изъ двухъ консуловъ слѣдующаго года (189 г. до р. Х.) одинъ, Маркъ Фульвій Нобиліоръ, былъ посланъ противъ этолійцевъ, а другой, Кней Манлій Вульсонъ, въ Малую Азію. Вульсонъ не удовольствовался порученнымъ ему раздѣленіемъ земель и, чтобы обогатиться и пріобрѣсти себѣ славу, началъ въ Галатіи войну съ галлами, разбойничьимъ народомъ, находившимся въ такихъ же отношеніяхъ къ прочимъ малоазійцамъ, какъ этолійцы къ европейскимъ грекамъ. Побѣдить этотъ народъ было однако легче, чѣмъ этолійцевъ, потому что раздѣленный на четыре отдѣльныя общины онъ не имѣлъ никакого единства. Галлы были побѣждены Манліемъ и вмѣстѣ съ царями Каппадокіи и Пафлагоніи, приславшими имъ вспомогательныя войска, принуждены заключить миръ. Манлій, захватившій вмѣстѣ съ своими солдатами награбленныя галлами сокровища,

заключилъ съ этимъ народомъ миръ на очень выгодныхъ условіяхъ, взявъ съ него обѣщаніе навсегда отказаться отъ хищническихъ набѣговъ.

Между тѣмъ другой консулъ, Маркъ Фульвій Нобиліоръ, велъ гораздо болѣе трудную войну въ Этоліи. Вспомнивъ горную природу этой страны и грубые нравы ея обитателей и обративъ вниманіе еще на то обстоятельство, что въ азіатскихъ земляхъ все зависѣло отъ одного человѣка, а въ Этоліи каждая деревня представляла родъ независимой республики, мы поймемъ, что положеніе Фульвія было гораздо труднѣе, чѣмъ его товарища, и что онъ не могъ надѣяться побѣдить этолійцевъ, не истребивъ ихъ до послѣдняго человѣка. Поэтому Фульвій обратилъ свои силы противъ эпирскаго города Амбракіи, принадлежавшаго въ то время этолійцамъ и наполненнаго драгоцѣнностями и разнаго рода произведеніями искусствъ. Заставивъ городъ сдаться послѣ долгой осады, Фульвій вознаградилъ себя и своихъ солдатъ всѣмъ, что только можно было забрать въ городѣ сколько нибудь цѣннаго; а горнымъ жителямъ, у которыхъ взять было нечего, онъ предложилъ довольно сносный миръ. И въ этомъ случаѣ римляне послѣдовали той же политикѣ, на которой основали свое владычество надъ народами всего міра. Чтобы поддерживать и возбуждать раздоры, они раздѣлили землю на мельчайшія владѣнія и щадили слабыхъ, чтобы тѣмъ легче держать въ страхѣ сильныхъ. Этолійцы были совершенно разорены тяжелою контрибуціей, всѣ неэтолійскія мѣстечки отдѣлены отъ ихъ союза; сами этолійцы разъединены, а незначительная до тѣхъ поръ Акарнанія, находившаяся съ ними въ постоянной враждѣ, расширена въ ущербъ давнишнимъ врагамъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ покореніе Македоніи и Греціи, мы должны обратить вниманіе на судьбу человѣка, который палъ жертвою заключеннаго съ Антіохомъ III мира, и еще ранѣе, въ своемъ собственномъ отечествѣ, едва не погибъ отъ ненависти партій

и римскаго властолюбія. Когда римляне потребовали отъ Антіоха выдачи Ганнибала, карѳагенянинъ по совѣту царя бѣжалъ и сначала отправился на островъ Критъ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ переселился къ царю виѳинскому Прусію I. Онъ жилъ у него нѣсколько лѣтъ, и руководилъ его предпріятіями противъ Эвмена II, царя пергамскаго. Хотя виѳинскій царь и пользовался благосклонностью римлянъ, но Ганнибалу, со времени его бѣгства отъ Антіоха, уже нечего было опасаться, и римляне оставили его въ покоѣ при дворѣ своего покорнаго союзника, пока не явился въ Виѳинію, въ качествѣ римскаго посла, Титъ Квинкцій Фламининъ. Онъ обезчестилъ римское имя недостойнымъ и безполезнымъ преслѣдованіемъ славнаго карѳагенянина и, воспользовавшись трусостью виѳинскаго царя, довелъ великаго человѣка до самоубійства. Полагаясь на Прусія, Ганнибалъ не удалился изъ столицы Виѳиніи при появленіи римскаго посла; но царь, боясь Фламинина и въ надеждѣ заслужить его благосклонность, съ полною готовностью сдѣлался постыднымъ орудіемъ его ненависти. Послѣ перваго же свиданія съ Фламининомъ Прусій послалъ солдатъ окружить жилище Ганнибала. Ганнибалъ уже давно принялъ свои мѣры, чтобы не попасть въ руки враговъ и не сдѣлаться жертвою тщеславія какого нибудь знатнаго римлянина или презрительной гордости народа. Когда шестидесяти четырехъ лѣтній старецъ увидѣлъ, что бѣгство уже невозможно, онъ принялъ ядъ, который всегда имѣлъ при себѣ (183 г. до р. Х.). Греческіе и римскіе писатели приводятъ, какъ замѣчательное стеченіе обстоятельствъ, что въ одинъ годъ съ Ганнибаломъ умерли двое величайшихъ его современниковъ: побѣдитель его Сципіонъ Африканскій Старшій и ахейскій полководецъ Филопеменъ.

9. Покореніе Греціи и Македоніи.

Миръ, заключенный Фламининомъ съ Филиппомъ III (197 г. до р. Х.) былъ чрезвычайнымъ бѣдствіемъ для Греціи и навсегда уничтожилъ ея свободу. По этому миру всѣ государства, находившіяся до того времени подъ властью Филиппа, были объявлены независимыми и такимъ образомъ вновь возбуждены раздоры во всей Греціи. Легкомысленные греки были обмануты хитрымъ Фламиниомъ, который старался воспользоваться ихъ тщеславіемъ для своихъ цѣлей. Изъ Македоніи онъ отправился въ Коринѳъ, гдѣ въ то время праздновались истмійскія игры, и тамъ, при огромномъ стеченіи народа, провозгласилъ самымъ эффектнымъ образомъ свободу всѣхъ греческихъ городовъ и племенъ. Обрадованные своимъ призрачнымъ счастьемъ, безразсудные греки предались безмѣрной радости, славили великодушіе римлянъ и осыпали своего мнимаго освободителя такими знаками благодарности и похвалами, что натискъ восторженнаго народа едва не стоилъ ему жизни. Такъ легко можно было обмануть этотъ народъ! Что объявленіе независимости было не совсѣмъ честно, видно изъ дѣйствій Фламинина тотчасъ по заключеніи мира. Онъ оставилъ въ завоеванныхъ городахъ римскіе гарнизоны и вмѣсто того, чтобы изгнать тирана Набиса изъ занятаго имъ незадолго передъ тѣмъ Аргоса, ясно далъ почувствовать свое желаніе, чтобы за Набисомъ было оставлено его новое владѣніе. Только изъ боязни утратить видъ освободителя, роль котораго онъ такъ старательно игралъ, Фламининъ черезъ нѣсколько времени принудилъ тирана оставить Аргосъ, но, доведя Набиса до крайности, снова обратился къ своей всегдашней вѣроломной политикѣ. Всѣ надѣялись, что Фламининъ освободитъ Спарту отъ страшнаго деспота. Вмѣсто того, онъ, видя въ Набисѣ полезное для римлянъ орудіе, оставилъ за нимъ всѣ его владѣнія, отнявъ у него только Аргосъ и приморскіе города Лаконіи.

Изъ Спарты Фламининъ отправился въ Аргосъ, для присутствія на немейскихъ играхъ, или, вѣрнѣе, для того, чтобы и тамъ явиться мнимымъ освободителемъ Греціи (195 г. до р. Х.). Еще до отъѣзда своего изъ Греціи, онъ два раза собиралъ депутатовъ всѣхъ греческихъ государствъ, чтобы они признали въ немъ своего повелителя. Сначала онъ устроилъ свое судилище въ фокидскомъ городѣ Элатеѣ, и здѣсь, при огромномъ стеченіи народа, предъ лицемъ всей Греціи, рѣшалъ внутреннія дѣла греческихъ государствъ. Грустное явленіе для обоихъ народовъ! Для грековъ судившій ихъ римлянинъ и лежавшій у его ногъ народъ были предвѣстниками близкаго рабства, а римлянъ подобное униженіе цѣлаго народа пріучило къ заносчивому владычеству надъ дружественными государствами. На народномъ собраніи, созванномъ Фламининомъ въ Коринѳѣ, римскій полководецъ разыгралъ другую роль. Говоря по гречески передъ огромной толпой народа, онъ побуждалъ грековъ къ единству и благодарности къ Риму и просилъ свободы для всѣхъ римлянъ, захваченныхъ въ плѣнъ во вторую пуническую войну и проданныхъ въ рабство въ Грецію. Греки съ величайшею готовностью исполнили его просьбу и, растроганные притворнымъ участіемъ къ нимъ своего владыки, проливали слезы умиленія; Фламининъ также плакалъ. Какая печальная сцена притворства съ обѣихъ сторонъ! Изъ Коринѳа, сопровождаемый радостными кликами толпы, Фламининъ объѣхалъ всю Грецію; возвратившись въ Римъ, онъ три дня праздновалъ свой тріумфъ, причемъ выставилъ на показъ 18 тысячъ фунтовъ серебра и около 4 тысячъ ф. золота въ слиткахъ, не считая денегъ, множества захваченнаго въ добычу оружія, произведеній искусствъ и драгоцѣнностей, и провелъ по улицамъ, передъ глазами своихъ согражданъ, множество римлянъ, освобожденныхъ имъ изъ греческаго рабства. Эффектъ этихъ сценъ подѣйствовалъ на римскій народъ; блескъ, которымъ Фламининъ окружалъ себя въ Греціи, удержался и въ Римѣ, и съ этого времени мнимый осво-

27 *

бодитель грековъ сталъ раздѣлять съ Сципіонами популярность между тѣми людьми, которые вносили въ Римъ греческіе нравы и образованность и тѣмъ губили національный характеръ своего народа.

По уходѣ римскихъ войскъ, Набисъ сначала не нарушалъ спокойствія въ Греціи. Когда же этолійцы, недовольные римско-македонскимъ миромъ, произвели новые безпорядки, Набисъ поднялся опять, стараясь возвратить отнятые у него приморскіе города. Ахейцы выслали противъ него Филопемена, но ему не удалось низложить втораго тиранна Спарты, подобно первому. Филопеменъ одержалъ побѣду, но не могъ смирить Набиса, который получилъ отъ этолійцевъ около тысячи человѣкъ подкрѣпленія. Предводитель этого вспомогательнаго отряда, Алексаменъ, счелъ самымъ выгоднымъ для этолійскаго союза воспользоваться случаемъ и навсегда присоединить къ союзу Спарту. По его мнѣнію этого можно было достигнуть только удаленіемъ Набиса, и онъ, выступивъ вмѣстѣ съ нимъ въ походъ, приказалъ своимъ этолійцамъ убить его (192 г. до р. Х.). Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ же объявить спартанцамъ свободу и предложить имъ союзъ съ этолійцами, Алексаменъ отдалъ ихъ городъ на жертву пришедшей съ нимъ толпы хищниковъ, а самъ занялся исключительно отыскиваніемъ накопленныхъ тиранномъ сокровищъ. Спартанцы вооружились, убили Алексамена и большую часть его спутниковъ, остальныхъ выгнали изъ города; затѣмъ, ожидая кровавой мести этолійцевъ, они немедленно приступили къ ахейскому союзу.

Въ слѣдующіе годы римляне были заняты войною съ царемъ Антіохомъ и этолійцами. Они не имѣли возможности вмѣшиваться въ дѣла Пелопоннеса, и казалось, что ахейцы, союзъ которыхъ распространился на весь Пелопоннесъ, получатъ господство надъ всѣмъ полуостровомъ. Но, побѣдивъ сирійскаго царя и на всегда обезопасивъ себя отъ этолійцевъ, римляне чрезвычайно хитро старались ослабить ахейскій союзъ и посѣять раздоры между греками. Сами

греки представляли къ этому множество случаевъ. Когда ахейцы, сильно тѣснимые отпавшими отъ ихъ союза мессенцами, обратились, черезъ своего стратега, къ римлянамъ, послѣдніе нетолько не подали имъ помощи, но отвѣчали, что они будутъ такъ же равнодушно смотрѣть, если, кромѣ мессенцевъ, отъ нихъ отпадутъ аргосцы, лакедемоняне и коринѳяне. Когда же вскорѣ затѣмъ возникъ споръ между спартанцами и ахейцами и обѣ стороны обратились къ римлянамъ, сенатъ далъ имъ двусмысленный отвѣтъ, еще болѣе усилившій раздоры. Такой образъ дѣйствій римлянъ, явно имѣвшій цѣлью уничтоженіе ахейскаго союза, заставилъ лицъ, стоявшихъ во главѣ его, обратить всѣ усилія, для поддержанія значенія и могущества своего государства. Въ 183 г. до р. Х. Филопеменъ двинулся противъ отпавшихъ мессенцевъ, оттѣснилъ ихъ, но при этомъ самъ попался въ плѣнъ. Выдача его конечно могла бы доставить мессенцамъ выгодный миръ, но олигархи, въ рукахъ которыхъ находилось правленіе, не заботились о мирѣ. Не спросясь народа, они рѣшились умертвить страшнаго противника и немедленно исполнили свое рѣшеніе. Восьмидесятилѣтній старикъ былъ отравленъ. За злодѣйствомъ не замедлило послѣдовать и мщеніе. Ликортъ, одинъ изъ способнѣйшихъ людей, управлявшихъ въ послѣднее время союзомъ, избранный въ стратеги на мѣсто погибшаго Филопемена, побѣдилъ и усмирилъ мессенцевъ; они были принуждены выдать виновниковъ злодѣянія и снова присоединиться къ союзу.

Между тѣмъ и Филиппъ, царь македонскій, снова поссорился съ римлянами, вслѣдствіе образа дѣйствій римскаго сената: не смотря на услуги, оказанныя Филиппомъ римлянамъ во время послѣдней войны ихъ съ Антіохомъ, сенатъ при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ македонскому царю чувствовать его новую зависимость. Филиппъ очень хорошо понималъ свое положеніе и принялъ благоразумныя мѣры, чтобы выпутаться изъ него: онъ привелъ въ порядокъ финансы и все управленіе своего государства, хорошо обучилъ войско и воспользовался тогдашнимъ состояніемъ сосѣднихъ

странъ, Ѳракіи и Ѳессаліи, для распространенія своего могущества. Римляне, которымъ такимъ образомъ онъ становился гораздо опаснѣе, старались всѣми мѣрами противодѣйствовать ему, поддерживая его враговъ, охотно выслушивая ихъ несправедливыя жалобы, и всякій разъ, когда они принимали на себя посредничество, рѣшая дѣло противъ Филиппа. Все это заставило наконецъ Филиппа взяться за оружіе. Чтобы выиграть время, онъ еще разъ послалъ въ Римъ своего втораго сына, Димитрія, который прежде жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ заложникомъ и пользовался расположеніемъ римскихъ аристократовъ. Димитрій взялся за дѣло такъ искусно, что склонилъ сенатъ заключить съ Македоніей миръ на очень выгодныхъ условіяхъ; но, воротясь назадъ, онъ сталъ выказывать слишкомъ большое сочувствіе къ римлянамъ и гордиться расположеніемъ къ себѣ сената, и этимъ возбудилъ подозрѣніе въ отцѣ. Старшій братъ его, Персей, человѣкъ, характеръ котораго не уступаетъ въ трагичности характерамъ Атрея и Ричарда III англійскаго, всячески старался усилить подозрѣнія отца и такъ искусно умѣлъ разставить сѣти, что отецъ и братъ попали въ нихъ и погибли. Изъ ненависти къ римлянамъ, Филиппъ опрометчиво убилъ своего лучшаго сына и, убѣдившись потомъ въ его невинности, проклялъ и лишилъ наслѣдства Персея. Снѣдаемый раскаяніемъ и скорбью, онъ ожесточился, сталъ прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ и подъ конецъ жизни сдѣлался бичомъ своего народа. По смерти его на престолъ вступилъ злодѣй Персей, отстранившій при содѣйствіи врача своего отца одного родственника, назначеннаго Филиппомъ въ преемники (179 г. до р. Х.).

Вступивъ на престолъ, Персей пошелъ по стопамъ отца, не обладая ни однимъ изъ его хорошихъ качествъ. Первыя правительственныя распоряженія обнаружили его ненависть или по крайней мѣрѣ открытое нерасположеніе къ римлянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенную неспособность и безтактность.

Въ самомъ ли дѣлѣ хотѣлъ онъ напасть на римлянъ, или только готовился встрѣтить ихъ нападеніе, неизвѣстно: достовѣрно одно, что Эвменъ II пергамскій, желая избавиться отъ опаснаго соперника въ передней Азіи и Греціи, всеми силами старался возбудить римлянъ къ войнѣ съ македонянами, и что римляне первые выступили въ походъ. Чтобы обвинить Персея, Эвменъ представилъ въ Римъ цѣлый списокъ противозаконныхъ поступковъ македонскаго царя (173 г. до р. Х.), но въ Римѣ война уже давно была рѣшена. Персей дѣлалъ ошибку за ошибкою; вмѣсто того, чтобы поскорѣе окончить начатыя его отцомъ приготовленія къ войнѣ и предупредить римлянъ, онъ упустилъ время и потомъ изъ скупости не рѣшился даже принять помощь, которую ему предлагали за небольшія деньги царь иллирійскій, Генцій, и жившій на сѣверъ отъ Дуная, смѣшанный съ германцами, галльскій народъ, бастарны. Сторону Персея приняли также и всѣ греки, но вслѣдствіе ихъ испорченности и множества лицъ, которыя въ каждомъ городѣ явно были орудіемъ римлянъ, сочувствіе ихъ не имѣло большаго значенія. Такимъ образомъ Персей вступалъ въ борьбу съ неравными силами, и римляне могли надѣяться на вѣрный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе они прибѣгли къ средствамъ, которыя не дѣлаютъ имъ чести и съ этого времени все болѣе и болѣе начинаютъ входить у нихъ въ употребленіе. Римскій посолъ, Квинтъ Марцій Филиппъ, почти въ то самое время, когда война уже начиналась, напомнилъ Персею о дружбѣ своего отца съ македонскимъ царскимъ домомъ и, обманувъ этимъ царя, уговорилъ его остановить приготовленія къ войнѣ; впослѣдствіи онъ открыто хвастался въ римскомъ сенатѣ своимъ обманомъ. "Слыша о такомъ новомъ родѣ политики, противномъ древнимъ римскимъ нравамъ, старѣйшіе сенаторы, по словамъ одного римскаго историка," сомнительно покачивали головами; но большинство сената обратило больше вниманія на пользу, чѣмъ на честь и право, и потому одобрило поступокъ Марція". Подобный образъ дѣйствій бросаетъ чрезвычайно дурной свѣтъ на тогдашнюю римскую аристократію;

точно также и въ высланномъ противъ Персея войскѣ уже проявляется тотъ духъ, который съ этого времени начинаетъ укореняться въ римскихъ солдатахъ. Войско это состояло не изъ однихъ только заслуженныхъ солдатъ и военачальниковъ, но къ нему пристало и много волонтеровъ, увлеченныхъ, по словамъ римскаго историка Ливія, примѣромъ тѣхъ, которые обогатились въ войнахъ съ Филиппомъ и Антіохомъ.

Война началась въ 171 г. до р. Х. У Персея былъ только одинъ союзникъ, ѳракійскій владѣтель Котисъ; хотя македонскій царь и расчитывалъ на помощь Греціи, но она была раздѣлена почти на столько же маленькихъ государствъ, сколько въ ней было городовъ, и трусливые греки, не смотря на всю свою ненависть къ римлянамъ, при самомъ началѣ войны отстали отъ союза съ Персеемъ. Римляне, напротивъ того, были въ союзѣ съ родосцами, царями каппадокійскимъ и пергамскимъ и обладали достаточными средствами, чтобы отклонить отъ всякаго участія въ этой войнѣ и грековъ и царя Иллиріи. Въ началѣ однако счастье улыбнулось было Персею. Весь первый походъ римлянъ былъ безуспѣшенъ, потому что начальствовавшій надъ войскомъ консулъ Публій Лициній Крассъ своими грабежами испортилъ духъ солдатъ, и неслыханными притѣсненіями раздражилъ противъ себя ѳессалійцевъ и беотійцевъ. Впослѣдствіи онъ даже былъ приговоренъ за то къ денежной пенѣ. Во второй и третій годъ войны римское войско также тщетно пыталось проникнуть изъ Ѳессаліи во внутренность Македоніи. Но къ счастью римлянъ, Персей не умѣлъ извлечь выгоды изъ своего положенія и не воспользовался ни недовольствомъ грековъ, ни талантами своего союзника Котиса, ни пораженіемъ одного римскаго корпуса въ Иллиріи, ни готовностью иллирійскаго царя прійти къ нему на помощь со всѣмъ своимъ войскомъ. Послѣдній просилъ у Персея 300 талантовъ субсидій (около 40.000 руб. сер.), и Персей уже послалъ ему эту сумму, но, снова получивъ довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ, воротилъ посланнаго съ деньгами. Таже скупость лишила его и другихъ выгодъ.

По его призыву бастарны прислали ему 20 тысячъ войска; но когда пришелъ срокъ уплаты имъ жалованья, Персей сталъ затягивать дѣло, и они воротились домой. Переговоры съ Эвменомъ, находившимся въ то время въ разладѣ съ римлянами, также не кончились ничѣмъ, вслѣдствіе скупости македонскаго царя.

Неуспѣшность военныхъ дѣйствій въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ была слѣдствіемъ перемѣнъ въ самомъ Римѣ. Нѣсколько знатныхъ фамилій, получивъ перевѣсъ надъ прочими, захватили въ свои руки всѣ высшія должности и веденіе войны, и обратили ихъ въ средство для поддержанія своей собственной роскоши. Весьма естественно, что это должно было имѣть вредное вліяніе на предпріятія государства; примѣръ полководцевъ дѣйствовалъ заразительно на войско, которое предалось необузданности и страсти къ грабежу. Такое положеніе дѣлъ не могло однако долго продолжаться. Когда война, въ которой въ прежнее время могъ начальствовать каждый извѣстный гражданинъ, слишкомъ затянулась, общественное мнѣніе снова пріобрѣло такую силу, что ему нельзя было противиться. Рѣшено было поручить предводительство войсками человѣку, уже прежде выказавшему свое искусство. Аристократіи трудно было противиться такому рѣшенію, потому что человѣкъ, котораго ставили во главѣ войска принадлежалъ къ господствовавшей въ Римѣ фамиліи Сципіоновъ. Фамилія эта распоряжалась одно время всѣми важнѣйшими дѣлами республики, такъ что, исключая одной войны съ Филиппомъ, всѣ значительныя войны были окончены Сципіонами или ихъ родственниками. Захватить въ свои руки и веденіе войны съ Персеемъ было для Сципіоновъ очень не трудно, потому что въ продолженіе всего неудачнаго хода войны, взоры народа постоянно обращались на одного человѣка, принадлежавшаго къ ихъ фамиліи, который уже и прежде самымъ блистательнымъ образомъ выказалъ въ войнѣ съ лигурами свои военные таланты, обладалъ твердостью характера и пользовался достаточнымъ уваженіемъ и вліяніемъ, чтобы увеличить войско и возстановить въ немъ дисциплину. Это былъ Луцій Эми-

лій Павелъ, сынъ консула того же имени, павшаго въ битвѣ при Каннахъ, отъ котораго онъ отличался прозваніемъ Македонскаго; онъ былъ шуриномъ Сципіона Африканскаго и отцомъ прославившагося впослѣдствіи полководца, который, будучи усыновленъ сыномъ Сципіона, принялъ его имя и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи римскаго народа, подъ именемъ Сципіона Африканскаго Младшаго. Пользуясь вліяніемъ и имѣя въ своемъ распоряженіи лучшее войско и болѣе матеріальныхъ средствъ, чѣмъ его предшественники, Эмилій Павелъ, избранный въ консулы на 168 годъ до р. Х., далъ македонской войнѣ совершенно иной оборотъ. Но, не смотря на его военный талантъ и силу характера, быстрый успѣхъ его побѣдоноснаго похода слѣдуетъ приписать не столько его искусству, сколько тому уваженію, которымъ онъ пользовался въ Римѣ, его фамильному вліянію и многочисленности его войска. Прибывъ въ Грецію, Эмилій обошелъ непріятеля и заставилъ его отступить въ Македонію, къ городу Пиднѣ. Оставалось только принудить къ открытому бою робкаго и хитраго царя, до тѣхъ поръ всячески уклонявшагося отъ рѣшительной битвы. Эмилію Павлу удалось достигнуть своей цѣли и это составляетъ его главную заслугу въ войнѣ съ Македоніею. Исходъ сраженія, даннаго при Пиднѣ такимъ опытнымъ, осторожнымъ и храбрымъ полководцемъ, какъ Эмилій, не могъ быть сомнителенъ: Персей потерпѣлъ страшное пораженіе. Заботясь болѣе о деньгахъ, чѣмъ о чести, онъ бѣжалъ съ своими сокровищами на островъ Самотракію. Здѣсь, ввѣрившись одному критянину, обѣщавшему перевезти его во Ѳракію, онъ былъ преданъ имъ римлянамъ, и не имѣлъ даже достаточной силы духа, чтобы добровольно окончить свою несчастную жизнь. Персей былъ привезенъ въ Римъ, и послѣ четырехъ лѣтняго плѣна умеръ въ Альба Лонгѣ.

Оставленные своимъ царемъ, македоняне должны были покориться побѣдителю. Всѣ города отворили ему свои ворота. Въ отношеніи новопокореннаго государства римляне, какъ всегда, руководились только своими собственными выгодами. Не обращая

ни малѣйшаго вниманія на положеніе и потребности жителей, они выдавали свое иго за свободу, жестокость за великодушіе, а новое устройство государства за начало счастливѣйшей для македонянъ эпохи. Манифестъ, обнародованный при этомъ случаѣ римскимъ сенатомъ, доказываетъ, что въ римскихъ прокламаціяхъ было столько же правды, сколько и въ оффиціальныхъ циркулярахъ и газетахъ новѣйшаго времени. „Прежде всего, было сказано въ прокламаціи, Македонія объявляется страной свободной. Пусть знаетъ міръ, что римское оружіе направлено къ одной только цѣли: доставить томящимся въ рабствѣ народамъ свободу, а народамъ свободнымъ вѣчное и вѣрное обезпеченіе ихъ свободы. Страхомъ своего имени Римъ принуждаетъ царей къ кроткому и справедливому управленію государствами, и всякая попытка съ ихъ стороны поднять оружіе противъ Рима неминуемо повлечетъ за собою покореніе ихъ самихъ и объявленіе ихъ народовъ свободными. Римскій сенатъ, заботясь о благосостояніи Македоніи, призналъ за лучшее образовать изъ нея четыре свободныхъ государства. Дань, которую съ этого времени Македонія будетъ платить Риму, составитъ только половину того, что она платила прежде своимъ царямъ. Золотые и серебряные рудники не будутъ разработываться, а государственныя имѣнія не поступятъ ни въ чье пользованіе, такъ какъ македонскія должностныя лица сдѣлали бы ихъ только источникомъ собственнаго обогащенія и раздора. Римъ могъ бы пользоваться рудниками и государственными имуществами только отдавая ихъ на откупъ; но въ такомъ случаѣ откупщики легко могли бы получить вліяніе на управленіе государствомъ и повредить свободѣ Македоніи.“ Вотъ какою маскою старался римскій сенатъ скрыть отъ міра свою безпощадную эгоистическую политику въ отношеніи къ побѣжденнымъ народамъ. Если мы взглянемъ пристальнѣе на его распоряженія относительно Македоніи, то увидимъ, что подъ этими прекрасными словами и мнимо свободными благодѣтельными формами скрывалась самая страшная тираннія. Точно то же можно

легко замѣтить и въ отношеніяхъ римлянъ ко всѣмъ прочимъ покореннымъ народамъ. Какъ бы для огражденія республиканскаго устройства, которое римляне вводили въ Македоніи, всѣ македоняне, когда либо занимавшіе высшія мѣста въ государственномъ управленіи или въ военной и морской службѣ, слѣдовательно всѣ государственные люди страны и лица, пользовавшіяся вліяніемъ, а также и всѣ богатыя семейства, были принуждены, подъ страхомъ смертной казни, оставить отечество и переселиться въ Италію. Этою мѣрою римляне поставили въ бѣдственное положеніе нѣсколько тысячъ невинныхъ людей и лишили страну всѣхъ людей, которые были способны управлять ею и знали ея нужды. Римскій сенатъ образовалъ изъ Македоніи четыре отдѣльныя республики; неудовольствовавшись такимъ искуственнымъ раздѣленіемъ народа, имѣвшаго одинаковые нравы и обычаи, онъ запретилъ всякія торговыя сношенія и браки между гражданами новыхъ республикъ, чтобы предотвратить возможность всякаго общаго возстанія противъ Рима. Хотя пониженіе налоговъ на половину и казалось съ перваго взгляда большимъ благодѣяніемъ для Македоніи, но теперь она должна была нести всѣ издержки содержанія четырехъ правительствъ, вмѣсто прежняго одного. Прекращеніе всякихъ сношеній и торговли дѣлало ея положеніе еще затруднительнѣе. Такимъ образомъ всѣ эти знаки расположенія Рима, и вся его заботливость, въ дѣйствительности были для македонянъ гораздо невыгоднѣе, чѣмъ окончательное обращеніе страны въ римскую провинцію. Когда черезъ двадцать лѣтъ четыре македонскія республики, послѣ возстанія, были обращены въ одну римскую провинцію и наказаны возстановленіемъ прежнихъ отношеній и налоговъ, это наказаніе было для македонянъ несравненно большимъ счастіемъ, чѣмъ прежняя свобода. Устройство, данное Римомъ македонскому государству, съ самаго начала не было разсчитано на продолжительное существованіе, и только должно было служить переходомъ къ обращенію Македоніи въ римскую провинцію.

Съ Иллиріей, покоренной послѣ побѣды надъ Персеемъ, римляне

поступили точно также, но бѣдствія этой страны были еще сильнѣе, потому что свободныя учрежденія достались народу совершенно грубому и разбойническому, не имѣвшему никакого понятія о политической свободѣ. Для наказанія эпиротовъ, перешедшихъ наконецъ на сторону Персея, сенатъ велѣлъ Эмилію Павлу предпринять противъ нихъ не набѣгъ, въ родѣ французскихъ рацціи въ Алжирѣ, а настоящій походъ съ систематическимъ грабежомъ. Собравъ въ семидесяти эпирскихъ городахъ все находившееся въ нихъ золото и серебро, Павелъ раздѣлилъ его между солдатами и отвелъ въ рабство до 150 тысячъ жителей. Такъ же жестоко, или по крайней мѣрѣ также безчувственно и произвольно, поступали римляне и съ другими народами. Эвменъ II, царь пергамскій, увидѣвшій во время войны, что избранный имъ путь ведетъ къ гибели и что интересы восточныхъ государствъ неразрывно связаны съ существованіемъ македонской монархіи, былъ наказанъ за то всевозможными оскорбленіями. Римляне, всячески вредя ему въ Азіи, возвысили въ ущербъ ему виоинскаго царя Прусія, какъ нѣкогда возвысили Эвмена, желая повредить Филиппу и Персею. Родосцы, которые также старались поддержать Македонію, подверглись еще худшей участи, не смотря на то, что для умилостивленія раздраженнаго сената казнили всѣхъ своихъ согражданъ, говорившихъ въ пользу Персея. Послы ихъ были допущены въ сенатъ только послѣ долгихъ и униженныхъ просьбъ, съ ними обращались какъ съ преступниками, не смотря на то, что при входѣ въ сенатъ они съ рыданіями бросились на колѣни и покорно перенесли всѣ униженія. Родосцы должны были, въ наказаніе, отказаться отъ Ликіи и Каріи; но они такъ боялись худшей участи, что униженно благодарили римлянъ за такое милостивое обращеніе. Впрочемъ жалкіе цари и народы Греціи и Малой Азіи едва ли заслуживали другой участи. Своими раздорами и подлою лестью они сами ставили себя въ такое презрѣнное и зависимое положеніе: напримѣръ, цари пергамскіе и аѳиняне старались превзойти другъ друга въ низкопоклонствѣ, а Прусій

виѳинскій дошелъ до того, что разъ, подобострастно поздравляя сенатъ съ побѣдой надъ Персеемъ, публично назвалъ себя вольноотпущенникомъ римскаго народа.

Всего печальнѣе было положеніе грековъ, потому что во всѣхъ ихъ государствахъ находились люди честолюбивые и корыстные, которые помогали римлянамъ и старались сгубить своихъ согражданъ для собственнаго возвышенія. Послѣ побѣды надъ Персеемъ римляне уже не признавали независимости Греціи и слѣдовали въ отношеніи къ этому несчастному народу самой коварной политикѣ. Ихъ коммиссары дѣйствовали крайне произвольно и, по выраженію историка Ливія, сообразовались не съ правомъ или виною, но единственно съ политическими убѣжденіями отдѣльныхъ гражданъ. Въ Этоліи, Акарнаніи и Беотіи, по наговорамъ негодяевъ, старавшихся вытѣснить лучшихъ гражданъ, многіе жители были схвачены, какъ приверженцы Персея, и отведены въ Италію. Точно также поступили коммиссары и въ городахъ ахейскаго союза; но здѣсь они по крайней мѣрѣ соблюдали еще нѣкоторыя формальности. Въ этомъ союзѣ особеннымъ значеніемъ пользовались Ликортъ и его партія, въ которой важную роль игралъ сынъ Ликорта, историкъ Полибій. Ихъ противники, во главѣ которыхъ стоялъ продажный Калликратъ, воспользовавшись тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ для собственнаго возвышенія, обвинили передъ римскими коммиссарами знатнѣйшихъ гражданъ союза въ измѣннической перепискѣ съ Персеемъ и условились съ коммиссарами объ уничтоженіи своихъ противниковъ. Двое изъ коммиссаровъ явились въ народное собраніе союза со спискомъ тысячи ахеянъ, имена которыхъ были выбраны ими изъ составленнаго Калликратомъ еще большаго списка, и обвинили ихъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Персеемъ. Во время возникшихъ по этому поводу жаркихъ преній одинъ изъ обвиняемыхъ, бывшій стратегъ Ксенонъ, проговорился, что онъ, не зная за собой такихъ замысловъ, готовъ доказать свою невинность передъ всякимъ судомъ, будетъ ли то въ Ахаіи или

въ Римѣ. Коммиссары ухватились за эти слова и потребовали, чтобы всѣ обвиняемые отправились для своего оправданія въ Римъ. По прибытіи въ Италію, они были задержаны какъ заложники, разосланы по городамъ и подвергнуты надзору государственной полиціи. Въ числѣ ихъ находились самые благородные, безкорыстные и наиболѣе уважаемые дѣятели ахейскаго союза, и между прочимъ Ксенонъ и Полибій. Не смотря на всѣ просьбы ахейцевъ, ихъ продержали въ Италіи семнадцать лѣтъ. Эти несправедливости ожесточили ахейцевъ, слишкомъ слабыхъ чтобы сопротивляться, но и слишкомъ гордыхъ чтобы повиноваться. Только семнадцать лѣтъ спустя, оставшіеся въ живыхъ триста человѣкъ были отпущены въ отечество (151 г. до р. Х.).

Возвращеніе ихъ еще болѣе усилило ненависть ахейцевъ къ Риму и окончательно погубило Грецію. Въ то время во всѣхъ государствахъ ея наибольшимъ вліяніемъ пользовались приверженцы Рима; послѣ побѣды надъ Персеемъ, всѣ народы отъ Египта и Сиріи до Испаніи и Нумидіи преклонились передъ Римомъ: при такомъ положеніи дѣлъ чего могла ожидать отъ своего возстанія слабая Греція, раздѣленная на множество маленькихъ государствъ и партій. Вездѣ господствовало недовольство и негодованіе противъ Рима, но въ тоже время несогласіе и полнѣйшее разъединеніе; коммиссары, время отъ времени отправляемые изъ Рима въ Грецію, пользовались этими раздорами чтобы усилить броженіе. Малѣйшая искра могла причинить пожаръ. Искрой этой сдѣлалась вражда Калликрата съ Меналкидомъ, не уступавшихъ одинъ другому въ корыстолюбіи, подлости и честолюбіи.

До возвращенія трехсотъ, Калликратъ и Меналкидъ управляли союзомъ вмѣстѣ; но, подкупленные двумя спорившими между собою городами, они поссорились при дѣлежѣ взятки. Вслѣдствіе броженія умовъ, произведеннаго возвращеніемъ трехсотъ, общественное мнѣніе открыто возстало противъ Калликрата и Меналкида; и въ то же время они сами также открыто вооружи-

лись другъ противъ друга. Меналкидъ, занимавшій въ предшествовавшемъ году должность стратега, былъ обвиненъ Калликратомъ въ попыткѣ оторвать отъ союза свой отечественный городъ, Спарту. Искусство и ловкость обвинителя подвергли Меналкида большой опасности, и онъ спасся только тѣмъ, что подкупилъ тремя талантами (около четырехъ тысячъ руб. сер.) своего преемника, стратега Діея. Послѣдній помогъ ему оправдаться, но самъ подвергся упрекамъ въ злоупотребленіи властью, и долженъ былъ опасаться формальнаго обвиненія въ лихоимствѣ. Чтобы отклонить отъ себя общее вниманіе, онъ рѣшился вовлечь союзъ въ споръ со Спартой. Спартанцы, не охотно примкнувшіе къ ахейскому союзу, уже два раза отдѣлялись отъ него, но каждый разъ ихъ снова принуждали къ соединенію. Въ послѣдній разъ они постановили условіемъ своего присоединенія къ союзу, чтобы ни одинъ спартанецъ, обвиняемый въ преступленіи противъ союза, не подлежалъ суду союзнаго трибунала, и это ограниченіе было утверждено римскимъ сенатомъ. Діей объявилъ, что утвержденіе сената подложное, поспѣшно двинулся съ небольшимъ отрядомъ къ Спартѣ, и потребовалъ выдачи двадцати четырехъ гражданъ. Послѣдніе были для виду приговорены спартанцами къ смерти, но бѣжали въ Римъ и просили защиты и помощи у сената. Туда же послали своихъ депутатовъ Спарта и союзъ: первая — своего уроженца, бывшаго стратега Меналкида, а послѣдній Калликрата и Діея (150 г. до р. X.).

На несчастье ахейцевъ Калликратъ умеръ во время дороги, въ ту минуту, когда онъ, своими связями въ Римѣ, могъ въ первый и единственный разъ принести пользу союзу. Сенатъ, выслушавъ обѣ стороны, объявилъ, что пошлетъ уполномоченныхъ разобрать дѣло на мѣстѣ. По возвращеніи въ Грецію Діей и Меналкидъ возстановили своихъ согражданъ другъ противъ друга, и ахейцы, по совѣту своего стратега Дамокрита, рѣшились, не ожидая приговора сената, взяться за оружіе (149 г. до р. X.). Не обративъ вниманія на предостереженіе римлянъ, они напали на спартанцевъ и цѣлые

два года держали ихъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Въ концѣ втораго года явился въ Пелопоннесъ посолъ римскаго сената, Аврелій Орестъ, и объявилъ народному собранію въ Коринѳѣ, что, по рѣшенію римскаго сената, не только Спарта, но и всѣ прочія, не коренныя ахейскія, государства, какъ Коринѳъ, Аргосъ и другія, отдѣляются отъ союза и объявляются самостоятельными. Это рѣшеніе привело ахейцевъ въ совершенное бѣшенство: народъ бросился на бывшихъ при этомъ спартанцевъ, умертвилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и заковалъ въ цѣпи остальныхъ, не пощадивъ даже тѣхъ, которые укрылись въ домѣ римскаго посла. Между тѣмъ наступило время выбора въ стратеги, и стратегомъ былъ избранъ заклятый врагъ римлянъ, Критолай (148 г. до р. Х.). Критолай, вмѣстѣ съ Діеемъ, болѣе и болѣе поджигалъ ахейцевъ, не смотря на то, что въ то время римляне снова покорили возставшую недавно Македонію. Одинъ смѣлый авантюристъ, Андрискъ, выдалъ себя въ Македоніи за Филиппа, сына Персея, почему онъ и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Лже-Филиппа; воспользовавшись всеобщимъ смятеніемъ и недовольствомъ, онъ задумалъ, при помощи ѳракійскихъ владѣтелей, достигнуть царской власти. Планъ его удался, онъ овладѣлъ всей Македоніей, и угрожалъ даже Ѳессаліи (150 г. до р. Х.). Войско, высланное противъ него въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ претора Ювенція Тальны, было разбито имъ въ открытомъ полѣ. Тогда посланъ былъ противъ Андриска преторъ Квинтъ Цецилій Метеллъ, который повелъ войну такъ счастливо, что за скорое окончаніе ея получилъ прозваніе Македонскаго. Разбивъ Андриска въ двухъ сраженіяхъ, Метеллъ прогналъ его во Ѳракію, гдѣ онъ былъ схваченъ однимъ изъ ѳракійскихъ владѣтелей и выданъ римлянамъ (148 г. до р. Х.).

Первыя удачи Андриска и современная имъ война римлянъ съ карѳагенянами до того ослѣпили ахейцевъ и ихъ неблагоразумныхъ вождей, что они увлекались все болѣе и болѣе. Римляне не обратили вниманія на оскорбленіе, нанесенное Оресту, и посту-

пали мягче прежняго. Но Критолай возбудилъ союзъ къ войнѣ противъ Спарты, и когда новый римскій посолъ старался уладить дѣло мирно, ахейскій стратегъ не только парализировалъ всѣ его усилія, но и оскорбилъ его самого. Тогда римляне поручили консулу слѣдующаго года, Луцію Муммію, человѣку чрезвычайно грубому и необразованному, переправиться съ войскомъ въ Грецію и довершить ея покореніе (147 г. до р. Х.). Еще до прибытія Муммія, благородный Метеллъ, уже оканчивавшій войну съ Андрискомъ, старался всѣми силами освободить ахейцевъ отъ вліянія демагоговъ и совѣтовалъ имъ быть благоразумнѣе. Но на его доводы ахейцы не обратили никакого вниманія и нахально оскорбили его посла. Тогда Метеллъ двинулся съ своимъ войскомъ въ Пелопоннесъ и въ Локридѣ встрѣтился съ Критолаемъ, который призвалъ къ оружію всѣ государства ахейскаго союза и, привлекши на свою сторону беотійцевъ, собралъ подъ своимъ начальствомъ многочисленное войско. Ахейскій стратегъ проникъ уже до самыхъ Термопилъ и могъ бы совершенно спокойно ожидать тамъ Метелла. Но вмѣсто того, чтобы защищать это мѣсто, онъ, съ приближеніемъ римлянъ, отступилъ въ безпорядкѣ назадъ, былъ настигнутъ ими у локридскаго города Скарфеи и потерпѣлъ постыдное пораженіе. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ неизвѣстно какимъ образомъ. Мѣсто его занялъ его предшественникъ Діей, столь же легкомысленный, какъ и Критолай, и его соотечественниками овладѣлъ не во время энтузіазмъ къ свободѣ. Вмѣсто того, чтобы заключить миръ съ кроткимъ Метелломъ, медленно подвигавшимся дальше за Мегару и вездѣ поступавшимъ очень снисходительно, ахейцы рѣшились на крайнія мѣры, для успѣшнаго выполненія которыхъ у нихъ не было ни достаточнаго мужества, ни силы. Они вооружили двѣнадцать тысячъ рабовъ, принудили богатыхъ гражданъ сдѣлать большія денежныя пожертвованія, призвали къ защитѣ отечества все юношество, и съ яростью напали на тѣхъ, кто предлагалъ имъ миръ. Когда ахейскія войска готовы были

выступить въ походъ, Муммій высадился въ Греціи (146 г. до р. Х.). Не смотря на то, Діей съ своимъ наскоро собраннымъ войскомъ рѣшился вступить на Коринѳскомъ перешейкѣ въ бой съ римлянами, войско которыхъ состояло изъ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ и было вдвое сильнѣе греческаго. Битва окончилась совершеннымъ пораженіемъ ахейцевъ. Все ихъ юношество пало подъ ударами римскихъ солдатъ, а Діей бѣжалъ и потомъ отравился. Оставленный имъ Коринѳъ былъ занятъ Мумміемъ и подвергся страшной участи: все мужское населеніе города было умерщвлено, женщины и дѣти проданы въ рабство, а самый городъ разграбленъ и потомъ сожженъ. Муммій еще до пожара приказалъ собрать множество произведеній искусствъ, чтобы отвезти ихъ въ Римъ. Впрочемъ онъ сдѣлалъ это вовсе не изъ любви къ изящному, а только изъ желанія украсить ими, по тогдашнему обыкновенію, свое тріумфальное шествіе въ Римъ. Какъ мало былъ развитъ въ немъ эстетическій вкусъ, видно изъ того, что лучшія произведенія онъ продалъ съ публичнаго торга, а купцевъ, принявшихъ на себя перевозку остальныхъ въ Италію, обязалъ условіемъ замѣнить новою каждую вещь, которая разобьется или потеряется отъ кораблекрушенія. Множество прекраснѣйшихъ произведеній греческаго искусства, издавна собранныхъ въ богатомъ Коринѳѣ, погибло въ пламени и въ волнахъ на пути въ Италію, или же было разсѣяно въ Римѣ и его окрестностяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были пріобрѣтены пергамскими царями, лучшими цѣнителями искусства, чѣмъ Муммій. Когда они, во время бывшаго въ Коринѳѣ аукціона, предложили за одну картину около 30,000 руб. сер., грубый консулъ былъ приведенъ въ такое изумленіе, что удержалъ картину за собою, объясняя себѣ высокую цѣну ея присутствіемъ въ ней какой нибудь сверхъестественной силы.

Подобно Коринѳу были разграблены и разрушены и нѣкоторые другіе греческіе города. Вся Греція была обращена въ римскую провинцію, подъ именемъ Ахаіи, причемъ однако, по римскому обычаю, отдѣльные государства и города сохранили свое

собственное управленіе. Уничтоживъ вездѣ демократическія учрежденія и запретивъ отдѣльнымъ городамъ заключать союзы, римляне ввели въ нихъ родъ муниципальнаго управленія, какое было въ средневѣковыхъ городахъ. Вся страна была обложена опредѣленною данью. Точно такъ же дѣйствовалъ въ Македоніи и Метеллъ, отправившійся туда тотчасъ по прибытіи Муммія въ Грецію.

10. Третья пуническая война.

По обще принятому мнѣнію Карѳагенъ былъ разрушенъ въ томъ же году, въ которомъ Греція была обращена въ римскую провинцію, но, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, между этими событіями прошло два года. Впрочемъ точное опредѣленіе года паденія Карѳагена важно только для однихъ ученыхъ. По послѣднему мирному договору карѳагеняне не могли вести никакой войны безъ позволенія римлянъ. Пользуясь вслѣдствіе того пятидесятилѣтнимъ миромъ, Карѳагенъ снова достигъ высокой степени благосостоянія, но на его несчастье соединились три обстоятельства, которыя снова низвергли его съ этой высоты и довели до окончательной гибели. Въ римскомъ сенатѣ происходила борьба двухъ партій, въ которую былъ вовлеченъ и Карѳагенъ. Часть римской знати, во главѣ которой стояли Сципіоны, защищала чужеземные нравы и обычаи, которые, при распространеніи римской республики до самой Греціи, проникли оттуда въ Римъ. Эти люди стремились къ тому, чтобы римскія національныя особенности и развитіе перешли въ общее всемірное образованіе, и старались такимъ путемъ достигнуть популярности и преобладающаго вліянія. Другая партія, вождемъ которой былъ Маркъ Порцій Катонъ Старшій, стремилась противопоставить вторженію новой образованности и чужеземныхъ обычаевъ древній римскій духъ и національный характеръ, и такимъ образомъ остановить то движеніе, которое, съ расширеніемъ римскаго владычества, необходимо должно было привести римлянъ

и къ новымъ формамъ жизни. Эта борьба раздвоила сенатъ и, какъ всякій горячій политическій споръ, охватила все, въ томъ числѣ и дѣла Карѳагена. Тогда партія, ненавидѣвшая карѳагенянъ, не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не уничтожила окончательно этотъ народъ. Второю причиною третьей пунической войны былъ раздоръ въ самомъ Карѳагенѣ. Вскорѣ по изгнаніи Ганнибала, въ карѳагенскомъ сенатѣ образовались три враждебныя между собою партіи: римская, — во главѣ которой стоялъ Ганонъ Великій и его фамилія,—искала спасенія страны въ полной преданности Риму; нумидійская,—предводимая Ганнибаломъ Псаромъ,—ожидала спасенія отъ Масиниссы и демократическая,—съ Гамилькаромъ, прозваннымъ Самнитскимъ и Карталономъ во главѣ,—хотѣла защищать государство одними собственными его силами и свободными учрежденіями. Безпрерывная борьба этихъ трехъ партій должна была ослабить карѳагенское государство и ускорить торжество его враговъ. Всего больше она была полезна Масиниссѣ; его властолюбіе, продолжительная жизнь и сильное вліяніе въ Римѣ были третьею главною причиною послѣдней войны карѳагенянъ съ Римомъ. При самомъ началѣ третьей пунической войны, Масинисса, не смотря на свои восемьдесять девять лѣтъ, обладалъ еще неутомимой энергіей и физической силой.

По изгнаніи Ганнибала, Масинисса началъ захватывать по частямъ принадлежавшія Карѳагену земли, и такъ какъ карѳагеняне не смѣли, безъ позволенія Рима, начинать ни одной войны, то послѣ всякаго такого захвата они должны были обращаться къ римлянамъ, которые постоянно оправдывали Масиниссу, придумывая какой нибудь законный предлогъ. Наконецъ онъ вздумалъ овладѣть самымъ плодороднымъ и наиболѣе населеннымъ участкомъ карѳагенской земли. Карѳагеняне обратились къ римлянамъ съ настоятельной просьбой о заступничествѣ, но дѣло было затянуто сенатомъ до тѣхъ поръ, пока Масинисса не достигъ своей цѣли; только тогда отправилось въ Карѳагенъ посольство, для из-

слѣдованія дѣла. Въ этомъ посольствѣ находился и Катонъ Старшій. Увидѣвъ собственными глазами, какъ разбогатѣлъ снова Карѳагенъ, въ рукахъ котораго все еще находилась всемірная торговля, Катонъ ужаснулся. Притомъ карѳагеняне воспротивились подчинить свое право, ясно и опредѣлительно выраженное въ мирномъ договорѣ со Сципіономъ, крайне подозрительному третейскому рѣшенію римскихъ пословъ. Катонъ возвратился въ Римъ, глубоко оскорбленный и исполненный ненависти къ карѳагенянамъ (157 г. до р. Х.), и съ этого времени постоянно стремился въ римскомъ сенатѣ къ уничтоженію африканской республики. Главнымъ оружіемъ послужило ему цвѣтущее состояніе непріязненнаго государства и опасность, будто бы грозившая отъ того римлянамъ. Неутомимая энергія Катона въ преслѣдованіи его цѣли изображается римскими писателями въ двухъ анекдотахъ, за достовѣрность которыхъ нельзя конечно ручаться. Говорятъ, что однажды Катонъ принесъ въ сенатъ нѣсколько фигъ и, когда сенаторы удивлялись ихъ свѣжести, сказалъ: „Знаете-ли, что прошло не болѣе трехъ дней, какъ ихъ сорвали въ Карѳагенѣ. Такъ незначительно пространство, отдѣляющее насъ отъ нашего смертельнаго врага". Говорятъ еще, что, будто бы, всѣ свои рѣчи въ сенатѣ, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ, Катонъ всегда оканчивалъ словами: „а все таки я полагаю, что Карѳагенъ необходимо разрушить". Противъ этого мнѣнія дѣйствовала въ сенатѣ партія Сципіоновъ, полагавшая, что Карѳагенъ слѣдуетъ поддерживать для самихъ римлянъ, потому что иначе чувство безопасности ослабитъ ихъ. Партіи Катона удалось склонить на свою сторону большинство римской знати, и по возвращеніи его изъ Африки сенатъ ждалъ только повода къ войнѣ съ Карѳагеномъ. При тогдашней борьбѣ партій въ Карѳагенѣ, найти его было не трудно.

Въ 151 году до р. Х. демократической партіи удалось изгнать изъ Карѳагена друзей и приверженцевъ Масиниссы. Нумидійскій царь вступился за изгнанниковъ и послалъ въ городъ

двухъ своихъ сыновей, чтобы заставить карѳагенянъ къ отмѣнѣ прежняго рѣшенія. Но они не только не впустили къ себѣ сыновей своего давнишняго врага, но даже погнались за ними и убили нѣсколько человѣкъ изъ ихъ свиты. Тогда Масинисса возобновилъ войну съ карѳагенянами, и въ самомъ началѣ, разбивъ ихъ въ одномъ сраженіи, поставилъ въ очень затруднительное положеніе. Въ это время у Масиниссы случайно находился усыновленный внукъ Сципіона Старшаго, Публій Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ, прозванный впослѣдствіи также Африканскимъ. Онъ хотѣлъ примирить враждующія стороны, но всѣ усилія его остались тщетными, потому что ни одна сторона не хотѣла дѣлать уступокъ. Война продолжалась, но карѳагеняне вели ее такъ несчастливо, что лишились всего своего войска, состоявшаго болѣе чѣмъ изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ, и наконецъ должны были согласиться на требованіе Масиниссы возвратить изгнанныхъ и уплатить ему очень значительную сумму. Не смотря на то, римляне объявили эту войну нарушеніемъ мира, и произвели по всей Италіи наборъ, не объясняя противъ кого направлено это войско. Карѳагеняне были въ страшномъ положеніи; у нихъ не оставалось болѣе войска, а Масинисса стоялъ еще передъ воротами Карѳагена. Испуганные граждане употребляли всѣ мѣры для отвращенія опасности. Чтобы сложить вину въ войнѣ съ Масиниссой на Карталона, Гасдрубала и другихъ вождей демократической партіи, они приговорили ихъ къ смерти, отправили пословъ въ Римъ и изъявили готовность дать всякаго рода удовлетвореніе. Мнѣнія римскаго сената раздѣлились; онъ давалъ неопредѣленные отвѣты и посольства безпрестанно переѣзжали изъ Карѳагена въ Римъ и обратно (150 г. до р. X.). Въ это время передалась Риму Утика, самый большой и богатѣйшій послѣ Карѳагена городъ на африканскомъ берегу; успѣхъ войны казался уже такимъ несомнѣннымъ, что партія Катона одержала верхъ, и война была рѣшена (149 г. до р. X.).

Вести войну было поручено двумъ консуламъ Манію Ма-

нилію и Луцію Марцію Цензорину. Они немедленно переправились съ восьмидесяти четырехъ тысячнымъ войскомъ въ Сицилію, чтобы оттуда отплыть въ Утику. Сенатъ приказалъ имъ не кончать войны, пока Кароагенъ не будетъ разрушенъ, не входить ни въ какіе переговоры и не обращать вниманія ни на какія извѣстія о заключеніи мира. Въ то время какъ консулы спѣшили снарядить экспедицію къ отплытію изъ Сициліи, сенатъ съ притворнымъ дружелюбіемъ принялъ посольство Кароагена. Оно объявило, что кароагеняне готовы безусловно исполнить всѣ требованія римлянъ. На это сенатъ отвѣчалъ, что заключитъ съ ними миръ на снисходительныхъ условіяхъ, если они представятъ заложниками триста дѣтей изъ знатнѣйшихъ фамилій города и обяжутся исполнить всѣ требованія консуловъ. Но въ то же время сенатъ тайно извѣстилъ консуловъ, чтобы они ни въ чемъ не отступали отъ первопачальной инструкціи. Кароагеняне исполнили требованіе римскаго сената, хотя и не вѣрили его обѣщаніямъ; они привезли своихъ дѣтей консуламъ, находившимся въ то время еще въ Сициліи. Консулы отослали этихъ заложниковъ въ Римъ, а привезшимъ ихъ кароагенскимъ посламъ велѣли ожидать дальнѣйшихъ приказаній въ Утикѣ. Тамъ римляне потребовали, чтобы кароагеняне отдали имъ все свое оружіе, корабли и военные снаряды. Несчастный народъ согласился и на это. Когда кароагеняне такимъ образомъ обезоружили сами себя, консулы потребовали, чтобы Кароагенъ былъ срытъ до основанія, а жители переселились на другое мѣсто, въ двухъ миляхъ пути отъ берега. Такого требованія посольство кароагенское не ожидали, но консулы положительно объявили, что оно неизбѣжно. Послы не осмѣлились сами передать эту вѣсть народу; и когда она была объявлена кароагенскимъ сенатомъ, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Исполненный ярости, народъ предалъ истязаніямъ и умертвилъ пословъ и всѣхъ тѣхъ, кто совѣтовалъ выдать римлянамъ заложниковъ и оружіе, безжалостно мучилъ до смерти находившихся въ Кароагенѣ итальянцевъ, и громко требовалъ мщенія и войны.

Карѳагенскій сенатъ въ тотъ же день объявилъ войну римлянамъ. Это была борьба отчаянія съ римской жаждой къ грабежу и разрушенію; карѳагеняне были доведены до крайности коварными поступками римлянъ, а съ другой стороны только алчность и смертельная вражда могли собрать подъ римскіе орлы такое необыкновенно сильное войско: оно состояло изъ лучшихъ воиновъ, потому что, въ надеждѣ славы и добычи, на эту войну стремились всѣ способные носить оружіе граждане Рима и союзныхъ государствъ. Въ Карѳагенѣ всѣ классы и сословія соединились для отчаянной защиты: всѣмъ рабамъ была дана свобода, Гасдрубалъ, бѣжавшій по произнесеніи надъ нимъ приговора, былъ возвращенъ и привелъ собранное имъ двадцати тысячное войско; площади и храмы города были превращены въ оружейныя мастерскія; всѣ жители принялись за работу и трудились день и ночь, женщины отдавали свои волоса на канаты, по недостатку другихъ матеріаловъ. Огромное римское войско шло по слѣдамъ карѳагенскихъ пословъ и, вскорѣ по прибытіи къ Карѳагену начавъ осаду города, совершенно неожиданно встрѣтило упорное сопротивленіе. Гасдрубалъ раскинулъ передъ самымъ городомъ укрѣпленный лагерь, а городскія стѣны защищало все населеніе города подъ главнымъ начальствомъ другаго Гасдрубала. Всѣ нападенія римлянъ оставались безуспѣшными и, когда наконецъ они рѣшились взять городъ штурмомъ, они были отбиты съ большимъ урономъ. Консулы были принуждены снять осаду и, отступивъ, расположились лагеремъ въ небольшомъ разстояніи отъ города. Но и здѣсь, при каждомъ нападеніи карѳагенянъ, они терпѣли постыдныя пораженія, и нѣсколько разъ имъ грозила величайшая опасность, такъ что все войско легко могло бы погибнуть, если бы его не спасло благоразуміе и искусство Сципіона Африканскаго Младшаго, командовавшаго нѣсколькими когортами въ качествѣ военнаго трибуна. Впродолженіе всего перваго года войны римляне терпѣли неудачи и карѳагеняне стали ободряться. Римляне не были счастливѣе и въ

слѣдующемъ году, подъ начальствомъ новаго консула Луція Кальпурнія Пизона. Не рѣшаясь нападать ни на самый Карѳагенъ, ни на войско Гасдрубала, римляне занялись осадою нѣсколькихъ карѳагенскихъ укрѣпленныхъ городовъ, но могли овладѣть только однимъ изъ нихъ. Въ началѣ этого года (148 до р. Х.) умеръ Масинисса, и все нумидійское царство, согласно его желанію, было раздѣлено между его тремя сыновьями Миципсой, Гулуссой и Мастанабаломъ. Причины несчастнаго хода войны были тѣже самыя, какъ въ недавней борьбѣ съ Персеемъ; исходъ обѣихъ войнъ былъ также одинаковъ. По прошествіи двухъ лѣтъ римляне, убѣдившись въ совершенной неспособности консуловъ, поставили во главѣ войска человѣка, который пользовался полнымъ довѣріемъ, достаточно доказалъ свои способности, былъ любимъ войскомъ и, по значенію своей фамиліи въ Римѣ, легко могъ привести въ движеніе всѣ силы государства. Народъ повелительно требовалъ, чтобы на слѣдующій годъ былъ избранъ въ консулы Публій Корнелій Сципіонъ Африканскій Младшій, сынъ Павла Эмилія Македонскаго, усыновленный сыномъ Сципіона Африканскаго Старшаго. Выбора этого добивалась вся фамилія Сципіоновъ и всѣ ихъ приверженцы. Самъ противникъ этой партіи, Катонъ, до того убѣдился изъ опыта двухъ послѣднихъ лѣтъ въ необходимости возвысить этого юношу, что однажды въ сенатѣ примѣнилъ къ нему стихъ Гомера: „Разумомъ свѣтелъ лишь онъ; другіе блуждящія тѣни“. Такимъ образомъ Сципіонъ, не достигнувъ еще узаконеннаго возраста, былъ избранъ консуломъ и назначенъ главнымъ начальникомъ африканской арміи. Весною 147 г. до р. Х. онъ отправился въ Африку и прежде всего старался возстановить въ войскѣ дисциплину. Какъ и прежде, въ войнѣ съ Персеемъ, вслѣдствіе слабости начальниковъ, постоянныхъ неудачъ и страсти къ грабежу, дисциплина почти совершенно исчезла въ римскомъ войскѣ. Послѣ того Сципіонъ мало по малу окружилъ городъ, устроилъ для своего войска сильно укрѣпленный лагерь и, соорудивъ крѣпкую дамбу, отрѣзалъ карѳаге-

нянъ отъ гавани. Такъ прошло цѣлое лѣто; зимою онъ разсѣялъ и уничтожилъ отдѣльные непріятельскіе отряды, бродившіе въ окрестностяхъ города и доставлявшіе жителямъ съѣстные припасы.

Весною слѣдующаго года (146 до р. Х.) Сципіонъ снова открылъ дѣйствія противъ города. Сначала онъ взялъ штурмомъ часть города, прилегавшую къ гавани, а потомъ ворвался и въ самый Карѳагенъ, не укрѣпленный съ этой стороны. Сципіонъ направился прежде всего на крѣпость, но, чтобы достигнуть ея, онъ долженъ былъ цѣлыхъ шесть сутокъ пробиваться черезъ три улицы, которыя вели къ ней. Карѳагеняне защищали свой городъ съ тѣмъ отчаяніемъ, съ какимъ въ новѣйшее время испанцы отстаивали противъ французовъ Сарагоссу. Римляне принуждены были брать приступомъ домъ за домомъ, улицу за улицей, потерпѣли очень значительный уронъ и, чтобы достигнуть цитадели, должны были сжечь цѣлую часть города. Когда наконецъ они приблизились къ крѣпости, изъ нея вышли депутаты и просили пощады укрывшимся въ ней пятидесяти тысячамъ мужчинъ и женщинъ. Сципіонъ согласился на ихъ просьбу, но исключилъ изъ помилованія всѣхъ перебѣжчиковъ. Ворота цитадели были отворены и обреченные гибели девять сотъ человѣкъ, съ вождемъ своимъ Гасдрубаломъ и нѣкоторыми другими карѳагенянами, отступили въ стоявшій на скалѣ храмъ Эскулапа. Тамъ герои эти защищались еще нѣсколько времени; но когда Гасдрубалъ тайно оставилъ ихъ и вымолилъ себѣ у Сципіона помилованіе, они сами зажгли храмъ и всѣ погибли въ пламени. Жена Гасдрубала, предпочитая смерть рабству, бросилась съ двумя дѣтьми въ самую середину пламени. Городъ сдѣлался добычею пожара и горѣлъ семнадцать дней. Во все это время римскіе солдаты грабили пылавшіе дома и уводили въ рабство несчастныхъ жителей, старавшихся спасти себя или свое имущество. Немногіе священные сосуды и художественныя произведенія, оставшіеся не переплавленными въ оружіе и военные снаряды, были отняты у солдатъ. Первые Сципіонъ отправилъ въ Римъ, а вторыя по

справедливости возвратилъ сицилійскимъ городамъ, изъ которыхъ они были прежде похищены. Всѣ зданія, пощаженныя пламенемъ, были разрушены по приказанію Сципіона, и съ тѣхъ поръ Кароагенъ долго представлялъ одну груду развалинъ. Разсказываютъ, что при взглядѣ на пылающій городъ Сципіонъ заплакалъ и проговорилъ слова Гомера:

»Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.«

Въ гибели Кароагена онъ предвидѣлъ будущую судьбу своего отечества. Все, что только осталось въ живыхъ отъ кароагенскаго населенія, вымерло вскорѣ затѣмъ въ рабствѣ. О судьбѣ Гасдрубала древніе историки сообщаютъ различныя извѣстія: по ихъ разсказамъ, онъ лишилъ себя жизни, узнавши, что долженъ будетъ сопровождать въ оковахъ тріумфальное шествіе Сципіона, или же, дѣйствительно украсивъ этотъ тріумфъ, умеръ въ плѣну. На развалинахъ Кароагена коммиссары римскаго сената произнесли страшное проклятіе всякому, кто вздумаетъ возобновить городъ. Кароагенская область была объявлена римскою провинціею и главнымъ городомъ ея сдѣлана Утика.

11. Лузитанская и нумантинская война.

Едва прошло десять лѣтъ послѣ паденія кароагенской республики, какъ и большая часть народовъ Испаніи лишилась своей независимости. Еще со времени второй пунической войны Испанія считалась владѣніемъ Рима. Она раздѣлена была на двѣ провинціи и два намѣстника, посылаемые туда ежегодно, пользовались своими мѣстами для пріобрѣтенія себѣ добычи, славы и права на тріумфъ на счетъ не покоренныхъ еще иберійскихъ племенъ. Съ другой стороны отъ времени до времени отпадали отъ римлянъ нѣкоторые уже покоренные народы и нерѣдко необходимо было отправлять въ Испанію болѣе многочисленныя войска подъ на-

чальствомъ одного изъ консуловъ. Такимъ образомъ, эти почти непрерывныя войны происходили частью отъ того, что римская аристократія считала управленіе провинціями средствомъ къ пріобрѣтенію славы и обогащенію, частью же отъ самаго свойства всѣхъ полудикихъ, склонныхъ къ грабежамъ и войнѣ, горныхъ племенъ, покорить которыя было трудно, а удерживать въ повиновеніи еще труднѣе. Уже вскорѣ по окончаніи второй пунической войны, большая часть испанскихъ народовъ, покоренныхъ Сципіономъ, свергнуло съ себя римское иго, и Катонъ Старшій, бывшій тогда консуломъ (195 г. до р. Х.), пріобрѣлъ себѣ громкую славу въ борьбѣ съ ними. Съ того времени римляне почти постоянно были заняты войною съ испанскими народами, сдѣлавшуюся превосходною школою для ихъ военачальниковъ и воиновъ.

Къ самымъ мужественнымъ и вмѣстѣ самымъ опаснымъ по своему хищничеству изъ этихъ народовъ принадлежали лузитанцы, обитавшіе между рѣками Таго и Миньо, отъ Атлантическаго океана до внутренности Испаніи. Этотъ воинственный народъ почти не занимался скотоводствомъ и ненавидѣлъ земледѣліе, находя, что гораздо удобнѣе грабить своихъ сосѣдей, чѣмъ работать самому. Лузитанцы не прекратили своихъ хищническихъ набѣговъ даже и тогда, когда окрестными странами овладѣли римляне. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, римляне старались предохранить пограничныхъ жителей своего государства отъ этихъ набѣговъ, истребляя всѣ вторгавшіяся въ ихъ владѣнія шайки лузитанцевъ. Но лузитанцы не прекращали своихъ набѣговъ, и римляне должны были сами произвести вторженіе въ ихъ страну. Въ 152 г. до р. Х. они въ первый разъ рѣшились на это предпріятіе. Попытка ихъ удалась и нѣкоторыя лузитанскія племена принуждены были сдѣлать видъ, что покорились. Но уже на слѣдующій годъ почти весь этотъ народъ снова вторгнулся въ римскіе предѣлы. Выступившій противъ нихъ римскій намѣстникъ, Сервій Сульпицій Гальба, потерпѣлъ страшное пораженіе и лишился почти всего своего войска. На слѣдующій годъ (150 г.

до р. Х.) онъ вторгнулся въ Лузитанію въ одно и тоже время съ двухъ сторонъ; лузитанцы не были приготовлены къ такому двойному нападенію римлянъ, и нѣкоторыя племена ихъ поспѣшили изъявить свою покорность. Гальба понималъ очень хорошо, что эта покорность была только средствомъ удалить римскія войска и что они начнутъ снова свои хищническіе набѣги. Не обманувшись предложеніемъ лузитанцевъ, онъ однако согласился на него, чтобы потомъ имѣть предлогъ истребить это племя грабителей. Принявъ изъявленіе ихъ покорности съ притворнымъ дружелюбіемъ и дѣлая видъ, что считаетъ причиною ихъ грабежей не отвращеніе отъ работы и дикость нравовъ, а только бѣдность ихъ страны, онъ предложилъ лузитанскимъ посламъ отвести ихъ народу лучшія мѣста для жительства. Они согласились, и Гальба, выманивъ нѣсколько тысячъ ихъ изъ горъ, отвелъ ихъ тремя отрядами въ отдаленныя мѣстности, уговорилъ сложить оружіе и потомъ велѣлъ своимъ солдатамъ перерѣзать всѣхъ безъ исключенія.

Это неслыханное вѣроломство и жестокость имѣли всегдашнія послѣдствія подобнаго образа дѣйствій. Соплеменники умерщвленныхъ начали страшную войну, которая, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, должна была быть также гибельна для римлянъ, какъ и для лузитанцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ повела къ возстанію всѣхъ прочихъ горскихъ племенъ, отъ Галиціи до Каталоніи. Лузитанцы нашли себѣ предводителя въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ, Виріатѣ, который отличался смѣлостью, мужествомъ и дарованіями истиннаго полководца, зналъ какъ нельзя лучше мѣстность, умѣлъ искусно пользоваться ею и противопоставилъ римскимъ войскамъ остроумно придуманную систему войны, вполнѣ соотвѣтствовавшую театру военныхъ дѣйствій и привычкамъ лузитанцевъ. Виріатъ принадлежалъ къ числу немногихъ спасшихся бѣгствомъ отъ бойни Гальбы. Простой пастухъ и охотникъ, какъ всѣ лузитанцы, онъ уже прежде прославился смѣлыми набѣгами и сдѣлался идеаломъ пастуха и разбойника, какъ въ новѣйшее время Гаучо Росасу въ Буэносъ

Айресѣ. Воспламенивъ мщеніемъ своихъ соплеменниковъ, Виріатъ скоро собралъ вокругъ себя значительную часть лузитанскихъ племенъ, признавшихъ его своимъ предводителемъ, и возбудилъ къ возстанію противъ римлянъ и многіе другіе народы.

Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ Виріатъ съ своими нестройными толпами наносилъ безпрерывныя пораженія опытнымъ римскимъ войскамъ. Онъ истомлялъ ихъ переходами съ мѣста на мѣсто, обманывалъ самымъ коварнымъ образомъ, нападалъ на нихъ изъ засадъ или заманивалъ притворнымъ бѣгствомъ въ опасныя мѣста, и уничтожалъ цѣлыя войска, никогда не испытывая самъ пораженія. Къ концу этихъ четырехъ лѣтъ вліяніе его и возбужденное имъ возстаніе распространились до Гвадалькивира на югѣ и до Эбро на востокѣ; владѣнія римлянъ и ихъ союзниковъ были безпрестанно опустошаемы, и Виріатъ внушалъ такой ужасъ, что даже въ Римѣ для набора новыхъ войскъ необходимо было употребить насиліе. Это заставило римлянъ прибѣгнуть къ тѣмъ необыкновеннымъ мѣрамъ и усиліямъ, которыя они принимали во всѣхъ своихъ войнахъ, когда онѣ слишкомъ затягивались. Они отправили намѣстникомъ въ Испанію Кая Лелія, прозваннаго Мудрымъ, и въ тоже время избрали одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ полководцевъ консуломъ и главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Виріата. Квинтъ Фабій Максимъ Эмиліанъ, сынъ Луція Эмилія Павла, принятый по усыновленію, подобно брату своему Сципіону Африканскому Младшему, въ другое семейство и перемѣнившій свою фамилію на фамилію этого семейства, былъ избранъ консуломъ на 145 годъ до р. Х. и отправленъ въ Испанію съ девятью легіонами. Лелій, прибывшій туда еще прежде новаго консула, одержалъ первую побѣду надъ Виріатомъ и вытѣснилъ его изъ большей части римской Испаніи. Фабій сначала не могъ ничего сдѣлать; во время одной изъ его отлучекъ войско его было разбито Виріатомъ, и онъ не рѣшался цѣлый годъ предпринимать ничего важнаго противъ непріятеля. Однако на слѣдующій годъ и ему удалось разбить лузитанцевъ

въ генеральномъ сраженіи. Впрочемъ эта побѣда не принесла римлянамъ никакой пользы, потому что вслѣдъ за тѣмъ Виріатъ снова поднялъ жителей римской Испаніи и война распространилась по всей внутренности полуострова до Новарры. Римскій сенатъ принужденъ былъ, въ 143 г. до р. Х., снова отправить въ Испанію два войска, изъ которыхъ одно, подъ начальствомъ опытнаго воина, консула Квинта Цецилія Метелла Македонскаго, имѣло назначеніе усмирить горскія племена на сѣверѣ полуострова, а другое, подъ командою претора Квинта Помпея, отразить лузитанцевъ. Ц. Метеллъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ полководцевъ того времени, дѣйствительно одержалъ много побѣдъ надъ враждебными Риму племенами и воспрепятствовалъ соединенію ихъ съ Виріатомъ, но никакъ не могъ покорить ихъ и принудить къ миру. Въ то время какъ главная армія дѣйствовала на сѣверѣ безъ рѣшительнаго успѣха, на западѣ Помпей, допустивъ Виріата обмануть себя, потерпѣлъ такое страшное пораженіе, что римляне должны были измѣнить планъ войны и обратить свои главныя силы противъ Виріата, а для подкрѣпленія ихъ отправить въ Испанію новое войско.

Въ 142 г. до р. Х. главнымъ начальникомъ въ Испаніи былъ назначенъ консулъ Квинтъ Фабій Максимъ Сервиліанъ. Онъ одержалъ рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ, своею древне-римскою строгостью распространилъ ужасъ между отпавшими народами, и пробудилъ въ Римѣ надежду, что будетъ въ состояніи окончить продолжительную, кровопролитную войну. На этомъ основаніи ему оставили начальство и на слѣдующій годъ, но скоро надежда эта рушилась, потому что Виріатъ умѣлъ парализировать всѣ его успѣхи. Хитрый вождь лузитанцевъ употребилъ противъ Фабія Максима свои обычныя средства. Онъ напалъ неожиданно на римлянъ разбилъ ихъ и, преслѣдуя бѣгущее войско, загналъ его въ одно изъ лузитанскихъ ущелій, точно также, какъ нѣкогда самниты заперли войско Постумія въ Кавдинскихъ ущеліяхъ. Виріатъ, во власти котораго находилось тогда

цѣлое римское войско, воспользовался своимъ счастьемъ съ необыкновенною умѣренностью, и исполнилъ то, что совѣтовалъ своему сыну самнитъ Гереннiй (т. III стр. 272.). Отъ него зависѣло теперь уничтожить однимъ ударомъ все римское войско, но онъ предпочелъ отпустить его, потребовавъ только обѣщанія не тревожить лузитанцевъ въ ихъ собственной землѣ, и обѣщавъ съ своей стороны удерживать своихъ соплеменниковъ отъ хищническихъ набѣговъ на римскія владѣнія. Заключивъ съ Виріатомъ миръ на этомъ условіи, Фабій возвратился съ войскомъ домой, а договоръ этотъ былъ утвержденъ римскимъ народомъ (141 г. до р. X.). Кровопролитная война, столь позорная для римлянъ, окончилась, по видимому, къ обоюдному удовольствію враждовавшихъ сторонъ, но не прошло и года, какъ миръ былъ снова нарушенъ самымъ вѣроломнымъ образомъ, и нарушенъ римскимъ сановникомъ, принадлежавшимъ къ одной изъ фамилій, державшихъ въ рукахъ своихъ управленіе государствомъ и почти совершенно развращенныхъ честолюбіемъ и роскошью. Квинтъ Сервилій Цепіонъ, названный братъ Фабія Максима, былъ отправленъ на его мѣсто правителемъ Испаніи, но вслѣдствіе мира, заключеннаго съ Виріатомъ, обманулся въ своей надеждѣ на военную славу. Онъ объявилъ миръ, заключенный его братомъ, договоромъ, наносящимъ позоръ римскому имени, и старался своими письмами склонить сенатъ къ нарушенію его. Сенатъ сначала устыдился измѣнить клятвамъ, и позволилъ только своему намѣстнику, тайно и какъ частному лицу, сдѣлать нападеніе на лузитанцевъ; но Цепіонъ не отступалъ отъ своихъ домогательствъ, и сенатъ, давъ наконецъ согласіе на формальное нарушеніе мира, такимъ образомъ сдѣлался участникомъ въ козняхъ своего намѣстника. Это постыдное вѣроломство аристократіи, хвалившейся при каждомъ случаѣ римскою честностью и вѣрностью, нисколько не удивляетъ насъ; мы уже знаемъ изъ описанія послѣднихъ событій греческой исторіи какъ велико было въ Римѣ, въ началѣ его всемірнаго владычества, развращеніе всѣхъ нравственныхъ понятій, и видѣли

множество примѣровъ безграничнаго своеволія римскихъ вельможъ.

Не ожидая отъ римлянъ такого подлаго поступка, Виріатъ тотчасъ по заключеніи мира распустилъ своихъ воиновъ, и отъ того не былъ готовъ встрѣтить оружіемъ внезапное нападеніе Цепіона. Успѣвъ на скоро собрать небольшое войско, онъ чрезвычайно искусно избѣгалъ битвы до тѣхъ поръ, пока къ нему не подоспѣли на помощь всѣ его силы. Такимъ образомъ Цепіонъ, думавшій напасть на непріятеля врасплохъ и легко истребить его, обманулся въ своей надеждѣ. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ убійству, и самъ Виріатъ помогъ ему въ исполненіи этого замысла. Храбрый вождь лузитанцевъ, не допустившій покорить себя нечаяннымъ нападеніемъ посреди мира, вообразивъ, что римляне убѣдились наконецъ въ его непобѣдимости, самъ предложилъ имъ миръ. Цепіонъ притворно согласился на это предложеніе и потребовалъ, чтобы Виріатъ прислалъ въ римскій лагерь уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ; Виріатъ отправилъ къ нему трехъ своихъ друзей. Чувства долга и чести невозможно требовать отъ разбойниковъ по ремеслу, какими были лузитанцы, не смотря на все мужество, обнаруженное ими въ борьбѣ за свою независимость, а Цепіонъ по собственному опыту зналъ, что въ низкихъ душахъ благородное чувство безсильно передъ обольщеніями корысти. Онъ подкупилъ подарками и обѣщаніями пословъ Виріата, которые умертвили своего друга во время сна (140 г. до р. X.). По совершеніи своего злодѣянія, они явились въ римскій лагерь, гдѣ вѣроломный полководецъ наградилъ ихъ по заслугамъ. Правда, онъ не отнялъ у нихъ подаренныхъ имъ прежде подарковъ, но для выполненія обѣщаннаго отправилъ ихъ въ римскій сенатъ, который съ насмѣшкою отказалъ ихъ требованіямъ и безъ стыда, открыто объявилъ имъ, что онъ радуется, что ему удалось обманомъ перехитрить обманщиковъ. При вѣсти объ убійствѣ своего вождя, лузитанцы пришли въ ярость и оказали ему самыя блистательныя почести; по обычаю тогдашнихъ испанскихъ народовъ, они почтили память своего героя многочислен-

ными жертвами и торжественными играми, на которыхъ двѣсти паръ бойцевъ должны были сражаться на смерть другъ съ другомъ. Но, не смотря на всю свою храбрость, они не могли вознаградить своей утраты. Отдѣльныя племена, которыхъ Виріатъ умѣлъ держать въ своемъ подчиненіи безъ царскаго титула и законныхъ правъ вождя, отпали тотчасъ послѣ его смерти, и римлянамъ скоро удалось разбить лузитанцевъ и оттѣснить ихъ въ горы.

На сѣверѣ Испаніи по смерти Виріата война разгорѣлась еще сильнѣе, и въ продолженіе многихъ лѣтъ заняла собою все вниманіе, и всѣ силы римлянъ. Здѣсь, въ нынѣшней Старой Кастиліи, постоянно боролись съ римлянами возбужденные Виріатомъ ареваки и другіе народы, основавшіе выше нынѣшняго города Соріи, близь истоковъ Дуэро, укрѣпленный и почти неприступный городъ Нуманцію. Послѣ того какъ римлянамъ, еще до смерти лузитанскаго вождя, удалось ослабить и подчинить себѣ большую часть народовъ, мѣстомъ соединенія которыхъ была Нуманція, Квинтъ Помпей Руфъ (повидимому тотъ самый, который не задолго до того начальствовалъ римскими войсками противъ Виріата) пытался окончить войну вѣроломствомъ. Онъ принудилъ нумантинцевъ (140 г. до р. X.) къ мирному договору, по которому они обязались выдать перебѣжчиковъ и уплатить извѣстную сумму денегъ, но, не довольствуясь однимъ словеснымъ обѣщаніемъ и клятвою, заставилъ ихъ подтвердить всѣ статьи трактата особеннымъ письменнымъ договоромъ, который долженъ былъ итти на утвержденіе сената и потому заключалъ въ себѣ еще болѣе тяжкія условія. Но едва исполнили они съ своей стороны условія словеснаго договора, какъ римляне отказались отъ выполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ. Нумантинцы отправили посольство къ римскому сенату, но Помпей отрекся отъ своего словеснаго договора, не смотря на показаніе римлянъ, присутствовавшихъ при его заключеніи и призванныхъ послами въ свидѣтели. Сенатъ не обратилъ никакого вниманія на такое наглое нарушеніе права со стороны своего уполномоченнаго, и война снова началась,

сопровождаемая тѣми же явленіями, какъ и борьба съ Виріатомъ. Нуманція, заключавшая въ стѣнахъ своихъ не болѣе восьми тысячъ защитниковъ, сопротивлялась въ продолженіе многихъ лѣтъ всей арміи римлянъ. Римскіе намѣстники и консулы съ войсками въ 30 и 40 тысячъ терпѣли постыдныя пораженія. Консулъ Кай Гостилій Манцинъ (137 г. до р. Х.), запертый съ двадцатью тысячнымъ войскомъ нумантинцами, просилъ мира, но получилъ отъ непріятелей отвѣтъ, что они не имѣютъ болѣе довѣрія къ вѣроломнымъ римлянамъ и согласны вести переговоры только съ Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ, который состоялъ при войскѣ квесторомъ и былъ извѣстенъ имъ, какъ и отецъ его, за честнаго человѣка. Гракхъ дѣйствительно заключилъ выгодный договоръ; нумантинцы требовавшіе только, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, предоставили запертымъ римлянамъ свободный выходъ, когда послѣдніе согласились признать ихъ независимость. Но сенатъ не утвердилъ этого договора и прибѣгнулъ къ той же уловкѣ, которую двѣсти лѣтъ тому назадъ пытался употребить противъ самнитовъ Понцій (т. III стр. 272.): онъ объявилъ, что договоръ обязателенъ только для консула Гостилія, а никакъ не для римскаго народа, и въ оковахъ отправилъ его въ Нуманцію. Нуманцы отвергли эту постыдную уловку, какъ отвергнулъ ее нѣкогда Понцій, со всѣмъ презрѣніемъ, котораго она заслуживала; сенатъ же не наказалъ виновниковъ отвергнутаго имъ позорнаго договора, и не далъ ни удовлетворенія, ни вознагражденія тѣмъ, которые положились на римскую честность.

Въ слѣдующіе два года война приняла оборотъ очень неблагопріятный для римлянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ войскахъ обнаружился сильный безпорядокъ и неповиновеніе. Оказалось, что съ врагами невозможно справиться обыкновенными средствами, и побѣдитель всего тогдашняго міра сенатъ принужденъ былъ, для покоренія незначительной Нуманціи, снова прибѣгнуть къ Сципіону Африканскому Младшему, который пріобрѣлъ огромное вліяніе по окончаніи третьей пунической вой-

ны. Народъ, для котораго онъ сталъ кумиромъ со времени разрушенія Карѳагена, считалъ его одного способнымъ положить конецъ этой продолжительной и позорной борьбѣ. Для избранія его въ консулы нужно было, какъ прежде во время третьей пунической войны, уничтожить сначала законъ, препятствовавшій его избранію, и такимъ образомъ торжественно сознаться, что Римъ бѣденъ даровитыми людьми. Сципіонъ пользовался въ Римѣ и въ союзныхъ городахъ и государствахъ такимъ громаднымъ вліяніемъ, что своими средствами, какъ частный человѣкъ, могъ бы выставить и содержать войско; соединяя дарованія великаго полководца со всею образованностью своего времени, онъ обладалъ умѣньемъ примѣнять къ государственнымъ дѣламъ свое образованіе и знанія. Естественно, что такой человѣкъ могъ найти для войны съ Нуманціею совершенно иныя средства, чѣмъ его предшественники. Не смотря на все это, Сципіонъ принужденъ былъ съ отличнымъ шестидесяти тысячнымъ войскомъ простоять два года (134 и 133 г. до р. X.) подъ стѣнами незначительнаго города, и когда онъ наконецъ взялъ его скорѣе голодомъ, чѣмъ осаднымъ искусствомъ и силою оружія, передъ нимъ открылось зрѣлище еще болѣе ужасное, чѣмъ то, при которомъ онъ присутствовалъ въ Карѳагенѣ. Нумантинцы доказали міру еще блистательнѣе, чѣмъ карѳагеняне, что въ состояніи совершить любовь къ свободѣ и отчаяніе даже тамъ, гдѣ исчезла всякая надежда на побѣду. Голодъ былъ для нихъ болѣе ужаснымъ врагомъ, чѣмъ римляне, но они выказали такую энергію, что подъ конецъ питались человѣческимъ мясомъ; обезсилѣвъ отъ голода и потерявъ наконецъ всякую возможность защищаться, они все таки не покорились превосходнымъ силамъ враговъ, но предпочли умертвить себя вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, предоставивъ побѣдителямъ одинъ опустѣлый городъ. По словамъ одного римскаго историка „они пріобрѣли себѣ славу храбрѣйшаго и, не смотря на всѣ перенесенныя ими страданія, счастливѣйшаго народа, потому что доказали своимъ союзникамъ ненарушимую вѣрность, безъ всякой

поддержки, въ продолженіе многихъ лѣтъ сопротивлялись народу, повелѣвавшему войсками вселенной, и, побѣжденные наконецъ величайшимъ изъ полководцевъ своего времени, не оставили побѣдителю ничего, чѣмъ бы онъ могъ торжественно доказать міру свою побѣду". Сципіонъ праздновалъ въ Римѣ свой кровавый тріумфъ, не влача за собою ни плѣнныхъ, ни добычи, потому что изъ всѣхъ жителей Нуманціи живымъ остался только одинъ человѣкъ, денегъ и золота они никогда не имѣли, а оружіе свое уничтожили передъ смертью (133 г. до р. X.). Сенатъ далъ побѣдителю прозваніе Нумантинскаго.

12. Всемірное владычество и характеръ римской жизни въ періодъ пуническихъ войнъ.

Новое всемірное государство, основанное въ этомъ періодѣ Римомъ, нисколько не походило на три древнѣйшія всемірныя монархіи: Ассирійско-Вавилонскую, Персидскую и Греко-Македонскую. Въ нихъ всѣ покоренныя страны были совершенно слиты съ господствующимъ государствомъ, за весьма малыми исключеніями потеряли свою національную жизнь, и были подчинены управленію, совершенно одинаковому для всѣхъ частей. Напротивъ того, римскія провинціи, присоединяемыя къ государству одна за другой, собственно говоря, оставались отдѣльными странами, которыя большею частью сохраняли безъ всякихъ измѣненій свои права и учрежденія, имѣли особые законы, и были подчинены только верховному управленію римскихъ намѣстниковъ. Это разнообразіе законовъ и учрежденій и происходившая отъ того запутанность, особенно въ судопроизводствѣ всего римскаго государства, кажется великимъ зломъ для насъ, слишкомъ привыкшихъ въ новѣйшее время къ единству и однообразію; но такое неравенство, встрѣчавшееся во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ Греціи и Рима, никогда не вредило единству общихъ мѣръ, потому что всѣ границы римскихъ

областей исчезали, когда того требовали высшія политическія соображенія.

При учрежденіи каждой новой провинціи, римляне прежде всего старались разъединить отдѣльныя составныя части прежняго самостоятельнаго государства, сообразно съ ихъ различными интересами, и возстановленіемъ партій уничтожить прежнее единство. Всѣ тѣ, которые при занятіи страны римлянами, измѣняли прежнимъ своимъ повелителямъ или согражданамъ, получали преимущества: если это были вольные города, то область ихъ увеличивалась, а если подданные неограниченнаго властителя, то имъ предоставлялось самостоятельное существованіе или значительное уменьшеніе налоговъ, иногда и совершенное освобожденіе отъ нихъ. Напротивъ того, города и народы, обнаружившіе въ борьбѣ съ римлянами твердость и вѣрность своему правительству, теряли свои прежнія права, были подчиняемы произволу римскаго намѣстника и его свиты, и должны были принять къ себѣ римскихъ откупщиковъ податей, которые, подобно всѣмъ римскимъ должностнымъ лицамъ, смотрѣли на свои должности какъ на источникъ доходовъ для удовлетворенія своего корыстолюбія и страсти къ наслажденіямъ. Такимъ образомъ въ римскихъ провинціяхъ находились какъ собственно подданные Рима, такъ и муниципіи, префектуры, римскія колоніи, такъ называемые города латинскаго права (т. III ст. 265.) и еще общины, имѣвшія иное устройство. Единственныя выгоды, которыя пріобрѣтали обыкновенно побѣжденные народы отъ подчиненія своего римлянамъ, состояли въ введеніи хорошихъ законовъ или въ улучшеніи существовавшихъ. Римляне были народъ по преимуществу занятый матеріальнымъ, реальнымъ и практическимъ, къ тому же они не имѣли никакихъ другихъ истинно національныхъ или свойственныхъ только имъ однимъ умственныхъ занятій, кромѣ наукъ о земледѣліи, правильномъ домашнемъ хозяйствѣ, о правѣ и объ отношеніяхъ, возникшихъ изъ ихъ искуственно образовавшагося устройства. Эти науки довели они до высокой степени совершенства, чему болѣе всего содѣйствовало то

обстоятельство, что военная служба и государственное управленіе, — или другими словами употребленіе войны для пріобрѣтенія себѣ добычи, славы и вліянія и пользованіе государственной службой для своихъ частныхъ цѣлей, — были единственными стремленіями высшихъ классовъ общества. Процвѣтавшая въ Римѣ наука правовѣдѣнія должна была содѣйствовать улучшенію законодательства покоренныхъ народовъ, и это вполнѣ доказываютъ введенныя римлянами въ отдѣльныхъ провинціяхъ узаконенія, о которыхъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія; къ сожалѣнію провинціи большею частью лишались и этого единственнаго преимущества римскаго владычества, вслѣдствіе способа, которымъ римскіе намѣстники приводили въ исполненіе эти законы. При вступленіи своемъ въ должность, римскіе намѣстники, подобно преторамъ въ Римѣ (т. III ст. 237.), издавали эдикты, которымъ подчинялось все существовавшее законодательство; большая часть ихъ смотрѣла на ввѣренныя имъ провинціи, какъ на средства удовлетворенія своей жадности и честолюбія, и очень часто право должно было уступать произволу откупщиковъ податей, противъ которыхъ рѣдко можно было найти защиту и покровительство, потому что они, какъ знатные римскіе граждане, имѣли вліяніе на распредѣленіе высшихъ должностей въ Римѣ, и отъ того намѣстники обращались съ ними съ крайнею осторожностью и уваженіемъ. Намѣстники провинцій назывались преторами и проконсулами. Въ началѣ избиралось ежегодно извѣстное число преторовъ, изъ которыхъ двоимъ предоставлена была судебная власть въ Римѣ; другіе были отправляемы намѣстниками въ провинціи. Но съ половины 2-го вѣка до р. Х. вошло въ обычай оставлять въ Римѣ всѣхъ преторовъ на первый годъ ихъ избранія съ порученіемъ имъ судопроизводства, и только въ слѣдующемъ году отправлять ихъ намѣстниками въ провинціи съ званіемъ пропреторовъ (т. е. вице-преторовъ). Сверхъ того и консулы, по истеченіи срока своей должности, получали обыкновенно въ управленіе провинціи и носили названіе проконсуловъ; впрочемъ это названіе но-

сили также консулы, которымъ предоставлялось на слѣдующій годъ начальство надъ войскомъ, тогда какъ по закону оно должно было оканчиваться вмѣстѣ съ консульствомъ. Намѣстниковъ сопровождали квесторы, завѣдывавшіе финансовою частью; изъ ежегодно избираемыхъ квесторовъ одни всегда оставались въ городѣ для наблюденія за тамошними дѣлами, другіе отправлялись въ провинціи, а третьи сопровождали войско въ походахъ въ качествѣ военныхъ казначеевъ.

Съ обращеніемъ Верхней Италіи, Сициліи, Сардиніи, Испаніи, Македоніи, Греціи и кароагенской Африки въ римскія провинціи измѣнились и всѣ отношенія общественной жизни римскаго народа, достигшаго съ покореніемъ этихъ земель всемірнаго владычества. Когда Римъ изъ воинственнаго государства сдѣлался завоевательнымъ, вмѣсто древней аристократіи утвердилось господство нѣсколькихъ олигархическихъ фамилій, которыя, желая обратить народъ въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей, старались придать государственному устройству демократическія формы. Прежде, цѣлью общихъ стремленій народа было поддержаніе древнихъ нравовъ и сознанія нравственнаго превосходства надъ сосѣдями, слѣдовательно господство и національное первенство, а не богатство и обладаніе. Военное устройство находилось въ связи съ поземельнымъ владѣніемъ и земледѣліемъ, которыя считались единственными основами всего государственнаго быта; каждый гражданинъ былъ воиномъ, но его служба прекращалась тотчасъ послѣ побѣды надъ непріятелемъ, а съ новымъ походомъ онъ опять становился въ ряды. Правда, эти постановленія сохранялись по формѣ и въ позднѣйшее время, но такъ какъ постоянныя войны безпрерывно требовали новыхъ войскъ, то мало по малу всѣ рядовые и большая часть второстепенныхъ военачальниковъ сдѣлались солдатами по ремеслу. Они оставляли военную службу только тогда, когда переселялись куда нибудь какъ колонисты, но и въ этомъ случаѣ очень часто отказывались отъ земледѣлія, какъ отъ слишкомъ тяжелаго занятія, и спѣшили снова стать въ ряды. Римскіе солдаты были въ

тоже время и гражданами и подавали голоса въ народныхъ собраніяхъ, потому полководцы начали заискивать расположенія войска, а постоянная приверженность такого большаго числа гражданъ къ человѣку, подъ начальствомъ котораго они совершили какой нибудь значительный походъ, имѣла множество дурныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе того произошла перемѣна и въ духѣ войска, дѣйствовавшая гибельно на ходъ войны. Солдаты привыкли считать лагерь своимъ отечествомъ, а начальниковъ своимъ правительствомъ. Послѣдніе не заботились болѣе о снискані себѣ уваженія своихъ согражданъ, а старались только своими дѣйствіями противъ непріятеля и въ его странѣ пріобрѣсти себѣ богатства и посредствомъ солдатъ упрочить свое вліяніе въ Римѣ; дисциплина въ войскѣ ослабѣла, а непріятели и союзники предоставлялись въ жертву грабежамъ и насиліямъ, потому что полководцы и военачальники думали только о своемъ обогащеніи и о пріобрѣтеніи любви своихъ солдатъ. Вотъ отъ чего, со времени первой пунической войны, всѣ предпріятія первыхъ римскихъ войскъ, высылаемыхъ противъ непріятеля, были неудачны, и римляне терпѣли постыдныя пораженія до тѣхъ поръ, пока не поручали войска человѣку, который по своему вліянію и значенію въ государствѣ не нуждался ни въ какомъ искуственномъ средствѣ для пріобрѣтенія или поддержанія любви солдатъ.

Очень натурально, что при подобномъ способѣ веденія войны страсть къ грабежу овладѣла римлянами. Впрочемъ хищничество римскихъ солдатъ и жестокость, съ которою они поступали въ непріятельской странѣ, были не только слѣдствіемъ упадка военной дисциплины, но и соотвѣтствовала всему направленію, которому издавна слѣдовалъ Римъ, и находились въ связи съ національными нравами; они обнаруживались уже прежде и только усилились еще болѣе при упадкѣ дисциплины. Вообще война влечетъ за собою самыя неутѣшительныя послѣдствія, а большая или меньшая жестокость зависитъ отъ національнаго характера, времени и обстоятельствъ. Но звѣрскія поступки римскихъ войскъ были большею частью

слѣдствіями заранѣе принятой и послѣдовательно развивавшейся системы дѣйствій. Войску внушалась неукротимая ненависть ко всѣмъ городамъ и народамъ, оказывавшимъ упорное сопротивленіе, а что это бывало уже и прежде, чѣмъ римляне окончательнымъ покореніемъ Италіи сдѣлали первый шагъ къ основанію своего всемірнаго владычества, доказываетъ образъ дѣйствій ихъ въ войнахъ съ самнитами, авзонами и другими народами. Даже полководцы, отличавшіеся благороднымъ образомъ мыслей и образованностью, какъ Клавдій Марцеллъ, позволяли своимъ солдатамъ грабить самые богатые города и заставляли собственно для себя привозить въ Римъ множество драгоцѣнностей и произведеній искусствъ. Современники его и полководцы послѣдующей эпохи поступали еще хуже. Римъ былъ разукрашенъ непріятельскимъ оружіемъ и памятниками побѣдъ, и каждый полководецъ, желавшій, при вступленіи въ Римъ, удостоиться такихъ же почестей, долженъ былъ допускать грабежи.

Такое стремленіе было гибельно для греческаго искусства, потому что утвердился несчастный обычай отнимать художественныя произведенія у тѣхъ странъ, гдѣ они были созданы, гдѣ ихъ понимали и цѣнили и гдѣ съ ними связаны были воспоминанія прежней жизни, и переносить въ видѣ обыкновенныхъ украшеній въ городъ, въ которомъ не весь народъ, какъ въ греческихъ городахъ, а только нѣкоторыя семейства такъ называемаго высшаго общества могли оцѣнить ихъ. Правда Римъ владѣлъ и прежде этрускими и кампанско-самнитскими художественными произведеніями, но во время пуническихъ войнъ онъ сдѣлался, по выраженію одного греческаго историка „вслѣдствіе скопленія украшеній, награбленныхъ во всѣхъ городахъ и странахъ, блистательнѣйшимъ мѣстопребываніемъ бога войны.“ Изъ завоеванныхъ городовъ Нижней Италіи, Сициліи и Греціи лучшія произведенія искусства были перевезены въ Римъ, гдѣ они пошли на украшеніе не только храмовъ и общественныхъ площадей, но и частныхъ домовъ и загородныхъ виллъ. Съ этихъ поръ искусство перестало пользоваться

общимъ уваженіемъ и ограничилось только Римомъ и нѣкоторыми другими мѣстами. Изъ странъ, гдѣ его цѣнили и могли понимать по достоинству, оно было перенесено туда, гдѣ въ немъ могли знать толкъ лишь немногія отдѣльныя лица, и обратилось въ орудіе тщеславія, свѣтской образованности и гордости завоевателя, тогда какъ прежде служило только общимъ и чисто національнымъ, религіознымъ, поэтическимъ и политическимъ чувствамъ и воззрѣніямъ.

Покоренныя страны были бы счастливы, если бы онѣ должны были доставлять римлянамъ только свои художественныя произведенія и національныя сокровища, но всемірно-завоевательный народъ уже и въ это время наложилъ руку на имущество, благосостояніе и честь отдѣльныхъ лицъ, находившихся подъ его военнымъ господствомъ. Еще въ половинѣ втораго вѣка до р. Х. римскіе чиновники и вельможи позволяли себѣ всякаго рода насилія не только въ непріятельскихъ странахъ, но даже въ провинціяхъ и такъ называемыхъ союзныхъ государствахъ. Какъ жестоко поступали римляне видно между прочимъ изъ того, что 171 г. до р. Х. послы обѣихъ испанскихъ провинцій съ колѣнопреклоненіями умоляли сенатъ, чтобы онъ не дозволялъ обращаться съ союзниками хуже, чѣмъ съ врагами. Управленіе провинціями сдѣлалось для римлянъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію богатствъ и упроченію своего положенія въ Римѣ. Намѣстники и чиновники не только наживались сами на счетъ жителей провинцій, но еще поддерживали вымогательства знатныхъ гражданъ, бравшихъ на откупъ сборъ податей и имѣвшихъ на нихъ огромное вліяніе по своимъ связямъ въ Римѣ. Часто они прямо соединялись съ этими откупщиками, систематически обирали бѣдныхъ жителей провинцій и, выжавъ у нихъ всѣ наличныя деньги, принуждали ихъ дѣлать займы за огромные проценты, отчего большая часть поземельной собственности перешла мало по малу въ руки заимодавцевъ. Многіе даже не стыдились смотрѣть сквозь пальцы на дѣйствія разбойничьихъ шаекъ или заключать съ ними формальныя условія, для полученія своей доли въ добычѣ. Кто не могъ пріобрѣсти себѣ намѣстниче-

ства, тотъ прибѣгалъ къ другому средству: съ помощью своихъ друзей онъ добивался отъ сената, не имѣя никакой опредѣленной должности, чего то въ родѣ нашей казенной подорожной и, какъ лицо, ѣдущее по государственной надобности, могъ требовать для себя и своей свиты великолѣпнаго угощенія, лошадей, необходимыхъ для путешествія, и дорогихъ подарковъ. Даже рабовъ и отпущенниковъ знатныхъ римлянъ необходимо было осыпать почестями и подарками для пріобрѣтенія ихъ благосклонности. Чиновники и вельможи обкрадывали и самое римское государство. Откупщики податей не рѣдко добивались того, что правительство отдавало имъ подати ниже ихъ дѣйствительной цѣнности, или посредствомъ своихъ связей выпрашивали себѣ подъ разными предлогами уменьшенія откупной суммы и разсрочки платежей, что доставляло выгоды только имъ, а не плательщикамъ. Большую часть государственныхъ имуществъ захватили въ свое владѣніе знатные граждане, присоединяя къ своимъ частнымъ помѣстьямъ цѣлыя полосы сосѣднихъ государственныхъ земель, и такимъ образомъ составили себѣ громадныя помѣстья. Правда, сенатъ часто принималъ строгія мѣры противъ этихъ и другихъ злоупотребленій, а отдѣльныя лица старались уничтожать безчинства вельможъ въ провинціяхъ, обвиняя ихъ передъ судомъ; но все это помогало только на время. Подобныя попытки не могли имѣть успѣха, потому что корень зла заключался не въ развратѣ отдѣльныхъ личностей, а въ духѣ и направленіи времени.

Италія страдала не менѣе провинцій; она лишилась тогда своего древняго благосостоянія и была приведена на нѣсколько столѣтій въ состояніе запустѣнія. Страна обнищала отъ безпрерывныхъ войнъ, которыя уменьшили народонаселеніе и влекли за собою постоянное повышеніе налоговъ. Это дало возможность римскимъ вельможамъ увеличить свои помѣстья дешевыми покупками мелкихъ сосѣднихъ имѣній. Во вторую пуническую войну, многія мѣстности Италіи были опустошены непріятелями, или обращены въ государственныя имущества и отняты у прежняго населенія въ наказаніе жителей за при-

соединеніе къ Ганнибалу. Овладѣвъ этими землями, знатнѣйшіе изъ римлянъ образовали изъ нихъ такъ называемыя латифундіи (latifundia), т. е. помѣстья, которыя по ихъ обширности можно сравнить только съ графствами и княжествами; но что всего хуже, владѣтели этихъ земель употребляли для обработки ихъ тысячи рабовъ. Послѣдніе заступили тогда мѣсто свободнаго сельскаго населенія, и Италія того времени сдѣлалась очень похожею на современную Вестиндію съ ея неграми-невольниками. Обращеніе съ рабами было въ высшей степени возмутительно и не мало содѣйствовало совершенному искаженію національнаго римскаго характера. Сами рабы были полудикари, какъ, напримѣръ, уроженцы Сардиніи и Корсики, которыхъ ловили на родинѣ, какъ дикихъ звѣрей, и приводили на продажу въ Римъ, или принадлежали къ глубоко упавшимъ азіатскимъ и греческимъ племенамъ, заражавшимъ римскій народъ своимъ наслѣдственнымъ развратомъ. Обхожденіе съ ними было также унизительно для человѣчества, какъ и обхожденіе съ нынѣшними неграми-невольниками; на нихъ смотрѣли какъ на особую породу домашнихъ животныхъ и цѣнили только по ихъ денежной стоимости, а многіе римскіе вельможи сдѣлали даже изъ нихъ промыселъ, разводя рабовъ, какъ какихъ нибудь домашнихъ животныхъ: они покупали ихъ дѣтьми, выкармливали, какъ куръ или жеребятъ, и потомъ продавали съ барышемъ. Впрочемъ употребленіе невольничьяго труда не ограничивалось однимъ земледѣліемъ; вообще вся домашняя прислуга состояла изъ людей, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ или купленыхъ, и даже воспитаніе юношества ввѣрялось рабамъ. Въ прежнія времена римлянинъ раздѣлялъ свои дѣтскія игры съ кліентами, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ смотрѣлъ на нихъ, какъ на товарищей своихъ трудовъ; теперь же римскій юноша выросталъ среди грубой челяди, привыкалъ къ жестокости и властолюбію, и пріобрѣталъ привычку презирать человѣческое достоинство, что впослѣдствіи и обнаруживалъ самымъ возмутительнымъ и отвратительнымъ образомъ въ управленіи своими рабами и въ обращеніи съ покоренными народами.

Весь бытъ римскаго народа измѣнился вслѣдствіе завоевательной политики государства и пріобрѣтенія всемірнаго владычества. Богатства цѣлаго міра стали стекаться въ Римъ, и съ этихъ поръ, вмѣстѣ со всѣми пріобрѣтеніями, науками и искусствами прежнихъ временъ, служили римлянамъ для того же, для чего служили прежде повелителямъ Сиріи, Пергама и Египта. Съ ними проникли въ новую всемірную столицу и чуждые нравы, наслажденія и пороки. Какъ велики были сокровища, привозимыя тогда въ Римъ изъ завоеванныхъ земель, можно видѣть по отчетамъ о добычѣ, захваченной въ различныхъ войнахъ, даже не принимая въ соображенія тѣхъ поборовъ, которымъ постоянно подвергались провинціи. Такъ, напримѣръ, Павелъ Эмилій по окончаніи македонской войны доставилъ въ государственное казначейство восемь милліоновъ руб. сер. чистыми деньгами и сверхъ того привезъ съ собою множество награбленныхъ драгоцѣнностей и до четырехъ сотъ огромныхъ золотыхъ вѣнцовъ. Въ его время обыкновенные доходы римскаго государства были такъ значительны, что, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, оставалось еще 726,000 фунтовъ серебра и 92,000 фунта золота; къ этому должно еще прибавить 775,000 фунтовъ чрезвычайныхъ доходовъ. Такія громадныя средства позволяли римлянамъ устроивать праздники и воздвигать колоссальныя зданія, ничѣмъ неуступавшія архитектурнымъ постройкамъ древнихъ греческихъ государствъ. Общественныя зданія этого періода своимъ величіемъ и великолѣпіемъ превосходятъ зданія всѣхъ предшествовавшихъ періодовъ. По образцу дороги Аппія, но съ значительными улучшеніями, были построены въ Италіи новыя военныя дороги, изъ которыхъ знаменитѣе всѣхъ были дороги Фламинія и Эмилія. Первая была построена павшимъ въ битвѣ при Тразименскомъ озерѣ Каемъ Фламиніемъ Непотомъ, во время его цензорства (220 г. до р. Х.), и вела изъ Рима въ Ариминумъ (нынѣшнее Римини) въ Умбріи, а вторая была проведена консуломъ Маркомъ Эмиліемъ Лепидомъ, въ 187 г. до р. Х., и вела изъ Плаценціи (Пьяченца) черезъ Бононію (Болонья) въ Ариминумъ. Лѣтъ че-

резъ сорокъ по окончаніи послѣдняго пути, римляне начали устроивать въ своемъ городѣ болѣе прочную мостовую и проводить по всѣмъ окрестностямъ Рима дороги въ родѣ макадамовскихъ; о значительности подобнаго предпріятія лучше всего можно судить по тому, какъ трудно и въ настоящее время устроивать порядочныя мостовыя даже въ большихъ городахъ. Еще знаменитѣе этихъ построекъ были работы, исполненныя (184 г. до р. X.) Маркомъ Порціемъ Катономъ Старшимъ, во время его цензорства, вмѣстѣ съ его товарищемъ Луціемъ Валеріемъ Флаккомъ. Они употребили до $1^1/_2$ милліона руб. сер. на очищеніе подземныхъ каналовъ въ Римѣ, осушили и вымостили болотистыя мѣста въ городѣ, построили на торговой площади громадную базилику или помѣщеніе для суда, провели черезъ террачинскія болота военную дорогу, а около Форміевъ (въ окрестностяхъ нынѣшней Мола ди Гаэта) для проложенія дороги пробили цѣлую гору.

Между тѣмъ, какъ подобное употребленіе сокровищъ, стекавшихся въ Римъ и возбуждающихъ наше удивленіе, доставляло пользу обитателямъ Италіи, даже до позднѣйшей эпохи древняго міра, другой способъ употребленія ихъ, напротивъ того, унизителенъ для человѣчества. Празднества и игры, на которыя шла большая часть награбленныхъ и завоеванныхъ богатствъ, отличались преимущественно грубостью, жестокостью и чрезмѣрной роскошью, и представляютъ намъ картину народа, масса котораго по своимъ потребностямъ и удовольствіямъ рѣзко отличается отъ низшихъ классовъ греческой націи. У грековъ народъ находилъ наслажденіе въ искусствахъ, облагороживающихъ человѣка и развивающихъ въ массахъ чувство гуманности; у римлянъ же зрѣлища убійствъ и жестокостей служили любимою забавою народа, поэзія и искусства обращены были на служеніе невѣжеству, а изящное составляло только второстепенный элементъ или случайную примѣсь въ этихъ національныхъ увеселеніяхъ. Игры гладіаторовъ и битвы звѣрей, введенныя въ Римѣ во время пуническихъ войнъ,

встрѣтили такое сочувствіе, что сдѣлались съ тѣхъ поръ любимымъ развлеченіемъ народа. Игры состояли изъ битвъ на жизнь и смерть, между гладіаторами, т. е. рабами или свободными простолюдинами, которые составили себѣ ремесло изъ этого занятія. Римляне переняли вѣроятно ихъ отъ этрусковъ, у которыхъ онѣ устраивались въ честь умершихъ; игры эти встрѣчаются, какъ древній, національный обычай, и у иберійскихъ народовъ, которые при похоронахъ своихъ знаменитыхъ людей заставляли сражаться на жизнь и смерть не только рабовъ, но даже воиновъ изъ благороднѣйшихъ фамилій. Эти варварскія потѣхи были для римлянъ тѣмъ же, чѣмъ для грековъ гимнастика, театръ и музыкальныя празднества. Римское общество по своей страсти къ нимъ стоитъ даже гораздо ниже кровожадныхъ среднихъ вѣковъ, когда кровь и убійство на турнирахъ были только случайными явленіями, а не составляли преднамѣренной цѣли всей забавы. Напрасно старались нѣкоторые аристократы ввести въ употребленіе сценическія представленія, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы они могли чередоваться съ этими кровавыми зрѣлищами; попытка ихъ неудалась, потому что благородная цѣль театра никогда не была понята низшими классами римскаго народа и ремесло актера считалось презрѣннымъ и приличнымъ только рабамъ. Напротивъ того, страсть къ играмъ гладіаторовъ и звѣринымъ травлямъ все болѣе и болѣе усиливалась; высшіе сановники ничѣмъ не могли болѣе заслужить себѣ расположенія народа, какъ устройствомъ для него подобныхъ игръ, и вскорѣ только и стали думать о томъ, какъ бы превзойти другъ друга роскошью и великолѣпіемъ публичныхъ игръ. Такъ, напримѣръ, побѣдитель этолійцевъ могъ выжать у этого бѣднаго народа только незначительное количество денегъ, но тѣмъ не менѣе далъ игры съ великолѣпною травлею пантеръ и львовъ и выставкою чрезвычайно разнообразнаго собранія рѣдкостей. Этимъ онъ возбудилъ соревнованіе Сципіона Азіатскаго, устроившаго еще болѣе блистательныя игры, продолжавшіяся десять дней, и для которыхъ азіатскіе цари и города должны

были прислать ему деньги. Уже через нѣсколько лѣтъ нашли необходимымъ запретить особымъ закономъ употреблять на общественныя игры болѣе извѣстной суммы денегъ, но зла этого нельзя было уничтожить никакимъ закономъ, и оно осталось бичемъ всѣхъ покоренныхъ странъ, потому что лица, дававшія игры, принуждали расплачиваться за нихъ жителей провинцій или потомъ, въ качествѣ намѣстниковъ, вознаграждали себя на ихъ счетъ за издержки по устройству игръ. Эти насилія въ провинціяхъ и вредное вліяніе на духъ и нравственность народа не были единственными вредными послѣдствіями народныхъ забавъ подобнаго рода; онѣ служили также средствомъ для пріобрѣтенія расположенія массы гражданъ. Въ Римѣ политическое вліяніе основывалось въ одно и тоже время на матеріальномъ бѣдствіи жителей провинцій и на нравственной порчѣ римскихъ гражданъ, что и повело, вмѣстѣ съ раздачею дароваго хлѣба и денегъ, къ размноженію лѣниваго и продажнаго народа; все это приманивало сельское населеніе въ городъ, гдѣ, само собою разумѣется, оно также развращалось. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ распространеніе латифундій стѣсняло земледѣліе въ малыхъ размѣрахъ и уменьшало свободное сельское населеніе, вслѣдствіе новаго положенія, въ которое стала бѣднѣйшая часть городскаго населенія, исчезли и послѣдніе слѣды сельской честности и чистоты нравовъ.

Другимъ гибельнымъ слѣдствіемъ римскихъ завоеваній была роскошь въ частной жизни, распространившаяся вмѣстѣ съ общественной. Она могла развиться въ Римѣ тѣмъ легче и скорѣе, что тамъ, какъ и между народами германскаго племени, женщины имѣли большое вліяніе на общественную жизнь (т. III стр. 250.). Къ концу періода пуническихъ войнъ, онѣ до такой степени отдалились отъ прежней простоты и пристрастились къ нарядамъ, что въ 195 г. до р. X. произвели открытое возстаніе для того, чтобы добиться отмѣны закона о роскоши, изданнаго въ 177 г. по настоянію народнаго трибуна Оппія. По закону Оппія римской женщинѣ не дозволялось носить на себѣ болѣе унціи золота, надѣвать

пестраго наряда и ѣздить въ колесницѣ по Риму и его окрестностямъ въ непраздничные дни. Римскія женщины упросили двухъ народныхъ трибуновъ предложить уничтоженіе этого закона, и не давали отдыха консуламъ и преторамъ, требуя принятія этого предложенія; въ продолженіе нѣсколькихъ дней онѣ тысячами сходились къ мѣсту, гдѣ происходило народное собраніе и успокоились только тогда, когда достигнули своей цѣли. Тщетно неутомимый поборникъ простоты римскихъ нравовъ, Катонъ, употреблялъ всѣ усилія для противодѣйствія распространенію роскоши; напрасно, во время своего цензорства, приказывалъ предметы роскоши, превышавшія узаконенное количество, вносить въ податные списки въ десять разъ дороже ихъ стоимости, и такимъ образомъ взыскивать съ нихъ несравненно большую пошлину: въ то время, какъ и всегда, нельзя было ни законами, ни насильственными запрещеніями, измѣнить направленіе, уже принятое обществомъ.

Съ этимъ направленіемъ и съ измѣненіемъ всѣхъ отношеній римскаго народа, въ началѣ его всемірнаго владычества, было тѣсно связано чрезмѣрное обогащеніе небольшей части населенія, постоянно увеличивавшаяся нищета массъ и (какъ неизбѣжное послѣдствіе этого) размноженіе и усиленіе ростовщичества. Отдѣльныя лица и фамиліи обладали въ Римѣ огромными богатствами, несмѣтными помѣстьями и цѣлыми полками рабовъ, и по своему чрезвычайному вліянію и значенію, которое имѣла ихъ благосклонность для всѣхъ покоренныхъ народовъ, составляли какъ бы княжескія и владѣтельныя фамиліи. Напротивъ того, большинство гражданъ, не принадлежавшихъ къ этимъ избраннымъ счастливцамъ, были обременены неоплатными долгами, а тяжесть налоговъ, алчность намѣстниковъ и корыстолюбіе откупщиковъ препятствовали всякому развитію благосостоянія въ провинціяхъ. Строгіе законы противъ должниковъ, въ первое время республики доведшіе народъ до отчаянія, были мало по

малу смягчены народными трибунами, и въ первое время по учрежденіи трибуната даже не слышно было о ростовщичествѣ и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ имъ народу. Но, когда награбленныя богатства всего міра стали стекаться въ Римъ и роскошь съ неудержимою силою начала подчинять себѣ все, недостатокъ въ деньгахъ и притѣсненія ростовщиковъ снова стали тяготѣть надъ всѣми классами народа. Ростовщики нашли прекрасное средство избавляться отъ наказаній, опредѣленныхъ закономъ за ростовщичество, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять право взыскивать долги: каждый, отдававшій свои деньги въ ростъ, прикрывался именемъ латина, потому что этотъ народъ не былъ подчиненъ дѣйствію римскихъ законовъ. Хотя правительство и прекратило вскорѣ это злоупотребленіе, издавъ законъ, по которому латины при взысканіи долговыхъ претензій съ римскихъ гражданъ, подчинялись всѣмъ постановленіямъ, обязательнымъ для римскихъ гражданъ въ ихъ сношеніяхъ между собою; но и эта мѣра не помогла, потому что ее можно было обойти различными средствами, а при господствующей страсти къ роскошѣ и при крайнемъ неравенствѣ состояній, существовавшемъ тогда въ Римѣ, денежныя затрудненія были слишкомъ часты и слишкомъ тягостны, чтобы тотъ, кому приходилось терпѣть отъ нихъ, не сдѣлался какимъ нибудь образомъ жертвою ростовщиковъ.

Для совершенно яснаго пониманія всего сказаннаго, необходимо принять въ соображеніе взглядъ римлянъ на торговлю, отношеніе ея къ народу и государству, и сверхъ того значеніе сословія римскихъ всадниковъ. Ни греки, ни римляне не имѣли правильнаго современнаго взгляда на торговлю, и считая промышленность и торговлю неизбѣжнымъ зломъ, а не средствомъ, которымъ можетъ сглаживаться общественное неравенство, старались пособить неравенству состояній только искуственными средствами, какъ, напримѣръ, прощеніемъ долговъ и аграрными законами. У римлянъ торговля, считавшаяся занятіемъ неприличнымъ, не-

решла вся въ руки иностранцевъ. Сверхъ того всѣ капиталы, собранные поборами, пріобрѣтенные въ видѣ военной добычи, ростовщичествомъ, откупами и банкирскими дѣлами, сосредоточивались въ рукахъ римскихъ всадниковъ и тѣхъ вельможъ, которые не хотѣли ни расточать своихъ капиталовъ, ни обращать ихъ въ недвижимое имѣніе. Весьма естественно, что вслѣдствіе того установилась, какъ и въ наше время, тѣсная связь между денежной аристократіею и аристократіею рожденія. Это необходимо должно было повести за собою увеличеніе ростовщичества и откупныхъ притѣсненій, тѣмъ болѣе, что государственная власть вмѣсто того, чтобы служить посредникомъ между должникомъ и заимодавцемъ, перешла въ руки богатыхъ и почти всегда дѣйствовала только въ пользу заимодавца и откупщика. Первый принадлежалъ къ правительственному классу, а второй былъ тѣсно связанъ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что было принято за правило пополнять сенатъ преимущественно изъ сословія всадниковъ. Сословіе всадниковъ вмѣстѣ съ частью правительственной аристократіи составляло классъ римскихъ капиталистовъ, и въ періодъ пуническихъ войнъ было по преимуществу денежнымъ сословіемъ государства. Оно болѣе и болѣе забирало въ свои руки и подчиняло своему вліянію все благосостояніе, промыслы, торговлю и провинціи государства, совершенно также какъ въ нашихъ фабричныхъ городахъ внѣшнее благосостояніе населенія зависитъ отъ владѣльцевъ фабрикъ и ихъ банкировъ. По мѣрѣ того, какъ главная масса капиталовъ переходила въ ихъ руки, они пріобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія на судьбу націи и на правительство; по своему соціальному положенію составляя середину, между аристократіею и народомъ, они давали перевѣсъ той сторонѣ, которой держались. Выгоднымъ положеніемъ своимъ они пользовались вообще только для того, чтобы обогащаться, вопреки всѣмъ законамъ государства. Всадники брали на откупъ во всѣхъ провинціяхъ государственные налоги, взимавшіеся по римской си-

стемѣ управленія не самимъ государствомъ, а предоставляемые частнымъ лицамъ за опредѣленную сумму. Кромѣ того за извѣстныя суммы они брали на себя постройку общественныхъ зданій, дорогъ и водопроводовъ, давали въ займы покореннымъ владѣтелямъ и городамъ деньги, которыя собирали съ нихъ же и брали у нихъ въ залогъ имущества, взыскивая страшные проценты. Для составленія необходимыхъ капиталовъ, всадники образовали между собою большія общества, очень похожія на наши акціонерныя компаніи. Этимъ способомъ всадники мало по малу забрали себѣ большую часть наличныхъ денегъ въ государствѣ, и такъ какъ въ ихъ рукахъ находились всѣ важнѣйшія предпріятія и капиталы, то очевидно, что всѣ капиталисты имѣли одинаковый съ ними интересъ; такимъ образомъ они пріобрѣли огромное вліяніе, обратившееся въ настоящую тираннію. Въ качествѣ денежной аристократіи они распологали всѣми средствами и находились въ связи съ правительственной аристократіей, по этому тягаться съ ними было невозможно, и хотя иногда удавалось подвергнуть ихъ законнымъ наказаніямъ за возмутительныя несправедливости и обманы, отъ которыхъ часто страдало государство, но въ большей части случаевъ это оказывалось невозможнымъ.

Изъ всего сказаннаго видно, какимъ извращеннымъ и пагубнымъ путемъ пошло римское государство; какъ ни сильно однако страдало оно уже въ это время отъ язвъ, которыя впослѣдствіи были причиною его гибели, но двѣ главныя опоры его существованія оставались тверды и непоколебимы. Опоры эти были религія и значеніе сената или, выражаясь точнѣе, суевѣрный страхъ передъ множествомъ боговъ и искусство, съ которымъ правители государства умѣли пользоваться этимъ страхомъ. Въ этомъ отношеніи недостатокъ умственнаго движенія у римлянъ, составляющій ихъ характеристическую особенность отъ грековъ, и незначительное участіе низшихъ классовъ въ образованіи высшихъ были очень выгодны для государства. Зная какъ глубоко коренится суевѣріе у итальянцевъ, сенатъ искусно пользовался

ихъ благочестіемъ и суевѣріемъ для выгодъ государства или для извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, но при этомъ умѣлъ уничтожать всякую попытку честолюбія жрецовъ, прикрываясь авторитетомъ государственной власти. Это можно доказать многими примѣрами. Такъ, при концѣ второй пунической войны, сенатъ серьозно разсуждалъ о камняхъ и травахъ, которые, по существовавшимъ религіознымъ обычаямъ, должны были употреблять жрецы при церемоніяхъ, сопровождавшихъ заключеніе мира. Когда же вскорѣ послѣ того вспыхнула война съ Антіохомъ III, сенатъ для быстроты дѣйствій обошелся безъ обычныхъ религіозныхъ обрядовъ, но, не желая возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія, притворился, что дѣло кажется ему опаснымъ и требующимъ обсужденія, и тайно условился съ жрецами, чтобы они дали на его вопросъ благопріятный отвѣтъ, не спрашивая согласія народа. Когда при началѣ этой войны Сципіонъ Африканскій Старшій по политическимъ соображеніямъ вздумалъ замедлить движеніе войска, онъ не хотѣлъ объяснить настоящихъ причинъ, заставлявшихъ его дѣйствовать такимъ образомъ, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поддержать въ народѣ страхъ къ богамъ и уваженіе къ жрецамъ. Принадлежа къ сословію салійскихъ жрецовъ, Сципіонъ объявилъ, что долженъ остановиться, потому что по древнимъ религіознымъ книгамъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ продолженіе праздниковъ, посвященныхъ богу войны, ни одинъ салійскій жрецъ не смѣлъ путешествовать. Правители римскаго народа вовсе не смотрѣли серьозно на эти предразсудки, и Фабій Максимъ Кунктаторъ не побоялся сказать однажды во всеуслышаніе, что ауспиціи ничто иное, какъ государственныя машины, и потому бываютъ всегда благопріятны, когда хотятъ предпринять что нибудь, и не благопріятны, когда желаютъ помѣшать чему нибудь. Но большинство римской аристократіи не обнаруживало своихъ мыслей и поддерживало ненарушимо благотворное дѣйствіе національной религіи и ея церемоній на духъ народа. Всякая же возможность пріобрѣтенія жрецами излишней власти предупреждалась особенностями

государственнаго устройства и самого жреческаго сословія. Какъ ни сильно связывала религія отдѣльныя лица, но она все таки была подчинена сенату и народному собранію, и если возникалъ споръ о религіозныхъ церемоніяхъ или о правахъ различныхъ жрецовъ, то дѣло въ послѣдней инстанціи рѣшалось не судомъ жрецовъ, а сенатомъ и народнымъ собраніемъ.

Подобно тому, какъ религія и ея постановленія сохранялись у римлянъ гораздо лучше и дѣйствовали на римскій народъ сильнѣе, чѣмъ исказившееся въ тоже время греческое богослуженіе на грековъ, такъ и нравы итальянцевъ были несравненно чище греческихъ. Особенно великими являются римляне и жители Италіи своимъ единствомъ въ отношеніи къ иностранцамъ, воинственная суровость ихъ представляется въ особенно благопріятномъ свѣтѣ при сравненіи ихъ съ низостью грековъ, ихъ завистью другъ къ другу, безпрерывными междоусобіями и съ готовностью продать отчизну и друзей тому, кто платитъ дороже, или жертвовать ими своимъ мелкимъ страстямъ и недостойнымъ желаніямъ. Какъ великъ, какъ поразителенъ своею внутреннею силою является римскій народъ въ сравненіи съ вѣчнымъ разъединеніемъ грековъ, съ ихъ нелѣпымъ тщеславіемъ, раболѣпною лестью всякому, у кого находилась въ рукахъ власть или отъ кого они надѣялись получить какія нибудь выгоды! И какъ могъ этотъ народъ устоять противъ народа римскаго, который противопоставлялъ его малодушію — мужество, его разъединенію—единство правительственныхъ мѣръ, и живую силу — его мертвому военному механизму, пружины котораго были испорчены произволомъ и насиліемъ! Въ Азіи мы видимъ такое же зрѣлище. Восточныя государства ненавидѣли другъ друга и, находясь въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, уже тѣмъ самымъ представляли римлянамъ легкую добычу. Гибельный духъ мести и еще болѣе гибельная зависть не допускали эти города и народы соединиться противъ Рима, когда онъ грозилъ всѣмъ имъ одинаковою участью; напротивъ того, они часто призывали на помощь въ своихъ междоусобіяхъ тѣхъ самыхъ, которые искали ихъ

гибели. Какъ печально было положеніе тогдашнихъ азіатскихъ государствъ, можно видѣть изъ того, что даже такой отличный правитель, какъ Антіохъ III, былъ занятъ цѣлые годы возмущеніемъ брата и одного изъ своихъ министровъ и, начавъ наконецъ войну съ римлянами, какъ будто ослѣпленный судьбою, дѣлалъ ошибку за ошибкой! Могъ ли онъ съ своими войсками, набранными изъ всѣхъ народовъ Азіи и Греціи, устоять противъ чисто-національнаго войска римлянъ, которое образовалось на войнѣ и билось со всякимъ за славу своей націи, какъ за свою собственную честь!

Всѣ эти народы, какъ азіатскіе, такъ и греческіе, потеряли вмѣстѣ съ своею самостоятельностью и всякое значеніе для человѣчества; только Аѳины, даже въ эпоху своего порабощенія сохраняли вліяніе на общество и на его развитіе. Когда торговля аѳинянъ перешла въ Александрію, Родосъ и Византію, они избрали главною задачею своей жизни занятія наукою и искусствомъ, и потому городъ ихъ оставался средоточіемъ всѣхъ свободныхъ искусствъ; не смотря на все процвѣтаніе царскихъ ученыхъ заведеній въ Александріи, Антіохіи и Пергамѣ, философія, краснорѣчіе, теорія искусства и другія отрасли свободной умственной дѣятельности по прежнему являлись во всемъ своемъ блескѣ только въ Аѳинахъ. Городъ этотъ оставался до позднѣйшей эпохи древности главною школою не только греческаго, но и римскаго общества, и такимъ образомъ сохранилъ за собою въ литературномъ мірѣ то мѣсто, которое утратилъ въ политикѣ. Такое великое значеніе Аѳинъ, совершенно независившее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, было бы непонятно для насъ, если бы мы упустили изъ виду главную черту характера древнихъ грековъ, которые, вмѣстѣ съ самой сильной наклонностью къ чувственнымъ наслажденіямъ, ощущали такую же сильную потребность въ умственномъ образованіи. Образъ жизни и учрежденія новѣйшихъ народовъ позволяютъ предаваться самостоятельному мышленію только нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ немного-

численныхъ классовъ, и потому у нихъ легко исчезаютъ всѣ нравственные принципы и всякая внутренняя жизнь; напротивъ того, древніе, государственная жизнь которыхъ основывалась на живомъ умственномъ общеніи гражданъ, никогда не могли утратить вполнѣ способности мышленія, и потому даже въ состояніи упадка, всегда сохраняли духовные интересы и потребности. Такимъ образомъ Аѳины оставались средоточіемъ образованности для всего греческаго міра и тогда, когда пали нравственно и политически. Вскорѣ онѣ, вмѣстѣ съ Марселью, сдѣлались главною школою римскихъ государственныхъ людей и тѣмъ пріобрѣли еще большее значеніе. Съ распространеніемъ между римлянами греческой цивилизаціи, Аѳины стали настоящимъ центромъ образованности, науки и искусства. Онѣ сохранили это значеніе во всѣ послѣдующія эпохи древности и когда древняя литература пришла повсюду въ упадокъ, она процвѣтала въ Аѳинахъ по прежнему, даже до 6-го вѣка по р. Х. Эта цвѣтущая аѳинская образованность не была ни теологическою, какою она сдѣлалась съ распространеніемъ христіанства въ Александріи, ни чисто-софистическою, какъ въ Антіохіи, ни подготовкою къ адвокатурѣ, чѣмъ она была во всѣхъ городахъ Запада и даже въ самомъ Римѣ, но настоящею универсальною образованностью, на сколько допускалъ это духъ древняго міра и характеръ позднѣйшихъ столѣтій.

Обращаясь отъ разсмотрѣнія особенностей духа и быта римскаго народа къ изслѣдованію перемѣнъ, происшедшихъ собственно въ государственной жизни римлянъ, мы увидимъ и здѣсь всеизмѣняющее вліяніе распространенія ихъ господства. Вмѣсто касты патриціевъ, владычествовавшей надъ подчиненными ей гражданами и потомъ раздѣлившей свою власть съ аристократіею заслугъ, преобладающее вліяніе въ государствѣ получило одно богатство; но еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ было то, что эта перемѣна въ правахъ и отношеніяхъ римскаго народа способствовала возникновенію въ Римѣ демагогіи и доставила нѣсколькимъ фами-

ліямъ громадную силу и вліяніе въ государствѣ, такъ что на мѣсто аристократіи явилась настоящая олигархія. Начальство надъ войскомъ во время войны не было уже, какъ прежде, только средствомъ отличиться своими заслугами и заслужить тѣмъ уваженіе и любовь народа; въ войнѣ стали видѣть только способъ обогащенія и старались обратить подчиненныхъ военачальниковъ и солдатъ въ своихъ приверженцевъ. Сверхъ того одного знанія законовъ, соединеннаго съ практическою опытностью и образованіемъ, не было достаточно для участія въ государственномъ управленіи; необходимо было еще имѣть значительное состояніе, дававшее возможность привязать къ себѣ народъ подарками и великолѣпными играми, и многостороннее образованіе съ адвокатскою ловкостью, чтобы не потеряться въ запутанности всѣхъ отношеній римскаго государства и заинтересовать своими планами избалованный и подверженный самымъ противоположнымъ вліяніямъ народъ. Фамиліи, принявшія тогда первыми отлично приспособленную къ этой цѣли греческую образованность и владѣвшія огромными богатствами, пріобрѣли господствующее положеніе; прочія же фамиліи стали отъ нихъ въ зависимость, и государственное устройство превратилось въ настоящую олигархію. Эти господствовавшія фамиліи, борясь другъ съ другомъ, искали себѣ опоры въ демагогіи и каждый, желавшій составить противъ нихъ оппозицію, долженъ былъ итти тѣмъ же путемъ; такимъ образомъ тогдашнее римское государство вступило на такой путь, который, какъ нѣкогда въ Греціи, необходимо долженъ быть повести наконецъ къ междоусобнымъ войнамъ и монархіи.. Впрочемъ значеніе, пріобрѣтенное народными собраніями, доставило и народнымъ трибунамъ такой вѣсъ, какого они никогда прежде не имѣли. Они могли бы даже возвыситься надъ сенатомъ и сдѣлаться господствующею властью въ государствѣ, если бы число ихъ, около половины 5-го вѣка до р. Х., не было увеличено до десяти; по закону же только единогласное рѣшеніе трибуновъ имѣло силу, а такъ какъ очень

рѣдко можно было вполнѣ согласить между собою собраніе изъ десяти человѣкъ, то и власть, которую они могли бы пріобрѣсти при тогдашнихъ обстоятельствахъ своимъ единодушіемъ, исчезла сама собою.

Вслѣдъ за возникновеніемъ въ Римѣ олигархіи, вспыхнула между господствующими фамиліями вражда, обусловливавшаяся характеристическими особенностями той эпохи и вслѣдствіе того представляющая особенную занимательность и поучительность. Часть римской аристократіи видѣла, что греческіе нравы и образованность, проникшіе въ Римъ вмѣстѣ съ греческою роскошью и изнѣженностью, могутъ совершенно измѣнить характеръ націи, и что фамиліи, принявшія ихъ, не только пріобрѣли перевѣсъ, но и воспользовались доставляемыми этою образованностью средствами для утвержденія своей популярности и упроченія своего положенія съ помощью демагогіи. Люди, понимавшіе какъ велико было это зло, старались противодѣйствовать ему общими силами и поддерживать древне-римскій національный характеръ; они то и составили особую партію. Противъ нихъ возстала другая часть олигархическихъ фамилій, которая, по принятому ею направленію, требовала перехода къ общей всемірной цивилизаціи и думала упрочить свое вліяніе посредствомъ своей образованности и популярности. Обѣ стороны, какъ это обыкновенно бываетъ при борьбѣ партій, бросились съ самыя рѣзкія крайности: одни старались уничтожить основной характеръ римскаго народа и простоту самнитско-римскихъ нравовъ водвореніемъ чуждыхъ обычаевъ, другіе вдались въ противоположную крайность, и стали поддерживать военное варварство. Такимъ образомъ споръ сдѣлался и политическимъ и философскимъ вмѣстѣ, съ одной стороны вращаясь на поддержаніи или уничтоженіи древнихъ, строго аристократическихъ принциповъ, а съ другой принявъ видъ борьбы образованности противъ варварства, утонченности греческой жизни противъ направленія всей народной дѣятельности. Во главѣ партіи, стремившейся къ поддержанію древнихъ нравовъ и обычаевъ, стали **Фабій Мак-**

симъ Кунктаторъ и Маркъ Порцій Катонъ Старшій; поборниками новаго направленія и образованности были Маркъ Клавдій Марцеллъ и фамиліи Сципіоповъ, Павла Эмилія и Фламининовъ. Сущность воззрѣній обѣихъ партій обнаруживается въ противоположности характеровъ и стремленій двухъ знаменитѣйшихъ вождей ихъ Сципіона Африканскаго Старшаго и Марка Порція Катона; вслѣдствіе того необходимо познакомиться ближе съ этими личностями, какъ главнѣйшими представителями духа господствовавшаго въ ихъ эпоху.

Характеръ и политическое значеніе Сципіона Африканскаго Старшаго были уже ясно обозначены въ историческомъ разсказѣ о событіяхъ пуническихъ войнъ (т. III. стр. 392.). Правда, что необыкновенныя дарованія и возвышенный характеръ его заставляютъ предполагать, что преобладающее вліяніе его основывалось на его личныхъ заслугахъ; но при тщательномъ изслѣдованіи окажется, что онъ достигъ своей цѣли гораздо болѣе значеніемъ въ Римѣ своей фамиліи и могуществомъ аристократической партіи, къ которой принадлежалъ, чѣмъ своими собственными блистательными талантами. Образъ его дѣйствій въ послѣдніе дни его жизни можетъ служить лучшимъ доказательствомъ преобладающаго вліянія его и его фамиліи. Противники старались погубить его, обвинивъ передъ народомъ въ лихоимствѣ; взведенное на него обвиненіе состояло въ томъ, что онъ будто бы взялъ съ Антіоха III деньги за заключеніе выгоднаго мира. Сципіона призвали въ народное собраніе, какъ нарочно, въ самый день годовщины битвы при Замѣ. Вмѣсто того, чтобы защищаться, Сципіонъ сказалъ народу: „Въ этомъ самый день я разбилъ Ганнибала и карѳагенянъ, а потому считаю неприличнымъ вести процессъ. Сегодня я не буду вступать въ пренія съ моими врагами, а немедленно отправлюсь въ Капитолій благодарить боговъ, даровавшихъ мнѣ возможность, какъ при Замѣ, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, спасать отечество и уничтожать его враговъ. Кто думаетъ также, какъ я, тотъ пусть послѣдуетъ за мною, и мы вмѣстѣ попросимъ

боговъ, чтобы они всегда посылали римской республикѣ людей, которые могли бы избавлять ее отъ опасностей." Народъ послушался возванія Сципіона и оставилъ его обвинителей передъ пустыми скамьями. Если въ этомъ смѣломъ поступкѣ, увѣнчанномъ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, и высказывается благородная самоувѣренность и достоинства Сципіона, то въ немъ можно также замѣтить и слишкомъ часто встрѣчающееся въ это время мнѣніе знаменитыхъ людей Рима, что заслуги, оказанныя государству, даютъ право поступать по произволу и смотрѣть на государство какъ на частное имущество. Вслѣдъ за тѣмъ Сципіонъ отправился въ свое помѣстье, и когда вскорѣ потомъ его призвали снова на судъ народа, онъ не явился подъ предлогомъ болѣзни. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (въ 183 до р. X.). Братъ его Луцій Сципіонъ Азіатскій, обвиненный въ томъ же преступленіи, подвергся нападкамъ партіи Катона: его обвинили въ томъ, что онъ былъ подкупленъ Антіохомъ и приговорили къ значительной денежной пенѣ, на уплату которой конфисковали часть его имѣнія. Это однако не помѣшало ему вскорѣ послѣ того пріобрѣсти значительныя богатства азіатскихъ владѣтелей, къ которымъ онъ отправленъ былъ посломъ, и по возвращеніи дать блистательныя игры народу. Поступокъ этотъ, а также и то обстоятельство, что Луцій Сципіонъ, не смотря на свою неспособность, получилъ начальство въ войнѣ противъ Антіоха, вполнѣ доказываютъ огромное значеніе и могущество всей фамиліи Сципіоновъ; его поведеніе и угнетенія, посредствомъ которыхъ римскіе вельможи обогащались на счетъ провинцій, ясно доказываютъ, что римская республика уже тогда управлялась немногими фамиліями и нѣсколькими личностями, оказавшими заслуги отечеству. Какъ глубоко коренилось это въ измѣнившемся духѣ того времени, лучше всего доказываетъ перевѣсъ, пріобрѣтенный Титомъ Квинкціемъ Фламининомъ надъ Сципіономъ Старшимъ. Фламининъ еще болѣе Сципіона усвоилъ себѣ греческій характеръ; онъ былъ тщеславнѣе, нравственно развращеннѣе, опытнѣе его во

всѣхъ мелочныхъ дипломатическихъ уловкахъ и, пойдя еще далѣе по новому направленію, пріобрѣлъ въ послѣдніе годы жизни Сципіона еще большее, чѣмъ послѣдній, вліяніе на народъ и на партію нововводителей.

Своею борьбою за древне-римскіе нравы противъ новыхъ обычаевъ и образованности, Маркъ Порцій Катонъ старшій пріобрѣлъ себѣ имя, славу, и такое значеніе въ исторіи, какого никогда не доставили бы ему его другія заслуги. Жизнь его, какъ частнаго человѣка, представляетъ только черты жестокости и озлобленія; но совершенно въ другомъ свѣтѣ представляется она, если смотрѣть на Катона какъ на представителя древне-римскаго національнаго характера, основаннаго на самнитскихъ воззрѣніяхъ и бытѣ. Вся жизнь Катона была борьбою древнихъ національныхъ принциповъ противъ новыхъ, вторгавшихся извнѣ нравовъ и воззрѣній, и онъ является такимъ же противникомъ Фламининовъ, всей фамиліи Сципіона Африканскаго и Павла Эмилія, какимъ не задолго до него былъ Фабій Максимъ Кунктаторъ относительно Марка Клавдія Марцелла и Сципіона Старшаго. Какъ человѣкъ энергическій, рѣзкій и рѣшительный, отличавшійся суровою внѣшностью, онъ слишкомъ сильно увлекался тѣмъ враждебнымъ озлобленіемъ, которое вызываетъ въ каждомъ человѣкѣ упорная борьба за мнѣнія и принципы, и долженъ былъ выносить гнуснѣйшія клеветы со стороны тѣхъ, которые предоставляли міру итти своемъ путемъ, лишь бы только они могли дѣлать все, что угодно. Характеръ его представляетъ еще ту особенно интересную сторону, что въ немъ мы находимъ многія черты древнѣйшаго итальянскаго народнаго характера, поразительно сходныя съ чертами національнаго характера новѣйшихъ итальянцевъ. Подобная личность во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересна съ исторической точки зрѣнія, являясь живымъ изображеніемъ духа, господствовавшаго до времени Катона, и наглядно представляя собою природныя черты національнаго характера цѣлой страны.

Кто въ чрезвычайной живости и горячности, съ которыми Ка-

тонъ боролся противъ новыхъ принциповъ и приверженцевъ ихъ, не узнаетъ господствующей черты характера современнаго итальянца, который приходитъ въ бѣшенство, когда бываетъ чѣмъ нибудь затронутъ! Кто не знаетъ также, что въ Италіи чаще всего встрѣчается странное соединеніе самаго низкаго корыстолюбія съ безграничнымъ равнодушіемъ къ матеріальнымъ благамъ? Соединеніе этихъ же самыхъ качествъ мы видимъ и въ Катонѣ. Въ единственномъ дошедшемъ до насъ сочиненіи Катона „о земледѣліи и домашнемъ хозяйствѣ,“ онъ самъ прямо высказываетъ мысль, что выгода и пріобрѣтеніе составляютъ по его мнѣнію важнѣйшую цѣль въ жизни, и что по этому онъ вполнѣ сочувствуетъ порядочному человѣку, который старается обогатить себя торговлею. Хотя при этомъ онъ и объявляетъ ремесло ростовщика не позволительнымъ и безчестнымъ, но самъ въ продолженіе всей своей жизни никогда не считалъ дурнымъ торговать рабами, и изъ корыстолюбія унижалъ человѣчество до того, что, для размноженія своихъ рабовъ и возвышенія ихъ цѣнности, прибѣгалъ къ такимъ же средствамъ, какія обыкновенно употребляются съ овцами и лошадьми. Не смотря на страшное корыстолюбіе, онъ былъ истиннымъ образцомъ умѣренности и простоты. Въ то время какъ большая часть римскихъ намѣстниковъ провинцій позволяла себѣ самую постыдную роскошь, не останавливаясь ни передъ какими притѣсненіями и подлостями, Катонъ, въ бытность свою проконсуломъ Сардиніи, отказывался даже отъ такихъ удобствъ и удовольствій, которыми могъ бы пользоваться совершенно законно; такъ, напримѣръ, онъ ходилъ изъ одного города въ другой пѣшкомъ и въ сопровожденіи только одного слуги. Третьею, чисто итальянскою чертою характера Катона было его чистосердечное, вполнѣ искреннее суевѣріе, которое до такой степени владѣло имъ, что онъ совершенно серьезно совѣтуетъ въ своемъ сочиненіи употреблять въ случаѣ тѣлесныхъ поврежденій симпатическія лекарства и даже настоящую абракадабру. Онъ отличался еще большею общежительностью и веселостью, доходившею иногда до

неприличныхъ и грубыхъ шутокъ, — два свойства, также составляющія отличительныя черты народнаго характера древнихъ и новѣйшихъ итальянцевъ. Катонъ соблюдалъ всѣ правила гостепріимства и дружбы съ сосѣдями, возстановилъ въ своемъ помѣстьѣ древній итальянскій обычай общихъ обѣдовъ и часто давалъ веселые и задушевные пиры, въ которыхъ принимали участіе и старики и юноши, и на которыхъ сосѣди его засиживались съ нимъ далеко за полночь, дружески болтая и выбирая себѣ самаго веселаго председателя пиршества. Лѣтомъ общество располагалось въ прохладномъ мѣстѣ, зимою гдѣ нибудь на солнце или собиралось вокругъ огня. На своихъ пирахъ собесѣдники Катона оставались вѣрны правиламъ древней самнитской воздерженности, и пили вино умѣренно изъ небольшихъ стакановъ. Такъ обходился Катонъ не только съ своими деревенскими сосѣдями, но и съ своими кліентами; въ то время, какъ другіе знатные римляне его времени начали обращаться съ ними почти какъ съ подданцыми, Катонъ продолжалъ держаться старыхъ обычаевъ, дозволяя своимъ кліентамъ принимать участіе въ своихъ удовольствіяхъ, былъ для нихъ отцомъ и другомъ, и даже на старости взялъ себѣ въ жены дочь одного изъ нихъ.

Какъ въ этой простотѣ жизни, въ живости и общительности, въ этой доброй и веселой старости римскаго помѣщика, даже во времена Катона, выказываются древне-самнитскіе нравы и обычаи, такъ, напротивъ того, въ его обращеніи съ рабами и въ его походахъ видна жестокость и суровость, которыя также можно считать чертою римскаго характера, но которыя кажутся особенно рѣзкими въ сравненіи съ кротостью какого нибудь Клавдія Марцелла или Сципіона Африканскаго. Однажды, въ Испаніи, Катонъ велѣлъ по древнему жестокому обычаю перебить до 600 перебѣжчиковъ, выданныхъ ему однимъ изъ покоренныхъ народовъ. Тамъ же онъ совершенно хладнокровно велѣлъ разрушить до четырехсотъ мѣстечекъ. Такъ свирѣпо могъ поступать только человѣкъ, душа котораго никогда не была доступна голосу музъ, какъ души Сци-

піоновъ. Чрезмѣрное тщеславіе Катона составляетъ также черту древне-римскаго характера, рѣзко выдающуюся въ людяхъ, которые, подобно Катону, были обязаны своею властью и значеніемъ не вліянію своихъ фамилій, а личнымъ заслугамъ, или, подобно Марію и Цицерону, происходили изъ какого нибудь муниципальнаго города и какъ люди новые должны были пріобрѣтать себѣ положеніе въ обществѣ и почетъ особенными заслугами. Эта черта, представляющаяся смѣшною и непріятною, особенно въ характерѣ Цицерона, выказывается во многихъ дошедшихъ до насъ анекдотахъ о Катонѣ; истинны они или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ совершенно согласуются со всею жизнью этого человѣка. Наконецъ въ военномъ поприщѣ Катона видна та безмѣрная строгость, съ которой вели войну римляне древнѣйшей эпохи. Во всѣхъ своихъ походахъ онъ самъ подавалъ своимъ солдатамъ примѣръ добросовѣстнаго исполненія обязанностей воина, раздѣляя съ ними всѣ труды и опасности, и отказывая себѣ во всѣхъ удобствахъ, которыми могъ бы пользоваться какъ начальникъ.

Этотъ истый римлянинъ стараго закала старался всѣми силами, настойчивостью и рѣшительностью своего ума противодѣйствовать нововведеніямъ, грозившимъ наводнить всю римскую жизнь. Особенно энергически дѣйствовалъ онъ во время своего цензорства, въ 184 г. до р. Х. Знатные римляне пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать его избранію въ цензоры, боясь и не безъ основанія неумолимой строгости, съ которой онъ будетъ возстановлять древніе обычаи. Онъ и самъ, при выборахъ въ эту должность, торжественно объявилъ съ ораторской трибуны что республика нуждается въ полномъ очищеніи. Въ другой разъ Катонъ сказалъ народу, что онъ похожъ на стадо барановъ, которое позволяетъ вести себя куда угодно, что, выбирая на почетныя мѣста однихъ и тѣхъ же людей, онъ самъ навязываетъ себѣ властителей, что онъ думаетъ только о своихъ ближайшихъ потребностяхъ, и что римская республика не въ состояніи устоять долгое время, когда въ ней будутъ платить за лакомую рыбу дороже, чѣмъ за рабочаго быка. Ка-

тонъ достигъ своей цѣли и былъ избранъ въ цензоры вмѣстѣ съ другимъ представителемъ древне-римской партіи, Луціемъ Валеріемъ Флаккомъ. Въ соединеніи съ нимъ, онъ пользовался предоставленною ему властью съ такою строгостью и суровостью, что ему дали впослѣдствіи прозвище цензорія. Многіе изъ его поступковъ очень просто объясняются постоянной борьбой, злобою и раздраженіемъ; такъ, напримѣръ, онъ изгналъ изъ сената Манилія за то, что онъ въ присутствіи взрослой дочери поцѣловалъ свою жену, и вычеркнулъ Сципіона Азіатскаго изъ списка всадниковъ по ненависти къ нему и его фамиліи. Впрочемъ большая часть того, что онъ дѣлалъ какъ цензоръ, обнаруживаетъ въ немъ человѣка, стремившагося къ поддержанію колебавшагося духа римскаго народа. Не смотря на все свое желаніе, онъ не могъ возстановить древней строгости нравовъ и обычаевъ, потому что развратъ пустилъ уже слишкомъ глубокіе корни; пользуясь только правомъ ограниченія, онъ употреблялъ его съ крайнею строгостью. Катонъ обложилъ высокою пошлиною всѣ предметы роскоши, заставилъ разрушить частныя зданія, воздвигнутыя римскими вельможами на общественной землѣ, отнялъ у подрядчиковъ общественныхъ работъ большую часть присвоенныхъ ими себѣ выгодъ, возвысилъ откупныя суммы при отдачѣ на откупъ государственныхъ налоговъ и т. п. Но обѣ партіи римской аристократіи дѣйствовали другъ противъ друга съ такою враждою и ненавистью, что Титъ Квинкцій Фламининъ, съ помощью приверженцевъ роскоши, вытребовалъ у сената уничтоженіе контрактовъ, заключенныхъ Катономъ съ подрядчиками, и черезъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ трибуновъ успѣлъ приговорить Катона къ пенѣ въ два таланта, не смотря на то, что прежде народъ шумными рукоплесканіями привѣтствовалъ начало бережливаго цензорства Катона. Кто въ этомъ успѣшномъ стремленіи защитниковъ распространившихся злоупотребленій, даже въ одной попыткѣ ихъ уничтожить мудрыя мѣры Катона, не узнаетъ безграничнаго произвола и могущества личностей и фамилій, смотрѣвшихъ на госу-

дарство, какъ на свою собственность, и не пойметъ какъ велико было зло, которое старался изцѣлить Катонъ! Къ чему же могли служить всѣ наказанія и законы, когда духъ времени и вліяніе быстраго перехода отъ бѣдности и простоты жизни къ богатству и роскоши были несравненно могущественнѣе всякой силы, которую имъ могли противопоставить люди въ родѣ Катона или Фабія Максима Кунктатора, сохранившіе еще во всей чистотѣ черты истиннаго древне-римскаго характера, и когда все, составляющее сущность направленія извѣстной эпохи, никогда не подчиняется никакой власти въ государствѣ! Отъ того и борьба Катона противъ новаго порядка вещей не могла имѣть никакихъ результатовъ. Онъ могъ только, въ качествѣ цензора, противодѣйствовать беззаконной власти какого нибудь римскаго должностнаго лица, или какъ преторъ, консулъ и полководецъ подавать собою примѣръ, или, въ союзѣ съ своими друзьями, приносить жалобы въ судъ на притѣсненіе провинцій, осыпать самыми злыми насмѣшками греко-азіатскую испорченность нравовъ, или же наконецъ сто разъ повторять римскому народу, что раболѣпство, пресмыкающихся передъ нимъ азіатскихъ царей, ихъ придворные обычаи, лукавое обхожденіе и основанное на немъ искусство ловкихъ подкуповъ также опасны для Рима, какъ и могущество Кароагена. Впрочемъ, какъ ни сильно боролся онъ противъ всего чужаго, но на старости самъ началъ уклоняться отъ прежнихъ своихъ идей, и въ преклонныхъ уже лѣтахъ принялся за изученіе прежде столь ненавистной для него греческой литературы, слѣдовательно рѣшался наконецъ идти путемъ нововведеній. Катонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что римская республика, раскинувшись на огромное пространство, требовала такой системы управленія, для которой уже было не достаточно однихъ самнитскихъ нравовъ и преданій и слабой латинской образованности.

IX. ОТЪ ПОЯВЛЕНІЯ

НА ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПОПРИЩѢ ОБОИХЪ ГРАКХОВЪ ДО СМЕРТИ СУЛЛЫ.

I. Волненія, возбужденныя Гракхами.

Въ то время какъ Сципіонъ Африканскій Младшій воевалъ съ нумантинцами, въ Римѣ начался цѣлый рядъ переворотовъ, окончившихся сто лѣтъ спустя учрежденіемъ монархіи. Это обильное послѣдствіемъ движеніе было возбуждено тѣмъ самымъ Тиберіемъ Семироніемъ Гракхомъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ званіи квестора при консулѣ Манцинѣ, т. III. стр. 452), заключилъ договоръ съ Нуманціею, такъ постыдно отвергнутый сенатомъ. Съ отцовской стороны онъ принадлежалъ къ знатной плебейской фамиліи и былъ близкимъ родственникомъ фамиліи Сципіоновъ: мать его, благородная Корнелія, была дочерью старшаго Сципіона Африканскаго, а сестра, Семпронія, женою младшаго Сципіона Африканскаго. Это родство было для Тиберія Гракха и его дѣятельности далеко не такъ важно по значенію, которое придавали ему связи его съ первыми римскими фамиліями, какъ потому, что посредствомъ его онъ усвоилъ себѣ всѣ преимущества греческой образованности, которыми отличалась фамилія Сципіоновъ передъ всѣми римскими вельможами. Воспитаніемъ и образова-

віемъ Тиберій Гракхъ былъ обязанъ преимущественно своей матери, одной изъ образованнѣйшихъ римскихъ женщинъ, имѣвшей такое огромное вліяніе на развитіе своихъ сыновей, что историки часто называютъ ее не собственнымъ ея именемъ, а матерью обоихъ Гракховъ.

Причины волненій, вызванныхъ Тиберіемъ Гракхомъ и возобновленныхъ по его смерти братомъ его, Каемъ Гракхомъ, скрывались въ правительственномъ и политическомъ состояніи тогдашняго римскаго общества. Лица и семейства, сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ управленіе, пали такъ низко, что потеряли большую часть уваженія, необходимаго аристократіи для поддержанія ея достоинства. О монархической формѣ правленія, къ которой наконецъ должно было привести Римъ подобное положеніе дѣлъ, въ то время никто не думалъ; напротивъ того, во многихъ фамиліяхъ, принимавшихъ какое нибудь участіе въ управленіи, господствовалъ во всей силѣ республиканскій духъ, еще болѣе усилившійся подъ вліяніемъ греческой литературы. За то въ Римѣ стали обнаруживаться стремленія воспользоваться демократическимъ элементомъ въ государственномъ устройствѣ, чтобы съ помощью его, путемъ реформъ, положить предѣлъ распространенію общаго разврата. Необходимо было подумать о томъ, какъ бы замѣнить испорченные соки общества здоровыми и, для блага всего народа, доставить болѣе вліянія еще неиспорченной части его. Какимъ образомъ слѣдовало привести это въ исполненіе — рѣшить было очень трудно. Лучшіе люди изъ господствовавшихъ фамилій думали спасти республику слѣдующими средствами: не допускать сосредоточенія владѣнія землями и могущества въ небольшемъ числѣ фамилій, доставить неимущимъ гражданамъ собственность и работу и тѣмъ уменьшить число тѣхъ, которые по своей бѣдности были доступны подкупу и отъ того имѣли чрезвычайно вредное вліяніе въ народныхъ собраніяхъ, наконецъ сравнить въ правахъ съ римлянами итальянцевъ, со-

ставлявшихъ главную часть римскаго войска и обремененныхъ бо́льшими налогами и повинностями, чѣмъ остальные римскіе подданные.

Мы не въ состояніи сказать, было ли это исполнимо или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ многіе лучшіе и благороднѣйшіе дѣятели изъ знатнѣйшихъ фамилій, въ томъ числѣ и Тиберій Гракхъ, считали это дѣло возможнымъ, и реформа Гракха столь важная по своимъ послѣдствіямъ, истекала именно изъ этого убѣжденія. Вглядываясь пристальнѣе въ положеніе тогдашняго общества, мы видимъ, что вопіющія злоупотребленія римской аристократіи были особенно стѣснительны въ слѣдующихъ трехъ отношеніяхъ, послужившихъ прямымъ поводомъ къ волненіямъ, возбужденнымъ Гракхами. Злоупотребленія перваго рода состояли въ отвратительномъ обращеніи господствующаго класса въ Римѣ съ итальянцами. Римскіе вельможи, даже не занимавшіе никакой должности, дозволяли себѣ въ итальянскихъ союзническихъ городахъ величайшія насилія и самыя наглыя требованія. Жители этихъ городовъ, имѣвшіе отчасти право голоса въ народныхъ собраніяхъ, съ жадностью пользовались всякимъ случаемъ, чтобы мстить властолюбивой аристокріи, вслѣдствіе того всякое движеніе, вызванное какимъ нибудь трибуномъ, было вдвойнѣ опасно, потому что оно легко могло распространиться по всей Италіи. Вторымъ поводомъ къ волненіямъ, возбужденнымъ Гракхами, былъ способъ пользованія римскими государственными имуществами. Съ давняго времени часть завоеванныхъ земель была раздаваема поселенцамъ и солдатамъ, нерѣдко перепродававшимъ свое имущество въ другія руки; другая часть отдавалась по распоряженію цензора въ аренду черезъ каждые пять лѣтъ и такимъ образомъ предоставлялась всегда въ пользованіе однимъ знатнымъ фамиліямъ; наконецъ, третью часть, содержавшую въ себѣ только невоздѣланныя земли, могъ брать во владѣніе всякій желающій, съ платежомъ опредѣленной подати. При Лициніи Столонѣ (т. III. стр. 235.) былъ изданъ законъ, по которому никто не имѣлъ права владѣть болѣе 500

югеровъ государственныхъ земель, законъ, имѣвшій явною цѣлью воспрепятствовать знатнымъ фамиліямъ, въ рукахъ которыхъ находились высшія должности, слѣдовательно и всѣ средствами присвоивать себѣ государственную собственность, захватывать земли республики. Но запрещеніе не повело ни къ чему, и римская аристократія мало по мало завладѣла бо̀льшею частью государственныхъ земель. Это было чрезвычайно невыгодно для республики, терявшей, при взиманіи податей, огромныя суммы, потому что владѣльцы подъ всевозможными предлогами заводили споры о количествѣ податей, а съ другой стороны трудно было опредѣлить цѣнность этихъ земель, наконецъ вслѣдствіе недостатковъ древней администраціи; бывали даже случаи, что государственной собственности невозможно было отличить отъ частной. Эти злоупотребленія при пользованіи государственными имуществами сопровождались еще гораздо худшимъ послѣдствіемъ, послужившимъ третьимъ и самымъ важнѣйшимъ поводомъ къ волненіямъ, произведеннымъ Гракхами. Римскіе вельможи не только обращали бо̀льшую часть своихъ помѣстій въ луга, увеличивая такимъ образомъ скотоводство въ ущербъ земледѣлію, но и предоставили оба эти занятія исключительно рабамъ. Оттого и большинство населенія Италіи состояло изъ рабовъ. Вслѣдствіе образованія множества большихъ помѣстій, ничтожные остатки свободнаго сельскаго населенія находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, не имѣя никакихъ средствъ улучшить свое состояніе трудомъ, и потому при всякомъ удобномъ случаѣ старались переселяться въ Римъ, гдѣ они получали большею частью содержаніе на счетъ государства. Даже многіе изъ солдатъ и поселенцевъ, надѣленныхъ землями, обремененные долгами и подвергаясь разнымъ притѣсненіямъ, теряли свои земли и перебирались въ Римъ. Такимъ образомъ большое стеченіе народа въ Римѣ грозило тѣмъ, что народное собраніе обратиться въ орудіе демагоговъ. Малочисленность и бѣдственное положеніе итальянскаго сельскаго населенія, увеличеніе числа рабовъ и употребленіе ихъ вмѣсто свободныхъ

работниковъ было до такой степени поразительно, что, по увѣренію самого Гракха, путешествіе его по Италіи болѣе всего остальнаго побудило его произвести движеніе, вызванное имъ въ бытность его народнымъ трибуномъ.

Съ твердою рѣшимостью исправить всѣ эти злоупотребленія возобновленіемъ аграрныхъ законовъ Лициція Столона, Тиберій Гракхъ, не достигши еще 30 лѣтняго возраста, заставилъ избрать себя народнымъ трибуномъ на 133 г. до р. Х. Дальновиднѣйшіе изъ аристократовъ оказали ему свое содѣйствіе, и между тѣми, которые согласились на его избраніе, особенно отличаются три человѣка, пользовавшихся большимъ вліяніемъ и далеко не расположенныхъ къ демагогіи — тесть Гракха, Аппій Клавдій, бывшій прежде консуломъ и цензоромъ и носившій почетный титулъ перваго сенатора, pontifex maximus или верховный жрецъ римскій, Публій Лициній Крассъ Муціанъ, и тогдашній консулъ, Публій Муцій Сцевола, принадлежавшій къ знаменитѣйшимъ юристамъ своего времени. По мнѣнію ихъ и всѣхъ тѣхъ, которые желали дѣйствительнаго исправленія зла, Тиберій Гракхъ являлся поборникомъ древне-римскихъ нравовъ и постановленій. Но за то большей части высшаго сословія реформа его казалась самымъ опаснымъ нововведеніемъ, лишавшимъ его всѣхъ постепенно пріобрѣтенныхъ имъ преимуществъ. Такимъ образомъ Гракхъ съ самаго начала долженъ былъ предвидѣть, что ему придется выдержать упорную борьбу со всѣми пользовавшимися выгодами существовавшаго порядка. Конечно реформу эту можно было провести только съ помощью народа; но сильно ошибется тотъ, кто вообразитъ, что совершить преобразованіе было легко только потому, что оно было выгодно для большинства народа. Хотя со времени паденія господства патриціевъ, народное собраніе мало по малу и захватило въ свои руки почти все судопроизводство и большую часть администраціи, но въ дѣйствительности участіе его въ управленіи государствомъ было очень не велико: римскимъ народнымъ

собраніемъ управляли лица, которыя, не будучи въ состояніи провести что нибудь въ сенатѣ, обращались къ народу и пользовались его интересами, какъ предлогомъ для достиженія своихъ цѣлей; другими словами, народъ постоянно находился подъ властью оппозиціонной части аристократіи, и слѣдовательно участіе его въ управленіи помогало только аристократическимъ партіямъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Пока это не преступало извѣстныхъ границъ, римскій народъ пріобрѣталъ отъ соперничества аристократическихъ фамилій такія же выгоды, какія извлекаетъ англійскій народъ изъ дѣйствій столь же своекорыстной парламентской оппозиціи. Все это измѣнилось при Гракхахъ, потому что и они и ихъ соперники вышли изъ предѣловъ законности. Вслѣдствіе того и движеніе, возбужденное Гракхами, имѣло рѣшительное вліяніе на позднѣйшія волненія и междоусобія, преимущественно потому, что обѣ аристократическія партіи своими дѣйствіями уничтожили существовавшія между господствующими классами и народомъ отношенія, вызвавъ настоящую демократію, зависѣвшую отъ крайнихъ демагоговъ, и такимъ образомъ возбудивъ почти столѣтнюю страшную борьбу, разрушительное дѣйствіе которой отозвалось на всемъ пространствѣ республики. Увидѣвъ, что революція неизбѣжна и что достигнуть цѣли нравственными и законными средствами невозможно, обѣ партіи стали оправдывать средства цѣлью и низвергли преграду, воздвигнутую ихъ предками для охраненія порядка въ государствѣ.

Вотъ общее направленіе и конечный результатъ волненій, произведенныхъ Гракхами. Что касается до ихъ частностей, то очевидно что Тиберій Гракхъ сначала и не думалъ ни о какихъ насильственныхъ и принудительныхъ мѣрахъ, а тѣмъ менѣе о возбужденіи революціи. Руководимый своими благородными побужденіями, онъ выступилъ примирителемъ, стараясь обезпечить интересы аристократіи и, улучшая положеніе бѣднѣйшихъ классовъ народа, заботился о томъ, чтобы какъ можно менѣе повредить выгодамъ богатыхъ, и только впослѣдствіи сопротивленіе послѣд-

нихъ заставило его обратиться къ демагогіи и насиліямъ; напротивъ того, братъ его, взявшійся снова за это дѣло, съ самаго начала пошелъ путемъ революціи. Тиберій Гракхъ не требовалъ полнаго и безусловнаго возобновленія закона Лицинія, но вмѣсто того сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: ни одинъ гражданинъ не долженъ владѣть болѣе 500 югеровъ государственныхъ земель, если онъ владѣлъ большимъ количествомъ, то могъ удержать по 250 югеровъ на каждаго изъ взрослыхъ сыновей; все прочее количество государственной земли онъ долженъ былъ возвратить, получая вознагражденіе изъ государственнаго казначейства за постройки, находившіяся на землѣ и за всѣ сдѣланныя имъ улучшенія почвы. Далѣе Тиберій Гракхъ предлагалъ постановить, чтобы на будущее время владѣлецъ государственныхъ земель имѣлъ въ числѣ своихъ пахарей и пастуховъ положенное число свободныхъ людей, а государственныя земли, отобранныя у богатыхъ, были раздѣлены между бѣднѣйшими гражданами; для этого онъ предлагалъ избирать ежегодно двухъ коммиссаровъ, которые не только завѣдывали бы дѣлежомъ земель, но и наблюдали за тѣмъ, чтобы измѣненный такимъ образомъ законъ Лицинія снова не пришелъ въ забвеніе, подобно всѣмъ законамъ, не нравившимся господствующему классу.

Гракхъ, согласно требованію закона, обнародовалъ свое предложеніе за 17 дней до народнаго собранія, въ которомъ оно должно было обсуживаться, и встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны большинства членовъ сената, старавшихся навлечь на него подозрѣніе въ желаніи захватить верховную власть въ свои руки. Изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ для поддержанія своего предложенія въ народномъ собраніи, сохранились нѣкоторые отрывки, ясно доказывающіе, что въ началѣ намѣреніе его было превосходно, хотя по всему замѣтно, что для выполненія его онъ не составилъ себѣ строго обдуманнаго плана. Въ рѣчахъ его видно желаніе расположить къ себѣ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ: однимъ онъ говорилъ о великодушіи и любви къ отечеству, другимъ указы-

валъ возможность избавиться отъ нищеты и униженія. „У дикихъ звѣрей Италіи," сказалъ онъ между прочимъ,„ есть берлоги и логовища для отдохновенія, а люди, бившіеся на жизнь и смерть за славу Италіи, лишены всего, кромѣ воздуха и дневнаго свѣта, да и тѣми пользуются только потому, что отнять ихъ нѣтъ возможности. Безъ крова и пристанища странствуютъ они по своей землѣ съ женами и дѣтьми. Полководцы насмѣхаются надъ ними, призывая ихъ сражаться за домашнихъ боговъ и гробы своихъ отцовъ, потому что между ними врядъ ли найдется даже одинъ, который владѣлъ бы гробницею своихъ родныхъ или хоть собственнымъ домашнимъ жертвенникомъ. Эти люди сражаются и умираютъ только для доставленія другимъ богатства, славы и наслажденій; они покорили вселенную и называются ея властителями, а сами не имѣютъ и клочка земли." Представивъ предложеніе свое народу, Гракхъ встрѣтилъ неожиданно оппозицію со стороны своихъ товарищей. Трибунъ Маркъ Октавій тотчасъ же остановилъ его предложеніе, а такъ какъ по римскому закону veto каждаго трибуна рѣшало дѣло, то народное собраніе должно было разойтись безъ подачи голосовъ. Съ этой минуты начались волненія, которыя могъ предвидѣть всякій дальновидный человѣкъ. Народъ шумѣлъ; Октавій и другіе противники предложенія Гракха упорствовали въ своемъ сопротивленіи, не смотря на всѣ усилія Тиберія. Тогда Гракхъ воспользовался предоставленнымъ ему правомъ, и объявилъ своимъ эдиктомъ такъ называемое justitium, т. е. остановку дѣйствій всего государственнаго механизма до тѣхъ поръ, пока не будетъ подвержено подачѣ голосовъ его предложеніе: этимъ эдиктомъ запрещалось всѣмъ должностнымъ лицамъ исправленіе ихъ обязанностей подъ страхомъ наказанія. Въ тоже время Гракхъ запечаталъ входъ въ зданіе, гдѣ находилась государственная казна. Потомъ онъ представилъ народу новое предложеніе, въ которомъ требовалъ безусловнаго примѣненія и выполненія закона Лициніева, съ устраненіемъ всѣхъ предложенныхъ имъ прежде вознагражденій. Богатые съ

своей стороны выставили своихъ отпущенниковъ и кліентовъ, чтобы силою принудить Гракха къ уступкамъ; дѣло дошло до открытой схватки на площади, и Гракхъ принужденъ былъ для безопасности всегда носить при себѣ кинжалъ. Когда снова собрался народъ, Октавій повторилъ свой протестъ, приказавъ въ то же время унести урны, въ которыя, при подачѣ голосовъ, каждый гражданинъ бросалъ свою дощечку. Не добившись никакого рѣшенія, Гракхъ принужденъ былъ снова распустить народъ, но съ той минуты выступилъ уже настоящимъ главою партіи. На всѣхъ стѣнахъ и общественныхъ зданіяхъ были прибиты прокламаціи, въ которыхъ требовалось, чтобы онъ продолжалъ начатое имъ дѣло въ пользу бѣднѣйшихъ гражданъ, и съ тѣхъ поръ самъ онъ сталъ выходить изъ дому не иначе, какъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ.

Оставался еще одинъ исходъ: сенатъ могъ поправить дѣло, уступивъ немногое, чтобы удержать за собою остальное. Этого желало большинство аристократовъ, и Гракха уговорили обратиться къ сенату, чтобы сдѣлать возможнымъ какое нибудь соглашеніе. Но большинство лицъ, владѣвшихъ государственными имуществами, не соглашалось уступить изъ нихъ ни малѣйшей доли, и, обнаруживъ свою непримиримую злобу къ Гракху, принудило его опять обратиться къ народу. Здѣсь противникомъ его явился тотъ же Октавій, и Гракхъ ухватился за средство, которое хотя и помогло ему въ ту минуту, но за то дало его врагамъ опасное оружіе противъ него: онъ подговорилъ народъ къ смѣщенію своего товарища и нарушилъ тѣмъ законъ о неприкосновенности трибуновъ, ограждавшій его отъ притѣсненій исполнительной власти, находившейся въ рукахъ сената. Гракхъ объявилъ собравшемуся народу, что необходимо смѣстить его или Октавія, потому что они были совершенно противоположнаго мнѣнія о столь важномъ для народа предметѣ. Но прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, онъ старался убѣжденіями и просьбами склонить своего товарища къ уступкѣ.

Октавій упорствовалъ, былъ смѣщенъ, и съ трудомъ спасъ свою жизнь отъ ярости озлобленнаго народа. Это устрашило всѣхъ прочихъ, никто не осмѣлился послѣдовать примѣру Октавія, и предложенный законъ не только прошелъ безъ всякаго противорѣчія, но немедленно назначена была коммиссія для приведенія его въ исполненіе; членами ея были: самъ Тиберій Гракхъ, тесть его Аппій Клавдій и меньшой братъ его, Кай Семпроній Гракхъ.

Достигнувъ желанной цѣли, многіе приверженцы Тиберія Гракха оставили городъ, по случаю наступленія времени жатвы; противники же его остались, ожидая болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Сенатъ, подобно всякой партіи, имѣющей въ своихъ рукахъ власть и лишающейся ея противъ воли, не зналъ что дѣлать отъ бѣшенства, стараясь только всѣми зависящими отъ него средствами помѣшать исполненію закона. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ, по всегдашнему обыкновенію всѣхъ глупыхъ приверженцевъ старины, даже къ мелочнымъ оскорбленіямъ и тѣмъ, безъ всякой нужды, еще болѣе ожесточилъ своихъ противниковъ. Такъ, напримѣръ, онъ отказалъ тремъ названнымъ членамъ коммиссіи во всѣхъ почестяхъ, принадлежавшихъ членамъ прочихъ правительственныхъ коммиссій, и назначилъ имъ изъ государственнаго казначейства на ежедневное содержаніе шесть сестерцій (около тридцати копѣекъ серебромъ), но этимъ еще болѣе возвысилъ въ глазахъ народа коммиссаровъ, которые во время своихъ путешествій по Италіи были встрѣчаемы повсюду съ восторгомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, сенатъ какъ бы отказывался отъ званія высшаго, правительственнаго мѣста и унижался до степени простой партіи. Такъ какъ тотчасъ по принятіи закона многіе изъ приверженцевъ Гракха, по случаю наступленія жатвы, удалились изъ города, то Тиберій долженъ былъ подумать о мѣрахъ къ усиленію своей партіи и о противодѣйствіи сенату. Онъ привлекъ на свою сторону народъ, объявилъ, что жизнь его находится въ опасности, и представилъ

цѣлый рядъ предложеній о законахъ, которые намѣревался провести. Между прочимъ онъ предложилъ, чтобы судьи, которые по требованію народа судили государственныхъ преступниковъ и до сихъ поръ были избираемы изъ сенаторовъ, избирались на половину изъ всадниковъ; этимъ закономъ Гракхъ надѣялся привлечь на свою сторону одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ классовъ римскаго населенія. Около этого времени умеръ Атталъ III, царь пергамскій, завѣщавшій свои владѣнія римскому народу; Гракхъ воспользовался и этимъ случаемъ, чтобы еще болѣе повредить аристократической партіи: онъ предложилъ раздѣлить сокровища пергамскаго царя между бѣднѣйшими гражданами для того, чтобы они могли пріобрѣсти себѣ все необходимое для обработыванія участковъ, полученныхъ ими по новому аграрному закону. Кромѣ того онъ хотѣлъ предложить, чтобы доставшееся римской республикѣ царство пергамское было подчинено вѣдѣнію не сената, а народа, и намѣревался также потребовать сокращеніе срока военной службы. Всѣ подобныя предложенія Тиберія Гракха, грозя потрясти самыя основанія тогдашней аристократіи, оправдываютъ опасенія знатнѣйшихъ гражданъ, также какъ и старанія ихъ помѣшать избранію его въ трибуны на слѣдующій годъ.

Дѣйствительно, Тиберій Гракхъ предложилъ себя въ трибуны и на слѣдующій годъ. Когда приступили къ выборамъ, на площади произошла такая схватка, что необходимо было распустить народное собраніе, созванное опять на слѣдующій день. Дѣло Тиберія Гракха начало принимать очень дурной оборотъ: аристократы употребляли всѣ усилія, чтобы повредить ему, большинство его приверженцевъ находилось еще въ своихъ помѣстьяхъ, многіе же изъ гражданъ перестали довѣрять ему. Понимая очень хорошо затруднительность своего положенія, Тиберій Гракхъ оставался цѣлый вечеръ на площади, объясняя присутствовавшимъ тамъ толпамъ гражданъ какой опасности онъ подвергался; масса бѣдняковъ, изъявивъ готов-

ность охранять и защищать его, проводила его до дому и осталась тамъ на стражѣ до слѣдующаго утра. Гракхъ собралъ къ себѣ ночью своихъ друзей, на всякій случай условился съ ними о знакѣ, который будетъ служить сигналомъ къ рукопашному бою, и принялъ необходимыя мѣры, чтобы приверженцы его еще ночью заняли въ Капитоліи, гдѣ должно было происходить народное собраніе, такія мѣста, откуда бы они могли съ успѣхомъ напасть на своихъ противниковъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго утра народъ собрался въ Капитоліи, а сенатъ въ находившемся по близости храмѣ. Огромное большинство сенаторовъ рѣшило, что при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ государство можетъ быть спасено только энергическими дѣйствіями, и вслѣдствіе того консулу Муцію Сцеволѣ дано было полномочіе принять мѣры къ спасенію республики, не стѣсняясь существующими законами. Но Муцій Сцевола, самъ горячо поддерживавшій сначала предложенія трибуна, не хотѣлъ сдѣлаться орудіемъ противниковъ его, возстававшихъ противъ справедливыхъ и необходимыхъ преобразованій, и объявилъ, что не воспользуется этимъ полномочіемъ, а будетъ дѣйствовать только законными средствами. Отказъ его возбудилъ довольно основательное подозрѣніе враговъ Гракха въ сенатѣ, что избраніе ненавистнаго имъ человѣка состоится, и они рѣшились дѣйствовать сами собою. Во главѣ ихъ находился тогда Публій Корнелій Сципіонъ Назика, дальній родственникъ Сципіона Африканскаго, бывшій въ то время верховнымъ жрецомъ въ Римѣ и однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ. Человѣкъ корыстолюбивый, сластолюбивый аристократъ до фанатизма, онъ не задумался выступить противъ высшихъ сановниковъ республики и присвоить себѣ ихъ власть, будучи только верховнымъ жрецомъ и не занимая никакой должности, которая давала бы ему право дѣйствовать такимъ образомъ. Онъ объявилъ, что такъ какъ консулъ, по излишней заботливости о законности, ведетъ республику къ погибели, то онъ, какъ частный человѣкъ, считаетъ себя обязаннымъ принять мѣры къ спа-

сенію ея. Не обращая вниманія на запрещеніе консула, онъ бросился съ своими приверженцами изъ храма и поспѣшилъ въ народное собраніе.

Между тѣмъ на форумѣ происходило страшное волненіе: богатые были прогнаны силою, для того, чтобы одни бѣдные могли рѣшить избраніе; одинъ изъ сенаторовъ, державшій сторону Гракха и принесшій извѣстіе о происходившемъ въ сенатѣ, еще болѣе увеличилъ тревогу и замѣшательство. При этомъ извѣстіи Гракхъ показалъ себѣ на голову, чтобы дать понять народу объ опасности, грозившей его жизни; но враги его объявили, что, дѣлая этотъ знакъ, онъ требовалъ у народа царской діадемы. Посреди этого безпрерывно возраставшаго смятенія, появился Сципіонъ Назика съ своею свитою, къ которой примкнули толпы кліентовъ и слугъ и граждане, изгнанные изъ народнаго собранія. Онъ повелъ свою партію противъ народа, не приготовленнаго къ такому неожиданному нападенію. Толпа разсѣялась; Гракхъ обратился въ бѣгство, но упалъ и былъ убитъ. Вмѣстѣ съ нимъ погибли и многіе изъ его партіи; все число убитыхъ простиралось до 300. Сенатъ объявилъ незаконную власть, захваченную Сципіономъ Назикою и его единомышленниками, и совершенное ими кровопролитіе дѣйствіями, вынужденными необходимостью и потому законными. Но народъ былъ до того озлобленъ, что сенатъ былъ принужденъ укрыть Сципіона Назику отъ его мести, пославъ его на время въ Азію. Сципіонъ отправился туда и болѣе не возвращался въ Римъ. Съ безпримѣрною яростью торжествовалъ сенатъ свою побѣду. Трупъ Гракха былъ преданъ постыдному поруганію и брошенъ въ Тибръ, вмѣстѣ съ трупами прочихъ гражданъ, убитыхъ въ Капитоліи; по порученію сената одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года, Публій Попиллій Лена, съ неслыханною жестокостью преслѣдовалъ друзей несчастнаго трибуна и предалъ смерти большую часть изъ нихъ. Но, не смотря на всѣ эти преслѣдованія, мысль Гракха не умерла; являлись новые народные вожди, и раздоръ между обѣими партіями, —

демократическою, которой собственно принадлежала верховная власть, и аристократическою, въ рукахъ которой находилось управленіе и законодательная инниціатива, — еще болѣе усилился, а озлобленіе первой возросло до крайнихъ предѣловъ. Отъ того сенатъ и не осмѣлился отмѣнить аграрный законъ и распустить коммиссію, на которую возложено было его исполненіе.

Вскорѣ по смерти Гракха возвратился изъ нумантинскаго похода Сципіонъ Африканскій Младшій и усилилъ аристократическую партію, объявивъ себя рѣшительно противъ своего умершаго зятя и выразивъ полное сочувствіе сенату. Въ то же время коммиссары, исполнители аграрнаго закона, встрѣтили не только большія препятствія своему дѣлу со стороны сената и всѣхъ должностныхъ лицъ, но даже неудовольствіе надѣлявшихся поземельными участками лицъ, изъ которыхъ одни думали, что имъ досталось слишкомъ мало земли, а другіе, что отведенная имъ земля дурнаго качества; сверхъ того возникли процессы о присвоеніи государственныхъ имуществъ, и такимъ образомъ многіе граждане совсѣмъ не получили своей доли поземельнаго надѣла. Недовольные обратились къ Сципіону, подъ начальствомъ котораго большая часть изъ нихъ служила въ Испаніи, и онъ старался вырвать все дѣло изъ рукъ коммиссаровъ. Но вслѣдствіе этого распредѣленіе земель пріостановилось, и Сципіонъ навлекъ на себя общее неудовольствіе, такъ что самъ сталъ опасаться за свою жизнь. Однажды утромъ его нашли мертвымъ въ постели (129 г. до р. Х.). Умеръ ли онъ естественною смертью или насильственною осталось неизвѣстнымъ; современники приписывали его смерть друзьямъ Гракха, многіе утверждали даже, что жена Сципіона, сестра Гракховъ, несчастная въ супружествѣ съ нимъ, знала объ его убійствѣ.

Событія эти снова пріостановили на нѣсколько лѣтъ распредѣленіе участковъ; этимъ временемъ воспользовался сенатъ, чтобы исключить изъ народнаго собранія всѣхъ итальянцевъ, успѣвшихъ внести себя въ списки гражданъ и поддерживавшихъ

всѣ мѣры, подобныя предложеннымъ Тиберіемъ Гракхомъ. Число ихъ было очень значительно, потому что на это злоупотребленіе никогда не обращали вниманія. Сенату удалось добиться постановленія народнаго собранія объ изгнаніи изъ Рима всѣхъ итальянцевъ. Одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года, Маркъ Фульвій Флаккъ, другъ Гракховъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы отмѣнить этотъ законъ и даже доставить право гражданства еще большему числу итальянцевъ, но сенатъ удалилъ его изъ Рима, поручивъ ему веденіе незначительной войны въ Галліи; тогда же былъ отправленъ квесторомъ въ Сардинію младшій Гракхъ. Итальянцы не безъ основанія сочли удаленіе обоихъ своихъ защитниковъ за объявленіе войны и стали придумывать средства, какъ бы, въ случаѣ необходимости, добиться даже силою исполненія обѣщаній, данныхъ имъ Фульвіемъ Флаккомъ и Каемъ Гракхомъ. Они тайно соединились для того, чтобы дѣйствовать сообща, и устроили свои совѣщанія въ лежавшемъ близь Рима городѣ Фрегеллахъ. Римскіе законы противъ всѣхъ политическихъ обществъ были чрезвычайно строги, и сенату нуженъ былъ только человѣкъ, который бы взялъ на себя исполненіе этихъ законовъ, не стѣсняясь человѣколюбіемъ и чувствомъ справедливости. Выборъ палъ на претора, Луція Опимія, которому поручено было произвести слѣдствіе и наказать итальянцевъ. Онъ началъ дѣйствовать съ страшною жестокостью: приказалъ казнить многихъ заговорщиковъ и, чтобы устрашить прочіе города, разрушилъ до основанія Фрегеллы. Безпощадная свирѣпость господствующей аристократіи, казалось, снова водворила миръ въ Римѣ и въ Италіи, но не смотря на наружное спокойствіе, броженіе умовъ возрастало, и тѣмъ значительно облегчало всякую попытку поднять опять вопросъ о раздѣлѣ земель. При такомъ настроеніи умовъ возвратились въ Римъ Фульвій Флаккъ и Кай Гракхъ: первый счастливо окончилъ свою войну, а Гракхъ оставилъ должность свою въ Сардиніи, безъ позволенія, и когда аристократы потребовали его къ суду, въ народѣ распространилось такое вол-

неніе, что судьи не осмѣлились произнести надъ нимъ приговоръ. Послѣ этого онъ сталъ домогаться трибуната на слѣдующій годъ (123 г. до р. X.) и получилъ его.

При тогдашнихъ обстоятельствахъ этотъ трибунатъ обѣщалъ быть чрезвычайно бурнымъ; самъ Кай Гракхъ, и мать его, предостерегавшая сына отъ участи брата, чувствовали, что только насильственными мѣрами можно было произвести реформы въ государственномъ устройствѣ. Кай Гракхъ, сдѣлавшійся трибуномъ почти въ томъ же возрастѣ, какъ и братъ его, по своему характеру былъ гораздо живѣе его, наклоннѣе къ насильственнымъ мѣрамъ, и съ самаго начала увлекся личными отношеніями; законъ и государственное устройство были для него предметами второстепенной важности, и въ этомъ отношеніи онъ составлялъ совершенную противоположность Тиберію Гракху. Революціонныя мѣры слѣдовали одна за другой, и хотя Кай Гракхъ въ нравственномъ отношеніи и не заслужилъ ни одного серіознаго упрека, но дѣйствіями его управляло честолюбіе и вражда партій. Впрочемъ и сенатъ, не смотря на то, что завѣдывалъ, какъ высшее правительственное мѣсто, управленіемъ всемірною державою, руководствовался въ борьбѣ съ нимъ еще худшими принципами и побужденіями, считая точно также дозволенными всѣ средства.

Первыя предложенія Кая Гракха, получившія силу закона, имѣли характеръ частной мести и были чисто демагогическими. Онъ уговорилъ народъ объявить, что сенатъ не имѣетъ и не имѣлъ никогда права поручать кому либо преслѣдованіе римскихъ гражданъ безъ судебнаго приговора; законъ этотъ былъ направленъ противъ Попиллія Лены, который былъ на столько благоразуменъ, что, тотчасъ по принятіи его, добровольно удалился изъ Рима. Потомъ Кай Гракхъ постановилъ, чтобы солдаты не покупали себѣ одежды сами, какъ это всегда водилось прежде, а получали бы на то деньги изъ государственной казны. Сверхъ того, благодаря его содѣйствію, каждому гражданину даровано было право получать ежемѣсячно извѣстное количество хлѣба изъ го-

сударственныхъ магазиновъ, по цѣнѣ, на одну шестую ниже продажной. Кая Гракха упрекали не безъ основанія, что онъ первый былъ виновникомъ того, что праздный столичный народъ сталъ существовать на счетъ провинцій. Другіе, предложенные имъ законы грозили ниспроверженіемъ всѣхъ существовавшихъ государственныхъ учрежденій. До тѣхъ поръ въ центуріальныхъ комиціяхъ голоса подавали сначала центуріи первыхъ классовъ; но такъ какъ первые голоса обыкновенно имѣли вліяніе на подачу слѣдующихъ, то Гракхъ совѣтовалъ народу постановить, чтобы каждый разъ очередь подачи голосовъ была назначаема по жребію. Потомъ, чтобы доказать всѣмъ гражданамъ, что не сенатъ, а народъ былъ настоящимъ повелителемъ государства, Гракхъ велѣлъ перемѣстить трибуну, на которой стояли предсѣдательствующее должностное лицо и ораторъ народнаго собранія такимъ образомъ, чтобы глаза ихъ были обращены не въ ту сторону, гдѣ сидѣли сенаторы, а туда, гдѣ находился народъ. По его настоянію былъ также снова подтвержденъ и приведенъ въ исполненіе аграрный законъ его брата. Расположивъ къ себѣ народъ всѣми этими дѣйствіями, онъ заставилъ избрать въ консулы на слѣдующій годъ одного изъ своихъ друзей, Кая Фаннія Страбона; потомъ снова добился для себя трибуната, хотя вторичное избраніе въ трибуны на слѣдующій же годъ было противозаконно, и подобная попытка стоила жизни его брату. Кай Гракхъ убѣдилъ народъ сдѣлать для него исключеніе, чтобы дать ему возможность осуществить предположенныя имъ преобразованія.

Во время своего втораго трибуната (122 г. до р. Х.) Кай Гракхъ преслѣдовалъ аристократію еще энергичнѣе. Онъ отнялъ у сената одно изъ его важнѣйшихъ правъ, и въ то же время привлекъ на свою сторону сословіе, въ рукахъ котораго находились всѣ денежныя средства государства, проведя законъ, по которому члены коммиссіи, судившіе преступленія противъ государства, были избираемы не изъ сенаторовъ, какъ прежде, а изъ всадниковъ. Прибѣгнувъ къ хитрости, сенатъ успѣлъ однако лишить своего

грознаго противника значительной доли его вліянія; Кай самъ повредилъ себѣ, хотя и справедливой, но неблагоразумной съ его стороны мѣрой. Сенатъ привлекъ на свою сторону другаго трибуна, Марка Ливія Друза Старшаго, и уговорилъ его затмить своего товарища въ глазахъ народа другими, еще болѣе демагогическими проектами законовъ, которые, какъ само собой разумѣется, впослѣдствіи всѣ были уничтожены сенатомъ. Кромѣ того самъ Кай Гракхъ высказалъ свое намѣреніе предоставить всѣмъ итальянскимъ союзникамъ право римскаго гражданства и тѣмъ возбудилъ противъ себя не только большинство городскаго населенія, но даже консула Фаннія и другихъ лицъ, до тѣхъ поръ употреблявшихъ въ его пользу свое вліяніе на народъ. При этомъ случаѣ онъ еще болѣе повредилъ себѣ тѣмъ, что въ то время, когда итальянцы спѣшили въ городъ къ нему на помощь, а Фанній требовалъ ихъ насильственнаго удаленія, онъ обѣщалъ имъ свое покровительство, но потомъ не посмѣлъ открыто принять ихъ сторону. Тогда онъ окончательно потерялъ репутацію человѣка энергическаго, которому никто не могъ противиться. Напротивъ того, Ливій Друзъ, поддерживаемый сенатомъ, провелъ различныя постановленія, имѣвшія цѣлью привлечь на его сторону народъ, удовлетворить требованія союзниковъ, и лишившія его соперника большинства его приверженцевъ. По предложенію Друза было постановлено: основать двѣнадцать новыхъ колоній для вспоможенія бѣднымъ гражданамъ, освободить отъ поземельнаго налога всѣхъ, получившихъ участки по аграрному закону Гракха, и сравнять относительно наказаній солдатъ союзниковъ съ римскими гражданами, находящимися въ войскѣ (т. III, стр. 265). Съ своей стороны Кай Гракхъ, для поддержанія своей колебавшейся популярности, предложилъ приступить къ устройству дорогъ, постройкѣ общественныхъ зданій и другихъ публичныхъ работъ, и этимъ привлекъ на свою сторону множество капиталистовъ, подрядчиковъ, предпринимателей и работниковъ. Онъ еще прежде говорилъ объ ос-

нованіи новыхъ колоній, а теперь, черезъ одного изъ своихъ товарищей, сдѣлалъ предложеніе, о которомъ до тѣхъ поръ никто еще не думалъ, основать колонію внѣ Италіи, на томъ-самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ Карѳагенъ. Возстановленіе этого города, преданнаго проклятію, необходимо должно было повредить ему и его партіи. Сенатъ безъ сопротивленія утвердилъ все, что было необходимо для основанія этой первой колоніи внѣ предѣловъ Италіи, и даже самъ предложилъ назначить Кая Гракха и его друзей Марка Фульвія Флакка и Рубрія коммиссарами республики, для наблюденія за устройствомъ этой колоніи; при этомъ онъ имѣлъ въ виду удалить ихъ на время изъ Рима и, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, лишить ихъ силы и вліянія съ помощью Ливія Друза. Друзъ снова принялся дѣлать предложенія, которыя были гораздо привлекательнѣе всѣхъ законодательныхъ проектовъ Кай Гракха, а такъ какъ постоянная поддержка сената облегчала ему осуществленіе его предложеній, то естественно, что привязанность народа мало по малу переходила на того, кто давалъ и могъ дать болѣе. Конечно, сенату не дѣлаетъ чести, что онъ поддерживалъ одного трибуна только для того, чтобы низвергнуть другаго, и потомъ, по достиженіи своей цѣли, снова отказаться отъ всѣхъ уступокъ.

Подобными средствами сенатъ успѣлъ до такой степени потрясти значеніе Кая Гракха, что консуломъ на слѣдующій годъ былъ избранъ суровый и жестокій аристократъ Опимій, и что самъ Кай Гракхъ, къ концу года домогавшійся трибуната въ третій разъ, не смотря на всѣ свои усилія, потерпѣлъ совершенную неудачу. Между тѣмъ Кай Гракхъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фульвіемъ Флаккомъ, оставался членомъ обѣихъ коммиссій, изъ которыхъ одна завѣдывала раздѣленіемъ государственныхъ имуществъ, а другая основаніемъ африканской колоніи. Во время отсутствія обоихъ друзей, отправившихся въ Африку для устройства новой колоніи, сенатъ распустилъ слухъ о разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, выражавшихъ негодованіе боговъ противъ возстановле-

нія Кароагена, а одинъ изъ трибуновъ, преданный аристократамъ, предложилъ народу отмѣнить постановленіе объ учрежденіи этой колоніи. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Гракхъ и Фульвій поспѣшили въ Римъ, чтобы отстоять свое предложеніе, а вслѣдъ за ними толпами ринулись въ городъ ихъ приверженцы: шумъ, волненіе и безпорядокъ господствовали на площади. Этого только и желала аристократія; основываясь на прежнихъ дѣйствіяхъ Гракха, допустившаго изгнать своихъ итальянскихъ друзей, она предполагала, что у него не достанетъ мужества, если дѣло дойдетъ до крайности. Дѣйствительно она и не ошиблась. Въ тотъ день, когда долженъ былъ рѣшиться вопросъ о кароагенской колоніи, консулъ Опимій занялъ самыя выгодныя мѣста въ Капитоліи своими вооруженными приверженцами. Гракхъ также вооружилъ свою партію, но не смотря на очевидную неизбѣжность столкновенія, объявилъ, что не желаетъ, чтобы дѣло дошло до открытаго столкновенія. Сенатъ съ своей стороны искалъ только малѣйшаго благовиднаго предлога, чтобы имѣть нѣкоторое право уполномочить Опимія дѣйствовать вооруженной силой. Предлогомъ послужила смерть одного консульскаго ликтора, случайно задавленнаго въ огромной толпѣ народа. Тогда сенатъ далъ консулу ту же власть, какая нѣкогда была дана имъ Муцію Сцеволѣ противъ Тиберія Гракха, а отъ Опимія можно было ожидать такого же энергическаго и безпощаднаго исполненія воли сената, какъ и отъ Сципіона Назики.

Вскорѣ послѣ такого рѣшенія сената, сильный дождь заставилъ народное собраніе разойтиться. Опимій приказалъ Гракху и Фульвію явиться къ нему на слѣдующій день, чтобы дать отчетъ въ убійствѣ ликтора. Оба они для охраненія своихъ жилищъ окружили ихъ на ночь огромными толпами своихъ приверженцевъ, съ которыми рано утромъ отправились на Авентинскую гору. Фульвій былъ готовъ вступить въ сраженіе, но Гракхъ, желая войти въ переговоры съ противниками, два раза посылалъ своего парламентера въ собраніе сената. Въ пер-

вый разъ Опимій прогналъ посланнаго, а во второй приказалъ посадить его въ тюрьму, и потомъ поспѣшно двинулся съ своими вооруженными людьми на Авентинскую гору. Здѣсь онъ велѣлъ объявить помилованіе всѣмъ, кто положитъ оружіе, назначивъ въ то же время цѣну за головы предводителей. Долгое время противники оборонялись съ удивительнымъ упорствомъ, но когда нѣсколько изъ нихъ было убито, вся толпа разсѣялась. Фульвій скрылся въ домъ одного изъ своихъ друзей, но былъ преданъ имъ и казненъ. Гракхъ бѣжалъ въ священную рощу за Тибръ, и тамъ велѣлъ умертвить себя одному изъ своихъ рабовъ. Сенатъ приказалъ бросить въ Тибръ трупы обоихъ предводителей и прочихъ убитыхъ, конфисковалъ ихъ имущество и запретилъ родственникамъ ихъ носить трауръ. Приверженцы Гракха, оставшіеся въ живыхъ, были преданы суду и, если вѣрить дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, слѣдствіе окончилось казнью слишкомъ трехъ тысячъ человѣкъ (121 г. до р. X.). Подобная жестокость побѣдившей партіи повлекла за собою ожесточенную вражду между аристократіею и народомъ, богатыми и бѣдными. Злодѣйство побѣдителей перешло всякіе предѣлы; наглость и нравственную развращенность тогдашней римской олигархіи можно сравнить только съ безстыдствомъ людей, правившихъ Франціею во времена Людовика XV. Само собою разумѣется, что большая часть постановленій обоихъ Гракховъ снова была отмѣнена или, по крайней мѣрѣ, оставлена безъ всякаго примѣненія.

2. Югуртинская война.

Шестилѣтняя война, которую, вскорѣ по прекращеніи волненій, возбужденныхъ Гракхами, римляне начали съ Югуртою, внукомъ Масиниссы, имѣетъ гораздо болѣе значенія по своимъ отношеніямъ ко внутреннему состоянію Рима, чѣмъ по своимъ послѣдствіямъ, состоявшимъ въ расширеніи римской провинціи Африки, чрезъ присоединеніе Нумидіи; она обнаружила всему свѣту без-

нравственность и пороки римской аристократіи. Между всѣми послами, полководцами и другими дѣятелями этой войны являются только два честныхъ человѣка: Метеллъ и Марій; всѣ прочіе отличались только своею наглостью и злоупотребленіемъ ввѣренною имъ властью.

Масинисса и его преемники въ дѣйствительности были только кліентами Катоновъ и Сципіоновъ, которымъ они были обязаны увеличеніемъ своего государства, и югуртинская война возникла именно вслѣдствіе этой подчиненности. По смерти Масиниссы три его сына Миципса, Гулусса и Мастанабалъ раздѣлили между собою нумидійское царство; двое послѣднихъ умерли въ томъ же году, и такимъ образомъ вся Нумидія очутилась во власти старшаго изъ сыновей Масиниссы. Миципса усыновилъ сына Мастанабала, Югурту, и, видя что онъ пользовался расположеніемъ Сципіона Африканскаго Младшаго, передъ своею смертью назначилъ его однимъ изъ своихъ наслѣдниковъ, раздѣливъ Нумидію на равныя части между нимъ и своими сыновьями Адгербаломъ и Гіемпсаломъ (119 до р. Х.). Югурта отличался замѣчательными военными дарованіями, но съ самаго начала обнаруживалъ такое коварство, такую постоянную и сдержанную хитрость, такое презрѣніе ко всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ, что невозможно смотрѣть на него безъ удивленія и ужаса. Но изумленіе наше уменьшится, когда мы вспомнимъ, что Югурта былъ африканскій владѣтель, а страшныя свойства властителей этой части свѣта сдѣлались намъ слишкомъ извѣстны въ позднѣйшее время. Гораздо удивительнѣе, что Югурта приводилъ въ исполненіе свои коварные замыслы, нисколько не страшась римлянъ, обѣщавшихъ Миципсѣ обезпечить владѣнія его сыновей. Онъ зналъ очень хорошо свойства римской аристократіи и вообще людей, участвовалъ вмѣстѣ съ римлянами въ нумантинской войнѣ и тамъ изучилъ вполнѣ всѣ пороки своего времени и тогдашняго римскаго общества.

Вскорѣ по смерти своего дяди Югурта велѣлъ умертвить Гіемпсала и захватилъ принадлежавшую ему часть нумидій-

скаго царства. Потомъ онъ вторгнулся съ войскомъ во владѣнія другаго своего двоюроднаго брата, вытѣснилъ его изъ большей части его областей и также бы умертвилъ его, если бы Адгербалъ не спасся бѣгствомъ, и не отправился въ Римъ просить защиты у сената. Но партія Югурты была сильнѣе справедливости и несчастный изгнанникъ не могъ добиться возстановленія своихъ правъ. Большинство сенаторовъ рѣшило отправить въ Нумидію, для раздѣла царства между Югуртою и Адгербаломъ, коммиссію, во главѣ которой былъ поставленъ извѣстный уже намъ Опимій; онъ и его товарищи, подкупленные Югуртою, назначили ему лучшую половину царства. Но не прошло еще и года, какъ Югурта снова напалъ на своего двоюроднаго брата, разбилъ его и заперъ въ городѣ Циртѣ, гдѣ Адгербалъ надѣялся защищаться до тѣхъ поръ, пока его не выручитъ посредничество римлянъ. Сенатъ отправилъ къ Югуртѣ трехъ пословъ, но онъ увѣрилъ ихъ, что Адгербалъ самъ замышлялъ умертвить его и что онъ былъ вынужденъ начать войну для собственной защиты. Въ то же время онъ съ удвоенною энергіею приступилъ къ осадѣ Цирты. По вторичной, настоятельной просьбѣ Адгербала явилось въ Нумидію второе римское посольство; но, когда оно прибыло туда, Адгербалъ уже былъ доведенъ до крайности и, не будучи въ состояніи болѣе защищаться, сдался, полагаясь на уваженіе къ имени Рима и заключивъ съ Югуртою, предварительный договоръ, обезпечивавшій ему личную безопасность. Но едва отдался онъ въ руки своего врага, какъ былъ умерщвленъ по его приказанію (112 г. до р. Х.). Римское посольство, во главѣ котораго находился одинъ изъ развратнѣйшихъ людей того времени, Маркъ Эмилій Скавръ, возвратилось въ Римъ еще прежде совершенія этого злодѣянія. Когда извѣстіе объ умерщвленіи Адгербала дошло до Рима, сенатъ, большинство членовъ котораго было подкуплено Югуртою, старался откладывать это дѣло какъ можно долѣе и, быть можетъ, успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи, если бы Кай Меммій, избранный на слѣдующій годъ трибуномъ, не объявилъ, что представитъ все

это дѣло народному собранію. Тогда только сенатъ, для сохраненія чести римскаго имени, рѣшился наказать Югурту, и приказалъ только что избранному въ консулы, Луцію Калпурнію Пизону Бестіи, отправиться съ войскомъ въ Нумидію (112 г. до р. Х.).

Этотъ первый полководецъ въ югуртинской войнѣ открываетъ собою длинный рядъ негодяевъ, злоупотреблявшихъ самымъ наглымъ образомъ ввѣренною имъ властью. Маркъ Эмилій Скавръ, сопровождавшій его въ качествѣ легата и раздѣлявшій съ нимъ всѣ выгоды его гнусныхъ продѣлокъ, былъ его главнымъ помощникомъ. Характеръ и жизнь этого человѣка представляютъ намъ лучшій образецъ нравственной испорченности тогдашнихъ римскихъ аристократовъ, которая въ первый разъ обнаружилась во всей полнотѣ во время югуртинской войны. Скавръ былъ человѣкъ съ большими дарованіями, чрезвычайно твердый и способный, одно время считался главнымъ лицемъ въ сенатѣ и отличался такимъ глубокимъ знаніемъ правъ, что его можно назвать величайшимъ юристомъ того времени; но при этомъ жадность и корыстолюбіе, стремленіе къ почестямъ и власти, гордость и мстительность подавляли въ немъ всякое нравственное чувство. Онъ принадлежалъ къ древней обѣднѣвшей фамиліи, занимался сначала торговлею, а потомъ сдѣлался продажнымъ адвокатомъ и, посредствомъ пронырства и кляузъ, успѣлъ присвоить себѣ столько наслѣдствъ, что однажды въ публичномъ засѣданіи суда одинъ гражданинъ, указывая на проходившую мимо похоронную процессію, воскликнулъ во все услышаніе; „Скавръ, вотъ несутъ покойника въ могилу, посмотри, не удастся ли тебѣ присвоить себѣ и его наслѣдства." Подкупомъ добился онъ консульства, но исполнялъ эту должность съ такою славою, что энергія и твердость, обнаруженныя имъ въ это время, его истинно римскій духъ и неуклонное стремленіе къ цѣли представляютъ намъ характеръ того времени съ самой выгодной его стороны. Напротивъ того всѣ нравственныя его качества и

образъ дѣйствій въ югуртинской войнѣ выставляютъ намъ также ясно и понятно другую сторону этого характера. Правда, въ борьбѣ Югурты и Адгербаломъ онъ еще устоялъ противъ искушенія, но, отправившись въ походъ вмѣстѣ съ Калпурніемъ, сдѣлался главнымъ виновникомъ постыдныхъ обмановъ, которые дозволяли себѣ консулъ и первый сенаторъ въ ущербъ своего народа. Какъ только рѣшена была война, Югурта отправилъ посольство въ сенатъ, и получилъ отъ него отвѣтъ, что во всемъ долженъ безусловно подчиниться римлянамъ. На этомъ объявленіи Скавръ, Кальпурній и другіе лица, подкупленные Югуртою, основали свои надежды извлечь посредствомъ лжи и обмановъ всевозможныя выгоды изъ своего положенія. Они взяли съ Югурты огромную сумму денегъ и обѣщали ему за то прощеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ для вида выдалъ себя и свое войско римлянамъ. Югурта повиновался и заключилъ очень выгодный миръ. Договоръ этотъ былъ бы утвержденъ сенатомъ, если бы одинъ изъ тогдашнихъ трибуновъ, Кай Меммій, не отличался необыкновенною энергіей и твердостью характера. Онъ обратился къ народу, и разоблачилъ передъ нимъ позорные поступки аристократіи; по его настоянію было рѣшено произвести слѣдствіе и потребовать Югурту въ Римъ, гдѣ онъ долженъ былъ отдать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Югурта явился; Меммій сталъ допрашивать его въ народномъ собраніи, но другой трибунъ, подкупленный Югуртою, запретилъ царю отвѣчать, и такимъ образомъ народное собраніе должно было разойтись, не смотря на громкое негодованіе народа. Вскорѣ затѣмъ Югурта, полагаясь на продажность римскихъ фамилій, управлявшихъ въ то время государствомъ, велѣлъ измѣннически умертвить въ самомъ Римѣ сына дяди своего Гулуссы, объявившаго притязанія на Нумидію. Тогда сенатъ велѣлъ ему немедленно оставить Римъ; но съ какимъ убѣжденіемъ возвратился Югурта въ свое царство, лучше всего доказываютъ слова, сказанныя имъ своей свитѣ: „Римская республика продается за

деньги, и нужно только, чтобы у кого нибудь ихъ нашлось достаточное количество, чтобы купить ее“ (110 г. до р. X.). Война снова вспыхнула, но при испорченности римской аристократіи характеръ ея не могъ измѣниться. Консулъ Спурій Постумій Альбинъ, получившій главное начальство надъ войскомъ, по своему неискусству или по продажности затягивалъ войну и, вынужденный по разнымъ обстоятельствамъ возвратиться въ Римъ, передалъ начальство своему брату, Авлу Постумію Альбину, опозорившему имя римлянъ. Думая только о томъ, какъ бы овладѣть городомъ, гдѣ хранилась царская казна, Авлъ упустилъ изъ виду все остальное и погубилъ себя и свое войско. Сначала Югурта подкупомъ отвлекъ у него часть его войска, потомъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ и принудилъ къ такому позорному договору, какого не заключалъ еще ни одинъ римлянинъ. Авлъ долженъ былъ со всѣмъ своимъ войскомъ пройти подъ игомъ и въ теченіе десяти дней очистить Нумидію. По полученіи извѣстія объ этомъ, консулъ поспѣшилъ въ провинцію Африку, но нашелъ войско въ такой распущенности, что не могъ рѣшиться ни на какое предпріятіе.

Между тѣмъ въ Римѣ трибуны предложили составить коммиссію изъ трехъ членовъ, для производства слѣдствія и наказанія всѣхъ лицъ, подкупленныхъ Югуртою. Виновные трепетали, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе это очевидно было принято не столько изъ любви къ справедливости, сколько вслѣдствіе вражды партій и желанія ослабить власть ненавистной аристократіи. Впрочемъ самый главный виновникъ, Скавръ своею необыкновенною ловкостью успѣлъ не только избавиться отъ наказанія, но даже попасть въ члены этой коммиссіи и потомъ сдѣлаться ея предсѣдателемъ. Еще прежде, взявъ деньги съ Югурты, онъ умѣлъ устроить дѣло это такимъ образомъ, что противъ него не было никакихъ уликъ, но, не смотря на это, онъ, по всей вѣроятности, сдѣлался бы, подобно остальнымъ, жертвою озлобленнаго народа, еслибы не успѣлъ, благодаря своей смѣлости и хитрости, попасть въ слѣ-

дователи и гибелью своихъ соучастниковъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Скавръ произвелъ слѣдствіе съ величайшею строгостью и осудилъ на изгнаніе множество знатнѣйшихъ людей, въ томъ числѣ Опимія и соучастника своего Кальпурнія. Самъ онъ не только избѣжалъ всякаго наказанія, но даже не потерпѣлъ ничего и въ своей послѣдующей политической карьерѣ, не смотря на то, что трибунъ Меммій, въ то самое время, когда Скавръ производилъ слѣдствіе, открыто обвинялъ его въ народномъ собраніи, какъ участника во всѣхъ этихъ преступленіяхъ и наглыхъ обманахъ. Такимъ образомъ Скавръ служитъ печальнымъ доказательствомъ истины словъ Маккіавелли, что политическое величіе и слава римлянъ никогда не основывались на нравственныхъ началахъ, которыя, по самому свойству государственныхъ учрежденій, никогда не могутъ быть вѣрнымъ мѣриломъ достоинствъ государственнаго человѣка. Впрочемъ въ возвышеніи подобныхъ личностей мы должны признать или благопріятное для римской республики вмѣшательство судьбы, или вѣрный политическій тактъ римскаго народа и сената, потому что Римъ то подчинялся руководству Катона, Метелла и подобныхъ имъ личностей, характеръ которыхъ основывался на добродѣтели, то, нуждаясь для своего блага преимущественно въ людяхъ, способныхъ къ дѣлу, находилъ превосходныхъ дѣльцовъ въ Скаврѣ и ему подобныхъ. Такого рода явленія обнаруживаются всегда въ свободныхъ и конституціонныхъ государствахъ: привилегіи однихъ сдерживаютъ въ границахъ другихъ, одна партія другую, даже одна безнравственность противодѣйствуетъ другой. Вотъ отъ чего насъ не должно удивлять, что Скавръ, не смотря на всю свою испорченность, оставался одною изъ главныхъ опоръ аристократіи, впослѣдствіи былъ даже цензоромъ, и вторично былъ подкупленъ въ войнѣ Митридатомъ понтійскимъ, а когда его обвинили въ этомъ онъ, благодаря своей смѣлости, искусству и притворному чувству собственнаго достоинства, былъ совершенно оправданъ, тогда какъ соучастники его опять осуждены.

Въ то самое время какъ Авлъ Постумій опозорилъ свое оте-

чество, въ Римѣ былъ избранъ консуломъ племянникъ Метелла Македонскаго, Квинтъ Цецилій Метеллъ, — одна изъ лучшихъ личностей между тогдашней аристократіей, — который далъ войнѣ совершенно другой оборотъ. Метеллъ долгое время не могъ предпринять ничего важнаго противъ Югурты, потому что прежде всего долженъ былъ возстановить дисциплину въ войскѣ и снова пріучить его къ военнымъ упражненіямъ; приведя все въ порядокъ, онъ разбилъ нумидійскаго царя въ одномъ значительномъ сраженіи, и съ званіемъ проконсула сохранилъ начальство надъ войскомъ и на слѣдующій годъ (108 г. до р. X.). Метеллъ вполнѣ оправдалъ возложенныя на него надежды, и, побѣдивъ Югурту, получилъ отъ римскаго народа названіе Нумидійскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ окончилъ бы войну, если бы ему оставили еще нѣкоторое время начальство надъ войскомъ; но онъ принадлежалъ къ аристократіи и долженъ былъ поплатиться за ошибки своего сословія. Негодованіе народа противъ всѣхъ низостей, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, производившемся подъ руководствомъ Скавра, было слишкомъ велико, и массы смотрѣли подозрительно на всѣхъ людей высшаго класса. Честолюбцамъ, стремившимся занять ихъ мѣсто, очень легко было теперь достигнуть своей цѣли; имъ стоило только воспользоваться господствующимъ настроеніемъ умовъ. Метеллъ только что выгналъ Югурту изъ Нумидіи и началъ успѣшно войну противъ сосѣдняго мавританскаго царя, Бокха, къ которому бѣжалъ Югурта, какъ легатъ его, Кай Марій, навлекъ на него подозрѣніе народа и былъ назначенъ на его мѣсто. Марій, принадлежавшій по своему происхожденію къ самому низшему классу римскихъ гражданъ, умѣлъ внушить народу мысль, что Метеллъ съ намѣреніемъ длитъ войну, для того, чтобы, по обыкновенію большей части аристократовъ, остаться долѣе въ роскошной странѣ и надѣлить богатствами своихъ друзей и родственниковъ. Народъ повѣрилъ клеветамъ Марія, избралъ его консуломъ на 107-й г. до р. X., и поручилъ ему главное начальство въ войнѣ противъ Югурты, не смотря на то,

что сенатъ только что передъ тѣмъ рѣшилъ предоставить Метеллу начальство надъ войскомъ и на слѣдующій годъ.

Марій велъ войну съ большимъ успѣхомъ, но съ нимъ случилось почти то же, что онъ самъ сдѣлалъ съ Метелломъ: одинъ изъ его подчиненныхъ, впослѣдствіи столь знаменитый Луцій Корнелій Сулла, отнялъ у него славу окончанія этой опасной войны. Марій нѣсколько разъ разбивалъ обоихъ царей и на второй годъ своего командованія довелъ ихъ до такого положенія, что Бокхъ предложилъ ему вступить въ переговоры; римскій полководецъ согласился, но, не имѣя дипломатическихъ способностей, поручилъ это дѣло своему ловкому и изворотливому квестору. Марій очень хорошо понималъ, что успѣшное окончаніе войны зависитъ преимущественно отъ хитрыхъ предложеній, тонкихъ уловокъ, обольщенья подчиненныхъ и т. п.; мастеръ на все это и лучше всякаго другаго умѣвшій проложить себѣ путь въ лабиринтѣ африканскаго коварства и вѣроломства, Сулла былъ отправленъ Маріемъ къ Бокху. Онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ придворныхъ Бокха, и такъ запугалъ его самого, въ то же время льстя ему надеждою на увеличеніе его владѣній, что мавританскій царь согласился заключить миръ и выдать Югурту; Бокхъ самъ привезъ въ оковахъ нумидійскаго царя въ римскій лагерь. Такъ окончилъ Марій югуртинскую войну (106 г. до р. X.), но аристократія употребила всѣ свои усилія, чтобы поставить заслуги Суллы выше заслугъ полководца, который къ великой досадѣ долженъ былъ раздѣлить славу съ своимъ квесторомъ.

Относительно завоеванной земли, римляне послѣдовали своей обыкновенной политикѣ: они не тотчасъ обратили ее въ провинцію, а ввели въ ней учрежденія, которыя мало по малу пріучили нумидійцевъ къ иноземному владычеству и къ мысли, что они римскіе подданные. Часть Нумидіи была отдана Бокху, остальная раздѣлена между мелкими владѣтелями, сдѣлавшимися римскими вассалами. Югурта былъ привезенъ Маріемъ въ Римъ, гдѣ онъ въ

цѣпяхъ сопровождалъ его тріумфальный въѣздъ, и потомъ былъ преданъ позорной казни: сначала его выставили на показъ народу, а потомъ отдали на поруганіе солдатамъ Марія, которые вырвали у него серьги вмѣстѣ съ ушами и позволяли себѣ всякаго рода неистовства. Римляне поступили съ нимъ точно также, какъ нѣкогда карѳагеняне съ Регуломъ, бросивъ послѣ всѣхъ истязаній въ темницу, гдѣ онъ черезъ шесть дней умеръ голодною смертью.

3. Война съ кимврами и тевтонами.

Вскорѣ по окончаніи войны съ Югуртою, Марій явился спасителемъ римскаго народа, когда Риму сталъ угрожать съ сѣвера врагъ гораздо опаснѣе нумидійскаго царя. Вслѣдствіе того онъ сдѣлался самымъ вліятельнымъ лицомъ въ государствѣ, и потому необходимо вникнуть подробнѣе въ его характеръ и частности его жизни. Съ одной стороны Кай Марій былъ настоящимъ типомъ древняго римлянина, но съ качествами прежнихъ патриціевъ онъ соединялъ низкія и мелочныя побужденія выскочки, отличаясь коварствомъ, жестокостью и свирѣпостью, которыми инстинктивно руководствуется всякій сильный и необразованный умъ въ своемъ стремленіи къ достиженію внѣшнихъ цѣлей. Онъ родился въ деревнѣ, по близости латинскаго города Арпинума, гдѣ отецъ его былъ земледѣльцемъ стариннаго закала. Семейство его пользовалось большимъ уваженіемъ въ своей мѣстности и принадлежало къ числу кліентовъ фамиліи Метелловъ. Молодой Марій рано вступилъ въ военную службу и блылъ взятъ подъ покровительство фамиліей Метелловъ; но скоро понявъ, что знатные патроны не позволятъ ему возвыситься, онъ отдалился отъ нихъ и рѣшился пробиться собственными силами. Еще въ нумантинской войнѣ Марій выказалъ столько мужества и таланта, что тогда же Сципіонъ Африканскій Младшій угадалъ въ немъ будущаго полководца. Избранный вскорѣ послѣ того народнымъ трибуномъ, онъ

въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности доказалъ своему патрону и всей аристократіи, что прошло время, когда терпѣливо переносили гордость патриціевъ во уваженіе ихъ заслугъ. Въ бытность свою трибуномъ Марій издалъ постановленіе, уничтожившее вліяніе аристократіи на рѣшенія народныхъ собраній, и при этомъ дѣйствовалъ съ такою энергіею, что, встрѣтивъ сопротивленія со стороны своего прежняго патрона, хотѣлъ заключить его въ тюрьму. Не смотря на уваженіе къ нему народа за подобный образъ дѣйствій, онъ потерпѣлъ неудачу при выборахъ въ должность эдила; но тогда же убѣдился, что, для своего возвышенія, ему необходимо употреблять тѣ же средства, которыми пользовалась аристократія. Явившись вслѣдъ затѣмъ кандидатомъ на должность претора, онъ сталъ сыпать деньгами, и, не смотря на всѣ препятствія, подкупомъ достигъ своей цѣли (117 г. до р. Х.). Съ этого времени онъ сдѣлался и остался на всегда другомъ народа и заклятымъ врагомъ аристократіи. Мы уже сказали выше, какимъ образомъ онъ добился консульства и главнаго начальства надъ войскомъ въ Африкѣ. Теперь обратимся къ разсказу о новой войнѣ, въ которой Марій игралъ главную роль. Эту войну онъ велъ съ народами, до тѣхъ поръ неизвѣстными римлянамъ даже по имени.

Въ 114 г. до р. Х. два народа, носившіе имя кимвровъ и тевтоновъ и отличавшіеся исполинскимъ ростомъ, страшною силою, дикимъ мужествомъ и необыкновеннымъ вооруженіемъ, появились въ восточной части Альповъ, угрожая Италіи своимъ опустошительнымъ вторженіемъ. Всѣ ученыя изслѣдованія о началѣ и причинахъ этого переселенія народовъ не повели ни къ какому положительному результату, потому что греки и римляне, сообщившіе намъ свѣдѣнія о кимвро-тевтонской войнѣ, имѣли весьма неточныя понятія о состояніи сѣвера, его населеніи и языкахъ, а данныя ихъ могутъ служить основаніями только для простыхъ догадокъ. Даже вопросъ о томъ, были ли

кимвры и тевтонами кельтами или германцами не рѣшенъ положительно; но послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, хотя нельзя отрицать того, что къ нимъ присоединились и толпы кельтовъ. Повидимому первый толчокъ къ этому переселенію цѣлыхъ народовъ былъ данъ на востокъ отъ Эльбы, и смѣшанная масса скандинавовъ и другихъ германцевъ пришла въ движеніе, распространившееся оттуда къ западу и югу. Во время прохода ихъ черезъ Галлію и римскія страны, къ нимъ присоединились гельветы, тектосаги, амброны и другія орды кельтовъ. Они вторгнулись въ предѣлы римской республики въ двухъ пунктахъ. Одна часть ихъ двинулась въ Провансъ и Лангедокъ, гдѣ римляне утвердились еще въ 125 г. до р. Х.; другая бросилась въ Норикумъ, граничившій съ сѣвера Дунаемъ, а съ запада Инномъ, жители котораго съ давнихъ поръ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ римлянами, признавая ихъ своими союзниками и покровителями.

При извѣстіи о вторженіи этихъ дикихъ народовъ въ Норикумъ, римскій сенатъ послалъ противъ нихъ войско, подъ начальствомъ одного изъ консуловъ 113 г. до р. Х., Кнея Папирія Карбона, который при городѣ Нореѣ (въ нынѣшней Штиріи) потерпѣлъ жестокое пораженіе, распространившее ужасъ во всей Италіи. Но побѣдители не двинулись на югъ, какъ того опасались римляне, а по неизвѣстнымъ причинамъ обратились назадъ и потомъ вторглись въ Швейцарію и Францію. Когда же въ 109 г. до р. Х. они появились во Франціи, римляне высылали противъ нихъ нѣсколько армій подъ начальствомъ консуловъ, но всѣ эти войска терпѣли пораженія и нерѣдко бывали совершенно истребляемы. Варвары наводили ужасъ на римскихъ солдатъ своимъ громаднымъ ростомъ, силою, непоколебимою твердостью своего строя и особенною манерою сражаться. Послѣдняя состояла въ томъ, что варвары окружали валомъ пространство, иногда болѣе чѣмъ на протяженіе полу-мили, и, ставя въ эти окопы свой обозъ, превращали та-

кимъ образомъ всякую битву въ осаду крѣпости; при томъ они совершенно не знали чувства страха, помогающаго выигрывать битвы. Опасность, которою эти воинственныя племена угрожали государству, была тѣмъ значительнѣе, что лучшіе римскіе полководцы были заняты тогда югуртинскою войной. Консулы Квинтъ Сервилій Цепіонъ и Кней Манлій Максимъ въ 106 и 105 г. до р. Х. своимъ образомъ дѣйствій увеличили еще грозившую Риму опасность. Цепіонъ, совершенно въ духѣ римской аристократіи того времени, грабилъ галловъ и ихъ храмы, вмѣсто того, чтобы готовиться къ войнѣ съ этими народами и болѣе заботиться о поддержаніи дисциплины въ войскѣ, Максимъ дѣйствовалъ вообще очень неискусно; оба полководца, поссорившись между собою, напали на непріятеля порознь и потерпѣли такое страшное пораженіе, что всѣ римскія войска въ Галліи были совершенно уничтожены. Впрочемъ варвары дали римлянамъ время собраться съ силами и выставить новое войско; вмѣсто того, чтобы немедленно вторгнуться въ Италію, они обратились въ другія страны Галліи и Испаніи, опустошая все на пути, и по прошествіи двухъ лѣтъ снова возвратились къ римскимъ границамъ.

Тотчасъ послѣ пораженія 105 года, въ Римѣ избрали консуломъ Марія, въ то время находившагося еще въ Нумидіи, и поручили ему веденіе кимвро-тевтонской войны. Довѣріе къ этому человѣку и страхъ передъ варварами были такъ велики, что при этомъ случаѣ были обойдены два закона, по которымъ нельзя было избирать никого въ консулы во время его отсутствія и до истеченія десяти лѣтъ послѣ перваго консульства. Такъ какъ войну нельзя было кончить ранѣе 4-хъ лѣтъ, то консульство было передано Марію на все это время (104 до 101 г. до р. Х.), и даже враги его аристократы подали голоса въ его пользу. Пользуясь временемъ, когда варвары опустошали Испанію и отдаленныя части Галліи, Марій обучалъ свое войско, занимая его въ то же время полезными работами; между прочимъ онъ прорылъ большой ка-

налъ для осушенія вредныхъ болотъ на нижней Ронѣ. Наконецъ на третій годъ его командованія надъ войскомъ (102 г. до р. X.) варвары снова появились въ предѣлахъ государства и даже въ двухъ различныхъ пунктахъ разомъ. Тевтоны и амброны вторгнулись въ римскую Галлію, а кимвры двинулись къ востоку вдоль подошвы Альповъ, стараясь пробраться въ Италію черезъ Тироль и долину Аджа. Марій остался въ Галліи, а товарищъ его, Квинтъ Лутацій Катулъ, былъ отправленъ съ войскомъ противъ кимвровъ. Марій не тотчасъ же вступилъ въ битву съ приближавшимся непріятелемъ, но заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ на Ронѣ, стараясь уничтожить въ своихъ воинахъ чувство страха, которое варвары внушали римлянамъ видомъ и страшною манерою сражаться. Не обращая вниманія на насмѣшки враговъ, постоянно подходившихъ къ его лагерю, и на ропотъ своихъ солдатъ, Марій не вступалъ въ открытую битву, но спокойно выжидалъ минуты, когда можно будетъ съ успѣхомъ напасть на непріятеля. Подобно всѣмъ варварамъ, тевтоны вскорѣ утомились ожиданіемъ, и, оставивъ у себя въ тылу римскій лагерь, съ полной самоувѣренностью двинулись къ границѣ Италіи. Марій слѣдовалъ за ними по пятамъ и, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, напалъ на нихъ со всѣмъ своимъ войскомъ при Аквѣ Секціи (нынѣшній Э, въ Провансѣ) 102 г. до р. X.. Въ два дня онъ побѣдилъ одинъ за другимъ оба народа, не смотря на ихъ мужество въ битвѣ, въ которой наконецъ приняли участіе даже женщины. Большая часть ихъ была истреблена.

Между тѣмъ Лутацій Катулъ дѣйствовалъ безуспѣшно противъ кимвровъ въ Тиролѣ. Римскій народъ предоставилъ ему, по окончаніи года, начальство надъ войскомъ, съ званіемъ проконсула; главнокомандующимъ былъ назначенъ Марій. Послѣдній двинулся изъ Галліи на Аджъ и соединился съ Катуломъ, но здѣсь съ нимъ случилось то же, что и при окончаніи югуртинской войны: онъ вторично долженъ быть раздѣлить съ Суллою славу окончанія кимвро-тевтонской войны. Сулла служилъ въ Галліи подъ началь-

ствомъ Марія въ званіи легата и военнаго трибуна, но, со времени югуртинской войны, между обоими полководцами возникло сильное соперничество, превратившееся въ открытую войну, когда Сулла обнаружилъ въ Галліи замѣчательныя военныя дарованія, потому что Марій стоялъ во главѣ народной партіи, а его соперникъ принадлежалъ къ аристократіи. Сулла оставилъ Марія и присоединился къ Катулу, не отличавшемуся большими военными способностями. Когда вскорѣ по соединеніи Марія съ Катуломъ произошла битва, рѣшительный ударъ былъ нанесенъ непріятелю не войсками главнокомандующаго, а Катуломъ, который пользовался совѣтами и указаніями Суллы; самъ Марій долженъ былъ сознаться, что онъ съ своими войсками содѣйствовалъ только окончательному истребленію непріятеля, разбитаго другими. Римляне приписывали побѣду надъ кимврами искуснымъ распоряженіямъ и движеніямъ, придуманнымъ и выполненнымъ Суллою, а это еще болѣе усилило вражду между полководцами. Битва эта происходила близь Вероны (101 до р. Х.); римляне взяли въ плѣнъ до 60 тысячъ непріятелей, всѣ остальные были перебиты. Взятіе въ плѣнъ такого множества варваровъ имѣло очень вредное вліяніе на республику, тѣмъ болѣе, что къ концу войны число всѣхъ плѣнныхъ простиралось до ста тысячъ. Обращенные въ рабства и разсѣянные по всей Италіи, они грубостью своею нетолько испортили нравы народа, но и увеличивали опасность въ случаѣ возмущеній рабовъ, не разъ вспыхивавшихъ въ это время. Послѣднее возмущеніе рабовъ было подавлено только послѣ трехлѣтней правильной войны (103 — 100 г. до р. Х.).

4. Новыя волненія въ Римѣ.

По окончаніи кимвро-тевтонской войны снова вспыхнула вражда между аристократіею и народомъ, и въ Римѣ завязалась борьба, все болѣе и болѣе усиливавшаяся и превратившаяся наконецъ въ настоящую междоусобную войну. Движе-

ніе это было вызвано нравственнымъ состояніемъ римскаго общества и недостатками тогдашняго государственнаго устройства, но она приняло еще большія размѣры подъ вліяніемъ личностей нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей той эпохи и самихъ обстоятельствъ. Немногія фамиліи, сосредоточивавшія въ рукахъ своихъ власть, пользовались ею какъ средствомъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; всадники владѣли большею частью наличныхъ капиталовъ, и хотя имѣли мало прямаго участія въ управленіи, но оказывали большое вліяніе на борьбу между господствующимъ классомъ и управляемыми, склоняясь то на ту, то на другую сторону; наконецъ народъ почти совершенно обнищалъ и служилъ только орудіемъ всякому, кто умѣлъ льстить ему или подавалъ надежду на пріобрѣтенія и забавы. Тогдашняя эпоха, подобно XVII вѣку въ Англіи и XVIII во Франціи, была временемъ постоянныхъ безпокойствъ и волненій, которыя тщетно старался остановить Сулла, сдѣлавшійся впослѣдствіи главою государства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что раздѣлъ государственныхъ земель былъ бы однимъ изъ лучшихъ средствъ для прекращенія зла, потому что тогда безпокойныя головы были бы подъ благовиднымъ предлогомъ удалены изъ Рима, а опустѣлыя земли Италіи населились бы опять свободными земледѣльцами. Но земли эти находились въ рукахъ господствовавшаго класса, который упорно удерживалъ за собою обладаніе ими, и на несчастье Рима всѣ тѣ, которые со времени Кая Гракха до единовластія Суллы являлись защитниками народа, руководствовались такими же дурными побужденіями, какъ и олигархи. Самый замѣчательный изъ нихъ, Марій, очевидно, не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана и никогда не былъ способенъ стать во главѣ партіи; онъ доказалъ это передъ окончаніемъ кимвро-тевтонской войны (въ 100 году), при наступленіи своего шестаго консульства, обнаруживъ не твердость, а одно только упорство. Всякая перемѣна, исходившая отъ него или отъ его приверженцевъ, могла имѣть только вредныя послѣдствія. Уже первый шагъ его

на высшемъ политическомъ поприщѣ былъ ознаменованъ мѣрою, до крайности опасною, разрушительною по своимъ послѣдствіямъ, и приведшею римское государство къ военному деспотизму. При первомъ избраніи своемъ въ консулы и главнокомандующіе въ югуртинской войнѣ, Марій старался формировать себѣ войска преимущественно изъ гражданъ шестаго или низшаго класса, до тѣхъ поръ освобожденнаго отъ военной службы; прочимъ же гражданамъ, никогда несоглашавшимся быть слѣпыми орудіями своихъ начальникомъ, онъ съ намѣреніемъ давалъ возможность уклоняться отъ службы.

Внутреннія волненія, начавшіяся во время кимвро-тевтонской войны и достигшія полнаго своего развитія въ шестое консульство Марія, были, независимо отъ общаго политическаго и нравственнаго состоянія римскаго общества, вызваны преступленіями и низостями, обнаруженными во время слѣдствія о подкупахъ Югурты. Ударъ, нанесенный этимъ слѣдствіемъ аристократіи, и поддержка, оказанная всѣми честными гражданами народнымъ трибуномъ, возставшимъ противъ подобныхъ злоупотребленій, побудили нѣсколькихъ предпріимчивыхъ людей, въ слѣдующее десятилѣтіе, выступить еще энергичнѣе противъ сената и возстановить противъ него народъ. Сенатъ лишенъ былъ нѣкоторыхъ важныхъ правъ и трибуны съ успѣхомъ преслѣдовали аристократовъ. Впрочемъ сами трибуны были не лучше своихъ развращенныхъ противниковъ, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ не правомъ и справедливостью, или истинною заботливостью о благѣ государства, а только своими личными интересами. Подобно аристократіи, злоупотреблявшей правительственною властью для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, большая часть людей, выставлявшихъ себя демократами, стремились къ тому же, посредствомъ могущества, заключавшагося въ народномъ трибунатѣ. Для этой цѣли они пользовались слабѣйшею стороною римскаго государственнаго устройства — неестественностью общественныхъ отношеній и между самими римскими гражданами, и между государствомъ и италь-

янскими союзниками: бѣдные граждане требовали принадлежащаго имъ по праву участія въ пользованіи государственными землями, а союзники заявляли совершенно справедливое требованіе участвовать въ управленіи государствомъ, которому они были главною опорою. Масса римскаго населенія и жители Италіи доставляли каждому искусному трибуну, который хотѣлъ добиться чего нибудь, сильную поддержку и страшную силу, и уже одно имя аграрныхъ законъ и итальянскихъ союзниковъ со времени Кая Гракха было страшилищемъ аристократіи. Такимъ образомъ обѣ партіи старались превзойти одна другую своекорыстными стремленіями. Самъ Кай Гракхъ, подобно англійскому министру Вальполю, исключенному въ прошедшемъ столѣтіи изъ парламента за наглый подкупъ, не постыдился во всеуслышаніе сказать народу, что всѣ римскіе государственные люди, не исключая и его самого, старались дѣйствовать гораздо болѣе въ свою пользу, чѣмъ въ пользу націи; но Гракхъ оставлялъ за собою то преимущество, что цѣлью его дѣйствій были честь и слава, тогда какъ другіе государственные люди добивались только денегъ.

Эта борьба обѣихъ партій особенно интересна потому, что какъ аристократы, такъ и большая часть предводителей народной партіи, соединяли съ возмутительнымъ эгоизмомъ самыя блистательныя дарованія и такую заботливость о возвеличеніи римскаго имени и о собственной славѣ, что были способны на величайшія подвиги. Борьба эта достигла сильнѣйшаго развитія вслѣдствіе того, что Марій, благодаря двумъ послѣднимъ войнамъ, сдѣлался важнѣйшимъ лицемъ въ государствѣ; а такъ какъ этотъ человѣкъ по своему рожденію и образованію, по своимъ симпатіямъ и натурѣ принадлежалъ къ простолюдинамъ, то возвышеніе его, вмѣстѣ съ господствовавшимъ тогда настроеніемъ народной массы и союзниковъ, должно было придать такое значеніе и силу дѣйствіямъ народныхъ трибуновъ, какихъ они еще никогда не достигали прежде. Марій содѣйствовалъ этому перевороту тѣмъ, что, для достиженія въ шестой разъ

консульства, соединился съ двумя самыми крайними демагогами, какіе когда либо встрѣчались въ римской исторіи, и вслѣдствіе того получилъ рѣшительное преобладаніе въ государствѣ. Самъ онъ не раздѣлялъ принциповъ этихъ людей, и вообще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій и плановъ, а подчинялся только внушеніямъ своего корыстолюбія и безграничнаго честолюбія. Командуя войскомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, онъ не былъ въ состояніи отвыкнуть отъ деспотизма и произвола, какъ и всякій, кто пользовался когда нибудь правомъ безусловно повелѣвать другими. Люди, съ которыми соединился Марій, были Луцій Апулей Сатурнинъ и Кай Сервилій Главція. Сатурнинъ, во время своего квесторства, велъ себя такъ, что ему невозможно было и думать о высшихъ должностяхъ; поэтому онъ и принялъ на себя роль демагога и, успѣвъ однажды добиться избранія въ трибуны (на 102 и 101 г. до р. Х.), своею трибунскою властью сильно стѣснялъ сенаторскую партію. Желая быть избраннымъ въ трибуны въ третій разъ, онъ соединился съ Маріемъ и Главціею. Главція, преслѣдовавшій нѣкогда въ званіи трибуна ненавистную ему аристократію, занималъ въ то время должность претора. На сторонѣ его и Сатурнина было большинство народа, и конечно въ союзѣ съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ Марій, они могли ласкать себя надеждою на пріобрѣтеніе еще большей, и дѣйствительно страшной власти. Соединившись съ Сатурниномъ и Главціею, Марій достигъ консульства, но оно сдѣлалось могилою его славы, потому что въ продолженіе его государство испытывало сильнѣйшія потрясенія, а Марій рѣшительно былъ неспособенъ руководить гражданскими волненіями. Онъ былъ плохой ораторъ, приходилъ въ замѣшательство именно въ то время, когда ему болѣе всего были нужны ловкость и присутствіе духа, и возбуждалъ противъ себя насмѣшки и ненависть своею завистью ко всякому таланту, образованности и краснорѣчію.

Сатурнинъ доставилъ Марію консульство, но самъ не былъ

снова избранъ въ трибуны и потому прибѣгнулъ къ насилію и убійству: въ день выборовъ десяти трибуновъ на слѣдующій годъ, онъ велѣлъ умертвить одного изъ избранныхъ, а Главція занялъ ночью Капитолій, открылъ тамъ на слѣдующее утро народное собраніе и, посреди страшнаго шума, заставилъ избрать своего друга на мѣсто убитаго. Трибунъ, избранный такимъ образомъ, могъ держаться талько демагогіею и возбужденіемъ безпорядковъ (100 до р. Х.), и дѣйствительно въ народномъ собраніи ежедневно происходили сцены самыхъ страшныхъ насилій. Сатурнинъ предложилъ рядъ самыхъ вредныхъ законовъ и успѣлъ провести нѣкоторые изъ нихъ. По одному изъ этихъ предложеній было рѣшено выдавать народу изъ общественныхъ магазиновъ хлѣбъ ниже рыночныхъ цѣнъ, и такимъ образомъ праздныя толпы стали кормиться на счетъ государства. Другое предложеніе касалось обезпеченія участи тѣхъ, которые служили подъ начальствомъ Марія, и слѣдовательно составляли главную опору его власти: Сатурнинъ предложилъ отдать гражданамъ, сражавшимся противъ кимвровъ и тевтоновъ, нѣкоторые участки земли въ Италіи, Греціи и Сициліи. Третье предложеніе еще болѣе увеличило могущество и вліяніе Марія: онъ получилъ неслыханное преимущество, въ каждой изъ устроенныхъ имъ колоній давать тремъ человѣкамъ права римскихъ гражданъ. Потомъ, чтобы еще болѣе оскорбить сенатъ и сокрушить его власть, Сатурнинъ, ссылаясь на древнее, но никогда еще не исполнявшееся постановленіе, по которому всякое рѣшеніе народа могло имѣть законную силу и безъ утвержденія сената, заставилъ сенатъ принять на себя обязательство утверждать рѣшеніе народнаго собранія въ теченіе пяти дней и, что было еще тяжелѣе, подтвердить клятвою это обязательство. Первымъ слѣдствіемъ новаго закона было изгнаніе Метелла Нумидійскаго, смертельно ненавидимаго всѣми тремя демагогами: вѣрный своему характеру, Метеллъ, одинъ изъ всѣхъ сенаторовъ, отказался дать эту клятву, и, по приговору народнаго собранія, былъ изгнанъ изъ Италіи.

Сатурнинъ думалъ, что этими мѣрами онъ расположитъ къ себѣ народъ и удержитъ за собою трибунатъ, а консуломъ на слѣдующій годъ сдѣлаетъ Главцію. Марій, также имѣвшій притязаніе на седьмое консульство, подъ конецъ дѣйствовалъ повидимому не совсѣмъ согласно съ ними. Сатурнинъ и Главція, намѣреваясь въ случаѣ необходимости поддержать свои притязанія силою, окружили себя толпами вооруженныхъ отпущенниковъ; не смотря на то, Главція испыталъ неудачу на консульскихъ выборахъ. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ тому же средству, которымъ Сатурнинъ достигъ своей цѣли въ предшествовавшемъ году, т. е. велѣлъ открыто на площади умертвить одного изъ избранныхъ. Потомъ онъ и Сатурнинъ вооружили свои толпы, чтобы занять ими Капитолій. Этотъ открытый мятежъ привелъ въ ужасъ всѣхъ лучшихъ гражданъ, возвратилъ сенату необходимую силу, и далъ ему справедливое основаніе прибѣгнуть къ средствамъ, предоставленнымъ ему римскимъ государственнымъ устройствомъ въ случаяхъ крайней опасности: онъ приказалъ консуламъ, не стѣсняясь существующими законами, принять всѣ необходимыя мѣры для спасенія республики. Такимъ образомъ Марій противъ воли очутился во главѣ аристократической партіи и увидѣлъ себя въ необходимости содѣйствовать гибели своихъ прежнихъ друзей и союзниковъ. Онъ старался спасти ихъ медленностью, но когда подъ начальство его и его товарища собрались всѣ лучшіе граждане, то аристократы, самымъ энергическимъ изъ которыхъ опять явился тотъ же Скавръ, заставили его дѣйствовать рѣшительнѣе. Капитолій былъ осажденъ и вскорѣ толпа принуждена была сдаться по недостатку съѣстныхъ припасовъ. Главція былъ убитъ по взятіи Капитолія, а Сатурнина и другихъ предводителей Марій велѣлъ запереть въ одномъ изъ общественныхъ зданій, не для того, чтобы помѣшать ихъ бѣгству, а для того, чтобы оградить ихъ отъ ярости сенаторской партіи и дать имъ случай ускользнуть. Но аристократы не дались въ обманъ и, овладѣвъ подъ предводительствомъ Скавра этимъ зданіемъ, перебили всѣхъ

заключенныхъ. Слѣдовало бы ожидать, что сенатъ уважитъ въ этихъ людяхъ правительственный санъ, которымъ они были облечены; но когда же озлобленная борьбою партія обращаетъ вниманіе на права и на честь государства, если дѣло идетъ о подавленіи ненавистныхъ противниковъ. Аристократы торжествовали эту побѣду съ такимъ же страстнымъ увлеченіемъ и варварствомъ, какъ нѣкогда побѣду надъ Гракхами; одинъ изъ сенаторовъ, Кай Рабирій, не постыдился даже велѣть принести себѣ голову Сатурнина и выставить ее у себя во время пира. Всѣ попытки нѣкоторыхъ трибуновъ примирить враждебные интересы партій были рѣшительно отвергнуты сенаторскою партіею. Одного изъ этихъ трибуновъ, предложившаго возстановленіе аграрнаго закона Гракха, обвинили въ томъ, что онъ имѣлъ статую Сатурнина и заставили его сложить съ себя званіе трибуна и удалиться въ ссылку. Одинъ миролюбивый и безкорыстный въ своихъ поступкахъ преторъ былъ преданъ суду за нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ въ похвалу Сатурнину, обвиненъ въ оскорбленіи республики, и также осужденъ на изгнаніе. Тотчасъ же послѣ этой побѣды былъ возвращенъ изъ ссылки Метеллъ, главный противникъ побѣдителя кимвровъ и тевтоновъ, самый благородный и твердый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый гордый изъ олигарховъ.

Въ послѣднее консульство Марія, его собственное поведеніе и побѣда противниковъ лишили его почти всей силы и вліянія и навлекли на него подозрѣніе обѣихъ партій; вслѣдствіе того онъ удалился на нѣсколько лѣтъ отъ общественной дѣятельности и, оставивъ Римъ и Италію, совершилъ путешествіе по Азіи. Въ то время соперникъ его Сулла достигъ высоты своего могущества, былъ назначенъ преторомъ, не бывъ прежде эдилемъ, какъ это было установлено для соблюденія постепенности въ должностяхъ, и въ новомъ званіи своемъ далъ народу такія великолѣпныя игры, какихъ не бывало еще въ Римѣ (93 г. до р. Х.). Въ два слѣдующіе года Сулла былъ преторомъ въ Азіи и, въ ка-

чествѣ посредника между царями и народами, разыгрывалъ тамъ роль повелителя. По возвращеніи его изъ Азіи, вспыхнувшая тогда союзническая война доставила ему прекрасный случай выказать въ самомъ блистательномъ свѣтѣ свои воинскія дарованія и снискать себѣ расположеніе войска, которое потомъ въ другой войнѣ онъ умѣлъ привлечь совершенно на свою сторону. Марій, также явившійся дѣйствующимъ лицемъ въ этой войнѣ, скоро долженъ былъ уступить мѣсто Суллѣ.

5. Союзническая война.

Возмущеніе итальянскихъ союзниковъ, принявшее видъ правильной войны, было вызвано суровыми законами, которые, во время возбужденныхъ Гракхами волненій, были изданы для воспрепятствованія внесенію итальянцевъ въ списки римскихъ гражданъ и недопущенія ихъ къ участію въ народныхъ собраніяхъ. Строгость эта нравилась бѣднѣйшей части гражданъ столько же, сколько и аристократіи, потому что масса народа извлекала выгоды изъ права подачи голосовъ и не желала раздѣлять его съ другими. Въ 95 г. до р. Х. новый законъ, проведенный консулами Луціемъ Лициніемъ Крассомъ и Квинтомъ Муціемъ Сцеволою, еще болѣе затруднилъ внесеніе итальянцевъ въ списки римскихъ гражданъ; въ то же время было положено произвести слѣдствіе, которое грозило потерею политическихъ правъ многимъ, уже давно считавшимся римскими гражданами. Законъ этотъ произвелъ очень неблагопріятное впечатлѣніе и взволновалъ всю Италію. Знатнѣйшіе граждане итальянскихъ городовъ стали устроивать совѣщанія и заключили между собою тайные союзы. Черезъ три года волненіе приняло такіе опасные размѣры, что римскій сенатъ нашелся вынужденнымъ расположить въ окрестностяхъ Рима войско для наблюденія за итальянцами. Въ слѣдующемъ (91 до р. Х.) году народный трибунъ, Маркъ Ливій Друзъ Младшій,

сынъ соименнаго ему трибуна, сокрушившаго вліянія Кая Гракха, своимъ образомъ дѣйствій подалъ поводъ къ возстанію.

Ливій Друзъ имѣлъ несчастную мысль удовлетворить въ одно и то же время всѣ стороны, и, какъ это всегда бываетъ въ попыткахъ примирить политическія партіи, навлекъ на себя всеобщую вражду. Онъ думалъ помочь бѣднымъ раздачею хлѣба и земель, и въ то же время уменьшить безпокойный городской народъ основаніемъ новыхъ колоній, а для удовлетворенія сенаторскихъ фамилій измѣнить законъ Кая Гракха объ избраніи судей, изслѣдовавшихъ государственныя преступленія, не изъ сенаторовъ, а изъ сословія всадниковъ. Друзъ предложилъ избирать судей поровну изъ обоихъ сословій, а для вознагражденія за это всадниковъ допустить въ сенатъ триста человѣкъ изъ ихъ сословія. Эти предложенія вовлекли Ливія Друза въ самую жестокую борьбу со всѣми тремя сословіями. Не смотря на то, онъ провелъ свои предложенія, но тѣмъ погубилъ самого себя. Исполненіе его законовъ было возможно только путемъ насилія, а прибѣгнуть къ нему Друзъ никакъ не могъ рѣшиться. Онъ взялся за другое средство, но увеличилъ только зло и умножилъ число своихъ враговъ. Желая вознаградить деньгами тѣхъ, кто потерпѣлъ убытки отъ его аграрнаго закона, онъ сталъ чеканить монету низшаго достоинства и совершенно разстроилъ всѣ торговые и денежные обороты. Его прежняя популярность исчезала съ каждымъ днемъ; но онъ слишкомъ поздно замѣтилъ, что идетъ по ложному пути и долженъ подумать о средствахъ предупредить опасность, грозившую ему со всѣхъ сторонъ. Для этого онъ собралъ вокругъ себя многочисленную толпу поселянъ, которые должны были постоянно окружать его, и старался расположить въ свою пользу итальянскихъ союзниковъ обѣщаніемъ предложить законъ о дарованіи всѣмъ итальянцамъ правъ римскаго гражданства. Глава народа марсовъ, Квинтъ Помпедій Силонъ, предложилъ ему явиться въ Римъ съ десяти тысячнымъ войскомъ и уничтожить его противниковъ; но вмѣсто того, чтобы погубить ихъ, Ливій Друзъ преду-

предилъ ихъ объ угрожавшей имъ опасности. Сенатъ же не былъ такъ разборчивъ и совѣстливъ: онъ или самъ велѣлъ умертвить Ливія Друза, или допустилъ его убійство, потому что запретилъ всякое слѣдствіе о немъ. Разъ вечеромъ на Ливія Друза, возвращавшагося съ площади съ небольшою свитою, напало нѣсколько убійцъ, и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ отъ полученныхъ имъ ранъ. Тотчасъ по смерти Друза, сенатъ уничтожилъ всѣ его законы, подъ тѣмъ предлогомъ, что при принятіи ихъ не было обращаемо вниманія на ауспиціи. Сверхъ того было произведено строжайшее слѣдствіе противъ друзей убитаго трибуна, и въ особенности противъ участниковъ въ переговорахъ его съ предводителями союзниковъ. Многіе знатные римляне были объявлены прикосновенными къ дѣлу и изгнаны изъ Италіи.

Тогда долго сдерживаемое неудовольствіе итальянцевъ разразилось открытымъ возстаніемъ (91 г. до р. X.). Большая часть туземныхъ племенъ Италіи, во главѣ ихъ самниты и марсы, подняли оружіе противъ Рима; только латины, этруски и умбры не приняли участія въ этомъ движеніи. Возставшіе народы соединились между собою и положили составить, по образцу римской республики, сенатъ изъ 500 депутатовъ отъ различныхъ народовъ, съ тѣмъ, чтобы передать ему управленіе союзамъ, во главѣ котораго должны были стоять два консула и двѣнадцать преторовъ. Такимъ образомъ, оставивъ совершенно мысль о пріобрѣтеніи правъ римскаго гражданства, они основали новое государство, которое должно было занять мѣсто римскаго. Городъ пелигновъ Корфиній, лежавшій близъ нынѣшняго Пополи, въ сѣверной части бывшихъ Неаполитанскихъ владѣній, былъ избранъ столицею государства и мѣстопребываніемъ правительства, и названъ Италикою. Эта рѣшимость итальянцевъ угрожала Риму величайшею опасностью, потому что войска, готовившіяся теперь напасть на него, составляли до сихъ поръ сильнѣйшую часть его арміи и слѣдовательно противъ Рима поднималось его собственное оружіе. Единственное средство избавиться отъ гибели заключалось

въ томъ, чтобы отдѣлить отъ союза какъ можно болѣе народовъ, и съ этою цѣлью было признано за лучшее немедленно дать части итальянцевъ права римскаго гражданства, чтобы не подвергать опасности могущество и самое существованіе древней столицы Италіи. Вслѣдствіе того при самомъ началѣ войны было объявлено, что народы, не приступившіе къ союзу, могутъ пользоваться правомъ римскаго гражданства. Такимъ образомъ Римъ склонилъ на свою сторону латиновъ, умбровъ и этрусковъ, хотя два послѣдніе народа уже начинали волноваться. Изъ нихъ и изъ галльскихъ и лигурійскихъ племенъ Верхней Италіи, оставшихся также вѣрными и получившихъ за то (90 г. до р. X.) право латиновъ, римляне составили себѣ войско для борьбы съ возставшими народами.

Лучшими полководцами итальянцевъ были: марсъ Квинтъ Помпедій Силонъ, луканецъ Лампоній и самниты Понцій Телезинъ, Марій Эгнацій, Апоній Мотулъ, Титъ Афраній, Веттій Катонъ и нѣкоторые другіе, національность которыхъ достовѣрно не извѣстна. Союзническая война, носившая также, по имени сильнѣйшаго изъ союзныхъ народовъ, названіе марсійской войны, продолжалась три года и была ведена съ обѣихъ сторонъ съ величайшимъ мужествомъ и стойкостью. Въ ней принимали участіе всѣ знаменитѣйшіе полководцы Рима — Марій, Сулла и Кней Помпей Страбонъ, отецъ знаменитаго Помпея. Болѣе всѣхъ отличился Сулла, напротивъ того, Марій не оправдалъ возлагавшихся на ней ожиданій. Сначала итальянцы всюду имѣли перевѣсъ, и только черезъ годъ римлянамъ удалось одержать побѣду подъ предводительствомъ консула Луція Юлія Цезаря. Послѣ того счастье склонялась то на ту, то на другую сторону, цѣлыя страны Италіи была опустошены и въ войнѣ этой погибло, какъ говорятъ, до 300 тысячъ человѣкъ. Наконецъ римляне должны были прибѣгнуть къ тому, съ чего бы имъ слѣдовало начать: они дали всѣмъ свободнымъ народомъ Италіи право гражданства. Тогда возставшіе народы заключили миръ (88 г. до р. X.); только самниты и луканцы не

положили оружія и продолжали нѣкоторое время кровопролитную и опустошительную войну, до тѣхъ поръ, пока Сулла не истребилъ (82 г. до р. Х.) послѣднихъ остатковъ ихъ войскъ.

6. Начало первой междоусобной войны.

Союзническая война имѣла чрезвычайно важное вліяніе на внутреннее состояніе римскаго государства, не только потому, что съ дарованіемъ итальянцамъ правъ гражданства внезапно увеличилось въ чрезвычайныхъ размѣрахъ масса тѣхъ, которые составляли народное собраніе, но и потому еще, что въ этой войнѣ Сулла въ первый разъ пріобрѣлъ себѣ средства, которыя впослѣдствіи дали ему возможность захватить въ свои руки власть. Побѣды, одержанныя имъ въ то время, снискали ему уваженіе народа; обращеніе его съ солдатами, искусство, сообразно съ обстоятельствами, прилагать къ дѣлу и устранять строгую римскую дисциплину, поборы, которые онъ дозволялъ своимъ солдатамъ, удовольствія и потѣхи, которыми онъ забавлялъ ихъ послѣ трудовъ похода, наконецъ его личное участіе въ ихъ забавахъ,—все это вмѣстѣ сдѣлало его кумиромъ солдатъ. Впослѣдствіи, во время мира, онъ воспользовался этими преимуществами такъ, какъ ни одинъ изъ римскихъ полководцевъ, и тѣмъ впервые доказалъ всѣмъ народамъ, что въ такомъ государствѣ, которое постоянно должно вести войну, войско рѣшаетъ обыкновенно участь всѣхъ междоусобій. Истина эта, подтвержденная опытомъ всѣхъ вѣковъ, обнаруживалась во всѣ позднѣйшія эпохи исторіи римской республики. Свобода Рима была также уничтожена войскомъ, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ свобода Милана и Флоренціи, а въ наше время республиканская конституція Франціи. Тоже самое видѣли мы и въ исторіи Сиракузъ. Если Карѳагенъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила, такъ это зависѣло отъ того, что тамошняя аристократія имѣла обыкновеніе держать войско въ отдаленіи и распускать его по окончаніи каждой войны;

вообще же внутреннія волненія въ Кароагенѣ были также рѣдки, какъ и въ Венеціи.

Заслуги Суллы въ союзнической войнѣ были такъ очевидны для всѣхъ, преданность солдатъ къ нему такъ велика, что на сорокъ девятомъ году жизни онъ почти единогласно былъ избранъ консуломъ, и въ тоже время содѣйствовалъ избранію въ товарищи себѣ Квинта Помпея Руфа, принадлежавшаго къ одной съ нимъ партіи. Годъ его консульства (88 г. до р. Х.) одинъ изъ важнѣйшихъ во всей римской исторіи, потому что въ этомъ году вспыхнула первая междоусобная война въ Римѣ. Римляне готовились тогда къ войнѣ противъ Митридата Великаго, царя понтійскато, Сулла добивался начальства надъ войскомъ и сенатъ исполнилъ его желаніе; но престарѣлый и честолюбивый Марій, завидуя своему ненавистному сопернику, старался склонить народное собраніе къ тому, что бы оно, слѣдуя примѣру югуртинской войны, не стѣснялось рѣшеніемъ сената и предоставило ему главное начальсто въ войнѣ противъ Митридата. Для достиженія этой цѣли онъ соединился съ Публіемъ Сульпиціемъ Руфомъ, однимъ изъ самыхъ неистовыхъ народныхъ трибуновъ, какіе только бывали въ Римѣ. До своего трибуната, Сульпицій былъ человѣкомъ самымъ благонамѣреннымъ и безукоризненнымъ по своему характеру и принадлежалъ къ аристократической партіи; намъ неизвѣстно вслѣдствіе чего онъ вдругъ перемѣнилъ свои убѣжденія и присоединился къ противной партіи. Сдѣлавшись трибуномъ, онъ сталъ съ ожесточеніемъ преслѣдовать своихъ прежнихъ друзей и организовалъ противъ нихъ настоящее демократичекое войско. Сульпицій взялъ къ себѣ на жалованье три тысячи бандитовъ, собралъ около себя до 600 молодыхъ людей, которыхъ назвалъ анти-сенатомъ, и никогда не появлялся безъ сопровожденія этой дикой орды. Онъ старался также склонить на свою стороны и новыхъ итальянскихъ гражданъ, внесенныхъ тогда въ списки и стекавшихся въ Римъ въ огромномъ числѣ. Сенатъ постановилъ, чтобы они не были распредѣляемы

по существовавшимъ уже 35 трибамъ, а составили бы восемь новыхъ трибъ; тутъ было явное намѣреніе лишить ихъ всякаго вліянія. Новыя восемь трибъ подавали каждый разъ голосъ подъ самый конецъ, и потому тогда только имѣли вліяніе на рѣшеніе народнаго собранія, когда прежніе 35 не могли согласиться между собой. Сульпицій предложилъ уничтожить новыя трибы и распредѣлить итальянцевъ по старымъ.

Это предложеніе вызвало въ Римѣ сильнѣйшія волненія и смуты. Тысячи новыхъ гражданъ находились въ городѣ; между ними и частью старыхъ римскихъ гражданъ вспыхнула открытая война, и обѣ стороны почти ежедневно вступали въ битвы на улицахъ и площадяхъ Рима. Между тѣмъ партія Сульпиція, къ которой примкнули Марій и его друзья, пріобрѣтала болѣе и болѣе силы, и съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что предложеніе будетъ наконецъ принято. Тогда консулъ Помпей Руфъ вызвалъ въ Римъ товарища своего Суллу, вербовавшаго въ Кампаніи солдатъ для похода въ Азію, и оба консула, по соглашенію съ сенатомъ, для воспрепятствованія подачѣ голосовъ, прибѣгнули къ такой мѣрѣ, которая принималась въ крайнихъ случаяхъ: они остановили на нѣсколько дней теченіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Сульпицій нисколько неиспугался этого, а тотчасъ же рѣшился принудить консуловъ къ отмѣнѣ изданнаго эдикта. Онъ отправился съ своими толпами на площадь, гдѣ въ храмѣ Кастора собрался сенатъ, окружилъ зданіе и, получивъ отказъ на свое требованіе, велѣлъ своимъ спутникамъ напасть на безоружный сенатъ. Консулы и сенаторы обратились въ бѣгство. Помпею Руфу удалось спастись, но сынъ его, женатый на дочери Суллы, былъ умерщвленъ буйною толпой. Сулла спасся отъ своихъ преслѣдователей, укрывшись въ домѣ своего врага Марія, и давъ для спасенія своей жизни клятву отмѣнить эдиктъ. Онъ выполнилъ свою клятву и тотчасъ же объявилъ объ отмѣнѣ эдикта, но сдѣлалъ это только потому, что иначе ему было бы невозможно удалиться изъ города и присоединиться къ своему войску, которое не окончило еще войну

съ союзниками. Тогда Сульпицій провелъ свое предложеніе, и заставилъ назначить Марія предводителемъ войска въ войнѣ противъ Митридата.

Прямымъ слѣдствіемъ побѣды Сульпиція и Марія надъ Суллою было подчиненіе римлянъ въ первый разъ чисто военному деспотизму; съ тѣхъ поръ съ небольшими перерывами они должны были переносить отъ своихъ полководцевъ то же самое, чему уже давно подвергались всѣ покоренные народы. Объявивъ своимъ солдатамъ, что въ Римѣ насиліе замѣнило право, уваженіе къ консуламъ исчезло, и что прежніе граждане поставлены ниже новыхъ, Сулла призывалъ ихъ двинуться съ нимъ на Римъ для возстановленія законнаго порядка. Увѣренный въ привязанности и довѣріи солдатъ, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ воспользовался глубокимъ суевѣріемъ римлянъ, и съ помощью разныхъ предзнаменованій легко успѣлъ склонить войско на свою сторону. Хотя знатнѣйшіе изъ военачальниковъ оставили его, но за то въ лагерь явились его товарищъ и многіе изгнанные граждане и сенаторы, которыхъ Марій и Сульпицій хотѣли умертвить, напавъ на нихъ и разграбивъ ихъ дома. Сенатъ, находившійся въ ихъ власти, чтобы удержать Суллу отъ исполненія его намѣренія, отправилъ на встрѣчу къ нему депутатовъ, но онъ съ презрѣніемъ прогналъ ихъ, быстро двинулся къ Риму, осадилъ его, какъ непріятельскую крѣпость, и вступилъ въ него по трупамъ гражданъ. На городскихъ улицахъ онъ встрѣтилъ мужественный отпоръ со стороны своихъ противниковъ, но, составляя безпорядочную толпу, они были побѣждены и разсѣяны. Напрасно Марій призвалъ тогда на битву рабовъ, обѣщавъ имъ свободу; они не послушались его призыва и Сулла овладѣлъ городомъ.

Созвавъ на слѣдующее утро народъ, Сулла предложилъ ему нѣсколько законовъ, которые конечно были приняты безъ сопротивленія, потому что онъ предлагалъ ихъ, окруженный шестью легіонами. О коренныхъ преобразованіяхъ пока нельзя было и думать: партія Марія была еще слишкомъ сильна и провести ихъ

можно было только посредствомъ новой рѣзни или формальной проскрипціи, а приступить къ нимъ мѣшала война съ Митридатомъ. Сулла удовольствовался отмѣною законовъ Сульпиція, и заставилъ народъ постановить, что на будущее время ни одинъ законъ не можетъ быть представленъ народу безъ предварительнаго разсмотрѣнія сенатомъ, а подача голосовъ въ народномъ собраніи должна производиться не по трибамъ, какъ прежде, а по центуріямъ. Даже своей мести Сулла не могъ удовлетворить вполнѣ; война съ Митридатомъ не позволяла ему медлить, и онъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что заставилъ сенатъ объявить двѣнадцать главныхъ предводителей противной партіи, въ томъ числѣ Марія и Сульпиція, внѣ закона и оцѣнить ихъ головы. Изъ всѣхъ сенаторовъ одинъ только престарѣлый авгуръ Квинтъ Муцій Сцевола, отецъ извѣстнаго консула, не задолго до начала союзнической войны предложившаго законъ противъ итальянцевъ, противился требованіямъ Суллы относительно Марія и на угрозы Суллы отвѣчалъ: „Ты можешь сколько угодно хвастаться толпами, которыми ты окружилъ зданіе сената (Курія), можешь грозить мнѣ смертью, но никогда не заставишь меня, ради нѣсколькихъ капель крови, текущей еще въ моихъ старыхъ жилахъ, объявить врагомъ отечества человѣка, спасшаго отъ погибели этотъ городъ и всю Италію.“ Всѣ осужденные спаслись бѣгствомъ, за исключеніемъ Сульпиція, выданнаго однимъ изъ его рабовъ и потомъ умерщвленнаго. Сулла велѣлъ выставить его голову на площади противъ трибуны ораторовъ. Марій спасся отъ своихъ преслѣдователей, послѣ многихъ почти романическихъ приключеній. Успѣвъ съ неслыханными усиліями пробраться къ морю, онъ былъ снова прибитъ бурею къ берегу, блуждалъ нѣсколько дней на кампанскихъ берегахъ по полямъ и лѣсамъ и, найдя опять корабль для отъѣзда изъ Италіи, былъ вторично высаженъ на берегъ экипажемъ, страшившимся наказанія. Послѣ того онъ нѣкоторое время скрывался въ болотахъ, гдѣ его отыскали и привезли въ Минтурну. Правители этого города рѣшили предать его смертной казни, и,

не находя никого для исполненія своего приговора, поручили это одному кимврскому всаднику. Когда онъ вошелъ въ тюрьму, Марій встрѣтилъ его словами: „Ты осмѣливаешься умертвить Марія?“ Громовой голосъ и грозный взглядъ Марія до того устрашили кимвра, что онъ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ тюрьмы и объявилъ суду, что не въ состояніи исполнить своего обѣщанія. Вскорѣ послѣ этого Марій ушелъ изъ тюрьмы и отплылъ въ Африку. Дорогою недостатокъ въ водѣ заставилъ его пристать къ берегамъ Сициліи, гдѣ онъ былъ схваченъ врасплохъ; Марій едва спасся, лишившись шестнадцати человѣкъ изъ своей свиты. Когда наконецъ онъ достигъ карѳагенской гавани, римскій намѣстникъ Африки велѣлъ ему немедленно удалиться изъ этой провинціи. Разсказываютъ, хотя достовѣрность этого происшествія подлежитъ сомнѣнію, что посолъ намѣстника нашелъ Марія посреди развалинъ Карѳагена и услыхалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Скажи своему господину, что ты видѣлъ Марія, сидящаго на развалинахъ Карѳагена!“ Послѣ этого Марій жилъ на маленькомъ островкѣ близъ африканскихъ береговъ до тѣхъ поръ, пока перемѣна обстоятельствъ не позволила ему возвратиться въ Римъ.

Между тѣмъ Сулла удалился съ своимъ войскомъ въ Азію. Онъ оставилъ Римъ при обстоятельствахъ, далеко не благопріятныхъ для него; до самаго отъѣзда его, общественное мнѣніе было до такой степени вооружено противъ него, что многіе изъ рекомендованныхъ имъ кандидатовъ на правительственныя должности не были выбраны народомъ. Даже одинъ изъ консуловъ слѣдующаго года, Луцій Корнелій Цинна, принадлежалъ къ противной партіи. Впрочемъ въ то время, какъ и всегда, Сулла полагался на свое счастье, и удовольствовался тѣмъ, что взялъ съ Цинны клятвенное обѣщаніе не измѣнять его постановленій и вообще не предпринимать ничего противъ него. Еще до отъѣзда Суллы изъ города вспыхнуло волненіе. Бывшій товарищъ его по консульству, Помпей Руфъ, былъ умерщвленъ и обстоятельства этого убійства заставляли ожидать новой

междоусобной войны. Помпей Руфъ былъ назначенъ проконсуломъ и долженъ былъ принять начальство надъ войскомъ, которымъ до того времени командовалъ Кней Помпей Страбонъ и которое было занято усмиреніемъ нѣкоторыхъ, еще не покоренныхъ союзниковъ. Но едва Помпей Руфъ принялъ главное начальство, какъ былъ умерщвленъ солдатами. Помпей Страбонъ только для виду высказалъ свое негодованіе, но не велѣлъ произвести никакого слѣдствія и немедленно принялъ опять начальство; этимъ онъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ участіи въ этомъ преступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ въ самомъ Римѣ обнаружилась сильная распря между Цинною и товарищемъ его, Кнеемъ Октавіемъ, и Цинна нарушилъ свою клятву, еще прежде чѣмъ Сулла успѣлъ отправиться съ войскомъ противъ Митридата. Какъ ни грозны были подобныя явленія, но Сулла не обратилъ на нихъ вниманія и предоставилъ Римъ борьбѣ партій (87 г. до р. Х.), а самъ отправился съ войскомъ въ Грецію и Азію, откуда возвратился въ Италію только по прошествіи четырехъ лѣтъ.

Причиною ссоры между обоими консулами и ихъ партіями было то же самое, чѣмъ не задолго до того трибунъ Сульпицій произвелъ въ городѣ такое сильное волненіе. Черезъ одного изъ трибуновъ Цинна возобновилъ предложеніе Сульпиція о томъ, чтобы новые италіянскіе граждане были распредѣлены по старымъ трибамъ. Его товарищъ и вся аристократическая партія всѣми силами противодѣйствовали ему; оба консула окружили себя вооруженными толпами и на площади происходили ежедневныя схватки. Наконецъ Цинна потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ съ честью народными трибунами къ одному изъ трехъ отрядовъ войска, собранныхъ тогда въ Италіи. Начальниками этихъ отрядовъ были: Помпей Страбонъ, Квинтъ Цецилій Метеллъ Пій, сынъ Метелла Нумидійскаго, и преторъ Аппій Клавдій. У Клавдія нашелъ себѣ убѣжище Цинна и былъ принятъ со всевозможными почестями, хотя въ то же самое время противники его въ Римѣ требовали въ народномъ собраніи, чтобы онъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ Луцій Корнелій

Мерула. Это было сигналомъ къ междоусобной войнѣ. Цинна призвалъ къ себѣ на помощь итальянскихъ союзниковъ, собралъ большое войско и пригласилъ Марія возвратиться въ Италію. Марій явился, собралъ около себя множество своихъ приверженцевъ, и, соединившись съ Цинною, принялъ главное начальство надъ войскомъ. Оба они тотчасъ же двинулись къ Риму и осадили городъ четырьмя отрядами; двумя изъ нихъ командовали они сами, а два другіе находились подъ начальствомъ Квинта Серторія, человѣка благороднаго и отличнаго полководца, и Кнея Папирія Карбона, отличавшагося только своею низостью и совершенною бездарностью.

Для отвращенія опасности сенатъ призвалъ на помощь Помпея Страбона съ его войскомъ. Помпей былъ искусный полководецъ, но положиться на него не было никакой возможности, а какъ человѣкъ и гражданинъ онъ былъ презираемъ болѣе, чѣмъ кто нибудь изъ его современниковъ. Онъ долго медлилъ отвѣчать сенату, потому что колебался между тою и другою партіею, и, рѣшившись наконецъ принять сторону аристократіи, двинулся къ Риму, окруженному со всѣхъ сторонъ врагами. Близь города произошло кровопролитное сраженіе, которое осталось нерѣшеннымъ. Вскорѣ послѣ того большая часть войска Помпея погибла отъ болѣзней, а самъ онъ былъ убитъ молніею. Тогда единственною надеждою сената остался Метеллъ Пій. Онъ расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Рима, а консулъ Октавій у воротъ города съ войсками, набранными въ самомъ Римѣ. На несчастье аристократовъ въ городѣ скоро сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и солдаты Октавія, недовѣрявшіе своему полководцу, начали цѣлыми толпами перебѣгать къ Метеллу; но онъ не принималъ ихъ въ свой лагерь и они переходили къ непріятелю. Наконецъ въ самомъ войскѣ Метелла вспыхнулъ мятежъ; солдаты оставили его и онъ съ отчаянія бѣжалъ въ Африку. Тогда сенату не оставалось другаго исхода, какъ заключить капитуляцію съ своими смертельными врагами. Цинна потребовалъ прежде всего, чтобы

его смѣщеніе съ консульства было объявлено недѣйствительнымъ. Мерула немедленно сложилъ съ себя свое званіе и Цинна снова былъ признанъ консуломъ. Его просили только щадить жизнь гражданъ; онъ согласился, но никакъ не хотѣлъ подтвердить своего обѣщанія клятвою. Марій, присутствовавшій при этихъ переговорахъ, какъ будто не принималъ въ нихъ никакого участія: во все продолженіе ихъ онъ не произнесъ ни одного слова, но на лицѣ его нельзя было не замѣтить злобы и желанія мести, которыми была исполнена его душа. Вслѣдъ за тѣмъ, когда побѣдоносное войско вступало въ городъ, онъ самымъ наглымъ образомъ осмѣялъ законы римскаго государства. Сначала Марій объявилъ, что, находясь внѣ закона, онъ не смѣетъ вступить въ городъ, пока не будетъ отмѣненъ народомъ приговоръ, произнесенный противъ него въ предшествовавшемъ году, но потомъ, не ожидая рѣшенія наскоро собраннаго народа, въѣхалъ въ городъ во время самой подачи голосовъ.

Вступленіе побѣдителей распространило повсюду ужасъ и ознаменовалось убійствами; особенно Марій обнаружилъ свою ненасытную жажду мщенія. Онъ окружилъ себя разбойничьею шайкою изъ 4-хъ тысячъ рабовъ, которые съ кровожаднымъ рвеніемъ предупреждали всѣ повелѣнія своего вождя. Эти полудикія толпы страшно неистовствовали въ городѣ, не щадя ни возраста, ни пола, и злодѣйствовали до того, что самъ Цинна, возмущенный ихъ преступленіями, рѣшился уничтожить ихъ; разъ ночью, онъ велѣлъ солдатамъ своимъ напасть на нихъ и всѣхъ перебить. Впрочемъ убійства не прекратились, а продолжались еще пять сутокъ. Какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ городахъ Италіи, приверженцы аристократической партіи терпѣли самыя жестокія преслѣдованія. Нѣсколько тысячъ римскихъ гражданъ, въ числѣ которыхъ находились знаменитѣйшіе, образованнѣйшіе и благороднѣйшіе люди Рима, были умерщвлены тогда. Октавій, одинъ изъ консуловъ, былъ убитъ по повелѣнію Цинны во всѣхъ знакахъ консульскаго достоинства, а другой, Мерула, бѣжалъ отъ своихъ пре-

слѣдователелей въ храмъ божества, жрецомъ котораго онъ былъ, и тамъ лишилъ себя жизни у подножья жертвенника. Безпощадною жестокостью довелъ Марій до самоубійства бывшаго своего товарища въ кимврской войнѣ, Лутація Катула; напрасно многіе умоляли его пощадить жизнь этого человѣка, сердце Марія было недоступно милосердію, и Катулъ самъ лишилъ себя жизни. Марій велѣлъ умертвить Марка Антонія, величайшаго оратора своего времени, и выставить его голову сначала на одномъ изъ своихъ пиршествъ, а потомъ передъ ораторской трибуной въ народномъ собраніи. Большая часть приверженцевъ Суллы, находившихся тогда въ Италіи, погибла; самъ Сулла, по требованію Марія, былъ объявленъ врагомъ отечества. Но и самые ревностные друзья Суллы не могли бы дѣйствовать въ его пользу лучше его враговъ. Система террора, ознаменовавшая возвращеніе Марія, страшная свирѣпость, выказанная имъ на 70-ти лѣтнемъ возрастѣ, и жестокость, съ которою онъ дѣйствовалъ преимущественно противъ всѣхъ людей образованныхъ и отличавшихся утонченными нравами, заставили всѣхъ лучшихъ гражданъ прибѣгнуть къ Суллѣ. Къ нему обратились теперь всѣ, вѣрившіе еще въ возможность сохраненія древняго государственнаго устройства. Къ тому же ни Марій, ни Цинна не были способны стоять во главѣ государства; оба они умѣли только повелѣвать и убивать, а для поддержанія государства необходимы были новыя учрежденія. Цинна и Марій сами назначили себя консулами на слѣдующій годъ (88 г. до р. X.), но вскорѣ по вступленіи ихъ въ должность, извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ Суллою надъ Митридатомъ, привели въ трепетъ ихъ партію. Къ несчастью для нея единственный человѣкъ, который какъ полководецъ могъ бы еще помѣриться съ Суллою, престарѣлый Марій, умеръ на семнадцатый день своего седьмаго консульства.

7. События въ Азіи отъ смерти Антіоха III до окончанія войны между Митридатомъ VI и Суллою.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ первой междоусобной войны, намъ необходимо бросить взглядъ на состояніе греческихъ государствъ Востока, потому что тамъ создалъ себѣ Сулла могущество, которое дало ему средства побѣдить своихъ противниковъ въ Римѣ и достигнуть единовластія. Въ продолженіе послѣдняго столѣтія греческія государства въ Азіи становились все въ большую и большую зависимость отъ Рима. Внутреннее состояніе этихъ государствъ осталось совершенно такимъ же, какимъ было во времена Антіоха III. Поэтому во всемірной исторіи нѣтъ надобности упоминать о всѣхъ событіяхъ и происшествіяхъ, въ которыхъ состояніе это выражалось внѣшнимъ образомъ; мы должны указать только нѣкоторые главные факты, свидѣтельствующіе объ упадкѣ греческихъ царствъ въ Азіи, и сверхъ того обратить вниманіе на два государства, снова достигшія цвѣтущаго состоянія и снова получившія нѣкоторое временное значеніе.

Въ Сиріи за Антіохомъ III слѣдовалъ длинный рядъ царей, подъ управленіемъ которыхъ, вслѣдствіе споровъ за престолонаслѣдіе, господства временщиковъ, безумнаго произвола царей, недостатка въ деньгахъ, возстанія іудеевъ и возраставшаго могущества пароянъ, государство все болѣе и болѣе клонилось къ упадку и уменьшалось въ своемъ объемѣ. Римляне обращались съ этими царями, какъ съ своими вассалами, а около половины послѣдняго столѣтія до р. Х. обратили всю эту страну въ римскую провинцію. Между тѣмъ въ сирійскомъ царствѣ, не смотря на дурныхъ правителей, постоянныя внутреннія волненія и безпрерывныя нападенія извнѣ, сохранились еще богатство и промышленность, а впослѣдствіи, когда, по уничтоженіи римской республики, внутреннія силы Рима оживили и отдаленныя области

имперіи, въ Сиріи, также какъ и въ прочихъ провинціяхъ, промышленность и торговля снова достигли цвѣтущаго состоянія.

Во время распаденія сирійскаго царства евреи, находившіеся въ рабствѣ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, снова, на короткое время, возвратили свою самостоятельность. Со времени возращенія ихъ изъ плѣна, не смотря на ихъ подчиненіе другимъ народамъ, для нихъ наступили счастливыя времена. Давно уже переставъ заниматься исключительно однимъ земледѣліемъ, они обратили свою дѣятельность преимущественно на промышленность и торговлю, и распространились по всей Азіи. Въ Александріи и Киренѣ они составляли значительную часть населенія, своею ловкостью и бережливостью пріобрѣли огромное значеніе для торговли всего царства, и вслѣдствіе того пользовались покровительствомъ лучшихъ изъ Птолемеевъ. Тогда произошло то же самое, что и въ наше время, когда ихъ перестали угнетать и преслѣдовать: еврейская нація сама почувствовала, что для того, чтобы вполнѣ воспользоваться выгодами общаго благосостоянія, ей необходимо отказаться отъ своей народной замкнутости, мѣшавшей ея развитію, и усвоить себѣ образованіе сосѣднихъ народовъ. Александрійскіе евреи сдѣлались полу-греками, и въ самой Палестинѣ, даже между лицами, имѣвшими притязаніе на званіе верховныхъ жрецовъ, находились очень многіе, старавшіеся согласить религіозные идеи и обряды своего народа съ греческими и вообще подчинить политикѣ все относящееся до религіи. Этому стремленію нанесъ сильный ударъ Антіохъ IV, царь сирійскій, подданными котораго были евреи и который вздумалъ заставить ихъ перемѣнить вѣру; онъ хотѣлъ силою произвести перемѣну, которая могла совершиться только сама собою и въ теченіе извѣстнаго времени. Этимъ онъ снова возбудилъ фанатизмъ еврейскаго народа и вызвалъ религіозную войну, имѣвшую весьма важныя послѣдствія для Палестины и Сиріи. Впрочемъ религія была сначала только поводомъ къ насиліямъ сирійскаго царя, кото-

рыя онъ совершалъ болѣе изъ корысти и желанія отмстить евреямъ за ихъ сопротивленіе.

Антіохъ IV, царствовавшій съ 176 по 164 г. до р. X., до вступленія своего на престолъ, жилъ нѣкоторое время въ Римѣ и тамъ въ кругу высшаго общества усвоилъ себѣ нравы и пороки, испортившіе его прекрасный отъ природы характеръ и сдѣлавшіе его бичемъ подвластныхъ ему народовъ. Въ Римѣ онъ привыкъ къ неумѣренному употребленію вина и впослѣдствіи въ состояніи опьяненія доходилъ до безумія, хотя нельзя отрицать, что въ своемъ нормальномъ состояніи онъ обнаруживалъ мощную энергію и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую проницательность и знаніе людей. Даже грабя храмы, (что преимущественно и сдѣлано его имя ненавистнымъ евреямъ и христіанамъ), онъ руководствовался не одной корыстью и страстью къ роскоши, а, какъ это можно заключить по многимъ другимъ его предпріятіямъ и правительственнымъ мѣрамъ, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ той идеи, что для государства будетъ полезнѣе, если большія денежныя суммы не будутъ изъяты изъ обращенія въ видѣ священныхъ сокровищъ, составляющихъ мертвый капиталъ. Антіохъ возбудилъ противъ себя — евреевъ и массу народа разграбленіемъ іерусалимскаго храма, который, подобно всѣмъ храмамъ древности, былъ вмѣстѣ торговымъ банкомъ и сберегательною кассою для вдовъ и сиротъ. Со времени разграбленія храма, евреи постоянно выказывали ему свою глубокую ненависть, и однажды, получивъ ложное извѣстіе о его смерти, напали даже на приверженцевъ сирійскаго правительства; онъ отплатилъ имъ тѣмъ же и произвелъ страшную рѣзню въ Іерусалимѣ. Евреи, принадлежавшіе къ сирійской партіи, и льстецы, имѣвшіе большое вліяніе на Антіоха, воспользовались упорствомъ народа и вытребовали у царя новыя повелѣнія относительно водворенія въ государствѣ религіознаго единства, а исполненіе этихъ постановленій повело къ новымъ жестокостямъ и притѣсненіямъ. Сначала евреи уступили силѣ обстоятельствъ; но звѣрство сирійскихъ чиновниковъ, до-

ведя народъ до отчаянія, вынудило его къ сопротивленію и возстанію. Такимъ образомъ именно въ то время, когда евреи стали равнодушнѣе къ религіи своихъ отцевъ и начали усвоивать себѣ греческіе нравы и образованіе, гнетъ сирійскаго владычества пробудилъ въ нихъ новую ревность къ національной религіи, и преслѣдованія сирійцевъ спасли народъ іудейскій и его государство отъ конечнаго разложенія. Намѣстники и полководцы Антіоха страшно неистовствовали подъ предлогомъ выполненія законовъ своего повелителя объ установленіи общей государственной религіи: огромныя пространства были обращены въ пустыни, сокровища храма и частныхъ людей разграблены, и люди свободные преданы всевозможнымъ истязаніямъ или обращены въ рабство. Несчастные евреи убѣдились наконецъ, что при открытомъ сопротивленіи имъ не будетъ хуже, чѣмъ при безусловномъ повиновеніи, и одинъ мужественный священникъ воспользовался настроеніемъ народа, чтобы возбудить его къ возстанію.

Священникъ Матаоія взялся за оружіе, когда его хотѣли принудить принести жертву языческимъ богамъ; убивъ одного сирійскаго начальника, онъ ушелъ въ горы и собралъ вокругъ себя толпу предпріимчивыхъ людей. Вслѣдъ затѣмъ сирійскіе воины напали на нѣсколько сотъ евреевъ, укрывшихся въ пещерѣ для празднованія субботы; въ этотъ день евреи не брали въ руки оружія и были всѣ перебиты. Матаѳія воспользовался этимъ страшнымъ событіемъ, чтобы одушевить своихъ соотечественникомъ къ борьбѣ за вѣру (167 до р. X.). Обстоятельства благопріятствовали распространенію возстанія, возбужденнаго Матаѳіею; фанатизмъ и вновь воскресшая любовь къ отечеству вдохнули въ евреевъ такое мужество, какого они никогда необнаруживали со временъ Давида, и Маккавеи, какъ называли Матаѳію и его потомковъ, основали свободное іудейское царство и династію, которая стала процвѣтать въ то самое время, когда все болѣе и болѣе падала династія Селевкидовъ. Самъ Матаоія недолго пережилъ свои первые успѣхи; онъ умеръ черезъ годъ послѣ возстанія. Сынъ

его, Іуда Маккавей, котораго онъ назначилъ своимъ преемникомъ, палъ въ битвѣ нѣсколько лѣтъ спустя (161 дор. X.) послѣ очень успѣшной войны противъ Сиріи. Два другіе сына Матаѳіи, ставшіе по смерти Іуды во главѣ освобожденнаго народа, Іонаѳанъ (отъ 161 — 143 до р. X.) и Симонъ (143 — 135 до р. X.), не только удержали за собою пріобрѣтенныя ими преимущества, но и воспользовались, какъ нельзя лучше, спорами Селевкидовъ о престолонаслѣдіи. Сынъ Симона, Іоаннъ Гирканъ (135 — 107) достигъ даже того, что царь сирійскій призналъ его независимымъ властителемъ Палестины. Сынъ и преемникъ Іоанна Гиркана, Аристовулъ I (107—105) принялъ царскій титулъ, тогда какъ его предшественники не носили никакого титула. Но уже съ Іоанномъ Гирканомъ начала ослабѣвать энергія рода Маккавеевъ и охладѣла ревность евреевъ къ національной вѣрѣ. Споры за обладаніе престоломъ, возстанія, восточное высокомѣріе царей, ненависть и преслѣдованіе сектъ составляютъ главныя черты позднѣйшей исторіи Маккавеевъ, и царство іудейское мало по малу подпало точно также, какъ и всѣ другія восточныя государства, подъ владычество римлянъ.

По заключеніи мира между римлянами и Антіохомъ III, Малая Азія распалась на множество мелкихъ государствъ, сдѣлавшихся вслѣдствіе постояннаго соперничества и междоусобій, легкою добычею римлянъ. Важнѣйшія изъ этихъ государствъ были Виѳинія, Пергамъ, Родосъ и Понтъ. Правители Виѳиніи, раболѣпствуя передъ римлянами, въ дѣйствительности давно уже перестали быть царями. Не только Прусій I, жившій во время войны ихъ съ Персеемъ, но и сынъ его Прусій II и внукъ Никомедъ II, были самими низкими льстецами римлянъ. Никомедъ достигъ престола отцеубійствомъ и, отличаясь жестокостью и деспотизмомъ, еще менѣе могъ возвысить свою фамилію и свой престолъ во мнѣніи народовъ, а тогда только одно общественное мнѣніе и могло обезпечивать азіатскимъ царямъ ихъ независимость отъ римлянъ. Казалось, что сынъ его, Никомедъ III,

въ началѣ хотѣлъ преслѣдовать ту же цѣль, какъ и могущественный соперникъ римлянъ Митридатъ VI Понтійскій, но вскорѣ потомъ онъ оставилъ ее и сталъ розыгрывать въ отношеніи къ римлянамъ ту же самую роль, какъ и его предшественники. Онъ оставилъ по завѣщанію свое царство римлянамъ, и съ тѣхъ поръ Виѳинія исчезаетъ изъ исторіи (75 до р. X.).

Гнусное раболѣпство пергамскихъ царей передъ римскимъ народомъ, хитрость и ловкость, съ которыми они пользовались милостью и покровительствомъ своихъ повелителей для своего возвышенія на счетъ сосѣдей, обратились почти въ пословицу. Правда, владѣтели Пергама сохранили при этомъ, преимущественно передъ всѣми азіатскими правителями, свою древнюю славу какъ покровители науки, искусства и промышленности; но это не могло спасти ихъ царство отъ общей участи всѣхъ греко-азіатскихъ государствъ. Наконецъ пергамское царство стало быстро клониться къ паденію, когда съ Атталомъ III, преемникомъ дяди своего Аттала II, власть перешла къ человѣку, который, не наслѣдовавъ отъ своихъ предшественниковъ ни ума, ни любви ихъ къ наукѣ и искусству, отличался только своимъ мрачнымъ, жестокимъ и почти безумнымъ характеромъ. Атталъ III подозрѣвалъ вездѣ измѣну, велѣлъ умертвить большую часть членовъ своего семейства, и передъ смертью назначилъ наслѣдниками своего царства римлянъ (133 до р. X.). Событіе это произошло въ самый разгаръ волненій, возбужденныхъ въ Римѣ Гракхами, и такое совпаденіе дало одному изъ туземцевъ поводъ къ попыткѣ освободить своихъ соотечественниковъ отъ иноземнаго владычества и захватить въ свои руки власть. Аристоникъ, какъ звали этого претендента, былъ побочный сынъ одного изъ послѣднихъ пергамскихъ царей и отъ того римляне смотрѣли на него съ презрѣніемъ, но по понятіямъ азіатцевъ онъ имѣлъ точно такія же права на престолъ, какъ и законный сынъ царя. Такъ смотрѣли на него пергамцы, единодушно принявшіе его сторону и поддерживавшіе его нѣсколько лѣтъ противъ союзниковъ Рима — царей Виѳиніи, Понта и Каппадокіи. Вой-

ско, высланное противъ него римлянами 131 г. до р. Х., было разбито на голову; но и онъ потерпѣлъ пораженіе на слѣдующій же годъ, когда противъ него выступилъ консулъ Маркъ Перперна. По взятіи въ плѣнъ Аристоника, римляне должны были вести войну еще цѣлый годъ, потому что большая часть городовъ не хотѣла признавать ихъ владычества. Наконецъ, по подчиненіи ихъ, Пергамъ былъ объявленъ римскою провинціею и получилъ названіе Азіи.

Новая провинція Азія, распространявшаяся все болѣе и болѣе и наконецъ обнявшая собою всю Малую Азію, терпѣла болѣе всѣхъ другихъ провинцій отъ притѣсненій намѣстниковъ и откупщиковъ, которые, какъ мы уже говорили выше, составляли общее бѣдствіе всѣхъ римскихъ провинцій. Поборы ихъ въ Малой Азіи важны не только для характеристики римскаго владычества, но имѣли непосредственное вліяніе на страшную борьбу, которую велъ съ римлянами Митридатъ VI понтійскій. Поэтому мы должны сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе. Малая Азія была отдана въ жертву притѣсненіямъ римскихъ должностныхъ лицъ, преимущественно передъ другими провинціями, вслѣдствіе процвѣтанія ея торговли и скопленія несмѣтныхъ богатствъ во многихъ ея храмахъ, резиденціяхъ и торговыхъ городахъ. Чѣмъ значительнѣе было богатство, тѣмъ сильнѣе были притѣсненія, и злополучные малоазійцы не могли и думать объ облегченіи своей участи, потому что тѣ же самые всадники, которые прежде въ званіи откупщиковъ производили притѣсненія, со времени Гракховъ засѣдали въ судѣ, разбиравшемъ дѣла по управленію провинціями. Такимъ образомъ имъ приходилось терпѣть болѣе другихъ провинцій отъ того главнаго недостатка римскаго законодательства, что отправленіе правосудія въ Римѣ было не должностью, а привилегіею, или, другими словами, отъ того, что тамъ господствовала вмѣстѣ аристократія рожденія, таланта и богатства, надъ которою не было никакой власти, которая, какъ мы видимъ это въ Англіи, не дозволяла бы имъ уклоняться отъ прямаго пути. Несчастные мало-

азійцы страдали подъ римскимъ владычествомъ еще болѣе, чѣмъ страдаютъ они въ наше време подъ управленіемъ турецкихъ намѣстниковъ. Турки находятся постоянно подъ страхомъ наказаній и не всегда могутъ скрыть свое хищничество отъ высшихъ начальниковъ, сосѣдей и преемниковъ; напротивъ того, римлянинъ при печальномъ состояніи государственнаго устройства и администраціи своего отечества былъ увѣренъ въ сохраненіи за собою награбленныхъ имъ сокровищъ и въ полной безнаказанности. Даже римляне, болѣе кроткіе и справедливые, чѣмъ большинство намѣстниковъ, управляя какою нибудь провинціею, въ самое короткое время составляли себѣ огромное состояніе. Ни одинъ изъ нихъ не могъ оградить своихъ подчиненныхъ отъ угнетенія и лихоимства откупщиковъ; если когда нибудь римскій чиновникъ осмѣливался вооружиться противъ этихъ кровопійцъ, то ему рано или поздно приходилось непремѣнно платиться за свое вмѣшательство. Печальнымъ доказательствомъ этого можетъ служить благородный Публій Рутилій Руфъ. Будучи въ 121 г. до р. Х. квесторомъ одного мало-азійскаго намѣстника, Рутилій соединился съ нимъ для искорененія произвола и притѣсненій римскихъ откупщиковъ и капиталистовъ. Ему удалось помѣшать ихъ преступному ремеслу и доставить облегченіе своей провинціи. Но сословіе всадниковъ никогда не простило это Руфу, и отомстило ему черезъ 28 лѣтъ. Въ 93 г. до р. Х. капиталисты взвели на него обвиненія въ лихоимствѣ, выступили лже-свидѣтелями и тѣмъ вѣрнѣе могли погубить его, что судьями были люди изъ ихъ же сословія, защищавшіе свои собственные интересы. Самый благородный, чистый и строгій человѣкъ своего времени пострадалъ отъ печальнаго состоянія римскаго судоустройства и былъ изгнанъ изъ отечества. Но мало-азійскіе города не забыли всего того, что сдѣлалъ для нихъ Руфъ; они приняли его съ необыкновенными почестями и одинъ изъ знаменитѣйшихъ между ними, Смирна, предложилъ ему права гражданства.

Родосцы, по смерти Александра Великаго захватившіе въ

свои руки почти всю торговлю восточной части Средиземнаго моря, снова лишились своего значенія подъ верховнымъ владычествомъ Рима. Римляне, воспользовавшись ими въ борьбѣ противъ Филиппа III и Антіоха III, впослѣдствіи старались всячески притѣснять ихъ и уничтожить ихъ могущество. Съ этою цѣлью они возвысили островъ Делосъ, объявивъ его вольнымъ портомъ (портофранка) и этимъ весьма скоро достигли своей цѣли: Делосъ сдѣлался тѣмъ же, чѣмъ до тѣхъ поръ былъ Родосъ, т. е. средоточіемъ торговли Эгейскаго моря, а родосцы потерпѣли отъ этого такія значительныя потери, что ихъ пошлины и портовые сборы въ короткое время уменьшились въ шесть разъ противъ прежняго.

Между всѣми мало-азійскими государствами самымъ важнымъ въ исторіи всемірнаго владычества римляиъ былъ Понтъ, но значеніе его зависѣло ие отъ его положенія и государственнаго устройства, и ие отъ современныхъ событій, а исключительно отъ личности одного человѣка, Митридата VI, царя понтійскаго, и потому скоро исчезло. Цари Каппадокіи, Пафлагоніи и Понта были счастливѣе другихъ мало-азійскихъ властителей; благосостояніе ихъ, упроченное цвѣтущимъ состояніемъ греческихъ торговыхъ городовъ, находившихся въ ихъ владѣніяхъ, и усвоеніемъ греческихъ нравовъ и учрежденій, продолжало развиваться, въ то время какъ надъ другими государствами, ихъ сосѣдями, тяготѣло уже во всей своей силѣ владычество римлянъ. Впрочемъ Каппадокія и Пафлагонія пришли также въ зависимость отъ Рима. Напротивъ того, Понтъ не только сохранилъ свою самостоятельность, но при Митридатѣ VI сдѣлался на короткое время даже господствующею державою иа Востокѣ. Родъ царей понтійскихъ происходилъ изъ глубокой древности (т. III стр. 12), но могущество ихъ возрасло только тогда, когда стали приходить въ упадокъ царства виѳинское и пергамское. При Митридатѣ V, помогавшемъ римлянамъ противъ Аристоника, оно было значительно увеличено; въ награду за свою услугу Митридатъ получилъ отъ нихъ ие только часть Фригіи, но и позволеніе занять Пафлагонію, на которую онъ

имѣлъ законныя притязанія. Конечно вскорѣ послѣ того римляне воспользовались малолѣтствомъ Митридата VI и распрею его съ матерью, чтобы снова присоединить къ себѣ обѣ стороны.

Митридатъ VI или Великій, наслѣдовавшій отцу своему въ 124 г. до р. X., считается обыкновенно величайшимъ изъ государей, но мы можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ только на столько, на сколько сила характера, энергія, хитрость и другія свойства хорошаго правителя заслуживаютъ по восточнымъ понятіямъ такой похвалы. Отецъ его былъ умерщвленъ по наущеніямъ его матери; убійство матери было однимъ изъ первыхъ дѣйствій молодаго Митридата, который не могъ выносить ея властолюбія, и по смерти ея, какъ мститель за смерть отца, принялъ названіе Эвпатора (рожденнаго отъ благороднаго отца). Жена его, вскорѣ послѣ брака, также сдѣлалась жертвою его ревности. Съ самаго начала Митридатъ выказалъ необыкновенныя умственныя и физическія способности, глубокій политическій тактъ и удивительное умѣнье пользоваться обстоятельствами, словомъ всѣ свойства великаго восточнаго монарха; но въ продолженіе всей своей жизни онъ былъ также не разборчивъ относительно средствъ, какъ при убійствѣ своей матери.

Въ самомъ началѣ своего царствованія Митридатъ задумалъ расширить предѣлы своего государства. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали осуществленію его плана. Римляне вели безпрерывныя и опасныя войны или были заняты внутренними безпокойствами; сирійское царство, вслѣдствіе распрей за престолонаслѣдіе, распалось на нѣсколько независимыхъ областей; обращенный въ римскую провинцію Пергамъ и находившіяся въ полной зависимости отъ римлянъ Виѳинія и Каппадокія терпѣли страшныя притѣсненія отъ корыстолюбивыхъ римскихъ вельможъ; наконецъ Великая и Малая Арменія, образовавшіяся изъ сирійскихъ провинцій послѣ побѣды римлянъ надъ Антіохомъ Великимъ, не имѣли притязаній на Малую Азію, но понимали всѣ выгоды союза съ Митридатомъ, чтобы противопоста-

вить оплотъ дальнѣйшему распространенію римскаго владычества. Въ такомъ же положеніи находились и пареяне, распространившіе свое господство отъ Евфрата до Инда. Митридатъ могъ помышлять объ основаніи новой азіатской имперіи и потому еще, что умѣлъ воспользоваться всѣми изобрѣтеніями и учрежденіями грековъ и оживить греческимъ духомъ варварскую энергію своего народа. Первыя его стремленія были направлены не противъ Рима; прежде всего онъ старался подчинить себѣ всѣ варварскіе народы, жившіе на берегахъ Чернаго моря, и основанныя между ними греческія колоніи для того, чтобы стать во главѣ этихъ городовъ и образовать изъ варваровъ могущественную державу подъ владычествомъ грековъ. Греки, обитавшіе по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Чернаго Моря и постоянно терпѣвшіе отъ хищническихъ племенъ южной Россіи и Кавказа, съ радостью видѣли распространеніе въ ихъ сосѣдствѣ понтійскаго царства, которое получило греческое устройство и тѣмъ уже обезпечивало имъ покровительство противъ враждебныхъ племенъ, а Митридатъ предоставилъ имъ тѣ же права, которыми со времени его дѣда пользовались греческія колоніи въ Малой Азіи (т. III стр. 13). Такимъ образомъ Митридатъ присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ еще другое царство, простиравшееся отъ восточной границы Понта вокругъ Чернаго моря до Ѳракіи и получившее названіе Б о с ф о р с к а г о, отъ Босфора Киммерійскаго, на берегахъ котораго находились оба главные города его Пантикапея и Фанагорія (т. I стр. 235).

Распространивъ свое владычество на восточныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, Митридатъ обратился къ югу и западу, надѣясь подчинить себѣ и Малую Азію. Послѣднее предпріятіе его было гораздо труднѣе первыхъ, потому что здѣсь ему приходилось имѣть дѣло съ царствами, устроенными по греческому образцу и въ тоже время предстояло войти въ непріязненныя столкновенія съ римлянами. Прежде всего Митридатъ напалъ на Пафлагонію и Каппадокію, завоевалъ часть первой, умертвилъ

малолѣтняго капподокійскаго царя, сына своей родной сестры, и захватилъ себѣ его наслѣдство. Но римляне вступились за эти страны, и Митридатъ, хотя и владѣлъ тогда громадными сухопутными и морскими силами, все таки согласился предоставить это дѣло рѣшенію коммиссіи, присланной изъ Рима. По ея требованію, онъ освободилъ Каппадокію, но вслѣдъ затѣмъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что римляне, заиятые союзнической войной, не могли отправить значительнаго войска въ Азію. Въ союзѣ съ зятемъ своимъ Тиграномъ II, царемъ Великой Арменіи, онъ въ короткое время занялъ Каппадокію, Виѳинію, Фригію и всѣ прочія области Малой Азіи (89 г. до р. Х.). Римскіе намѣстники и полководоцы выставили противъ него свои войска, но Митридатъ разбилъ и разсѣялъ ихъ; потому что, хотя его собственныя войска и состояли изъ смѣшенія всевозможныхъ народовъ, но во главѣ ихъ находились только одни греческіе военачальники. Изнуренные римскимъ владычествомъ туземцы также поддерживали его, а города съ восторгомъ отворяли ему ворота; только Магнезія на Сипилѣ и островъ Родосъ остались вѣрны римлянамъ и защищались до послѣдней крайности. Сдѣлавшись обладателемъ Малой Азіи, Митридатъ воспользовался озлобленіемъ жителей противъ римлянъ. Сначала онъ велѣлъ посадить на осла одного изъ римскихъ полководцевъ, Манія Аквилія, возбудившаго къ себѣ сильную ненависть своими поборами и военнымъ деспотизмомъ, возить его по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Малой Азіи и наконецъ залить ему горло растопленнымъ золотомъ. Потомъ Митридатъ устроилъ своего рода сицильянскія вечерни, приказавъ въ назначенный день перебить всѣхъ римлянъ, жившихъ въ малоазійскихъ городахъ. Это повелѣніе было исполнено жителями съ большею готовностью, и стоило жизни отъ 80-ти до 150-ти тысячамъ римлянъ (88 г. до р. Х.).

Митридатъ завладѣлъ также всѣми островами Эгейскаго моря, кромѣ Родоса, и отправилъ съ войскомъ и флотомъ въ Грецію

лучшаго полководца своего, Архелая, чтобы предупредить римлянъ, которые готовились тогда начать противъ него войну. Архелай овладѣлъ прежде всего Аѳинами; когда они выслали къ нему на встрѣчу посольство, онъ добровольно уступилъ имъ нѣкоторые изъ завоеванныхъ острововъ, подарилъ захваченныя на островѣ Делосѣ священныя сокровища, и, отправивъ съ этими сокровищами въ Аѳины одного изъ аѳинскихъ пословъ, философа Аристіона, далъ ему для прикрытія двѣ тысячи человѣкъ. Съ помощью этихъ солдатъ Аристіонъ утвердилъ свое господство въ городѣ и заключилъ тѣсный союзъ съ Митридатомъ. Сдѣлавъ Аѳины своею главною квартирою, Архелай велѣлъ объявить свободу всей Греціи. Беотія, Ахаія и Спарта тотчасъ же соединились съ нимъ для борьбы противъ Рима, и уже власть Митридата грозила распространиться на прочіе города Греціи и Македонію, когда появился Сулла и остановилъ успѣхи войскъ Митридата (87 до р. Х.).

8. Сулла и Митридатъ VI.

Уничтоживъ своихъ враговъ въ Римѣ, Сулла поспѣшно посадилъ свое войско на корабли и поплылъ съ нимъ прямо къ Аѳинамъ. Высадившись на берегъ, онъ началъ осаду этого города, который Архелай защищалъ такъ искусно, что защита эта можетъ назваться величайшимъ военнымъ подвигомъ знаменитаго понтійскаго полководца. При осадѣ и взятіи Аѳинъ Сулла поступалъ съ крайнею жестокостью и не пощадилъ имущества ни боговъ, ни простыхъ смертныхъ. Онъ не задумался разграбить храмы дельфійскій и олимпійскій и другія греческія святилища, и, чтобы взять скорѣе Аѳины, велѣлъ опустошить прекрасную увеселительную рощу Академіи и всѣ памятники въ окрестностяхъ города, казавшіеся всему міру священными и неприкосновенными со времени Платона и Аристотеля. Пять разъ Сулла безуспѣшно водилъ свои войска на приступъ, и только послѣ шестаго приступа городъ очутился въ его рукахъ. Неистовство римскихъ солдатъ не имѣло

предѣловъ: правда, Сулла пощадилъ великолѣпные памятники искусства, находившіеся въ города, но тѣмъ съ большимъ остервенѣніемъ свирѣпствовали его хищныя и кровожадныя толпы противъ гражданъ; въ Пиреѣ же онъ самъ велѣлъ сжечь всѣ зданія и даже знаменитый аѳинскій арсеналъ, художественное произведеніе, возбуждавшее общее удивленіе. Жителей города постигла бы вѣроятно еще худшая участь, если бы нѣкоторые аѳиняне, изгнанные прежде изъ отечества за свою преданность римлянамъ, не вымолили имъ пощады. Потерявъ Аѳины, Архелай отступилъ въ Беотію. Очень хорошо понимая, что ему съ его варварскими ордами невозможно бороться съ римскимъ войскомъ, предводимымъ Суллою, онъ не хотѣлъ вступать съ нимъ битву, но товарищъ его, Таксилъ, былъ другаго мнѣнія и при Херонеѣ заставилъ его дать сраженіе, окончившееся ихъ пораженіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ вторично разбитъ при Орхоменѣ. Въ послѣднемъ сраженіи счастье благопріятствовало сначала Митридату; войска Суллы начали отступать и онъ былъ бы непремѣнно разбитъ, еслибы не успѣлъ во время ободрить ихъ. Соскочивъ съ коня, онъ вырвалъ знамя изъ рукъ знаменосца и одинъ бросился на встрѣчу непріятелю, закричавъ бѣжавшимъ солдатамъ: „я предпочитаю смерть бѣгству; и когда васъ спросятъ потомъ, гдѣ вы измѣнили вашимъ полководцамъ, отвѣчайте: при Орхоменѣ.“ Пристыженные солдаты остановились, сомкнули свои ряды, ринулись снова на непріятелей и одержали рѣшительную побѣду.

Сулла получилъ такое высокое мнѣніе о воинскихъ способностяхъ Архелая, что во многихъ случаяхъ выказывалъ ему особенное уваженіе; воспользовавшись расположеніемъ римскаго полководца, Архелай, у котораго послѣ двукратнаго пораженія уцѣлѣлъ только флотъ, заключилъ миръ, выгодный для своего повелителя. Ему помогло еще то обстоятельство, что Цинна и Марій, получивъ перевѣсъ въ Римѣ, стали жестоко преслѣдовать приверженцевъ Суллы, и тогда же отправили въ Грецію войско подъ предводительствомъ консула Луція Валерія Флакка, которому поручили вести войну противъ Ми-

тридата вмѣсто смѣщеннаго Суллы. Архелай предложилъ своему противнику оставить Малую Азію за Митридатомъ, обѣщавъ для борьбы съ партіею Марія помощь деньгами, войскомъ и кораблями. Не смотря на исключительное положеніе, въ которомъ находился Сулла, онъ имѣлъ еще на столько національной гордости, чтобы отвергнуть подобный договоръ. Архелай согласился на другія условія, весьма выгодныя для Суллы. Хитрый Митридатъ, понимавшій, что предстоящая междоусобная война между Суллою и его противниками вскорѣ доставитъ ему благопріятный случай къ новымъ завоеваніямъ, далъ полномочіе своему полководцу окончить войну на какихъ бы то ни было условіяхъ. Архелай обѣщалъ отъ имени своего государя, что занятыя имъ Виѳинія, Каппадокія и Галатія будутъ возвращены ихъ прежнимъ владѣтелямъ, а Пафлагонія и провинція Азія отданы въ распоряженіе римлянъ, и что сверхъ того самъ Сулла получитъ 2000 талантовъ (около $2^1/_2$ мил., руб., сер.,) и семьдесятъ военныхъ кораблей. По заключеніи мира, Сулла двинулся къ Геллеспонту, чтобы оттуда перебраться въ Малую Азію. Митридатъ медлилъ выполненіемъ договора, ожидая битвы между Суллою и азіатскимъ войскомъ приверженцевъ Марія и надѣясь извлечь изъ нея выгоду для себя, но вскорѣ онъ принужденъ былъ согласиться на договоръ, еще менѣе выгодный, потому что въ нѣкоторыхъ странахъ Малой Азіи вспыхнули противъ него возстанія, а легатъ Суллы, Луцій Лициній Лукуллъ, появился на Геллеспонтѣ съ флотомъ, собраннымъ въ Родосѣ, Египтѣ и другихъ странахъ, для переправы римскаго войска въ Малую Азію.

Суллѣ предстояло тогда сразиться еще съ римскимъ войскомъ, отправленнымъ противниками его въ Азію. Войско это находилось сначала подъ командою Валерія Флакка, избраннаго консуломъ по смерти Марія, но такъ какъ онъ не отличался военными талантами, то въ легаты ему назначили развратнаго и безнравственнаго Кая Флавія Фимбрія, пользовавшагося репутаціею искуснаго полководца. Видя, что его начальникъ дѣлаетъ ошибку за

ошибкою, онъ рѣшился воспользоваться его неспособностью, чтобы свергнуть его и самому занять его мѣсто. Недовольство солдатъ, озлобленныхъ противъ Флакка за его строгость и начавшихъ перебѣгать къ Суллѣ, обнаружившееся въ Ѳессаліи, облегчило Фимбріи достиженіе его цѣли. Напавъ однажды на консула и умертвивъ его, онъ объявилъ себя предводителемъ войска, и съ тѣхъ поръ искусно и счастливо велъ войну съ Митридатомъ. Самъ царь едва не попался къ нему въ плѣнъ. Онъ принудилъ Митридата укрыться въ одномъ маленькомъ приморскомъ городкѣ, и, окруживъ его съ сухаго пути, просилъ легата Суллы, Лукулла, стоявшаго по близости съ своимъ флотомъ, запереть гавань; но Лукуллъ не хотѣлъ ни принять посла Фимбріи, ни помочь ему окончить войну съ Митридатомъ и такимъ образомъ далъ царю возможность бѣжать. Вскорѣ послѣ того былъ заключенъ миръ между Суллою и Митридатомъ, и Сулла тотчасъ же обратился противъ Фимбріи, съ войскомъ котораго онъ уже вступилъ въ переговоры. Ставъ лагеремъ подлѣ самаго войска Фимбріи, онъ всевозможными уловками сталъ переманивать къ себѣ солдатъ своего противника, потребовавъ, въ то же время, чтобы Фимбрія сложилъ съ себя незаконно присвоенное имъ начальство. Фимбрія отвѣчалъ, что самъ Сулла, какъ объявленный внѣ закона, не имѣетъ права начальствовать надъ римскимъ войскомъ. Оба согласились рѣшить дѣло битвою, но войска Фимбріи отказались сражаться противъ своихъ согражданъ. Напрасно употреблялъ онъ все свое краснорѣчіе, чтобы побудить ихъ къ сраженію; они толпами стали переходить къ Суллѣ, и Фимбрія принужденъ былъ приступить къ переговорамъ. Сулла не хотѣлъ и слышать ни о какихъ условіяхъ, соглашаясь только оставить своему противнику жизнь; Фимбрія же, присвоивши себѣ званіе полководца, ни за что не хотѣлъ возвращаться такъ постыдно къ частной жизни и предпочелъ окончить свою жизнь самоубійствомъ. Онъ исполнилъ свое намѣреніе съ твердостью, рѣшимостью и спокойствіемъ, достойными лучшаго человѣка (84 до р. Х.).

Сулла передалъ начальство надъ легіонами Фимбріи одному

изъ своихъ легатовъ, поручивъ ему возстановить на престолѣ царей Виѳиніи и Каппадокіи. Самъ же прошелъ по всей провинціи Азіи, чтобы наказать жителей за отпаденіе ихъ отъ Рима и умерщвленіе поселившихся между ними римлянъ. Сулла поступилъ съ нею, какъ съ страною завоеванною, и Малая Азія никогда уже не могла выйти изъ того бѣдственнаго положенія, въ которое онъ повергнулъ ее. Города, храмы и общественныя зданія были опустошены, и несчастные жители не только должны были доставлять солдатамъ Суллы роскошное содержаніе, двойной комплектъ одежды и ежедневное жалованье въ $3^1/_2$ руб. сер. на каждаго рядоваго и почти втрое болѣе на каждаго военачальника, но и выплатить за пять лѣтъ подати, въ количествѣ около 26 милліоновъ руб. Чтобы уплатить такую громадную сумму, нѣкоторые города были принуждены занять деньги у римскихъ капиталистовъ и заплатить за то неслыханные проценты, уплата которыхъ на всегда уничтожила благосостояніе страны.

9. Сулла властитель Рима.

Въ то время какъ Сулла опустошалъ войною Грецію и Малую Аізю, Италія испытывала всѣ ужасы междоусобной распри и тысячи людей приносились въ жертву мщенію и корыстолюбію партій. Кто хотѣлъ спасти себя, тотъ долженъ былъ бѣжать къ Суллѣ или къ немногочисленному войску, находившемуся еще въ Италіи и непризнававшему власти новыхъ тиранновъ. Число сенаторовъ, перешедшихъ къ Суллѣ, было такъ велико, что онъ могъ составить изъ нихъ полный анти-сенатъ. Но болѣе всего помогла ему неистовая ярость его противниковъ и ихъ система управленія; они дѣйствовали въ его пользу лучше, чѣмъ бы могъ дѣйствовать самъ Сулла или его друзья. Партія Марія позволила даже консулу Валерію Флакку провести законъ, по которому заимодавцы имѣли право требовать отъ своихъ должниковъ только четвертую часть занятой у нихъ суммы Впрочемъ ис-

ключительно употреблявшіяся въ началѣ насильственныя мѣры, которыя никогда не были одобряемы Цинною, прекратились со смертью Марія; но произволъ господствовалъ по прежнему. Партія Марія была тѣмъ сильнѣе встревожена извѣстіями о побѣдахъ Суллы, что, по смерти Марія и Фимбріи, у нихъ не оставалось ни одного человѣка, способнаго командовать войскомъ. Цинна, стоявшій во главѣ партіи и бывшій консуломъ четыре года сряду (87—84 г. до р. X.), умеръ вскорѣ по высадкѣ Суллы въ Италію; изъ прочихъ же вождей съ Суллою и его полководцами не могли соперничать ни Кней Папирій Карбонъ, бывшій, по смерти Валерія Флакка, два года товарищемъ Цинны, ни оба консула 83 г. до р. X., ни Кай Марій Младшій, заступившій ихъ мѣсто въ товариществѣ Папирія Карбона и наслѣдовавшій отъ своего отца только жестокость и суровость. Единственный способный человѣкъ изъ этой партіи, Серторій, не пользовался почти никакимъ вліяніемъ.

При извѣстіи о предстоявшемъ возвращеніи Суллы, Цинна немедленно принялъ необходимыя мѣры, чтобы встрѣтить его по ту сторону Адріатическаго моря и недопустить до переправы въ Италію. Онъ собралъ войско и уже намѣревался посадить его на суда въ Анконѣ, какъ вдругъ между его солдатами вспыхнулъ мятежъ, во время котораго онъ былъ убитъ (84 г. до р. X.). Управленіе дѣлами перешло тогда въ руки совершенно неспособнаго товарища его по консульству, Кнея Папирія Карбона, который ни въ какомъ уже случаѣ не въ состояніи былъ исполнить того, что не удалось Циннѣ. Собранное войско состояло большею частью изъ ненадежной, не привыкшей къ дисциплинѣ толпы, а всѣ мѣры, принятыя партіею Марія, никуда не годились. Въ началѣ слѣдующаго года (83 г. до р. X.) Сулла высадился въ Брундузіумѣ. Онъ привелъ съ собою не болѣе 40 тысячъ человѣкъ, но солдаты его были закалены въ походахъ и питали къ нему безграничную преданность. Множество знатныхъ римлянъ примкнули къ нему или тотчасъ же по высадкѣ

или вскорѣ потомъ, и въ короткое время большинство сената собралось въ его лагерѣ. Квинтъ Цецилій Метеллъ Пій, сынъ Метелла Нумидійскаго, и, впослѣдствіи сдѣлавшійся столь знаменитымъ, Маркъ Лициній Крассъ собрали войско въ Африкѣ, куда они бѣжали отъ преслѣдованій Марія и Цинны, и поспѣшили съ нимъ на помощь къ Суллѣ. Лициній Лукуллъ, братъ соименнаго ему легата Суллы, и Кней Помпей, сынъ Помпея Страбона, получившій впослѣдствіи названіе Великаго, точно также набрали войска въ Италіи и привели ихъ къ Суллѣ. Помпей, не смотря не на то, что ему было только 23 года, обнаружилъ такія блестящія способности, что Сулла оказывалъ ему предпочтеніе передъ самыми знаменитыми военачальниками. Вообще всѣ талантливые полководцы находились на сторонѣ Суллы, между тѣмъ какъ тогдашніе консулы, Луцій Корнелій Сципіонъ, сынъ Сципіона Азіатскаго, и Кай Норбанъ Флаккъ, не отличаясь ни искусствомъ, ни мужествомъ, не могли даже расчитывать на преданность своихъ войскъ. Вскорѣ по высадкѣ Суллы, Норбанъ былъ разбитъ и потерялъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Сципіона же хитрый Сулла задерживалъ разными переговорами такъ долго, что успѣлъ отвлечь отъ него солдатъ и переманить ихъ на свою сторону. Но, не смотря на эти побѣды, Сулла не могъ тотчасъ же двинуться къ Риму, потому что большинство итальянцевъ принадлежало къ противной партіи; ему приходилось бороться съ ними, а между тѣмъ противники его успѣли выставить противъ него новыя войска. Полтора года длилась борьба и въ теченіе этого времени большая часть итальянскихъ земель была жертвою опустошеній, убійствъ, пожаровъ и грабежей.

Въ слѣдующемъ (82 г. до р. Х.) консулами были избраны Папирій Карбонъ и Марій Младшій. Противъ П. Карбона, который долженъ былъ защищать Этрурію и Умбрію, Сулла отправилъ Метелла и другихъ полководцевъ, а самъ выступилъ противъ Марія, задумавшаго остановить его движеніе на Римъ. Карбонъ былъ

разбитъ на голову и бѣжалъ въ Африку, Сулла же напалъ на Марія близъ латинскаго города Сакрипорта, нанесъ ему рѣшительное пораженіе, велѣлъ перебить большую часть его войска, и принудилъ его отступить поспѣшно къ Пренестѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ Сулла двинулся къ Риму, гдѣ не задолго передъ тѣмъ, при извѣстіи о пораженіи Марія, были перебиты всѣ его приверженцы. Городъ безъ всякаго сопротивленія отворилъ свои ворота побѣдителю, но Сулла скоро оставилъ его, чтобы помѣшать своимъ противникамъ освободить Пренесту. Предпріятіе это удалось ему вполнѣ. Въ то же время другое войско, составленное изъ самнитовъ, кампанцевъ и луканцевъ, спѣшило къ Риму подъ предводительствомъ Понція Телезина, Лампонія и Гутты, чтобы снова вырвать этотъ городъ изъ рукъ приверженцевъ Суллы. Узнавъ объ этомъ, Сулла немедленно возвратился въ Римъ, настигъ непріятельское войско еще передъ городскими воротами и тотчасъ же вступилъ съ нимъ въ битву. Въ продолженіе всей войны ему не случалось ни разу выдерживать такого упорнаго и кровопролитнаго сраженія. Сначала счастье по видимому благопріятствовало его врагамъ; правое крыло Суллы, которымъ онъ самъ командовалъ, было приведено въ замѣшательство и оттѣснено назадъ, и онъ по всей вѣроятности проигралъ бы сраженіе, еслибы Крассъ, командовавшій другимъ крыломъ, не выказалъ себя искуснымъ полководцемъ и не вырвалъ у непріятеля побѣды смѣлымъ движеніемъ своего отряда. Съ обѣихъ сторонъ кровь лилась рѣкою. Послѣ этой послѣдней и рѣшительной битвы, Сулла сталъ дѣйствовать съ безпощадною жестокостью. Созвавъ сенатъ въ храмъ богини войны, Беллоны, онъ велѣлъ привести въ близь лежащее зданіе шесть тысячъ плѣнныхъ самнитовъ и кампанцевъ и перебить ихъ всѣхъ, въ то самое время какъ онъ дѣлалъ сенату строгій выговоръ. „Не развлекайтесь этими воплями,“ сказалъ онъ, какъ увѣряютъ, сенату, когда раздались стоны безоружныхъ плѣнниковъ;“ это нѣсколько негодяевъ, которыхъ я велѣлъ проучить.“ Вслѣдствіе побѣды надъ итальян-

цами Пренеста должна была сдаться; Сулла велѣлъ совершенно хладнокровно перебить всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе, вмѣстѣ съ самнитскимъ гарнизономъ города, въ числѣ 12 тысячъ человѣкъ. Молодой Марій самъ умертвилъ себя при сдачѣ города.

Все это служило только прелюдіей къ тому, что вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ Сулла для того, чтобы ввести и упрочить предположенныя имъ перемѣны. Онъ намѣревался изъ формъ древняго государственнаго устройства образовать новое, душою котораго была бы сильная аристократія, а чтобы сдѣлать ее непоколебимою, Сулла, не стѣсняясь ничѣмъ, рѣшился уничтожить все, что противорѣчило его планамъ или не вполнѣ соотвѣтствовало новому порядку вещей. Подобную мысль въ новѣйшее время имѣли Робеспьеръ, Сен-Жюстъ и Кутонъ, съ тою только разницею, что они думали найти опору новаго государственнаго устройства въ толпахъ, а Сулла, для поддержки своихъ учрежденій, искалъ ея въ высшемъ классѣ общества и старался доставить ему перевѣсъ убійствами и кровью. Человѣкъ, какъ Сулла, усвоившій себѣ всю образованность и испорченность своего вѣка, стоявшій на той недосягаемой высотѣ счастія, гдѣ все божественное и человѣческое, жизнь тысячи людей, всѣ ихъ знанія, мнѣнія и вѣрованія казались ничтожными и достойными презрѣнія, человѣкъ, который все видѣлъ, всѣмъ насладился и усталъ отъ всего, который, стоя во главѣ ста двадцати тысячнаго, а можетъ быть и вдвое сильнѣйшаго войска, непощадилъ въ Греціи и Малой Азіи ни одного святилища, купался въ потокахъ крови и смотрѣлъ безъ сожалѣнія на страшныя бѣдствія, имъ причиненныя,—такой человѣкъ конечно былъ способнѣе Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона дать грядущимъ поколѣніямъ новыя формы государственнаго устройства, пожертвовавъ для этого цѣлымъ поколѣніемъ, которое не могло отрѣшиться отъ своего прошедшаго. Подобно названнымъ нами дѣятелямъ французской революціи, онъ объявлялъ открыто и вовсеуслышаніе, что всѣ враги новаго, замышляемаго имъ порядка вещей, должны умереть и,

выполняя свои намѣренія также мало отступалъ отъ своихъ словъ, какъ и французскіе террористы.

Вскорѣ по избіеніи пренестинцевъ, Сулла собралъ римскій народъ и объявилъ ему, что рѣшился для общаго блага предпринять перемѣны въ государственномъ устройствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ истребить всѣхъ своихъ враговъ и враговъ народа. Затѣмъ онъ велѣлъ прибить на площадяхъ проскрипціонные списки, въ которые внесены были имена всѣхъ, обреченныхъ имъ на смерть. За убійство кого нибудь изъ внесенныхъ въ эти списки была обѣщана каждому награда въ два таланта (около 3000 руб. сер.), рабу дозволялось убивать своего господина, сыну — отца. Имѣніе проскриптовъ перешло къ новому повелителю Рима и все ихъ потомство было объявлено исключеннымъ отъ всякихъ общественныхъ должностей; но, что было всего возмутительнѣе, сыновья осужденныхъ сенаторовъ, лишаясь наслѣдства и всѣхъ преимуществъ своего сословія, должны были нести всѣ его повинности, тогда какъ члены всякой сенаторской фамиліи несли ихъ потому только, что пользовались нѣкоторыми преимуществами. Такая жестокая мѣра была еще не слыхана въ Римѣ. Всѣ ужасы, совершенные аристократами во времена Гракховъ или какимъ нибудь Сатурниномъ, Сульпиціемъ и Маріемъ, были ничтожны въ сравненіи съ дѣйствіями Суллы; никогда еще ни одному римлянину не приходило въ голову торжественно осудить на смерть всю массу своихъ противниковъ, отобрать у нихъ имущества и обогатить на ихъ счетъ разбойниковъ и убійцъ. Сулла впервые ввелъ въ употребленіе эти страшныя мѣры, разрушившія между римлянами всѣ взаимныя отношенія, основанныя на довѣріи; но къ несчастью образъ его дѣйствій нашелъ себѣ слишкомъ ревностныхъ подражателей въ послѣдующихъ узурпаторахъ и императорахъ римскихъ. Впослѣдствіи онъ увеличилъ почти вдвое проскрипціонные списки, обнародованные въ первый день, и при составленіи ихъ дѣйствовалъ точно также, какъ поступали во время французской революціи со списками эмигрантовъ. Жертвами проскрипцій сдѣ-

лались не только всѣ, поднявшіе оружіе противъ Суллы, но та же участь постигла и совершенно невинныхъ, и между прочимъ каждаго, кто обнаруживалъ сочувствіе къ осужденному или оказывалъ ему покровительство. Разбойники и убійцы, бывшіе орудіями Суллы, пользовались проскрипціями для внесенія въ списки своихъ кредиторовъ и личныхъ враговъ. Сдѣлавшійся впослѣдствіи столь извѣстнымъ, Катилина, передъ тѣмъ убившій своего брата, чтобы избѣжать наказанія, велѣлъ внести и его въ списокъ проскриптовъ. Такимъ же образомъ погибли и нѣкоторые изъ приверженцевъ Суллы. Самъ онъ смотрѣлъ на все это совершенно равнодушно; уничтоженіемъ всѣхъ противниковъ, онъ думалъ приготовить прочное основаніе для своихъ новыхъ учрежденій,—что же значило для него если бы погибло тысячъ 10 человѣкъ больше или меньше. Принципы, которыми онъ руководствовался, и безпощадное упорство, съ которымъ онъ прилагалъ ихъ къ дѣлу, ясно видны, какъ въ образѣ его дѣйствій во время этихъ сценъ убійства, такъ и въ многознаменательныхъ словахъ, произнесенныхъ имъ по одному случаю. Онъ выказывалъ холодную и обдуманную жестокость какого нибудь африканскаго владѣтеля негровъ и давалъ аудіенціи въ то самое время, какъ головы проскриптовъ валялись у ногъ его; и когда, однажды, одинъ изъ сенаторовъ спросилъ его когда окончатся казни, онъ совершенно хладнокровно отвѣчалъ, что и самъ еще не знаетъ, и тотчасъ же велѣлъ обнародовать новый спикокъ проскриптовъ. Число умерщвленныхъ, вслѣдствіе проскрипцій Суллы, достовѣрно неизвѣстно, но, по приблизительному исчисленію, число всѣхъ гражданъ, погибшихъ въ то время отъ проскрипцій и въ междоусобной войнѣ, простиралось до 100 тысячъ; число же первыхъ полагаютъ въ 40 тысячъ и между ними 2,600 всадниковъ, 90 сенаторовъ и 15 человѣкъ, бывшихъ нѣкогда консулами.

Умертвивъ нѣсколько тысячъ своихъ согражданъ безъ всякаго на то права, по одному произволу, Сулла старался придать дальнѣйшимъ своимъ дѣйствіямъ видъ законности, и для того

заставилъ провозгласить себя диктаторомъ, соединяя съ этимъ званіемъ понятіе, котораго оно никогда прежде не имѣло. Онъ велѣлъ избрать себя не на шесть мѣсяцевъ и не для одной какой либо опредѣленной правительственной цѣли (какъ это бывало всегда при назначеніи диктаторовъ), а на неопредѣленное время и для произвольнаго преобразованія государственнаго устройства. Даже самый способъ избранія былъ совершенно необыкновенный. До тѣхъ поръ былъ избранъ не сенатомъ, а народомъ, одинъ только диктаторъ, Фабій Максимъ Кунктаторъ, послѣ битвы при Тризименскомъ озерѣ. Это послужило примѣромъ, и народу было предписано слѣдующее: Сулла избирается диктаторомъ на такой срокъ, какой понадобится ему для введенія новой правительственной организаціи, и ему предоставляется полномочіе дать государству такія формы и законы, какіе онъ признаетъ самыми лучшими. Этою неограниченною властью Сулла воспользовался для введенія аристократическаго устройства, на сколько оно соотвѣтствовало его воззрѣніямъ. Онъ не думалъ сначала провозглашать себя неограниченнымъ властелиномъ Рима и основывать монархію, потому что страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ была въ немъ сильнѣе честолюбія, а честь сдѣлаться тиранномъ, по его мнѣнію, не стоила сопряженныхъ съ нею трудовъ и опасностей. Но, чтобы въ случаѣ нужды придать своимъ повелѣніямъ болѣе силы, онъ образовалъ для себя родъ кліентовъ и тѣлохранителей изъ десяти тысячъ рабовъ, принадлежавшихъ вельможамъ подвергшимся проскрипціи, и привязалъ ихъ неразрывными узами къ своей судьбѣ тѣмъ, что не только освободилъ ихъ, но далъ имъ еще право гражданства, часть конфискованныхъ имѣній, и назвалъ ихъ по своей фамиліи корнеліанцами. Самъ Сулла принялъ въ это время прозвище Феликса, т. е. счастливаго, приписывая всѣ свои успѣхи не достоинствамъ своимъ, а одному только счастью.

Монтескьё приписалъ Суллѣ намѣреніе насильно возвратить римскій народъ къ его древнимъ правамъ, но очевидно, что онъ оказалъ ему этимъ слишкомъ много чести, потому что если бы дѣй-

ствительно Сулла имѣлъ это намѣреніе, то конечно началъ бы свои преобразованія съ самого себя, а не предавался бы до конца жизни сладострастью и всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ. Сулла никогда и не думалъ о возстановленіи древняго государственнаго устройства; напротивъ того, онъ хотѣлъ основать новую аристократію и сдѣлать навсегда невозможнымъ демократію. Разумѣется, онъ старался связать свои учрежденія съ древними формами государственнаго устройства и вообще удержать изъ стараго все, что было возможно. Законы, посредствомъ которыхъ онъ стремился достигнуть своей цѣли и которые по имени его были названы законами Корнелія, были также мудры, какъ жестоки мѣры, которыми онъ хотѣлъ приготовить для нихъ почву. Нѣтъ сомнѣнія, что было бы гораздо лучше, если бы онъ понялъ, что не аристократія, а только хорошо устроенная конституціонная монархія представляла собою форму правленія, наиболѣе соотвѣтствовавшую потребностямъ тогдашнихъ римлянъ. Возобновленіе званія диктатора, которое, уже болѣе ста лѣтъ, казалось совсѣмъ вышло изъ употребленія, было несравненно страшнѣе, чѣмъ основаніе монархіи, потому что диктатура его была тираніею и военнымъ деспотизмомъ, а такое насильственное господство, водворившееся однажды, могло служить заразительнымъ примѣромъ для каждаго предпріимчиваго полководца.

Желая придать аристократіи болѣе силы и могущества, Сулла лишилъ народныхъ трибуновъ ихъ прежняго вліянія, постановивъ, чтобы въ эту должность избирались только одни сенаторы, по принятіи этого званія навсегда лишавшіеся права занимать какую нибудь другую должность. Кромѣ того онъ ограничилъ veto трибуновъ опредѣленными случаями и поставилъ его въ зависимость отъ рѣшенія сената. Самый сенатъ, значительно уменьшившійся во время бурь междоусобной войны, онъ усилилъ назначеніемъ въ него трехъ сотъ новыхъ членовъ изъ сословія всадниковъ. Сулла увеличилъ также и число должностныхъ лицъ: квесторовъ — до двадцати, преторовъ — до восьми, а верховныхъ жре-

цовъ и авгуровъ — до пятнадцати. Далѣе онъ постановилъ правиломъ, чтобы при раздачѣ должностей соблюдалась извѣстная постепенность, и пополненіе состава коллегіи верховныхъ жрецовъ, перешедшее въ послѣднее время къ народу, предоставилъ по прежнему ея собственному избранію. Подобными мѣрами онъ думалъ уничтожить вліяніе нѣкоторыхъ фамилій и возстановить снова могущество аристократіи, превратившейся въ олигархію. Онъ старался также положить предѣлъ притязаніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вельможъ, издавъ постановленіе, по которому сенатъ только въ присутствіи опредѣленнаго числа членовъ имѣлъ право пріостанавливать дѣйствіе законовъ. По той же причинѣ онъ запретилъ полководцамъ и намѣстникамъ начинать войну безъ дозволенія сената, что прежде случалось довольно часто. Сулла возвратилъ сенату право суда, отнятое у него со времени Кая Гракха, и въ то же время издалъ строгія постановленія противъ злоупотребленій судебною власть. Онъ старался также ослабить тираннію римлянъ надъ провинціями и союзными государствами и вообще связать интересы ихъ жителей съ интересами господствующей аристократіи, чтобы тѣмъ дать ей еще болѣе возможности держать въ зависимости народныя массы въ Римѣ и денежную аристократію всадниковъ. Сюда относятся между прочимъ изданные имъ законы противъ лихоимства и подлоговъ. Для возвышенія глубоко упавшей нравственности римлянъ, онъ установилъ особыми законами строгія наказанія противъ нарушенія супружеской вѣрности, отравленія, лжесвидѣтельства, поддѣлки документовъ и монеты и другихъ преступленій. Какъ превосходны были подобныя постановленія и лежавшія въ основаніи ихъ намѣренія, такъ вредны были два другихъ закона. Однимъ изъ нихъ подтверждались его распоряженія относительно имуществъ и потомства проскриптовъ, и слѣдовательно значительное число гражданъ навсегда устранялось отъ занятія правительственныхъ должностей. Другимъ — было положено основать въ Италіи нѣсколько колоній, и въ нихъ переселить на счетъ государства, въ награду за ихъ заслуги, всѣхъ граж-

данъ (въ числѣ 120 тысячъ), служившихъ нѣкогда подъ начальствомъ Суллы. Для выполненія этой послѣдней мѣры, Сулла велѣлъ истребить и изгнать изъ ихъ жилищъ жителей городовъ и областей, обнаружившихъ враждебное расположеніе къ нему.

Сулла не достигъ цѣли, къ которой были направлены его реформы, потому что не могъ измѣнить духа времени, а собственный его примѣръ наносилъ такой вредъ, котораго не искупали всѣ предпринятыя имъ перемѣны. Лучшіе изъ его законовъ совсѣмъ не были приведены въ исполненіе или оставались въ силѣ не долгое время, тогда какъ начатыя имъ проскрипціи и конфискаціи имуществъ производились впослѣдствіи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Гибельные примѣры его и его друзей не только еще болѣе развратили нравы, но и парализовали всѣ законы, имѣвшіе цѣлью очищеніе общественной нравственности, а чрезмѣрная расточительность и распутство, которымъ предавался онъ самъ и всѣ его окружающіе, сдѣлали невозможнымъ задуманное имъ возстановленіе настоящей аристократіи и должны были только содѣйствовать образованію новой олигархіи. Съ тѣхъ поръ, по примѣру Суллы и его друзей, всякій, кому удавалось достигнуть высшихъ должностей, окружалъ себя такою же пышностью, которою ввелъ въ употребленіе Сулла. Долги и зависимость однѣхъ фамилій отъ другихъ снова стали распространяться между аристократіею, постоянно увеличиваясь, по мѣрѣ умноженія должностныхъ лицъ, вслѣдствіе закона Суллы о должностяхъ. Еще при жизни Суллы, его друзья Лукуллъ, Помпей, Крассъ, Метеллъ и другіе образовали новую олигархію. Самъ онъ пользовался такою неограниченною властью, какой до него недостигалъ еще ни одинъ римлянинъ, а всемогущее вліяніе, предоставленное имъ своему служителю, Х р и с о г о н у, было для римлянъ прелюдіей того владычества отпущенниковъ и наперсниковъ, которое сто лѣтъ спустя достигло такого страшнаго развитія при императорахъ.

Сулла удерживалъ предоставленную ему чрезвычайную власть

въ продолженіе двухъ лѣтъ (81 и 80 г. до р. Х.): въ первый годъ онъ велѣлъ избрать двухъ консуловъ, которые были совершенно подчиненными ему лицами, а во второй самъ былъ и диктаторомъ и консуломъ, назначивъ себѣ товарищемъ Метелла Пія. На третій годъ (79 до р. Х.) онъ не только отказался отъ консульства, но совершенно неожиданно сложилъ съ себя диктаторскую власть; утомленный нравственно и физически, онъ стремился только къ покою и наслажденіямъ, и могъ оставить дѣла съ полною увѣренностью, что никто не осмѣлится измѣнить ни одной буквы въ его постановленіяхъ, и что если только ему вздумается, онъ во всякое время можетъ захватить себѣ прежнюю власть. Противниковъ, которые могли бы помѣряться съ нимъ силами, у него болѣе не оставалось; всѣ они были совершенно уничтожены въ первые два года его диктаторства, бѣжавъ послѣ пораженія ихъ войска въ Сицилію, Африку и Испанію. Бѣжавшіе въ Испанію, которыми начальствовалъ Серторій, были разбиты однимъ изъ легатовъ Суллы и принуждены скрыться въ отдаленной части полуострова. Впрочемъ Папирію Карбону, Кнею Домицію Агенобарбу, зятю Цинны, и другимъ противникамъ Суллы удалось собрать въ Сициліи и Африки до 20 тысячъ человѣкъ и привлечь на свою сторону одного изъ незначительныхъ нумидійскихъ владѣтелей, Гіарба. Противъ нихъ Сулла отправилъ своего любимца Помпея, доставивъ ему еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ случай заслужить себѣ общее уваженіе и сдѣлаться съ той минуты однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ исторіи. Сулла, считавшій себя больше баловнемъ судьбы, чѣмъ великимъ человѣкомъ, оказывалъ Помпею предпочтеніе передъ всѣми своими полководцами, потому что въ самыхъ первыхъ подвигахъ его замѣтилъ ту же благосклонность судьбы, которая во времена его собственной юности отдала ему въ руки Югурту и покрыла его такою славою въ войнѣ съ кимврами. Конечно, вникнувъ глубже во всѣ обстоятельства, мы не найдемъ ничего удивительнаго въ томъ, что Помпей уже на двадцатъ третьемъ году жизни могъ играть такую значительную

роль. Во время союзнической войны отецъ его, Кней Помпей Страбонъ, истребилъ почти всѣхъ пиценовъ и водворилъ въ ихъ странѣ новое поселеніе, которое съ того времени считало себя чѣмъ-то въ родѣ кліентовъ его и его фамиліи. Сверхъ того разными постыдными средствами онъ составилъ себѣ громадное богатство и тѣмъ далъ своему сыну возможность еще болѣе утвердить свое наслѣдственное вліяніе. По смерти Цинны, молодой человѣкъ, не занимая никакой общественной должности, составилъ себѣ въ Пиценумѣ особый отрядъ, привлекъ къ себѣ остатки войска своего отца, и съ этою собственно имъ созданною силою пошелъ на встрѣчу къ Суллѣ. Дорогою онъ наткнулся на консула Сципіона, который, лишившись своихъ войскъ, перешедшихъ къ Суллѣ, составилъ себѣ новую армію; переманивъ отъ него и это войско, Помпей присоединилъ его къ своему. Разбивъ потомъ Папирія Карбона, думавшаго преградить ему путь, онъ наконецъ благополучно соединился съ Суллою. Сулла былъ до такой степени восхищенъ подвигами молодаго человѣка, что при первой же встрѣчѣ привѣтствовалъ его императоромъ, — почетнымъ титуломъ, который давался очень рѣдко и только отличнѣйшимъ полководцамъ. Съ тѣхъ поръ Сулла выказывалъ всегда чрезвычайное расположеніе къ Помпею, чему можетъ быть содѣйствовало и то, что изъ всѣхъ окружавшихъ Суллу этотъ молодой человѣкъ изъявлялъ наибольшую готовность исполнять всѣ насильственныя мѣры своего начальника. Послѣ того Помпей продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ междоусобной войнѣ въ Италіи, и былъ отправленъ Суллою противъ его враговъ, бѣжавшихъ въ Сицилію и Африку. Помпей разбилъ и взялъ въ плѣнъ Папирія Карбона; но онъ обезчестилъ себя, подвергнувъ самому недостойному униженію, а потомъ и смертной казни, этого человѣка, который нѣкогда передъ судомъ спасъ его состояніе. Изъ Сициліи Помпей отправился въ Африку, для веденія войны противъ Домиція и Гіарба. Во главѣ шести легіоновъ ему не трудно было побѣдить обоихъ враговъ, всѣ силы которыхъ онъ уничтожилъ однимъ ударомъ. Двадцати четырехъ лѣтній

Помпей (81 г. до р. X.) возвратился въ Римъ, ослѣпленный счастьемъ увѣнчанный побѣдою и гордый сознаніемъ, что Сулла преимущественно ему обязанъ былъ утвержденіемъ своего владычества. Съ этого времени Сулла пересталъ довѣрять ему и дружба ихъ стала охладѣвать, хотя хитрый диктаторъ остерегался возстановить, противъ себя молодаго человѣка, умѣвшаго до такой степени привязать къ себѣ войско.

Сложивъ съ себя диктаторскую власть, Сулла удалился отъ дѣлъ и отправился въ свое кампанское помѣстье. Здѣсь онъ предался вполнѣ необузданной чувственности и сладострастью. Распутство его было причиною отвратительной болѣзни, которая черезъ годъ послѣ его отреченія окончила его жизнь мучительною смертью. Преемникомъ его славы и главою аристократической партіи сдѣлался Кней Помпей Великій, обязанный ему первымъ своимъ счастьемъ и которому онъ самъ былъ обязанъ частью своихъ побѣдъ.

КОНЕЦЪ 3-ГО ТОМА.

Стр. 317, строка 4 снизу, напечатано: Финтіи, читай: Пиѳіи.